АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И СЕКТОР АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Г.А.Гейбуллаев

К ЭТНОГЕНЕЗУ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ

(ИСТОРИКО –ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Баку – «Элм» - 1991

Гейбуллаев Г.А.К этногенезу азербайджанцев, т.1 – Баку: Элм, 1991. – 552 с.
ISBN 5-8066-0425 – X

В монографии, представляющей первый том обобщающего труда. Подробно исследованы актуальные вопросы этногенеза азербайджанского народа с древнейших воемен до XI-XII вв. Освещено современное состояние проблемы, этнический состав Албании и Атропатены (тюркоязычные., кавказоязычные, ираноязычные и др. племена); прослежены особенности сложных этнических процессов, происходивших в Албании и Атропатене, намечены основные этапы формирования азербайджанского народа. Специальная глава посвящена происхождению азербайджанского языка и этапов его формирования.

В монографии остро критикуются господствующие в науке теории этногенеза азербайджанцев, высказывается ряд дискуссионных положений.

Автором выдвинута и обоснована на большом фактическом материале с привлечением обширных данных ономастики новая концепция этногенеза азербайджанского народа, утверждается ведущая роль тюркских и тюркоязычных элементов в этом процессе начиная с древнейших времен и до конца раннего средневековья.

Г 050302907 Без объявления
655 (07) - 90

Гейбуллаев Г.А., 1991 г.

ОТ РЕДАКТОРА

Проблема этногенеза вообще и этногенеза отдельного конкретного народа, в частности, является одной из самых сложных проблем истории. Она. Как правило, решается совместными усилиями специалистов, анимающихся исследованием различных гуманитарных дисциплин. При решении проблемы этногенеза привлекаются данные истории, археологии. Этнографии, антропологии, лингвистики и др. Даже с привлечением широкого круга источников не всегда удаётся окончательно выяснить эту сложную проблему. Поэтому не каждый специалист решается заниматься вопросами этногенеза.

Зарождение народа – результат длительного исторического процесса. Как крупные реки образуются от небольших притоков, так и большие народы образовались от слияния отдельных родственных, а иногда и неродственных, племён и народностей. На этот процесс оказывали влияниен различные факторы: социально-экономическое развитие общества, предвижения наодов, политические события и т.д.

В этом длительном и сложном процессе одни народы ассимилировались, потеряли свои языки, харакиерные признаки, появились новые народы. Эти процессы происходят всегда.

Так, перестали существовать народы, создавшие в древности великие и сильные государства, выфсокую культуру: шумеры, аккадцы, египтяне, хетты, ассирийцы, урарты и многие другие. Другие народы на свои современные территории обитания пришли из других географических регионов и ассимилировали местное население. Так, арийские племена переместились на территорию современногог Ирана, ахейские племена – на Балканский полуостров и т.д. Многие народы пришли из других географических регионов.

Приведём несколько других общеизвестных примеров. В древности на территории Франции говорили на кельтском языке. Но эту территорию захватили древние римляне и местный язык стал латинским. Современный французский язык формировася на основе латинского языка. Затем территорию Франции захватили франкские племена, изменилось название страны. После открытия Америки подобные крупные изменения происходили на Американском континенте. Можно привести очеь много иаких примеров. Таким образом, «чистых» народов, можно сказать, почти что нет.

Однако вопросы этногенеза каждого народа всегда привлекают внимание не только специалистов, но и широкого круга читателей. Поэтому каждая работа в этой области заслуживает обсуждения.

Большое внимание. Особенно за последние годы, уделяется вопросу происхождения азербайджанскошо народа – это вопрос занимал многих специалистов. Данной проблеме или отдельным её аспектам посвящаются специальные научные статьи, доклады на научныхз семинарах и симпозиумах – за последние годы в этом деле заметен определённый прогресс.

Однако следует отметить, что проблема происхождения азербайджанского
народа и его языка все еще остается дискуссионной и полной ясности в этом вопросе нет. Это создает условия для фальсификации происхождения азербайджанского народа в зарубежной, порой советской, в частности, армянской исторической литературе. Некоторые исследователи утверждают, что азербайджанцы являются исключительно тюркизированным после XI—XII вв. местным населением — ираноязычным на юге, кавказоязычным на севере. Собственно говоря, в азербайджанской историографии проблема эта не имеет концептуального подхода, и, следовательно, вопрос происхождения азербайджанского народа остается недостаточно разработанным.

Поэтому острая необходимость в специальном изучении этого вопроса несомненна.

Автор настоящей работы Г. А. Гейбуллаев — признанный в республике специалист в исследовании топонимии Азербайджана в историко-этнографическом аспекте. Уже двадцать пять лет он регулярно занимается изучением топонимии Азербайджана, в результате чего им было опубликовано более 60 научных статей и две монографии. Он заслуженно считается серьезным исследователем, привлекшим к анализу широкий объем топонимов, в том числе
древних, в настоящее время не существующих, как исторический источник для разработки вопросов этнической истории азербайджанцев.

Поэтому неудивительно, что проблема этногенеза азербайджанцев стала предметом исследования Г. А. Гейбуллаева, ибо некоторые вопросы этой проблемы в той или иной степени разработаны им в предшествующих работах.

Объемистая работа автора «К этногенезу азербайджанцев» рассчитана на два тома. Настоящий том охватывает вопросы этногенеза азербайджанцев с древнейших времен до XI—XII вв. А во втором томе, по замыслу автора, эта проблема будет охвачена, начиная с указанных веков до конца XIX века. Такое деление не случайно: по мнению автора, формирование азербайджанского народа и его языка к концу раннего средневековья уже было завершено.

Работа развертывает перед читателем панораму этнической истории процессов, происходивших на территории Азербайджана как на юге, так и на севере. В ней затронуты многочисленные аспекты этой сложной проблемы.

В монографии автор выдвинул новую концепцию и все изложение подчинено ее обоснованию. Следует отметить, что основными аргументами в подтверждение этой концепции являются ономастические изыскания

самого автора и его интерпретация исторических сведений в новом свете. Суть выдвинутой концепции сводится к следующему.

Уже начиная с I тысячелетия до н. э. на территории Манны и Мидии обитали тюркские (шире— алтайские) племена. Когда и откуда они появились —неизвестно. Тюркоязычными в частности были носители этнонимов *мадай* и *манна*. Кроме того, упоминаемые в ассирийских и античных источниках некоторые племена в Мидии также являлись племенами тюркского происхождения. Правда, там обитали также хурритоязычные и эламоязычные, а также ираноязычные племена, но они никогда не составляли большинства по сравнению с тюркскими. Тюрками были носители этнонимов *ашкузай* (т. е. *скиф*), *киммер* и *сак*, появившиеся там в VIII—VII вв. Именно эти тюркские этнические общности составляют ядро азербайджанцев на юге. Атропатенский народ, сложившийся на рубеже нашей эры был тюркским. В ранне средневековье туда прлоникали различные тюркские племена, и консолидация их с местными или более древними тюрками способствовала складыванию азербайджанцев как народа на юге. Упоминаемый язык азери автор считает языком ираноязычных племён Атропатены, а не языком атропатенского народа.

В отношении Албании говорится, что носители этнонимов *албан, каспи, гаргар, гугар, сак* были тюрками. На основании этимологизирования топонимов V – VIII вв. считается. Чтов враннем средневековье в Албании обитали также носители этнонимов аран, гунн, катак, гороз, чол,кол, тертер, печенег, савар и др. На севере от Куры обитали также кавказоязычные и ираноязычные племена, но они составляли меньшинство. Предполагается, что ан почве консолидации части лабнов, принявших исламскую религию. С раннесредневековыми тюркскими племенами, в основном хазарами, кыпчаками, суварами и др. , к X в. сложился азербайджанский народ на севере, причём этот процесс протекал в обеих частях Азербайжана взаимосвязано. Итак, по концепции автора, ко времени появления сельджуков-огузов в XI-XII вв. азербайджанский народ в основном уже сложился. Огузы, по его мнению, лишь увеличили численность тюрков в Азербайджане и принимали участие в этногенезе в средних веках, консолидируясь с азербайджанцами.

Такие основные положения предложенной концепции. Надо отметить, что все эти свои положения автор постарался подкрепить ономастическими данными и письменными источниками. При этом он широко привлекал исследования своих предшественников.

Безусловно, вработе надо отметить ряд новых. Заслуживающих внимания выводов. Их, по нашему мнению, можно разбить на три части: бесспорные, спорные и предположения.

К первой группе относятся:

1.Определение этнической принадлежности албанских племен раннего средневековья, упомянутых в античных, древнеармянских, древнегрузинских и других источниках (гел, лбин, силв, hep, гат) – предков современных ингилойцев, аварцев, крызцев-хапутлинцев и хиналугцев.

2. Этимологи ряда топонимов в Албании (Аранрот, Гаргар, Мец-Аран, Мец-Колман, Гороз, Урду, Пазканк, Тертер, Чол, Харгнлан и др.) на почве тюркских языков – вывод об обитании в Албании племён аран, чол, хурс (горос), кергил, гаргар, печенег, кангар, тертер и др.

3. Этимология ряда топонимов личных имён Албании 9Орис, Аратан, Урнайр, Урбатайр, Конак, Гор, Давтак и др.) на почве тюркских языков.

Ко второй группе выводов, требующих дополнительных аргументов. Можно отнести следующие положения.

1.Тюркоязычности племени албан. Правда, приведенные объяснения на почве тюркских языков указанных выше топонимов и антропонимов позволяют предполагать, что носители этнонима албан были тюркским племенем. Однако, относятся ли указанные топонимы и антропонимы имеено к этому племени – неясно. Поэтому предположение о тюркской принадлежности конкретно племени алабан требует новых аргументов.

2. Более чем спорным следует считать положение о тюркоязычности скифов, киммеров и саков. В литературе, как зарубежной, так ис советской. Они считаются Североиранскими племенами. Правда приведены этнонимические параллели и ономастические факты, однако, по нашему мнению, они недостаточны.

3. Положение о тюркоязычности атропатенского народа. Нет в работе (их не существует вообще) доказательств в пользу этого положения, его вывод обоснован только логически.

К третьей группе мы относим предположения автора о тюркской принадлежности носителей этнонимов мадай и манна, а также шести мидийских племен. Дело в том, что приведенные этимологии ряда топонимов и антропонимов на территории Манны и Мидии 1-тысячелетия до н. э., по нашему мнению, хотя и не лишены интереса, однако во многих случаях недостаточно убедительны. Нам кажется, что неубедительно и положение о тюркоязычности касситов и каспиев.

Отмечая слабые и сильные стороны труда Г. А. Гейбуллаева, в то же время следует отметить, что его аргументы отнюдь не являются голословными утверждениями. В работе предложено много новых, смелых и даже дерзких этимологии ономастических единиц, и в результате этого сделаны серьезные выводы, которые просто так, одним махом не следует отвергать.

В работе имеются и другие малоубедительные выводы или положения автора, например, о наличии под одними названиями разных областей в сравнительно небольшом географическом регионе. По-видимому, не всегда чересполосно были расположены отдельные племена или народности, как это отмечено в книге. Конечно, автор при этом базируется на сведениях письменных источников, особенно античных. Но к этим

сведениям следует относиться несколько критически. Так, очень часто античные авторы приводили свои сведения понаслышке. При этом их информаторы излагали им свои данные не совсем последовательно хронологически и территориально. Мы досконально знаем немало неточностей относительно гидронимов, оронимов, топонимов, содержащихся в античных источниках. Например, Геродот в V в. до н. э. приводил достаточно точные сведения о Каспийском море. Но позже, как это ни парадоксально, после экспедиции Патрокла по исследованию Каспийского моря в 283—282 гг. до н. э., античные авторы стали считать, что море это соединяется с океаном. По античным источникам, река Араке, Кавказские горы имеются и в Средней Азии. Таких примеров можно привести много.

Однако ошибки или неточности автора оправданы и в какой-то степени неизбежны при исследовании такого кардинального, большого и очень запутанного вопроса, как этногенез азербайджанцев.

К чести автора настоящей работы следует констатировать, что именно благодаря его изысканиям мы имеем сегодня представление о ряде вопросов этногенеза на территории Азербайджана. Работа Г. А. Гейбуллаева представляет серьезный научный интерес как первое монографическое исследование проблемы этногенеза азербайджанцев. Нам кажется, что многие положения автора заслуживают высокой оценки и их следует в дальнейшем учитывать при подготовке «Истории Азербайджана».

Достоинства рецензируемой работы налицо: автор шел новым путем, выдвинул новые идеи, нельзя не согласиться с рядом его выводов. В работе ясно видны его эрудиция и научная смелость.

Дальнейшее исследование этой проблемы, по нашему мнению, позволит восполнить некоторые пробелы, содержащиеся в работе. Но тем не менее заслуги автора настоящей работы в изучении истории азербайджанского анрода бесспорны, хотя некоторые вывлды его относительно этногенеза азербайджанского народа диаметрально противоположны апробированным выводам других исследователей.

Исходяиз сказанного дать однозначную оценку этой работы трудно. Наверное, эта книга вызовет широкий отклик в научном мире, но заранее можно сказать одно: никому не удастся лтвергнуть ряд выводов автора – это несомненно.

Итак, перед нами первая большая монографическая работа по этногенезу азербайджанцев. При всех своих спорных и даже неубедительных положениях её следует считать крупным вкладом в этническую историю Азербайджана. Думается, настоящая книга будет серьёзной базой для будущих исследований в этой области.

ИЛЬЯС БАБАЕВ
доктор исторических наук

Гейбуллаев Г.А.К этногенезу азербайджанцев
Памяти моего покойного брата — участника Великой Отечественной войны Мусадика Аскер оглы Абдуллаева (1922— 1974) посвящаю

П Р Е Д И С Л О В И Е

Во всех исследованиях по древней истории Востока территория Азербайджана, как на юг, так и на север от Аракса, отнесена к древнейшим очагам цивилизации. Как показали результаты археологических раскопок, с глубокой древности на этой территории обитали сложившиеся этносы, некоторые из которых по языковой и этнической принадлежности были однородными. И. М. Дьяконов в этой связи писал: «Судя по памятникам материальной культуры, однородное с албанским население было в древности распространено также в совр. Иранском Азербайджане и Курдистане» [286, 23'|.И. Г. Алиев отмечал, что, археологические комплексы на территории Южного Азербайджана «прямо связаны с северо-азербайджанскими» [135, 61]. Аналогичного мнения придерживаются Г. А. Меликишвили [382, 5], М. Х. Шарифли [107, 319— 320], 3. И. Ямпольский [533] и другие. Однако, как будет изложено ниже, эту однородность они связывают в основном с кавказоязычностью и нраноязычностью населения обеих частей Азербайджана, почти до конца раннего средневековья.

Территория Азербайджана, разделенная на две части лишь в начале XIX века, была с древнейших времен этнически общей территорией, на которой шел сложный процесс образования атропатенской и албанской народностей, являющихся историческими предками азербайджанского народа.

Имеется немало работ по истории древних государственных образований на этих территориях (Мидия, Манна, Атропатена, Албания), в которых, несмотря на отдельные погрешности, достаточно подробно освещены вопросы, связанные с существованием указанных государств. Однако в этих работах отсутствует четкая концепция определения этнических компонентов, участвовавших в сложении единого азербайджанского народа, их этнической принадлежности и периода, в течение которого происходило завершение этого процесса.

До последнего времени в науке господствовали различные точки зрения на эти вопросы, которые были весьма далеки от объективного, всестороннего рассмотрения проблемы в целом, однако они долгое время пребывали в ореоле «непогрешимости». Вследствие этого в появлявшихся новых работах на эту тему задача порой сводилась лишь к защите выдвинутой некогда концепции, ставшей общепринятой. Тем самым оказались практически закрыты все пути к ее объективному, нелицеприятному обсуждению, а все учёные, мыслившие иначе, подвергаются массированной критике.

В процессе перестройки и демократизации советского общества созданы определенные условия для развития свободной мысли в науке и тем самым открылась возможность для критики устаревших, схоластических и догматических концепций, особенно в области общественных наук. На XXVII съезде КПСС М. С. Горбачев указывал: «Атмосфера творчества, которую партия утверждает во всех областях жизни, особенно плодотворна для общественных наук»1. «Схоластика, начетничество и догматизм, — отметил он далее, — всегда были путами для действительного приращения знаний. Они ведут к застою мысли, мертвой стеной отгораживают науку от жизни, тормозят ее развитие. Истину обретают не в декларациях и предписаниях, она рождается в научных дискуссиях и спорах, противоречиях, в действии»2.

В исторических исследованиях нет и не может быть раз и навсегда установленных единых мнений, ибо само восприятие исторического прошлого как правило противоречиво, потому что это прошлое восстанавливается через источники и содержащиеся в них сведения, интерпретация которых может быть различной»

В исследовании проблемы этнической истории азербайджанского народа существование различных мнений закономерно. Не умаляя значение многочисленных исследований по различным проблемам древней и раннесредневековой истории азербайджанцев, вместе стем со всей определённостью следует констатировать, что существующую ныне и считающуюся общепринятой концепцию по этой проблеме в целом и по ряду связанных с нею вопросов нельзя считать неоспоримой и окончательной. К тому же все или почти все проблемы древней и раннесредневековой истории Азербайджана, да и ряда других регионов – в частности, тюркских народов Поволжья, Средней Азии, Казахстана и Сибири, - разрабатывались до последнего времени в основном индоевропеистами и иранистами или же исследователями, находившимися под влиянием европейской школы иранистики. Это неизбежно должно было сказаться на интерпретации исторических фактов и содержащейся в них информации, относящейся к истории этих народов. Такой подход порождал немало схоластических концепций, в чатности, например, в отношении проблем этнической прнадлежности этносов, известных в древних источниках под наименованиями **кимер**, **гугар**, **скиф**, **сак**, **сармат** и других входящих в их состав многочисленных племен, роль которых в этногенезе тюркских народов оценивалась необъективно.

* М. С. Горбачев. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. — М., 1986,с. 108—109.

Историческое прошлое не может и не должно исследоваться исключительно по рецептам и установкам тех ученых, мнения которых (иногда неверно) считаются авторитетными, необсуждаемыми, возведенными в ранг непререкаемой истины. И никто не обладает монополией на ту или иную проблему, считая ее уже решенной, нет монополий на истину.

В исторических исследованиях, как отмечено выше, следует исходить от того, что нет окончательно решенных проблем, ибо каждый исторический факт и содержащаяся в нем информация могут иметь различные толкования. Следует согласиться с положением, что многие проблемы истории народов нашей страны еще далеки от окончательного разрешения и ими будут заниматься будущие поколения ученых. Одной из таких важнейших проблем истории и этнографии, требующей своего разрешения, являетсяь этногенез народов СССР, больших и малых, получивших возможность в годы Советской власти развивать свою культуру в результате проведения в жизнь ленинской национальной политики.

Приступая к нашему исследованию, необходимо констатировать тот факт, что до осих пор нерешенной остается в целом проблема происхождения азербайджанского народа. Дважды, в 1966 и 1984 гг., в Институте истории АН Азербайджанской ССР были предприняты попытки провести планомерное научное исследование этой проблемы. Однако, несмотря на публикацию соответствующих тезисов и докладов, каждый раз работа тормозилась и не доводилась до конца. Основной причиной этого, по нашему мнению, является то, что исследователям не хватало решимости сделать шаги за рамки господствующей концепции.

Исследователи различных периодов древней и раннесредневековой истории Азербайджана, находясь под влиянием иранистики, не вникали в суть проблемы происхождения азербайджанского народа, а лишь довольствовались цитированием мнений некоторых западных и отечественных историков, тем самым оставив судьбу этой проблемы по существу «в чужих руках». Историки, представители других общественных наук Азербайджана не сумели внести ясность в вопрос происхождения не только тюркоязычных азербайджанцев, но и ираноязычных и кавказоязычных народностей и этнических групп, обитающих на территории Азербайджана. Отдельные публикации и высказывания на эту тему страдают общим недостатком — отсутствием концептуального подхода к проблеме. Если называть вещи своими именами, то со всей определенностью надо сказать: этническую историю азербайджанцев следует писать заново.

В предлагаемой работе сделана попытка с новых позиций, на основании новой интерпретации истоическихз фактов осветить вопросы происхождения азербайджанского народа. Как известно, происхождение всякого народа является результатом этнического процесса, охватывающего длительный исторический период, в котором выделяются отдельные этапы. Нас интересует в основном тот этап этногенеза, когда шел процесс складывания азербайджанского народа. Этот этап охватывает почти полуторатысячелетнюю историю, с середины I тыс. до н. э. до конца I тыс, н. э. Завершение этого этапа совпадает с концом раннего средневековья. С. С. Алияров отмечал, что раннее средневековье представляет собой важную фазу этногенетической истории азербайджанцев [146, 4}. Разумеется, этот этап в свою очередь был обусловлен предыдущими этапами и вытекает из него, иными словами, является результирующим хода исторического развития в предыдущие века. Поэтому для всестороннего освещения проблемы необходимо затрагивать вопросы этнического состава населения в обеих частях Азербайджана, начиная с древнего времени — образования племенных союзов и возникновения государственности, что привело к складыванию народности на последующем этане. Следовательно, необходимо выяснить этнический состав населения Азербайджана в древнем, античном периодах и раннем средневековье и выявить при этом компоненты, составлявшие древнюю этническую основу азербайджанского народа.

Исходя из этого в работе сделана попытка, по-своему, абстрагируясь от существующих мнений, осмыслить этнический состав населения Атропатены с начала I тысячелетия до н. э., а с VII века до н. э. (т. е. со времени вторжения скифов и саков) — этнический состав Албании.

Следует отметить, что сведения об этническом составе населения обеих частей Азербайджана для всех этапов этого периода отрывочны, зачастую противоречивы, притом этническая принадлежность большинства древнейших этносов Манны и Мидии не известны.

В предлагаемой работе освещение проблемы этногенеза азербайджанцев дано в основном в русле выяснения следующих вопросов: определения этнического состава населения Албании и Атропатены, определения этнической и языковой принадлежности этносов и прослеживания этапов этнического процесса, приведшего к складыванию азербайджанского народа. В связи с этим затрагивается и вопрос о соотношении языков на различных этапах исследуемого периода. Автор стремился установить этнические компоненты, которые принимали участие в формировании азербайджанского народа, и, естественно, что основное внимание было им уделено вопросу о месте и роли тюркского этнического элемента в этом процессе на территории как Северного, так и Южного Азербайджана[*].

Безусловно, в предлагаемой работе автор не ставил целью окончательно разрешить вопрос о происхождении азербайджанского народа и проживающих на территории Азербайджана кавказоязычных и ираноязычных этнических групп. В монографии сделана лишь попытка обратить внимание на некоторые

[*] Сразу заметим здесь,что для удобства в работе для территории Иранского или Южного Азербайджана (срденеперсидский Адурбадаган и арабский Азербайджан) во избежании путаницы и наименованием «Азербайджан» в его современном смысле, употребляется название «Атропатена».

вопросы этногенеза тюркоязычных азербайджанцев, а также этнических групп Азербайджана и испробован новый подход к этой проблеме с целью сдвинуть ее, наконец, с мертвой точки.

Трудность разработки проблемы этногенеза азербайджанцев связана с отсутствием местных источников по раннесредневековой истории Азербайджана, то есть относящихся как раз к тому времени, когда активно шел этнический процесс складывания азербайджанского народа. Имеющиеся по этому периоду источники в основном иноязычные, они нередко отрывочны и содержащаяся в них информация неполна. Именно поэтому И. Маркварт считал, что тюрки на Кавказе впервые появились при сасаниде Хосрове Ануширване (531—578) [583, 105]. С. Б. Ашурбейли писала, что «мы не располагаем сведениями о пребывании тюркских кочевых племен в Албании ранее III в.» [163, 55]. Однако отсутствие таких сведений связано не стем, что здесь до нашей эры не жило тюркоязычное население, а именно с тем, что отсутствуют соответствующие источники, данные о родоплеменном составе населения и его этнической принадлежности в обеих частях Азербайджана для древнег о периода и раннего средневековья. В иноязычных источниках не нашли отражения язык и особенности культуры племен и этнических общностей этого периода, что не дает возможности проследить в равной степени отдельные этапы этнического процесса.

В изучении этногенеза большая роль принадлежит данным лингвистики, позволяющим выделить субстратные элементы в языке исследуемого народа. Однако поскольку таких письменных источников, как мы упоминали, не имеется, то в определенной степени этот пробел восполняет топонимика (163, 55)

Археологические материалы также мало помогают в решении этой проблемы. Правда, археологические находки дают нам сведения о характере общественного строя, социального расслоения, хозяйстве, религиозных верованиях и т. д. Однако воспринимать черты этнической преемственности в археологических данных зачастую невозможно. М.И.Артамонов писал: «В распоряжении археолога нет такого существенного, можно сказать основного признака этноса, каким является язык» [150, 19].До сих пор нет четких критериев, позволяющих проследить связь между археологической культурой и характером этнических образований. Неслучайно поэтому неоднократно высказывалась мысль, что в этнической интерпретации археологических культур нет единого мнения, а именно о том, что какие элементы археологической культуры (погребальные обряды, инвентарь, орудия труда и др.) могут быть использованы в качестве достоверного факта для определения этнической принадлежности насленеия периода этой же культуры. Л.И.Лавров писал: «Дело в том, что в любой из отрезков времени археологических культур на Кавказе насчтитвывалось гораздо меньше, чем отдельных народов, говорящих на своих языках» [349, 66].

В частности, по погребальным обрядам, являющимся наиболее консервативной областью религиозных установлений, невозможно определить ни характер этнического процесса, ни этнические состояния общности. И.М.Дьяконов писал: «Примерами являются проникновение последовательных семитских волн – аккадцев, амореев и арамеев - в Месопотамию, не оставивших никаких следов в последовательности археологичесих культур, хотя первая и третья волна полностью сменили язык местного населения; кутийское завоевание той же Месопотамии; проникновение ингдоевропейских хетто-анатолийских племён в Малую Азию, нек оставившее, по-видимому, тоже никаких археологических следов, и касситское завоевание Месопотамии, оставившее лишь ничтожные следы» [287, 146, прим. 16]. Для периода с середины 1 тысячелетия до н.э. до принятия христианства [IV в. н.э.] в Албании установлено (по Р.Б.Геюшеву) семь типов погребальных памятников (грунтовые, ямные, кувшинные, катакомбные, сырцевые, ванночные и срубные) [229, 153-156]. Однако этнический состав Албании в указанный период был более пёстрым – здесь обитали тюркоязычные, кавказоязычные и ираноязычные племена, немотря на то, что, по мнению археологов, грунтовые могилы являлись самыми долгосрочными и самыми распространёнными в Албании с середины 1 тыс. до н.э. до принятия исламской религии и были распространены по все территории Албании [229, 153]. К.Г.Алиев писал: «Тщательное изучение показывает, что территория распространения кувшинных погребений в основном совпадает с ареалом топонимов и этнонимов иранского и тюркского происхождения» [144, 55]. Однако кувшинные погребения имеют более широкий ареал и не совпадают с ареалом определённых этносов, о чём мы скажем ниже.

Большую роль в исследовании этногенеза азербайджанцев играют топонимические данные. Топонимы дают возможность обнаружить этнические наименования - названия племён на различных этапах. Бесспорно, топоним (в особенности этнотопоним) может служить историческим фактом в вопросе определения этнического состава. Задача состоит в том, чтобы через этот факт добыть сведения об предмете исследования - этничекий истории, путём выявления этнонима и языковых данных, отражённых в топонимах, исходя из того, что каждый топоним связан с определенной исторической данностью, т.е. содержит сведения о времени его возникновения, отражает прошлое, его реалии. В этом смысле топоним – памятник прошлого, источник. Поэтому топоним следует отнести к источникам первостепенной важности наряду с письменнымиЮ вещественными, лингвистичечскими данными и т.д. В этнотопонимах отраженыф названия племён, живших в разные исторические периоды в Албании и Атропатене. Однако источники, содержащие топонимы Иранского Азербайджана, фрагментарны и поэтому в настоящей работе учтены лишь некоторые раннесредневековые и современные топонимы, в основном, названия населенных пунктов, восходящие в этнонимам. Тем не менее, сегодня можно уже со всей определенностью сказать, что именно топонимика выявила древнетюркский языковый пласт азербайджанского языка дописьменного периода. Исследования в области топонимии Азербайджана и полученные при этом выводы с учётом этнографических данных дали возможность определить этническую принадлежность албанских племён раннего средневековья, что побудило нас к

пересмотру существующей концепции в отношении этнической принадлежности племени албан, и помогло обосновать несостоятельность этой концепции относительно происхождения азербпайджанского народа ва целом.

Топонимические исследования, начатые нами в середине 60-х годов, имели целью выяснить этнический состав населения Албании в раннем средневековье. Это позволило нам обосновать положение о тюркоязычности носителей этнонимов албан, сак и гаргар; установить факты обитания здесь в первых веках н. э.- тюркоязычных племен аран, катак, тертер, савар, кол (кул), чол (чул), хурс, печенег и др.; выявить этническую принадлежность племен, носивших названия гел, силв, лбин, джигб, hер» мовакан, гат и найти преемственность между носителями указанных этнонимов и современных ингилойцев, крызцев, хиналугцев, аварцев и цахуров; установлен также факт обитания носителей этнонима албан в Атропатене, существование двух Сакасен — в Албании и Атропатене; выявлены топонимы, отражающие наименования племенных и родовых подразделений болгаров, хазаров, кипчаков, печенегов и племен западно-тюркского каганата в VI—VII вв.; исходя из тюркских языков объяснено большинство топонимов и антропонимов Албании раннего средневековья; выявлены многочисленные древнетюркские слова в современной топонимии Азербайджана. Все это нашло свое отражение в соответствующих местах данного труда.

Наряду с этим, чем больше мы углублялись в тонкости изучаемой проблемы, тем более остро ощущали недостаток источников. При исследовании истории любого периода всегда требуется достаточно различных взаимно восполняющих друг друга источников. Качество исследования и достоверность сделанных при этом выводов обусловлены в первую очередь состоянием и характером источников и содержащейся в них информации, а также — что немаловажно — количеством этих источников. Малочисленность источников и некачественность содержащейся в них информации неизбежно порождает многочисленность интерпретаций. Это обусловлено тем, что исследователь вынужден использовать любую самую незначительную, порой сомнительную информацию, которую дают источники, а в этом случае всегда существует опасность переоценки тех или иных фактов. Так, например, обстоит дело с интересным фактом, но почти с нулевой информацией — выражение «азербайджанский язык» мы встречаем у Абу Закария Хатиба Тебризи (когда он учился у Абу-У Дла — 973—1057 гг. в Сирии и говорил с соседом из Тебриза на «азербайджанском языке»); также упомянут «азербайджанский язык» автором XI века Абу Рейхан ал-Бируни, когда тот приводит сорт персика туhулу из Азербайджана.

Из сказанного выше видно, что под рукой у исследователя, взявшегося за изучение проблемы этногенеза азербайджанцев, мало источников и к тому же их информационное содержание порой допускает многочисленные интерпретации. Поэтому и наша работа, естественно, не может быть застрахована от каких-то ошибочных выводов. Тем не менее потребность в подобных исследованиях, пусть порой и со спорными выводами, в настоящее время исключительно велика. В них заинтересованы не только научные работники, но и широкая общественность. Необходимость научно обоснованных выводов об этногенезе азербайджанцев неоднократно отмечалась в выступлениях партийных руководителей нашей республики. В частности, Президент Азербайджанской ССР тов. А. Н. Муталибов неоднократно высказывался о существовании белых пятен в истории Азербайджана и необходимости их устранения. Эта проблема находится в центре внимания представителей интеллигенции, деятелей литературы и искусства. Неслучайно и частое обращение азербайджанских писателей и поэтов (Байрам Байрамов, Бахтияр Вагабзаде, Исмаил Шыхлы, Эльчин, Анар, Сабир Рустамханлы, Фамил Мехди, Давуд Насиб и др.) к этнической истории азербайджанцев. Это связано с тем, что прошлое всегда активно воздействует на настоящее, на современную культуру, на общественную жизнь. Историческое прошлое становится частью современной духовной жизни народа.

***

Автор счел излишним предварять работу специальным обзором источников и литературы по данной проблеме. Собственно говоря, в этом нет надобности и потому, что по сути дела специальной литературы по этногенезу азербайджанцев нет, а есть мнения, разбросанные в различных работах советских и иностранных исследователей, обзор которых занял бы слишком много места. В основу нашей концепции об этногенезе азербайджанского народа легло новое осмысление фактов, новая их интерпретация, но при этом указанная концепция не отрицает того, что сделано в области политической истории Азербайджана древнего периода и раннего средневековья.Сведущий читатель по ходу нашего изложения легко заметит, какие мнения взяты нами из литературы, а какие принадлежат автору.

Автор заранее благодарен тем читателям, которые выскажут свое суждение о предложенной нами концепции, особенно если они подкрепят свое мнение конкретными аргументами и фактами.

Автор приносит благодарность рецензентам этой работы — товарищам по учебе в Бакинском государственном университете в 1953—1958 гг. — докторам исторических наук И. А. Бабаеву и В. Г. Алиеву.

В предлагаемой читателям работе вопросы этнической истории и этногенеза азербайджанцев охвачены начиная с древнейших времен и до XI века, т. е. до сельджукско-огузских завоеваний, с которыми и связан массовый приток тюркских племен на территорию Азербайджана. В дальнейшем часть этих племен сыграла большую роль в образовании государства Сефевидов и ряда средневековых азербайджанских ханств. Эти тюркские племена, однако, не играли решающей роли в формировании азербайджанского народа, ибо к тому времени процесс его складывания в основном был уже завершен. Однако они имели определяющее значение в

формировании современного азербайджанского языка, ибо их язык принадлежал к огузской группе тюркских языков. Что касается этнической истории азербайджанцев в средние века и этнического состава населения Азербайджана, начиная с XI века до конца XIX в., то эти вопросы будут освещены во II томе труда, задуманного автором.

ГЛАВА 1

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Проблема происхождения азербайджанского народа, как известно, является предметом многолетних дискуссий и на сегодняшний день остается во многом неразработанной. Еще в 1965 г. З. М. Буниятов писал: «Вопрос о тюркизации населения Азербайджана, выяснение начала этого многолетнего процесса, весьма сложен и до сего времени остается нерешенным» [183, 179]. Чуть позже подобное мнение высказано А. П. Новосельцевым: «Процесс сложения азербайджанской народности, особенно в пределах Закавказья, еще недостаточно ясен» [411, 57]. Необходимость разработки этногенеза азербайджанского народа недавно отмечена и Ю. Б. Юсифовым: «В области древней и раннесредневековой истории Азербайджана имеются проблемы, которые нуждаются в обсуждении, дискутировании и пересмотре. Это, в частности, касается проблемы этногенеза азербайджанцев, которая в свете новых данных должна быть рассмотрена в рамках новой концепции» [523, 15]. До настоящего времени нет по существу ни одной работы, специально посвященной этой проблеме. Вместе с тем, очевидно, что историю любого народа нельзя считать полностью разработанной, если не решена проблема происхождения этого народа.

На необходимость разрешения данной проблемы впервые указано азербайджанским историком и общественным деятелем первой половины XIX века А. А. Бакихановым. Ему принадлежит заслуга в разработке некоторых вопросов этнической истории Албании — Арана [166]. В связи с исследованием истории Кавказской Албании и истории Ирана античного и раннесредневекового времени отдельные ее стороны затрагивались в дореволюционной русской (А. Яновский, В. В. Бартольд, Н. Я. Марр и др.), западноевропейской и иранской историографии. Но только в годы Советской власти, точнее начиная с 50-х годов нашего века, в связи с исследованием древней и раннесредневековой истории Мидии, Ирана и народов Закавказья, в том числе Азербайджана, эта проблема в той или иной степени была затронута в работах И. М. Дьяконова, Г. А. Меликишвили, К. В. Тревер, И. Г. Алиева, З. М. Буниятова, З. И. Ямпольского, С. Т. Еремяна, Ю. Б. Юсифова, К. Г. Алиева, Т. М. Мамедова, Ф. Дж. Мамедовой, С. Ю. Касумовой, Р. А. Гусейнова, А. П. Новосельцева, а также ряда армянских и иранских исследователей. Ряд вопросов этногенеза и этнической истории азербайджанского народа на основании лингвистических данных разработаны в трудах Т. И. Гаджиева, В. Л. Гукасяна,К.Н.Велиева, В.И.Асланова, Э.И.Азизова, Ф.А.Джалилова и др.

На основании мнений отдеьных исследователей в советской исторической науке сформировалась концепция, считающаяся до сих пор господствующей. Вкратце суть этой концепции сводится к следующему.

На территории И рнаского Азербайджана, начиняя с IV века до н.э. и до XI-XII вв., существовал якобы ираноязычный атрпатенский народ со своим языком , известным в X веке в арабоязычной литературе как «азери». До этого там обитало население. Этническая принадлежность которого в точности не поддается определению, нов общем - то. Вероятнее всего, хурритоязычное (кавуказоязычное) и эламоязычное. На территории Советского Азербайджана в древности обитали в основном кавказоязычные племена, а раннесредневековый албанский наод также был кавказоязычным, а в тех же арабских источниках его язык известен под названием «арранский язык». Лишь впоследствии Преденей Азии и Закавказья в XI-XII вв.,в Атропатене и Албании – в результате ассимилирования ираноязычного наслеиеия на юге и кавкуаоязычного на севере - возник современный тюркский азербайджанский язык.

Как видим, эта концепция состоит из трёх основных положений, а именно:1) ираноязычность наслеиеия доогузского времени Атропатены (И.М.Дьяконов, И.Г.Алиев, Э.А.Грантовский, а также ряд западных и ирагнских учёных); 2)кавказоязычность населенея Албании этого же периода (А.Г.Шанидзе, И.М.Дьяконов, К.В.Тревер, Е.И.Крупнов, И.Г.Алиев, Г.А.Меликишвили, Г.А.Климов, А.П.Новосельцев и др); 3) решающая роль огузов и кипчаков в XII-XIII веках в формировании азербайджанцев в обеих частях Азербайджана (В.В.Бартольд, В.М.Жирмунский, Г.А.Климов. А.П.Новосельцев, И.Г.Алиев, М.Х.Шарифли, Р.А.Гусейнов и многие другие). По сути существующая концепция является механическим соединением этих отдельных положеий без детального анализа всех доступных исторических фактов, не согласующихся с этой концепцией, без учёта лингвистических и ономастических данных, а самое главное - без определения этнического состава наслеиения в различные исторические периоды. Эта концепция нашла своё отражение в какдемических изданиях по истории народов СССР [74. 1. 422]. в том числе и обобщающих работах по истории Азербайджана [63, 1, 169; 64, 17-18,; 65, 63 - 64] и энциклопедиях [77, 1, 251; 78, 1, 232].

Остановимся несмколько подробнее на перечисленных положениях, составляющих основу госпуодствующей концепции.

Следует отметить, что самым дискуссионным в этой проблеме оказался вопрос об этнической принадлежности албанского этноса. Здесмь возникло два мнения: часть исследователей еще в прошлом веке допускали ираночязычность албанов. Исходя. По-видимому, из внешнего сходства этнонимов албан и алан и наименований Аран (Арран) и Иран, это мнение впервые было предложено западно-европейскими иранистами Ю.Клапротом [577, 179 - 180], В.Сен Мартином [603, II, 56]. Р.Блахштайнером [560, 7 - 8], М.Л.Шомоном [606, 361][*], И.Марквартом [583, 116] и поддержано Н.Я.Марром. Последний псал, что «вопрос об аланах Кавказского хребта тесно связан с судьбой аланов-албанов Закавказья, требующей также особого рассмотрения» [372, 1395]. Вдругом месте он же тмечал, что албан «то же что алан, в буквальной же и точной передаче» [376, 70].

Этого мнения ныне придерюиваются некоорые советские исследователи, такие как Ю.С.Гаглойти [208. 27], А.П.Новосельцев [411, 38] и др. А.П.Новесельцев, в частности, писал : «Из этого же соответствия (соотвествия Аран – Иран и албан – алан – Г.Г.) напрашивается вывод об идентичности названии Иран – Аран – алван – алан. Возможно, что этимологически термин восходит именно к иранцам-аланам, сведения о нашествии которых в Закавказье сохранились во многих источниках: у Иосифа Флавия, армянских, грузинских и других источниках» [411, 38]. Г.А.Климов считает. Что «в течение 1 тысячелетия н.э. была ирнизирована почт вя территория современной Азербайджанской ССР» [323, 11]. По А.А.Акопяну, Аран, Ран (древнегрузинская форма) является иранским названием [128, 146], но самих албанов он считает лезгиноязычными [128, 166].

По понятным причинам гипотеза об ираноязычности исконных жителей Азербайджана поддержана и развита в работах ряда иранских исследователей – Джамаладдина Фагиха, Мухаммада Джавада Машкура, Абдулали Каранга и др. Например, иранский учёный Инаятулла Рза считает арийцев первоначальными жителями Кавказской Албании (546, 47). Мы не будем здесь останавливаться на мнениях этих и других иранских учёных – оценка их необъективных выводов дана в ряде работ. [См. 96;105] . Добавим, что это мнение в настоящее время в науке не имеет веса, ибо И.Маркварт [583, 117], В.Ф.Минорский [395, 30], Р.Фрай [498, 30], а также иранский историк Мухаммед Хасан хан [543, 28] и другие крупные учёные отрицали версию об ираноязычности албанов. Иранский историк Саид Нафиси писал, что в Аране не обитало население, принадлежащее к арийской расе [544, 88].

Вопросы древней и раннесредневековой истории Албании были предметом изучения ряда армянских исследователей. Они вообще отрицают существование албанского этноса – по их мнению население Кура-Аракского междуречья Албании указанных периодов было армянским. В их работах отчётливо прослеживается тенденция: обосновать принадлежность правобережной Албании до 387 г. (а по мнениям некоторых армянких исследователей , - до 428 г.) Великой Армении, а после этой даты принадлежность отдельных областей Албании к Армении. В той или иной степени эта концепция нашла своё отражение в работах С. Т.Еремяна, Б.А.Улубабяна, А.Н.Тер – Гевондяна, А.А.Акопяна, А.Ш.Мнацаканяна, Г.С.Свазяан и других авторов. Ниже мы укажем на ошибочность этих положнений, их несоответсвие историческим фактам и имеющимся источникам.

Вроде бы оставался единственный выход: считать, что албанский этнос являлся кавказоязычным, вернее дагестаноязычным. Это мнение возникло ещё в прошлом веке и впервые было высказано. А.Яновским [530]. Ю.Г.Гагемейстер в 1848 г. писал. Что «албанцы или расселялись по горам Кавказа, или. Выходя из мест прежнего жительства, слились с мусульманами, так что и следов их не осталось. [207, 30]. Однако до 30-х годов нашего столетия вопрос об этнической принадлежности албанцев все же оставался дискуссионным. Лишь в связи с обнаружением албанского алфавита в 1938 г. язык албанов стали относить к дагестанским языкам [509, 37 сл.] С 50-х годов это мнение уже начало становиться общепринятым. В конце 50-х годов Г.А.Меликишвили писал: «Древняя Албания, по всей вероятности, была заселена в основном многочисленными племенами северо-кавказского происхождения» [379, 405]. В те же годы с этой концепцией выступали И.М.Дьяконов (283) и К.В.Тревер (482). К.В.Тревер правильно подходила к проблеме, отмечая, что «союз племен был возглавлен племенем албанов и возглавляющим стал их язык» [482, 306], но она, как и другие исследователи. Считала это племя кавказоязычным. Ссылаясь на А. Г.Шанидзе, это же мнение в Азербайжане в 60-е годы категорично защищал И.Г.Алиев, отмечая, что «… язык албанцев, бесспорно является горско-кавказским, в этом нет никакого сомнения» [130, 67]. И.М.Дьяконов высказал мнение, что язык албанов примыкал к лезгинским языкам. «Посуольку в настоящее время считается. Что древний язык современного Советского Азербайджана - абанский относится (или, во всяком случае. Примыкает) к лезгинской группе северо-восточно-кавказской группы языков, постольку проблем родственных связей между северо-восточно-кавказскими языками и хуррито-урартскими языками приобретает особую остроту и для этногенеза азербайджанского народа» [285,6]. Это мнение нашло своё отражение в работе, написанной И.М.Дьяконовым в 1967 году: «К ветви (или семье) северо-восточно-кавказских языков относятся многочисленные и значительно отличающиеся друг от друга современные языки Дагестана и близкие к нм нахские. Вероятно, кним относился также *вымерший* (выделено нами, - Г.Г.) албанский язык (территория Советского Азербайджана)» [286, 23]

Возможно, именно на основании положений, высказанных А.Г.Шанидзе, Г.А.Меликишвили, И.М.Дьяконовым, К.В.Тревер и И.Г.Алиевым в «Истории Азербайджана», вышедшей в свет в 1958 г., было записано: «Несомненно, однако, то, что язык албанов был языком кавказской группы и близким к языкам дагестанских народов» [63, 1, 51], В те же годы С. Т. Еремян писал, что «в горных ущельях теперешнего

[*] Мнения названых авторов приводится по [208, 27 сл.]

Дагестана жили родственные албанцам племена...» [295, 806]. В 60-х годах эта концепция отразилась и в «Истории Дагестана», где мы читаем: «очевидно под этим термином (албан. — Г. Г.) скрываются предки современных горских народов Дагестана» [67, 106]. В 60-х годах это мнение было поддержано и Ю. Б. Юсифовым [517], но позже он от него отказался и писал, что «кавказоязычность албанов не доказана» [520, 34, 35, прим. 101]. М. Н. Погребова отмечала: «Восточное Закавказье, очевидно, издревле входило в сферу распространения северо-восточно-кавказских (нахско-дагестанских) языков» [438, 10]. Однако считается, «что там обитали и ираноязычные племена» [438, II]. В 1981 г. вышла статья И. Г. Алиева в соавторстве с М. Н. Погребовой. В отношении Албании авторы писали, что «у нас нет серьезных оснований думать, что до северо-восточно-кавказских (точнее, дагестанских) языков в этом регионе были распространены какие-либо другие языки» [134, 127]. Далее авторы отмечают: «Во всяком случае мнение о пребывании тюрок в зоне юго-восточного Закавказья в древности не выдерживает критики» (там же). Вновь в поддержку этой концепции недавно выступил И. Г. Алиев. Он в 1988 г. писал что, возникновение албанского союза племен происходило «на базе части нахско-дагестанско-хурритских племенных групп» [137, 17} и что «албанские диалекты относятся к дагестанским языкам, ибо уже немало фактов свидетельствует в пользу древнеудинской принадлежности мингечаурских надписей, языком которых, конечно, мог быть албанский, точнее — один из албанских диалектов» (там же).

Доля правды в этих достаточно неконкретных и расплывчатых высказываниях, бесспорно, есть. Но неясно, во-первых, в каком значении употребляется этноним албан — конкретном или собирательном? Если в том смысле, как обозначались и кавказоязычные силвы, лбины, эры, леги, удины и другие албанские племена, то тогда действительно надо признать, что часть албанов была кавказоязычной, вернее, что их язык относился к лезгинской группе дагестанских языков, но никак не к так называемой нахско-дагестанско-хурритской и т. д. языковой группе. Во-вторых, следует кроме того четко определить, албанов какой части Албании относят к дагестанцам? Если к ним относят и албанов междуречья Куры и Аракса — то это не более, чем беспочвенная фантазия. Кроме того, неясно, предками каких именно современных народов Дагестана могли быть предполагаемые «кавказоязычные» носители этнонима «албан», и к какому языку из известных языков кавказоязычных народов был близок албанский язык или же являлся его древним предшественником? Ведь в Дагестане и на Северном Кавказе живут многие различные по языку кавказоязычные народности со своими древними самоназваниями. Нельзя представить, что все их предки обитали в Албании, тем более, что членение языков этих народов из общего праязыка исследователи относят к более отдаленным по времени периодам. В исследуемое же время большинство предков современных дагестанских народов уже являлось самостоятельными и жили они почти на тех же территориях, что и сегодня. Г А, Климов писал: «К восточнокавказской (нахско-дагестанской) группе в общей сложности относят до 28 языков» [323, 17] и «древнейшие письменные свидетельства застают эти народы (Чечни и Дагестана.—Г. Г.) уже на исторической территории Дагестана» [323, 14]

В «Истории Азербайджана», изданной в 1979 г. написано, что албаны, лбины, чилбы, гаргары, савдеи (иными словами, почти все упоминаемые в древних источниках племена Албании. — Г. Г.) были кавказоязычными [65, 52].

Как видим, у различных исследователей фигурируют различные формулировки: албанский язык был просто «кавказским» (И Г Алиев), «северокаввказским» (Г, А. Меликпшвили) «горнокавказским», (И.Г. Алиев), «дагестанским» [63, 1, 51], относился к «лезгинской группе северо-восточно-кавказской группы языков» (И. М. Дьяконов,, М.Н. Погребова и др.). Таким образом, ясности и в этом вопросе нет и на сегодняшний день.

Существовало и мнение о возможности отождествления албанов с предками современных удинов— кавказоязычной этнической группой Азербайджана. Г. А. Климов писал: «Дело в том, что в армянской традиции в качестве потомков кавказских албанцев рассматриваются удины, носители одного из лезгинских языков восточнокавказской группы» [323, 96]. О таком отождествлении писали 3. И. Ямпольский [536, 83], С. Т. Еремян [295, 304] А. Г. Шанидзе [510, 8]. 3. И. Ямпольский отмечал, что ути (уди) «является этнонимом, самоназванием кавказских албанцев...» [536, 83 . У С. Т. Еремяна встречается выражение: «народность албанцы, которые, по всей вероятности, себя называли ути, удины» [295, 304]. В другом месте он пишет, что «термина «албанцы»— собирательный, покрывающий собою объединение ряда племен, из которых наиболее крупными были утии или удины, несколько тысяч которых сохранилось до наших дней» [295, 327}. Это же мнение высказано 3. М. Буниятовым. Он писал, что от албанов «не осталось почти никакого следа, за исключением нескольким тысяч удинов, живущих сейчас на северо-западе Азербайджанской ССР и являющихся прямыми потомками албанов» [183, 178]. Выдвигалась гипотеза, что удинский язык с V века служил языком христианской религии Албании [198, 155]. Однако это мнение не выдерживает критики по той простой причине, что удины, были лишь одним из албанских племен. Утийцы не могубыть отождествлены с носителями этнонима албан потому, что по сообщению Моисея Калакантуйского (кн.1. гл,4), утийцы являлись пришельцами, т.е. они не были коренным населением страны, как албаны. У И.Г.Алиева несколько иное мнение :древнеудинский язык являлся одним из албанских диалектов [137, 19].Но в целом он считает, что «албанские диалекты относятся к дагестанским языкам» (там же). Если согласиться с этим мнением, т. е. если признать, что существовали различные албанские диалекты, то, значит, должен был существовать и один общий албанский язык кавказской группы, ибо нельзя допустить, что существует письменный язмк и в то же время нет общего разговорного языка. Это мнение И. Г. Алиева, видимо, основывается на сообщении Страбона

о том, что в Албании говорят на двадцати шести языках (Страбон, XI, 4, 6) [*]. Но, во-первых, тот же Страбон отмечает, что им нелегко понимать друг друга (там же). Следовательно, эти языки не могли быть диалектами; во-вторых, сам И. Г. Алиев неоднократно, вслед за И. Марквартом и Н. Г. Адонцом, писал, что утийцы пришли сюда из Атропатены на рубеже нашей эры (см. ниже, с. 145). В этом случае как можно отождествлять язык утийцев с языком албанов, известным с IV века до н. э.? «Арранский язык», засвидетельствованный в зоне БардьГ^ртбскими авторами X века (ал-Истахри, Ибн Хаукал и ал-Мугаддаси) считается кавказоязычным, а иногда просто удинским. Откуда возникло мнение о тождественности арранского и удинского языков? Это, видимо, связано с тем, что в «Истории албан» отмечено, что г. Барда возник в области Ути (а в «Армянской географии VII века» есть выражение: «собственно Ути с городом Партавом» 4, 51), а арранский язык арабские географы отмечают в районы Барды. Отсюда будто бы можно заключить, что этот арранский язык и есть удинский. Исходя из этого неверного умозаключения, С. Т. Еремян писал об «идентичности утийского или удинского языка с арранским, т. е. албанским языком, поскольку этногеографический термин «Арран» является другой формой того же названия «Алван», «Албан». Следовательно, можно считать правильным уже давно существующее мнение о том, что сохранившийся доныне удинский язык является древним албанским языком» [295, 327]. В новейшей литературе удинский язык включается в подгруппу лезгинской группы восточно-кавказских языков и далее, на основе мнения А. Г. Шанидзе [510], отмечается, что «к этой же подгруппе принадлежал, вероятно, мертвый албанский (агванский) язык» [289, 165]. Полагают также, что этот «арранский удинский язык» был вытеснен из употребления армянским, персидским (а затем подчёркнуто нами – Г.Г.) тюркским (азербайджанским) языками» (411, 41).

Была ещё попытка (С.Т.Еремян. А.П.Новосельцев) сичтать этноним *албан* происходящим от этнонима *лбин* — названия одного из албанских племен [298, 148—149; 411, 40]. С. Т. Еремяну принадлежит мнение, что «лбины родственны албанцам» [295, 304]. Но и это мнение следует признать неприемлемым, потому что во всех античных и древнеармянских источниках лбины и албаны в Албании отмечены как разные этносы. Кроме того, албанские католикосы Абас (552—596) и Виро (596—630) называли себя католикосами албанов, лбинов и чолов [Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 15], а отсюда следует, что албаны существовали сами по себе, отдельно от лбинов. А. В. Урушадзе, полагал, что потомки кавказских албан — это мегрелы [494]. На это уже явная фантазия, не заслуживающая даже научного обсуждения.

Сторонники кавказоязычности всех албан считали кавказоязычным древнее население, жившее не только к северу от Куры, где наряду с носителями этнонима албан действительно обитали кавказоязычные племена (предки аварцев, цахуров, лезгин, крызцев-хапутлинцев, хиналугцев и др. — см. ниже, с. 151—167) Албании, но и в междуречье Куры и Аракса. В этой области раннесредневековые источники помещают албанов, каспиев, утиев, гаргаров, цавдеев, а в более древнее время там обитали и саки. Сторонники этой концепции кавказоязычными считают не только албанов и каспиев, но и гаргаров (П. К. Услар, Е. И. Крупнов, А. Г. Шанидзе, С. Т. Еремян и др.). Ряд исследователе считает кавказоязычными и хонов, т. е. гуннов армянских источников (И. А. Орбели, К. В. Тревер, М. И. Артамонов). Там же обитали, как отмечено, и саки, но их считают ираноязычными.

Упомянутые выше исследователи, как видим, не могли определить этническую принадлежность албанской народности и поэтому не могли объяснить ее последующее «исчезновение». Следует признать правильным, что часть албанов как в узком,
так широком смысле после VII—VIII вв. арменизировалась и огрузинилась по языку (см. ниже), но вопрос о судьбе другой, большей, принявшей исламскую религию их части остался не выясненным.

3. М. Буниятов вслед за И. П. Петрушевским [427, 52], выдвинул следующее предположение: «Быть может какая-то часть жителей Арана (албанов) очень рано подверглась арабизации и слилась с арабами и уже вместе с ними,) позднее, после прихода тюрок-сельджуков, подверглась тюркизации. Другая же часть албанов, жившая в горных районах Арана, подверглась арменизации» [183, 178] А. П. Новосельцев писал что часть «албанцев, принимая ислам, иранизировалась и арабизировалась...» [411, 42].Такое утверждение, однако, не соотносится с историческими фактами, потому что никакой иранизации и арабизации части албанцев в Албании после аоабского завоевания не происходило.

Что касается этнического состава Атропатены древнего периода, античного времени и раннего средневековья, то здесь общепринятая концепция сводится к следующему. На территории Иранского Азербайджана древнейшими источниками засвидетельствованы народы и страны Манна (мана) и Матай (мадай). На этой территории и прилегающих к ней областях, начиная с III тыс. до н. э. отмечены племена (или племенные общности), наименования которых в ассирийских и урартских источниках зафиксированы в формах кути (гути), су (субби), субар или лулубе (лулуме), кашшу, турукку (конечный «у» в конце последних двух этнонимов является добавленным в семитском аккадском языке, а «шш» и «кк» есть результат удвоения «ш», и «к»; поэтому эти этнонимы звучали каш-ы и турук-и и др.). Полагают, что в 111—1 тыс. до н. э. этнический состав Манны и Мидии почти не изменился. С начала первого тысячелетия до н. э. на территории Ирана появляются ираноязычные (арийские) племена, а затем в VIII – VII вв. ираноязычные скифы, киммерийцы и

[*] Здесь и далее ссылки на общеизвестных античных авторов даны по: В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. 1—11, СПб., 1893—1904 (см. Литература, № 36); а также пол. Г. Алиев. Античные источники по истории Азербайджана. — Баку 1986 (см. Литература, № 2). Эти сноски даны в круглых скобках в общепринятой нотации. Ссылки на прочную литературу даны в квадратных скобках

саки, поэтому отмеченные в ассирийских, урартских и древнеперсидских источниках топонимы и антропонимы Мидии в основном считаются ираноязычными.

Геродотом и позднеантичными авторами там упомянуты племена аризант, маг, буди, бус, струхат, паратакен, карх, дорейти, пантимат, кадус, каспи, ути, матиен, гел и др. Все они (кроме каспи, ути, матиен) были якобы иранскими племенами.

Существуют различные, порой противоречащие друг другу точки зрения в отношении этнической и языковой принадлежности местных племен, живших на территории Манны и Мидии. Существующая концепция в основном выдвинута западными исследователями Э. Херцфельдом, Г, Хюзингом, Ю. Прашеком, Е. А. Спейзером, Р. Гиршманом, Дж. Камероном, Р. Дайсоном, Р. Фраем и другими. Нет надобности вдаваться здесь в подробный разбор их мнений, потому что это сделано в работах советских исследователей И. М. Дьяконова, Г. А. Меликишвили и И. Г. Алиева. Эти ученые не внесли ничего нового в данный вопрос и в сущности повторили уже высказанные мнения. Поэтому мы лишь вкратце познакомим читателя с основными положениями указанных ученых-иранистов по этой проблеме. Некоторые из них (Г. Хюзинг, Э. Херцфельд, Е. А. Спейзер и др.) язык кутиев, лулубеев, касситов и эламитов объединяли в однуязыковую семью, названную им «загро-эламскои», «загросскои», «каспийской». Р. Гиршман предполагал, что на территории Манны был распространен эламский язык. Дж. Камерон местное население Манны по языку считал «каспийским или кавказским». По Р. Дайсону, маннеи были хурритоязычными. Р. Фрай писал, что «трудно определить, были ли язык (или языки), на котором говорили на территории Манна, родственным эламскому или хурритo-урартскому [498, 96— 97]. Он же считает, что «маннеи, как урартийцы и хурриты, связаны, вероятно, с палеокавказской группой языков» [498, 49}. Ему же принадлежит мнение, что язык страны Манны был близок к эламскому [498, 97]. А. Камменхубер отрицал принадлежность языков лулубеев и кутиев к хурритскому языку [578].

Теперь вкратце приведем высказанные (вернее, повторенные) по этому вопросу мнения советских исследователей.

И. М. Дьяконов писал, что неиранские языки Мидии (и Манны) он условно называет «каспийскими» [285, 65]. Язык жителей Манны, названный им «каспийским», по его мнению, родственен эламскому и восточно-кавказским языкам [283, 206]. Однако родство касситов по языку с эламитами не доказано [286, 87]. Лулубейский язык был близок к эламскому [283, 101], а кутийскии язык относился к кавказским языкам [286, 88] (значит, к хурритским. — Г. Г.). Но «хурритский характер некоторых имен собственных, засвидетельствованных ассирийскими источниками для районов современного Курдистана и Иранского Азербайджана, в том числе и для Манны, следует, с нашей точки зрения, пока считать сомнительным. Вообще наличие хурритов к востоку от гор Загроса в какую бы то ни было эпоху представляется нам не убедительным» [286, 116]. В Приурмийских областях обитали группы касситского этноса [283, 120]. Лулубеи были родственны эламитам и касситам [282, 2, 265]. Хурритоязычные матиены обитали в Манне, в частности, «от матиенов получило свое название и озеро Матиена или Мантиана» (283, 226; 286, 117). Лулубеи не были хурритами, «скорее были родственны эламитам» (283, 101). Кутийскии язык входит в семью языков, к которой относятся эламиты, касситы, лулубеи и каспии [283, 110]. Касситы родственны с эламитами [283, 121]. Касситский язык близок к кутийскому [283, 128]. Но «касситский пантеон совершенно отличен от эламского» [283, 134]. Кассhты и каспии были близка родственными [286, 87]. Каспии относились к касситско-эламскои группе [283, 138]. Эламский язык родствен дравидским языкам [286, Л].

В работах И. Г. Алиева по этому вопросу говорится следующее Существовала «каспийская группа языков» [130, 65], и обитавшие племена в Мидии и Манне «эламо-каспийской языковой принадлежности» [129, 70]. Западные и центральные области будущей Мидии до X—1X вв. до н. э. этнически были «однородными или близкородственными. Этот этнический массив можно называть каспийским или эламо-каспийским или загросским [130, 84]. Каспии стояли в родстве с касситами [130, 79, 106]. Язык эламитян, касситов и лулубеев был «каспийским» [130, 72, 85]. Лулубеи родственны эламитянам, а последние касситам [130, 81] Существовал каспийский язык как основа, потом из него выделились эламский, касситский и лулубейские языки. На территории Мидии этнический массив был каспийским или загросско-эламским [130, 97]. «Эламоязычный элемент на территории Мидии прослеживается на протяжении примерно трех тысячелетий» [130, 97]. (Эламский язык не состоит в родстве с хурритским, т. е. кавказскими языками, но каспии считаются кавказо-язычными. — Г. Г.). И. Г. Алиев для территории Манны употреблял выражение «хуррито-лулубейская зона Приурмийского бассейна» [135, 61; см.: также 130, 64]. «В западных и северных районах Приурмийского бассейна спорадически засвидетельствована группа хурритского (т. е. кавказского. — Г. Г.) по языку населения» [134, 126]. Он же писал: «Возможно, что в приурмийских областях обитали какие-то группы касситского этноса» (там же). (Но кассhты не считаются хурритоязычными. — Г. Г.). «Гипотетически можно допустить широкое распространение эламского элемента на территории Иранского нагорья» [там же, 133]. «Однако, по-видимому, нет достаточных оснований объединять названные выше языки в одну семью (см. выше. — Г. Г.) и тем более увязывать эту постулируемую языковую семью с другими языковыми семьями» [там же, 126]. По его мнению, «во всяком случае последние исследования не позволяют нам утверждать родство касситского языка с эламским» (там же). «Нет уверенности в том, что касситы тождественны поздним каспиям, хотя родство этих народов вполне вероятно», [там же, 127]; лулубеи не родственны с эламитянами [там же[. «Остается неясным и вопрос соотношения хурритского и лулубейского элемента в Манне». «Касситская ономастика реально корреспондирует с эламскими языковыми материалами» [130, 79]; лулубеи

родственны эламитянам, а те с касситами [130, 81]. По его мнению, мидийский племенной союз был кавказоязычным [130, 99].

Г. А. Меликишвили также придерживается аналогичных взглядов. В районе озера Урмия и на территории, лежавшей к югу от него, обитали племена, «по всей вероятности, близко стоявщие друг к другу; эламиты, гутии, касситы и лулубейцы» [382, 117]. Население Манны говорило на языках, родственных хурритскому, следовательно было кавказоязычным [379, 140; срав. 286, 116]. Язык маннейских племен «принадлежал к одной, загро-эламской группе языков» [282, 120, 140]. «Язык загро-эламской группы выявляет определенную общность кавказским языкам» [382, 125] (следовательно племена загро-эламской группы должны были говорить на языках, ближе стоявших к эламскому языку. — Г. Г.). Он же в другом месте писал, что население Манны IX—VII вв. до н. э. было родственно северо-кавказским племенам [380, 230], т. е. было хуррито-урартоязычным.

С. Ю. Касумова также отмечала, что хурриты (т. е. кавказоязычные племена — Г. Г.) в древности «составляли значительную часть населения Южного Азербайджана» [317, 34]. Однако исследователь истории Манны С. Кашкай писала: «Анализ местных имен и географических наименований пока еще не позволяет твердо установить языковую принадлежность населения Маннейского государства» [320, 89].

Читатель, познакомившись с этими вкратце изложенными мнениями, легко обнаружит их крайнюю противоречивость. Поэтому нам думается, сделать определенный вывод об этнической принадлежности неираноязычного населения Иранского Азербайджана древнего периода на основании высказанных мнении не представляется возможным.

В целом как видим, в отношении языка (или языков) древнего населения Манны и Мидии применяются такие неопределенные понятия, как «загро-эламский», «кутийско-кавказскии», «кутийско-лулубейский», «каспийский», «субаро-хурритскии», «касситский», «загросский», «хуррито-лулубейский», «эламо-каспийский», «северо-кавказский» и другие.

Предполагается далее, что в VII в. до н. э., когда возникло Мидийское государство, страна Манна с ее племенами была включена в его состав, в результате чего произошла ассимиляция маннейских племен и иранский мидийскии язык стал языком общения. Р Фрай писал: «Маннеи были ассимилированы мидянами или, скорее, отошли на задний план в период господства Мидийской державы» [498, 97]. По И. Г. Алиеву, «удельный вес ираноязычного элемента в области Южного Азербайджана и на смежных территориях уже в самом начале I тысячелетия до н. э. был довольно значительным» [135, 62] и что «в экономическом, культурном и социально-политическом отношениях ираноязычные племена, очевидно, не намного отставали от автохтонов, а в некоторых отношениях и превосходили их» (там же). «Общий рост общественного и культурного уровня аборигенов земель, расположенных к югу от Аракса, по-видимому, вел к необходимости восприятия общепонятного (иранского — Г. 1.) языка» [135, 63]. «Постепенная языковая, а затем и культурная ассимиляция больших групп аборигенов вела к деэтнизации их ,а в конечном счете к этнической ассимиляции» [там же]. Проникшие в VIII-VII в. до н.э. на территорию Мидии и будущей Атропатены скифы и саки считаются ираноязычными. Он же писал: «Поиход скифов, возможно, усилил иранский элемент в Мидии» [130, 236]. По мнению Э. А. Грантовского, скифы играли большую роль в распространении иранских языков и увеличении. ираноязычного населения [239, 103]

Далее полагают, что где-то в IV-III вв. до н. э. сложилась ираноязычная атропатенская народность.

Сторонниками ираноязычности атропатенскои народности, кроме западных и иранских исследователей [см. например 538, 210;539, 9; 43], являются И. М. Дьяконов, И. Г. Алиев, А Грантовский, М.Н.Погребова и др. Так, Э. А. Грантовскому принадлежнт мнение, что «атропатенская народность, уже сложившаяся к эллинистической эпохе, была, ираноязычной» [239, 372]. По И. Г. Алиеву, ираноязычные племена, пришедшие сюда в начале I тыс. до н. э., позднее «выступали главной силой в этногенезе древнеазербайджанской (мидийско-атропатенской) народности» [135, 57]. «Очевидно, во второй четверти I тысячелетия до н. э. значительная часть областей Западного Ирана, в частности и Южного Азербайджана, уже подверглась иранизации. Сложившиеся в ту эпоху ираноязычные народности по большей части состояли из потомков деэтнизироного и ассимилированного автохтонного населения» [135, 64]. Кстати отметим, что именно с этими ираноязычными племенами связывает И. Г. Алиев и степные курганы на территории Советского Азербайджана, потому что, по его мнению, часть ираноязычных племен продолжала жить на этой территории [135, 60]. «Длительное пребывание южноазербайджанских земель в составе Мидийской державы, а затем Мидийской сатрапии, широкое расселение здесь мидийских этнических элементов и сопутствующие этому обстоятельства, несомненно, способствовали еще большей ассимиляции местных племен с мидянами, чем постепенно закладывались основы нового этноса в регионе, этноса, который
являл собою уже не маннеев, а был новомидийским атропатенским этносом, каковым был он и воспринимался окружающим его миром» [136, 74]. По мнению И. Г. Алиева, именно в Малой Мидии — Атропатене формируется ираноязычный атропатенский народ со своим ираноязычным языком «азери». Он писал, что в эллинистическую эпоху «благодаря длительному процессу концентрации мидийского этноса завершается процесс интеграции части его и возникает новая народность в новых условиях, когда, в собственно Мидии все мидийцы почти полностью ассимилировались, становятся по существу единственной Мидией, где продолжаются старомидийские традиции» [136, 79]. И там же он указывает: «В эллинистическую пору на территории Иранского Азербайджана появляется новая этническая общность со своим языком, самоназваниями и другими неотъемлемыми компонентами этноса».

В последние годы И. Г. Алиев и М. Н. Погребова особенно настойчиво пишут об исключительной роли иранских племен в этногенезе азербайджанцев Иранского Азербайджана [133; 135; 136; 438; 439].

Далее, согласно этой концепции, сельджуки-огузы, завоевав Переднюю Азию в XI—XII вв., ассимилировали ираноязычных азербайджанцев в Атропатене, кавказоязычных в Албании. Гипотеза, связывающая складывание азербайджанского народа и его языка с сельджукско-огузским завоеванием Передней Азии, отражена в работах ряда русских и советских (В. В. Бартольд, В. М. Жирмунский, А. П. Новосельцев, Г. А. Климов и др.), в том
числе азербайджанских (М. Х. Шарифли, З. М. Буниятов, И. Г. Алиев, Р. А. Гусейнов и др.) исследователей; она является господствующей и сейчас, вошла в обобщающие труды по истории СССР, в том числе и в «Историю Азербайджана». Приведем ниже мнения некоторых исследователей, придерживающихся указанной гипотезы.

Еще в 1930 г. Б. В. Миллер писал, что в XIV веке «процесс отуречения Азербайджана еще далеко не был закончен» [397, 212]. И. М. Оранский по этому поводу пишет: «Начиная с XI— XIII вв. (с эпохи сельджукского и — особенно — монгольского завоевания) происходит процесс распространения тюркских языков в северо-западных областях Иранского Нагорья, в Азербайджане. Ираноязычное население этих областей переходило постепенно на тюркскую (азербайджанскую) речь и лишь относительно небольшая часть этого населения сохранила до наших дней свои иранские языки — татский, талышский, диалекты Северо-западного Ирана» [416, 49]. В. М. Жирмунский писал: «Результатом огузского завоевания явилась тюркизация древнего земледельческого населения Азербайджана и Анатолии [301, 136]. По Г. А. Климову, в XI—XIV веках происходит постепенная тюркизация ираноязычной территории Азербайджана: «...Проникновение сюда турок-сельджуков с пространств Туркмении и северного Ирана начинается с XI в.» [323, II]. Таково же мнение А. П. Новосельцева: «Можно признать, что отдельные тюркские этнические группы попадали сюда (в Закавказье. — Г. Г.) на всем протяжении второй половины I тысячелетия н. э., а может быть и раньше. Однако не они изменили этнический облик Восточного Закавказья и положили начало сложению современного азербайджанского тюркоязычного народа. Причиной перемен явилось нашествие огузов в XI в.» [411, 56]. Этому исследователю принадлежит мнение, что сложение азербайджанской народности можно отнести примерно к XV веку [411, 57, прим. 155]. Он считает, что «нынешние азербайджанцы — также ютюроченные потомки части древних племен кавказской Албании и иранцев южного Азербайджана» [411, 21]. Он же писал, что «конкретные данные источников, рисуя этническую картину Заккавказья до XI в. (исключая поздние сомнительные компиляции), ничего не сообщают о сколько-нибудь значительном и устойчивом массиве тюрок в Азербайджане, без чего о сложении народности говорить не приходится» [411, 56, прим. 150]. Н. А. Баска начало формирования азербайджанского языка связывает с сельджукско-огузскими завоеваниями [170, 135, прим. 1.]. С. Т. Еремян писал: «По мере того, как тюркские кочевые племена утверждались на зимних пастбищах Кура-Араксинской низменности, мусульманизированная часть аборигенного населения древней Албании ассимилировалась пришлыми тюркскими племенами. Так образовалась современная азербайджанская народность» [295, 330]. И. В. Савина писала: «Начало проникновения в Иран тюрков относится к XI в., когда часть тюркских Огузов (огуз), живущих по правому берегу Сырдарьи и принявших ислам (с этого времени они стали называться туркменами), стала двигаться в Иран, Закавказье, Малую Азию и Месопотамию» [452, 148]. И.Г.Алиев совсем недавно писал, что современные азербайджанцы на юге являются ираноязычными атропатенцами «в эпоху средневековья (т.е.в XIII – XVIII веках, - Г.Г.) воспринявшими принесённый на их земли тюркский язык и трансформировавшимся в новый тюркоязычный этнос». (Играр Алиев. Очерк истории Атропатены.-Баку, 1989, с.4).

Таким образом, согласно изложенной концепции, формирование азербайджанского народа и его языка на территории Азербайджана происходило после XI – XII вв. [см. также: 336, 320].

По мнению Н.Г.Волковой, сложение азербайджанского народа произошло в XIV веке. «В восточном Закавказье к XIV в. в результате нескольких миграционных потоков тюркоязычных народов произошла языковая ассимиляция коренного населения этой территории, знгачительная часть которого стала говорить по-азербайджански» [201, 18]

Как видим, по существующей традиционной (и в то же время, явно необъективной) концепции, основными тюркскими компонентами, прнимавшими участие в этногненезе азербайджанцев на территории обеих частей Азербайджана, были селтджукско-огузские и монгольские племена, проникшие в регион в XI – XIII вв.,хотя допускается. Что отдельные тюркские племена жили в Албании ещё с середины I тыс. до н.э. «Наиболее компактные массы их (тюркские племен – Г.Г.) появились здесь в V- VII и XI – XII вв. С приходом и оседанием этих племён наблюдалось постепенное возобладание итюркского языка над отличными друг от друга языками, на которых долго говорило население Азербайжана» [63, 1, 169].

Концепция складывания азербайджанского народа и его языка в результате огузских завоеваний XI – XII вв. поддерживается и иранскими историками (Ахмед Кесреви, Абдудали Каранг, Мухаммед Джавад Машкур, Джамаладдин Фагих и др). Например, Ахмед Кесреви [538, 216], пишет, что распространение тюркского языка на территории Южного Азербайджана связыно с сельджуками и хорезмшахскими завоеваниями за 200 лет. При этом неясно, каким образом за 200 лет можно поменять язык местного населения. В особенности городов. И. во-вторых, если сельджуки-огузы «изменили» за 200 лет язык местного населения, то почему, как отметил Мукаррамлук Пишавари, персы не смогли поменять азербайджанский язык на персидский за 600 лет? [106, 250].

В азербайджангской историографии появление первого тюркского этнического компонента в Албании связывали лишь с гуннами первых веков нашей эры (З.И.Ямпольский, Ю.Б.Юсифов, В.Л.Гукасян, Ю.Джафаров, Р.А.Гусейнов и др.). Это вытекало из господствующих концепций о ираноязычности скифов, сков, сарматв и кавказоязычности албанов , гаргаров, гугаров, каспиев и др. и поэтому считалось, что до гуннов тюркских племен в Албании и Атропатены быть не могло.

Теперь вкратце приведем доводы, указывающие на несостоятельность этой изложенной общепринятой концепции.

1. По поводу кавказоязычных .албанов — в данном случае носителей конкретного этнонима албан. Южнее Куры в Албании, где, несомненно, также жили носители этнонима албан, ни в древности, ни в последующие времена не обнаруживается ни одного кавказоязычного топонима. В. И. Абаев писал: «Народы и племена, сменяя друг друга на определенной территории, не исчезают бесследно. Каждое новое племя получает и сохраняет кое-что от своих предшественников. Это «кое-что» может быть очень малым и скромным, скажем какое-то количество топонимов» [109, 41]. Если в междуречье Куры и Аракса в раннем средневековье обитали бы кавказоязычные племена (в данном случае «кавказоязычные албаны») до появления тюркоязычных племен в XI—XII вв., то здесь должны были сохраниться в виде субстрата иноязычные, т. е. кавказоязычные топонимы. Однако ниже реки Куры, как отмечено, они не встречаются. Кроме того,если бы существовал албанский язык иной языковой семьи, то тогда, как отмечал Т. И. Гаджиев, должны были в виде субстрата сохраниться такие слова и в азербайджанском языке [102, 11], «Субстрат как раз и есть один из распространейших вариантов этногенетического процесса, когда в результате экспансии одного этнического массива на территорию, населенную другим народом или народами, происходит глубокое взаимодействие, взаимопроникновение и смешение двух или нескольких этнических культур с далеко идущими языковыми последствиями» [111, 39]. Однако слова неизвестного происхождения (кроме знакомых всем персидских и арабских), которые можно было бы считать албанскими, ни в литературном азербайджанском языке, известном уже в XIV в., ни в диалектах обнаружены не были.

Хотя сегодня еще не создан этимологический словарь азербайджанского языка и его диалектов, но все же можно заключить, что в азербайджанском языке северо-восточно-кавказские языковые корни на общедагестанском уровне или хурритские слова отсутствуют. Исключая слова «*arsa*» (*ərsə*) «подросток» «совершеннолетний» (урартск, *аршэ* «юноша», даргинск. *yrsi*. лакск. *ars* «сын», «мальчик» [289, 180}, в азербайджанском языке нет хуррито-урартских слов. Хурритское *ешэ* (*esə*) «лошадь» (лезгинок. *siw* даргинск. *угсі* аварск. *си* «лошадь» [289, 179] и азербайджанок, ешшәк оказались вовсе не хуррито-урартскими, а общетюркскими. Сомнительны и некоторые хуррито-урартско - северокавказские лексические параллели: хурритск. *tem – ari* «арык, канал» — удинск. *tün* «водопровод из черепицы» [289, 775] — ср. азерб. *tünk* «черепичные трубы для водопровода» и *арх* «арык»; урартск. *atə* «отец», табасаранок. *edej* «дедушка», будугск. *ada* «отец» [289, 175] – ср. азерб. *ata* «отец» и десткое *ədə* «отец».

Если бы на территории обеих частей Азербайджана обитали хуррито-северо-восточно-кавказские племена, то в азербайджанском языке должны были иметься слова из северо-восточно- кавказских языков, отражающие их фонологическую систему. Должны были также прослеживаться и особенности фонетического строя этих языков. В азербайджанском языке должны были бы сохраниться, параллельно с тюркскими или отдельно от них, в той или иной степени названия животных, растений, частей тела, блюд и продуктов питания, сельскохозяйственных орудий, элементов ландшафта, идентичные хурритско-северо-восточно-кавказским языкам. Однако такой картины, как мы знаем, не наблюдается. Исключениями являются, например, диалектное слово *нига* «место для рыбной и птичьей ловли» (Куба-Хачмасская зона), (ср. осетинск. щца «прибрежная полоса у реки, поросшая травой» — из кабардинского языка; черкесск. нэка «пойма реки, заливной луг» [114, II, 180], с которыми можно сравнить хиналугск. инга «река», «вода»; азербайджанок, хингал (аварск. хинкал, лезг. *хинках*, табасаранок, *хинкар*, хиналугск. *хинкал*, крызск. *хинкал*, удинск. *хинкал*) — название мучной еды, — азерб. *хингал*; азерб. *кудул* (ритуальная кукла, которую использовали при молениях с целью вызвать дождь или солнечную погоду)—лезг. хуштул, аварск. гвудул, рутульск. хыдил, хиналугск. хыдыл, крызск. хидил и др. Кроме этих единичных диалектных примеров в азербайджанском языке нет ни одного кавказоязычного лексического элемента, который можно было отнести к языку «кавказоязычных» албан. Наоборот, выясняется, что многочисленные слова общедагестанского уровня являются древнетюркскими, что позволяет говорить о влиянии древнетюрского языка на фонетический строй дагестанских языков. Например, азербайджанские слова *порсуг* (барсук), *газ* (гусь), *гула* (легавая собака), *сарымсаг* (чеснок), *газма* (хижина), *йайлыг* (платок), *ярма* (крупа), *тепе* (холм), *оруш* (пастбище), *дузен* (равнина), *булаг* (родник), *кызыл* (золото), *чахмаг* (кремень), *гюмуш* (серебро) и др. являются общедагестанскими и имеются в лезгинском, цахурском, аварском, лакском, хиналугском и др. языках [см. 499]. Древнетюркские слова *пахир* «медь», *калай* «олово», *кадаг* «гвоздь», *гол* «рука», *кой* «баран», *барс* «волк», *саман* «стерня» считаются в дагестанских языках праформами [499]. Это означает, что указанные тюркские слова были восприняты тогда, когда нынешние дагестанские народы составляли единый этнос с единым языком. Во всяком случае этот распад произошел в тысячелетиях, предшествующих нашей эре.

Выявлено, что в Албании, как отмечено выше, к северу от Куры обитало кавказоязычное население — предки современных крызцев, хапутлинцев, будугцев, хиналугцев, аварцев, цахуров и др. (223, 77—94). Это убедительным образом подтверждается сопоставлением цахурск, *хъан* «вода» (арчинск. *кван*, ср. чеченск. *хи*, хиналугск. *хьу*, рутульск. *хьед*, дуинск. *хе*); аварск. *гIор* «река», (хапут.-крызск. кур, будугск. кур, /срызск. кур,

хапутск. *кур*, рутульск. *кор* «река»), что соответственно отражено в гидронимах Ганых (у Страбона—Хан), Иори (у Плиния—Ивер) и Кур (у Страбона—Кир).

Таким образом, кавказоязычность носителей этнонима албан древнего периода и албанской народности раннего средневековья не подтверждается. В то же время считать, что этнос, имевший государственность, культуру и письменность в рамках государства Албании, просуществовавшего с IV в. до н. э. до VIII века н. э., не оставил следа ни в топонимии, ни в азербайджанском языке и его диалектах, т. е. лсчез бесследно, конечно, невозможно. Полная смена одного этноса на определенной территории за короткий исторический период другим этносом, отличным от него по языковой принадлежности, —исключена. Исходя из сказанно-
го, нами было выдвинуто предположение, что носители конкретного этнонима албан были тюрками, а их язык был языком тюркского типа. К этому вопросу мы вернемся ниже.

2. По поводу «кавказоязычности» населения Манны древнего периода.

Какие имеются конкретные факты, свидетельствующие о кавказоязычности (хурритоязычности) или эламоязычности населения Манны? Скажем сразу, что эламоязычность населения территории Манны беспочвенный домысел. Единственное эламское слово шак (*sak*) «сын», которое сравнивали с азербайджанским словом ушак (*usak*) «ребенок», «сын», оказалось древнетюркским: *ушак* «маленький» [51, 617]. Эламский язык, как считают, не имеет отношения к кавказским языкам. Что касается мнения о кавказоязычности (хурритоязычности) населения Манны, то применительно ко всему населению этой территории оно тоже неверно. Это мнение возникло вследствие внешнего сходства этнонима кути в Манне с этнонимом удин, носители которого говорят на дагестанском языке. Сопоставление языка кути в Манне с языком дагестаноязычных удин основано на двух до- водах: во-первых, утии (*uti*) Геродота жили южнее Аракса, там где прежде жили кутии; во-вторых, название носителей этнонима удин в Азербайджане созвучно с этнонимом кути (*quti*) (283, 166). Далее отметили сходство названия области Андиа в Мидии с названием нынешнего дагестанского народа андийцев (см. 283, 98), сходство топонима Дурдукка в Манне с дурдзуками древнегрузинских источников — так называли чечен-ингушей в Дагестане [380, 120—121]. (Е. П. Крупнов считал это мнение необоснованным); сходство названия племени матиен в Атропатене (упомянуто античными авторами) с государством Митания в Передней Азии (II тыс. до н. э.), которое считают хурритским. Полагают также, что гидроним Мантиана у Страбона (Урмийское озеро) восходит к этнониму матиен. Впервые это высказано Н. Г. Адонцом. Он писал, что название озера Мантиана (в источнике Мантиена. — Г. Г.) исходит «от некогда обитавшего там народа» [123, 419]. Это положение позже принято И. М. Дьяконовым [286, 117] и неоднократно повторено И. Г. Алиевым [см. 136]. Однако наименование Мантиана не имеет отношения к этнониму матиен, ибо Страбон пишет, что Мантиана означает «синее» [Страбон XI, 14, 2]. Несомненно, местное название этого озера (в ассирийских источниках — Замуа) должно было звучать как Манти, ибо суффикс **-ана** (или **-ена**) добавлял к нему древнегреческий географ, как и в названиях Араксена, Гогарена, Сиракена и др.

В действительности, матиены обитали в Атропатене совсем в другой зоне, как нам удалось выяснить, на юго-западном побережье Каспия, и это племя вовсе не было хурритоязычным. Об этом мы еще скажем (см. с. 357—359).

В целом рассматриваемая концепция при внимательном анализе представляется абсолютно не убедительной. Мы не отрицаем проживания на этой территории и прилежащих к ней областях хурритоязычных и эламоязычных, а после VIII—VII вв. — ираноязычных племен. Но суть вопроса в том, что они никогда не составляли здесь большинства. В конце концов объективный исследователь должен при внимательном и всестороннем изучении вопроса признать как факт, что часть населения Передней Азии, в том числе Манны и Мидии, по этнической принадлежности составляли алтайские племена.

Ю. Б. Юсифов писал, что «предположения о родстве кутийского и лулубейского языка с эламским, а последнего с хурритским, касситским и другими языками Передней Азии мы считаем необоснованными» [520, 38] и указывал, что «племена, известные под названием су, турукку и лулубей, были разноназванными жителями страны Аратта и, вероятно, принадлежали к алтайской языковой общности» [520, 33]. 10. Б. Юсифовым выявлено, что некоторые топонимы на территории Манны, упоминаемые в ассирийских и урартских источниках VIII—VII вв. до н. э., а также имена маннейских царей Удаки, Иранзу, Аза, Уллусуну, Ахшери и др., а также некоторые имена маннейских правителей (Шулусуну, Ерисинни, Телусину и др.) объясняются на почве тюркских языков [см. 522]. Им же отмечается, что «исследование топонимов клинообразных надписей коренным образом меняет существующие взгляды на этническую историю населения Азербайджана и позволяет заключить, что азербайджанцы являются аборигенными и древнейшими насельниками этого края и они в некоторых регионах, почти как и ныне, жили вперемежку с носителями иранских диалектов» [522, 103]. В пользу этого вывода Ю. Б. Юсифова свидетельствуют и неоспоримые многочисленные шумерско-древнетюркские параллели (92). В советской исторической литературе говорится, что эти параллели якобы являются случайными, но оставляются без ответа вопрос: почему шумерский язык имеет столь много лексических совпадений только с древнетюркскими языками? Непонятно, как объяснить выявленные тюркские п передыеазиатские языковые параллели, которые, в частности, приведены в работах И. Меликова и Ф. А. Джалилова [94, 100—105; 101, 37—41]. На самом деле, пехлевийские *аш (as)* «суп», *астар (astar)* «изнанка», *май (man)* «я», *йамак* (*yamak*) «заплата», *душак (dusak)* «матрац» (ср. азербайджанские *аш, астар, мен, йамаг, дюшэк*, имеющие параллели во всех тюрских языках); хаттские *ашка (aska*) «порог двери»,

кут (kut) «душа», *меh (тек)* «строить», *шебшеб (sabsab)* «обувь» (ср. азербайджанские *ешик, тикмек, тюрке, кут, гут, шапшапы)*; хеттские *те (te)* «говорить», *атта (atta)* «отец», *анна («мать»)*, *паршана (parsana)* «леопард», *кари (kari)* «старый» (ср. древнетюркский *ti* и азерб. *ди, ата, ана, барс, гары*); урартские *куера* (*quera*) «бог Куера» (сравн. хазарск. «бог Куар»), *ти (ti)* «говорит»; *суе (sue)* «озеро»[*], *шан (san)* «сосуд», *сури (suri)* «оружие» (тюркск. *су* в. азерб. *су, чан,* монг. тюркск. *сур* «оружие») — все эти параллели не могут быть случайными. В качестве примера можно указать на один очень интересный изоглосс: хурритск. *ешэ, ешшэ* (*esse*) «лошадь, арм. *еш* (*es*) «осел» (это слово обычно считают индоевропейским) и древнетюркское *ешяк, ешшяк (essak, esak*) [51, 185] во всех современных тюркских языках [62, 1, 117, 318]. Отметим, что это слово тюркским по происхождению считает ряд зарубежных лингвистов, в том числе такие, как Б. Банг, Г. Дерфер и др. [62, 1,377,318].

Поэтому есть все основания предполагать, что на территории Манны, наряду с другими этническими общностями, проживали и алтайские племена.

Выше мы отметили, что начиная с III тыс. до н. э. на территории Иранского Азербайджана в аккадских источниках упоминаются этносы под названиями *кути, лулубе, суби* и др. Об их этнической принадлежности никаких выводов сделать нельзя. Мы приводили мнения исследователей, согласно которым, лулубеи были эламоязычными, а кутии—кавказоязычными. Мнение о эламоязычности лулубеев основывается на наличии окончания **бе** в этнониме лулубе,которое считают окончанием множественности **п (р)** в эламском языке. Считать этноним лулубе, как и каспи, эламоязычным только на том основании, что в них есть суффикс «пи», конечно, нельзя. Если принять такую точку зрения, то окажется, что тюркский суффикс **-лар** в наименовании «фарслар» (персы), «гурчулер» (грузины) свидетельствует о том, что персы и грузины — тюркские народы. Но, как верно отметил И. М. Дьяконов [286, 87], формы лулубе и каспи могли попасть в другие языки через эламское посредство.

Лулубе является иноназванием — так называли это племя урартийцы, ибо на их языке *лулу* означало «враг» [379, 135]. По И. Г. Алиеву лулубеи, в аккадских источниках названы *субар* 1130, 53]. Исходя из этого можно было бы субаров отождествлять с племенем сув, суби в ассирийских источниках с добавлением тюрского *ар* «мужчина», «герой».

Со II тыс. до н. э. (XIV в. до н. э.) в аккадских источниках на территории Мидии упоминается племя каззи [282, 2, 265]. Этот этноним, видимо, является самоназванием, ибо в античных источниках он упомянут в форме коссеи [см. 136, 79]. В последний раз этноним кассы упоминается в связи с событиями 324 г. до н. э. Считается, что язык этого племени был близок эламскому [вслед за Г. Хюзингом, см. 283, 121]. Его носители обитали в нынешнем Луристане. Полагают, что касситский язык был близок к кутайскому, а последний считают родственным северо-восточно-кавказским языкам. В то же время отмечается, что касситский пантеон совершенно отличен от эламского [283, 128]. В другом месте И. М. Дьяконов писал, что предположение о родстве касситов с эламитянами «остается не доказанным» [286, 57].

Существует еще мнение о родстве касситов и каспиями [130, 79]. Об этой близости писал ряд западно-европейских исследователей — С. Шефтоловиц, Г. Хюзинг, В. Грозный, А. Т. Глау и И. М. Дьяконов. По К. Балкану [551, 725—736], в начале II тысячелетия до н. э. носители этнонима кас пришли в Переднюю Азию из Внутренней Азии [551, 723—724]. К. Балкан приводит личные имена правителей касситов: Уламбурийаш (Ulamburiyas), Бурнабурийаш (Burnaburiyas [1375—1347], Куригалзу (Kurigalzu) [1347—1324], Каштилиаш (Kastiliyas), Кадашман— Турди (Kdasman—turdi) (1298—1280), Абирутташ (Abiruttas), Уршидурумаш (Yrsidurumas), Кудур-Енлил (Kudur-Enlil), [1264—1255], Шагаракта — Шурийаш (Sagarakti Suriyas), (1255—1242], Назимарутташ (Nazimaruttas [1324— 1298]. И. Г. Алиев также привел некоторые личные имена касситов: Кадашман-Харве (Kadasman Harve), Караинташ (Karain-Tas), Кара-хардаш (Kara hardas), Кандаш (Kandas) и др. [130, 79, прим. 7]. Он проводит также эламские личные имена Kidinhutritas, Kikkurtas, Hambanitas, Hampan Hastas; кутийск: Egesaus, Jar-lagas и др., [121, 97] и на этом основании касситов считает родственными с эламитянами.

Обращает на себя внимание внешнее сходство отдельных компонентов этих описательных личных имен с древнетюркскими словами *бори (böri*) «волк», в переносном значении «сын» [51, 118], *йаш (yas*) «зеленый», «молодой» [51, 245], *турди* «остался» (в смысле «будет жить» — выражение, характерное для средневековых и даже современных тюркских личных имен Средней Азии), *урши (ursi)* «боец» от *ур* «бить» и суффикса *-чи,* (ср. личное имя Урси из Манны) и др. Касситское суриаш (зипаз) «солнце» (130, 80, сн. 1) можно сравнить с якутским словом *сар* «луна», и если частицу *аш* (as) связать с тюркск. **еш** (es) «друг, приятель», «соучастник», тогда суриаш можно объяснить как «друг Луны». Привлекает внимание компоненты улам «дитя», «отпрыск» (ср. тюркск. *улан, олан* «ребенок», «дитя»); кур (ср. ревнетюркск. *kür* «герой»); таш (ср. тюркск. *таш, даш* «соучастник»); слово *ашрак* «мудрый» можно сопоставить с тюркск. уш «ум», «разум», «мудрость».

Касситские личные имена с компонентами кадаш, кардаш, кандаш, можно сопоставить с древнетюркскими *кадаш* (*qadas*) (родич», «родственник», «родной» и *кандаш (qandas)* «единоутробные братья по отцу» (51,419).

---

[*] Это слово составляет и основу древнего топонима Сюни, к которому восходит гидроним Севан (ср. арм. *цов* «озеро») . Сюни считается фонетические производным от урартского Цуиния «приозерной».

Кутии упоминаются с III тыс. до н. э. Язык их считается близким к хурритским и урартским языкам, но пишут, что кутийские имена на почве этих языков не объясняются. Следовательно кутии не были хурритами и урартами, язык которых представляют родственным языкам северо-кавказских народов. И. М. Дьяконов [283, 110] считал, что кутии были близки к эламской группе (эламиты, касситы, лулубеи и каспии). В целом в отношении этнической принадлежности кутиев и лулубеев в настоящее время нельзя сказать ничего определенного. Но мы считаем, что проблема пратюркской (шире—алтайской) принадлежности некоторых древних этносов Передней Азии, в том числе Манны, не лишена научного интереса. Перелом в этой проблеме может произойти после окончательного выяснения этнической принадлежности шумерского языка.

По поводу ираноязычности атропатенцев. Ход этнического процесса, его ранние этапы, взаимодействия племен на территории Малой Мидии еще нуждаются в разработке. Не изучены и социально-экономические процессы, связанные с развитием здесь производственных отношений на предшествующем этапе этнического процесса. Однако, как будет сказано ниже, племена, населявшие обе части Мидии — Большую и Малую Мидию, отличались по этнической принадлежности друг от друга. Территория Малой Мидии — Манны еще в недрах Ахеменидской державы выделялась как историко-географическая область со своими специфическими этническими особенностями. Там обитали и пратюркские племена. Важную роль в этих процессах играло, несомненно, не только древнейшее этническое состояние региона, но и расселение части киммеров, скифов и саков на территории Манны и Мидии, которые, как будет изложено ниже, были тюркскими племенами. В Мидии не сложилась народность с общеразговорным языком иранского типа, способная ассимилировать иноязычных маннеев. Э. А. Грантовский не прав, утверждая, что еще в VIII веке до н. э. существовал общемидийский общенародный иранский язык [239, 59]. И. М. Дьяконов, предполагал, что мидийский племенной союз пользовался с VIII в. до н. э. межплеменным языком (по его мнению языком племени аризантов) [283, 148—154]. Это маловероятно. В частности, отсутствие перевода надписи Дария в Бехистуне на мидийском языке следует объяснить тем, что единого общемидийского арийского языка не существовало.

В Мидии были племенные языки. Среди них и язык носителей этнонима мадай, матай, а этот язык, как нам представляется, был тюркским, о чем мы скажем ниже.

Если бы население Манны было ассимилировано мидийской народностью (хотя мы знаем, что арийская мидийская народность как таковая не сложилась), то это значило бы, что на территории Манны образовалась ираноязычная народность с иранским общем идийским языком. Однако факты этого не подтверждают, а значит следует согласиться с тем, что «в период, предшествовавший образованию Мидии — Атропатены, какоголибо единого языка (либо иранского, либо каспийского) в Мидии, строго говоря, не было [283, 70].

Поэтому, вопреки мнению сторонников общепринятой концепции, не существовало общемидийского арийского языка (см. ниже, с. 379—380), способного не только ассимилировать языки иноязычных племен Манны, но и сколько-нибудь консолидировать родственные языки ираноязычных племен, потомки которых в лице талышей, гиляков, мазандаранцев, татов, курдов и других западно-иранских племен (см. подробно: 416), сохранились до сих пор на территории Иранского Азербайджана и Южного Прикаспия. В. И. Абаев писал по этому поводу: «Монолитность так называемого мидийского языка столь же сомнительна, как и монолитность персидского. На территории исторической Мидии наблюдается сейчас большая диалектная пестрота. Эта пестрота не могла возникнуть вчера. Она говорит косвенно о языковой пестроте древней Мидии» [110, 252]. Мы считаем, что до появления государства Атропатены ираноязычные племена на данной территории не составляли основу населения. В противном случае Мидия не разделилась бы в конце концов на две части и из нее не выделилась бы Мидия—Атропатена, и в ахеменидское, аршакидское и сасанидское времена население Манны — Малой Мидии — Атропатены стало бы сплошь ираноязычным, а потом сложился бы ираноязычный народ. Но, как видно из источников, часть мидян (население Большой Мидии) стала объектом ассимиляции со стороны персов.

Следовательно, этнический процесс на территории Малой Мидии или будущей Атропатены шел по другому направлению, приведшему в конце концов к образованию тюркоязычной атропатенской народности. Таким образом, следует выделить определенный этап этнического процесса, приведший начиная с IV в. до н. э. к формированию атропатенской народности, которая была исторически сложившейся на определенной территории Атропатены совокупностью людей, отличной от персидской народности на территории Большой Мидии.

Известно, что племенной союз первоначально состоит из родственных по языку племен. В данном случае ни этот союз, ни главенствующие племена в этом союзе не могли быть ираноязычными, потому что не мог в стране с якобы ираноязычным населением в недрах Ахеменидской державы возникнуть другой ираноязычный народ, получивший позже название «атропатенцы». Специфика этногенеза в малой части Мидии, по нашему мнению, заключается в этническом различии между племенами, населявшими эти две части. Наименование «атропатенцы» говорит о том, что существовала этническая общность, отличная по языковой принадлежности от остального населения на территории Мидии. Если же считать атропатенцев этнической общностью, то следует прийти к выводу, что существовал общий язык этой народности, ибо, как известно, народность возникает на почве общности языка и территории. Этот общеразговорный язык был, по нашему глубокому убеждению, языком тюркского типа.

Гипотезу о ираноязычности атропатенцев можно было бы признать верной, если бы действительно образовавшийся в раннем средневековье азербайджанский народ оказался ираноязычным. Иными словами, если бы в Атропатене было ираноязычное население, то там в раннем средневековье не сложился бы тюркский народ — азербайджанцы. Язык «азери» не был общеразговорным, единым языком населения всей Атропатены. Это был, в основном, язык талышей и других ираноязычных племен. Б. В. Миллер [397, 254 и след.] отмечает, что язык стихотворения, который стал известен в XIV веке под названием азери, — это талышский язык. По А. П. Новосельцову, центром распространения азерийского языка был округ Ардебиль, а не весь Азербайджан [411, 52]. Если же не было общеразговорного языка азери, то значит, в Азербайджане не было и сложившегося ираноязычного народа, для которого язык азери был бы общеупотребительным языком, (см. подробно ниже, с. 382—385).

По нашему мнению, слово «атропатенец» (в древнеармянских источниках «атропатчац», восходящее, вероятно, к атропатчи, от личного имени Атропат и суффикса принадлежности -*чи*), является общим самоназванием атропатенского народа как для ираноязычных, так и тюркоязычных племен в смысле «живущие в Атропатене», тогда как понятие азери охватывало только ираноязычные племена Атропатены — талышей, гиляков, мазандаранцев и др. Кроме языка азери, являвшегося, по нашему мнению, языком ираноязычных племен, в Атропатене жило тюркоязычное население — потомки тюркских племен Манны, Мидии, скифов и саков. Они не были ассимилированы чоаноязычными племенами

Таким образом, критический разбор общепринятой концепции приводит нас к выводу о том, что для объяснения процесса формировгния азербайджанского народа на территории Атропатены она не годится.

Ниже мы скажем подробнее о некоторых племенах Атропатены, обитавших там с начала — I тыс. до н. э., и отметим, что основными компонентами этнического процесса на территории Атропатены являлись пратюркские этнические общности со времени Манны и Мидии, среди которых определенное место занимали также скифы, киммеры и саки. Сравнительно недавно было отмечено, что на территории Атропатены с глубокой древности обитали племена, языки некоторых из которых относились к алтайской группе [523].

Критикуемая нами концепция исключает из этнического процесса на территории Манны не только древние пратюркские племена, но также скифов и саков, которые, несомненно, играли большую роль в формировании атропатенской народности и являлись, как мы покажем, тюркоязычными. Именно это тюркское ядро следует считать основным и древним компонентом атропатенской народности, который в дальнейшем, в раннем средневековье, консолидируясь с прибывшими сюда тюркскими племенями, образовал азербайджанский народ на юге страны.

На основе консолидации тюркских племен к X—XI вв. уже существовал общеразговорный азербайджанский язык, лексические элементы которого отражены в творчестве Гатрана Тебризи (1012—1088).

Если бы в раннем средневековье до сельджукско-огузских завоеваний на территории Иранского Азербайджана существовала ираноязычная народность с ирапоязычным языком, отличным от персидского, то в этом случае в азербайджанском языке на юге и в литературном языке средних веков должны были сохраниться слова , принадлежащие к этому «иранскому» языку. Однако кроме знакомых персидских, ираноязычных слов в азербайджанском языке таких элементов не сохранилось. Это говорит о том, что народность, существовавшая в то время на территории Иранского Азербайджана, не была ираноязычной.

Из сказанного выше вытекает, что здесь должно было существовать первоначальное тюркское ядро, которое в совокупности с последующими исторически засвидетельствованными тюркскими переселениями в раннем средневековье привело к сложению азербайджанского народа. Проникшие в этот регион в раннем средневековье полукочевые племена (гунны, болгары, хазары, сувары, авары, кыпчаки, чолы и др.), стоявшие в то время по своему культурному уровню ниже местного населения Албании — Атропатены, без такого ядра в условиях феодального строя не смогли бы консолидироваться между собой так быстро, чтобы к XIII веку сложился азербайджанский письменный язык.

3. По поводу роли сельджукских огузов в этногенезе азербайджанцев. Как уже было указано выше, мнение об исключительной ираноязычности населения Иранского Азербайджана и кавказоязычности населения Советского Азербайджана до сельджукско-огузских завоеваний является господствующим и оно нашло свое отражение во многих работах, в том числе и в «Истории Азербайджана». Таким образом, получается, например, что этническая картина Атропатены менялась дважды: сначала кавказоязычное население превратилось в ираноязычное, затем в после XI—XII вв. произошла его тюркизация.

Следует особо отметить, что с легкой руки некоторых исследователей очень часто одни народы через короткое время оказывались «ассимилированными» другими. Здесь заметно весьма вольное обращение с таким сложным вопросом, как ассимиляция. Многие современные среднеазиатские и северокавказские тюркоязычные народы объявлены ими тюркизированными ираноязычными племенами. Так, например, Н. Я. Марр считал, что, тюркоязычные карачаевцы и балкары были исконно кавказоязычными [373, 11—14], а по В. И. Абаеву, балкары — отуреченные ираноязычные аланы [109, 43, 47]. Так поступили, например, и со многими древними этносами Передней Азии, «ассимилируя», то один, то другой этнос по собственному желанию, так поступают и с древним населением на территории обеих частей Азербайджана.

Конечно, все эти построения выглядят неубедительными. Никакой полной ассимиляции — исчезновения языка и вместе с тем этнической общности в условиях феодальной раздробленности, отсутствия двуязычия, при котором один из языков был бы общеразговорным, государственным языком, — в раннем средневековье и средних веках в интересующем нас регионе не отмечалось.

При первой же попытке глубокого анализа существующей общепринятой концепции обнаруживается несоответствии ее научно установленным данным. Налицо такой бесспорный исторический факт, что в XIII веке уже существовал литературный азербайджанский язык. Указанная же концепция никак не объясняет, в результате каких факторов этнического процесса мог произойти такой резкий поворот и вообще, возможно ли, чтобы за короткий исторический период в XI—XIII вв. атропатенская (ираноязычная) и албанская (кавказоязычная) народности, утеряв свой язык, ассимилируясь, стали тюркоязычными?

В первом томе «Истории Азербайджана», вышедшем в 1958 г., отмечено, что «поселяясь в Азербайджане, эти племена (огузы и кыпчаки.— Г. Г.) со временем слились с местным населением. Все это способствовало интенсификации процесса языковой тюркизации коренного населения Азербайджана, и в конечном счете, консолидации азербайджанской народности» [63, 1, 63—64]. Недавно, Р. А. Гусейнов в частности писал, что в результате сельджукского завоевания «местное население переживало языковую тюркизацию» [263, 103].

Этот вывод представляется нам неверным по следующим причинам. Если местное население говорило на ином языке, чем сельджуки—огузы и кыпчаки, — то как мог идти процесс консолидации между разноязычными этносами в период феодализма? Ведь азбучной истиной этнографии является положение о том, что консолидация происходит между родственными племенами. Ясно, что этнический процесс между разными этническими общностями мог быть только ассимиляцией, т. е. процессом, в результате которого одна из этнических общностей подвергается языковой ассимиляции и сливается с другой этнической общностью. Поэтому указанный вывод может быть верным только в том случае, если и местное население в Албании и Атропатене было генетически (этнически) и по языку близко и к огузам, и к кыпчакам. Но, как известно, господствующая концепция такую этническую близость не признает. В связи с этим в приведенной цитате неправильным, по нашему мнению, является и выражение «языковая тюркизация». Ведь, как известно, языковая ассимиляция может происходить в основном в двух случаях: 1. Определенный этнос в пределах определенной области расширяет постепенно свою территорию расселения, ассимилирует часть населения иной (или иных) языковой семьи этой же территории;2. Пришельцы подвергают языковой ассимиляции население определенного региона или определенной территории, куда они пришли, и их язык становится постепенно общим как для пришлых, так и для местных жителей, а затем этот язык расширяет свою сферу влияния. В обоих случаях, однако, не происходит полная языковая ассимиляция. Второй вариант в данном случае не подходит, еще потому что, такого массового переселения сельджукско-огузских племен, какое имело местое в Малой Азии, не было в Атропатене и Албании. На территорию Северного Азербайджана эти племена переселялись в основном с юга в XV— XVI вв. Сефевидами как кызылбашские [см. 224]. В Азербайджане не образовалось тюркское государственное образование подобное тем, какие были в Малой Азии, и которое могло бы способствовать миграции огузских племен. Эти племена использовались в основном для ведения войн с соседями, и правители старались держать их подальше от больших городов, опасаясь их воинственного нрава и возможных грабежей населения.

Что же касается времени монгольских завоеваний и переселения тюркских племен (XIII—XIV вв.), то к.тому времени уже существовал литературный азербайджанский язык. Огузские племена осваивали территорию Малой Азии в течение XI — XIII вв., в дальнейшем там сложились государственные образования, но только после становления Османской империи (XIII—XV вв.) там стал активно происходить процесс складывания турецкой народности, однако без общего самоназвания. Кроме того, если бы азербайджанский народ и его язык возникли на почве сельджуков – Огузов, то этот процесс завершился бы в тот же период, что и в Малой Азии, т.е. в XV-XVI вв.

Заметим сразу, что в Азербайджане после сельджукско-огузских завоеваний языковой ассимиляции не могло быть—происходила консолидация, но позже в связи с тем, что азербайджанский язык стал межплеменным, оказалась ассимилированной часть кавказоязычных и ираноязычных (на севере) и ираноязычных (на юге) племен.

По этому поводу Ю. Б. Юсифов писал: «До сих пор этническая история Азербайджана рассматривалась в рамках универсальной концепции, т. е. появление тюркоязычного населения в Азербайджане связывали с приходом сельджуков в XI—XII вв. и азербайджанцев принимали за тюркизированных ираноязычных и отчасти кавказоязычных этносов» [523, 15]. Отсюда можно прийти к выводу, что этнический процесс, в результате которого сложился азербайджанский народ, в раннем средневековье характеризуется процессами, протекавшими на территории Албании и Атропатены между тюркоязычным населением (как аборигенным, так и пришлым), с одной стороны, и кавказоязычными и ираноязычными этническими группами, с другой. Это процесс происходил в средние века, продолжается он и ныне в Советском Азербайджане. В результате него часть ираноязычных курдов, татов и талышей, а также определенная часть кавказоязычного населения северо-западной и северо-восточной Албании перешла на тюркский (азербайджанский) язык и, следовательно, в результате «языковой тюркизации», деэтнизировалась.

Заметим, что взаимодействия пришлых племен с местным населением подчинены присущим этническому процессу определенным закономерностям. Если иммигранты (завоеватели) иной этнической принадлежности составляют большинство в численном отношении, переселяются компактно и политическая власть принадлежит им, то они ассимилируют местное население, особенно если это население, разноплеменное и живет чересполосно с прибывшими. Мы не согласны с А. П. Новосельцевым, предположившим, что в процессе этнических изменений местное население могло перейти к другому языку,

если «количественно даже преобладает над пришельцами, принесшими новый язык» (411, 21). Количественно малочисленные завоеватели (в данном случае огузы и кыпчаки). Принесшие тюркский язык, не были бы в состоянии подвергнуть языковой ассимиляции местное население в Албании и Атропатене, если бы это насление говорило на ином языке. Этнический синтез в этом случае не мог завершиться утерей языка преобладающего местного населения в Албании и Атропатене. Поэтому следует призанть ошибочным следующее мнение, «…но язык тюркской группы побеждает в Азербайджане скорее всего в эти столетия (XI—XII вв. — Л Г.) и к этому времени можно отнести завершение многовекового и многопланового процесса формирования азербайджанской народности» [263, 109]

Как видим, сторонники господствующей концепции не объясняют ход процесса складывания азербайджанского народа, не объясняют, как случилось, что население обеих частей Азербайджана, разное по этнической принадлежности (кавказоязычное в Албании, ираноязычное в Атропатене), одновременно перешло на тюркский язык, если, как отмечал И. М. Дьяконов, «носители победившего языка в численном отношении были в меньшинстве», [285, 5]. В этом случае, как правильно писал В. Л. Гукасян [250, 118}, «до сельджукидов такую же миссию могли выполнять персидский или арабские языки», тем более, что персидский язык был письменным, а арабский язык — языком господствующей религии. Наоборот, мы видим, что даже переселившиеся в VII—VIII вв. в Азербайджан арабские племена перешли в XIV в. уже на азербайджанский язык, т. е. ассимилировались. Если азербайджанский народ и его язык складывались только после XII века, то почему же ассимилировались арабские племена? Поэтому, как верно отметил В. Л. Гукасян [250, 119], возобладание тюркского языка в Азербайджане обусловливается тем, что до прихода огузов и кыпчаков здесь уже имелась тюркская почва.

Надо особо подчеркнуть, что в течение такого сравнительно небольшого исторического периода, как сто-двести лет (ибо и ХШ—XIV вв. уже известны образцы азербайджанского письменного языка) без этногенетического и глоттогенетического процесса, характеризующегося консолидацией родственных по языку и этнической принадлежности этносов, формирование азербайджанского народа и его языка не могло быть завершено, и поэтому завоевание Азербайджана огузами не могло бы в этом случае привести к образованию нового тюркоязычного народа. К тому же надо отметить, что, во-первых, сельджукско-огузские племена вели полукочевой образ жизни, а это не могло ускорить консолидацию неродственных племен с развитыми формами хозяйства и культуры в Албании и Атропатене; во-вторых, как показали топонимические исследования, огузские племена появились на территории Советского Азербайджана и основали здесь населенные пункты в основном в XIV—XV вв. Укажем и на другое: огузские племена (авшары, каджары, кашкайцы и др.) в Южном Азербайджане до сих пор живут обособленно, в форме этнографических групп. Почему же они не ассимилированы ираноязычным населением в этой части страны?

Поэтому прав Т. И. Гаджиев, утверждая, что без существования общеразговорного языка за столь короткий срок (XI— XIII вв.) не сформировался бы литературный азербайджанский язык. К тому же пришедшие в раннем средневековье тюркские племена говорили на разных тюркских языках и диалектах, которые за короткий исторический период не могли оформиться в литературный язык [112, 15], Ведь образование и формирование всякого языка — продукт длительного этнического и глоттогенетического процесса. Если в XIII—XIV вв. уже существовал литературный азербайджанский язык, то этому непременно предшествовал период глоттогенеза. Т. И. Гаджиев привел шесть аргументов в пользу того, что до XIII—XIV вв. уже должен был существовать азербайджанский общеразговорочный язык [102, 39—46] и его доводы следует признать вполне логичными.

Путем реконструирования древнеазербайджанских корневых систем В. И. Асланов также пришел к выводу, что еще до письменного периода уже существовал общеразговорный азербайджанский язык [254, 108—194].

Считается, что поскольку азербайджанский язык относится к огузской группе тюркских языков, а огузы появились в данном регионе в XI—XII вв., то и язык их должен был формироваться после указанного периода [411, 56, прим. 150]. Однако факты ставят под сомнение подобную версию. Во-первых, огузский язык входит в западнохунскую ветвь тюркских языков, к которой относились языки гуннов и болгаров, а роль последних в этногенезе азербайджанцев достаточно велика. Например, ниже (см. гл. II) будет отмечено, что в первых веках н. э. в Албании обитали печенеги, а, по мнению А. Н. Баскакова, печенеги генетически восходят к огузам [171, 255]; во-вторых, в X-—X1 вв. на Северном Кавказе также обитали гуннские племена — кутургуры, оногуры, сарагуры, утигуры, огуры, и другие [271], в наименованиях которых отражен этноним огуз (огур—огуз — варианты одного названия, фонетически различающиеся по закону ротацизмазетацизма см. 172, 14—15] в фонетической форме огур. По М. М. Дьяконову, сарагуры (т. е. сарыогузы) проникли в Закавказье в V в. [290]. Венгерский тюрколог Ю. Немет этноним оногур этимологизировал как «десять огуз» [приводится по 172, 201]. Моисей Каланкатуйский сообщает, что во время царствования персидского царя Шапура II «выступили в Албанию оногуры во главе «безобразного великана» (кн. II, гл. 1). Ниже будет отмечено, что в топонимии обоих частей Азербайджана оставил след этноним агаджери, который в форме агатирс упомянут еще Геродотом среди скифов Северного Причерноморья (см. ниже с. 293). В. Ф. Минорский [588, 149] агаджери считает названием одного из древних племен огузов. Топонимы Ганджа (к) в Атропатене и в Албании мы связываем с древнетюркским племенем кенджек (см. ниже, с. 325), название которого М. Фасмер [61, 3, 265] считает названием рода огузов.

В свете приведенных фактов становится ясным, что огузы в то время находились среди гуннов, а последние играли определенную роль в этногенезе азербайджанцев, тем более, что оногуры (т. е. оногузы), известные в источниках еще как хайландуры (у Егише), в 461—462 гг. находились в Албании, а в дальнейшем с конца V века господствующая роль на Северном Кавказе переходит к суварам [271, 65], возможно, часть оногуров позднее могла поселиться в Албании среди суваров. Огузские племена могли проникнуть в Атропатену и Албанию вместе с другими племенными объединениями, существовавшими в первых веках нашей эры. Птолемей (II в.) в Средней Азии помещает племя аугаси, а С. П. Толстов считает этот этноним искажением от Огуз и локализует и это племя в дельте Сырдарьи [479, 50].

Таким образом, огузские элементы в азербайджанском языке могли существовать до появления сельджукских огузов в XI— XII вв. Появление огузизмов в азербайджанском языке является результатом неоднократных миграционных процессов. Это подтверждается и авторитетным мнением Н. З. Гаджиевой, считавшей, что «Народы, пришедшие, например, в район современного Азербайджана, уже на самых ранних этапах являлись носителями языков, содержащих огузизмы, и кыпчакизмы» [206, 208], что «эпохе чистых огузских и кыпчакских языков предшествовало состояние с более смешанными чертами» [там же, 204], что «огузские и кыпчакские диалектные черты были во всех тюркских языках» [там же, 211], что «сельджукские миграционные потоки нельзя связывать только с XI—XII вв., они имели место и гораздо раньше» [там же, 280]. Поэтому мы считаем, что сельджукско-огузское нашествие не явилось судьбоносным событием в этногенезе азербайджанцев.

Порочность разбираемой нами концепции заключается в том, что она возникла под влиянием догматических воззрений иранистов, согласно которым территория от Карпат до Китая была объявлена для древнего периода истории местом расселения ираноязычных племен, а проникновение тюркских племен в Переднюю Азию в этот период исключалось. Многие тюркские народы Средней Азии и Казахстана, Ирана и Закавказья были объявлены воспринявшими тюркский язык в раннем средневековье и в последующие века. При этом не объяснялось, каким же образом происходили такие процессы. Оказавшись в плену в той концепции, исследователи истории азербайджанского языка дописьменного периода не могли в то же время найти генетическую связь между современным азербайджанским языком и языками атропатенцев и албан, поскольку, как верно отметил Т. И. Гаджиев, не была известна этническая природа атропатенского и албанского народов [102, 12—13],

В результате некритического восприятия указанной концепции периодизация азербайджанского языка дописьменного периода оказалась научно не обоснованной и необъективной. Этим можно объяснить возникновение различных мнений о том, что азербайджанский народ формировался или в V—VI вв. [102, 34] или же в VII—X вв. [86, 45; 87, 15]. Что касается азербайджанского общеразговорного языка, то и в этом вопросе мнения ученых расходятся. Одни относят время зарождения его к V—VI вв. [102, 34], другие к У—УН вв. [86, 45] третьи к VII—X вв. [87, 75], четвертые после XI—XII вв. [167, II, I, 775;, 323, 11; 183, 179; 411, 21 и др.], пятые к XII—XIV вв. [93, 26}. Из-за той же концепции, не дающей возможности определить, в частности, этническую принадлежность албанов и атропатенцев и установить время формирования азербайджанского народа и его языка, невозможна было перейти от общих суждений к научно обоснованному ответу на различного рода фальсификаторские гипотезы по поводу происхождения азербайджанского народа, имеющие хождение в зарубежной исторической науке. Такая тенденция особенно характерна для иранской историографии, в которой Низами Гянджеви, Хагани Ширвани, Гатран Тебризи, Ахвади Марагаи и другие считаются по этнической принадлежности персами, а Физули и Хатаи— не азербайджанцами, а«вообще тюрками». Такое мнение полностью соответствует господствовавшей концепции происхождения азербайджанского народа и его языка в иранской историографии. Если азербайджанский народ и его язык возникли после огузских и монгольских завоеваний в XI— XII вв. и XII—XIII вв., в то время когда уже были известны Гатран Тебризи, Хагани Ширвани и Низами Гянджеви, то они по этнической принадлежности должны были быть или персами или выходцами из каких-то кавказоязычных народов, но раз они творили на персидском языке, то, скорее всего — персами. Иранские исследователи М. Мугаддам, Джамаладдин Фагих, А. Кесреви Тебризи и другие считают азербайджанский язык по существу диалектом персидского языка, «испорченным» тюркскими словами. В этом случае азербайджанские ученые-богословы VIII—X вв., писавшие на арабском языке, по происхождению должны считаться арабами.

Эта концепция согласуется с мнением западно-европейских фальсификаторов, считающих, что азербайджанский язык возник лишь в период монгольских завоеваний и был насильно насажден в Азербайджане. Так, например, охарактеризован азербайджанский язык в первом томе «Энциклопедии Ислама», вышедшем в Лондоне.

Попытка связать происхождение азербайджанского языка е огузскнми завоеваниями XI—XII вв. согласуется и с распространенным в Турции (например, на страницах журнала «Турк культуру») мнением, что азербайджанский язык является лишь говором литературного турецкого языка (возникшего, по авторитетному мнению советских тюркологов, в XV—XVI вв.), который действительно является результатом огузских завоеваний Анатолии.

Именно неразработанность этой проблемы, отсутствие научно обоснованной концепции этногенеза азербайджанцев явились причиной того, что появились фальсификаторские домыслы в отношении происхождения азербайджанцев древнего периода раннего средневековья, относящие их целиком то к ираноязычным, то к кавказоязычным народам (а по концепции армянских исследователей — население

междуречья Албании было армянским). В конечном счете эти неосновательные домыслы были взяты на вооружение армянскими националистами, чтобы обосновать свои незаконные территориальные претензии.

В сложении национального языка большую роль играли культурные центры — города, ибо закономерно, что языки формируются на основе диалектов культурных центров. А в обеих частях Азербайджана таких центров еще в раннем средневековье было много. Так, в Атропатене и Арране существовали культурные центры Барда, Гянджа, Тебриз, Ардебиль, Баку, Шеки, Шемаха и другие. Тогда, если исходить из критикуемой нами концепции, в Азербайджане должен был сформироваться или ираноязычный (в Атропатене) или же кавказоязычный (в Албании) общенародный язык! Равным образом, исходя из этой концепции, население раннесредневековых городов в обеих частях Азербайджана до сельджукско-огузских завоеваний должно было быть или иранским на юге (Тебриз, Ардебиль, Хой, Салмас, Барда, Гянджа и др.) или кавказоязычным на севере (Гянджа, Барда, Баку, Шаберан, Шеки, Шамхор, Казах, Тауз), несмотря на то, что наименования этих раннесредневековых городов не объясняются ни на иранском, ни на кавказских языках. В настоящее время уже известно, что наименования албанских городов Албан, Гянджа, Чол, Шеки, Казах, Хунан, Шаберан и других отражают тюркские этнонимы албан,, кенджек, чол, шака, казах, гунн, савар, а топонимы V—VII вв. Аранрот, Гороз, Тертер, Гаргар» Кангар, Пазканк и другие восходят к тюркским этнонимам аран (оран), хур (горос), тертер, гаргар, кангар, печенег. Связывать эти топонимы с сельджукско-огузскими завоеваниями, естественно, нельзя, ибо кочевые огузские племена — скотоводы, обитавшие вне городов — никак не могли ассимилировать предполагаемое кавказоязычное и ираноязычное население этих городов.

Изъяны господствующей концепции налицо. В целом она не объясняет, какой была этническая принадлежность компонентов этнического процесса в обеих частях Азербайджана, который в конце концов привел к складыванию азербайджанского народа. Шаткость этой концепции и ранее была подмечена некоторыми исследователями, чувствовавшими ее несостоятельность. Появились сомнения в вопросе о кавказоязычности всех албан, гаргаров, гугаров, каспиев и ираноязычности саков. Так, К. Г. Алиев ставил вопрос о существовании этноса албан («на территории восточного Кавказа обитало население, этноним которого действительно имел форму «албан»), [144, 56] и связи этонима албан в Албании с тюркским этнонимом албан у казахов и туркмен [90, 82]. Он, в частности, писал, что «попытки связать название албан с кавказской языковой средой не увенчались успехом» [144, 156]. Ставили эту проблему и языковеды. В. Л. Гукасян писал, что «победа тюркского языка в Азербайджане обусловливается тем, что до прихода сюда огузов и кыпчаков имелась тюркоязычная почва» [250, 119]. В этом же духе высказывались Э. Демирчизаде, М. А. Исмайлов, Т. И. Гаджиев, С. С. Алияров, Ф. А. Джалилов и др.

За последние годы, благодаря исследованиям Ю. Б. Юсифова, К. Г. Алиева, С. С. Аиярова, Т. И. Гаджнева и в основном автора этих строк, была внесена определенная ясность в данную проблему, в результате чего стали вырисовываться контуры новой концепции, согласно которой вопросы происхождения азербайджанского народа и его языка начали решаться с иных позицдий. Эта новая концепция начала складываться с конца 60-х—начала 70-х годов и пробивала себе путь несмотря на упорное противодействие, преодолевая догматические схемы. Подчеркнем, что борьба шла и идет с концепцией, долгое время считавшейся единственно верной, общепризнанной. Неудивительно, что с самого начала (да и ныне) сторонники (в том числе автор настоящей работы) новой концепции как во всесоюзной, так и местной периодике И. Г. Алиевым назывались «дилетантами» (любимое выражение, употребляемое также И. М. Дьяконовым) и даже «пантюркистами». Однако постепенно появились статьи об этнической принадлежности большинства племен Албании, упоминаемых в раннесредневековых источниках, в частности, носителей этнонимов сака, албан, гаргар, чол, шамах, эр, лбин, силе, джигб и др. [213; 219; 224]. Выяснилось, что носители этнонимов албан, гаргар, сака являлись тюркоязычными [220; 224]. Оказалось, что тюркоязычные араны, тертеры, кангары, хурсы, печенеги, санары и гунны жили в Албании еще в первые века н. э. С. С. Алияров писал, что наиболее значительными этническими группами в раннем средневековье были «собирательно обозначаемые как «албаны» и «атропатийцы», а в их составе тюркоязычный массив, игравший доминирующую роль в этнических процессах и расширяющийся постепенно за счет кочевых инфильтраций. Обитали здесь и группы пришлых ираноязычных племен» [146, 4].

Появление статей Ю. Б. Юсифова о языковой принадлежности маннейских топонимов I тыс. до н. э. коренным образом изменило многие прежние представления в этой области. Об обитании тюркоязычного населения в Азербайджане, как указывалось выше, ясно свидетельствуют топонимы протоазербайджанского периода, отраженные в клинообразных надписях III—I тыс. до н. э. [522, 24]. И хотя эта новая концепция, безусловно, нуждается в доработке, а некоторые вопросы в уточнении, но тем не менее, думается, что она точнее и объективнее отражает существующее положение вещей. По новой концепции, в обеих частях Азербайджана с древнейших времен существовали тюркские этнические общности, и в результате этнических процессов, происходивших между ними и раннесредневековыми тюркскими племенами, образовался азербайджанский народ.

Однако в вопросе о том, когда именно эти процессы привели к складыванию азербайджанского народа и его языка, между исследователями еще существует некоторые разногласия, о чем мы упоминали выше. Так, недавно Ю. Б. Юсифов писал, что «древнеазербайджанский язык на общетюркской основе сложился в III—VII вв. и к VII вв. завершилось сложение азербайджанского народа» [522, 101]. Так считают и некоторые филологи, о чем мы скажем ниже. Однако, по нашему мнению, в указанные века функционировали албанский и атропатенские языки, а последние еще не были современным азербайджанским языком, который складывался

на основе албанского и атропатенского языков и языков тюркских племен раннего средневековья. Ниже будет показано, что завершение этого процесса следует скорее всего отнести примерно к X веку.

Предлагаемая читателям работа имеет своей целью подробное обоснование этой концепции.

* * *

Приступая к изложению концепции об алтайской языковой и этнической принадлежности исторически засвидетельствованных (во всяком случае, начиная с IX—VIII вв. до н. э.) некоторых плененных общностей на территории Манны, Мидии и Албании, считаем необходимым вкратце высказаться по вопросу закономерностей образования тюркских этнонимов. Это, по нашему мнению, в какой-то мере позволит проследить генетические исторические связи между носителями некоторых этнонимов из Манны, Мидии,. ьАтропатены, Албании и Северного Причерноморья скифского времени, с одной стороны, и этнонимами раннесредневековых тюркских этносов Юго-восточной Европы и существующими тюркскими этнонимами Средней Азии, Казахстана, Сибири и Алтая, с другой.

Следует отметить, что существующие этимологии ряда древнетюркских и ныне существующих тюркских этнонимов, предложенные как зарубежными, так и советскими исследователями, в основном следует признать неудовлетворительными. В частности, это можно сказать по отношению этнонимов болгар, гаргар, башкир, кангар, казах, туркмен, печенег, савар (сабир) и др. Не выдерживает критики этимология печенегских этнонимов, предложенная венгерским тюркологом Ю. Неметом (594; 595). Невозможно согласиться и со многими этимологиями тюркских этнонимов, принадлежащими В. И. Абаеву, М. И. Артамонову, Н. А. Баскакову, Д. Е. Еремееву, Г. Ф. Благовой, М. Сейидову и др. Например, нельзя согласиться с этимологиями ряда древнетюркских этнонимов, предложенными Н. А. Баскаковым: *баджанаг* (*печенег*) — от тюркского *баджанак* «муж сестры жены»; *башкурт* (*башкир*) «свояк огур»; *кенджек* «младший сын»; *казак* «вольнонаёмный», «бродяга»; *татар* «испытывающий; *булгар* «возмущающий»; *авар* «сопоставляющийся» и др. [170, 200-209].

Известно, что всякий этноним (имеется в виду самоназвание) образуется согласно грамматическим нормам языка носителей этого же этнонима. Если первые этнонимы возникали ещё в родоплеменном строе, то следовательно, этнонимы того времени отражали структуры племенных языков - диалектов одной языковой общности. В дальнейшем, в результате перегруппировки племён и образования различных народностей, эти племенные названия становились названиями некоторых из этих же народностей, однако с фонетическими особенностями, связанными с чередованиями как некоторых согласных звуков, так и гласных.

Известно также, что аффиксы играют большую роль в словообразовании в тюркских языках. Эта характерная особенность должна была отразиться и в образовании этнонимов. Поэтому древнетюркские этнонимы в основном состояли из односложного компонента (корня), значения которых ныне невозможно установить, с добавлением различных аффиксов, означающих принадлежность и множественность. Эти аффиксы состояли из согласного звука, но, однако, с соединительным гласным звуком, в соответсвии с законом сингармонизма.

Выделяются следующие аффиксы: **к** - аффикс собирательно-множественного числа (и ногда с соединительными гласными – **ак, ык, ок, ук, ик**); **н** (иногда с соединительными гласными – **ан, он, ун, ин**); с (иногда соединительными гласными - **ас, ыс, ус, ис**); **т** (иногда с соединительными гласными – **ат, ыт, ит, ут, от** – см. 445, 57); **чы** (с вариантами **сы, шы, жы**) ; **ты** (с вариантами **ту, ди, ды, ли**); **тар** (с вариантами *дар, лар*). Часть древнетюркских этнонимов включает в себе слово *ар* «мужчина», «герой», баг «отделение», «гоуппа». «отряд» (например, этнонимы карабаг, чылпак, т.е. чолбаг и возможно, узбек); **ел, ил** (с вариантами **ал, ул**) «племя», «народ»; *опа, уба* «кочевье», «род»; **су** «войско», «дружина», а также компоненты **гур (гир), дур, чак** (например : анчак, кыпчак, кенчек, сакчак и др.) **чин,** (с версиями син, шин) (алчин, кабукшин, сакесин, саксин и др.), **чик** (джик) и др.

В ряде этнонимов заметен аффикс **ым, им** со значением «принадлежащий кому-то». Именно с добавлением аффикса **ан, ак, ат**, в некоторых этнонимах к указанному аффиксу получились концовки *ман, мау, мат: буч+ым* (принадлежащие племени буч) +ан, бучман, бушман ; кол+ым+ан (в этнониме колман); *кай+ ым+ак* (вэтнониме каймак); *турк+ым+ан* (в этнониме туркмен); *кар+ым+ан (* в этнониме караман); *тал+ым+ат* (в этнониме *талмат, толмат*) и др. Ряд исследователей в некоторых древнетюркских этнонимах выделяет компонент **ман** и считают его иранским или даже индоевропейским — от мано «влажный», «мокрый», (см. 281), или персидск. манд «подобный», (см. Дж. Клоусон: Turkische and Mongolian Studies. London, 1962. С. 149 н сл.), однако такое толкование в корне не верно. В действительности же компонент май, как видим из вышеприведенных примеров, состоит из аффиксов **м+н**, с соединяющими гласными а, е, у, и. Такую же структуру имеет внешневыделяемый коммонент **мат** (в действительности же от м-тт) в ряде древних этнонимов.

Кроме того, у разных тюркских народов в связи с закономерным чередованием б—в, к-г, г—й, к-х, м-б, п—б, с-ч, ч—ш, с-з, т-д и др., один и тот же этноним имеет различные фонетические варианты.

Некоторые этнонимы образовались в результате добавления аффиксы **ы, и, у** к корню: *бак*+ы (бакы, племя в Средней Азии); *алп+ы* (алпы, племя среди авшаров); *сат+ы* (саты, племя на Алтае); *ут+ и* (ути); *мат+ы* (маты) и др.

Наконец, следует отметить, что для ряда тюрко-монгольских этнонимов еще в древности было характерным добавление частицы «(а) и» в конце этнонимов. По Г. И. Рамстедту, эта частица восходит еще к родоплеменному состоянию алтайской языковой общности [445, 184].

Первоначально, как отмечено выше, вероятно, в родоплеменном периоде каждое племя имело односложное название, от которого в исторически засвидетельствованных и ныне существующих этнонимах сохранились корень или первая компонента. Значения этих корней неясно, возможно, они имеют различное происхождение: могут отражать тотемы, типы и формы хозяйственной деятельности, первобытные формы религии, рельеф местообитапия племени и т. д. (см. 170). Разумеется, первоначально, в период родоплеменного уклада антропонимы (личные имена) еще не составляли основы этнонимов. В связи с сегментацией племен, перегруппировок их с другими появились новые этнонимы, которые состояли из названия первоначального племени с добавлением вышеуказанных аффиксов и слов. Так, по нашему мнению, в основном, образовались сложные и составные этнонимы.

Ниже приведены некоторые корни, составляющие основу многочисленных тюркских и частично монгольских этнонимов. Эти этнонимы можно разделить на три группы.

1. Этнонимы, засвидетельствованные в Манне, Мидии, Атропатене, Албании, Северном Причерноморье в древневосточных, античных и древнеармянских источниках.

2. Этнонимы, засвидетельствованные в составе раннесредневековых тюркских племенных общностей (болгаров, хазаров, печенегов, кыпчаков, огузов и др.).

3. Этнонимы из Средней Азии, Казахстана, Сибири и Алтая.

приводимые в работах дореволюционных русских и современных исследователей.

Выделяются следующие корни, от которых в результате добавления вышеуказанных аффиксов и слов образовались этнонимы, как засвидетельствованные в прошлом, так и существующие до настоящего времени.

аб: аб+ан+т (абант, скифское племя, см. ниже, с. 78); аб+ар(абар, авар); аб+ат (абат, ават); аб+т+ал (абдал, ептал, ефтал); аб+ас (абас, аваз, хазарское племя, см. ниже, с. 78); аб+ас+ат (абасат);
ак: ак+ы (акы); ак+ас+ир (акацир, скифское племя, см. ниже, с. 293); ак+ас+ер (акаджер); ак+оба+т (охват, скифское племя, см. ниже, с. 256);
ал: ал+ан (алан, план, улан); ал+ар (алар); ал+ат (алат, олат, олет); ал + чин (алчин), ал+м+ат (алмат);
алп: алп+ан (албан); алп+а+ут (алпаут); алп+а+т (албат, тюркское племя, см. 41, I, кн. 1, с. 129); алп+ы (алпы);
анг: анг-{-ут (онгут); анг-гчак (анджа, онджа, с отпадением конечного «к», как в этнониме кенчек — кендже, см. ниже с. 94);
*а*р: ар+ан (аран; оран, уран, см. ниже, с. 119); ар Л-ал (арал); ар+ал+ат (аралат, монгольское племя, см. 41,1, кн. 1, 169); ар+ык (арык)', ур+ан+к+ай (уранкай, урйанкай); ур+ й+ат (урйат); ур+ус (у рус, орыс);
ас (-аз): ас+ык (асык, азык, племя у узбеков); аз+ым+ат (язамат, с протезом «и», скифское племя); аз + (с протезом «и»—йаз)+ык (языг, сарматское племя); ас+ел (асил); асыл+глу (асыллу, осаллу, Насыллы); ас+ык+ел (аскел, ескил, искал), ас+ут (асут, монгольское племя, см. 41, кн. I, 66); ис+ик+ут (искут, скит); искут+ай (ашгузай, искутай, ишкузай, см.
ниже, с. 315); еч+ик (ечиг);
ат: ат+ил (атил, ад ил, итил); ут+и (ути, уди); уди+ит (удуит); ути+гур (утигур); ути+дур (утидур, утидорс, см. ниже, с. 149); уду+лу (удулу);
бай: бай+ан (байан. боян); байан+дур (байандур); бай+ат (байат); бай+а+ут (байаут); бай+гур (байгур, байгара): бай+ел+ак+ас (байлакас);
бак: бак+ай (бакай); бак + ал (бакал); бак+ыс (багыш); бак-ы (бакы);
бар: бар+ак (барак); бар+ан (баран, барани); баран + ты (баранда, берендей, веренде); бар+л+ас (барлас); бар 4-ал—ат (паралат, скифское племя); бар + оба (бараба); бар + гут (баргут); бар+с-г-ан (варсан); бар+с+ак (варсак); бар+с+ил (барсил); бар+чы (шы) (баршы); бур+ут (бурут); бор+ч+ел+и (борчели, борчала, бурджоглу); бар+ын (барын);
бал: бал+ык (балык); балык+чы (балыкчы); балык + ар (балкар, болгар, булгар); балык+ел+и (балгол ы); бул+ат (булат); бул+ак4-а+чин (булгачин);
бас: бас+ар (басар, базар); бас+ил (басил);
бас(ч)+ан+ак (бачанак, печенег); бас+уз (басыз); бас+гур+т (башкурт, башкир); бас+т+ан (бостан); бос+ун (босун); боз+ел (бозал, бизал, хазарское племя); бус (бус, мидийское племя); бус+ер—ым +ан (бусерман); буч: буч+ак (буджак); буч+м+ан (бучман);
как: как + ас (хакас); какас+ты (какасты, хакаслы); куг+ай (кугай); кук+ар (кукар, гугар, гогар); куг+ар—чи (куйерчи, гегерчи);
канг: канг+ар (кангар, кенгер); конг (канг)+ал+ас (канас, (кангалас) название племени у якутов); канг+ат (кангаг);
канг + ас (кангас); канг+лы (кангли, канлы); канг+ар+ат (конграт);
кан: кан+ык (каныk, кынык); кан+чик+ел—и (канджигалы); кен+чак (кенчек, генджe; ганджа, с отпадением конечного «к»); кен-г-ек+с (кенегес); кон+гур (конгур);
кам: кам+ар (камар, комар, киммер); кам+ак (камак, кумык); кам+а+син (камасин); кум+ан (куман, коман); куман+ды (куманди); ким+ат (кимат);

кар: кар+а+баг (карабаг, карабай, см. ниже, с.); кар+к (карх, племя в Мидии); кар+ык (карык); кар+к+ар (каркар, гаргар, см. ниже, с. 77), кар4-к+а (карга); кар+к+ас (каркас, монгольское племя, 41, I, кн. 1, 184); кар + лук (карлу к);
кар+ым+ан (караман); кар+ым+ыс (кармьш); кер+к+ет (керкет, скифское племя); кер+к+л (кергил); кер+к+ис (киргиз); кор+с ,горос, хорос, хурс, см. ниже, с. 129).
кос: кас+ак (касак, казак, казах); кас+ан (казан, газан);
касан+чи (казанчи); кас+ар (касар, хазар); кас (-ч) +ар (каджар); касЧ-к+ай (кашкай); кач (самоназвание качинцев); куч (кипчакское племя); куч+у (кучу);
кап: каб+а (каба); каб—ай (кабай); /саб+ук+син (кабукшын, печенежское племя); кап-1-ан (копон, печенежское племя, капан, кобан); кап+ар (кабар, хазарское племя); кап+чак (кыпчак); кап+т+ак+ай (каптагай);
кат: кат+ак (катай, катак, печенежское племя); катак+ан (катаган, ср. также монгольское племя катакин, 41, I, 78); кат+ар (катиер, скифское племя); кат+ан (катан, скифское племя);
ков (кув): ков (кипчакское племя); кув+а (куба, кува); кува—ар (кувйар, с наращением «и», болгарское племя);
кол (кул): кул+опа (кулпей, печенежское племя); кул+оба (кулоба, кипчакское племя); кул + ас (кулас, хазарское племя); кол+ым+ан (колман)
кур: кур+к+ан (куркан, горган, племя среди монголов XIII веке); кур—л+а+ут (курлаут, там же); кур+чин (курчин, там же);
кус (куз); кус+ар (косар); куз+ен (кузен); кус+чу (кушчу);
куч: куч (кипчакское племя); куч+ар (кучар, др. тюркское племя, топоним Гушар, (Гуджарети) у Моисея Хоренского);
манг: манг+ай (мана, манна, манейское племя); манг+ут (мангут, мангыт); манг+сы (манси); манг+ас (манас); монг+ол (монгол, монгул, в «Сокровенном сказании» — монгол);
монг-гус (монгуш); мунг+ас (мунас);
мае: мас+к+ар (маскар); мас+а+к+ат (массагет, скифское племя); мас+кут (маскут, племя в Албании);
мат: мат (племя в Сибирии); мат+ты (маты); мат+ай (ма-
тай): мат 4-ар (матар, мадар);
ог: ог+ус (огус, огуз); огус+ун (охсун, булгарское племя);
ог+ур (огур, угур, уйгур);
сав (сув): сав+ар (савар); савар+ым+ат (савромат); сув+ан (суван);
сак: сак+ай (сакай, сагай); сак+ан (сакан); сак+а+ут (сакаит, сукаит); сак+ым+ан (сакман); зак+ак+лы (закаклы); зах-гчин (захчин); сак+лар (шаклар); са+кар (сакар); сак+а+син (сакасин, племя в Албании н Атропатене);
сал: сал (зал, гуннское племя); сал+ар (салар, салор); сал+гур (салгур); сал+чак (салчак);
сам: сам+ак (шамак, шимак — ижмах др. армянских источников в Албании); сам+ыр (самыр); сам+ат (самат);
сар: сар+ым+ат (сармат, скифское племя); сар+т (сарт;.
сар+ай (сарай); сар+к—ат (саргат); сар4-а+гур (сарагур):
сар+у+ан (сурйан с наращением «и», шарван); сар + ар (сарал); сар+ук (сарук, а также огузское племя, чарук+лук).
сат: сат+ы (саты); сат+ар (сатар, татар), сатар+к+ат
(струхат, от сатрукат, мидийское племя); сат+ак (сатак, садак)^
сад+ым+ман (шадман);
сер (чер, шер); чер+ик (черик, племя в Средней Азии); чер+к +ес (черкес, в «сокровенном сказании» — сэркэс);
сир (чир, шир); сир (чир)Ч-ак (сирак, чирак, ширак, сарматское племя); чир+к+ин (джиркин, тюркское племя среди монголов XIII в.); шир+ым+ан (Ширман, Ширмананц, топоним
в Арцахе, см. ниже, с. 230);
со (су): со (Алтайское племя); со+ен (соен); со+й+он (соион, сойан); со + ел + ту (солту); со+й+ут (сойот); со+ел+н (солон); со+й+ан+ну (сюнну); со+су (сосу, шошу); со+ел+лак (су лак); су+ан (суан);
таб: таб+ын (табын); таб+ар (табар, товар); тав+ар+ие (таврис, хазарское племя); таб+ел (тобол); туб+ай (туба, тува)
тал: тал+ым+ат (талмат, толмат, печенежское племя); тол+ос (толос, тулус);
там: там+а (тама); там+ан (таман), мидийское племя); тум + ат (ту мат); тум + ак (тумак);
тар: (тар+к+ил (таргил); тар+т+ар (тартар, тертер);тер+ек (терек); тор+е+ат (тореат, скифское племя);
ток, тук: тук (кыпчакское племя); тук+ер (тукер, дукер);тук— у' (тукю, союз племен древних тюрков, см. 442, 741); туг+ус (тогуз, тугуз); ток+ас (токаш, токае); ток+бай (токбай);
ток+ай (токай);
тур: тур (название народа в «Авесте); тур+ан (ту ран); тур+к (турк, тюрк); тур+ым+ан (дурман); турк+ан (турган); турк+им+ан (туркмен); турк+ак (тургак); турк-гут (тюркут); тур+ут (ту рут, кипчакское племя);
тон (тун); тон (племя, см. 442, 741); тун+ус (тунус); тун+т+тур+ут (турут, кыпчакское племя);
чак: чак+ар (чакар, болгарское племя); чак+ым+ак (чакмак); чак+ил (чигил);

Вероятно, компонент чак является фонетическим (с—ч) вариантом этнонима *сак, шак.*

чал: чал+к+ан (чалкан, челкан); чал+а+ир (джалаир); чол (чул) (племя в Албании); чал+чи+ут (чалджиут); ал+ым+ан (чалман); чул+ым (чулым); чул+баг (чылпак, киргизское племя); чул+м+т (чулмат).
чор (шор); шор (тюркский народ); чор+ат (джурйат, монгольское племя); чур (печенежское племя); чор+ым+ан (чорман); чор + ос (чорос).

ур: ур+ус (у рус, орис); ур+ут (у рут); ур+й+ат (уряут, монгольское племя, ср. село Орият в Азербайджане); ур+й+ан+к+ат (урянкат);

Такова, по нашему мнению, вкратце основная закономерность происхождения части тюркских этнонимов, которую следует обязательно учитывать при их этимологнзировании

ГЛАВА II

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ АЛБАНИИ

§ 1. Вводные замечания

Территория Советского Азербайджана в античных источниках называлась Албанией*. Как будет сказано ниже, слово «Албания»- произошло от названия населявшего ее народа албан. Впервые наименование «Албания» мы встречаем у знаменитого греческого географа Страбона (I в. до н. э. — I в. н. э.). К античной традиции восходит Альванья (т. е. Албания) в древнерусской летописи «Повесть временных лет» (М.-Л., 1950, с. 205) и Албания в древнескандинавских источниках XIII—XIV вв. [389, 53].

В древнеармянских источниках, начиная с V века, это наименование отражено в фонетической форме Агванк или Агуанк, которое происходит от компонента Албан и падежной флекции множественного числа «к» со значением «албаны». Армянские авторы писали «Албания» как «Агванк», потому что в древнеармянском языке вплоть до IX—X вв. еще не было буквы «l», она обозначалась буквой «γ». В русском переводе древнеармянский Агванк или Агуанк передается иногда как Ахван или Ахуан, так как «х» в русской транскрипции обычно является эквивалентом звонкого спиранта армянского «г». Поэтому слово Агванк с древнеармянского передается на новоармянскнй как«Алванк» или «Алуанк».

В надписи Шапура I (III в.), написанной на греческом, парфянском и среднеперсидском языках, «Албания» (греческой версии) в парфянской версии имеет форму Ардан ('rdn) [327, 134]. В среднеперсидской надписи Картира (III в.) Албания названа Алдан ('ldn) [там же]. Происхождение форм Ардан и Алдан неизвестно. С. Ю. Касумова считает, что парфянский Ардан является графическим подражанием среднеперсидскому Алдан и оба написания передают Arran [317, 134]. Вероятно, они являются фонетически производными от Аран, но не от Арран.

Древние сирийцы, византийцы и позже арабы не знали наименования «Албания». Первые вместо этого употребляли слова «Аран» (впервые в середине VI века 431, 114), а арабы — Арран, т. е. от Аран с удвоением фонемы «р» (как в наименованиях Ар-Рас, Аллан и др.). Поэтому А. Г. Периханян явно не прав, предполагая, что Арран (на самом деле Аран, а форма Арран, как отмечено выше, является лишь арабской передачей данного топонима. — Г. Г.) является мидийской (?) формой персидского Ардан [425]. К этому наименованию, видимо, восходит и грузинское Рани — от Ран (т. е. Аран) и суффикса «и». Однако грузинское Рани охватывало, в основном, территорию к северу от реки Куры, точнее— северо-восточную зону Албании. Следует еще добавить, что в древнегрузинских источниках Рани имеет не только значение страны, но обозначает и ее население, производное от Аран.

О значении наименовании Аран будет сказано ниже, здесь лишь отметим, что албаны, видимо, равнинную часть своей страны называли «аран», и к этому слову восходит и Аран — как название страны. Как и две тысячи лет тому назад, до сих пор среди азербайджанцев Кура-Араксинская низменность называется «аран» в значении «низменность», «местность с жарким климатом», «место зимовки». После образования Албанского государства слово аран стало именем собственным и как название царства было принято древними персами и от них перешло к парфянам, византийцам, сирийцам, арабам и грузинам. Ю. Б. Юсифов давно отметил, что слово Аран сначала было названием равнины к югу от Куры (но он это слово в то вреия считал кавказским), но потом стало обозначать страну [517, 26].

Следует отметить, что еще в древности предпринимались попытки объяснения значения этнонима албан и происхождения названия страны — Албания. Помпеи Трог (I в.) происхождение этнонима албан связывал с Албанскими горами Италии: якобы албаны некогда «последовали из Италии, с Албанской горы за Гераклом когда он по убиении Гериона гнал через Италию его скот» и помня о своем италийском происхождении, албаны приветствовали во время Митридатовой войны воинов Помпея как братьев» [Помпеи Трог, ХЫ1, 3, 4]. По Плинию (I в.), этноним албан связан с белым (по-латыни алб—«белый») цветом кожи его носителей: «... в Албании родятся люди с серо-синими глазами, с детства седые и ночью видящие лучше, чем

* За исключением части Муганской равнины ниже слияния Куры с Араксом и Талышско-Ленкоранской зоны, которые входили в Атропатену.

днем» (Плиний, VII, 12). Это повторяет и Гай Юлий Солин (III в.): албаны «родятся с белыми волосами, и седину их считают добрым знамением: таким образом, цвет головы дал имя народу. В глазах у них серый зрачок, поэтому они ночью видят лучше, чем днем» (Юлий Солин, 14, 4). Это же мнение есть и у Исидора (Исидор Харакский, IV, III, 34): «Албания названа по цвету народа, так как они рождаются с белыми волосами». Он далее отмечает, что «албаны, которые белы и кожей, пока не состарятся, у них золотые глаза, и они видят лучше ночью, чем днем». Страбон еще добавляет, что албаны «отличаются красотой и высоким ростом (XI, 4, 4).

Приведенное мнение возникло у древних авторов потому, что в латинском языке алб (албус) означает «белый». Разумеется, это объяснение этнонима албан и происхождения самих албанов основывается лишь на созвучии слова алб с этнонимов албан. Возможно, в Албании были племена с белыми волосами и серосиними глаз-амн, но такая внешность не могла быть характерной для всего разноэтнического населения в Албании. Более тысячи лет спустя Йакут ал-Хамави писал: «У жителей Азербайджана приветливые, румяные лица и светлая кожа» [8,8].

У античных авторов (Плиний, VI, 36 и Юлий Солин, 15, 4) есть еще сведения, что «албаны считают себя потомками Йасона» (Йасон — Язон в греческой мифологии — предводитель аргонавтов).

О происхождении наименования «Албания» в научной литературе существуют различные мнения. Некоторые исследователи (А. Яновский, Н. Я. Марр, К. В. Тревер, Р. М. Магомедов,. 3. И. Ямпольский) считают, что это название латинского происхождения со значением «Страна гор». Так объяснено наименование «Албания» и в «Истории Дагестана» [62, 107]. Следовательно, эти исследователи считают, что Албания — это инонаименование, данное извне стране албанов. Как мы покажем ниже, это мнение не соответствует действительности [См. также 224, 17, 148].

Бездоказательны гипотезы и некоторых армянских исследователей по этому поводу. Исходя из ошибочной локализации А. Яновского [530, 109] и С. Т. Еремяна [295, 303], которые упомянуемую Плинием реку Албан в Албании (Плиний, VI, 29) отождествляли с рекой Алазань, они считают, что этноним албан и название страны Албания восходят к наименованию реки Албан. В действительности же, наоборот, название реки Албан (Плиний и Птолемей упоминают также город Албан) в этом источнике восходит к этнониму албан, что вполне соответствует закономерности образования этнотопонимов в условиях этнической пестроты, характерной для данного региона. Есть мнение; что название албан, «вероятно, не было самоназванием на Кавказе» [440, 137]. Так считают и в настоящее время некоторые армянские ученые [128]. Б. А. Улубабян топоним Албания возводит к кельтскому (??) слову алб «гора». Это, конечно, не более, чем плод фантазии автора. Фантастичным кажется нам и мнение Айдына Мамедова, что наименования Аран, Албан, Агван вероятно, имели значение «сияющее небо» («парлаг сэма» — 92, 10).

По нашей концепции, название страны Албания восходит к этнониму албан. Ф. Дж. Мамедова убедительно, на основе исторических фактов доказала, что существовал этнос албан [362].. К. Г. Алиев [144, 56] сравнивал этноним албан со словом алван на языке хевсурских прорицателей в значении «священный лес»,. обнаруженным В. В. Бардавалидзе [приводится по: 144, 56]. К. Г. Алиев, безусловно, прав, заключая, что этноним албан не мог восходить к слову алвани («священный лес»). Однако все- таки, по нашему мнению, не исключена связь этих названий, но в обратном порядке: слово алвани в хевсурском языке могло восходить к этнониму албан. В связи с этим уместно вспомнить сообщение Страбона о том, что в Албании вблизи Иберии есть священная область (Страбон, XI, 4, 7). Возможно, таким образом, этноним албан стал нарицательным словом и священный лес в священной области у албанов стал называться алвани. К тому же, по сообщению Тацита, иберы и албаны обитают в лесистых: горах (Тацит, Летопись, VI, 33). Но все это, конечно, лишь предположения, которые нельзя считать научно обоснованными из-за скудости имеющегося в источниках фактического материала.

Остается нерешенным принципиальный вопрос: существовало ли конкретное племя албан, для которого этот этноним был самоназванием в Албании, или же слово «албан» было собирательным наименованием ее населения?

Ошибочные выводы в определении этнической принадлежности того или иного древнего этноса в работах многих иностранных н советских исследователей обусловлены тем, что они не различали конкретное и собирательное значение этнонимов в источниках в каждом данном историческом периоде, иными словами, не различали географическое и этническое понятие этнонимов, зафиксированных в источниках. Иногда эти исследователи даже ставят знак равенства между наименованиями конкретных и традиционно упоминаемых этносов. При этом они упускают из виду, что носитель определенного этнонима в источниках (особенно иноязычных) может обозначать не только конкретного представителя данного этнонима в определенной стране, но также и всякого представителя иных, различных по языковой принадлежности этносов в этой же стране, если даже вся эта страна названа данным этнонимом. Иными словами, эти авторы не отличают этнонима периода существования племени (племенного союза, мелких царств), когда этот этноним мог иметь только конкретное значение, от этнонима периода существования государства и сложения народности, когда этот же этноним, помимо конкретного, в обязательном порядке имеет еще собирательное значение. Такое положение существует, в частности, в отношении этнонимов мидиец, маннеец, атропатенец, албанец и др. Например, сообщения Геродота, Страбона и других античных авторов о том, что мидийцы (безусловно, в этом случае этноним мидийцы имеет собирательное значение) ираноязычны, вовсе еще не означает, что на иранских языках говорило тогда все население Мидии, в том числе носители конкретного этнонима мадай (матай).

Таким образом, в этногенетических исследованиях следует определить информационную нагрузку каждого этнонима в каждом конкретном случае, а именно .установить, отражает ли этот этноним самоназвание или же является территориально-собирательным названием. В. И. Ленин писал: «Надо выяснить точно понятия, если хотеть вести дискуссию». (В. И. Ленин, ПСС, т. 30,с. 93).

В связи с этим следует уточнить, восходит ли это собирательное наименование албан к конкретному этнониму албан (т. е. наименованию одного определенного племени) или оно является инонаименованием, данным извне.

Из древних и раннесредневековых источников следует, что в Албании первоначально жило племя албан, а затем народность албан.

Как известно, впервые албаны как наименование представителей населения Албании упоминаются в книге «Анабасис Александра» («Поход Александра») Квинта Эпия Флавия Арриана (II в.), сведения которого, как полагают, основываются на записи рассказов участников походов Александра Македонского в связи с битвой при Гавгамелах в 331 в. до н. э., которая произошла между Александром Македонским и персидским царем Дарием III. В этом сражении албаны сражались в рядах персидской армии (Арриан, III, 1, 3, I и III, 8, 4). Арриан сообщает также, что греки-воины Александра Македонского на расстоянии распознали албанов (возможно, по цвету кожи, росту и одежде) среди разноплеменного персидского войска (там же). Это говорит о том, что грекам албаны были знакомы еще до этой битвы, т. е. до IV в. до н. э. В этом сообщении обращает на себя внимание одна деталь. Поскольку в битве, наряду с албанами, отмечены представители и других племен Албании (каспии и сакесины), следует допустить, что в данном случае этноним албан имеет не собирательное значение, иными словами, в битве участвовали представители племенной общности, для которых этноним албан был самоназванием. Это можно объяснить тем, что в то время еще не сформировалась народность албан, чтобы этот этноним обозначал и другие племена и стал собирательным наименованием населения всей Албании. В дальнейшем в древних источниках представителя страны Албании обычно называют «албан», а представители всего населения именуются «албаны», то есть явно имеется в виду не этническое происхождение, а принадлежность к числу жителей страны Албании.

Итак, при изучении проблем этногенеза исследователю необходимо соблюдать важный принцип: раскрывать значение этнонима на каждом этапе (периоде) этнического процесса. Одна из типичных ошибок, встречающихся в работах исследователей, занимающихся вопросами древней и раннесредневековой истории Юго-Восточной Европы, Средней Азии, Передней Азии, в том числе истории Азербайджана, состоит именно в том, что в них нет по существу определения конкретного и собирательного значения этнонимов в различные исторические периоды. В связи с этим в обязательном порядке следует выделить для раннего средневековья два значения этнонима албан в Албании:

1) как самоназвание для определенного племени или этнической общности, иными словами, как собственное имя носителей этнонима *албан* — это этноним *албан* в узком значении (его здесь и в дальнейшем будем называть «конкретным этнонимом»);

2) собирательное название для всего разноязычного населения Албании, т. е. *албан* в широком значении. Этноним албан мог приобрести это собирательное значение только после образования племенного союза, во главе которого стояло племя албан и образования царства, в результате которого этноним албан стал собирательным наименованием для всех племен этой страны, поскольку, как будет сказано ниже, в Албании обитали разноязычные племена. Таким образом, для раннего средневековья непременно следует различать два значения этнонима албан и отделить албанскую племенную общность (общность людей, сознающих свою принадлежность к данной общности, с общим самоназванием и общим языком, с единой материальной и духовной культурой) от разноплеменного населения Албании, получившего собирательное наименование «албан», где каждое иноязычное племя имело еще и свое конкретное самоназвание. Во втором случае эти племена «албанами» были для соседей и античных авторов только потому, что они обитали в стране Албании. В древних источниках, несомненно, отражены оба значения этнонима албан, хотя различить их в каждом конкретном случае порой непросто.

В собирательном, широком значении этноним албан часто встречается в античных источниках. Эти сообщения относятся к тому времени, когда существовало Албанское государство. Например, в таких сообщениях, как: Помпеи победил в сражении «иберов и албанов» (Тит Ливии, С1), «о народах Кавказа, как например, от албанах и иберийцах» (Страбон, II, 512), «Стране албанов принадлежит Каспиана» (Страбон, X14, 5) и др., безусловно, наименование албан имеет собирательное значение. В другом месте Страбон пишет: «Албанцы больше привержены к скотоводству и стоят ближе к кочевникам» (Страбон, XI, 4, 1). Некоторые исследователи в этом сообщении усматривают неточность античного географа. Однако это неувязка исчезает сразу же, если допустить, что в данном случае этноним албан имеет собирательное значение. Это говорит о том, что какая-то часть албанов (собственное самоназвание которых Страбону осталось неизвестным) занималась скотоводством, и данное сообщение относилось именно к равнинной части Албании, которая и тогда служила местом зимовки для скота.

Собирательное значение этнонима албан отразилось в следующем упоминании Диона Кассия: «...албанов, живших выше Куры» (Дион Кассий, XXXVI, 54). Здесь, вероятно, имеются в виду различные кавказоязычные, ираноязычные, и тюркоязычные племена со своими собственными самоназваниями (лбин, силв, гел, лег, албан, удин, эр, чол, каспи и др.). Наконец, этноним албан как собирательное значение разноэтнического населения мы встречаем у Страбона, когда он пишет, что албаны говорят на 26 языках

(Страбон, XI, 4, 6). Безусловно, в вышеприведенных сообщениях этноним албан употреблен в собирательном значении, т. е. является названием всего разноязычного населения Албании.

В собирательном значении этноним албан упоминается и в древнеармянских источниках, о чем подробно сказано в книге Ф. Дж. Мамедовой [362]. В «Истории албан» (кн. I, гл. 8) есть выражение «...множество различных племен на Востоке», т. е. в Албании, хотя в то же время в связи с событиями VII века в этом источнике употреблено также выражение «народ Агванк» (кн. II, гл. 49). Добавим, что этноним албан в этом значении упомянут даже в источнике XIV века. Киракос Гандзакецн пишет, что «...народ же их (т. е. албанов.—Г. Г.) с нами (т. е. армянами.— Г. Г.) вместе остался в православной вере» [14, 99]. Это значение этнонима албан сохранялось, например, и среди кавказоязычных удин до XVIII в. Так, в письме удин из Карабаха к Петру I есть твыражение: «Мы, агваны, по нации — утийцы...» (154, 138), Некоторые исследователи ошибочно полагают, что, якобы, это говорит о том, что удины были этнически родственны с агванами (албанами) [см. например, 137, 19]. Но это не так. В. Л. Гукасян, знаток удинского языка, писал: «Еще не выяснен вопрос идентичности так называемого албанского и удинского языка» [58, 17]. Из вышесказанного вытекает, что этноним албан традиционно был собирательным наименованием также и для удин. Иными словами, этноним албан, являвшийся первоначально самоназванием определенной этнической общности, с образованием племенного союза, государства и складыванием народности, а в дальнейшем принятием христианства стал общим, собирательным наименованием для всего населения Албании, в том числе удин.

В пользу существования албанского этноса можно привести еще один аргумент. В эпосе «Китаби Деде Коркут» дважды упоминается этноним *алпан*, т. е. *албан* [приводится по: 146, 15]. Как известно, этот эпос, по мнению исследователей, написан в XV веке, хотя там есть изложение событий, происходивших в Азербайджане в более ранние века. Существует единое мнение, что эпос создан на территории Азербайджана, так как язык эпоса — чисто азербайджанский, а следовательно в это время уже существовал азербайджанский народ, и этноним албан употреблялся для названия части местного населения, не связанной по происхождению с огузами.

Таким образом, в античных и древнеармянских источниках в связи с различными событиями в качестве наименования населения Албании употреблен этноним *албан.* Прав К. Г. Алиев, когда он отмечает, что «греки и римляне точно транскрибировали название населения восточного Кавказа, именем которого была названа страна Албания» [144, 56]. Это еще раз подтверждает высказанное мнение о бесспорном существовании этноса албан в древних и раннесредневековых периодах Албании.

В источниках есть сведения также о конкретном племени албан, т. е. о носителях этнонима албан в узком значении. Носители этого этнонима обитали в различных зонах Албании, чересполосно с другими племенами. Часть носителей этнонима албан, по сообщению Страбона, обитала на территории Атропатены — в «Мидийских горах». Об этом мы скажем ниже (см. с. 347—348).

Возможно, что носители конкретного этнонима *албан* обитали в районе Дербента. В «Тарихе Дербентнаме» [45, 94] указывается, что когда была построена Дербентская стена (в VI в.), одна из крепостей называлась Алпен, по Б. Дорну «Садди — Алпан» (280, 339). Еще следует отметить, что Керавнийские горы, упоминаемые некоторыми античными авторами (например, Помпоний Мела пишет, что Албания на севере граничит с этими горами) обычно локализуют с юго-восточными отрогами Кавказа в зоне Дербента. Эти горы Тацитом [Летопись, VI, 33] названы «Албанские горы». Село Албановичи на Северном Кавказе — на Кубани в прошлом веке отмечено Д. Д. Пагиревым [418, 11].

Пайтакаран первоначально являлся армянским названием города Байлакана. В этой области жили разные племена — каспии, гаргары и др., но среди них были и носители этнонима *албан*. Лазарь Парбеци (V в.) пишет (гл. 33), что персидский хазарапет Михрнарсе «прибыл в город Пайтакаран снаряжает полки с *албанами* (выделено нами. — Г. Г.) и отправляет в Армению» [приводится по: 360]; Моисей Каланкатуйский отмечает: «По кончине Тирдата (298—330), над албанами (выделено нами. — Г. Г.) в городе Пайтакаран воцарился некий Санатрук» (Моисей Каланкатуйский, кн. I, гл. 12). По этому поводу С. Т. Еремян пишет, что «албаны продолжали жить на Гаргарейской равнине» (295, 304). В связи с событиями начала XII века (когда населения города Байлакана не могло еще состоять из сельджукских огузов) в труде Мас'уда ибн Намдара, наряду с арабоязычными, упоминаются также личные имена тюркского происхождения — Алп-Куш, Алтун-Таш, Тук-Тегин, Башар и др., а среди близлежащих поселений — Караман, Дивакенд, Джуяабенд, Абрик, Алиан и др. [см. 159].

Сюник (Сисакан) являлся албанской областью, охватывавшей современную территорию Зангезурской зоны. Корйон (IV в.) [24, 105—106] отмечает, что когда Маштоц находился в Западной Армении (по Моисею Каланкатуйскому — в Албании) «приехал к нему иерей родом **албанец** (выделено нами. — Г. Г.) по имени Вениамин... и расспросив его, расследовав варварские слова албанского языка, создал письменность для албан». Корйон и Моисей Каланкатуйский [кн. II, гл. 3] отмечают, что этот Вениамин был отправлен к Маштоцу владетелем Сюника. Отсюда вытекает, что, во-первых, носители этнонима албан жили также в Сюнике и, во-вторых, Вениамин был родом албан, ибо знал албанский язык, этот язык был для него родным. Эти албаны в Зангезуре жили и в средние века, о чем мы скажем ниже.

Албаны обитали и в кавказских горах. У Тацита [Летопись, VI, 33] мы находим упоминание: «Албанские горы», «между морем и оконечностями Албанских гор». В данном случае имеется в виду, вероятно, северо-восточная горная часть Албании — в зоне Дербента. Обитание албанов там подтверждается топонимами Алпан в северо-восточном Азербайджане — там расположено, в частности, село Алпан в

Кубинском районе. Населяют это селение азербайджанцы, т. е. жители, говорящие на тюркском-азербайджанском языке. Если бы они первоначально относились к кавказоязычным племенам, то они не могли бы поменять свой «кавказоязычный албанский язык» на тюркский, тем более, что этот населенный пункт находится в зоне расселения кавказоязычных хиналугцев, крызцев, будугцев и лезгин. Еще А. Бакиханов топоним Алпан (село в северо-восточном Азербайджане) связывал с этнонимом албан [166, 21]. В Агульском районе Дагестана близ сел. Буркихал сохранились развалины населенного пункта Алпан [357, 30].

Таким образом, носители этнонима *албан* жили и в северовосточной Албании. Ипполит Портский (III в.) пишет: «Албаны (живут) против (т. е. югу — Г. Г.) Каспийских воров» (Ипполит Портский, 35). Каспийские ворота — это современный Дербент» Почему так названы эти ворота — мы скажем ниже, где будет идти речь о каспиях в Албании. В источнике (надпись III века) есть выражение: «врата албанов» [354, 81; 87, 126], и это, по нашему мнению, говорит об обитании конкретного племени албан в северо-восточной Албании.

Носители этнонима *албан* обитали и в северо-западной Албании. Тацит (Летопись, VI, 34) пишет: «ибо иберы и албаны обитают в лесистых горах». В данном случае имеются в виду лесистые горы в пограничной с Иберией (Грузией) зоне, в Кахетии— восточной Грузии. Конкретный этноним албан есть в топонимах Албани (название селения) и Алванское поле в восточной Грузии. «Кахетинская Тушетия состоит из так называемой Алвании, которая простирается до Кахетинского Алазана. Алванское поле в Кахетии одна из плодородных местностей в западной части Кахетии» [280, 336]. Выше было отмечено, что в грузинских источниках не отражен этноним *албан*. В них этот этноним имеет форму *рани*, т. е. аранцы. Отсюда можно сделать вывод, что топонимы Албани и Алванское поле в Грузии восходят к самоназванию первоначальных жителей этих пунктов. Этим самоназванием жителей было албан.

В топонимике существует закономерность, что этнотопонимы (т. е. топонимы, в которых отражаются названия племен и народов) образуются там, где налицо этническая пестрота, т. е. там,. где рядом, по соседству обитают различные племена и народы. Албания же издревле отличалась этнической пестротой — здесь проживало много различных племен. По Страбону, число их достигало двадцати шести. Поэтому в Албании должны были, естественно, существовать топонимы, образовавшиеся от этнонима *албан*. И действительно, еще в древности такие топонимы были известны: город Албан и река Албан в Албании упомянуты Плинием (VI, 36) и Птолемеем (V, XI, 4). Топонимы Агван (армянская форма этнонима албан) известны в XIX в. и в настоящее время: в Зангезурском уезде Азербайджана в XIX в. одно село называлось Авганлу [418, 5] — это, несомненно, искажение от Агванлу. М. Бархударян отмечает, что «ограда Агван» есть и там, где Колатагский приток принимает река Хачен (у подножия г. Муров) [168, 107]. Развалины Агван есть на территории села Малыбейли Шушинского и Аскеранского районов; один квартал селения Малыбейли называется Алыванлар (от Албанлар); квартал Агванлар есть и в городе Шеки; крепость Албан — на территории с. Лекит Кахского района; следует учесть еще что «Албанские ворота» у Птолемея (V, 8, 15) и город Кабала имеют одинаковые географические координаты: 80°—47°. Алвандере (дере — «ущелье») — название прохода, соединяющего древнюю Кабалу с современным Геокчаем, длиною 15 км между ущельями Турийанчай и Геокчай (85, 13). В Даралагезском округе в Армении С. П. Зелинский в середине XIX в. упоминает топоним «Элпан дереси» — «ущелье Алпан (т. е. Албан)» [304]. По сообщению археолога А. Г. Бадалова, на территории Нахичеванской АССР, на берегу реки Арпачай несколько холмов среди населения называются Агван тепелери — «Албанские холмы»;там выявлен археологический материал античного времени.

С этнонимом *албан*, несомненно, связаны топонимы Алпан в Азербайджане, Алпанар в Дагестане (ар—суффикс множественности в лезгинском языке) и два Алпани в XIX веке в Грузии [418, 13]. Топоним Алваникала — развалины и название горы — отмечены в XIX в. даже в Артвинском округе в Батумской области — на границе с Турцией [418, 11].

Вышеприведенные топонимы лишний раз свидетельствуют о том, что существовало конкретное племя албан, и этот этноним отразился и в топонимии еще до нашей эры. Как отмечено выше, образование топонимов с этнонимом *албан* в различных зонах соответствует этнотопонимической закономерности, согласно которой этноним в топонимии отражается не в центре обитания его носителей, а на окраинах, пограничных с другими племенами территориях.

Итак, вне всякого сомнения, в Албании обитало племя албан. Однако, как отмечено выше, албаны известны только с IV века до н. э. В период существования государства Мидии Албания, вероятно, была самоуправляемой страной, потому что в древневосточных, в том числе и древнеперсидских источниках, об албанах нет никаких сообщений. С возникновением племенного союза, в котором господствующим было племя албан, а затем и государства, это племя превратилось в народность. «Процесс создания племенных союзов и их постепенной консолидации, сопровождающийся распадом родовой общины, — это и есть процесс складывания народности. Союз племен может получить свое имя от одного из племен, входящих в него или же может принять новое имя, обозначающее весь данный союз и имеющее нарицательное значение» [446, 26]. В дачном случае племенной союз и народность получили свое имя от этнонима албан как конкретного самоназвания определенного племени.

Возникает вопрос: какой соседний народ назвал эту страну Албанией? Ведь общеизвестно, что обычно название стране дается другим, соседним народом. У кого заимствовали наименование «Албания» древние греки и римляне? На наш взгляд, вероятно, они заимствовали это название у армян, потому что армяне также называли эту страну на своем языке Алванк, что, как отмечено выше, восходит к местному названию народа — «албан». Поэтому, скорее всего название «албан» через посредство армян переняли древние греки и римляне.

По мнению И. А. Бабаева, государство в Албании возникло в конце IV — начале III века до н. э., что подтверждается и археологическими данными [165]. Есть еще одно доказательство тому:албанский царь подарил Александру Македонскому двух собак,о чем сообщает ряд античных авторов. Плиний пишет, что албанский царь подарил Александру Великому «одну собаку необыкновенной величины» (Плиний, VIII, 149). Если был албанский царь-тиран, то, следовательно, было и царство. До образования царства в Албании существовало племенное деление. Страбон (I в.) недвусмысленно отмечает, что «прежде (т. е. до образования царства. — Г. Г.) каждое разноязычное племя управлялось собственным царем» (Страбон, XI, 4, 6). В этом сообщении, безусловно, «племенной царь» обозначает «племенной вождь». Одно из племен называлось албан. Более того, племя албан, надо думать, составляло в количественном отношении большинство среди других племен Албании. Иначе царство и страна не назывались бы по имени этого племени Албанией.

Археологические раскопки показали, что уровень материальной культуры Албании был достаточно высок. Монеты местной чеканки — подражания монетам Александра Македонского и Селевкидам — известны в Албании с III века до н. э., а на лицевой стороне монет в начале, как и на монетах Александра Македонского, изображена голова Александра, как изображали Геракла, — в львиной шкуре. Позже, по-видимому, не позднее начала II в. до н. э., на лицевой стороне этих монет изображена голова человека в шлеме. И. А. Бабаев полагает, что это условное изображение местного албанского царя [164]. Высокой степени развития достигли земледелие, скотоводство, садоводство. С каждым годом накапливаются все новые и новые данные, свидетельствующие об уровне социально-экономического развития, материальной и духовной культуре и хозяйственной жизни населения Албании. Исходя из ленинского понимания развития общества, в частности того, что производственные отношения определяют структуру общества, сам факт образования государства албанов социально-экономического развития. Вероятно, ко времени вторжения скифов (VII в. до н. э.) часть территории к югу от Куры после слияния с Араксом входила в состав Мидии или находилась под ее влиянием. Геродот пишет, что после того, как «скифы вторглись в Мидийскую землю через проход (будущие Дербентские ворота. — Г. Г.) и здесь-то произошла битва мидян со скифами, в результате которой мидяне потерпели поражение» (Геродот, I, 109). Эта битва, как полагают, произошла на территории юго-восточной Албании, и поэтому под выражением «мидийская земля» следует понимать часть Муганской равнины ниже реки Куры после слияния ее с Араксом. Это подтверждается данными источника о том, что «...за Ассирией в виду Каспийского моря, начинается Мидия, которая опоясывается Кавказскими горами» (Минней Феликс Капела. Об браке филологии и Меркурия, 9 книга, 691). В данном случае это сообщение следует понимать так, что территория Албании входила в сферу влияния Атропатены. «То обстоятельство, что Атропату были подчинены (или были его союзниками) албаны и сакасены (в битве при Гавгамелах. — Г. Г.) свидетельствует о том, что власть его распространялась на XI и XIV сатрапии» [137, 19}]Ахеменидов.

В ахеменидское время (550—331 гг. до н. э.), как полагают, часть территории Албании входила в XI сатрапию Ирана. Эта сатрапия называлась Каспиана. Однако эта гипотеза неверна. Мидийская Каспиана находилась ниже Куры после слияния с Араксом и эта область не относилась к Албании. О непосредственной принадлежности Албании к Ахеменидскому Ирану говорить не приходится, это страна, вероятно, находилась лишь в номинальном подчинении ахеменидам. Согласно Геродоту, владычество персов на севере распространялось до Кавказского хребта. Он пишет, что «колхи (население Колхиды, предки грузин. — Г. Г.) и их соседи до Кавказского хребта (до этих гор ведь простирается персидская держава, области же к северу от Кавказа уже не подчинены персам) налагают на себя подати в виде добровольных северных даров» (Геродот, III, 97).

Мы не будем здесь останавливаться на государственных границах Албании в различные периоды античного времени и раннего средневековья. Этот вопрос был неоднократно предметом исследований ряда ученых. Отметим лишь, что территория ны-нешнего Советского Азербайджана ниже Куры — после слияния ее с Араксом до Каспия — принадлежала Атропатене. Выше (севернее) Дербента владений Албании не было и это соответствует сообщению Страбона [Страбон, XI, 4, I], что северная сторона Албании окружена Кавказскими (в данном случае южными склонами. — Г. Г.) горами. Поэтому нет смысла включать в Албанию весь Дагестан, а тем более территорию Северного Кавказа вплоть до нынешней Махачкалы, как ошибочно считал С. В. Юшков [527]. Из-за неверной локализации реки Соана, упомянутой Птолемеем (у Вахушти Терек и его рукава названы Сона— это современная река Аргунь на Северном Кавказе), (Птолемей, V, XI, I) сделан ошибочный вывод в «Истории Азербайджана»: «северным пределом Албании у морского побережья являлось устье реки Соана (вероятно Терек)» [63, 5/]. Некоторые археологи стараются подкрепить это ошибочное мнение археологическими находками. Например, К. Ф. Смирнов, проводивший археологические раскопки в селе Тарки (между городом Махачкала и селом Тарки), писал, что «сарматизированное (??— Г. Г.) население Таркинского района входило в состав Албанского государства или по крайней мере испытывало его политическое и культурное воздействие» [464, 271]. Граница между Албанией и южнодагестанскими племенами проходила по южным склонам Большого Кавказа. Это согласуется с сообщением Страбона, что «наиболее высокими частями настоящего Кавказа являются самые южные его части у Албании, Иберии и страна колхов и гениохов» (Страбон, XI, 5, 6). На севере-востоке отроги Кавказа в зоне позднейшего Дербента названы Плинием Керавна, а Тацитом (Тацит, Летопись, VI, 33] «Албанские горы».

Среди древних кавказоязычных племен Албании находилась лишь часть предков современных аварцев, цахуров Дагестана и, быть может, лезгин, которые обитали в северо-западной Албании. Только в собирательном значении этноним албан включал южно-дагестанские племена, имевшие свои собственные

самоназвания.Поэтому мы не согласны с мнением Дж. А. Халилова, что албаны играли важную роль также и в формировании народов Дагестана [502, 3]. Верным следует считать высказывание А. А Кудрявцева- «Раскопки, проводимые в последние годы в Дербенте, подтвердили эти сообщения письменных источников и показали, что основная масса археологических материалов, выявленных здесь в отличие от более северных районов Дагестана, обнаруживает несомненное сходство с материалами синхронных памятников Азербайджана и дает основание говорить о тесной близости представленных в них культур. Это позволяет сделать вывод о вхождении Дербента в состав Кавказской Албании как в албанский (античный), так и раннесредневековый периоды» [343,81].

Таким образом, наименование Албании в античных и армянских источниках восходит к этнониму албан, носители которого, по-видимому, составляли большинство среди других племен этой страны, а наименование Аран, в персидских, сирийских и арабских языках восходит к названию низменной части этой ^йш- «аран» на языке албанов. Наименование Албания как название страны и государства было употребительно до конца VIII в. С середины VII в Албанское государство перестало существовать как целое и политически вошло в состав Арабского халифата. После раскола христианской церкви в начале VIII в. в Албании это название уже в форме, соответствующей его армянскому произношению — «Агван», употреблялось среди христианской части населения Арцаха, Ширвана и Шеки. Другое наименование — Аран, как название всей территории бывшей Албании, употреблялось в арабских и персидских источниках вплоть до XIV— XV вв.

§ 2. Этнический состав

Следует отметить, что об этническом составе населения Албании до середины I тыс. до н. э. ничего не известно. Сообщения Гекатея и Геродота о носителях этнонимов *мик, ути и каспи* не имеют отношения к территории Албании, несмотря на то, что часть Мидийской Каспианы — Муганская степь ныне входит в состав Советского Азербайджана. Об этих племенах мы скажем ниже, когда будет идти речь об этническом составе Атропатены.

О племенном составе Албании впервые писал Страбон. Он отмечает, что «языков (т. е. племен. — Г. Г.) у них (т. е. в Албании) 26, «так что они нелегко вступают в сношения друг с другом» (Страбон, XI, 4, 6). Он же впервые сообщает об саках, албанах и каспиях в Албании. Из других античных источников первых веков н. э. становится известным, что здесь обитали сакасены, гелы, леги и лбины.

Разноязычность населения Албании видна из сведений албанского историка Моисея Каланкатуйского (кн. I, гл. 16), который сообщает, что «население Албании пело псалмы на разных языках». В другом месте у него есть выражение «множества различных племен на Востоке» (т. е. в Албании. — Г. Г.) (кн. I, гл. 8). В этом источнике упомянуты следующие племена Албании: агван (албан), гаргар, гунн, джигб, епгал, маскут, михр (мехран), лег, цавдей, ути и чилб. Армянский историк Фавст Бузанд (V в.) в связи с событиями начала IV века в северо-восточной Албании сообщает, что маскутский царь Санесан собрал «несметное множество других разношерстных кочевых племен»:гунн, пох, таваспар, хечматак, хрсан, ижмах, гат, глуар, гугар, шигб (т. е. джигб) и чилб (т. е. силб), баласич (т. е. баласаканцы), егерсван (Фавст Бузанд, кн. III, гл. 7). Разумеется, все эти племена не обитали в северо-восточной части Албании. Некоторые из них, например, похи (т. е. предки современных убыхов Дагестана) и таваспары (т. е. предки нынешних табасаранцев Дагестана, в «Армянской географии VII века» — тапотаран) обитали вне Албании, но они, видимо, были вовлечены в свою армию маскутским царем как наемники. Гаты, глуары, хрсаны, хечматаки и нжмахи обитали в северо-восточной Албании — это предки современных хнналугцев, а также те племена, названия которых отражены в нынешних топонимах Килвар, Хачмас, Хурсан и Шемаха. У Егише (кн. IV) в северо-восточной Албании, в армии маскутского царя упомянуты племена ват (у Фавста. Бузанда этот этноним отмечен как гат), гав, глуар, хрсан, хечматак, пасх, посх (т. е. похи) и пюкуан. Трудно сказать что-либо в отношении этнонима гае, (вероятно, он отразился в топониме Гавдушан —названии равнины в северо-восточном Азербайджане), а также пасх, посх и пюкуан (пакинак, т. е. пачинак в «Армянской географии VII века»).

Наименования племен, обитавших в Албании, перечислены в «Армянской географии VII века» [4, 37—38]. В этом источнике приведены названия 54 племен Сарматии (локализации этих племен — см. 296). Из них хенук, шил (вариант—шиб), чигб, каспи, шарван, хечматак, хрсан, ижмах, бакан, маскут и гун относятся к Албании. Следует учесть, что сообщения о племенах Сарматии в «Армянской географии VII века» отражают этническую ситуацию до III—IV вв. ибо, начиная с указанных веков, вторжение гуннов коренным образом изменило ситуацию в регионе и от сарматов на Северном Кавказе не осталось и следа. О племенах Албании, упоминаемых в древнеармянских источниках, сказано в работах Т. М. Мамедова (323; 324).

Как видим, в античных и древнеармянских источниках I— VII вв. на территории Албании засвидетельствованы следующие племена: албан, сакесин, гел, глуар, лег, лбин, каспи силв (чилб), ижмах, суран (шарван), гат, джигб, маскут, мехран, гунн, гаргар, гугар, кангар, хрсан, цавдей (цоде) и др. В древнегрузинских источниках IX—XII вв. в связи с событиями предшествующих веков в северо-западных областях Албании упоминаются эры, моваканы, раны и суджы. Кроме того, на основе топонимов Мец-Аранк (и Аранрот), Гоменк, Гороз, Катак, Хорсвэм (Хирш — в арабских источниках), Тертер, Колт, Чог (Чол), Пазканк, Харгланк и Хнаракерт этого же периода мы считаем, что в Албании проживали также носители этнонимов

оран (аран), катак, хурс, тертер, кол (кул), чол (чул), печенег, гунн (хунн) и кергил. Далее, исходя из топонима Шаберан (в связи с событиями VII века в арабских источниках), не позже V—VI вв. в северо-восточной Албании обитали савары (сабиры). Согласно предложенной нами концепции, по этнической и языковой принадлежности перечисленные племена можно разделить на четыре группы:

1 — тюркоязычные: албаны, саки, араны, дондары, гаргары, тертеры, катаки, кергили, печенеги, курсы, колы, чолы, кангары, гунны, савары, ижмахи (шемаки), цавдей, сураны (шарваны);

2 — кавказоязычные: утии (удины), лбины, сильвы, джигбы, эры, гаты, леги;

3 — ираноязычные: гелы, глуары, маскуты, мехраны, парны и хачматаки.

Только на основе топонимов Амарас и Парис в раннесредневековых армянских источниках и современных Гюрган и Мардакян на Апшеронском полуострове приходится полагать, что часть племен ути, гиркан, анариак, мард и парсиев когда-то, в конце I тыс. до н. э., по неизвестной нам причине продвинулась с юга Прикаспия в Албанию. С ними переселилось (если верны предположения В. Ф. Минорского о связи топонима Лагидж на территории Советского Азербайджана с югом Прикаспия). вероятно, и ираноязычное племя, которое принесло с собой указанное название. Наконец, весьма вероятно, что на север от Куры перешла и часть магов (мугов), если топонимы Мханк в «Истории албан» и Мовакан древнегрузинскнх источников отражают этот этноним. И. Маркварт [587, II, 174] и Н. Г. Адонц [123, 420] предполагали, что это переселение произошло на рубеже нашей эры.

Трудно, конечно, определить точную дату указанного события, но следует учесть, что оно произошло во всяком случае до нашей эры, ибо например, гелы уже в I в. до н. э. (исходя из сообщений Страбона и Плутарха) обитали в Албании, по соседству с легами.

К ираноязычным племенам Албании следует отнести также предков современных татов в Нагорном Ширване, Кубинском и Дивичинском районах, на Апшеронском полуострове. Полагают, что они были переселены сюда из Ирана в VI веке.

4 — каспии и гугары, этническая принадлежность которых спорна, но мы их считаем тюркскими племенами.

5 — на основе топонима Йунан в арабских источниках (и Шахри-Йунан в XIX веке) мы считаем, что здесь обитали также энианы — греки.

Следуя вышеприведенной последовательности остановимся на каждом из этих племен.

1. *Тюркоязычные племена.*

Албаны. Этническая принадлежность носителей этнонима *албан* до сих пор не установлена. Во всяком случае, письменные источники не сообщают об этом. Между тем выяснение этого вопроса имеет принципиальное значение, потому что только после этого можно говорить о языковой принадлежности албанского этноса в целом и этнической принадлежности албанского языка.

К сожалению, на этот вопрос не могут ответить и археологические данные. Керамика, каменные или металлические изделия, составляющие основную часть находок, обнаруживаемых археологами при раскопках, не могут пролить свет на решение этнических вопросов.

Выше было сказано, что в советской исторической литературе носители этнонима *албан* считается кавказоязычными. Сторонниками этой концепции являются Г. А. Меликишвили [380,124], А. Г. Шанидзе [509, 57; 510, 6], И. М. Дьяконов [286, 23], К. В. Тревер [482, 306—315], И. Г. Алиев [130, 67], А. П. Новосельцев [411, 39], Г. А. Климов [323, 97] и др. Это мнение является господствующим и в настоящее время и оно отражено в «Истории Азербайджана».

Согласно нашей концепции, конкретное племя албан говорила на тюркском языке и албанский язык — как общеразговорный язык в раннем средневековье — был тюркским [см. 220; 224]. На основе этого языка, а возможно, и некоторых других, был создан албанский алфавит. Албанский язык не вымер, как до сих пор полагают, он является одним из компонентов современного азербайджанского языка, о чем будет подробно сказано в V главе этой книги. Итак, выдвинута новая концепция: носители этнонима албан были тюркоязычными. В пользу этого можно привести следующие аргументы.

1) Племя албан как тюркоязычное племя до сих пор существует среди казахов [190, IV, 326; 204, 46], киргизов [118, 82, 66], узбеков [314, 16, табл. 2], каракалпаков [300, 41] и туркмен [141]. Кроме того в Туркмении есть два топонима Албан [157, 37]. В. В. Востров и М. С. Муканов пишут, что среди казахов племена матай и албан считаются древними [264, 46, 118]. В XIX веке племя албан в Казахстане обитало в юго-восточной части Верненского уезда, от реки Или на севере до предгорий Алатау на востоке (204, 128). Тамговый знак племени албан был Q [204, 46]. Правда, сравниваются этнонимы различных исторических периодов, но эти параллели, по нашему убеждению, не случайны.

2) Для раннего средневековья в Кура-Араксинском междуречье, за исключением албанов, гаргаров, саков, каспиев и утийцев, другие племена не засвидетельствованы, и в древнеармянских источниках его население называется собирательным наименованием агеан (албан); среди этих племен основное место, несомненно, занимали представители конкретного тюркоязычного племени албан, в противном случае этот этноним не стал бы собирательным именем. Этим же можно объяснить наличие древнейших тюркских макротопонимов на территории Албании — Албан (I в.), Алам, Гангар, Кемахия (II в.), Аран (III в.), Аранрот

Мец-Аранк, Мец-Колманк (VII в.), Халхал, Хунан Чол, Гаргар (V в.), Тертер, Пазканк, Казах (VII в.), Тавус (VIII в.), Баку, Шаберан (IX в.), Бармак, Санар (X в.), не говоря о ряде других топонимов в Албании в древнеармянской передаче — I ороз Гош, Каруеч, Урек, Урди, Члах и др. в сочинении Моисея Каланкатуйского. Надо иметь в виду, что даты этих топонимов в источниках не говорят еще об их образовании в тех веках, к которым эти источники относятся, ибо в источниках отражены наименования уже существовавших, возможно, древних для того времени топонимов (см. подробно ниже, с. 429—446).

3) Одна тюркская племенная общность в Передней Азии в XIII—XIV вв. называлась элван [552, 173] вероятно, фонетически этот этноним происходит от этнонима албан.

4) Нам неизвестно, когда появилась на этой территории тюркская этническая общность, для которой «албан» было самоназванием Во всяком случае в источниках албаны известны в связи с событиями четвертого века до н. э. и, следовательно, являются автохтонным населением края. В «Истории албан» Моисея Каланкатуйского происхождение албан объяснено следующим образом: «От них, от киттийцев — сыновей Иафета, отделились и ушли на языческие острова киприаты, живущие же в северных странах — соплеменники киттийцев, от них и происходят албаны» (Моисей Каланкатуйский, кн. I, гл. 1). В этом сообщении много неясного. Но важно одно, что автор происхождение носителей этнонима албан связывает с миром северных стран —- т. е. с Северным Кавказом. В древнеармянских источниках и в «Истории албан» во всех случаях под выражением «северяне» подразумеваются тюркоязычные народы (басилы, булгары, гунны, хазары, и др.). Обращает на себя внимание гуннское племя hайландур (у Егише), hалуандур (у Моисея Каланкатуйского) на Северном Кавказе в связи с событиями V века. Исконной формой этого этнонима, по видимому, следует считать алуандур (с протезом «h» в армянской передаче), исходя из того, что он в усеченной форме олонд упомянут еще Птолемеем [V, 8, 23] — от алуан, алван (попытку связать это слово с Алан, см. 151, 61, мы считаем неверной) и компонента дур, характерного для ряда древнетюркских племен — байандур, чавундур, утидур и др. Нельзя ли сопоставить компонент алуан, алван с этнонимом албан и допустить, что племя албан было и среди гуннов? В этой связи привлекает внимание топоним Албановичи на Северном Кавказе в XIX веке [372, 11]. Несомненно, этот топоним состоит из этнонима албан, тюркского оба «кочевье» и русского патронимического окончания «ичи». Для сравнения отметим, что в русских летописях отмечены кыпчакские племена бурчевичи, кучебичи, кулобичи, тертъробичи, токсобичи [440, 129—130], которые также состояли из бурчоба-ичи, кучоба-ичи, тертероба-ичи, токусоба-ичи [там же]. В Азербайджанской топонимии эти этнонимы отражены в топонимах Тертерчай, Хуч и Гуллар.

5) Ряд древних и раннесредневековых личных имен — антропонимов Албании являются тюркскими (Оройс, Козис, Зобер, Аран, Асей, Андок, Урнайр, Урбатайр, Давдак, Мате, Казан, Манас, Сато, Абиказ, Аратан Хурс, Хочкорик и др.). О дополнительных аргументах в пользу тюркоязычности албанской этнической общности будет сказано в ниже (см. главы IV—V).

6) Жители всех известных в раннем, средневековье населенных пунктов Албании (Шаки, Нахичевань, Баку, Барда, Шамаха, Шамкур, Казах, Гянджа) говорят на азербайджанском языке, и нет никаких сведений о том, что там раньше говорили на иных языках. Выше было отмечено, что жители села Алпан (Кубинский район), говорящие на тюркском (азербайджанском) языке, несомненно, являются потомками племенной общности албан (в узком значении). Интересно, что на горе Диридаг (Джебраильский р-н) сохранились развалины древней крепости и село Дири. В XVIII в. население покинуло село Дири и переселилась в Карадаг — в Иранском Азербайджане, к югу от Аракса. Затем часть жителей вернулась на север и обосновалась в Зангеланском районе, образовав село Дирили (ныне часть с. Муганлы того же района).

Населенный пункт Дири в форме Три (в древнеармянской передаче) упоминается Моисеем Каланкатуйским. В Зангеланском районе при впадении реки Охчу в Араке есть крепость Тири и в XIX веке там было село Дири. Таким образом, населенный пункт Дири (Тири), известный, еще в VII—X веках, сохранился и в дальнейшем с населением, говорящим на тюркском (азербайджанском) языке. Допускать, что оно когда-то говорило на каком-то ином языке — значило бы вступить в область домыслов и беспочвенных предположений.

7) Этноним *албан* вероятнее всего восходит к древнетюркскому слову алп (a1p) «меткий стрелок», «герой», «богатырь», «витязь», «отважный», «храбрый», «смелый» [51, 36]. Это соответствует характеристике, данной античными авторами албанам: у Страбона — «отличаются красотой и высоким ростом», у Дионисия Периегета — «воинственные албаны», у Евстрафия — «воинственный народ албанцы», у Присциана — «воинственные албаны», у Руфия Феста — «свирепый албан» и др.

Надо отметить, что в эпосах некоторых тюркских народов как имена богатырей фигурирует личное имя Албан: Албан — Мерган (тюркск. марган, барган «искусный», «мудрый», «охотник», «стрелок», «силач»), Албанчас и др. [см. 318, 8].

8) По сообщению Страбона, албаны больше всего поклоняются Луне. (Страбон, XI, 4, 7). При этом он отмечает, что храм Луны находится на границе Иберии. До сих пор не выявлено местонахождение этого храма. Между тем, название горы Авендаг («гора Авей») в пограничном с Грузией Казахском районе, является искажением от Айевдаг («гора Айев») с заменой «е» на «в» образовавшимся от тюркского ай «Луна» и ев «дом», т. е. «гора'на которой дом Луны». Археологические изыскания Дж Рустамова показали, что на этой горе сохранились остатки христианского храма албанов, а этот храм построен на месте дохристианского святилища. Известно, что христианские и исламские храмы обычно строились на почитаемых в древности местах.

Следует отметить, что поклонение Луне было характерно для древнетюркских народов, у древних тюрок было слово Ай-Тенгри (Aj tangri) «божество Луны» (46, 24). В. В. Радлов в прошлом веке в Сибири

записал героическое сказание алтайцев про Ай- Моко («Почерпнувший силу от Луны», от тюркск. мока «крепкий, сильный») [442, 229]. (ср. огузск. Ай-Каган).

Возможно, другой храм Луны находился там, где ныне находятся развалины, известные под названием Махраса (Кедабекский р-н). Это место в «Истории Албан» (кн. I, гл. 29) отмечено как Астлаблур («Холм звезды»). Топоним Махраса состоит из персидского мах «луна» и роус «холм».

Гаргары. Следует отметить, что гаргары в древности на Кавказе отмечены в двух регионах —на северном Кавказе и в Албании. Рассмотрим сначала вкратце сведения о гаргарах на Северном Кавказе.

Страбон (I в.) отмечает, что «в горах над Албанией обитают амазонки» (Страбон, XI. 5. 1). Ниже будет сказано, что в первых веках н. э. в северокавказских равнинах обитали и сарматы. Ибо, по Страбону: «Кавказские горы отделяют с юга Албанию и Иберию, а с севера сарматские равнины» (Страбон, XI, 2. 15). Следовательно, следует допустить, что гаргары должны были находиться среди сарматов, потому что Страбон (XI. 5. 1) пишет: «...амазонки жили в соседстве с гаргарейцами». Юстин (III в. н. э.) пишет: «в соседстве с албанцами живут амазонки» (XLII, 3, 7). Эти амазонки, вероятнее всего, являются савроматами (сарматами), амазонками их называли так, потому что их правителями были женщины. «Их (т. е. савроматские. — Г. Г.) женщины ездят верхом, стреляют из луков и мечут дротики, сидят на конях и сражаются с врагами, пока они в девушках; а замуж они «не выходят, пока не убьют трех неприятелей...» (*Гиппократ*. О воздухе, водах и местностях, 24). Страбон отмечает (XI, 4, 1), что северная сторона Албании «окружена Керавнийскими горами». Известно, что эти Керавнийские горы являются юго-восточными отрогами Кавказских гор в зоне Дербента. Это видно из сообщения того же Страбона (XI, 5, 1) о том, что «амазонки живут в соседстве с гаргарами в северных предгорьях той части Кавказских гор, которые называются Керавнийскими».

Из вышеприведенных сведений видно, что гаргары на Северном Кавказе обитали по соседству с амазонками, т. е. сарматами — в Сарматии, другими словами, среди сарматов, а ниже (см. с. 328—339) будет показано, что сарматы были тюркской этнической общностью. С этим и связаны топонимы Каркар (Гаргардагы — в Кюринском округе и др.) в округе Теймирханшура в Дагестане в XIX в. [418, 56].

В XIX в. река Гаргар и гора Гаргарис отмечены и в Тионетском и Ахалцихском уездах Тифлисской губернии (Каркар-мейдан, Каркар-Кутан, гора Каркар, Гаргарис и др.), что свидетельствует об обитании части гаргаров в древности и в Грузни [418, Ш

Вопрос о происхождении гаргаров на Северном Кавказе неясен. Страбон сообщает: «Гаргарейцы вместе с амазонками (следовательно с савроматами, сарматами. — Г. Г.), как говорят, поднялись в эти места из Фемискиры (в Понте. — Г. Г.); затем.» однако, начали восстание и стали воевать против амазонок вместе с какими-то фракийцами и евбейцами, которые в своих кочевьях доходили до этих мест». (Страбон, XI, 5, 2). Выходит, что гаргары пришли из Причерноморья. Этим, в частности, может быть объяснен тот факт, что у Страбона топоним Каркар отменен и в Малой Азии.

Что касается гаргаров в Албании, то они впервые упоминаются Моисеем Хоренским в связи с событиями III века н.э. (кн. I I, гл. 85). Он отмечает в Албании «поле Гаргарское» и также «княжество гаргаров», что свидетельствует о компактности и расселения. К. В. Тревер считала, что часть гаргаров с Северного Кавказа переселились в Албанию именно в III веке (482, 48). Однако это не соответствует действительности. Анализ источников показывает что гаргары в Албании были известны в первых веках нашей эры. Так, в «Истории албан» (кн. I, гл. 4) гаргары считаются потомками легендарного албанского правителя Арана, который царствовал в I веке н. э. Кроме того, Ипполит Портский (III в.) гаргаров (у него гарганы) перечисляет рядом с мидянами,албанами и армянами, т. е. в Закавказье (см. 2, 96). Евсевий сын Памфила (IV в. н. э.) в своем сочинении также отмечает: «...Асии суть племена от Иафета, третьего сына Ноя. От Мидии вплоть до Сперии, простираясь со стороны океана до Аквилона так: мидяне, **албаны** (подчеркнуто нами. — Г. Г.), гарганы ... сарматы ... меоты, скифы; тавринии ... бастарны» [приводится по 2, 100[.Интересно, что автор, перечисляя области обитания этих племен,. гарганов (т. е. гаргаров), помещает в Албании. «Провинции же (тех народов) суть следующие: Мидия, **Албания**, (подчеркнута нами. — Г. Г.) Меотия, Сарматия, Тавфиния, Бастарния, Скихия». Моисей Каланкатуйский связывает переселение гаргаров с временем Александра Македонского (IV в. до н. э.) (кн. 1, гл.27).

О древности гаргаров в Албании говорит следующий факт. В северо-западной Албании, в связи с походом Помпея в Албанию в 65 г. до н. э., античные авторы упоминают реку Авант (Плутарх. Помпеи, XXXV; Дион Кассий, XXXVII, 36), по мнению Томашека, нынешний Элджигинчай (RE, 1, 18). Там же находился округ Абант. Моисей Каланкатуйский отмечает в Албании два пункта Абант, один, как у Фавста Бузанда, в Арцахе, другой — в северо-западной Албании, который можно связать с Авантом у Плутарха и Диона Кассия. Населенный пункт Авант или Абант в Арцахе в последний раз известен из источника 1727 года в форме Еван (556) — где-то поблизости от села Шамлык Кедабекского р-на. Выше было приведено сообщение СтраОона о том, что гаргары воевали против амазонок (т. е. савромато-сарматов) «вместе с какими-то фракийцами и евбейцами...» (Страбон XI, 5, 2). Известно, также, что эвбейцы назывались еще абантами (см. 122, 61). Отсюда можно заключить, что во-первых топонимы Абант в Албании связаны с племенем абант, во- вторых абанты пришли вместе с гаргарами; в-третьих, оба племени поселились в Албании до нашей эры, поскольку топоним Авант (Абант) упомянут в связи с событиями I века до н. э.

Таким образом, гаргары в Албании являются древнейшим этносом, но из-за отсутствия источников мы не можем определить время переселения части их с Северного Кавказа в Албанию. К. В. Тревер отмечала, что так как гаргары упоминаются у Моисея Хоренского в числе потомков Арана (Моисей Хоренский, кн. III, гл.

85), «мы вправе предполагать, что они являлись одним из древнейших (наряду с утиями) и наиболее выдающихся племен в составе Албанского союза» [482, 46]. Гаргары жили компактно и, по-видимому, представляли собою крупное племя, поскольку по одной версии в V веке в Албании на гаргарском языке был создан алфавит. О многочисленности гаргаров свидетельствует сообщение Моисея Хоренского о том, что они имеют свое княжество.

По мнению С. Т. Еремяна, гаргары жили на Мильской равнине [295, 304], где в V веке, как показывают археологические исследования, возник город Байлакан. Таким образом, «поле Гаргарское» Моисея Хоренского, «Гаргарская равнина» у Гевонда (VIII в) и «область Гаргар» Вардана Великого (XIII в.) — это современная часть Карабахской равнины. По-видимому, Гаргарскую равнину следует локализовать с той частью Карабахской равнины, через которую протекает река Гаргарчай и впадает в Куру, т. е. это современная территория Агдамского района (Гаргарской равниной называлась, видимо, и часть Мильской степи). Такая локализация подтверждается Иакутом Хамави (XIII в.), согласно сообщению которого, недалеко от Байлакана (в Мильской степи. — Г. Г.) расположен город Каркар (8, 30). В древнегрузинском источнике упоминается Каркри (от Каркари) между Хаченом и Байлаканом (33, 54). Киракос Ганзакеци пункт Каркар помешает в Арцахе [14].

Н. Г. Адонц (123, 424) вслед за И. Марквартом (583, 177) локализовал Гаргарское поле в округе города Партав (Барда). Основанием для этой локализации послужило сообщение Товма Арцруни (III, 10), что арабский полководец Буга (IX в.), «собрал все свое войско, спустился на поле Гаргарское и вступил в великий город Партав» (см. 128, 70). Однако такая локализация выглядит неубедительной.

Гаргары, участвуя в этническом процессе в Албании в раннем средневековье, сошли впоследствии с исторической арены, но этноним *гаргар* сохранился до сих пор в ряде топонимов, в частности, отразился в Карабахе в двух гидронимах Гаргарчай «река гаргаров». Еще в XIX в. в Карабахе и в районе Кедабека насчитывалось несколько селений с названием Гаргар [см. 418, 56]. Название одного из них в настоящее время имеет искаженную форму — Гергер, другого — Хархар (Кедабекский р-н). В бассейне реки Нахичеванчай находилось село Хархар или Херхер. Рукав реки Джеирчая в той же зоне называется Хархарчай (хотя в XIX в. упомянут как Каркарчай). В Нагорном Карабахе один горный хребет (высотой 2300 м) называется Гаргардаг — «Гора гаргаров». Это говорит о том, что часть гаргаров обитала в Арцахе (Нагорном Карабахе).

Следует отметить, что часть гаргаров, по-видимому, обитала в северо-восточной Албании. Арабский автор Ибн Хордадбех (IX в) между Шабраном и Баб ал-Абваба упоминает город Каркар [11, 109]. По этому поводу А. Бакиханов писал, что город Каркас находился в Мюшкуре [166].

В связи с упоминанием гаргаров где-то в северо-западной Албании Моисеем Каланкатуйским (кн. I, гл. 27V) можно заключить, что этот топоним зафиксирован Птолемеем в форме Гетара разночтение Гаргара) (V, XI, 2). В XIX веке на территории Куткашенского района в северо-западном Азербайджане отмечен топоним Хархар-хараба «Развалины Хархар». в котором можно видеть этноним гаргар.

Таким образом, в раннем средневековье мы имеем три ареала обитания гаргаров в Албании – ниже куры , в Арцахе, в северо-восточной Албании (у Ибн Хордадбеха) и в северо-западной Албании, на территории нынешнего Куткашенского района.

Гаргары обитали и в Армении. А.А.Акопян писал: « Действительно, известен округ Каркар в Моксе, две крепости Каркар в Цопке и в Восточной Киликии, две деревни Каркар (Гяргяр) в Лори и Парисосе» [128, 66-67] Ниже (см.с. 350) будет сказано, что гаргары обитали и в Иранском Азербайджане.

Выяснение языковой и этнической принадлежности гаргаров для этногенеза азербайджанцев имеет принципиальное значение. Исследователей (П. К. Услар, Е. И. Крупнов, А. Г. Шанидзе, Ю Б Юсифов, Н. Г. Волкова и др.) считают что они были кавказоязычными: В литературе [341. 72 74] было отмечено что гаргары являлись предками вейнахов (чечено-ингушеи), потому что на их языке гаргар означает «родственник», «близкие люди. Однако говорит это лишь о том, что в древности гаргары обитали в соседстве с предками вейнахов. Что касается чеченов и ингушей, то их предками, как полагают, являлись отмеченные античными источниками исадики и хамекиты (см. ниже). Да, было выяснено, что слово «гаргар» (или гагар) в значении «родственник» бытует еще в цахурском, рутульском и аварском языках [202 753]. Тогда возникло мнение, что гаргары являлись Кадками не только вейханов, но и дагестанцев в целом. Основанием для этого мнения послужило, во-первых, видимо то, что. Моисей Хоренский гаргаров и кавказоязычных утиицев считает потомками албанского царя Арана (Моисей Хоренский, кн II гл. 8). Можно было бы допустить, что раз утиицы безусловна кавказоязычное племя, то тогда и гаргары должны были быть кавказоязычными. Однако это не так. Это сообщение следует понимать в том смысле, что гаргары. и утиицы находились под управлением царя Арана.

Мнение о кавказоязычности гаргаров, видимо, связано еще с другим сообщением Моисея Хоренского. Он характеризовал язык гаргаров как богатый горловыми звуками, бессвязный варварский (Моисей Хоренский, кн. III, гл. 54). Однако подобное сообщение Моисея Хоренского еще не дает основании для такого вывода, потому что армянский историк Корйон- (IV в.) варварскими называет и албанский, и мидийский (язык маров) языки. «Барбарами» албанов называет античный автор Плутарх (Плутарх, Помпеи, XXXV). Впевые К. Г. Алиев [143 и позже нами [216; 220; 224] было подробно обосновано мнение о том, что гаргары являлись тюркоязычным племенем. Топонимические параллели говорят в пользу такого вывода.

Гаргары обитали и в Средней Азии. Дионисий Периегет (II в.) отмечает, что от горы Эмод до земли, орошенной Гангом» жил народ гаргарнды (Дионисий Периегет, 1144—1147). По сообщению Птолемея (VI, 15,

16), горы Эмод проходили через- Скифию в Серику. Позже в анонимном источнике X в. упоминается Гаргархан — область, принадлежащая тюркскому народу кимакам в Средней Азии [49, 186]. В. Ф. Минорский писал, что наименование Гаргархан можно сопоставить с Каркарлинском, городом, находящимся на расстоянии 350 км к юго-востоку от Семипалатинска [588, 309]. Река Каркар в долине р. Или, топоним Каркар в Семиречье (в Средней Азии) и на Тянь-Шане упоминаются в работах В. В. Бартольда [167, II, I, 101, 536. См. также: 190, I, 235, 246]. Один из горных участков в центральной части Казахстана называется Каркарлинским. В прошлом на территории Туркмении имелись две реки Гаргар. Подразделение туркменского племени Эрсари называлось Гаргар. Река Каркарчай отмечена и в зоне бывшего Бухарского ханства [117, 289]. В настоящее время в Казахстане (см. Казахская ССР. Административно-территориальное деление. Алма-Ата, 1975, с. 115, 133) есть сельсовет Каркар и район Каркара. Антропоним (личное имя) Каркар в древности был распространен среди кыпчаков. Средней Азии. По С. М. Абрамзону, в событиях, описываемых в рукописи XVI века, участвуют кыпчаки-каркары, жившие в Каракишлаке на территории нынешнего Казахстана (114, 46). Каркар является дедом Манаса — легендарного героя одноименного киргизского эпоса (167, II, 1, 541). Ниже будет отмечено, что в связи с событиями V века в Албании упоминается религиозный деятель Манас. В. В. Бартольд писал, что народ, к которому принадлежал Манас, — герой киргизского эпоса «Манас», также назывался Каркар или Кыпчак [167, II, I, 541, прим. 55].

Как видим, мнение о кавказоязычности гаргаров в Албании,в том числе гаргаров Северного Кавказа, сомнительно, так как: есть веские основания считать их тюркоязычными. Гаргаров тюркским племенем считает Энвер Конукчу [550, 115—116]. В 1977 г. во время конференции по топонимии в г. Орджоникидзе состоялся мой разговор с В. И. Абаевым по поводу тюркской принадлежности племенных общностей гаргар и дондар и он считал это вполне вероятным.

Это подтверждается еще и тем, что жители всех населенных пунктов Гаргар в Азербайджане в XIX в. (в том числе и селения Гергер в Кедабекском районе и селения Гергер в Армянской ССР (названия которых являются искажениями от Гаргар),азербайджанцы и говорят на азербайджанском языке. Следует отметить, что населенные пункты Каркар и Гаргар с азербайджанским населением есть в Иранском Азербайджане (см. I же, с. 350) и Турции. Поэтому мнение о том, что топонимы кар восходят к армянскому слову каркар «груда камней» <армянского карр «воздвигать, построить, установить» [120, 883], не выдерживает критики. Топоним Каркар или Гаргар широкий ареал, его аналоги есть в Средней Азии и Казахстане, где армяне никак не могли жить, и следовательно эти топонимы не могли быть образованы на почве армянского языка.

Саки. Следует отметить, что вопрос о скифах и в связи с вопросом о саках как в Передней Азии, так и в Закавказье затронут в работах многих западно-европейских и советских следователей (В. В. Струве, Г. А. Меликишвили, И. М. Дьяконов В. И. Абаев, Б. Б. Пиотровский, Е. И. Крупнов, Б. А. Литвинский, И. Г . Алиев, В. Ф. Минорский, Э. А. Грантовский, М. Н. Погребова, А. М. Хазанов, Б. В. Техов, А. И. Тереножкин И. В. Пьянков, О. А. Вишневская, Ю. Б. Юсифов и др.). Обзор мнений в части локализации упоминаемых в древнеперсидских и античных источниках саков подробно расмотрен в работе И. В. Пьянкова [434] и Б. А. Литвинского [352]. Считают, исконно саки являются автохтонным населением Средней Азии и Казахстана. Б. А. Литвинский писал, что саки этого регис являются прямыми потомками племен поздней бронзы. Это показывает и керамические комплексы и погребальный обряд, [3 156]. Именно оттуда часть саков через Кавказ или с юга пронла в Переднюю Азию, в том числе в Албанию. Саки, вернее сители этнонима сака (шака), проживали и в Албании: одна областей их обитания называлась Сакасена.

Наименование области Сакасена (по мнению И. М. Дьяконова восходит к иранскому «saka sauana» «обитаемая территория саков» впервые упоминается в труде Страбона (I в.) в четырех IV тах (II, 1, 14; XI, 7, 2; XI, 8, 4, и XI, 14, 4). Исследователи ошибочно считали во всех этих сообщениях Сакасену названием ной и той же области. И. М. Дьяконов писал, что «область Сасена упоминается Страбоном еще неоднократно» и находилас районе Гянджи [283, 250]. О границах этой области существуют различные мнения. По мнению С. Т. Еремяна, Сакасена простиралась от современного Дзегамчая до Кюрекчая (296, 73), а М. Бархударян полагал, что эта область располагалась правобережье реки Куры, между впадающими в нее реками Кюрекчай и Шамхорчай (168, 33). В этом случае нынешнюю территорию районов, относящихся к Казах-Акстафинской зоне, следует относить к Сакасене, как это делают некоторые исследователи. Мы считаем, что северо-западная часть Сакасены ходила по реке Дзегам, если, как предполагал С. Тер-Аветисян в этом гидрониме отразился этноним «сак (а)» [473]. Это соответствует тому факту, что правобережная Кура между реками Дзегам и Шамхорчай, по М. Бархударяну, называлась не Сакасена, а Колт [168, 33]. В целом, вопрос определения границы Сакасены — Шакашены требует специального исследования.

По-видимому, область обитания саков, т. е. Сакасена первоначально охватывала также Сисакан (Сюник). В труде Страбона есть упоминание о том, что Сакасена расположена в междуречье Куры и Аракса, за равниной, называемой им Араксеной (см. ниже). Он сообщает: «За этой равниной идет Сакасена, тоже граничащая с Албанией и с р. Киром; еще далее идет Гогарена» (Страбон, XI, 14, 4). Исследователи обычно эту Сакасену иденфицируют с Шакашен (впервые в связи с событиями 371 года упомянута Фавстом Бузандом) — названием области в Албании- в раннем средневековье. Локализация ее с зоной Гянджи безупречна: во-первых, в «Истории албан» Моисея Каланкатуйского есть сведения о том, что г. Ганзак (Гянджа) возник в области Шакашен (кн. III, гл. 21); во-вторых, в XVI в. (1593 г.) в зоне Гянджи одна река называлась Шакичай — «река Шаки» (82). Однако Шакашен в Албании (в зоне Гянджи), по нашему мнению, являлась лишь частью Сакасены, расположенной в междуречье Куры и Аракса. Саки в Албании в античных источниках именуются

сакасаны (Плиний, VI, 26) или сакапаны (Птолемей,V, 12, 9). Арриан (II в.) в связи с битвой при Гавгамелах сообщает, что там были также албаны и сакесины (Арриан, II, 2, 4)., И. М. Дьяконов [283, 444} и И. Г. Алиев (137, 19) считают, что в этой битве албаны и сакасины — жители области Сакасена —выступали как союзники мидян. Однако нельзя согласиться с мнением К. В. Тревер [482, 52] и И. Г. Алиева [137, 19}, что власть Атропата распространилась на междуречье Куры и Аракса. Административно-территориальное деление ахеменидской державы не распространялось на территории к северу от Аракса, т. е. на междуречье. Правда, Геродот сообщает, что власть персов простирается до Кавказского хребта (Геродот, III, 97), но это не следует понимать в том смысле, что закавказские страны в то время территориально непосредственно относились к Ахеменидам. Таким образом, территория выше (севернее) Аракса не была официально землей Ахеменидской державы.

В труде Страбона кроме того дважды (II, I, 14 и XI, 7, 2) идет речь о Сакасене, но на юг от Аракса, где-то на территории Атропатены — «ниже Гиркании». Однако это обстоятельство до сих пор не принято во внимание исследователями. Впервые этот вопрос подробно рассмотрен нами [225], о чем будет сказано ниже. Поэтому И. М. Дьяконов и И. Г. Алиев ошибаются, когда. саков Сакасены, междуречья Куры и Аракса отождествляют с ортокорибантиями Геродота и сака-тиграхауда (от древнеперсидского тигра «острый» и хауда «шлем») — «острошапочниками» древнеперсидских источников [см. 283, 339]. Нельзя согласиться с Б. Г. Гафуровым в том, что «эти скифы (т. е. саки междуречья Куры—Аракса. — Г. Г.) входили затем в число народов державы Ахеменидов» (211, 18). Р. Фрай в своем труде в одном месте пишет, что саки-тиграхауда это персидское обитали в Мидии в X Сатрапии (498, 70). Мы не будем здесь касаться спорного вопроса локализации всех групп саков, упоминающихся в древнеперсидских источниках. Отметим лишь, что саки-тиграхауда — это персидское название той группы саков, которые обитали в Мидии, а вовсе не сакасинов в междуречье Куры и Аракса. Область саков в Мидии у Страбона названа также Сакасеной. Если согласиться с мнением названных исследователей о тождестве сакасинов с сака-тиграхауда древнеперсидских источников, то мы должны допустить, что саки-тиграхауда, которые восстали против Дария, о чем повествуется в Бехистунской надписи, являлись сакасинами междуречья Куры и Аракса. Однако это было бы явной натяжкой. Возможно, что сакасины, т. е. саки в Албании, также носили остроконечный головной убор. Однако в Бехистунской надписи этот головной убор считается характерным для саков Мидии. Поэтому нельзя отнести сакасинов Албании к X сатрапии Ахеменидов. Эта сатрапия к территории междуречья Куры—Аракса никакого отношения не имела, ибо Восточное Закавказье к северу от Аракса вообще не входило в сатрапию. Только XI сатрапия вместе с областями, расположенными к югу ют Каспия, охватывала часть территории современного Азербайджана, а именно Каспиану (территорию к югу от Аракса и далее к югу от Куры после слияния с Араксом, если только в то же время Араке отдельно не впадал в Каспий), а также современную Талыш-Ленкоранскую зону. Сакасену на юге Каспия, т. е. находившуюся в Мидии, мы помещаем в Атропатене. Именно эта область была захвачена Арменией во II в. до н. э., потому что, как известно, Армения во II веке до н. э. захватила часть Атропатены, о чем подробно будет сказано ниже (см. с. 198—239).

Теперь следует выяснить следующие вопросы: во-первых, когда саки пришли в Албанию и, во-вторых, кто такие сами саки по этнической принадлежности.

В литературе существуют различные точки зрения о происхождении и времени прибытия саков в Албанию.

1. Саки являются скифами или частью, которые пришли в VIII или VII вв. до н. э. в Переднюю Азию, в том числе и в Мидию. Сакасена в междуречье Куры и Аракса была ядром Скифского царства Передней Азии. Этого мнения придерживаются И. М. Дьяконов, Е. И. Крупнов, К. В. Тревер, И. Г. Алиев, В. Ф. Минорский, А. М. Хазанов и другие исследователи.

С самого начала мы должны отметить, что вообще в скифологии явно заметно вольное обращение с этнонимом скиф. Первоначально скиф и сака (как это видно из ассирийских источников, в которых Сака и Ишкуз отмечены как различные области в Мидии — об этом см. ниже, гл. III) были наименованиям различных этнических общностей, хотя, может быть, по этнической принадлежности были родственными. Но в античных источниках эти этнонимы в основном имеют собирательное значение.Если трудно определить, в каких случаях этнонимы скиф и сака употреблены как самоназвания конкретных этнических общностей, а в каких — как собирательные, то не следует саков в Албании считать скифами северного Причерноморья. Отождествление скифов и саков стало причиной путаницы в интерпретации многих сообщений античных авторов. Так, например, В. Ф. Минорский писал: «Около середины VII в до н. э. за ними (киммерийцами. — Г. Г. последовали скифы Сака и одним из центров их стала провинция, которую Страбон называет Сакасена и которая по-армянски называется Шакашен «Поселение Шака» (395, 37). Однако эти исследователи не учли, что существовала другая Сакасена, и, как говорилось выше, она находилась в Атропатене.

О предполагаемом Скифском царстве мы скажем ниже (см.с. 310—313), теперь же возникает вопрос: почему собственно саков считают скифами? Основанием служит сообщение Геродота [VII, 64], что персы скифов называют саками. Поэтому исследователи истолковывают это сообщение как доказательство (ираноязычности) и этнического тождества скифов и саков и на этом основании полагают, что Сакасена междуречья Куры и Аракса была официальным мидийским наименованием ядра большой территории Скифского царства (см. ниже).

Это мнение, к которому мы еще вернемся, представляется неубедительным. Правда, Плиний (1 в.) также пишет (VI, 50), что по ту сторону Яксарта (Сыр-Дарьи) обитают скифские племена, персы вообще

называют их саками. Отсюда следует, что эти саки бшш «скифами» для греческих авторов. В действительности же в Средней Азии обитала этническая общность, самоназванием которой было «сака»; поэтому древнеперсидские надписи помещают саков в этом регионе. Отсюда ясно, что в сообщении Плиния «скиф» является не этническим наименованием, а общим собирательным названием саков, которых также считали скифами. Этнонимом скиф античные авторы называли различные по этнической принадлежности племена и народы, а не только ираноязычные, как полагают скифологи. Сам Плиний, (VI, 50) пишет, что количество скифских народов бесконечно. Античный автор Херил отмечает (Персика, фраг. 3); «... и пастухи овец саки, родом скифы». Диодор Сицилийский отмечает, что гора Эмод отделяет на севере Индию от той части Скифии, которая населена скифами, называемыми саками (Диодор, II, 35). Как видно, нельзя ставить знак равенства между этнонимами сака древне-персидских и скиф античных источников, т. к. в древнеперсидских источниках сака является конкретным наименованием определенных этнических общностей. Мы придерживаемся мнения Б. А. Литвинского, что «существовало и какое-то конкретное «племя» (gens), для которого «сака» было очевидно самоназванием» [352, 163; см. также, 283, 244}.

Ошибочное отождествление этнонимов скиф и сака привело к тому, что в Бехистунской надписи Дария (VI в. до н. э.) слово «сака» везде заменено на «скиф». Например, М. А. Дандамаев строку «Говорит Дарий царь: затем я с войском отправился в Сака» переводил так: «говорит Дарий царь: затем я с войском отправился в Скифию» [264, 269]. Если принять такую интерпретацию можно заключить, что Дарий отправился в Северное Причерноморье — в Скифию Геродота, а если принять первый вариант, — то Дарий отправился в страну саков-острошапочников — в Мидию.

Как уже отмечено выше, для греков слово «скиф» не было конкретным этническим названием, они называли скифами все знакомые им народы и племена, ведущие «скифский» (кочевой) образ жизни. Античные авторы основным этническим признаком скифов считали занятие скотоводством, что определяло весь их образ жизни. Такой образ жизни вели и саки в Средней Азии поэтому античные авторы их также называли скифами. Древним персам этноним скиф не был известен. Таким образом, в Бехистунской надписи «сака» является конкретным наименованием определенной энтической общности, а не собирательным. К конкретному этнониму сака восходят и две Сакасены у Страбона потому что обе Сакасены являются местными названиями.

Таким образом, саки в Албании не являются скифами по этническому происхождению. Они были «скифами» только по образу жизни.

2. Когда после 28-летнего господства в Передней Азии «большинство скифов вернулось (предполагают, что скифы из Передней Азии вернулись в Причерноморье в 584 г. до н. э.) в области к северу от Кавказа, часть их осталась на юге, обосновавшись главным образом в области Сакасена (на территории западных районов Советского Азербайджана)» [211, 17—18]. Таким образом, согласно этому мнению Б. Г. Гафурова, саки в Албании считаются «ираноязычными» скифами, но Сакасена не включается в состав Скифского царства, а сами саки фигурируют как «оставшиеся скифы».

3. Существует третье мнение, что саки в Закавказье пришли отдельно от скифов в VI в. до н. э. через Дербент. Это мнение выдвинуто В. В. Струве. Он в связи с сообщением Страбона о Сакасене в междуречье Куры и Аракса писал, что саки пришли отдельно от скифов «в начале эпохи ахеменидов», т. е. в VI веке [470, 20}, Если согласиться с ним и допустить, что саки пришли отдельно от скифов и в другое время, то тогда Сакасена не могли составлять часть Скифского царства.

4. Г. А. Меликишвили [380, 222} Сакасену в Албании связывает с киммерами и полагает, что они пришли в VIII веке до н. э.

5. Наконец, недавно Ю. Б. Юсифов выдвинул новую идею, согласно которой саки входили в состав киммеров-скифов [524, 181]. Он считает, что саки и скифы пришли отдельно с собственными царями — Партатуа и Ишпакаем — во главе скифов, Тугдамме — во главе саков (там же). Он же употребляет термин «киммеро-скифо-сакские объединения» и полагает, что существовало три таких объединения: одно на юге Урарту во главе с Партатуа,второе — на северо-западе от Урмийского озера, на территории Манна, во главе с Ишпакаем, третье — в Сакасене, в междуречье Куры и Аракса [524, 182].

Говоря о Скифском царстве не оговаривают, кого именно имеют в виду под этнонимом скиф— носителей конкретного этнонима ишкузай ассирийских источников, или его понимают в собирательном значении, как античные авторы? Если во втором значении, то, конечно, и саков можно считать скифами, и тогда следует допустить, что, завоевав в VII веке территорию к югу от Куры, саки должны были создать свое царство.

6. Следующее мнение принадлежит К. В. Тревер. «Среди племен, образовавших Албанский союз, были и какие-то потомки скифских или сакских племен, быть может, из числа тех, которые некогда устремились через Албанию в Армению, осели в плодородных долинах по берегам Куры; на правом берегу — эта область Шакашен (Сакасена) выше впадения Аракса в Куру, слева от Иори и Алазани (северо-западные области Отены-Утик) и на левобережье — район Шака, выше Кабалака, в предгорьях Кавказа» [482,49].

Как видим, вопросы времени и обстоятельств проникновения саков в междуречье Куры и Аракса остаются пока не выясненными. Достоверно известно лишь одно: саки пришли из Средней Азии, с востока. О саках на востоке писали еще Геродот [VII, б4], Плиний [VI, 50], Аммиан Марцеллин (кн. XXIII, 6, 63) и др.

Существует мнение, что они пришли через Дербент [277, 220] и античные авторы относят это проникновенно к VII в. до н. э. В частности, Страбон употреблял выражения «подобно киммерам» и «трерам» (т. е. фракийцам или тракийцам). Но существует и другое мнение — что они пришли в Переднюю Азию с

востока, с юга Прикаспия. В. В. Струве, Б. Б. Пиотровский,М. А. Дандамаев и др. считают, что саки в Закавказье пришли через Мидию, обойдя Каспий с юга, и, как предполагает И. М. Дьяконов, это произошло в IX—VIII вв. до н. э.

Следовательно, речь должна идти о различных вторжениях — скифов (ишгузов), киммеров и саков. На территории Советского Азербайджана свои следы оставили киммеры (об этом см. ниже) и саки.

Сакасена в Албании были местным названием, существовавшим еще до Страбона — ему это название было известно как уже сформировавшийся топоним. Из сказанного выше становится очевидным, что в этом топониме отразился конкретный этнонима сака (шака).

Наиболее дискуссионным является вопрос об этнической принадлежности саков.

Согласно господствующему в науке мнению, саки были ираноязычными, т. е. говорили на одном из иранских языков. В новейшей литературе даже ставится знак равенства между скифами и саками («Сами себя скифы называли saka» — см. 115, 318]. Некоторые авторы полагают, что скифы и саки — различные этносы [283, 243]. Для нас ясно одно: саки в Албании не были «скифами» в узком значении этого слова. Мы не согласны с мнением, что у Страбона под этнонимом сак, подразумеваются искуты [см.: 283, 251]. Истина заключается в том, что первоначально, ко времени вторжения их в Переднюю Азию, сака, искут и кимер были самостоятельными, т. е. конкретными этнонимами что подтверждается упоминанием их в отдельности в древневосточных источниках VIII—VII вв. до н. э. В этом случае Сакасена в Албании не могла быть ядром Скифского царства, как полагают некоторые авторы, или, как считает Г. А. Мелнкишвили, одним из «скифских политических образований», тем более, что неясно пришли ли саки среди скифов (или вместе с ними) или отдельно,и когда именно. Если бы они были «скифами», т. е. ишкузами в узком смысле, то и Страбон, конечно, называл бы их не саками, а скифами. Ни один античный автор не употребляет этноним «скиф» в отношении саков междуречья Куры—Аракса: у Страбона — сакасен, у Плиния — сакасан, у Птолемея — сакапан, у Арриана — сакесин (см. выше, с. 83).

Существуют ли языковые данные, свидетельствующие об ираноязычности саков вообще и в Албании, в частности? По нашему мнению, таких данных нет. Известный иранист И. М. Оранский. признает: «Что касается древних сакских диалектов Средней Азии и Китайского Туркестана, то наука не располагает о них никакими сведениями, за исключением нескольких имен собственных и племенных названий, сохраненных древнеперсидскимй надписями и греческими авторами» [414, 90] и далее, что «термин сакский язык закреплен в настоящее время за языком ираноязычных текстов (V—X вв. н. э. — Г. Г.), написанных индийским письмом брахми и обнаруженных экспедициями в XX в. в Хотане и других оазисах Китайского Туркестана» [414, 91]. Таким образом, получилось, что обнаруженный язык какого-та ираноязычного племени был объявлен «сакским», несмотря на то, что в самих текстах этот язык называется хотанским, а не сакским. Последнее говорит о том, что следовательно, для носителей хотанского языка этноним сака не был самоназванием. Но в то же время мы не исключаем, что, возможно, под этнонимом сака могли быть названы и ираноязычные племена в зоне Восточного Туркестана, которые являлись иранизированными тюрками. К ним относились, в частности, кенджеки, которых Махмуд Кашгари характеризует как двуязычных (тюркский и иранский языки). Он отмечает тюркизацию сугдаков, но это относится к XI веку, однако в отношении саков или кенджеков он о тюркизации не говорит, хотя они, также как и сугдаки, были двуязычными.

Иранисты выдвинули еще один аргумент в пользу ираноязычности саков: этноним сак, (в действительности этот этноним имеет форму «сака» и не «сак») этимологизируется на почве иранских языков. Свод мнений этимологизации этнонима сак(а) дан в работе Б. Л. Литвинского [352, 146]. Однако, несмотря на неоднократные попытки (Х. Шельд, О. Жемераньи, Х. Готье, В. И. Абаев, Г. Бейли и др. — см. 277, 392, прим. 752; 352, 157— 158), этимология этнонима сак на почве иранских языков не установлена. Заметим, что эти исследователи стремились во что бы то ни стало этимологизировать этноним сака на почве только иранских языков, поскольку именно этого требует отстаиваемая ими концепция. Например, В. И. Абаев считает, что этноним восходит к осетинскому слову сак (олень) (подробно: 108, 118 — ср. башкирок, сагын «олень»), О. Жемеренье считает, что этноним сак на древнеиранских языках означал «идти», «бежать», «течь» [601, 212]. По О. Жемеренье, сак означает «скиталец», «быстрый», «странствующий» — от др. персидского сак «идти», «бежать» [601, 212]. Г. В. Бейли высказывается в том духе, что первоначальное значение этнонима сака не сохранилось, но для иранских племен известны племенные названия, имеющие смысл «мужи», «мужчины». По его мнению, в языке «Ригведы» сак является эпитетом к слову «муж». Поэтому, может быть, сака — это прилагательное от сак, со значением «могущественный», «сильный», «умелый» (в этом случае можно привлечь и тюркск. саг «бдительный», монгольск. саки «сберечь», «охранять» — см. 445, 200. — Г. Г.), и, таким образом этноним сака означает «могучие мужи» [557, 133]. Внимательный читатель легко заметит, что все эти гипотезы не более, чем плод фантазии иранистов.

Логичнее всего, на наш взгляд, высказались по этому поводу В. Бранденштейн и М. Майрхофер: они заключили, что «происхождение этнонима сак не является твердо установленным» [см. 561, 142]. Добавим к этому: причина заключается в том, что этноним сака вовсе не является этнонимом иранского происхождения. Ряд исследователей считают наиболее подходящей этимологию В. И. Абаева, однако не учитывают при этом, что; во-первых,как отмечено выше, этот народ назывался не «сак», а «шака», и «сака»; во-вторых, и это главное, они не учитывают, что наименование данное одним этносом (в данном случае, если предположим, что этноним сака, шака восходит к осетинскому сак «олень» или в «Авесте» — сак «муж»), не могло превратиться в самоназвание другого этноса и это инонаименование не могло отразиться ни в языке, ни в топонимии

именованного этноса, а тем более ни в языке, ни в топонимии другого этноса, отдаленного по месту расположения, на территории или по соседству с которым живёт этот именованный этнос. Но, как известно, этноним шака до сих пор сохранился в топониме Шеки (от Шаки) в Азербайджане, Турции и в Татарии. Следовательно, если бы этноним сака был инонаименованием, данным другим этносом (в данном случае древними осетинами), отличным от его самоназвания, то это наименование не могло и не должно было отразиться в топонимах Шакашен и Шаки в Азербайджане и в других странах. Если бы саки являлись ираноязычными, то в азербайджанском языке должны были сохраниться и лексические элементы ираноязычных саков. Кроме того на территории Шакашены, в междуречье Куры и Аракса и в северо-западной Албании (историческая область Шеки) должно было быть много ирано-язычных топонимов. Однако наши многолетние топонимические исследования показывают, что таких топонимов, за исключением некоторых слов восточноиранского происхождения (гар «гора», кат «селение»), являющихся, по нашему мнению, привнесенными,—нет.

Итак, как следует из сказанного выше, ираноязычность саков не подтверждается никакими конкретными свидетельствами и фактами.

Наряду с этим есть ученые, считающие, что саки были тюркоязычными. Например, Г. Готье считал их тюрками [581, 23], а Э. Миннз — монголами [590, с. 82]. В пользу тюркоязычности саков можно привести следующие доводы:

1. Этноним сака (шака) как название определенного племени среди ираноязычных народов или как этнической группы среди иноязычных народов — неизвестен. Наоборот, этот этноним (с взаимозаменяемостью начального с~ш, перебой s—s восходит к алтайскому языковому состоянию), **как название конкретного тюркского племени** распространен у ряда тюркоязычных народов: шага — у казахов; шакай и шекей — у узбеков; саке, сака — у киргизов; шаклар (от шака и аффикса множественности — «лар») у туркмен; шаукай — у ногайцев; сакай (сагай) у хакасов (сакайский язык является диалектом хакасского языка) на Алтае и др. В западной Сибири в XVII в. была волость Сагай (279, 106). Привлекает внимание тот факт, что этноним сагай, (сакай), шаукай состоит из основы сака (шака) и компонента «и», что характерно для ряда тюркоязычных этнонимов:сарай, тагай, тургай, кызай (род сагайцев) и др. Именно этот компонент, по нашему мнению, отразился в этнонимах, которые в источниках зафиксированы в формах матай, ишгузай, теурлай^. далай, кумурдий в Манне и Мидии (см. ниже, с. 251).

К этому перечню с уверенностью можно добавить этноним сакар (от этнонима сака и тюркск. ар «мужчина», «герой») — у туркмен; сакаит (от сака и суффикса **-ит**) — у узбеков; сагат — среди алтайских племен; саха — самоназвание якутов. Ряд исследователей (Г. В. Ксенофонтов, Н. А. Аристов, Д. Е. Еремеев и др.) самоназвание якутов саха возводят к этнониму сака. В. Бартольд (167, V, 593) алтайскую племенную общность сагай связывал с самоназванием саха у якутов. Почему-то не обратили внимание на то, что этноним йакут (от jak+ut) является фонетическим (j~s, звуку «j» некоторых тюркских языков в начале слова в других языках соответствует «s») вариантом того же этнонима *саха* — самоназвание якутов. К этнониму сака восходит, по-видимому, этононим *сакал* — название родового подразделения теленгитов—чуйцев Алтая в XIX веке. [441, 23], от сак и тюркск. эл «племя». Более того, одно из родовых подразделений алтайского племени челкан называется *шакшы* [441, 70,78], от этнонима шак (сак) и суффикса -шы (-чы), означающего в данном случае принадлежности (ср. этноним араншы у туркмен, см. ниже, с. 119, 120).

Откуда взялись эти племена среди названных тюркских народов, территориально находящихся далеко друг от друга? Как известно, в древнеперсидских источниках различаются несколько областей обитания саков в Средней Азии. О локализации этих областей подробно сказано в работах Г. Бейли [557; 558] и Б. А. Литвинского [352, 158—174]. Это подтверждается сообщениями Плиния и Страбона о том, что саки живут и на востоке, за Каспием. В результате передвижений и перегруппировок в течение- веков саки стали входить в состав разли-чных тюркских народов. Иранисты считают, что приток тюрок увеличился в Средней Азии со II половины VI в. и к концу I тысячелетия ираноязычный сакский язык был уже вытеснен, т. е. саки перестали быть ираноязычными, и, стало быть, стали тюрками [416, 46]. При этом они не объясняют, каким образом, в результате какого механизма ассимиляции «ираноязычные» саки за 300—400 лет были превращены в тюрок? Личное имя Скунха — предводителя саков, упоминаемое в Бехистунской надписи (521 г. до н. э.) мы считаем древнеперсидской передачей (или оно не точно прочитано в надписи с клинообразной письменностью) исконного Ескингай — от тюркск. ее (es) «ум», «разум» [62, I, 306}, кинг, (с велярным «нг») «обильный», переносно — «щедрый» и ласкательной формы аффикса («а/й», с общим значением «Обильный умом (разумом)», (из уст родителей).

2**.** Два населенных пункта Шаки есть и в Татарии, Шаки (Шеки) — в Азербайджане, Шаки — в Карской области в Турции, Шаки в албанской исторической области Сисакан (ныне Зангезур в Армении), Шакабад в Иране, которые, несомненно, отражают этноним шака. Население всех указанных населенных пунктов — тюркоязычное. Считать, что жители всех указанных населенных пунктов, расположенных в различных регионах, были сначала ираноязычными, а потом все перешли на тюркские языки, — это по меньшей мере не объективно и выглядит как явная натяжка.

О тюркоязычности саков, в частности, говорит и следующий факт. Известно, что племя албан среди казахов является основным подразделением племени уйсун (190, 1, 628). Уйсуны же считаются потомками древних тюркоязычных усун (125, 116), которые в свою очередь восходят к сакам. «Уйсуны, позже вошедшие в состав казахов, узбеков и других народов, этнически были одной из ветвей саков» [246, 7]. Это подтверждается

и археологическими данными. А. Н. Бернштам писал, что «культура канглы и усуней являлась продолжением культуры саков» [177, 112], Н. Я. Бичурин указывал, что страна Усун первоначально принадлежала сэ (сак — в китайских источниках) и поэтому саки считаются предшественниками усуней, известных с III в. до н. э.

3. Существуют археологические и антропологические данные позволяющие считать, что среди скифов и саков были и тюрко-язычные племена. Отмечено, что «массовые раскопки в Приаралье, Центральном Казахстане, Туве и на Алтае позволили объединить перечисленные области в единую сакскую культурную общность, имеющую ряд черт, роднящих ее с культурами скифских и савроматских племен [426, 15], В Приаралье примесь монголоидных компонентов констатируется уже в VII—V вв. до н. э. среди сакских племен и прослеживается также у саков и в более позднее время (IV—II вв. до н.э.) [489,227]; Высказывалось также мнение, что «саки Приаралья и Тянь-Шаня явно смешаны с монголоидами» (274, 5]. Саки Приаралья, как показывают исследования Т. А. Трофимовой, в VIII—V вв. до н. э. представляли «смешанную популяцию, состоящую из европеидного пласта и значительной примеси монголоидных форм центрально-азиатского происхождения, особенно ярко выражающуюся среди женщин» [489; 221]. По мнению В. В. Гинзбурга, имеется генетическая близость саков Восточного Казахстана и населения Горного Алтая [230, 245], а население Горного Алтая, как известно, было и является тюркским. М. И. Артамонов отметил, что «в горах Алтая пасло свой скот одно из подразделений сакских племен, вероятно,известное китайцам под именем юэчжей» [152, 28]. Безусловно, в горах Алтая эти скотоводы-саки могли быть только тюрками, а не иранцами. А. Н. Бернштам писал: «Саки разнообразны по-этническому составу. Мы полагаем, что сильное тюркское ядро было среди саков». Саков междуречья Куры и Аракса считает туранцами (т. е. турками) иранский историк Мохаммед Гасанхан [543, 28]. А еще задолго до этих авторов византийский историк Менандр сообщал, что турки в древности назывались саками [12, 382].

По Б. А. Литвинскому, в «Авесте» сакские племена фигурируют под несколькими именами, из которых наиболее употребительное — «тура». Вообще, среднеазиатские кочевые племена, являющиеся врагами оседлых иранцев, называются тур [352,150] и они в Авесте характеризуются как «туры с быстрыми конями». Об этом подробно сказано в работах западных (В. Гейгер» И. Маркварт, Х. Нюберг и др.) и советских (В. И. Абаев, Б. А. Литвинский и др.) исследователей. Эти туры противопоставляются арийцам. Данное сообщение относится к VI веку до н. э. О чем говорит такое противопоставление? Некоторые исследователи считают, что оно относится к образу жизни и религии [352, 156]. Однако более логичной представляется гипотеза, что, это противопоставление — этническое, т. е. туры — это древние тюрки. Если, как будет отмечено ниже, авестийский тур это турк, а тур было одним из наименований саков (566, 176—216; 583, 155—157, приводится по: 352), то получается, что эти саки были тюрками. По Б. А. Литвинскому, среди саков был распространен зороастризм [352, 150], который впоследствии стал религией основного населения Атропатены.

Горячие споры идут в науке по вопросу об этнической принадлежности носителей этнонима «тур». Многие иранисты тура (тур) считают арийским племенем (498, 67). В. В. Бартольд пишет, что когда Туркестан попал в VI в. под владычество турок, название Туран стало относиться к туркам, к которым этноним тура не относился первоначально [167, I, 661]. Это мнение повторяется в исследованиях целого ряда персидских ученых. Они считают, что только потом этноним туран был перенесен (?) на турков, но при этом не объясняют, каким образом один этнос принял чужое наименование в качестве самоназвания (в данном случае «ираноязычное» туран) и потом стал называть себя турами? Закономерности образования этнонимов исключают такое объяснение, и поэтому подобное мнение следует отвергнуть как ненаучное.

Следует отметить, что у Фирдоуси название Туран олицетворяет уже тюркские племена, занимавшие территорию по ту сторону Амударьи вплоть до Центральной Азии [см. 336]. Туран буквально означает «Страна Туров». Во всяком случае в Авесте племена тура являются врагами иранцев и страна, где обитали туры, названа Турйана. В книге «Вундахшин», написанной на среднеперсидском языке, неоднократно вместо Туран употреблено Туркестан [335, 89]. «Есть и прямое указание в «Шахнаме» на то, что туранцы говорили на «тюрки» (тюркском языке). Р. Фрай пишет: «Не лишено вероятности, что после победы тюрки были действительно отождествлены с более ранними турами (tür), поскольку в наименовании Türk можно видеть форму множественного числа Tür-к, где tür обозначение какого-то тотема пратюрков Центральной Азии [498, 66]. Но это мнение вряд ли можно считать обоснованным. Как известно, этноним *турк* является «двухэлементным: тур+ аффикс. собирательного множественного числа «к» и поэтому равнозначен иранскому туран — от компонента тур и суффикса места и множественности «ан». О тюркском происхождении туранцев говорится в трудах некоторых исследователей, которые считают, что *тура* в Авесте означает «тюрки», а Туран — «Туркестан». Некоторые считают, что туранцы были смешанными, т. е. в их состав входили и тюрки и иранцы.

То, что Туран — это страна тюрков, подтверждается и историческими источниками. Например, Ибн Хордадбех (IX в.) отмечает, что среди владык, которых Ардашир называл шахами, был и Туранша́х, т. е. владыка тюрок [11, 61].

5. Выше было отмечено, что город Ганджа в Албании возник в области Шакашен. Наименование Гянджа в форме Ганджа впервые упомянуто на монете 712/713 гг. Нет никаких сведений о том, что население Ганджи говорило на каком-то иранском языке и его можно было бы считать «ираноязычным» сакским.

Топонимы Гянджак (в среднеперсидском языке — Ганзак, к которому восходит Гандзак в древнеармянских источниках) в арабских источниках — Джанза, существовали и в Атропатене, и в Средней Азии (Кенджек), они, кстати, и возникли там, где в древности обитали саки. Ряд исследователей (Г. Хюбшманн,

Н. Хенинг, М. Майрхофер и др.) топонимы Гянджа в Албании и Атропатене связывают с древнеперсидским словом *канза* (ganza) «сокровищница». Однако это объяснение вряд ли можно принять как серьезное. Объяснение топонима Гянджа в Арране в связи с персидским *гяндж* «сокровищница» встречается еще у арабских географов IX—XII вв. [см.: 395, 5—6]. Это народная этимология. Истина заключается в том, что топоним Ганджа как в Албании, так и в Атропатене (о Гандже в Атропатене мы подробнее скажем ниже) восходит к тюркскому этнониму кенджек, носители которого, вероятно, жили среди саков. Следует учесть, что в древнетюркских языках существовало слово *газнаг* (gaznag) «казна» (51, 430), отдельно от этнонима кенджек. Как известно, персидское слово казна восходит к одному из двух арабских существительных — *хазина* (тун) «сокровище» и *хазна* (тун) — «сокровищница», «помещение для хранения», и оба эти слова образованы от глагола *хазана* «запасать», «хранить». Тюркское слово *газнаг* восходит к арамейскому или аккадскому ганза «сокровищница», а древнеперсидское слово *ганзака* восходит к аккадскому *ганзавара* (ganzabara) «казначей». Считают, что в древнеиранских языках это слово отсутствовало. Об этнонимическом происхождении топонима Ганджа (от Кенджек) говорит и его ареал: город Кенджек упомянут Рашид ад-Дином [41, 72], известна и река Кенджалу (326, 130) в Средней Азии. Известно, что одно из древнетюркских племен называлось кенджек [51, 298]. Махмуд Кашгари (553, I, 29, 31), говоря об этом племени, отмечает, что в Кашгаре есть селения, жители которых говорят на языке кенджеков и что кенджеки, как и племена сугдак и аргу, знают два языка (иранский и тюркский. — Г. Г.) и приводит 13 тюркских слов из языка кенджеков. У тюркских народов Средней Азии существует тюркское племя кенджек, название которого варьирует в различных фонетических вариантах: гендже – у киргизов, кендже – у туркмен, кендже – у казахов и др.[224,135]. В прошлом веке на Северном Кавказе отмеченыт топонимы: Кенже – аул в Теркском округе, река Генджечай и село Гендже – в Кабардино-Балкарии [418]

7. Как известно, в античных и древнеперсидских источниках головной убор у саков характеризуется как остроконечный. Геродот (VII, 64) недвусмысленно писал, что саки носили остроконечные шапки из войлока, стоявшие прямо. Выше было отмечено, что саки исконно обитали в Средней Азии, и, следовательно, они должны были носить остроконечную шапку. Этот вопрос изучен в статье Л. М. Левиной [351]. «На голове изображения из района ст. «Аральское море» надето нечто подобное высокому башлыку или колпакообразному шлему» [351, 173]. Носители Джети-асарской культуры, где выявлено отмеченное изображение, по мнению Т. А. Трофимовой [489, 233] обнаруживают родство с алтайцами. Такие шлемы найдены в Семиречье [334, 300—302]. Есть упоминание, что остроконечные шлемы обнаружены непосредственно на Алтае [248, 12]. Е. Е. Кузьмина их связывала с саками [346, 120—126]. Вообще следует отметить, что изготовление войлока являлось характерным продуктом домашнего ремесла тюркских народов, а не ираноязычных.

Остроконечная форма головного убора была характерна для тюркских племен, тем более, что такие головные уборы обнаружены и на Алтае. В алтайских тюркских языках чабак означает «высокая телеутская шапка» [54, II, 1928]. Считается, что в форме чебак это слово существовало у древних булгар и от них перешло в славянские языки [276, 113]. Л. И. Лавров писал, что конусообразные формы головного убора были характерны для тюркских народов Северного Кавказа. Они заметны на фресках разрушенного храма в Балкарии на Северном Кавказе [349, 104]. Такой же высокий и, по-видимому, твердый колпак, по мнению Н. Л. Членовой, изображен на Оглахтинском рисунке в Средней Азии [507, 96]. Головные уборы в виде колпаков сохранились в шаманских костюмах у некоторых народов — хакасов, тофаларов (искажено от тубалар. — Г. Г.). У некоторых тюркских народов (казахов, узбеков, татар) словом борик (азерб. «бёрк») обозначет «остроконечная шапка». «У татар меховая шапка часто бывает остроконечной формы [62, II, 222]. Следует отметить, что слово калпак, например, у телеутов означало островерхные шапки, у киргизов колпак — «древняя островерхная шапка с выгнутыми полями» [54, II, 1, 268]. В Азербайджане в XIX в. было племя шишпапахлар — букв. «острошапочные».

Итак, можно считать бесспорным, что остроконечные головные уборы были характерны для тюркских племен. Это свидетельствует в пользу того, что саки, вернее носители этнонима *шака*, являлись тюркоязычными. Поэтому мы полностью согласны с мнением М. Б. Ахинжанова в том, что «язык сакских племен был тюркским» [158, 104].

8. Полагают, что топоним Сакасена состоит из этнонима *сак* или *сака* и окончания *шен*, которое связывают с иранск. Шауана «обитаемое место», и что компонент *шен* в этом топониме идентичен с армянским шен «село». Это мнение, высказанное еще Х. Хюбшманном в прошлом веке, позже было принято и советскими исследователями. Однако это мнение мы считаем неверным. Как известно, Сакасена впервые известна из Страбона, и, бесспорно, она существовала до него и им добавлено только конечное «а».

По нашему мнению, компонент *шен* в топониме Сакасена— Шакашен является исконным и восходит к тюрко-монгольскому син, чин, шин, означающему принадлежность и добавляемого к этнонимам и личным именам. Для сравнения можно указать на древнетюркский этноним кабукшын (название печенежского племени), названия хазарских городов Саксин и Сарышин. Среди тюркских этнонимов Средней Азии и Сибирии ныне известны этнонимы алагчын (116, 32, 48), булгачин (там же 37), керемучин (там же), алшъш (442, 720) камасин, (там же, 724) и др. Рашид ад-Дин отмечает этнонимы курчин (41, I, кн. I, 171) керемучин (там же, 77), булагачин (там же). Следует учесть еще то, что Арриан также писал «сакасин» (sakesin), а не «сакасен».

По нашему мнению суффикс **-син, -шин**, отраженный в этнониме сакасин, также говорит в пользу нашего мнения о тюркоязычности его носителей.

Выше мы отмечали, что саков в Албании помещают обычно на территории современной Гянджа. Однако современный топоним Шаки (Шеки) в Азербайджане находится к северу от р. Куры, совсем в другой — северо-западной зоне. Безусловно, топоним Шеки (от Шаке) также возник там, где жили саки. К. В. Тревер писала, что саки осели не только на правобережье Куры, но и на левобережье — район Шаке, выше Кабалаки, в предгорьях Кавказа [482, 49]. Населенный пункт Шеки в Албании (современный Шеки в Азербайджане) впервые в источниках упомянут в связи с событиями VI века (Моисей Каланкатуйский, кн. II, тл. 7). Но в древнегрузинском источнике Шеки упомянут в связи с событиями V века [385, 7]. Исследователи название упоминаемого города Осика в Албании (Птолемей, V, XI, 4) считают фонетически образованным от Шеки. Следовательно, часть саков в первых веках нашей эры уже жила и в северо-западной Албании.

Надо отметить, что саки этой зоны известны и из других источников. Об обитании саков в северо-западной Албании впервые упомянуто в персидской надписи III века в парфянской версии -в форме Сукн (sykn), что можно читать как Сикан [см. 298,45].

Некоторые исследователи топоним Сукн связывали с Сюник (Сисакан) [см. 316, 313] или локализовали его в районе озеран Ван [354, 116]. Это исключено, потому что страна Сукн (Сикан) в греческой версии той же надписи названа «Махелония» и она, как правильно полагает С. Т. Еремян, располагалась восточнее Иберии [298, 48]. Кроме того, если бы Сюник (персидская форма — Сисакан, совр. Сисиан в Армении) назывался бы Махелонией, это было бы отмечено и раннесредневековыми армянскими авторами .В указанной надписи Махелония помещена между Грузией и Албанией [354, 126]. В надписи Пайкули (293 г.) царство Сикан также помещено рядом с царством Иберии: «... цадь Иберии, и царь Сикана» [см. 355].

Птолемей (V, 8, 16) отмечает, что на Кавказе обитает племя сакан, между Керавнийскими и Гиппийскими горами, в Сарматии. Керавнские горы — это юго-восточные отроги Кавказа в зоне Дербента (см. выше, с. 77), а Типпййские —На северном Кавказе. Заметим, что на западно-европейских картах XVI—XVII вв. между устьями Дона и Волги показаны горы Гиппике. Некоторые авторы предполагают, что Птолемей или его источник допустили ошибку, и что саканы жили в Закавказье. Но поскольку саки жили в Албании, значит и саканы также должны быть обитать в Албании. Однако эти саканы не являются сакасинами области Сакасена междуречья Куры—Аракса. О том, что Сукн персидской надписи идентичен с *сакан* Птолемея, говорит тот факт, что Птолемей с племенем сакан перечисляет и плёмй. суран, наименование которого является искажением от шаруан, шарван (см. ниже, с. 118).

Далее известно, что топоним Ширван (от Шарван) У Албании связан с племенем шарван, упоминаемым в «Армянской географии VII века» [4, 38]. Если шарваны этого источника являются суранами Птолемея и они обитали к северу от реки Куры, а Птолемей рядом с ними помещает сакан (ов), то напрашивается вывод, что эти саканы жили в соседстве с суранами (шарванами)— в северо-западной Албании на востоке от Грузии. Следовательно, страна Сукн располагалась между Иберией и Ширваном — это нынешняя Шекинская зона Азербайджана. Этот вывод подтверждается и другими фактами. Дело в том, что саканы Птолемея (II в.) в «Армянской географии VII века» отмечены также в фонетической форме цекан, т. е. шекан рядом с племенем цанаров, на восток от Кахетии [4,26]. Далее из сообщений арабского географа Масуди (X в.) известно, что между цанарами; (данары обитали в Восточной Грузии в районе Дарьяльского ущелья и далее к югу в восточной Грузии, в армянских источниках — Цанарк) и Кабалой в Албании (развалины которой находятся на территории Куткашенского р-на) расположилась страна Шекин (10, 61). Топоним Шекин или Страна Сукн, безусловно, связан с этнонимами сакан и цекан и в конечном счете восходит к этнониму сака(ан). Еще Б. Дорн писал, что Секин, Шекин арабских источников «могло бы, может быть найти свое объяснение в Птолемевых саканах» [280, 329]. Дело в том, что другой арабский автор IX века ал-Балазури эту область назвал Шаккан (удвоение «к» связано с тем, что оно в составе заимствованных слов переходит в заднеязычное «к», см. 398). Арабский географ ал- Истахри этот топоним отмечает как Шакки (10, 89). О том, что Шекин (Секин) у ал-Масуди, Шакан у ал-Балазури, Шакки у ал-Истахри, охватывал современную Шеки-Закатальскую зону Азербайджана, свидетельствует сообщение ал-Балазури о том, что, арабские полководец Салман ибн Рабийа «перешел Кур (следовательно, он перешел с правобережья на левобережье. — Л Г.), занял Кабалу (т. е. территорию современного Куткашенского р-на в северо-западном Азербайджане. — Г. Г.) и заключил с владетелями Шакана и Камбизана мир» [7].

Итак, часть саков, (с самоназванием *шаке~шаки*), несомненно обитала в северо-западной Албании, в современной Шеки- Закатальской зоне Азербайджана, где их место обитания в парфянской версии персидских надписей III века названо Сукн. Поэтому мнение Е. Хонигманна и А. Марика [574], М. Шпренглинга [507], С. Т. Еремяна [см. 298, 48] и других исследователей о том, что наименование Sykn в надписи Кааба-и Зардушт следует читать как Сиран или Сауран (следовательно, по С. Т. Еремяну, — Ширван) — неверно. Сукн (8укп) является названием раннесредневековой Шекинской области в северо-западной Албании. Интересно и то, что этноним сакан до сих пор сохранился в топонимах Сакандере — «ущелье Сакан» (село Ках-Ингилой Кахского р-на) и Сакантала «поляна Сакан» в Закатальском районе в северо-западном Азербайджане. Д. Д. Пагирев [418, 213] в том же районе отмечает Сага-Тор, вероятно от этнонима сака и древнетюркск. тӧр «высокогорное пастбище» (см. ниже, с. 475).

В раннем средневековье была еще область Шаки в Сюнике—нынешнем Зангезуре. Центром этой области и была крепость Шаки на горе Дарвазтепе и существовала она на месте села Шакнг в Сисианском районе — к востоку от озера Севан в Армении. Эта область находилась на правобережье Куры [182, 173].

Сисакан Н. Я. Марр связывал также с этнонимом сак(а): «...саки, оставившие свое название в древней Армении и Севанского озера в области *Sisakan*» [376, 270].

С этнонимом *сака*, как впервые писал Л. М. Меликсетбеков, связан еще один древний топоним— Баласакан [386,81]. Впервые этот топоним упоминается в персидской надписи III века (см. 298). Следует отметить, что античные авторы не знали топонима Баласакан, в греческой версии указанной надписи Шапура II (III век) Баласакан назван «Каспиана» (см. 298). Таким образом, Баласакан и Каспиана были названиями одной и той же области: Баласакан у древних персов, Каспиана у древних греков, к югу от Куры после его слияния с Араксом.

Стоило Н. Г. Адонцу написать, что «нам кажется, что Базгув (фонетическая форма топонима Маскут древнеармянских источников. — Г. Г.) есть искажение Барасакан или Баласакан» [128,220], как ряд исследователей дружно ухватился за это весьма сомнительное предположение. Вслед за ним и другие историка стали считать, что область Баласакан охватывала также северо-восточную часть Албании. Так считал, в частности, Г. А. Меликишвили [380, 392].Р. Фрай отмечает; что «название Баласакан прилагалось к побережью Каспийского моря к югу от-Дербента, включая Муганскую степь» [498, 295 прим. 23]. Эту ошибку допустили Х. Хонигманн и А. Марик (574, 82), которые включили в Баласакан и область Ширвана, и А. Колесников, который писал, что Баласаджан простирался до Аланских ворот [332, 121]. С этим мнением согласилась также Н. Велиханлы [11, 161]. С. Ю. Касумова писала, что к Баласакану относился и Ширван и границы этой области доходили до Дербента[317, 28]. Вслед за Г. А. Меликишвили [380, 392]. К. В. Тревер [482, 75] и С. Т. Еремяном [295, 304] Ю. Б. Юсифов также пишет, что «область и страна Баласакан включала в себя правобережье и левобережье Куры в зоне слияния ее с Араксом, Ширванскую стедь и простиралась на север к северо-востоку, вероятно,, до зоны горы Беш-Бармак (в 100 км к северу от Баку. —Г.Г.) на побережье Каспийского моря» [524, 183]. Это мнение верно: только частично, потому что включение в Баласакан К северу от Куры территории Ширванской степи вплоть до горы Беш-Бармак,— не более чем произвольная локализация авторов; Эта локализация возникла в результате отождествления топонима Баласакан с Базгун сирийского автора VI века. Вот что, пишет по этому доводу Захария Ритор: «Базгун область (которая имеет свой язык), она примыкает к морю, вплоть до Каспийских ворот (т.е.Дербентских ворот. — Г. Г.), находящихся в пределах гуннских» [432, 81]. Как видим, Базгун находился в северо-восточной. Албании, на берегу Каспия, тогда как Баласакат— Каспиана охватывал равнинную территорию к югу от рета Аракса, но на востоке простирался до юго-западного Прикаспия. Поэтому, включение в Баласакан северо-восточной Албании и Ширвана до Дербента и Аланских ворот не соответствует историческим фактам и эту гипотезу следует отвергнуть. Локализация Баласакана — хороший пример того, как может возникнуть и развиваться дальше ошибочное мнение, на основе которого поуом делаются далеко идущие выводы.

Итак, Баласакан первоначально охватывал Муганскую степь северного и южного Азербайджана, где были расположены Варсан и Муган, к югу от Аракса.

Теперь мы должны выяснить два вопроса: что означает топоним Баласаджан, и кто такие саки, наименование которых отразилось в топониме Баласакан;Н. Г. Адонц писал, что топоним Баласакан отражает гуннский этноним баласа [123, 423] 0днако такое гуннское племя не известно.

Мы считаем, что топоним Баласакан, возможно, образовался от тюркского пала — «широкая плоскость» [54, IV, 2, 1162], этнонима сак, и иранского окончания множественности «ан» со значением «равнина саков». Это говорит о том, что часть саков Мидии обитала в этой области и место их обитания названо Баласакан. Вероятно, этот топоним связан с острошапочными саками. Баласакан с этнонимом сак, связывает и Ю. Б. Юсифов [524 183], но считает, что он означает «верхние саки», видимо, от персидского бала «верх», этнонима сак и суффикса «ан». Интересно что на территорий Иранского Азербайджана до сих пор есть село Сакан (см. ниже), жители которого говорят на азербайджанском языке. Поэтому мнение о том, что Баласакан означает «Страна божества (или бога) саков» [160, 29] неубедительно.

Считают, что этноним *сак* (шака) отразился в топониме Шикакар «Скала саков» (упомянут в «Истории Агван», кн. III,. гл. 20) в Албании, где-то в Арцахе у границ Мец-Аранка. Это мнение впервые выдвинуто К. Патканoвым [см. 4, 51], но он объяснил это топоним также как «красная скала», исходя из арм. кар «камень». Однако, Шикакар не является армяноязычным топонимом (о компоненте гар, кар, см. ниже)

Из сказанного выше видим, что, во-первых, саки на территории Советского Азербайджана обитали в разных регионах — в Шакашене (зона Ганджа), в северо-западной Албании- (Шеки) и в Кясйиане (Баласакане). Во-вторых, по этнической принадлежности саки в Албании были тюркоязычными. Если эти саки были бы ираноязычными, то это привело бы к иранизации всей Албании ниже от Куры, тем более что здесь жили и другие ираноязычные племена, о некоторых из которых мы скажем ниже. Однако неясно, какие древние топонимы (кроме Шакашен, Шакй, Сисакан, Баласакан) еще оставлены саками в Албании и какие лексические элементы азербайджанского языка и его диалектов восходят к их языку. Но поскольку саки, безусловно, пришли с Востока — из Средней Азии, где в то время обитали также и ираноязычные племена и народы, они дожны были принести с собою заимствованные древнеиранские слова. К этим словам мы:относим слова *кат* «село» (в раннесредневековых топонимах Каланкат, Карнакат, Шагат, Тарнакат и др.), *калан* «большой» (в топониме Калаикат «Большое селение») и *гар* «гора». Последнее слово сохранилось в наименованиях ряда гор, находящихся главным образом в северо-западной (Шеки-Закатальской) зоне и в Нагорном Карабахе: Буздухгар (Кельбаджарский р-н, от азерб. *буздух* «ледяной» и гар); Бабагар (Тавузский район), от *баба* «святилище» и гар; Кечалакар (Кельбаджарский р-н), от азерб. *кечал* «лысая» и гар; Кошгар (Малый Кавказ); от тюркск. *кош*

«временная юрта, кочевье» и гар; Кошнакар (Кедабекский р-н), от тюркск. *кошун* «утес, мыс» и гар; Кошунгар (Варташенский р-н), — так же; Лезгигар (Шамхорский р-н), от этнонима *лезги* и *гар*;Лолукгар (Дашкесанский р-н) от неизвестного происхождения лолук — можно предположить, что это слово связано с этнонимом-инонаименованием лоло «цыган» и гар; Чимгар (Ханларский р-н), от тюркск. ним «верхний слой почвы, густо переплетенный корнями травянистой растительности» и гар; Чохгар (Шекинский р-н), от тюркск. чоку вершина», «пик» и гар; Шыхгар (Кельбаджарский р-н), от азерб.*шых* — «шейх» и *гар*; Хингар (Исмаиллинский р-н) и др.

Очевидно, что компонент «гар» в указанных оронимах не имеет ничего общего с арм. к'ар (к'ar) «камень».

В пользу мнения о восточноиранском происхождении слова *гар* «гора» можно указать в афганском — гар, в белуджском — гар, в ягнобском — гар, что восходит к авестийскому гаири «гора». Восточноиранское происхождение слов «гар», «калан», «гар» и «кат» в топонимии Азербайджана, восходящих к языку саков в Албании, связано с тем, что сакские диалекты восточного Туркестана и согдийский язык издавна контактировали между собой [416, 43]. По-видимому, восточноиранского (привнесенного саками) происхождения в азербайджанском языке можно считать и азербайджанское слово мал «скот» (согд. мал «скот»; в древнетюркских языках скот назывался barim).

Итак, мы считаем, что носители этнонимов албан, гаргар и сак в Албании по этнической принадлежности были древними тюрками. Эти племенные общности мы относим к древнейшим этническим компонентам, принявшим участие в этногенезе азербайджанцев.

Однако, как будет изложено ниже, с первых веков нашей эры в Албании засвидетельствованы новые тюркские племена—кангары, печенеги, савары, хурсы (горосы), гунны, катак-и, чулы, шамаки, аран-ы, тертеры, кергил-ы и др. Время их появления в Албании точно не известно. Из «Истории албан» вытекает, что это произошло во время царствования парфянского царя Валаршака, т. е. Тиридата. В его время, по сообщению Моисея Каланкатуйского, в страну пришли дикие племена, живущие на Северной равнине (т. е. к северу от Кавказа), поселились они и у подножия гор в долинах и ущельях к югу (т. е. к югу от Кавказскихгор) до того места, где начинается равнина (т. е. уже в междуречье Куры и Аракса) и приказал (царь) прекратить разбой и вероломство и платить царские подати. Затем назначил им (т. е. пришлым с севера диким племенам. — Г. Г.) вождей и правителей, во главе которых по приказу Валаршака был поставлен некто из рода Сисака, однако из потомков Иафета, по имени Аран, который унаследовал долины и горы страны Албан, от Ерасх до крепости Хнаракерт, (кн. 1, гл. 4). Из этого сообщения неизвестно, как назывались пришлые «дикие» тюркские племена. Но, поскольку, уже в II—VII веках уже известны албанские топонимы, отражающие наименования названных племен, мы считаем, что под выражением «пришлые дикие племена, живущие на севере» следует иметь в виду именно их. В «Истории албан» в связи с событиями I века н. э. сообщается о пришлых диких племенах с севера (кн. I, гл. 4); в связи с событиями III века указано», что северные народы тревожат Шапура (кн. I, гл. 13); в связи с серединой IV века говорится о том, что северные народы, живущие в Албании, тревожат армян (кн.I. гл. 13).

Кангары. Из раннесредневековых источников видно, что в в Албании жило также племя кангар, которое является одним из древнейших тюркских племен. Считают, что кангар — это наименование части печенегов [592, 145]. Древнее местожительство печенегов находилось в Кангаре, к северу от Аральского моря, включая нижнее и верхнее течение Сырдарьи. Арабским географом IX века Ибн Хордадбехом Сырдарья названа Кангаром, (II, 138). Поэтому этноним *кангар* стал самоназванием части печенегов. Константин Багрянородный (X в.) отмечает, что часть печенегов южной России называется кангар [26, 159].

Кангары в Закавказье проживали в двух регионах: в Западной Албании — пограничных областях Грузии, Армении и в зоне Нахичевани. О кангарах в Закавказье впервые упоминается в древнеармянских источниках V века. Они обитали в Кангарских горах (Кангарские горы находятся в Гукасянском р-не Армении) и в «Кангарской стране» в Албании, на границе с Иберией — где-то в современной Казах-Акстафинской зоне Азербайджанской ССР. В одном из источников сообщается, что в 482 г. армянская армия во главе с Варданом Мамиконианом и грузинская армия во главе с Вахтангом Горгасалом встретились в «земле кангаров» выступив против персидского войска во главе с Михраном [30, 304]. В сирийском источнике говорится о походе Хосрова Ануширвана (531—579) на север и борьбе его с народом кангар «на границе армян и грузин» [см. 322, 175]. «Армянская география VII века» сообщает о кангарах в зоне границы Иберии и Армении, к северу от озера Севан [4, 52]. Эта «земля кангаров», как отмечено, находилась в то время в пределах Грузии, в Гугарке — провинции на границе Грузии и Армении, в юго-западной Грузии. Страбон отмечает, что за равниной Сакасена Гянджа-Казахской зоны следует равнина Гогарене. Позже Гугарк рядом с Кангарк отмечен и в другом источнике [4, 52]. В источнике VII века Кангарк отнесен к Грузии [4, 40] потому что, по мнению С. Т. Еремяна, с 387 г. до IX в. Кангарк находился в составе Грузии [295]. В грузинских источниках Кангар упоминается в источнике XI века в связи с событиями предшествующих веков [385]. Далее кангары на границе Грузии с Албанией засвидетельствованы и в связи с событиями 1064 г. Кангары в Казах-Акстафинской зоне свое самоназвание сохранили и в последующих веках и назывались кенгерли. В литературе первой половины XIX века говорится, что одним из подразделений казахов являются кенгерли из 33-го поколения. Кангары в этой зоне, безусловно,, являлись христианами. В «Истории албан» Моисея Каланкатуйского упоминается албанский христианский духовный представитель Кангариан. Часть кангаров из Грузии в конце XVIII века (1766 г.) перешла в Карабах. На территории «гора кангаров») и село Кенгерли.

Как отмечено выше, кангары жили также и в зоне Нахичевани. В сирийских источниках впервые в этой зоне кангары упоминаются в связи с событиями 542—552 гг. [433, 77]. Позже о кангарах в этой области повествует армянский источник X века, который отмечает Кангарк в Араратской долине [32, 186]. Кангары в Нахичевани были известны и в средние века. В XVIII веке Карабахский Панах-хан переселил часть кангаров из Нахичевани в свое ханство. В начале XIX в. кангары в Нахичевани (920 дворов) состояли из многочисленных племен [466, 32]. В Нахичевани есть топоним «Кенгер дюзи» — «равнина кангаров».

Следует отметить, что армянские историки иногда путают сведения о двух ареалах расселения кангаров — в пограничной с Грузией зоне с Албанией и в Араратской области и считают их одной областью: «Кангарк — область одной из обширнейших провинций древней Армении, Гугарка, которая занимала почти всю северную часть Высокой Армении. Гугарк граничил на севере с Грузией, на востоке с Ути, на юге с Айраратом и на западе с Тайком» [32, прим. 188]. Эта локализация, однако, ошибочна.

Как видим, тюркоязычные кангары в Закавказье, в частности в западной Албании, известны в первых веках нашей эры. Однако время проникновения кангаров в Закавказье неизвестно. Есть мнение, что они пришли с гуннами в первых веках нашей эры [322, 179].

С. С. Алияров считает, что компонент «Канлы» в личном имени «Канлы Коджа» в эпосе «Китаби Деде Коркут» восходит к этнониму кангар [146, 5]. Однако это вряд ли верно. Антропоним Канлы отражает этноним канглы (канлы) среди сельджукских огузов. Племя же кангар не является огузским племенем, во всяком случае в перечне сельджукско-огузских племен у Мах-у-уда Кашгари это племя не упоминается. Несомненно одно, что оба этнонима — кангар и кангли (существуют еще тюркские этнонимы катай, кангалас, кангат и др.) восходят к названию области Канг (государства Кангюй на Сырдарье во II в. до н. э.). В этом случае этноним кангар образовался от корня Канг и тюркск. ар «мужчина», «воин», и т. д., как в ряде других тюркских этнонимов: болгар, гугар (гогар), савар, авар, хазар и др. Что касается этнонима кангли, то он образовался от Канг и суффикса принадлежности «-лы» со значением «относящийся к Канг».

Печенеги[*] Моисей Каланкатуйский в Албании упоминает округ Пазканк (кн. I, гл. 22), а источник VII века — Панцканк [4, 50]. Эти топонимы как уже установлено являются видоизмененной передачей этнонима пачана (к) [518, 76]. Область Пазканк, по М. Бархударяну, — это левобережье Аракса, между впадающими в него реками Гуручай и Гадрутчай [168, 33], территория современного Джебраильского района (в средние века — Дизак).

Надо думать, что фонема «ц» в топониме (Панцканк) восходит к местному произношению, т. е. от пацанак, с заменой «ч» на «ц». Интересно, что это фонетическое явление (ч—ц) до сих пор сохранилось в тех зонах Азербайджана, где в древности обитали кангары — печенеги: в Карабахе (Джебраильский район), в Нахичевани (в районах, где жили кангары); это явление отмечено и в борчалинском говоре азербайджанского языка, ибо, как отмечено выше, кангары обитали и на границе Албании с Грузией (например: цай — чай, цыраг — чираг, цобан — чобан и многие другие).

В источнике XII в. (см. 229) в Нагорном Карабахе отмечен топоним Бчанс (от этнонима пачан с характерным отпадением «е» в конце и появлением суффикса «с» — показателя множественности в древнеармянском языке). С этононимом пачанак (печенег) связано и название другой области Албании — Рот-Пациан, от перс. рот «река» и пациан, т. е. пачиан. Эти топонимы, бесспорно, свидетельствуют о том, что печенеги, как и кангары, обитали в Албании в первых веках нашей эры.

Этноним *печенег* до сих пор сохранен и в ороним Бджженехут. Бджженехут — название горы на территории Аскеранского района в Нагорном Карабахе. Этот ороним состоит из этнонима *бджене*, фонетически происходящего от этнонима бечене (например, так обозначен этноним печенег у Абулгази хана Хивинского) и армянского *хут* — «гора» с общим значением «Печенегская гора» или «гора печенегов». Компонент *хут* показывает, что топоним в целом образовался на почве армянского языка, компонент *бджене* также является армянской передачей этнонима печенег, близкой к тюркскому бечене и персидскому пачана.

Отражение тюркского этнонима *печенег* в раннесредневековых топонимах Албании не случайно. Печенеги засвидетельствованы на Северном Кавказе еще в первые века нашей эры. Страбон сообщает, что одним из кочевых племен между Меотидой (Азовское море) и Каспийским морем является *панксан* (т. е. панкчан — из-за отсутствия буквы «ч» в древнегреческом языке). Этноним панксан является фонетической формой этнонима пачанак (пачанак — пачанк — панкчан) также, как и название албанского округа Панцкан, т. е. Панчкан. По нашему мнению, этноним печенег упомянут Страбоном еще и к востоку от Каспия (Страбон, XI, 8, 2). Среди скифов к востоку от Каспия он перечисляет племя пасиан, т. е. пачиан.

Интерес представляет племя *бастарна* (напр.Страбон, II, 5, 12; Плиний, 480; Тит Ливий, с XXIV) на северном Кавказе. Птолемей упоминает его рядом с гуннами и саварами. (Птолемей, III, 5,10).Мы предполагаем , что этноним бастарна является искажённой передачей тюрского бач (т) а (р) на, т.е. бачана (к),

[*] Этот древнетюркский этноним в древних источниках в различных фонетических формах (тюрк. *беченек*; арм.*пачинак;* грузинск. *пачаник*; византийск. *пачинак* и т.д.). В тюркологической литературе этноним пачанак (рус. печенег) этимологозируют от тюрк. *баджа* « муж сестры, жены» и суффикса нак; но это, на наш взгляд неубедительно следует учесть, что данный этноним на конце имеет компонент ак, как и во многих тюркских этнонимах - казах, кипчак, кенджек, сирак, шамак, каймак (кимак), уграк и др. (см. выше, с. 52).

который в древнегрузинских источниках имеет форму пачаник. В источнике XI века в связи с событиями 70-х годов I в н. э. сообщается, что грузинское войско вместе с овсами (осетинами. — Г. Г.) и пачаниками из Северного Кавказа совершила набег на Армению [21, 1, 45—46]. Область Пачаникети («страна, земля пачаников») в связи с событиями времен грузинского царя Вахтанга Горгасала (V в.) упоминается в другом древнегрузинском источнике XI в. также на Северном Кавказе [39, 83].

Поэтому, по-видимому, есть основания считать фактом обитание печенегов в первых веках н. э. в Средней Азии и на Северном Кавказе.

Ибн Хордадбех [11, 108] упоминает в Закавказье область Баджунайс. Это повторяет и ал-Хваризми в IX в. [310, 39]. Известно, что сообщения его в «Китаб сурат ал-ард» («Книга картины земли») представляют собой непосредственную переработку «Географического руководства» Клавдия Птолемея. Указанную область исследователи помещают в Армении и индентифицируют с областью Бзнуник (в районе оз. Ван) древнеармянских источников [474, 207]. Исследователями этот топоним был давно связан с этнонимом *баджанак — печенег.*

Топоним Баджунайс в средних веках в армянской передаче известен как Бджини, Беджини — село в Араратской области, на правом берегу реки Раздан [3, 96]. По-видимому, в этом топониме этноним *печенег* отразился в форме бечене (ср. этноним бечине, от печенег у киргизов — 119, 65).

Таким образом, образование этнотопонимов от этнонима печенег в Албании не может считаться случайным.

Неизвестно, когда именно часть древних печенегов проникла в Албанию с Северного Кавказа. Но если отражение этнонима печенег в названии округа Пазканк зафиксировано уже в источнике VII в., то отсюда можно допустить, что к началу нашей эры печенеги обитали в Албании.

Топонимические исследования показали, что в Азербайджане есть ряд топонимов, генетически связанных с печенежскими племенами южно-русских степей VIII—IX вв. Но прежде чем перейти к вопросу о месте печенегов в этногенезе азербайджанцев, следует вкратце остановиться еще на одном вопросе. Дело в том, что выявленные нами печенежские этнотопонимы в Азербайджане основываются на сообщении Константина Багрянородного (X в.) о печенежских племенах южнорусских степей. Печенеги к середине X в. обитали к северу от Крымского полуострова, в междуречье Дона и Днепра. Но из древнегрузинских источников становится ясным, что часть печенегов жила на северном Кавказе, в непосредственном соседстве с древнегрузинскими племенами. Константин Багрянородный сообщает, что пачинаки делятся на восемь фем («округов»). Названия этих округов, отражающие печенежские этнонимы, даны им в сильно искаженных формах: Иртим, Цур, (т. е. чур), Гила, Кулпей (т. е. кулоба), Харавой (т. е. карабай), Талмат, Хопон (т. е. копон, вернее — капан) и Цопон (т. е. чопан. — Г. Г.) [26, 155]. Чуть ниже он приводит расшифрованные формы этих этнонимов: йавди-ертим, Куарцицур (т. е. куйерчи-чур), Хавуксин-гила (т. е. кабуксин-гила), Сиру калпей (т. е. Сиру-Кулоба), Воро-талмат (т. е. боро-талмат), Вула-цопон (т. е. була-чопон), Гиази хопон (т. е. гиази капан), Харавой (т. е. карабай, карабаг) [26, 157]. Далее говорится, что «пачаникиты называются также кангар, но не все, а народ трех фем: йавди-иртим, куарци-цур, хавуксин-гила, как более мужественные и благородные, чем прочие, ибо это и означает прозвище кангар» [26, 159]. В литературе [594, 50—51] эти этнонимы этимологизированы следующим образом: Куерчи-чур — «голубой чур» (чур «должностное лицо»); Иабди эрдим («отличающиеся заслугами»), хавуксингила («йула цвета древесной коры»), Сирукалпей — «серый калбей»: Харовой «кара бей» («черный господин») , боро-толмат — «темный переводчик», «гиази-хопон (йази собственное имя, а хопон — титул должностного лица); Була-цопон (була — личное имя, чопон «пастух») [см. 26, 389].

Все эти этимологии представляются нам неверными. Например, никак нельзя этимологизировать *боро-талмат* как «темный переводчик». Откуда взято значение «темный»? Слово бор (о) никогда такого значения не имело. Нельзя также отождествлять этноним *толмат* с тюркским *tilmac* «переводчик», от тюркск. til «язык». В действительности вопрос обстоит так, что печенеги состояли из следующих племен: ердим, чур, кил, кулоба, карабай (т. е. карабаг, в данном случае печенежский «и» восходит к общетюркскому «г», см. ниже с. 107), капан и чопан. Именно эти формы отражены в топонимии Азербайджана: Иардимли, Чорлу, Кул (Кол), Карабаг, Капан и Чобан. Пока не выявлен топоним, отражающий этноним Гила (Кил).

В связи с Алуенским собором (V в.) в «Истории албан» упоминается населенный пункт Цур, иначе Чур. В то же время, как сказано, среди печенегов южнорусских степей раннего средневековья упоминается племя цур, вернее чур (21, 155). Напрашивается вывод, что часть этого племени обитала в Албании еще до созыва указанного собора 478 года. Отмеченный этноним до сих пор сохранился в топонимах Джорлу (от Чорлу) — в Куткашенском районе, Чорюрт — в Ярдымлинском районе. Чорман — в Кельбаджарском и Лачинском районах. В XIX веке отмечены развалины населенного пункта. Джорчи в Душетском уезде Грузии [418, 83]. Село Чаратан (Таузский район) в архивном документе 1727 г. зафиксировано как Чуратан, от этнонима чур, соединительного гласного «а» и компонента тон (см. выше). Жители селений Джорлу (безусловно от Чорлу), Солтаннуха и Мирзабекли Куткашенского района говорят на азербайджанском языке, но по религии в XIX веке были христианами. Несомненно, что христианами они являются со времени господства этой религии в Албании — с IV—V вв. Это говорит о том, что племя чур жило здесь еще до арабских завоеваний. Если бы они пришли после VII века, то конечно, стали бы мусульманами. Нынешняя река Джорлу (среди народа Джовурлу) в Куткашенском районе в XIX веке зафиксирована как Джурчичай [418, 83].

С печенежским племенем *куйерчи*, связан азербайджанский топоним Гегарчинли. В связи с этим этнонимом следует сказать об этнониме гугар. Имеется много свидетельств в пользу того» что гугары были тюркоязычным племенем. Название части печенегов куарчи [25, 159] состоит от компонента куйер (гугар) и тюркск. «чи» (ср. этнонимы казанчи, кушчу и др., см. ниже с. 197). По Г. И. Рамстедту, и (j) в западнотюркских языках соответствовал г (g) в восточнотюркских языках [445, 56]. Н. А. Баскаков специально отметил, что для печенежского языка был характерным переход г~й [171, 257]. Следовательно, в языке печенегов вместо тюркского «g» употреблялось «и» (ср., например, тюркск. бек — азерб. бей) и поэтому печенегские племена карабаг, сару-кулбей, кугерчи (или гугерчи) имели формы карабай, суру-кулпей, куйерчи. Этноним куйерчи отражен в топонимах Куйсрчиндагы и Гейарчин-Вейсалли. Добавление в конце «н»» возникло в связи с отождествлением с названием птицы гейарчин (голубь). В XIX в. на Кавказе под названием Гегарчинли (от куйерчи и азерб. суффикса принадлежности -ли) отмечены два селения и одна гора в Карской области, развалины в Ереванской губернии [418, 58]. Этот этноним оставил след в бывших топонимах Гегерчи-Кишлак и Гегерчи даг («гора Гегарчи») в Азербайджане [418,55].

Мы уже писали, что печенежский этноним *ертим* (*иртим*, *эрдем*, *эрдим*) в фонетически измененной форме (с протезой «р) сохранился в этнониме Ярдымли (район и город в юго-восточном Азербайджане), где отмечен и ороним Чор-юрт.

Нам кажется, что правильной формой печенежского этнонима хопон, копон был копан или капан. Еще в начале 70-х годов мы выдвинули предположение о связи четырех ойконимов Гапанли (Мирбаширский р-н) с печенежским этнонимом копон (см. 224). К этому этнониму восходит топоним Капан (позже Кафан) в Армении (насколько известно впервые в связи с событиями 1074 г. упоминается Варданом Великим). Топонимы Копан, Капанчи, Койпан, Колонка, Копанка и другие отмечены в разных регионах [см. 224]. К этому этнониму восходят многочисленные топонимы Капан, Капанак, Капанакчи в Закавказье [418, 113].

В русских летописях в связи с печенегами упоминаются также племена берендей и ков [440, 125]. Исследования показывают, что эти этнонимы нашли свои отражения в азербайджанской топонимии. Этноним беренде можно связать с бывшим топонимом Веренде — названием одного из 5 округов Нагорного Карабаха (Дизак, Веренде, Чилаберт, Талыш и Хачин) — в XVIII веке, там где располагался округ Пазканк (Печенег). Село Варанда в Карабахе упомянуто еще в XVII веке [3, 31]. В архивном документе этот топоним зафиксирован как Верендеджик (556), т. е. «Малое Веренде». В XIX веке там существовало село Верендели [418, 48]. Несомненно, к этому этнониму восходит название села и реки Беренда, Веранда, Варанда Большой и Варанда Малый, развалины Варанта на Кавказе в XIX веке [418, 36, 48].

Этноним *ков*, может быть, отражен в двух синонимах Говлар (Сабирабадский и Таузские районы), Говлар-Сарыли (Ханларский р-н), а также в оронимах Говдере и Говдаг (Лерикский и Исмаиллинский районы). С печенегами связан и топоним Гарабаг — название как горной части (Нагорный Карабах), так и равнинной части — Карабах дюзи (равнинный Карабах). Для сравнения укажем на топонимы: Карабагдаги — в Казахском районе, Карабагдюзи — в Шахбузском районе, Гарабайдагы — в Мардакертском районе. Константин Багрянородный пишет, что одно из печенегских племен называлось харавой [26, 159], от карабаг. Карабаг, как название равнинного Карабага впервые упомянут Рашид ад-Дином в 1284 году [41, 106]. Он употребляет выражение «Карабаг Арранский». Это название восходит к названию города Карабаг. Хамдаллах Казвини (XIV в.) его помещает в 7 фарсахах от Аракса, где-то в Нагорном Карабахе. Он далее отмечает, что расстояние от Карабаха до города Ганджа составляет 34 фарсахов (8, 56). В источнике 1627 года [325, 89] город Карабаг (там написан в форме Карабас) находится на Куре в 10 верстах от Гянджи.

Безусловно, топоним Карабаг отражает печенежский этноним *карабаг.* Этот этноним имеет широкий ареал: развалины города Карабаг на берегу Арпачая в Турции (529, 31), еще в XIX веке в Турции жило племя карабагли. Там это племя известно с XVII века [292, 55]. Село Карабагли есть в Узбекистане, и в Афганистане в районе Гандахар [190, II, 542], которое, возможно, перенесено албанами в Гандахар — (см. ниже, с. 41).

В связи с печенегами-кангарами следует обратить внимание на топонимы Колтене (Птолемей, V, XII, 9: «Вдоль реки Аракса Колтене»), Колт (древнеармянск. Гохт) — в Нахичевани; округ Колт в западной Албании (упоминается Фавстом Бузандом в перечне захваченных Арменией в 371 г. албанских областей), Колман (в сложном топониме Мец-Колман) п Колт в Арцахе. Обращает на себя внимание тот факт, что древний топоним Кол как название области известен в Армении [4, 53].

В сочинении Моисея Хоренского в связи с событиями II века до н э. упомянута область Кол в Араратской долине, куда переселились с Северного Кавказа булгары (Моисеи Хоренскии, кн II гл 9). В архивном документе 1727 года село Кул отмечено в Нахичевани. Компонент кол отразился в топониме Коговит (т. е. Коловит) «долина Кола» в Армении (Моисей Хоренский, кн.II гл.23).

Топоним Колт в качестве названия округа Колт в Арцахе упомянут в «Армянской географии VII века» и отмечается, что Колт — место, где добывается мумиё [4, 50]. Этот топоним в средних веках назывался Кола-юрт — «место обитания колов».Слово «юрт» показывает, что кол (кул) является наименованием обитавшего там племени. В связи с тюркским племенем кул (кол) в Арцахе следует сказать еще следующее. В арабских источниках в связи с событиями середины VIII века в Арцахе упомянута крепость Килаб [7, 19—20]. С. Т. Еремян считает, что это Шикакар — в «Истории албан» [295, 535]. В записанном нами предании в селе Абдал Гулабли (Агдамский р-н) в 1967 г. говорится, что предки их «очень давно» пришли из города Кулаб в Нагорном Карабахе. Поэтому, вероятно, топоним Килаб реально звучал как Кулаб, в котором, возможно, отразился этноним кол (кул) в Арцахе.

Выше сказано, что другая область Кол находилась в северной Армении, в провинции Тайк [47, 53]. В анонимном древнеармянском источнике, сообщающем о событиях IX—X вв., упоминается округ Кол в провинции Тайк [32, 186]. В связи с событиями X века в этом же источнике говорится, что Сумбат II (977—990) отнял Кол у абхазского (т. е. грузинского. —Г. Г.) царя вместе с округами Кангарк, Гогшен (этот топоним означает Голшен, или Колшен. — Г. Г.). Округ Голшен (Колшен) находился на правой стороне реки Куры. В начале XVIII в. на территории Таузского района отмечено два селения Гол с азербайджанским населением [556]. И. Г. Адонц писал: «Западнее, с Иберией граничила Тай(к)ская область и пограничным пунктом считался именно Кол, наиболее северный кантон» (123, 222). Это и есть область Колт, которую Моисей Каланкатуйский относит к Албании и которая, по сообщению Фавста Бузанда, в 371 г, была захвачена Арменией.

Все эти топонимы до сих пор не этимолигизированы. Мы считаем, что в этих древних топонимах отразился древнетюркский этноним кол, кул. Выше отмечали, что среди печенегов в южно-русских степях Константином Багрянородным (X в.) перечислено племя кулоба [26, 155]. Этноним кулоба (он передан в искаженной форме — кулпей) состоит из этнонима кул и тюркск. «оба» в значении место обитания. Далее племя кул упомянуто в древнерусских источниках среди кыпчаков южнорусских степей [440, 129], с которыми связаны топонимы Куллар (от этнонима кул и суффикса множественности — «лар») в Азербайджане [см. 207]. Но племя кул (кол) было и среди древних булгаров [526,226].

Таким образом, есть основания считать, что перечисленные выше древние топонимы Кол, Колман, Колт, Колтене и другие в Албании и Армении связаны с древнетюркским племенем кол», кул среди булгаров, печенегов и кипчаков. Выше мы отмечали, что один округ Кол находился в области Тайк в Армении. Моисей Хоренский пишет, что эта область населена булгарами [см.4, 52, прим. 177]. А мы уже знаем, что там обитали и кангары. Тот же историк связывает область Кол в Араратской долине с булгарами, там где упоминаются кангары (Моисей Хоренский, кн. II, гл.9).

Округ Колман в Арцахе, по нашему мнению, был местом обитания колов. Это тем более несомненно, что там же обитали, как мы выше уже отметили, печенеги. Этноним колман состоит из этнонима *кол* и суффикса **-ман**, характерного для части древнетюркских этнонимов *караман*, *коман* (*куман*), *найман*, *туркмен*, *чалман*, *шадман* и др.

Следует отметить, что этот этноним в формах кол, кул до сих пор сохранился среди тюркских народов: кул у татар, кул у туркмен, кол —- у узбеков, кол — у тувинцев, кул — у хакасов (как часть племени сакаит) и др. [344, 308].

В связи с печенегами-колами следует еще упомянуть о раннесредневековом топониме Колб в Армении. Моисей Корейский (кн. II, гл. 8) в связи с событиями середины I века упоминает округ Колб рядом с округами Тцоб, Дзор и Кангарк, где-то в пограничной с Грузией территории. Фавст Бузанд (кн. IV, гл. 50) также отмечает гавар (округ) Колб рядом с округами Дзор и Гардман. Указанный Дзор (от армянск. дзор «ущелье») локализуется с ущельем реки Акстафачай, а Гардман охватывал Шамхорский район и часть территории нынешнего района Гардабани в Грузии. Чуть позже в «Армянской географии VII века» [4, 52] в провинции Гугарк, к западу от Ути (это Ути в бассейне оз. Севан, Этиуни урартских источников, см. ниже, с. 208), одной из 9 областей, коими по сообщению того же источника, владеют грузины, назван округ Колбопор — от Колб и армянск. *пор* «ущелье», рядом с областями Таширп [от тюркского *таш* «скала»; «камень» и *ер* «место» с общим значением «Скалистое (каменистое) место»], Кангар и Артаган и др. Позже, в XVIII в. Аракел Даврижеци упоминает Колбайскую дорогу в Грузии, которая ведет в страну Пашиачуг (Башиачыг), т. е. в Имеретию [3, 117].

Как видим, в приведенных источниках Колб находится там, где расположен Кангар, и это наводит на мысль, что топоним Колб связан с кангарами-печенегами. Этот вывод подтверждается еще и тем, что Моисей Корейский (кн. III, гл. 60) упоминает еще топоним Колб в Арарате, там где находилась область Кангарк. Аракел Даврижеци упоминает пункт Кохб (т. е. Колб) в области Арарат, в стране Сайда (т. е. Чухур-Саад) [3, 90, 193].

По нашему мнению, топоним Колб, переданный в древнеармянском языке, исконно имел форму Колбе, или Колбей, но по нормам древнеармянского языка фонема «е» в конце не писалась (см. 490). Восстановленное Колбе мы идентифицируем с племенем *кулпеи* среди печенегов южнорусских степей, отмеченным Константином Багрянородным. В свою очередь, этноним *кулпе* является искажением от этнонима кол, кул (см. выше), и тюркского оба, опа «кочевье», «местожительство племени» с общим значением «кочевье.кол (кул)».

В связи с обитанием племени кол в зоне Нахичевани (арм. Гохтан) следует отметить следующее. На территории-Азербайджана ныне существует три топонима Гулистан — в Шемахинском, Шаумяновском и Джульфинском районах. Однако по происхождению эти топонимы различны. Если топонимы Гулистан в Шемахинском и Шаумяновском районах связаны с древними крепостями, с искусственными подземными помещениями (от персидск. *кевил*, *кувил* — *куул*.— *кул* «подземное помещение» и стан «место»), где действительно до сих пор сохранились их руины, то в Джульфинском районе этого нет. Там есть древний мавзолей Гулистан, расположенный на равнине, но он получил это название от местности, название которой в свою очередь, по нашему мнению, восходит к этнониму кол, кул и перс. стан «место».

Ибн Хордадбех в Средней Азии упоминает пункты Кул-Шуб и Кулан [11, 65, 78] с тюркским населением. В Казахстане есть топоним Кенже-Кол.

Моисей Каланкатуйский в Арцахе упоминает населенный пункт Тагцанк, название которого происходит от компонента Тагцан и древнеармянского суффикса к. Несомненно, в данном топониме «г» является эквивалентом местного «л», поэтому данный топоним звучал бы как Талцан. В то же время можно с большой долей уверенности считать, что буква «ц» является трансформацией первоначального «ч», как в топонимах Панцканк Щанчканк), Цур (Чур), Уряц (Рач, см. ниже, с. 446). Следовательно, этот топоним звучал некогда,как Талчан(ы). По нашему мнению, компонент талчан является искаженной формой (по вине переписчиков или же так он произносился в народе) печенежско-хазарского этнонима талмат [26, 154 [и талмач [171, 247]. Для сравнения укажем, что этот этноним у булгар имел форму челмат (чулмат) [526,226].

Сказанное выше приводит к выводу, что печенеги в Албанию проникали в начале нашей эры вместе с гуннами. Ахмед Джафароглы, например, считает, что печенеги, болгары и сувары были гуннскими племенами [549].

Чолы (чулы). Известно, что в первых веках н. э. в северо-восточной Албании ниже Дербента существовало Маскутское княжество. Южные границы этого княжества точно не известны. Обычно считают, что на юге его территория доходила до горы Беш-Бармак. Это предположение, однако, ошибочно (см: об этом ниже с. 173). В земле маскутов в источнике V века в связи с событиями II века упоминается город, название которого варьирует в формах Чог, Чор. Тсур и Сул, причем Чора, Тсур являются сирийскими и византийскими написаниями местного Чог, т. е. Чол. Исконная форма этого топонима Чол или вернее Чул, а варианты Чор, Тсур с окончаниями «р» возникли в результате перехода сонорного l в r. Это подтверждалось также арабской формой данного названия — Сул. Албанский историк, как было отмечено выше, также писал Чог, иначе Чол. Так зафиксирован этот топоним, и в армянской версии труда Агафангела [482, 276]. Город Чол находился южнее Дербента, в проходе, и поэтому в источниках этот проход именуется «проход хонов», т. е. «проход гуннов». К. В. Тревер ошибается, когда этноним хон считает наименованием кавказского племени. Древнеармянские источники свидетельствуют, что «ворота хонов» (у Егише) это и есть крепость Чол. Так, Егише в связи с антииранским восстанием народов Закавказья в 450—451 гг. писал, что восставшие армяне и албаны «направились к хонским воротам, которыми завладела силою персы, взяли и разрушили врага и перебили войска, что располагались внутри» [19, 79].

В «Истории агван» город Чол также назван «крепостью гуннов» в ней говорится, что армяне и албаны «затем вошли на крепость гуннов, которой насильственно завладели персы» [Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 26]. Отсюда получается во-первых, что хоны у Егише — это гунны, а во-вторых, что «гуннские ворота» — это и есть крепость Чол.

Город Чол находился в 18 км ниже (южнее) Дербента. Его развалины около станции Билиджи известны под названием Торпаггала. Насколько известно, крепость Чол (Чул) упоминается в последний раз в связи с событиями 1001 года [395, 52].

Исследователи по-разному объясняли этот топоним. И. Маркварт этот топоним отнес к иранским [583, 101]. К. В. Тревер писала, что.в этом названии можно видеть армянское чол, чор — «ущелье» [482, 276]. Так же объяснил этимологию этого топонима и А. Р. Шихсаидов; Чор «по-армянски означает ущелье» [514, 30]. По мнению А. П. Новосельцева, этот топоним восходит к ягнобскому языку Памира, в котором чор (сог) означает «узкое ущелье» [411, 39, прим. 50]. В. Г. Котович также пытался объяснить его происхождение на почве иранских и кавказских языков [337]. Все эти объяснения не верны. Впервые нами была выяснено, что. наименование города отражает тюркский этноним чол или чул, -носители которого обитали в этой области [213, 88—41]. Это племя упомянуто Птолемеем как *сулон* (III, 5, 8), т. е. *чулон*, от *чул* и аффикса (о)н.

Для определения языковой и этнической принадлежности топонима Чол следует учесть сведения о тюркоязычном народе чол, жившем в это же время в Восточном Прикаспии, на территории Туркмении. И. Маркварт упоминал о существовании древнетюркского племени чол [583, 51, 73]. Происхождение тюркского племени чол (чул) не ясно. Однако известно, что среди древних булгаров было племя челмат (чулмат), от чел, чул и компонента мат [526, 226]. В. В. Бартольд писал: «По-видимому, огузы частично остались в Монголии под властью уйгуров и постепенно растворились среди последних, частично же переселились на запад и на юг. К этим последним относится происходившее от западных тюрков племя ноль» [167, V, 580]. Видимо, переселившись на запад, эти чолы первоначально расположились в Приаралье, ибо известно, что в 50-е годы IV века тюркоязычные чолы (или часть их) из Приаралья продвинулись в Прикаспий [291, 340], и область в Восточном Прикаспий — на территории Туркмении, где они осели, стала называться Чор, Чол (Чул), Суд [378, 220]. Н. В. Пигулевская отмечала, что встречающееся в одних источниках название Чол, а в других Чор или Сул в Прикаспийской области означает одно и то же, что во второй половине V века резиденция хагана чолов (судов) находилась на полуострове. Балхана в зоне расположения современного Красноводска [432, 44—45]. (См. ниже, с. 354).

Таким образом, этноним чол (чу л), чор, су л, встречающийся в Восточном Прикаспий, является тюркским по происхождению. Обращает на себя внимание тождественность названий албанского города Чор, Чол, Сул и тюркской племенной общности в Восточном Прикаспии — чор, чол, сул, причем в обоих случаях в источниках употребляется выражение «народ сул», «племя чол (чул)», «провинция Чор». Все это позволяет сделать вывод, что название албанского города Чол, Чор, Сул имеет общее происхождение с этнонимом чор, чол, сул, распространенным на восточном берегу Каспия, и топоним Чол в Албании отражает название жившей среди маскутов древнетюркской племенной общности чол. Можно предположить, что, двигаясь с Приаралья

(см, выше), часть чолов в составе ираноязычных маскутов — массагетов проникла в северо-восточную Албанию, а другая осела в Восточном Прикаспий.

Ат-Табари (IX в.), сообщая о разделе сасанидом Ануширваном своей империи на четыре провинции, упоминает, что по соседству с Азербайджаном находится страна Хазар, занятая народом, называемым сул [Ат-Табари, I, 896]. «Еще Фируз построил в стране Сул и стране алланов каменное сооружение с целью оградить свою страну от посягательств со стороны этих народов (т. е. хазаров. — Г. Г.), а сын Фируза Кобад построил в этих местах еще много новых сооружений и, наконец, когда воцарился Хосрой, он велел построить в стране Сул ряд городов, крепостей, валов и много других сооружений из камня, добытого в области Джуржана» [515, 453]. Эти суды (чуды), безусловно, относятся к албанским чолам, так как ат-Табари упоминает одновременно с ними аланов, обосновавшихся к тому времени на Северном Кавказе. Он отмечает также, что Ануширван заключил союз с народом суд, обитавшим у восточной оконечности Кавказа, по соседству с проходом Суд (там же). В. В. Бартольд отмечал, что встречающееся в некоторых арабских источниках написание «суд» правильнее читать «чул», так как арабская буква «сад» часто употребляется для передачи звука «с» [167, II, I, 156; см. также 395, 52, прим. 19].

В одном среднеперсидском источнике времен Хосрова Ануширвана (531—578) упоминаются города Чул и Дербент [106, 107]. Эти сулы (чулы), безусловно, относятся к албанским чолам, ибо в сообщении Йакута ал-Хамави [III, 435] читаем о Суле: «город в стране Хазар в одном из близких к Дербенту районов».

Итак, можно считать установленным, что в северо-восточной Албании обитало древнетюркское племя чол или чул и, вероятно, они пришли среди гуннов, упоминаемых Дионисием Периегетом (см. ниже, с. 125). Весьма вероятно, что эти чулы проникли в Албанию вместе с маскутами-массагетами,, потому что еще во II—I веках до н. э. в степи, простирающиеся к северу от областей Средней Азии, хлынули гунны и часть их смешалась с сако-массагетскими племенами [см. 213, прим. 53].

Чолы в Албании стали христианами. По сообщению Моисея Каланкатуйского, в I—II вв. в городе Чол проповедовал христианский миссионер Елисей. Если город Чол существовал уже в первые века н. э., то, следовательно, чолы должны были жить на этой территории до нашей эры.

Эти факты, как нам кажется, не оставляют сомнения относительно происхождения албанского топонима Чол от тюркского этнонима чол, чул. Собственное имя Чул, которое, несомненно, восходит к этнониму чул, известно у хазаров раннего средневековья (171, 237). Этноним чул с добавлением к нему аффикса принадлежности в тюркских языках — «лу» образует основу трех топонимов Чуллу, встречающихся в Азербайджане. До революции на Кавказе существовало пять топонимов Чуллу [418, 288].

Древнетюркский этноним чул, по-нашему мнению, сохранился в наименовании Чулым (с которыми связаны чулымские татары в Тамбовской области в XIX веке, см. 442, 293)— от этнонима чул и суффикса принадлежности -ым. Возможно, этот этноним составляет основу названия булгарского племени челмат, алтайского племени челкан (см. выше, с. 56), киргизского племени чылпак, (т. е. чулбак, — от этнонима чул и тюркск. баг «отделение», «группа», «отряд», как в этнониме карабаг).

Катак(ы). В «Армянской географии VII века» один из округов албанской области Ути назван Туч-Катак [4, 51]. Топоним Котайк (с наращенным «и») в Арцахе отмечен и в «Истории албан». В XVII веке в Нагорном Карабахе известно село Котуклу [3, 226]. В свое время мы возводили этот топоним к иранскому *катак* «крепость» [см. 224]. Однако в дальнейшем выяснилось, что Катак [Туч-Катак] является этнотопонимом, иными словами, существовало тюркское племя *катак* (*катай*, *ктай*) и этот этноним тай — у казахов, каракалпаков, киргизов, узбеков, ногайцев, башкир и гагаузов [344, 222].

Еще в X веке среди печенегов южнорусских степей отмечено племя тун-катай [26, 156—157]. В данном случае *катак* и *катай* одно и то же, потому что разночтение связано с закономерным чередованием «г» и «и» в тюркских языках. Н. А. Баскаков писал, что «г» в других тюркских языках, в частности, в печенежском языке, перешло в «и» [171, 257]. Следовательно, в Албании название этого племени имело форму *катаг*.

Выше мы говорили, что в раннем средневековье в Албании обитали печенеги, с которыми были связаны топонимы Пазкан и Кол. Поэтому напрашивается вывод, что среди этих печенегов в Арцахе находились и носители этнонима катаг. Однако значение компонента «туч» (в топониме Туч-Катак) неясно. Возможно, что он является искажением от Тун-Катай среди печенегов южнорусских степей. Указанный округ Туч-Катак находился в нынешнем Джебраильском районе. Интересно, что среди местного населения территория этого района называется Гыраг-Тун. Заметно, что компонент тун в топониме Гыраг-Тун созвучен с тун в этнониме Тун-Катай среди печенегов.

Значение компонента тун в этнониме Тун-Катай неясно. Может быть, слово тун восходит к тюркскому тон (tong), тун (tung) «холм», «возвышенность», «высокое место», «бугристое место» [см. 62, III, 279—280]. В тюркских рунических надписях это слово встречается и в составе личных имен: Тон-Тархан, Тун-Иабгу [344, 26], его можно связывать с тюркским словом тон (tong) «первый», «первенец» [344, 26].

Обращает на себя внимание тот факт, что племя *тун-катай* отмечено и среди каракалпаков [171, 227].

Вышеизложенное говорит о том, что компонент туч в топониме Туч-Катак в Албании является искажением от Тун-Катай, и его носители обитали в Арцахе. Поэтому, возможно, слово тун в вышеотмеченном Гырагтун означает именно это слово. В средних веках в Нагорном Карабахе было село Чарватун [556], а также село Хош-Тон [там же], от тюркск. кош, хош «кочевье» и тон. Село Чаратан (Таузский район) в указанном источнике зафиксировано как Чуратон — от печенежского этнонима чур (цур), соединительного «а» и тон.

Тюркское происхождение этнонима *катак*, *катайк* объясняется тем, что компонент кат является основой этнонимов *котан*, *хотан* (тюркское племя, впервые упомянутое Гекатеем (фр. 160) в форме катании, катар (ср. племя катиар у Плиния) и других; поэтому мы считаем, что этноним *катак* образовался от *кат* и и этнонимообразующего форманта ак, к [см. 480, 8], как в этнонимах казах, кимак, калмак, кыпчак, уграк и многих других.

Видимо, какая-то часть этого племени обитала и в северо-западной Албании. Там в XIX веке отмечены названия населенного пункта Катах, Катех, Катух и др. [418, 124]. Следует отметить, что в этой зоне данный этноним сохранился в нескольких топонимах Котуклу (от Котаклу или Катаклу). Для сравнения отметим, что упоминаемый Моисеем Каланкатуйским топоним Катак в Арцахе в XVII веке носил название Котуклу [3, 226].

Топоним Катак в VII веке известен и на территории Армении [4, 53]. Он упомянут еще Фомой Мецопским [47], Киракосом Гандзакеци [14, 42}, а в XVII веке Аракелом Даврижеци [3, 185]. Известен еще Котайский гавар (позже — Зангибасар, см. 123, 302) в Араратской области [там же, 89}. Село Кохне Катук («Старый Катук») было когда-то Зангезуре.

Итак, можно считать установленным, что в раннем средневековье, не позже VII в. в Албании и Армении обитало тюркское племя катак.

Кергилы. Арабский географ ал-Балазури в связи с событиями середины VII века пишет, что арабское войско под командованием Хабиба ибн Маслама в Арране, наряду с другими, завоевали округ Херхилян [7, 13}. В «Истории албан» этот топоним имеет форму Харглан. Как Моисей Каланкатуйский, так и ал-Балазури этот пункт помещают в Арцахе, потому что последний Херхилян перечисляет наряду с Мескеан (Мец-Куенк), Уд (Ути), Месиран (Мец-Аранк), Табар (вероятно, Туерак — в «Истории албан»).

В средние века в Нагорном Карабахе упоминается село Каркилар [556]. Отсюда становится ясным, что топоним Хархплан и Харглан являются фактически измененными формами от Кергилан — от компонента кергил и суффикса множественности «ан» в иранских языках, но местным произношением было Кергилар (вернее, Кергиллар, но в устной речи одно из «л» должно было выпасть).

Компонент кергил мы связываем с древнетюркским этнонимом кергил. Волость Кергил в Западной Сибири известна с XVII века [279, 106]. В. В. Радлов отмечает племя кергил у алтайцев и тубаларов [442, 728].

Этноним *кергил*, безусловно, состоит из компонента *керк* (или керки) и тюркск. эл «племя», как в этнонимах басил, эскил, чигил и др. В топонимии Азербайджана отразился также и этноним керки, напр., село Керки в Нахичевани, Керки-Башли (от керки и этнонима басил, башил) в Казахском районе. Племя керки отмечено также у туркмен [148, 140] и узбеков [511, 725]. Компонент керк составляет и основу скифского этнонима керкет (от керк и суффикса множественности т). Это племя у туркмен известно под названием гыргыл.

Вероятно также, что этот этноним отразился и в названии крепости Харк в Албании [48, 204]. Крепость Харк, по мнению З. М. Буниятова, находилась на территории нынешнего Мардакертского района [48, 384}. О тюркском происхождении топонима Херк говорит тот факт, что в древнегрузинских источниках Херк упоминается в числе городов, относящихся к владениям бунтурков и гуннов [см. 472].

Команы. В «Истории албан» упомянут пункт Гоменк (кн. I, тл. 6) — от компонента гомен и суффикса принадлежности в древнеармянском языке «к», добавляемого обычно к этнонимам. В источнике этот пункт помещен где-то в Арцахе или в Сюнике. Поразительно, что в архивном документе, датируемом 1727 годом, в Чулундурском округе (в древнем Сюнике) зафиксировано азербайджанское село Коман или Куман. Отсюда становится ясным, что этнотопоним коман в древнеармянской передаче до нас дошел в фонетической форме Гоменк. В Средней Азии команы впервые упомянут Плинием (VI, 47).

Команы в раннем средневековье известны в восточно-европейских степях — это половцы древнерусских источников. Нами уже выше было отмечено, что например, названия ряда племен печенегов и кипчаков южнорусских степей VIII—XII веков в Албании в V—VII вв. известны как топонимы, а следовательно можно сделать вывод, что представители этих племен проникали в Албанию в первых веках н. э.

Как видим, почти все раннесредневековье тюркские этнотопонимы Албании находились в основном в Арцахе и Сюнике. Это, по-видимому, связано с тем, что эти области служили прекрасными пастбищами для тюркских кочевых племен.

Ижмахи. В Албании, судя по древнеармянским источникам, жило также племя ижмах или ижемах.

В древнеармянских источниках V—VII вв. в Албании упоминается название племени ижмах [29, кн., III, гл. 7] и ижемах [4, 38], являющегося, как считают некоторые авторы, фонетической передачей этнонима шамах, к которому восходит древний топоним Шамаха (Шемаха). Привлекает внимание то обстоятельство, что в источнике VII века ижмахи помещены рядом с шарванами и баканами [4, 37]. С. Б. Ашурбейли отмечала, что ижмахи, впервые упомянутые Фавстом Бузандом в IV в., жили, по-видимому, в районе Шемахи на территории нынешнего Советского Азербайджана [154, 19]. С какого времени обитало это племя в Албании? Во всяком случае ижмахи-шемахи жили в первых веках нашей эры, потому что город Шемаха в форме Камехия упоминается Птолемеем (Птолемей, V, 11, 5). Этот этноним можно поставить рядом с этнонимом камак, являющимся латинской передачей этнонима шамак (шамах) где то на Северном Кавказе, о чем впервые

сообщает Плиний (Плиний, VI, 21). Этноним /сажа/с у Плиния не имеет отношения к другому тюркскому этнониму кимак (каймак, ср. топонимы Гаймаглы в Казахском р-не Азербайджанской ССР) и кумык на Северном Кавказе. Следует отметить, что правильным наименованием города Шемаха является Шемахи, как это отражено на монетах.

Загадочной остается этническая принадлежность этого племени. Плиний (VI, 50) отмечает, что камаки и саки живут также и в Средней Азии, за рекой Яксарта (Сырдарья). Впервые К.Г.Алиев топоним Шамахим в Азербайджане связал с этнонимом шомекей К. Г. Алиев топоним Шамахи в Азербайджане связал с этнонимом шомекей среди казахов [144—50]. Можно предположить, что этноним камак до сих пор сохранился в наименованиях тюркоязычных племен Средней Азии: *шамак* — у каракалпаков; *шамакей* — у казахов; *шамак* — у туркмен; *шамаке* и *шамака* — у киргизов [224]. Видимо, сам Плиний (или переписчик) этноним шамак писал как камак. Интересно и другое: в Средней Азии в древности был топоним Шамаха-кала, и, кроме того, до сих пор сохранились развалины населенного пункта называвшегося Шимаки [см. 167, IV, 182]. Другая Шемаха в раннем средневековье существовала на территории южного Азербайджана [398, 75]. В Татарии также существует деревня Шамак [55, 801]. Трудно допустить, что во всех этих случаях мы имеем только внешнее сходство.

Приведенные выше факты дают основание считать, что племя шамаке (шемаке) в Средней Азии и племя ижмах в Албании были тюркоязычными. Поэтому возведение происхождение топонима Шамахи к семитскому слову *шам* [см. 312] неверно.

Шарваны. Выше отмечалось, что Птолемей (V, 8, 16) помещает племена сакан и суран где-то на Кавказе, а именно между Керавнскими и Гинпийскими горами, т. е. на Северном Кавказе, потому что Керавн — это юго-восточная оконечность Кавказа, название которой, как полагают, образовалось от тюркского карау, кыров «снежный» [302].

Исследователи считают, что сураны обитали в Закавказье, потому что Птолемей их перечисляет к одному ряду с саканами, а саканы (т. е. шаканы от этнонима шак(а) и суффикса ан) — это саки (шаки) к северу от реки Куры в Албании. Позже в «Армянской географии VII века» племя шарван перечислено среди других племен в Сарматии [4, 38], которая, как известно, охватывала тогда территорию от устья Куры до устья Волги [см. 298]. Следовательно, есть все основания полагать, что этноним суран у Птолемея есть искажение от шарван. Арабские географы IX—XII вв. отмечают город Шарван в Арране [11, 108}, наименование которого, несомненно, отражает этноним шарван. Этническая принадлежность носителей этнонима шарван не ясна. Этимология топонима Ширван, предложенная И. Марквартом [от др. иранск. хшауадиуа «шах», «царь» и ван «страна» — 583, 79} и В. Ф. Минорского [в связи с областью Шир в южном Прикаспии — 395, 34— 35}, которая принята и С. Б. Ашурбейли [163, 13] не убедительна.

Существуют и другие этимологии этого топонима [см. 398, 69—74]. Вероятно первоначальной формой этого топонима был Шаруан, — так он зафиксирован в частности Йакутом Хамави.

Нам кажется, что в этнониме шарван (шаруан) отражен тот же тюркский компонент сар (шар), что и в этнонимах сармат, сарар (шарур) сарай, саргащ сорт (род алтайцев, телеутов), сарыг (род сагайцев, тувинцев, тубаларов) и др. И. А. Джавахишвили топоним Шарван объяснил как «обиталище шар-ов» [267, 41], но он ошибочно считал, что шары (т. е. сарматы) были кавказоязычными [267,49].

Араны. В «Истории Албан» (кн. II, гл. 4) и «Армянской географии VII века» [4, 49] один из округов Арцаха в Албании назван Мец-Иранк, вернее Мец-Аранк. Этот топоним состоит из армянского мец «большой», компонента Аран и суффикса «к» в древнеармянском языке. Насколько известно, научного объяснения компонента «Аранк» до сих пор нет. Возведение его к слову Иран (в значении Персия) несостоятельно. Несомненно, компонент «Аран»» в этом топониме не имеет ничего общего с наименованием Аран, (Арран), т. е. Албания в некоторых языках, потому что название страны Аран (Арран) не могло отразиться в той же стране Аран (Арран), тем более с добавлением к нему слова мец «большой»; следовательно не может быть, чтобы в Арране округ имел название «Большой Аран». Поэтому нельзя согласиться с С. Б. Ашурбейли в том, что в топониме Мец-Аранк отразилось названия страны — Арран (163, 57). Этот топоним не связан также с именем правителя Албании середины I века н. э. — Араном, потому, что, во-первых, как ниже будет отмечено, существовали и другие топонимы, которые также образовались от упомянутого компонента; и во-вторых, личное имя Аран является древнеармянской передачей тюркского Эрэн (см. ниже, с. 460). Наконец, нельзя считать, что в этом топониме отразилось слово аран в азербайджанском языке, имеющее значение «равнина», «жаркое место», «место зимовки», ибо слово, обозначающее «низменность» не могло отразиться в названии округа в горной местности.

Наше исследование показало, что в топониме Мец-Аранк отразился этноним, которой упомянут Плинием в форме *оран* на Северном Кавказе (Плиний, VI, 26). Птолемей отмечает его в форме, вероятно, несколько искаженной — ориней, (V, 8, 17—15). Среди кыпчаков в средних веках было известно племя уран, вернее оран. Можно сделать вывод, что или племя оран изначально являлось кыпчакским или же потом входило в их состав. Интересно другое: этноним тертер, отраженный в названии реки Тертер в Албании также, как отмечено выше, упомянут среди кыпчаков южно-русских степей [440, 129]. Поэтому, нет сомнения, что топоним Мец-Аранк, восходит к этнониму, который известен как оран, ориней и уран. Трудно определить, какая из этих форм является верной. Однако мы считаем, что племя, которое Плинием отмечено как оран,

является искажением от аран, исходя из того, что во-первых, по М. Рясенену [451, 55], переход а~о и а~у в тюркских языках является закономерным фонетическим явлением, и во-вторых, это племя как тюркское (отождествление аран ~ алан — 208, 125, неверно) до сих пор сохранилось среди каракалпаков и туркмен, ссответственно в формах араншы и аранжи [см.224]. Конечные «шы» и «жы» в указанных этнонимах, являются формами «чы» в других тюркских языках и имеют значение принад- лежности, как в этнонимах казанчи, кушчи. даначи и др., образовавшихся от этнонима казан, куш и тана [см. 224].

В «Армянской географии VII века» говорится, что к Албании относится округ Аранрот [4, 51]. Мец-Аран и Аранрот являются разными округами, ибо первый, как было уже отмечено, находился в Арцахе, а второй в провинции Ути. Отмечается, что эта провинция расположена между рекой Араке и областью Арцах [4, 51], т. е. на территории нынешней Кубатлинско-Зангеланской зоны. С. Б. Ашурбейли не права в том, что в топониме Аранрот отразился гидроним Араке [163, 37]. Топоним Аранрот состоит из того же упомянутого выше компонента Аран и иранского рог «река», с общим значением «река Аран». Следует отметить, что в арабских источниках X века сообщается, что в Арране в Араке впадает «река Арран» [10, 42; 11, 136]. Безусловно, компонент «Арран» в указанном гидрониме является тем же словом «Аран», что в гидрониме «Аранрот», и указанная река Аранрот («река Арран») могла быть локализована только с современной рекой Хакаричай («река Хакари») в Кубатлинско-Зангеланской зоне, которая действительно впадает в Араке. В древнеармянской надписи 1211 года на монастыре Ктич (Ктиш) на правом берегу р. Гуручая, против села Таглабиан река Хакари названа Агвангет «река Агван», т. е. «река Албан» [474[а], 82]. Это связано с тем, что армянский автор слово «Аран» в гидронимах «Аранрот» и «река Аран» передал как «Агван», так же, как сирийское и арабское название страны Аран (Арран — другое название Албании) писали как «Агван».

Вообще надо отметить, что отражение этнонимов в названиях рек — характерное явление в топонимии Азербайджана: Болгарчай — от этнонима *болгар*, Сумгаитчай — от этнонима *сукаит*, Чигилчай — от этнонима *чигил*, Кунгудчай — от этнонима *кингит*, Баяндурчай — от этнонима *байандур* и др.

В пространной редакции «Армянской географии VII века» в Албании, в области Ути упомянут еще топоним Аранджнак, вероятно, от этнонима Аран с тюркским суффиксом -джы (-чы) и иранским суффиксом нак, как в топониме Дизакнак у Низами Гянджеви в поэме «Хосров и Ширин» — т. е. Дизак в Арцахе [см. 224]. Локализация указанного топонима трудна, потому что не известно, какую область Ути имеет в виду источник. Однако на территории Казахского района (в окрестностях города Акстафа) два холма имеют среди населения наименования Аранта, где выявлена археологическая культура, относящаяся к концу I тыс. до н. э. — нач. н. э. В то же время территория этого района в армянских источниках также назван Ути с городом Халхал (см. ниже, с. 147). Несомненно, что топоним Аранджи тождественен этнониму *аранчи*, *араншы* у каракалпаков и туркмен (см. выше). Привлекает внимание и тот факт, что село Аран и гора Аран до сих пор существуют в этой же зоне — Таузском районе.

Это еще раз подтверждает наше мнение о том, что в вышеуказанных топонимах отразился этноним аран.

Закарийа ал-Казвини (XIII в.) пишет, что через Гянджу в Аране (Албании) протекает река Даруран. Эта река ныне называется Гянджачай — «река Гянджа». Гидроним Даруран, возможно, также состоит из иранского дарийа «река» (ср. Амударья, Сырдарья) и этнонима аран. Но это лишь предположения.

Итак, в раннем средневековье, не позже VII века в Албании, в нескольких округах обитали носители этнонима аран. Часть аранов обитала и в юго-восточном Азербайджане. Село Аран есть в Лерикском районе (см. ниже, с. 350).

Выше было отмечено, что Плиний племя оран помещает на Северном Кавказе. Поэтому, этот этноним должен был отразиться в топонимах Дагестана и Северного Кавказа.

В арабском источнике IX века к северу от города Дербент — «в стране хазар»— отмечена «река Арран» [6, 18], т. е. «река Аран», а в источнике XI века в связи с событиями 938 года в Дагестане отмечен населенный пункт Аран [395, 66]. В XIX в. в Ставропольской губернии существовало село Оранайтепе [418, 194] от этнонима оран, суффикса «ай» и тюркск. тепе «холм». В том же веке в округе Кайтак-Табасаран Дагестанской области отмечен топоним Иран-хараба — искаженное от аран и тюркск. хараба «развалины» [418, 103], Ныне в Дагестане (Хунзахский р-н) есть топонимы Аран (азербайджанское село), Арантау «гора Аран» (Карабулагский р-н); Аран-кутан (сельсовет Башлыкент), Аранбулак (Сулейман-Стальский р-н), и др. Этноним аран составляет вторую часть топонима Мугаран, от Муг-Аран, в Магеррамкентском районе Дагестанской АССР — от этнонима муг (см. ниже, с. 255) и этнонима аран.

Привлекает внимание тот факт, что Абу Дулаф [10, 79] и Йакут ал-Хамави [8, 24] на территории Южного Азербайджана в 4 фарсахах от Шиза отмечают город Арран (см ниже, с 349— 350).

Нами было выявлено, что древний топоним Мец-Аранк до сих пор сохранился в топониме Аскеран в Нагорном Карабахе и он состоит из азерб. ески «старый, древний» и Аран. З. М. Буниятов округ Мец-Аранк локализовал в нынешних Агдамском и Аскеранском районах [183, 334]. На территории Аскеранского района находятся развалины крепости Аскеран, построенной карабахским Панах-ханом в середине XVIII в. Крепость получила свое название от местности, которая среди населения называлась Аскеран («Старый Аран»).

К этнониму аран восходит и название села Аранземин (Степанакертский р-н) — от этнонима аран и персидск. замин «место», с общим значением «место [обитания племени] аран». (Там же есть топоним Арандюзи). Следует отметить что в архивном источнике начала XVIII века [556] в Нагорном Карабахе отмечено два населенных пункта — Дербет-Араа и Ези-Аран. Указанный Дербент-Аран ныне называется

Хачын-Дорбетли. В XIX в. там было два селения Дорбетли но чтобы различать их одно называлось Хачын-Дорбетли т. е. «Дорбетли находящееся в округе Хачин», и Джинли-Дорбетли, т.е. «Дорбетли, находящееся рядом с селением Джинли». Как видно, село Хачин-Дорбетли в начале XVIII в. называлось Дербет-Аран , т.е. «Дербет, (монгольское племя - Г. Г.) находящийся в Аране» (т. е. в Аскеране — «старом Аране»); указанный Аран, как сказано выше, есть древний Мец-Аранк

Что касается названия селения Ези-Аран, то оно состоит из азербайджанск. язи «равнина», в смысле «село Аран, расположенный на равнине».

В эпиграфической надписи XII века из Нагорного Карабаха зафиксирован топоним Еренанц (в источнике hерананц, но в этом и других топонимах «h» добавлено в армянском языке), Ерендашанц (в источнике hрандашанц,от этнонима еран, т.е.аран и тюркского Даш «скала, утёс», похже известен как Дашбашы – Аран, т.е.»Аран, находящийся на скале»), Езнаранц (от язи «равнина» и этнонима аран) и Чадч-оранц (вероятно, от тюркского Чатджа и этнонима аран см. ниже с.233). Все эти топонимы из Арцаха – Нагорного Карабаха в отношении друг друга можно локализовать следующим образом: Мец-Аран-Еренанц-Аскеран; Ерандашанц-Дашбаши-Аран-Дербет-Аран; Езнаранц-Аран-дюзи; Чадчоранц -Аранземин.

Этноним аран прослеживается ещё в названии села Еранбат, отмеченного в начале XVIII в. в зоне Барда (ныне этого селения не существует). Указанный топоним состоит из этнонима аран (еран) и персидск. абад «село». В русском источнике 1627 года отмечено, что против Барды за рекой Кура в 10 верстах расположен город Урен [325, 89], видимо искаженный Еран (бад). Отметим, что нынешнее село Аран (Таузский р-н) в XIXв также называлось Еран [418, 92]

Исследования показывают, что носители этнонима аран, оран обитали в древности и на территории Грузии и Армении. В XIX в Новобаязетском уезде Ереванской губернии существовали село Еранос, а также село и гора Эранос [418, 92, 302] от этнонима аран и суффикса ос и Араниси в Душетском уезде Тифлисской губернии [418,18]

Вышеприведенные факты в совокупности со всей отчетпивостью показывают, что на Северном Кавказе, в Дагестане и Албании обитало племя, наименование которого в топонимах отражено в формах аран. оран. По этнической принадлежности оно было, несомненно, тюркским.

Тертеры. В «Истории албан» в связи с событиями происходившими в VII веке в Арцахе, упоминается «река Тертер» (в древнеармянской передаче Тртугет). Позже Иакут ал-Хамави (XIII в.) отмечает две реки Тертер (у него Туртур) в Арране — Большой и Малый Туртур [8, 22]. Впервые нами выявлено, что в этом гидрониме отразился тюркский этноним тертер. Ахмед Джафароглу тертер считает одним из восточно-тюркских племен [549, 21]. В древнерусских летописях среди кыпчаков южно-русских степях упомянуто племя тертробичи, от этнонима тертер, тюркск. оба «кочевья» и русского патронимического окончания — «ичи» [440, 129—130]. Это свидетельствует о том, что часть кыпчаков-тертеров оседала в Албании еще до VII века (время упоминания гидронима Тертер в Албании). Возможно, они проникли сюда вместе с гуннами. Н. А. Аристов писал, что кыпчаки в III веке до н. э. входили в состав гуннов [148, 309]. Н. А. Баскаков считает, что кыпчаки входили в состав западных хуннов, т. е. составляла часть хуннской общности» [171, 138]. Известно также что в связи с событиями 456—510 гг. «о старых кыпчаках» говорится в древнегрузинских источниках [21, I, 156].

Следует отметить, что многие этнотопонимы Азербайджана образовались от названий кыпчакских племен, известных в южнорусских степях — караберк, тук, урус, куч, и др. [440, 129— 130]. Их названия отразились в топонимах Гараберклу, Туг, Джужанлы, Арус и Хуч [см. 220, 224].

Соде (цавдей). Моисей Хоренский в своем сообщении о правителе Арана середины I века нашей эры отмечает, что утийцы, гаргары, цодейцы и гардманы являются его потомками (Моисей Хоренский, кн. II, гл. 8). Это повторяет и Моисей Каланкатуйский (кн. I, гл. 4). Но последний этноним соде пишет как *савдей*[*]

Этническая принадлежность носителей этнонима *соде* (или *савдей*) не ясна.

В «Армянской географии VII века» отмечено, что одна из областей провинции Сюни называется Сотк [4, 48]. Степан Орбелиан [43, гл. 2] писал, что Сотк один из 12 областей Сисакана. По всей вероятности, топоним Сотк восходит к этнониму соде или савдей. С. Т. Еремян писал, что Содк, Сотк древнеармянских источников (у Птолемея—Содукене, V, 12, 9) охватывала нынешную область Басар-Кечар [295, 303].

Наши исследования показали, что из отмеченного в источниках этнонима цоде, цавдей произошел по всей вероятности, топоним Сотк, являющийся фонетически измененным позднее топонимом Садак (в «Истории албан» — Содеик).

В архивном документе 1727 года в Карабахе упомянут округ Садак-Тор [556]. Указанный топоним состоит из этнонима садак и тюркского тӧр «высокогорное пастбище» [59, 759].

Интерес представляет тот факт, что топоним Садак был известен и в западной Албании. Хамдаллах Казвини (XIV в.) в 3-х фарсахах от Шамкура (примерно 18—24 км) отмечен топоним Юрт-Шадакбан, означающий «место обитания Шадакбан» [8, 29]. Тюркское слово «юрт» показывает, что Шадакбан было наименованием определенного племени. Это название состоит от этнонима *шадак* (фонетически производное

[*] Следует учесть, что племя соде, цавдей в Албании не имеет ничего общего с упоминаемым Плинием (VI, 26), племенем сроди на Северном Кавказе в соседстве с дидурами, которых К.В.Тревер [482, 194] ошибочо локализовалал в среднем течении Иори. Последние иденфицируются с племенем исадик (у Страбона), исонд (у Птолемея, V, 8,16) и считаются предками чеченцев [195, 122-129]

от садак) и неясного компонента «бан». По-нашему мнению, этот компонент является результатом перехода «м» в «б». Для примера можно указать. на древний топоним Гардман, который на территории Грузии до сих пор сохранился как Гардабан. Далее нами выяснено,что топоним Шадакбан у Хамдаллаха Казвини в сочинении арабского автора XIII века Иакута ал-Хамави по вине переписчиков написан как Сайсаван [8, 27].

Интересно, что в источнике 1727 года на границе Азербайджана с Грузией упоминается округ Садак [556 [. Следовательно отмеченные Шадакбан и Сайсаван позже известны в форме Садак. С этим топонимом связано нынешнее название двух селений Садыклы (от Садаклы) в Таузском и Казахском районах Азербайджана, как раз на границе Азербайджана с Грузией. В XIX в. в Борчалинском уезде отмечено село Садахло, а в Ахалкалакском уезде Тифлисской губернии — развалины «Садахлы». Другие развалины Садахлы были и на территории Армении [418, 214]. Тот же автор отмечает еще село Садагли-Кишлак в Джеватском уезде Бакинской губернии [418, 214].

Во всех указанных селениях Садахлы и Садахло живут тюркоязычные азербайджанцы. Если существует связь между племенем *соде, савдей*, топонимом Сотк, Содк в древнеармянских источниках [см. 4, 48], с одной стороны, и Сайсабан, Шадакбан Иакута Хамави и Хамдаллаха Казвини с другой, то, по нашему мнению, можно предположить, что к ним восходят средневековые Садак-Тор и Садак и современные Садыгли и Садаглы. В этом случае следует допустить, что носители этнонима *цоде, цавдей* были тюркоязычными.

Следует отметить, что в Сибири, на Алтае и в Средней Азии доныне существуют племена сат, саты, и сатак и бурун-сатак [см.442].

Гунны. Для разработки проблем этнической истории, связанных с формированием азербайджанского народа, весьма актуальным является освещение взаимоотношений гуннов с Албанией в первой половине I тыс. н. э. Это объясняется тем, что, во-первых, гунны являются первым широко документированным тюркским этносом на Северном Кавказе, причем непосредственно жившим в соседстве с албанами. Во-вторых, имеются, правда отрывочные, но достаточно достоверные синхронные источники о взаимоотношениях гуннов с албанами. Поэтому ряд исследователей считает, что именно гунны были первым тюркским компонентом, принимавшим непосредственное участие в этногенезе азербайджанцев. Но это мнение нам представляется ошибочным в том смысле, что гунны не были первыми тюрками на территории древнего Азербайджана — в Албании и Атропатене. И до их прихода здесь уже обитали тюркские племена — скифы, саки, албаны, гаргары, чолы, шамаки, кангары, печенеги и др. Но все же роль гуннов в этническом процессе азербайджанцев бесспорна и ее нельзя отрицать.

Вопросы, связанные с историей гуннов на Северном Кавказе происхождение различных племен гуннского круга (булгар, хазар, савар, оногур) исследованы многими советскими и западными историками. Обзор источников и основная литература по этому вопросу приведены в работе Ю. Джафарова [271,11].Поэтому мы коснемся этого вопроса лишь вкратце.

Гунны в соседстве с албанами на северо-востоке впервые упомянуты Дионисием Периегетом (II в.) [см. подробно 271, 11, 12] В древнеармянских источниках гунны в соседстве с албанами — выше города Чол (около Дербента) упомянуты Агафангелом. 1271, 15] в связи с событиями 225 года. Это те гунны, о которых упоминал Дионисий Периегет. Птолемей (II в.) также упоминает гуннов на Северном Кавказе в соседстве с роксаланами (Птолемеи, 111, 5, 10). Эти сообщения известны давно, и исследователи на основании указанных данных делали окончательный вывода гунны пришли на Северный Кавказ в первые века н э [391, 152] Однако такое заключение, на наш взгляд, произвольно, ибо ни Дионисии Периегет, ни Птолемей ничего не сообщают о времени их прихода, они лишь отмечали, что гунны там живут но с какого именно времени они там живут — упомянутым авторам неизвестно. Следует отметить, что Дионисий Периегет считает гуннов каспийским народом и скифами [36, I, 240].

Итак, гунны в первые века н. э. жили севернее албанов. Позже армянский историк Фавст Бузанд в связи с событиями начала IV века писал о гуннах среди маскутов в северо-восточной Албании и называл эту область «Хонская земля», а царя маскутов Санесан повелителем многочисленных войск гуннов (Фавст Бузанд, кн. III, гл. 7). Это говорит о том, что в первые века н. э. эти гунны постепенно двигались с Северного Кавказа, проникая на территории, расположенные к югу от Дербента. Во всяком случае гунны преобладали среди маскутов. Это видно из того, что когда Моисей Каланкатуйский пишет об убийстве христианского миссионера Григориса в земле маскутов он употребляет выражение «страна гуннов» (Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 20). О гуннах в пределах Албании есть упоминания древнеармянских авторов V—VII вв.: Егише (гл VII) Моисея Хоренского (кн. II, гл. 86), Гевонда (гл. 7), Себеоса (отд.III, гл. 36), причем первое упоминание сделано в связи с событиями середины IV века.

В более поздних источниках проход Чол в древнеармянских источниках называется «Пахак-хонов» («врата хонов») [482,209].

Следует отметить, что этноним *гунн* в Албании в некоторых древнеармянских источниках пишется как хон (Нон). Вслед за И. А. Орбели [417, 510]. К. В. Тревер [482, 194] гуннов и хонов считает наименованиями разных племен, причем хонов считает кавказоязычным племенем. Необоснователность такого отождествления видна хотя бы из того, что Егише (гл. V) упоминает хонов рядом с гелами. Если гелы обитали на территории юго-западного Прикаспия, как писала сама К. В. Тревер, то непонятно, каким образом могло оказаться там кавказоязычное племя?

В «Истории албан» Моисея Каланкатуйского есть сообщение, в котором, в связи с событиями конца V века, говорится о принятии гуннами Албании христианства (кн. II, гл. 40). Моисей Каланкатуйский пишет, что

патриарх города Чол в северо-восточной Албании Овхан был также епископом гуннов (Моисей Каланкатуйский, кн. III, гл. 23). Гунны жили и в других областях Албании, например, западной зоне. На берегу Куры, в Таузском районе есть развалины крепости Торпаггала. Это город-крепость древнеармянских источников — Хунанакерт (Хунан — в арабских источниках IX—XIII вв.). До сих пор равнина, расположенная близ этой крепости, на правобережье Куры, называется «Хунан дузу», т. е. «равнина Хунан».

В архивном документе 1727 года (556) в Зангезуре (округ Баргушат) отмечено село Хонабад, от *hон* (хон) и *абад* «село». Там же указан топоним *hуназир* [556], от этнонима hун, соединительного гласного «а» и персидского зир «нижний».

Часть Карабахской равнины в прошлом называлась Хонашен. В XIX в. эта территория составляла 35 тыс. десятин и являлась местом зимовки для скотоводов Азербайджана. Этот топоним состоит из этнонима хун (азерб. hун), соединительного «а» и шен — «страна», «земля» (как, например, в древнем названии Шакашен), Византийский историк Феофан писал, что в 624 г. византийский царь Ираклий и хазары встретились в Албании, в «стране гуннов» [149, 54]. Считают, что в данном случае имеется в виду древний Шакашен, нынешней Гянджинской зоны. Однако, по нашему мнению, для «страны гуннов» есть более точная географическая привязка, а именно — Хонашен («страна гуннов»), расположенная на Карабахской равнине, неподалеку от древнего Шакашена. Интересно, что на территории Шекинского района отмечена также гора Хонашен йери «земля Хонашенов». В прошлом здесь существовало и село Хонашен, (вернее Хунашин) и не исключено, что оно было образовано выходцами из Хонашена на Карабахской равнине.

В связи с топонимами Шакашен и Хонашен возникает вопрос: к какому языку относился компонент шен? Дело в том, что это слово до сих пор существует в армянском языке и активно участвует в топообразовании, почему некоторые исследователи считают, что оно является исконно армянским словом [311, 417]. Однако это не так. Слово шен, восходящее, как полагают, к древнеиранскому *ши* (*si*) «житие» [575, 480] составляет вторую часть и многочисленных грузинских топонимов IX—XV вв.: Ахалшени, Мармашени, Ормашени, Падашени, Ходашени и др. [16]. Слово *шен* было и в древнетюркском языках [348, 223]. Этот компонент до сих пор сохранился и в азербайджанском слове *шенник* или *шенлик*, от шен и суффикса «лик» в значении «благоустроенное место». Дело в том, что слово шен есть и в татском,и в курдском языках в значении «село».

Таким образом, слово шен с древнейших времен существовало в языках различных народов Закавказья. Однако компонент шен в этнотопонимах Сакасен и Ьунашен не имеет ничего общего с шен в армянском языке, потому что он отражает алтайский
аффикс сип, шин, чин (см. выше, с. 96).

Как отмечено выше, в первых веках н. э. в гуннской конфедерации источниками отмечен ряд племенных общностей (сувары, булгары, басилы и др.); древнеармянские источники упоминают об их вторжениях и частичных переселениях в Закавказье, в том числе и в Албанию. Ряд исследователей (И. Маркварт, М. И. Артамонов и др.) эти сведения считают анахронизмами. Например, М. И. Артамонов сведения Моисея Хоренского о вторжении басилов (барсилов) в Албанию в III веке считает анахронизмом и вслед за И. Марквартом [582] считает, что эти нашествия следует относить не к тюркскому племени барсил, а иранскому племени алан [151, 131—132}. Он же считает анахронизмом сведения Агафангела о гуннах по соседству с Албанией, о проникновении хазар в Албанию и поселении болгаров во II в. до н. э. Фавст Бузанд упоминает гуннов среди маскутов северо-восточной Албании в связи с событиями III века. М. И. Артамонов считает, что это тоже анахронизм! Напрашивается вопрос: не слишком ли много анахронизмов? Так или иначе, мы вкратце скажем здесь об этих племенах.

Савары. Как известно, впервые это племя на Северном Кавказе упомянуто Птолемеем (III, V, 10). Происхождение саваров (сабир, сувар) неизвестно, [см. подробно: 555, 53—99]. В. В. Бартольд считает суваров частью болгаров [167, 1, 209}. Носители этого этнонима жили в северо-западном Прикаспии смежно с гуннами [392]. Этим и объясняется, что иногда в источниках сувары именуются гуннами, так как гунны были более известны древним авторам; под этим именем обычно называли и другие племена и этнические общности, входившие в состав гуннов, появившихся в Кавказской Албании в раннем средневековье.

По нашему мнению, савары проникли в Албанию несколькими волнами. С первой волной связан топоним Шабаран, Шаберан [см. 398, 69-69], северо-восточной Албании, от этнонима савар и ирнаского суффикса «ан». Существует мнение, что топоним Шаберан упомянут Птоломеем как Шапотрене [см. 163,4]. Нельзя согласиться с мнением В.Ф.Минорского [395, 109] и С.Б.Ашурбейли [163, 105] о том, что топоним Шаберан восходит к иранскому личному имени Шапур. Шабранская область охватывала территорию между Маскатом на реке Самур и Хурсан-шахством. Поэтому мнение С.Б.Ашурбейли [193, 15], которая отождествляет Гильгильчайскую стену с Шабранской стеной не приемлемо. Населённый пункт Шаберан, по археологическим данным, возник в V в., что говорит о более раннем поселении саваров в этой зоне. Указанный город впервые упоминается в арабских источниках IX-X вв., но в связи с событиями VI-VII вв [см.11,109]. Это говорит о том, что населённый пункт Шабаран образовался ещё в первые века нашей эры. Во всяком случае савары в Албании стали христианами – это видно из сообщения арабских авторов о том, что в Шаберане живут христиане [10, 131]. М.И.Артамонов писал, что « поселения тюрок» - савир, хазар, болгар и др. в Закавказье, особенно в степной Албании, существовали. Вероятно, со времени первых вторжений в эту страну»

[151].Напрашивается вывод, что возникновение населённого пункта Шабаран связано с теми саварами, которые находились ещё среди савраматов-сарматов. К.Кречмер писал, что этноним *савромат* образовался от этнонима савар [580].

Часть суваров проникла в Закавказье и в VI-VII вв. [см. подробно 260]. В 515 и 540 годах сувары массами вторгались в Албанию [149, 134; 290, 270]. М.М.Дьяконов отмечает, что в 515 г., когда в Закавказье проникают савиры. Ковад предпринимая оборонитиельные меры, стал укреплять города Байлакан и Партав. По его мнению, савары, утвердились в Албании севернее оборонительной линии иранцев [290, 307]. Л.Н.Гумилёв писал, что в 552 году сувары заняли Албанию [255, 35-37]. В 568 г. сувары на Северном Кавказе были разгромлены аварами, после чего часть их проникла в Азербайджан и осела здесь [149, 118]. Когда в 586 году византийская армия проникла в Албанию, здесь она встретилась с суварами, у которых взяла заложников [12,412]. По мнению А.Е.Крымского, в V веке сувары обитали в районе Кабалы, в северо-западной Албании [338, 295]. Хосров Ануширван переселил в Азербайджан 10 тыс. сувар [183, 179].

Результатом всех этих движений являются этнотопонимы с этнонимом сувар. Так, на территории Пушкинского района есть топоним Билесувар, который в форме Пилесувар впервые упоминаются в источнике XIII века [41, 107, 120]. В северо-восточном Азербайджане (в бывшем Кубинском уезде) в XIX веке были остатки крепости Галейсувар – «крепость суваров» [418, 111]. В архивном документе зарегистрирован на территории Кубинского ханства кишлак (зимовка) Галей Суар, «крепость суваров» [418, 111] и селение Суварли [см. 216, 157]. Руины крепости в селе Рустов Кубинского района ираноязычные таты до настоящего времени называют Галейе-Суарун — «крепость суваров». Перечисленные этнотопонимы, по нашему мнению, не оставляют сомнений относительно их тюркского происхождения от общности сувар) и позволяют прийти к выводу, что савары (сувары) в раннем средневековье были одним из этнических
компонентов этногенеза азербайджанского народа.

Маджары. В связи с печенегами-кангарами и саварами в Албании следует вкратце остановиться еще на одном вопросе.

Константин Багрянородный писал, что часть турков (т. е. мадьяров. — Г. Г.), называвшаяся тогда саварта-асфалами, после войны с кангарами в Северном Причерноморье «поселилась к востоку в края Персии, — они и ныне по древнему прозвищу турок называются саварта-асфалами...» [26, 159]. Об этом событии он пишет и в другом месте своей книги [26, 161].

В литературе давно высказывалась мысль о том, что это переселенцы, обитавшие в северо-западной Албании, где-то в нынешних районах Шамхор и Тавуз [576, 240; 395, 37}; их название отражено в древнеармянских источниках—севордик (VIII в.), а в арабских источниках (в связи с событиями VII века у Балазури) — «ас Савардийа» [26, см. обзор литературы].

По М. И. Артамонову [151, 330] и 3. И. Ямпольскому [536], пришедшие племена были саварами. Вроде бы в этом есть доля правды, потому что этноним саварты можно было бы объяснить из савар и тюркского суффикса принадлежности -**ты.** Однако с этим мнением трудно согласиться. Компонент саварты, видимо, восходит к тюркскому сабар «беловатый», «светлого цвета» [318,67]. Но под этим названием пришли мадьяры — тюрки. Сопоставим это с тем фактом, что еще в прошлом веке в Азербайджане имелось два топонима с компонентом *маджар* — Маджар Караоглан и Маджарли.

Хурсы. Топонимические исследования показали, что в раннем средневековье в разных областях Албании обитало племя, название которого отразилось в топонимах Гороз, Хурс, Хурсан Хорос, Хорус, Герос.

Моисей Каланкатуйчский в Албании упоминаект крепость Гороз [кн. III,гл. 23]. Существует различные локализации этого пункта З.М.Буниятов прав в том, что его следует локализовать со средневековым Герусом в Зангезуре – ныне Горис в Армении (183, 251). Ниже станет ясно, что эта локализация беупречна. В XIX веке в Зангезурском уезде Елизаветпольской губернии было два селения - Герус и Герос [418, 66]. Что касается пприсхождения данного топонима, то выяснилось следующие

Клавдий Птолемей где-то на Северном Кавказе упоминает племя, имя которого им зафиксировано как беруск (от херус),рядом с савар (Птоломей, III, V,10). Выше было отмечено, что тюрки - савары неоднократно проникали с севера в Албанию. Часть их осела в северо-восточной её части, где в раннем средневековье изветсен город-крепость Шаберан, от этнонима савар и иранского суффикса «ан». Ниже области Шаберан, судя по раннесредневековым источникам, находилась область Хурсан.

Армянский историк Егише (V в.) упоминает в северо-восточной Албании топоним Хырсан. Другой армянский историк Лазарь Парбеци (V в.) называет Хурсан «пограничной крепостью» [ЗО 209]. В связи с событиями VI века город Хурсан упоминается в хронике «Дербентнаме» [45. 29]. Поэтому привлекает внимание Хорутзан в Албании, упоминаемый византийским историком VI века Менандром [12]. И. Маркварт локализовал его с Дербентом [583, 105-106]. К. В. Тревер считает что он находился между Дагестаном и Северным Кавказом [482, 232]. По нашему мнению, наиболее вероятно, что под наименованием Хорутзан следует понимать Хурсан.

В дальнейшем, в армянском источнике VII века [4, 30—31], в северо-восточной Албании этот топоним имеет форму Хорсвем, буквально «Скала хорс» [295, 316]. В арабских источниках IX— X вв это название зафиксировано как Хоре, Хурс, Хирс [7,12]. В анонимном источнике X века [49, 33} Хурсан известен как название княжества между Дербентом и Ширваном, образовавшегося после завоевания Албании сасанидами.

По С. Б. Ашурбейли, территория Хурсана на юге протянулась от Дербента до Бешбармакской скалы [163, 19, 51] и даже до селения Лагидж (Исмаиллинский р-н) [163, 96}. Но это неверно. Территория Хурсана охватывала междуречье рек Вельвелечай и Гильгильчай.

Сасаниды проводили политику привлечения на свою сторону феодалов Албании и раздавали им титулы «шах», в связи с чем владетель Хурсана носил титул Хурсаншах. М. Х. Шарифли писал, что до 80-х годов X века Хурсан являлся одним из трех районов (Ширван, Лахиджан и Хурсан) Ширвана [107,32].Позже Хурсан был присоединен к Ширвану Мухаммедом ибн Йазидом [395, 84, 191]. Следовательно, Хоре (Хурс, Хирс) был названием населенного пункта (крепости), состоящим из компонента Хурс и окончания «ан», и являлся сперва названием жителей этой крепости, а в дальнейшем, с образованием княжества, обозначал определенный район.

Значение компонента Хоре, Хурс до сих пор не выявлено. По С. Т. Еремяну хурс было названием племени [395, 316]. Однако этническая принадлежность этого племени до сих пор остается неясной К В Тревер считает, что хурсаны были племенем, возможно, родственным албанам [482, 211]. хотя самих албанов она ошибочно считает кавказским племенем.

Вместе с тем, о локализации крепости и области Хурс, Хурсан и княжества Хурсаншах до сих пор нет единого мнения,В. Ф. Миорский отмечал, что Хурсан надо приурочить к южной части Кубинского района, южнее Маската [395, 115]. С. Т. Еремян считает, что страну Хурсан надо локализовать с нынешним Хизинским районом Азербайджана [294, 34—35]. По мнению М. Х. Шарифли, Хурсан охватывал побережье Каспийского моря, включая Хизи (Хизан) [107, 32]. В «Истории Азербайджана» отмечено, что центром феодального владения Хурсаншахов была крепость Хирс у горы Беш-Бармак [63, 110]. А. Н. Генко писал, что Хурсан находился около горы Беш-Бармак [226, 87]. К. В. Тревер также локализовала Хурсан с Бармакской стеной [482,265].

Наше исследование показало, что мнения вышеназванных исследователей о местонахождении крепости Хурс неточны и что ее следует отождествлять с сохранившейся доныне известной крепостью VI—VII вв. Чирак-кала на территории современного Дивичинского района, потому что гора-скала, на которой находится грандиозная неприступная крепость Чирак-кала (среди населения — Чераггала), до сих пор среди населения известна как Санги-Хорус (от татск. *санг* «скала» и компонента Хоре, Хорус, Хурус), т. е. буквально «скала Хорус» — как и Хорсвэм в «Армянской географии VII века» (Хорсвэм «Скала хоре» — см. выше). Кроме того, северная часть Дивичинского района, примыкающая непосредственно к этой крепости, до сих пор называется Хурасан, или Корасан, что является фонетически измененным названием древнего Хурсана. Следует отметить, что в труде арабского географа ал-Масуди (IX в.) это княжество отмечено также как Хорасан [см. 395, 192].

Итак, носители этнонима, который засвидетельствован Птолемеем как *хурс*, рядом с *савар*, расселялись в северо-восточной Албании в соседстве с саварами (сабирами) и в результате возникли пункты Шабаран и Хурсан, соответственно в значениях «место саваров» и «место хурсов».

Выяснив это, вернемся к топониму Гороз в «Истории албан». Мы считаем, что данный топоним также является фонетически производным от этнонима хорос или горос. В подтверждение этого можно привести следующие аргументы.

В архивном документе 1727 года [556] в Карабахе отмечен населенный пункт Хорос. Несомненно, что этот топоним восходит к вышеуказанному этнониму хоре, хурс. Персидский географ Хамдаллах Казвини (XIV в.) там же упоминает топоним Джузбук [8, 56}. Нами выяснено, что указанный Джузбук является искажением по вине переписчиков — от Хурус.

Приведем сообщение Хамдаллаха Казвини: «От Карабага до села Хар 3 фарсаха, затем 5 фарсахов до Гарка, от него 4 фарсаха до села Лабандан (т. е. Ламбаран), отсюда 3 фарсаха до Базарджига, а от него 4 фарсаха до Барды, от которой 1 фарсах до города **Джузбук**, затем 4 фарсаха до села Дих-Исфахани, отсюда 5 фарсахов до Хангях Шутур и затем 5 фарсахов до города Гянджи» [8,56]. В вышеуказанном архивном документе (1727 г.) эти пункты написаны следующим образом: Ламбаран, Пазарчиан, Хурус, Исфаханджик и Хангях. Как видно. Джизбуку Хамдаллаха Казвини соответствует Хурус архивного документа 1727 г. [556].

Далее нами выяснено, что указанный Джузбук (Хорус) у арабских авторов X—XIII вв. имеет опять-таки по вине переписчиков различные формы: у ал-Истахри [10, 91] и у Ибн Хаукаля—Давмис [10, 115], у ал-Мугаддаси—Думис [10, 136], у Йакута ал-Хамави-Даумис [8, 24].

Это говорит о том, что населенный пункт Хурус или Хорое (Джузбук, Давмис, Думис) существовал до IX века.

В литературе XIX в. эта местность названа Хорус, и поэтому часть племени кенгерли в Карабахе называлась кенгерлу-хоруслу. Ныне там существует село Хорузлу. Население всех указанных населенных пунктов говорит на тюркском-азербайджанском языке.

Интересно, что село Хурс есть еще и в Нахичевани. В литературе XIX века на территории Казахского района отмечена гора Хорус. Развалины населенного пункта Горос-хараба (азерб.*хараба* «развалины») отмечены в Ахалцихском уезде Тифлисской губернии [418, 267]. В Кутаисском и Ахалцихском уездах есть Хоросдаг [418, 267); отмечено и село Горе в Ериванской губернии [418, 66]. Не может быть сомнения в том, что все эти топонимы связаны с этнонимом *хорос, горос*.

Выше мы отметили, что Клавдий Птолемей помещает хурсов на Северном Кавказе, и поэтому этот этноним должен отразиться в топонимах данного региона. И действительно, в XIX веке известны топонимы

Герое — в Ставропольской губернии [418, 66]; Хурсун — в Кайтак-Табасаранском округе Дагестанской губернии; Хурсан-гала («крепость Хурсан») — в Грозненском округе Терской области [418, 270]. Вероятно, к этнониму горос восходит и топоним «Грозный» (у Птолемея, V, 8, 2: Герус).

Как видно, в источниках этот этноним зафиксирован в различных фонетических вариантах: Гороз, Горос, Хурс, Хурсан,Храсан. Возникает вопрос: какую из них можно считать наиболее правильной? По нашему мнению, наиболее точной следует считать форму Горос, или Горус. Во-первых, она отразилась в топониме Гороз в Албании и до сих пор сохраняется в топониме Горус. В XIX в., кроме Геруса в Зангезуре, отмечена также гора Герус в Казахском, и Герус-тапа в Джаватском уездах, (см. 418). Во-вторых, можно предположить, что этот этноним образовался от компонента гор и древнетюркского суффикса «с» и означает «гор-ы». Следует отметить, что в Азербайджане существует топоним Горчу, Горчубулак (Лачинский р-н), Горчулу (Ильичевский р-н).

В связи с этим представляет интерес следующее обстоятельство. В «Истории албан» (кн. II, гл. 1) отмечено, что в начале V века (за 20 лет до воцарения Газкерта, т. е. сасанидского шаха Ездигерда II, 438—457 гг.) в Сюник пришли и поселились Гор и Газан со своими армиями, т. е. племенами. Оба эти личных имени— тюркские. Сюник — это позднейший Зангезур, там, где (в том же источнике) засвидетельствован топоним Гороз. Компонент *гор* отразился и в личном имене Коркут в эпосе «Книга моего деда Коркута».

В свете вышесказанного, отождествление Хурсан с Хунсар (древнее название Баку среди населения) [163, 96] — не верно.

Вышесказанное позволяет прийти к выводу, что упоминаемое Птолемеем племя *хурс* был тюркским и часть этого племени, начиная с первых веков нашей эры, обитала в Албании. Переселение хурсов в Албанию, вероятно, было связано с гуннами. Развалины Гильгильчайской стены, названной в древнеармянских источниках *пахак хонов* («стена гуннов»), в зоне Чираккала среди народа известны под названием *hунбару* (*Гунбару*)— от этнонима *гун* и татск. *бару* «стена». Этот топоним впервые зафиксирован в русском источнике XIX века в форме Ал-гун бару (возможно — Аггунбару) [308, 148].

В источнике в связи с событиями 999 г. упомянут топоним (название крепости) Гурзул в Ширване, где-то в районе Кабалы [см. 395, 52]. С. Б. Ашурбейли локализовала его с нынешним селением Гирдадул на р. Геокчай [163, 94]. Однако, по нашему мнению, в топониме Гурзул отразился этноним гороз (горос) и в искаженной форме тюркское слово ил «племя». Часть носителей этого этнонима обитала и в Южном Азербайджане, о чем мы скажем ниже (см. с. 352).

Болгары. Одной из древнейших тюркских племенных общностей, оставивших след в топонимии Азербайджана, являются болгары. В Пушкинском районе есть река Болгарчай. В прошлом в этой зоне были также этнонимы Болгар, Болгаркенд, Болгар-Гектепе 191, 396; 418, 46]. Одно из подразделений племенной общности кенгерли в Азербайджане в середине XIX века называлось болгарлы [516, 538].

Болгары считаются одним из древнейших племен Северного Причерноморья [391, 553]. Н. Я. Мерперт рассматривает древних болгар как конкретную группу тюркоязычных племен, проникших из Азии в Северное Причерноморье еще в догуннскую эпоху [390, 588; 391, 553].

Вопрос о болгарах в Закавказье, в том числе в Албании, до сих пор специально не изучен. По данным Моисея Хоренского (V в.), болгары впервые пришли в Закавказье во II веке до н. э. По его сообщению, булгары «поселились на юге от Кола в плодоносных и хлеборобных местах» (Моисей Хоренский, кн. II, гл. 9). Отметим, что топоним Кол в этом сообщении идентичен с Колтене Клавдия Птолемея и Гохтан древнеармянских источников — это название зоны современного Ордубадского района Азербайджанской ССР. Сообщение Моисея Хоренского считают анахронизмом [151, 168]. Но это продукт общей тенденции, господствующей в работах некоторых иностранных и советских исследователей по отношению истории древнетюркских племен и народов. Существует объективное мнение, что «отрицать появление отдельных болгарских групп в районах Северного Кавказа и Закавказья на рубеже нашей эры или в первые века ее — нет никаких оснований» [390, 588]. У Моисея Корейского есть выражение «земля булгаров в цепи Великой Кавказской горы». Это означает, что повремени переселения части булгаров в долину Аракса они обитали на Северном Кавказе. Несомненно эта «земля булгаров» находилась на территории современной Балкарии на Северном Кавказе и поэтому считать балкаров тюркизированными кавказцами, как полагают некоторые исследователи было бы необъективно. Если допустить, что в Древности предки нынешних болгаров перешли на тюркский язык, то следовательно, тюркские племена, чей язык был ими принят составляли большинство, и что тюрки должны были обитать там издревле.

Переселение болгаров в Закавказье происходило, как явствует из сочинения Моисея Хоренского, неоднократно. Часть их поселились и в Албании. Об этом свидетельствуют многочисленные этнотопонимы (см. ниже). Поэтому следует согласиться с С С Алияровым, что в IV—V вв. протобулгары, наряду с кангарами, являлись компактным тюркским массивом в Албании [146 4—9]. Знаменательно, что в эпосе «Книга моего деда Коркута» упоминается и как личное имя Болгар: «увидел я главу шести (племен) мужа Болгара» (приводится по 146, 8).

Часть болгаров называлась *басил*. Этноним басил впервые на Северном Кавказе упомянут Плинием. Он сообщает, что басилы (у него басилиды) живут в Причерноморье (4, 88). О них есть сведения и у Помпония Мела: «Герр течет между басилидами и номадами» (Помпоний Мела, II, 4). У Птолемея этот этноним упомянут как Басилихон, что неверно связывали с древнегреческим словом басилевс «правитель» [см. прим. 134 К. Патканова к 4]. Басилы и хазары, по сообщению Моисея Хоренского, вторглись в Албанию еще в 216 г. (см.

217, 16). Моисей Каланкатуйский упоминает страну басилов на севере и сообщает что армянский царь Тиридат (287-330) воевал с баснлами в Гаргарской равнине в Албании (кн. I, гл. 12).

Дионисий Периегет выше (севернее) каспиев и гуннов помещает скифов в Скифском заливе. Скифский залив — это устье реки Волги. «В «Армянской географии VII века» [4, 15] мы читаем: «Гирканское море к северо-востоку граничит со Скифией» Там, несомненно, жили скифы, но кто они были по этнической принадлежности? В этом же источнике отмечено: «Этиль с 70 рукавами, на берегах которых укрепился народ басилы», т. е тюрки басилы. Как часть булгаров басилы (или барсилы) в дальнейшем известны среди кыпчаков в форме Бурджоглы, к которому восходит и топоним Борчалу. В «Армянской географии VII века» [4, 37] упоминаются барсилы (басилы) как одно из племен Сарматии. Известно, что в раннем средневековье басилы жили по соседству с хазарами [151, 112]. Поэтому возможно, в связи с хазаро-албанскими отношениями в раннем средневековье часть басилов в составе хазаров проникла в Албанию оставила след в топонимах Башли-Бел (Кельбаджарский р-н), Керки-Башли (Казахский р-н). В этой связи заслуживает внимания сообщение Иакута ал-Хамави о том, что «Баршалия — место в Арране, о котором упоминается в летописях персидских царей» [8, 29]. Топонимы Башлычай, Башлыкент и этноним басилы есть и в Каякентском районе Дагестанской АССР. К этому этнониму восходит, вероятно, и этноним Басилети (от этнонима басил л грузинск. эти «место») в Грузии в XIX в. [418].

По сообщениям источников, болгары в раннем средневековье состояли из ряда племен: кувйар, чакар, куригир, охсун [171, 235], кул, казан [526, 226], искил (эскил) и др. [см. 216, 160]. Все эти этнонимы отражены в топонимии Азербайджана: Хубйарли, Чахарлы, Казанчы, Куллар и Эзгилли. Топоним Хубйарлы (Имишлинский и Джебраильский р-ны), несомненно, отражает болгарский этноним кувйар с закономерным фонетическим изменением (переход к в х), что характерно для тюркских языков. Ср. также село Хубаркенд, гора Хубнара, в Дагестане; Хубиара в Грузин в XIX в. [418,269].

В XIX веке на Кавказе было 7 топонимов от этнонима Чагар [418,281].

Болгарское племя куригир отражено в топонимах Гургур в Азербайджане и на Кавказе [см. 418]. Известно также, что один из городов болгаров на Северном Кавказе назывался Кургир.

Другим болгарским племенем, оставившим след в топонимии Азербайджана и Армении, является казан. До революции на Кавказе отмечено 24 топонима с компонентом казан. Только в Азербайджане было 10 сел Казанчи [см. 418].

Топонимы Казанчи и Казан отмечены также на Северном Кавказе, на Украине, в Башкирии, Туркмении, Западной Сибирии, Иране, Турции [см. 224]. Крепость Казан в Армении упомянута в источнике XII в.

Следует отметить, что этноним *казанчи* (от этнонима казан и суффикса **-чи**) привнесена в готовом виде (ср. например, казанчи в XIII—XIV вв. у башкир — 344, 466).

Имеющиеся на территории Азербайджана четыре ойкопима Чахырли (в Имишлинском, Геокчайском, Масаллинском и Джебраильском районах) можно связывать с болгарским племенем чакар. В дореволюционной литературе эти ойконимы отмечены в формах Чахарлу [418, 277, 281]. А. Бакиханов среди племен, живших в Азербайджане, отметил и племя чакерлу [166, 25].

Дондары. Как известно, впервые Гекатей Милетский (VI— V вв. до н. э.) отмечал племя дондар на Кавказе (фр. 161). Этноним дондар упоминается также Страбоном, Плинием, (у него тиндар), Тацитом, Плутархом и другими античными авторами. Они отмечают, что дондары — варварское племя из числа живущих на побережье Меотии — современного Азовского моря (Плутарх, Лукулл, .XVI). Анализируя сведения источников, В. В. Латышев (Гонтика, 63) и П. К. Услар [495, 464] пришли к выводу, что дондары жили на Кубани. Высказывалось мнение, что дондары были ираноязычными и позже вошли в состав алано-осетин [208, 235]. В. И. Абаев считал, что этноним *дондар* является осетинским словом и означает «рекодержцы», «держащие реку» [115, 286]. Однако это этимология нам кажется неубедительной.

Топонимические исследования показали, что в раннем средневековье дондары обитали также в Албании и они оставили след в топонимии Азербайджана: Дондарлу (Таузский и Кубатлинский р-ны), Дондар-Кушчу (Таузский р-н), развалины крепости Гала-Дондар «крепость Дондар» (Дивичинскии р-н) [672, 110], Дондардаг «гора Дондар» (Казахский р-н) и др. В раннем средневековье (середина IX века) в Армении существовало селение Тондрак, от этнонима тондар, население которого источником в связи с павликианским движением названо тондаркийцами [3, 477].

Следует отметить, что в древних источниках дондары в Албании не засвидетельствованы. Однако в эпосе «Китаби деде Коркут» есть личное имя Дондарбек, которое, безусловно, отражает этноним *дондар*. Это говорит о том, что дондары в то время жили на данной территории.

Мы считаем, что дондары были тюркоязычными. Известно, что одно из тюркских племен Малой Азии в XIII в. называлось дондарлу [554, 173—174]. Один из сыновей Сулейман-шаха, эмира хорезмшаха Мухаммеда в XIII веке назывался Дундар- бек [см. 224, 127]. Плутарх отмечает, что властителем дондаров (у него дандар) назывался Олтак (Лукулл, XVI). Это имя состоит из тюркского огул\\оул\ овул\\о: л «парень», «молодой воин», «царевич» (после собственного имени) [см. 62, I, 411 след.) и так «подобно», с общим значением «подобно молодому воину».

В XVIII в. в Западной Сибири существовал тюркский улус Тондарак [279, 266] (ср. Тондрак в Армении). Все эти топонимы мы связываем с этнонимом *дондар*.

Об обитании дондаров в Албании и их тюркоязычности говорят также следующие факты. Тацит (II в.) сообщает, что центр дондаров на северном Кавказе назывался Сосу (Тацит, Летопись, XII, 16). Нами выяснено, что местным названием этого города было Шошу, но так как в латинском языке отсутствовала буква «ш», античный автор должен был фиксировать его как Сосу. Оказалось, что именно с этим топонимом связано наименование села Шушу в Нагорном Карабахе, к которому восходит название крепости Шуша, построенной Панах-ханом в 1756—1757 гг. Указанное село Шушу ныне называется Шушукенд.

Таким образом, можно сделать вывод, что пришельцы из дондарского города Сосу на Северном Кавказе перенесли с собой также это название — вполне характерное явление в топонимии. Например, с хазарскими городами Беленджер и Итил связаны названия селений Баладжар и Эдилли в Азербайджане; с кыпчакским городом Сугнак в южнорусских степях связано село Сыгнак в Нагорном Карабахе. Таких примеров можно привести достаточное количество.

В архивном документе 1727 года [556] другое село Шушу отмечено на Карабахской равнине, на территории нынешнего Агджабединского района. Село Сусалыг (вместо Шушалыг, из-за отсутствия диакритических точек — от Шуша и аффикса принадлежности -*лыг*) в этом источнике отмечено на территории нынешнего Джебраильского района. Третье село Шошу в том же источнике помещено в округе Чулундур (ныне Мегринский р-н Армении). Последнее село находилось близко от села Дондарлу (Кубатлинский р-н). Это подтверждает наше предположение о связи топонимов Шушу, Шуши, Шошу, с дондарами. Надо отметить, что населяют все указанные селения, как и в прошлом, тюркоязычные азербайджанцы.

Выше было отмечено, что дондары в древних источниках зафиксированы на Северном Кавказе. Поэтому топонимы, связанные с этнонимом дондар, должны были сохраниться и там. Действительно, в XIX веке в Кюринском округе Дагестанской области отмечена гора Дондардаг [418, 88]. Интересно, то что там же существовали и топонимы Шуша. В Теймур-хан-шуринском округе Дагестанской области в XIX в. упоминается село Шушанава, в округе Казыгумуг — село Шуши, а в округе Кызыл-Яр Терской области — Шушанай [418, 299].

Все это свидетельствует о том, что дондары оставили свой след во многочисленных топонимах. Однако время переселения части тюркоязычных дондаров в Албанию установить трудно. По всей вероятности, это, произошло в III—IV вв., во время гуннского нашествия на Северный Кавказ. Именно в это время, как отмечено выше, с севера переселились племена тертер, аран, кангар, хурс, савар и другие.

Вторую волну переселения тюркских племен в Албанию мы связываем с племенами Западнотюркского каганата, хазарами, аварами и частично суварами в VI—VIII вв.

Итак, албаны (в узком значении), гаргары, каспии и саки были автохтонными тюрками. Кроме них, на основе топонимов, упоминающихся в «Армянской географии VII века» и «Истории албан» в раннем средневековье, установлены тюркские племена аран, болгар, гунн, дондар, кергил, кол, савар, шамак, печенег, хурс и чул. По всей вероятности, эти племена поселились в Албании в первых веках нашей эры, вероятно, вместе с гуннами. Переселение указанных тюркских племён с севера в Албанию мы считаем первой волной. Вторую волну переселения тюркских племён мы связываеи с западно-тюркскими племенами, хазарами и частично суварами, среди которых были также печенежские и кыпчакские племена. Это произошло примерно в VI-VIII вв.

Племена западнотюркского каганата. Известно, что в V-VIII вв. существовал Тюркский каганат, охватывавший огромную территорию от Китая на востоке до границ Ирана и Византии на юго-западе. Среди племёе, входивших в это государство, источники упоминают племена теле, дулу, туркеш, тубо, шато, челкан, кузен и др. Все эти этнонимы отражены в топонимии Азербайджана: Деллер (Ахсуинский, Саатлинский, Шамхорский р-ны); В XIX веке в Закавказье насчитывались 9 селений Деллер [418, 74], от этнонима теле и суффикса множественности - лер [см.214]; Тулу (Белоканский р-н); Туллар (Ханларский р-н), Тиркеш (Шахбузский р-н); Теркеш (Варташенский р-н); Тубакенд (Шамхорский р-н); Шадыли (Касум-Измайловский р-н); Чалган (Дивичинский р-н); Кузанли (Агдамский р-н) [см.214].

Хазары. Значительный след в топонимии Азербайджана оставили хазары. (Моравчик приводит различные написагтя этнонима хазар в различных древних языках см. 592, 34). Хазары считаются коренным тюркским населением Прикаспийскрй степи в северном Предкавказье. [Сводки мнений о них, см: 151, 115 - 117]. Происхождение этнонима *хазар* не выяснено. Существующие этимологии мы считаем не убедительными. Л.Н.Гумилёв указывает, что, мы не знаем, откуда хазары появыились и что предки хазаров не обнаружены [256. 10]. Он писал также, что сарматы в первых веках нашей эры являлись предками хазаров [256, 145]. В то же время известно, что сарматы считаются ираноязычными. Непонятно однако, каким образом сарматы считаются превратились в тюркоязычных хазаров, если сами сарматы были ираноязычными? Наиболее векроятным следует, видимо. Считать мнение, что этноним *хазар* образовался от древнетюркского этнонима *кас* и древнетюрского ар «мужчина», «герой», как и в ряде других древнетюркских этнонимов с концовской «ар, ер, (см. ниже, с. 320). Хазары являлись в раннем средневековье одной из господствующих этнической общностей в юго-восточной Европе и в источниках упомянуты многие хазарские племена. Вызывает удивление, что некоторые исследователи (С.А.Плернева, В.Г.Котович и др.) наименования хазарских племён и городов пытаются объяснять на почве иранских языков. Что конечно. Неверно. Хазары играли важную роль в раннесредневековой истории Азербайджана. Нашествия их на Албанию отмечались в 193—213 гг. Моисей Хоренский отмечает, что в это время «масса горцев, я разумею толпы хазиров и басилов, соединившись, прошли через врата Чора под предводительством царя своего Внасепа Сурхапа, перешли реку Кур и

рассыпались по эту сторону ее» [Моисей Хоренский, кн. II, гл. 65]. Впоследствии они неоднократно вторгались на территорию Албании почти до X века. Кроме того имеются сообщения о том, что часть хазар сасанидскими царями, а в дальнейшем арабскими наместниками была переселена в Албанию, Атропатену и Грузию. Здесь мы не будем приводить все имеющиеся древние сведения о переселении хазаров в Албанию. Об этом подробно сказано в книге З. М. Буниятова [183, 107—116} и в нашей работе [224]. Этноним хазар сохраняется до сих пор в оронимах Хазаряйлаг (в Лерикском р-не)и Хазарюрт (в Ордубадском р-не). Ороним Хазардаг, («гора Хазаров») есть на территории Нагорного Карабаха (Гадрутский р-н), а гора Хазардаг — в Физулинском районе. В XVII в. в Талышской зоне отмечен топоним Хазар-Сангар. Арабский автор Йакуби писал, что в Басфурджане (зоне Нахичевани. — Г. Г.) был наместник хазарского царя Йазид Балаш [см. 183, 41] — это говорит о том, что хазары обитали и в области Нахичевани.

О роли хазар в раннем средневековье в политической жизни Албании красноречиво говорит следующее свидетельство: «потомство Сисака происходившего от Хейка, с течением времени смешивалось с линией аршакидов, пахлавидов, иногда с хазарами» [43,110].

О древности пребывания хазаров в Закавказье говорит также засвидетельствованный в источнике VII века топоним Тарчован — название округа в Армении VII века [4, 48]. Этот
топоним отражает хазарский этноним тарна. На территории азербайджанского селения Нюведы в Армении есть топоним *Терневит яйлагы* — «летовка Тарневит». В XIX в. в Зангезурском уезде Елизаветпольской губернии существовало село Терневит, название которого также состоит из этнонима тарна и иранск. вут «место».

Итак, несомненно, что часть хазар жила в раннем средневековье в Албании, однако до сих пор конкретно не было известно, какие именно хазарские племена вошли в состав азербайджанского народа.

На основании этнотопонимов нами еще в 70-х годах была высказана мысль, что названия хазарских племен абаз бизал, кабар, кулас, итил (едил), карачор, тарна и др. отражены в топонимах Кебирли (от Кебирли), Абаслы, Гарачорлу, Бозалганлы, Хулашлы, Тарнагут [см. 224]. Особо следует сказать о кабарах. Впервые об этом племени сообщает Константин Багрянородный: «Да будет известно, что так называемые кавары, произошли из рода хазар» [26, 163}. В западной литературе предложены этимологии этого этнонима «не подчиняющийся», «восставший», или от венгерского «смешивать» и т. д. [см. 26, 394]. Все эти этимологии, однако, по нашему мнению, не верны. Исследователи не догадываются, что в этнониме кавар/кабар выделяется тюркское слово ар «мужчина», «герой».

Так или иначе, кабары в Азербайджане под названием кабарли или кабирли жили в Карабахской зоне. Впервые топоним Кебр (от этнонима Кебер) в Албании упомянут Мхитаром Гошем (XII в.). Кабарры и Кенде Кабарды (от азербайджанского кендэ «отдаленный» и фонетическое от Кабарлы), гидроним Кабарды (от Кабарлы) в Джаватском, Арешском и Джеванширском уездах Азербайджана в XIX веке, по-видимому, также связаны с кабарами. Они оставили массу топонимов в Азербайджане и Армении: два села Кабирли в Азербайджане (Байлаканский и Мирбаширский р-ны); Кавар — прежнее название Ново-Баязетского уезда в Армении [418]; гора Кабирли (Кабирлидаг), отмеченная в Шарур-Даралагезском уезде в Армении в XIX в. [см. 418]; Кабирли-Кишлак в Нагорном Карабахе; Кабарры йери («земля кабаров») — в «Нагорном Ширване. Азербайджанский историк Мирза Адигезал Бек считал кабаров одними из древних обитателей Карабаха. Территория, где жили кабары, во времена Карабахского ханства (XVIII в.), называлось «Кабардинским магалом».

Хазарский этноним *бизал* отражен в ойконимах Бозалганлы (Таузский р-н) — от этнонима базал (фонетически производное от бизал) и *ганлы*. Одно из подразделений племенной общности кабкрли в XIX в. также называлось бозаллар (от этнонима бизал/бозал и аффикса множественности — **-лар** в азербайджанском явыке). В XIX веке отмечено село Бозалан в зоне расселения талышей [см. 418], название которого состоит из этнонима бизал, бозал и аффикса множественности **-он** в талышском языке. Топонимы с этнонимом бизал/бозал в прошлом веке отмечены и в Грузии: два села Базалети (от этнонима *бизал/бозал* и грузинск. *эти* «место»), село Бозалиани, гидроним Бозалетское озеро [418, 28]. В форме бузал этот этноним отражен и в двух топонимах Бузала (развалины и село) в Грузии в XIX в. [там же]. Отражение этнонима *бизал, бозал* в топонимии Грузии объясняется тем, что в IX в. 2000 семей хазар были переселены в Грузию. Ал-Балазури сообщает, что во время арабских завоеваний «Джурзан (Грузия. — Г. Г.) и Арран находились в руках хазар» [см. 7, 5].

Часть хазар называлась караджур [151, 287]. Вероятно, в Азербайджане этот этноним отражен в названии племенной общности карачорлу, которая в XIX веке состояла из многочисленных колен [см. 224,46].

Среди хазар упоминаются куласы [см. 151,257]. Племя кулас на Северном Кавказе упомянуто еще в сирийском источнике VI в. [431]. Этот этноним сохранился в азербайджанских топонимах Улашли (в литературе XIX в. — Хулашлы) в Кубатлинском и Геокчайском районах, Улашликент в Дагестанской АССР, Хулаш в Грузии в XIX веке [см. 418], город Улаш в Армении в XVII веке [3, 490] и др.

Среди хазарских городов известны Итил (Атил), Беленджер, Таргу. В Азербайджане есть топонимы Эдилли (Гадрутский р-н), Баладжар (Апшеронский р-н), Беленджер Яйлаги («летовка «беленджеров») — Зангеланский р-н, Даргуба, т. е. Таргуоба (Бардинский р-н) [См. подробно: 224].

М. И. Артамонов писал о хазарах: «Поиски потомков хазар до сих пор остается безуспешными, видимо потому, что они нигде не сохранились» [151, 447]. Однако, как видим, по крайней мере часть их входила в состав азербайджанцев.

Интерес представляет топоним Казах в Азербайджане. Существует мнение, что этноним казах среди кыпчаков возник не раньше XI в. Однако населенный пункт Казах в Аране упомянут уже в IX в. арабскими авторами в связи с событиями, происходившими в VII веке: у ал-Куфи—Касак [6, 49]; у Ибн-Хордадбеха-Кисал [11, 109]. По сообщению ал-Балазури, Касал был построен арабским наместником Марваном ибн Мухаммедом (732—744) примерно в середине 30-х годов VIII в. и служил военньм лагерем в ходе борьбы с хазарами и местными племенами. Различное написание (Касал и Касак), как правильно отметила Н. Велиханлы, объясняется схожестью арабских рукописных букв «к» и «л» [11, 303, прим. 41]. Это свидетельствует о том, что казахи обитали здесь во всяком случае до VII века.

Все названные тюркские племена пришли с севера, а именно с Северного Кавказа. Однако в XI—XII вв. с юга пришли сельджукские огузы, которые состояли из 24 племен (кайы, байандур, ива, салор, авшар, бекдили, баят, эймур, тукер, чувалдар, чапни, халадж и др.).

В XIII веке с севера пришли кыпчаки. Выше было отмечено, что наименования кыпчакских племен, упоминаемые в древнерусских летописях (*кул, куч, тук, урус* и др. См. 440, 129), оставили след в топонимии Азербайджана.

В топонимии Азербайджана нашли отражение также наименования племен, принимавших участие в монгольских завоеваниях XIII века: гурган, сукаит, кингпт, джурят, сунит, тангут, элджигин, джалаир, урят, онгут, джиркин, татар, тамгалыг, хартаган, долон, ойрат. Эти этнонимы отражены в различных районах Азербайджана в следующих топонимах: Гурган, Сугаит, Кюнгуд, Джорат, Зунуд, Тангит, Элджиганчай, Джалаир, Орияд, Хархатан, Доланлар, Дамгалыг, Онгутлу, Татар, Чиркннли, Араткенд [217].

Монгольские племена начали поселяться на территории Северного Азербайджана во время правления Юшумута — сына основателя монгольского государства Хулагидов — Хулагу, правителя Азербайджана и Аррана [см. 41, III]. О роли и месте сельджуко-огузских, кыпчакских и монгольских племен в этногенезе азербайджанцев подробно будет сказано во II томе нашего труда, поэтому на этом вопросе мы здесь не останавливаемся..

Итак, можно считать безусловно установленным, что в этногенезе азербайджанцев принимали участие в основном раннесредневековые тюркские племена.

Как известно, интересной и до конца не разрешенной проблемой остается образование азербайджанских диалектов. В свете вышеприведенных данных становится очевидным, что, начиная с первых веков нашей эры и вплоть до XIII—XIV веков, в Азербайджан проникали различные тюркские племена,, что должно было способствовать образованию различных диалектов. В настоящее время нет такого диалекта, который можно было бы считать основой общеразговорного азербайджанского языка. Можно полагать что первоначально общеразговорным был язык носителей этнонима албан, но, уже начиная с первых веков н. э. этот язык постепенно смешивался с языками вышеназванных тюркских племен Албании.

Анализируя источники, сопоставляя отрывочные, порой разноречивые сведения различных авторов, надо всегда иметь в виду протяженность этнических процессов во времени, их взаимодействие н взаимообусловленность. Ведь каждый народ образовался в результате ассимиляции и консолидации различных этнических общностей и племен. Но основные этнические компоненты; всякого народа составляли родственные по этнической принадлежности племена. В Албании и Атропатене с глубокой древности обитали древнетюркские племена. Однако сложные этнические процессы в этих странах шли беспрерывно, потому что на протяжении ряда веков в этот регион продолжалось проникновение тюркских племен. Важнейшим хронологическим этапом; в этом процессе являлось раннее средневековье. Именно в этот период в Азербайджан с Северного Кавказа, начиная с первых веков н. э. и вплоть до XII—XIII вв. проникали различные племена, в том числе тюркские. Расселение этих племен, с одной стороны, увеличивало число тюрков в обеих частях Азербайджана, а с другой — благодаря консолидации с местным тюркским населением — ускоряло процесс формирования азербайджанского народа.

II. Кавказоязычные племена

Выше было отмечено, что ученые-албановеды с самого начала полагали (и сейчас полагают), что население Албании было кавказоязычным, т. е. жители ее говорили на каком-то из дагестанских языков. Однако при этом не дается ответа, на вопрос: на каком? И почему от кавказоязычных албанов не осталось топонимов в названии хотя бы одного населенного пункта? Ответа на эти вопросы нет, и не случайно. Исследования показали, что действительно в Албании в пограничных с Дагестаном зонах жили и кавказоязычные племена. Это предки, аварцев, цахуров,удин, хиналугцев, крызцев и будугцев. Но в древности они назывались по другому: ути (уди), силв, джигб, лбин, лег, эр, гат.

Удины. Одной из современных кавказоязычных этнических трупп Азербайджана являются удины. Самоназвание их уди. Удины в настоящее время в основном живут в северо-западном Азербайджане в селе Нидж (Куткашенский р-н) и в городе Варташен. Этноним уди связывают с древним этнонимом ути, впервые упоминаемым Геродотом и затем Страбоном в Мидии.

Вопрос о племени ути в албановедении занимает особое место, в частности потому, что некоторые исследователи, как отмечено выше, отождествляют удинов с албанским этносом. З. И. Ямпольскнй писал, что

«ути было самоназванием коренного населения Албании...» [536, 154]. Существует мнение, о том, что албанский алфавит создан на удинском языке [137, 19; 323, 571. И. Г. Алиев также считал, что утии в Албании были главенствующим племенем [130, 66]. В. Л. Гукасяну принадлежит мнение, что «ути—удины входили в племенной союз Кавказской Албании и играли в нем главенствующую роль» [58, 16]. Конечно, это -неверно и, как было отмечено выше, главенствующим племенем было -несомненно, племя албан, что видно хотя бы из того, что страна была названа его именем. Язык племени албан не был родственным с удинским языком.

Следует отметить, что происхождение утиев (удинов) в Албании пока окончательно не выяснено. С самого начала отметим, что в литературе встречаются ошибочное отождествление областей Ути Страбона (Страбон, XI, 14, 14), Отены Птолемея (Птолемей, V, XII, 4) на юге, на территории Атропатены с областью Ути древнеармянских источников к югу от Куры, в Албании [123, 420], и области Ути в Армении, в районе озера Севан и поэтому в данном вопросе образовалась путаница.

Впервые племя ути дважды упомянуто Геродотом (III, 93, и VIII, 68), оба раза рядом с племенем мик. В одном случае утии и мики помещены на юге Ирана (Геродот, VIII, 68), в другом в XIV сатрапии Ахеменидского государства (Геродот, 111,93). Там утии упомянуты вместе с племенами сагарти, саранг, тамане и мик. Эта сатрапия, как полагают, охватывала часть юго-западного Прикаспия. Нас интересуют именно эти утии. По Геродоту, племя ути обитало на Араксе, но, бесспорно, на юге от него, на территории Мидии. Поскольку топоним Мугань возводится к этнониму мик [238], то можно достаточно обоснованно утверждать, что утии также территориально жили рядом с ними.

Р. Фрай локализует миков и утиев также и в Средней Азии, исходя видимо из того, что в древности Араксом называлась также и Сырдарья [498, 79]. Это мнение представляется неприемлемым. Здесь следует отметить, что гидроним Араке у Геродота не раз вводил некоторых исследователей в заблуждение. Так, массагеты, засвидетельствованные Геродотом на Араксе в средней Азии (Геродот, 1, 201), помещаются на Араксе в Закавказье, т. е. в Албании, или же рассказ Геродота о Томирис—царице массагетов в Средней Азии в связи с походом ахеменидского царя Кира в страну массагетов в 530 году до н. э. считается чуть ли литературным достоянием Азербайджана. Так, например, преподнесен читателю этот рассказ Геродота о Томирис в работах некоторых азербайджанских авторов. Ясно, что никакого отношения к Закавказью» войны Кира против массагетов не имеют.

В советской исторической литературе утии считаются прямыми потомками древних кутиев, живших на территории Иранского» Азербайджана. И. Г. Алиев писал, что утии прежде жили южнее Аракса «там где прежде жили кутии» [130, 65]. Э. А. Грантовский считает, что утии Геродота обитали к югу от Куры и к западу от нижнего Аракса [238, 239]. Это соответствует сообщению Плиния, что область утиев граничит с Атропатеной по Араксу «именно в той его части, которая примыкала к Мугани, где обитали упомянутые мики» [137, 20].

Страбон утиев помещает на юго-западном побережье Каспия (XI, 7, 1: XI, 8, 8) — в «Мидийских гсрах», рядом с «частью албанцев», а также с гелами, кадусами, амардами и анариаками (XI, 7, 1). В другом месте он пишет, что «за гирканцами (т. е. на запад от гирканцев на юге Прикаспия. — Г. Г.) амарды, анариаки, кадусии, албанцы, каспии, утии» (Страбон, XI, 8, 8). Ряд исследователей, в частности К. В. Тревер [482, 143}, С. Т. Еремян [298, 51—52], И,, Г. Алиев [130, 67] это сообщение Страбона об утиях в юго-западном Прикаспии неосновательно относили к Албании. Получается, что Страбон сообщал об утиях в Албании. Это, однако, не верно. Страбон никогда и нигде не сообщает об утиях в Албании. Это ошибка восходит к Н. Г. Адонцу [123, 420] и Я. А. Манандяну [364, 13]. Видимо, эта ошибка произошла от того, что Страбон там упоминает «область утиев» (Страбон, XI, 7, 1), с утиями он помещает и «часть албанцев» (Страбон, XI,7,1), а эти исследователи не догадывались, что албаны; т. е. носители конкретного этнонима албан, обитали и в Атропатене.

Если утии Геродота и Страбона тождественны, тогда можно сказать, что эти утии обитали на юго-западном побережье Каспия, в «Мидийских горах» — нынешних Талышских горах.

В древнеармянских источниках и в «Истории албан» в Албании упоминается несколько округов Ути, а у Агафангела (V в.) есть выражение «князь утийцев» (это сообщение относится к Ути в Армении, см. ниже, с. 148). Отсюда делается вывод, что утии в раннем средневековье обитали в Албании, потомками их являются нынешние удины, говорящие на языке, относящемся к кавказской семье языков. Безусловно, название Утик древнеармянских источников, как писали еще Н. Я. Марр [376, 81—82],В. Тревер [482, 46], И. Г. Алиев [130, 65,66] и другие исследователи, связано с этнонимом ути.

О происхождении утийцев в Албании существуют две точки зрения. Согласно мнению, которое выдвинул Л. М. Меликсетбеков [386], удины пришли в Албанию из округа Ннг Араратской провинции, где в урартских источниках упомянута область Удури-Этиуни — между озером Севан и горой Арагац. Автор считает, что эти этиуны — утийцы пришли сначала в правобережье Куры, место расселения которых между Алазанью и Иберией Птолемей назвал Нига [V, XI, 3], а потом, когда они пришли на левый берег, перенесен был и топоним Ниг, впоследствии Нидж (Куткашенский р-н). Верховья реки Касах именовались, по Н. Г. Адонцу, Ниг (ныне Абаран) [123, 302], с чем связано название села Нидж.

В связи с этим интерес представляет сообщения Птолемея, который отмечает что одна область вдоль реки Куры называется «Тотенская область» [кн. V, гл. 12, 9]. Правда, неясно какую сторону реки он имеет в виду, скорее всего правобережье, но топоним Тотен мы считаем искажением от Отен и таким образом, предполагаем, что одна область (Ути) в междуречье Куры и Аракса была упомянуты еще Птолемеем. Однако локализовать эту область нелегко, особенно учесть, что из древнеармянских источников и «Истории албан»

Моисея Каланкатуйского известно, что в Албании существовали несколько областей Ути, причем одна из этих Ути находилась в Армении, в районе озера Севан.

Высказано также мнение о том, что утии в Албании являются переселенцами с юга — из Атропатены, т. е. они — утии (yiti) Геродота и уитии (yti) Страбона. Как писали И. Маркварт [587, 174}, Н. Г. Адонц, [123, 420}, И. Г. Алиев [130, 65} и другие авторы, утии на рубеже нашей эры продвинулись на север. Н. Г. Адонц верно полагал, что вместе с ними пришли и мюки Гекатея (мики Геродота), в связи с чем возник топоним Мханк в Арцахе [123, 395}. По-видимому, действительно, где-то на рубеже нашей эры или еще раньше, в связи с каким-то неизвестным нам событием (возможно, в связи с завоеванием Ирана Александром Македонским) произошло переселение части племен южного Каспия на северо-запад, в Албанию, в частности на нынешний Апшеронский полуостров. Среди этих переселившихся племен находились гелы, утии, энианы, анариаки, гирканы, марды, а возможно, и предки какой-то части нынешних татов. Однако дату этого переселения нельзя считать точной, ибо гелы в соседстве с албанами уже упоминаются Страбоном, а источник его сообщения относится бесспорно к I в. до н. э., вероятно, ко времени вторжения Помпея в Албанию в 60-х годах I века до н. э.

Если утийцев Моисей Хоренский и Моисей Каланкатуйский считают потомками албанского царя Арана (60-е годы I в. н. э.), то это говорит о том, что утии в первом веке нашей эры уже обитали в междуречье Куры—Аракса.

И. Г. Алиев считает, что утии в первые века н. э. перешли Араке, переселились в Албанию и местом расселения их у Птолемея (V, 12, 4) названа Отена на реке Куре [130, б5]. Действительно, как отмечалось выше, у Азиния Квадрата есть следующее сообщение: «у реки Куры живут обарены и отены, составляющие значительную часть Армении». Эту Отену следует помещать на пути утиев из Этиуни или же ниже Куры после слияния с Араксом, т. е. на правобережье; Отену Птолемея нельзя отождествлять с областью Ути древнеармянских источников в междуречье Куры и Аракса.

Из сказанного можно прийти к следующему выводу. Дагестаноязычные утии (предки нынешних удин) пришли в Албанию или из области Этиуни урартских источников в Армении, или же из юго-западного Прикаспия. Отсюда получается что, кавказоязычными могла быть одна из двух этих этнических общностей. Указанная область Этиуни урартских источников находилась в бассейне оз. Севан, поскольку у Моисея Хоренского там упомянута область Ути (кн. II, гл. 44, см. об этом ниже, с. 20(3). Выше было приведено мнение о том, что кавказоязычные удины якобы составляли в численном отношении большинство населения Албании. И. Г. Алиев писал, что удины в Албании, очевидно, имели главенствующее положение [130, 66]. Вывод этот сделан, видимо, в связи с локализацией утиев Страбона, а также Отены Птолемея и отенов Азиния Квадрата в Албании и отождествлением их с Утиком в армянских источниках. В действительности, как сказано, выше область Ути у Страбона и Моисея Хоренского не имеют отношения к междуречью Куры и Аракса.

В «Армянской географии VII века» сообщается, что одной из провинций Великой Армении является Ути [4, 43]. Ясно, что это сообщение отражает ситуацию того времени, когда существовала Великая Армения, т. е. II—I вв. до н. э. (об этом см. ниже, с. 209—219). Источник отмечает, что эта провинция расположена «к западу от Аракса, между Арцахом и рекой Курой, имеет 7 областей, которыми владеют албанцы» [4, 51]. Эти области следующие: Три, Аранрот, Рот-Пациан, Агуе, Тучкатак, Гардман, Шикашен и собственно Ути с городом Партавом» [4, 51]. Указанные округи локализуются в Сюнике, ибо Аранрот («река Арран» в арабских источниках) — это нынешний Хакаричай, на территории Кубатлинского и Зангеланского районов, а Тири находился в нынешнем Джебраильском районе. Следовательно, получается, что эта зона (между Арцахом и рекой Курой) также называлась Ути. Кроме того Ути названа область в зоне Барды. Между этими двумя Ути и находится Арцах. Другая область Ути находилась в Гардмане — в Западной Албании. Нам кажется, что в этом сообщении под названием «Ути» объединены различные округи, тем более, что из разных источников видно, что утийцы в Албании обитали в нескольких зонах, чересполосно с другими племенами.

В «Истории агван» (кн. II, гл. 17) отмечена «провинция Ути близ великого города Партав»; эта «область Ути» упомянута Моисеем Каланкатуйским в другом месте, когда он пишет, что росмосоки (т. е. русы), перейдя Кур, рассыпались в области утийцев (История албан, кн. I, гл. 29). В данном случае имеется в виду поход русов в Албанию и взятие ими города Барда в 941 г. Отсюда можно заключить, что один из округов под названием Ути находился в зоне, где в V веке возник город Барда.Этот округ Ути мы связываем именно с утиями и переселившимися с юга вместе с ними энианами, исходя из сообщения Низами Гянджеви, о том, что город Барда раньше назывался ḫурум, и в этом названии отражен этноним урум, т. е. энианы (йунаны).

В связи с переселением части утийцев с юга на север, на территорию к югу от Куры привлекает внимание следующее.

Утийцев Геродот помещает в XIV округе державы ахеменидов рядом с сагартиями (см. об этом ниже, с. 358). Известно,что столица Сагарти называлась Парда. Далее известно, что албанский город Барда (в древнеармянской передаче — Партав) в древнеармянских источниках помещен в области Ути. Отсюда можно сделать два вывода: во-первых, утии зоны Барды, несомненно, являются утиями, переселившимися с юга; во-вторых, название города Барда было привнесено с юга на север именно этими утиями, т. е. Барда возник как населенный пункт утийцев, переселившихся с юга. Г. А. Меликишвили писал, что, топоним Барда в Албании перенесен с юга [см. 382, 5].

Вместе с утийцами переселилась также часть энианов, которые образовали населенный пункт, известный из арабских источников Йунан, недалеко от Барды; с ними же переселилась и часть миков, и поэтому в «Истории албан» отмечается, что в Арцахе обитает «род Мханц» (кн. II, гл. 6).

Еще одна «область Ути» находилась в северо-западной Албании. Как известно, первый проповедник христианства в Албании Елисей в первые века н. э. прибыл из Иерусалима в страну маскутов и начал проповедовать в городе Чол, т. е. в северо-восточной Албании, а точнее в районе Дербента, к югу от него. В «Истории албан» отмечено (кн. II, гл. VI), что «оттуда он (Елисей. — Г. Г.) прибыл в область Ути, в город Срхарн с тремя учениками... потом святой проповедник прибыл в Гис, построил церковь». Исходя из того, что Гис — это современный Киш в Шекинском районе, где до сих пор сохранилась эта древняя церковь, а Срхарн—это крепость Срховгала в Куткашенском районе в той же зоне, можно сделать вывод, что Елисей из северо-восточной Албании перешел в северо-западную Албанию, в Шеки-Закатальскую зону, где и находилась область Ути, — а именно в современном Куткашенском и Варташенском районах, где до сих пор живут кавказоязычные удины.

Кроме того, город Халхал в Гардмане (в районе Казах—Акстафа) древнеармянскими источниками V века помещен в «области Ути» [576, 272; 295,303].

Область Ути упомянута Моисеем Хоренским, но, вопреки мнению некоторых армянских историков, она находилась не в Албании, а в районе озера Севан (см. об этом ниже, с. 208). Об Ути в бассейне озера Севан сообщает также и Иоан Драсханакертский. Он, в частности, пишет, что армянский царь Ашот Багратуни (891—895) покорил «смешанное население Гугарка и склонный к воровству народ Утийского гавара» [см. 31]. Ясно, что в данном случае этот Утийский гавар следует локализовать с Гугарком, опять-таки в Армении, а не в Албании, т. е. в зоне Барды или в Арцахе.

Однако топоним Ути как название области или округа ввел в заблуждение ряд исследователей, ибо все сообщения об ути (Ути у Страбона на юго-западе Прикаспия; Отена у Плиния и Птолемея; несколько Ути в Албании и Ути в Армении на реке Ахурян) были отнесены к Ути в Албании, что и привело к ошибочным выводам. Например, в сообщении Агафангела (V в.) о том, что на церемонию рукоположения Григорием Просветителем в католикосы, царем Трдатом были приглашены армянские нахарары, в том числе «ишхан страны Утийской», следует видеть не Ути в Албании, как это считает А. Ш. Мнацаканян (400, 31), а область Ути в Армении. Поэтому сообщения античных и армянских источников об Ути должны быть интерпретированы каждое в отдельности. Соответственно этому следует учесть, что, например, у Агафантела речь идет о двух Ути, о гаваре Ути в Албании, где расположен город Халхал, и Ути в Армении в вышеприведенном сообщении.

Таким образом, удины в раннем средневековье жили чересполосно с другими племенами Албании. Поэтому мнение о том, что страна Аран «в эпоху арабского владычества и позже относилась к области Утик в узком смысле» [295, 304], что область Утик армянских источников охватывала в Албании пространство «между Пайтакараном (Байлаканом) на востоке и Арцахом на юге, рекой Курой на севере и тянулась на запад до границы Албании и Иберии» [362, 114, т. е. охватывала почти все междуречье Куры и Аракса, не соответствует истине. Численность утиев, перешедших на рубеже нашей эры с юга, из Атропатены, на север в Албанию, не могла быть так велика, что область их распространения охватывала столь обширную территорию.

С. Т. Еремян писал, что в долине Пори и Алазани жило «утийское население», которое ассимилировано восточногрузинскими племенами — картами и кахами [295, 304]. Это мнение можно считать верным лишь в том случае, если происхождение удинов в Албании связывать с переселенцами из области Ниг в Араратской провинции Великой Армении, как предполагал Л. М. Меликсетеков (см. выше), поскольку в Алазанской долине жили и другие племена, и они по численности превосходили удин, которые вовсе не составляли большинства в Албании. Напрашивается вывод, что, во-первых, если бы удины составляли основу населения указанной территории, то хотя бы некоторые макротопонимы междуречья возникли бы на почве этого языка, и, во-вторых, они не являлись коренными обитателями этой территории в IV веке до н. э., ибо в этом случае они были бы упомянуты с албанами и сакасинами в армии персидского царя Дария III, выступившей против Александра Македонского.

Итак, утийцы в Албании были пришельцами. В «Истории албан» (кн. I, гл. 4) ясно отмечается, что они — пришлые. Однако, как отмечено выше, можно наметить два источника переселения носителей кавказоязычного этнонима ути — или с юга, из Атропатены или из Армении (древнего Этиуни урартских источников), а проблема ждет еще своего разрешения. В связи с этим встает вопрос, можно ли считать кавказоязычными утиев обоих регионов — в Атропатене и в районе озера Севан?

В целом следует отметить, что вопрос утиев — удинов в Албании заслуживает самого пристального исследования, потому что античными источниками племя ути (уди) отмечено еще где-то на Северном Кавказе.

Еще Плиний [VI, 38] сообщает, что севернее албанцев обитают скифское племя удины, а выше утидорсы [VI, 39]. «На самом краю пролива (т. е. Скифского пролива на севере Каспия. — Г. Г.) живет скифский народ удины, за ними на побережье — албаны...». «Выше прибрежной его (области) и племени удинов простираются (земли) сарматов, утидорсов» [VI, 39]. Плиний также пишет, что отрезок береговой линии Каспия от удинов-скифов до реки Куры называется Албанским (Плиний, VI, 38). Птолемей (V, 8, 16) упоминает на Северном Кавказе, выше исондов (как полагают, исонды являются одними из предков чеченов и ингушей, см. 195) племя уди: «Вдоль Каспийского моря — уды». Это сообщение относится самое позднее к I веку н. э., т. е. когда жил Плиний Старший. Этноним утидорс обычно делят на два этнонима ути и аорс [482,

174—775]. Их считали также кавказоязычными (однако в литературе аорсы считаются ираноязычными), т. е. отождествляли с предками современных удин. «Удины-переселенцы смешались здесь (на Северном Кавказе. — Г. Г.) с пришельцами из Северного Прикаспия — сарматами-аорсами и получили у позднеантичных авторов прозвище утидорсов» [496, 23]. Е. И. Крупнов пишет, что Каякентско-Хорочаевская культура Северного Кавказа связана с удинами [339, 17—18], К. В. Тревер считает, что удины продвинулись в Дагестан из Албании» [482, 46].

По нашему мнению этноним утидорс является греческой передачей утидур. Компонент «дур» характерен для некоторых раннесредневековых тюркских этнонимов, как например, байондур, чавундур (човдар — от чавдур) и др. В связи с событиями 30-х годов VII века в источнике упоминаются племя гундур, от гунн и компонента –дур [390, 596]. Рашид-ад-Дин среди монголов упоминает племя узкундур (41, I,кн.1, 147). Сравните, например, ещё этноним монгулдур (от монгол, монгул и интересующего нас компонента «дур»), - название подразделений племени сарибагыш и племени Бугу среди киргизов в XIX веке (442, 732). К.Г.Алиев обратил внимание (90, 82 – 83; 144, 57-58) на то, что удины у Птолемея на северо-западном побережье Каспия не могли быть связаны с утийцами в Албании-предками кавказоязычных удин. Указанные ути (уди) являлись тюркоязычными. Среди тюркских племён южнорусских степей византийскими историками упоминается тюркское племя утигур, которое, как полагают, находилось в гуннской конфедерации (см. 271, 30). По В.В.Бартольду элеиент гур в этих этнонимах означал « народ» (167, V, 269), поэтому мнение М.И.Артамонова о том, что этноним утигур имеет значение « малые угры» (151,66), не убедительно.

Что касается этнонима аорс (Страбон, XI,V,8) в Северном Прикаспии, то его следует считать фонетически изменённым от тюркского этнонима урус, позднее известным среди кыпчаков южнорусских степей (440, 129). К такому выводу мы пришли потому, что сруди кыпчаков находились и ораны, упоминаемые Плинием в первом веке нашей эры где-то на Северном Кавказе.

Итак, в связи с существованием различных областей Ути (Этиуни Урартских источников; Ути Моисея Хоренского в бассейне оз. Севан, утии Геродота и утии Страбона в Мидии и Атропатене, область Ути Страбона в юго-западном Прикаспии, Отена некоторых античных источников и области Ути в Албании) нельзя не учитывать сведения позднеантичных авторов о племени ути, удин, утидорс на Северном Кавказе, а также о тюркском племени утигур южнорусских степей. Поэтому, концепция о кавказоязычности обитателей всех указанных областей Ути подлежит пересмотру. Существовал, по-видимому, также тюркский этноним ути (по одному мнению утии – финны – угоры, см. 530, 180), носители которого были тюрками. Рашид-ад- Дин (41,I,кн.I, 144) упоминает племя удуит, от уду и суффикса ут. О тюркоязычности племени уди, ути на северном Кавказе говорит тот факт, что в составе тюркской племенной общности Шахсеван в Иране было племя удулу. Часть этого племени после присоединения Азербайджана к России перешла на север, в результате чего образовалась несколько селений с названием удулув Шемахинском и Дивичинском районах. Население этих селений говорит на азербайджанском языке. М.Бархударян писал, что население села Сейсулан (в Нагорном Карабахе) по этнической принадлежности является удинским, а язык жителей - тюркский (168, 45). В XVII в. Красноярском уезде жила тюркская этнографическая группа удин (279, 247), ныне там есть город Нижнее-Удинск. Один из улусов тех удин назывался Каракас, от. Тюркск. Кара «чёрный» и этноним кас.

Как видим, в отношении этнической принадлежности племени ути в Албании существует неясность, и этот вопрос требует детального разбора. Не вызывает сомнения, что в Албании в раннем средневековье обитали как кавказоязычные (предки современных удинов),так и тюркоязычные.

Теперь мы должны остановиться на одном очень принципиальном вопросе.

Согласно существующей концепции язык современных дагестаноязычных удин был одним из диалектов якобы «вымершего» (обратите внимание: считают, что сам общенародный, письменный язык вымер, а один из его диалектов сохранился) албанского языка. И. М. Дьяконов еще в 60-х годах писал [286, 23], что к северовосточно-кавказским языкам относился вышедший из употребления албанский язык. Вышесказанное говорит, однако, о том, что это мнение не соответствует истине.

Лбины. Одна из албанских областей в древнеармянских источниках названа Лпинк. Это наименование отразилось в титулатуре албанских каталикосов — «Каталикос Албании, Лпинии и Чола» (Моисей Каланкатуйский, кн. III, гл. 23). Исследователи по-разному локализовали эту область. А. Л. Якобсон помещал ее в верховьях центральной части р. Самур, в Дагестанской АССР [528, 138]. Ф. Мамедова писала, что «...лпины были расселены от центральной части р. Самур до долины р. Алазань с востока на запад» [362, 93]. Но в другом месте она помещает Лпинию между Чола и Шаки [363, 40—41, карта]. Такая локализация области Лпин не соответствует истине, она, видимо, заимствована без критического осмысления из «Истории Азербайджана» [63, 36}. Б. А. Арутюнян [приводится по 128, 88] и А. А. Акопян лбинов и чилбов (т. е. силвов) помещали в Ширванском нагорье в верховьях рек Гирдманчая и Ахсу [128, 88, 89]. А. А. Акопян даже предлагал название села Лагидж в Исмаиллинском районе (в арабских источнках Лаизан), в котором живут ираноязычные таты, объяснить на основе этнонима лбин [128, 90]. Локализация области Лпинк на северо-востоке, видимо, восходит к мнению Н. О. Эмина [прим. 118, к 28], который писал, что Лпинк занимал пространство между Армянскими горами и Волгой. Все эти локализации, однако, неверны.

Указанным авторам неясно, кто были лбины (у Плиния, VI, 26: лупен) по этнической принадлежности, вернее, предками какого современного народа в Дагестане или Азербайджане следует считать лбинов. Ниже мы ответим на этот вопрос.

Область Лпина располагалась в долине р. Алазань, на южных отрогах Главного Кавказского хребта [151,58]. Поэтому верным является локализация М. И. Артамонова, С. Т. Еремяна, К. В. Тревер в верховьях Алазани и В. Г. Котовича — в области Шаки. Общим для этих мнений являете, то, что лбины в раннем средневековье обитали в северо-западной Албании, в пограничной с Иберией зоне. Нам кажется, что лбины обитали и по берегам в нижнем течении Алазани и Иори. Это подтверждается тем что река Иори (Малый Алазан) в древнеармянских источниках (Лазарь Парбский, кн. II, гл. 35; Моисей Каланкатуискии. кн. II, гл. 2 и др) именуется Лопнас, Лубнас, а в средних веках, как писал С Т Еремян — Лабан [295, 304]; в этих названиях отразился этнонимлубин, лбин в разных фонетических формах а не этноним албан, как полагают некоторые армянские авторы. Этот этноним сохранился в современных топонимах Лапниани (Лагодехский район), Лабан-Кури (Телавский район), Лапани-Аткари (Душетский район) Грузинской ССР. Все эти данные говорят о том что лбины (лпины) жили в долине Алазани [482, 48] следовательно. А. П. Новосельцев прав, когда локализирует лбинов «где-то на стыке нынешней Азербайджанскон и Грузинской ССР» [411 40]. Во всяком случае, область Лпина находилась на западе от области Шаки, потому что в «Истории албан [кн. 11. гл. 39] лпины помещены рядом с силвами т. е. предками современных аварцев южного Дагестана. Еще Плинии [VI, 26] писал, что они жили ниже силвов (а эти силвы, по сообщению того же автора «жили за пределами Албании по всему челу гор»), на южных отрогах Главного Кавказского хребта, те. в юго-западном Дагестане. Есть еще одно свидетельство: в «Истории албан» (кн II гл 36) отмечается, что когда хазары (в источнике—гунны) напали на Албанию, они «расположились лагерем в долине V пределов Лпинка». Как видим, лбины обитали там, где имелись равнины, а это могло быть только в северо-западной Албанш? в долинах Алазани и Иори, к северу от Куры. Моисей Каланкатуискии отмечает, что албанское посольство, отправляясь в страну Хазар, перейдя реки Куру, пришло в Лпинию (кн. II, гл. 39), а оттуда «перешли в страну чилбов» (т. е. силвов. — Г. Г.).

Выше лбинов в горных районах юго-западного Дагестана обитали силвы, которые в первые века н. э., как видно из приведенного сообщения Плиния, еще не входили в состав Албании. Но. в дальнейшем, как явствует из источника VII века, силвы (в источнике чилб) уже входили в Албанию. Таким образом, лбины жили в соседстве с силвами (чилбами). Так, Егише (гл. IV, гл VII) указывал, говоря про «лпинов и чилбов», что лбины жили компактно и их место жительства называлось Лпинк. В сообщении того же Егише (гл. III), есть наименование «Страна лпинов». Эта область имела своих местных царей, о чем упоминается в «Истории албан» («царь лбинов»).

Итак, лбины обитали в северо-западной Албании — на правобережье Алазани и левобережье Иори. Эта локализация подтверждается также следующими данными. Во-первых, река Иори» которая впервые у Плиния отмечена в форме Ивер (Плиний, VI, 26) восходит к аварскому иьор «река», «вода». Это же слово составляет вторую часть ряда гидронимов названий озер в Алазанской долине: Ур, Рахквор, Ханзиор, Кудор и др. Во-вторых, следует еще отметить, что, по Плинию, река Ивер отделяет албанцев от иберов. Это говорит о том, что междуречье Алазани и Иори в нижнем течении этих рек к тому времени принадлежало Албании. Именно там, т. е. в Камбисене, обитали и дубины, точнее, лбины (или часть их).

Как известно, протекающая по границе Грузии и Азербайджана часть Иори среди азербайджанцев называется Габырры— искажение от Камб-Иори, т. е. Иори, протекающая по местности Камб. Это наименование до сих пор сохранилось в названии Камборийской возвышенности в междуречье Алазани и Иори в Грузии. Компонент Камб (с добавлением фонемы «б» после «м») в свою очередь восходит к наименованию Албанской области Камбисене (от местного Камбич) в античных источниках. Область Камбич находилась как раз в нижнем течении Иори и Алазани — это современная Ширакская степь в Грузии; это соответствует сообщению Страбона, что проход из Иберии в Албанию идет через безводную и неровную Камбисену (т. е. современную Ширакскую степь. — Г. Г,) к реке Алазани. Поэтому и название реки Иори объясняется на почве аварского языка, а аварцев мы считаем предками лбинов. По сообщениям античных авторов (Плиния, Помпония Мелы, Диона Кассия, Клавдия Элиана, см. 223, 224), река Иори называлась Камбис, что восходит к названию области — Камбисена.

Не выясненным до сих пор остался вопрос об этнической принадлежности лбинов. Правда их в общем-то считали дагестаноязычными, но этот вопрос конкретно не был разрешен. Нам уже пришлось несколько раз высказывать свое мнение по этому вопросу [220; 224]. Мы считаем, что лбины являлись предками тех из нынешних аварцев, которые исконно обитали в северо-западной части Албании, в отличие от той части аварцев, которые назывались силвами (см. ниже) и обитали в южном Дагестане.

К такому предположению нас привели два обстоятельства:

1. Этноним hалби, которым в прошлом аварцы именовались среди соседних народов Дагестана [376, 70}. В частности, как пишет А. Р. Шихсаидов [514, 35], каратинцы аварцев Дагестана до сих пор называют наименованием hалби. Мы считаем hалби фонетически производным этнонимом лбин на языке именовавших. Иными словами лбин, лубин и hалби — это наименование одного и того же этноса в различных языковых передачах (древнегреческом, древнеармянском и соседнем — дагестанском). Однако неизвестно, как звучал этот этноним среди его носителей.

2. Выше мы отмечали, что лбины обитали в долине рек Алазани и Иори. Частично они были ассимилированы восточно-грузинскими племенами, но частично они живут на левобережье и доныне. Мы отметили, что именно на почве аварского языка и объясняется гидроним Иори (от пор и грузинского суффикса 1), а также ряд других гидронимов. Река Иори в древности называлась еще Лубнас (Лопнас) и в этом названии отразился этноним лбин в форме лобин, лубин.

Итак, по нашему мнению, лбины (лпины) являлись предками части аварцев Южного Дагестана и Албании [223]. Они вместе с албанами были христианизированы, на что указывает титулатура албанского каталикоса. Арабский автор Ибн Руста (X в.) сообщает, что аварцы являются христианами. Следовательно, этноним лбин, лпин, был, очевидно, названием той части аварцев, которые жили в Албании и были христианами.

Другая часть аварцев, обитавшая севернее — в южном Дагестане, называлась силе (в армянских источниках — чилб). Этноним лбин, лпин как самоназвания не сохранился потому, что ныне потомки лпинов называют себя «авар». Но это не является их настоящим самоназванием. Некоторые исследователи допускают, что кавказский этноним авар восходит к тюркскому этнониму авар [см. 395, 133—134]. Но это вряд ли верно. Впервые этот этноним авар в соседстве с удинами (в данном случае с удинами северо-западной Албании, живущими ныне в соседстве с аварцами), упоминается у Стефана Византийского [36, 1, 1, 271] т. е. в то время, когда тюркские авары (вернее абары) не могли быть в Албании.

Силвы. Выше отмечено, что в соседстве с албанами, выше — в горах — Плиний упоминает племя силв.

К. В. Тревер не могла определить, кем этнически являлись силвы и как звучал этот этноним среди его носителей. «Является ли это название латинизированной передачей местного термина (у армянских авторов они называются «чилбы») или переводом какого-то местного термина, указывающего на обитание в? лесах, судить трудно. В греческой версии Агафангела они названы силвы» [482, 47]. Теперь известно, что силе (вернее, как мы выявили во время полевых этнографических работ, — цилб) было названием предков части аварцев, живших в южном Дагестане [223], по сообщению Моисея Каланкатуйского, «у склона Великой (Кавказской. — Г. Г.) горы» (кн. II, гл. 39). Во времена Плин-ия (I в.) они еще не входили в состав Албании и жили за пределами Албании, но в дальнейшем вошли в состав Албании и в раннем средневековье, по свидетельству армянских источников, чилбы уже являлись албанским племенем.

Этноним, засвидетельствованный впервые Плинием Старшим в форме силе, в древнеармянских источниках имеет различные и притом искаженные по вине переписчиков формы: чилб (у Егише, кн. VI), шилб (у Фавста Бузанда), шилб и чилб (в «Армянской географии VII века»), чилб в «Истории албан» (кн. I,гл.IV).

Сам Плиний их помещал вне Албании, где-то в горах; в «Истории албан» (кн. II, гл. 39) мы читаем «у склона Великой горы», т. е. на южных склонах Большого Кавказа. С. Т. Еремян писал, что чилбы обитали в долине Тушетской Алазаии [294, 137]. В. Г. Котовпч локализирует их в долине среднего течения р. Самур [337, 185—190]. А. Акопян локализовал силвов-чилбов в верховьях реки Пирсагат и, по-видимому, еще рек Гозлучай и Чикилчай (приток реки Сумгаит, отражает тюркский этноним чигил) [128, 89], т. е. в Нагорном Ширване. Так же полагает и Б. А. Арутюнян [приводится по 128, 89] и поэтому они топоним Ширван возводят к этнониму силб, чилб. Эта локализация неверна по двум причинам: во-первых, местной формой этого этнонима, как уже мы отмечали, является не силб, или чилб, а дилб — как в топонимах Цилбан и Цолбан, где живут аварцы; и во-вторых, топоним Ширван еще в «Армянской географии VII века» имеет форму Шарван, и в этом же источнике упомянут этноним шилб отдельно от шарван [4, 38]. Но мы уже знаем, что силвы — это предки аварцев южного Дагестана и, следовательно, силвы обитали там, где ныне они обитают—в Южном Дагестане. Их следует считать предками части современных аварцев, и это соответствует сообщению Плиния, что «силвы живутза пределами Албании по всему челу гор» (Плиний, VI, 26). Чеченцы и ингуши аварцев Дагестана называют сули или соли, а область верховья реки Андийское Койсу — сулий мохи «земли страны сули» (202, 182). Жители одного из аварских вольных обществ в Дагестане в прошлом назывались Сул. С ними, по мнению В. И. Абаева, следует связывать осетинское солу «аварцы» (114, 131). Из сказанного вытекает, что, во-первых, силвы обитали в верховьях Андийского Койсу, во-вторых силе (у Плиния) п современные солу, сули и Сул являются фонетическими вариантами одного этнонима, правильная форма которого, по нашим полевым данным, собранным среди аварцев в селениях Цилбан (Закатальский р-н) и Цолбан (Белоканский р-н) северо-западного Азербайджана, — это цилб. Этноним силе (цилб) отразился в наименовании аварского селения Цулипан в Кайтакском районе Дагестанской АССР, выходцы из которого образовали вышеназванные села Цилбан и Цолбан.

В. Ф. Минорский правильно писал, что в наименованиях аварских селений Цилбан и Цолбан отражен древний этноним силе [395, 28]. Однако он не учел того, что топонимы Цилбан и Цолбан перенесены из сел. Цулипан, которое находится в Дагестане.

Таким образом, силвы Плиния обитали в южном Дагестане, в верховьях Андийского Койсу, там где и ныне обитают аварцы. Однако, видимо, какая-то часть цилбов обитала и в Албании, так как у Птолемея встречается название населенного пункта в Албании — Тилбида (Птолемей, V, XI, 7), которое К. В. Тревер верно связала с этнонимом силе [482, 142].

Джигбы. Кроме вышеназванных племен, по нашему мнению, в северо-западной Албании обитало еще одно кавказоязычное племя джигбы, — это предки (впервые у Егише) современных цахуров, имеющие самоназвание йихьбы.

В связи с этим следует отметить, что этот этноним, как и этноним слив (цилб), в дальнейшем в древнеармянских источниках по вине переписчиков перепутаны. В результате этого в них трудно определить, какой из них отражает этноним силе (цилб), а какой йихьбы. По-видимому, этноним джигб в «Истории албан», чигб, у Фавста Бузанда, тчигб в «Армянской географии VII века» являются передачей этнонима йихьбы.

Следует отметить, что наименование цахур не является самоназванием, а восходит к топониму Цахур в Дагестане, который впервые упоминается в форме Сахур в персидской надписи 293 г. из Пайкули. Проживание предков цахуров в Албании косвенно подтверждается и тем, что название реки Хан в Албании, упоминаемое Страбоном, восходит к цахурскому хьан «вода», «река». Отмеченный Страбоном Хан — это современный Ганых — так именуют азербайджанцы ту часть реки Алазань, по которой ныне проходит граница между Азербайджаном и Грузией. Это свидетельствует о том, что предки цахуров обитали в долине .прилегающей к той части реки Алазань, которая получила название на их языке.

Гаты (хиналугцы). Одним из кавказоязычных албанских племен являлись, безусловно, предки современной кавказоязычной этнической группы Азербайджана хиналугцев.

Хиналугцы, названные так по селению Хиналуг (азербайджанское произношение Хыналыг), в настоящее время живут только в данном селе — в горной части Кубинского района, в северо-восточном Азербайджане.

Происхождение хиналугцев и наименования Хиналуг до сих пор не выяснено. Впервые топоним Хиналуг упоминается у автора XIII века Иакута Хамави в форме Хиналук [8, 23]. Сами хиналугцы свое селение называют Хенелег. Это название можно разделить на две части Хене и лег. Второй компонент лег, несомненно, является местным произношением азербайджанского тюркского суффикса -лыг, -луг и имеет значение принадлежности,. так как суффикс -лы, -лу, некогда в древнетюркских языках имел форму -лыг, -луг.

Компонент Хене мы связываем с названием албанского округа раннего средневековья Хени. Область Хени в Албании упоминается Гевондом (VIII в.) в связи с событиями 763—764 гг. Из сообщения Гевонда становится ясно, что область Хени находилась на север от реки Куры, потому что рядом с Хени автор перечисляет области Биес (в «Истории Агван» — Бед), Шаки, Камбечан, Хозмас в северо-западной Албании (в современной Шеки- Закатальской зоне Азербайджанской ССР). Этот топоним в «Армянской географии VII века» по вине переписчиков искажен и отмечен в форме Йехни [4, 40]. Там же округ Йехни перечислен рядом с округами Бех, Камбечан и Шаке [4, 40].

Именно в этой зоне и живут ныне кавказоязычные этнические группы Азербайджана — аварцы, удины, цахуры и отчасти лезгины.

По С. Т. Еремяну, Хени в древнегрузинских источниках назывался Гануки и находился на левом берегу реки Алазань на территории Закатальского района [298, 49—50]. Он также считает, что к этому наименованию восходят и этноним хенук в «Армянской географии VII века» [4, 37} и что древнегрузинский Гануки, древнеармянский Хенук и топоним Хени в Албании отражают этноним гениох античных авторов (там же). В связи с топонимом Хени — Гануки обращает внимание на себя топоним Сануа у Птолемея как название населенного пункта в Албании (V, XI, 3). По Птолемею, этот пункт находился между Иберией и рекой, впадающей в реку Куру, т. е. Алазанью. Вообще вопрос локализации области Хени подлежит дальнейшей разработке. Нам кажется, что Сануа является фонетической формой (или опиской) названия албанской области Хени у Гевонда,. Иехнн — в «Армянской географии VII века» и Гануки в древнегрузннских источниках (КЦ, I, 195). В конечном счете этв топонимы восходят к гидрониму Ганых (у Страбона — Ханес) названию реки Алазань среди азербайджанцев.

По нашему мнению, Сануа, Гануки, Хени и Ганых — это названия, восходящие к общему наименованию и отличающиеся лишь фонетическими особенностями различных древних языков.

Итак, округ Хени назван по названию реки Ганых, а последнее образовалось от слова хьан «вода, река» в цахурском языке, и в этом же округе обитали предки хиналугцев. Этим объясняется отражение названия округа Хени в топониме Хиналуг — от Хенилык. Историческая связь между округами Хени и современным Хиналуг (местное Хене-лыг) подтверждается и территориальной близостью северо-западной части Азербайджана и сел. Хиналуг, (в районе горы Туфандаг). Интересно еще и то, что эта гора, расположенная между Хиналугом и северо-западным Азербайджаном, среди хиналугцев считается священной. Хиналугцы до XIX в. через перевал в районе Туфандага вели свои стада на зимовки в северо-западную зону Азербайджана.

По сохранившемуся среди хиналугцев преданию, записанному нами в 1961 г., предки их пришли на нынешнее место более тысячи лет тому назад из какого-то города Хено после землетрясения. Этот легендарный город Хено в предании хиналугцев помещается в районе Туфандага. Однако можно предположить, что этот топоним сохранил нам название албанского округа, отмеченного в древнеармянской передаче как Хени.

Аффикс -*лыг* к топониму Хина (восходящему, как уже отметили, к топониму Хени, Хено) добавлен азербайджанцами. Следовательно, топоним Хиналуг образовался на азербайджанском языке и этим обозначено население «относящееся к Хени». Аффикс -лыг, означающий переселенцев или выходцев из тех или иных населенных пунктов, городов или областей, характерен для ряда топонимов Средней Азии, например, селений Коканлик» Кашгарлик, Ташкентлик в Узбекистане. Для примера укажем еще на современный ойконим Геллук (Кахскнй р-н), в котором отражен древний этноним гел и суффикс -луг (см. ниже, с. 171) и Сусалыг (см. выше, с. 137). Это говорит о том, что в то время, когда образовался населенный пункт Хиналуг, тюркоязычные азербайджанцы имели представление о том, откуда появились эти переселенцы и называли его «Хиналуг». Как уже отмечено выше, данный населенный пункт образовался до XIII века, поскольку он отмечен Йакутом ал-Хамави. Из этого вытекает также, что компонент Хени не мог и не должен быть самоназванием хиналугцев.

Самоназванием хиналугцев является кат (в произношении самых хиналугцев khət). Хиналугцы называют себя катид *(khatid*) [см. 224, 90], где 1(1 является, по Ю. Дешериеву, словообразовательным

суффиксом, обычно присоединяемым при субстантивации причастия и прилагательных [273, 7]. Аффикс 1(1 в хиналугском языке означает принадлежность, что отражено в ряде топонимов. Так, например, хиналугцы называют жителей соседнего селения Галей-Худата — «калчид», села Джек —«инчид», села Элик — «лекид», села Хапут — «hинпид», села Крыз — «котуд», села Будуг — «будогид», села Сусай — «йоцид» и т. д. Свое село хиналугцы называют Кетьш (кьетиш). В этом названии отражен этноним — их самоназвание кат (khət). Данный этноним, как представляется, отражен и в сообщении Фавста Бузанда в связи с событием начала IV века, когда он в армии маскутского царя в северо-восточной Албании, наряду с Другими, он отмечает также и племя гат, которое у Егише имеет форму (наверно, искажение по вине переписчиков) ват. Неясно, имеет ли отношение этноним гат в древнеармянских источниках и самоназвание хиналугцев кет к упоминаемому Плинием этнониму кет [Плиний, VI, 17]. Сам Плиний это племя помещает на Кавказе.

Интересно добавить, что самоназвание хиналугцев сохранилось еще среди других соседних кавказоязычных этнических групп — крызцев и будугцев. Хапутлинцы (т. е. жители села Хапут), родственные по языку и этнической принадлежности крызцам, называют хиналугцев гетди от самоназвания хиналугцев *гетди* и суффикса «ди» — окончания множественного числа.

Таким образом, носителей этнонима гат (Фавст Бузанд, кн.III, гл. 7), являющегося древнеармянской передачей этнонима khət — самоназвания современных хиналугцев, следует считать албанским племенем.

По нашему мнению, албанским кавказоязычным племенем были и предки современных будугцев; эта этническая группа названа по названию их древнего селения Будуг в северо-восточном Азербайджане, с которым связано и наименование «будугцы». Мы считаем, что топоним Будуг образовался от названия албанской области Бед (в «Истории албан») и суффикса **уг,** который означает «выходцы из Беда» или «относящиеся к Беду» (см.224).

Эры.Как название албанской области, пограничной с Иберией, Эрети (*hэрети* – от этнонима hэр, вернее həр и грузинского ети «страна, «место») упоминается впервые в древнегрузинском источнике V века(385,2). В древнеармянском источнике V века эта область зафиксирована как Гер гавар «округ Гер» (Фавст Бузанд, кн.III, гл.8). В связи с событиями 763-764 гг. армянский источник Гевонд (VIII в.)пишет, что хазары покорили семь областей грузин, среди которых отмечает и Эрк (35, 92). От этнонима эр и древнеармянского суффикса «к», что является древнеармянской передачей наименования Эрети, заимствованного из грузинских источников. Как известно, носители этнонима эр в древнегрузинских источниках не считаются картвелами, т.е. грузинским племенем, и соответственно область Эрети не включается в состав Картлии. В грузинском источнике XI века, повествующем о начальной истории народов Кавказа, говорится, что «рубежи земли Картлоса на востоке Эрети и река Бердуджи» (39, 21). Далее отмечается, что родоначальник Таргомос «Эросу дал страну к северу от Куры, от устья Малой Алазани (т.е.Иори. – Г.Г.) до Ткетба, которая ныне называется Гулгула» (39, 22). О месте обитания эров сообщается, что они живут в долинах рек Алазани и Иори: «сей Эрос прежде всего воздвиг город у слияния обоих Алазаней и назвал его именем Эрети. Оттого-то и называется (страна эта) Эрети, ныне сие места именуются Харанта» (там же).

Как отмечал Т.Г.Папуашвили, эры жили в бассейне рек Иори и Алазани (420), а это область принадлежала Албании. Однако он не прав, когда в Эрети включает и горные районы нынешнего Дагестана (421, 287). Ещё Плиний писал, что иберы отделены от албан Алазаном (Плиний, V, 26) и «земли мосхов простираются до реки Ибера», т.е. Иори (Плиний, V, 29). Страбон сообщает, что в Албании есть святилище богини Луны «недалеко от границ Иберии» (Страбон, XI, 4,7), которое, по мнению И.А.Джавахишвилии, находилось в Эрети. (268, 105). Страбон упоминает также область Камбисена «в которой армяне соприкасаются с иберасми и албанами» (Страбон, XI, 4,5). Г.А.Меликишвили локализовал Камбисену с нижним течением р.Иори (380, 123). Эта же локализация есть и у С.Т.Еремяна (296, 57). Все грузинские историки едины во мнении, что область Камбисена – в древнегрузинских источниках Камбиченовани (39, 34); в «Армянской географии VII века» - Камбечан, в «Истории албан» Моисея Калакантуйского- Камбечан (кн.II, гл.19); у арабского географа IX века – Камбезан (7) – изначально принадлежала Албании. Д.Л.Мусхелишвили писал:» Дело в том, что доевних эров и страну Эрети (в узком смысле, т.е.включая Камбечани и др.) грузинские источники не считают частью древней Иберии (Картли)» (405, 17).

К этому названию области (Камбисен) восходят наименования рек Камбис у Плиния (VI, 39). Помпония Мела (III, 41), а также название современной реки Иори [482, 97, 226].

Итак, эры, одно из албанских племен, обитали в бассейне рек Алазани и Иори. Если эта область, куда входила и Камбисен- Камбичан [420, 68], являлись албанской областью, то напрашивается вывод о том, что эры являлись албанским племенем. В коллективном труде «История Грузни» отмечено, что одним из пограничных албанских племен было племя эров [68, 126]. Ранее эта мысль высказана еще Е. С. Такайшвили, а именно что Эрети — часть Кахети или область в бассейне рек Алазани и Иори [472, 8]. По этому поводу Г. В. Цулая писал: «Так, по концепции грузинского историка XI Леонти Мровели, описавшего древнейшую историю страны, область Эрети входит в албанский союз племен» [39, 44]; он считает, что «эры обитали на западной окраине Албании» [39, 41]. Точные границы первоначальной области Эрети не ясны, но то, что она охватывала зоны современного расселения ингилойцев (Кахский, Белоканский и Закатальский районы) — бесспорно. Илья Адамиа писал «Древние географические названия Эрети, Саингило, Албания, Алвания — являются синонимами» [122, 167].

Однако, как видно из ряда источников, в различные периоды раннего средневековья эта область имела разные географические границы [420, 68; 405, 16]. В дальнейшем понятие Эрети прилагалось к соседним

округам восточной Грузии. У Вахушти Эрети называлась область, включавшая всю нынешнюю восточную Кахетию вместе с Кизикией (Камбечан) и Элисени (нынешние Белоканский, Закатальский и Кахский районы) [см. 9]. По Т. Г. Папуашвили, в дальнейшем Эрети — современная внутренняя Кахетия, Заалазанье и горные районы Дагестана [420, 70]. Г. В. Цулая писал, что «к XI в., по данным древнегрузинских источников, под Эрети подразумевалась скорее всего Кахети» [39,42].

Соответственно этому, этноним эр в древности распространялся и на другие племена, возможно, на часть иберов [39, 42], в связи с чем стал собирательным. В Эрети, включая Алазанскую долину, жили и другие албанские племена — рани (т. е. албаны) и, бесспорно, лбины и силвы (предки современных аварцев) , тчигбы (т. е. джигбы, предки современных цахуров) и гелы (предки современных ингилойцев).

В науке до сих пор нет единого мнения относительно этнической принадлежности эров. На этот счет существовали различные суждения. Так, Г. А. Меликишвили полагал, что эры грузинских источников являются геррами, упоминаемыми Птолемеем и, согласно сообщению которого, населявшими восточный Прикаспий [380, 125]. Не раскрывая этнической принадлежности эров, Т.Г.Папуашвили писал, что они были ассимилированы иберами ещё во II-I вв. до.н.э. и поэтому не принимали участия в образовании албанского государства (420, 118). Но, видимо, такое предположение неверно, ибо в этом случае они не могли быт зафиксированы в древнегрузинском источнике XI века как самгостоятельное племя. Существовало мнение, что слова эр вообще не было самоназванием и что этот этноним восходит к грузинскому Эри «армия», « военная дружина» и составляет основу грузинского феодального титула **эристави «**глава эри» [175,623]. Однако это. Видимо, было вторичным значением этнонима эр, связанным с тем, что эры (возможно в собирательном значении), как отмечал Г.В.Цулая, прнимали участие в формировании феодального общества Восточной Грузии (39, 42). Г.В.Цулая считал, что эры принадлежали к нахско-дагестанской группе кавказских племён (там же). Следовательно, по его мнению, эры были предками чеченцев и ингушей. Существовало ещё мнение, что этноним эр восходит к этнониму Ир (ирон – самоназвание части ираноязычных осетин), от иранского ариуа (108, 245-247; 208, 29). Поэтому Илья Адамиа писал, что :«этимология географического названия Эрети учёными ещё окончательно не установлена» (122, 167).

Нами было впервые выдвинуто и обосновано предположение, что эры являлись предками современных крызцев и хапутлинцев – кавказоязычной этнической группы в северо-воточном Азербайджане (222; 223; 224, 92-93). Было известно, что хапутлинцы, т.е.жители селения Хапут (местное произношение – hапут, происхождение не ясно, можно сравнить с пунктом Хобота в Албании у Птолемея (V,XI,6) имеют самоназвание hер (т.е.hәр) (222). Нами установлено, что по этим же наименованием с незначительными фонетическими вариациями хапутлинцы известны и среди жителей селений Элик и Джек, говорящих на диалектах крызского языка. Эликцы их называют hоруд, а джекцы – hеруд. В обоих случаях выделяются варианты самоназвания хапутлинцев - hор, hер, ибо **уд** в крызском языке является суффиксом. Выяснено также, что топоним Крыз является искажением от местного Гәрәз – так называют крызцы своё село, в названии которого выделяется этноним hер ф форме гэр. Эта гипотеза подтверждается ещёи тем, что соседняя кавказоязычная этническая группа – будуги называют крызрв Гэрэд (по Р.М.Шаумяну – кэрэт; 456, 166), а хапутлинцы – hәрәд. Как видим, и в этих случаях выделяются компоненты гэр и hәр с суффиксами **эд.** В конечном счёте, оба эти варианта названия означают буквально «место эров».

Другим селением, в котором поживает одна из групп крызов, являетмя Ергудж (жители с.Крыз называют это село Ервожид). В наименовании которого также отражён этноним hәр в фонетической форме ер, с выпадением придыхательног «h».

В связи с этим этнонимом нами было высказано предположение, что крызцы являются потомками древних hэров (эров) из древнегрузинских источников. Вероятно, часть эров (возможно вместе с предками хиналугцев и будугцев — см. выше) в связи с какими-то неизвестными нам обстоятельствами покинула свое исконное место обитания в долинах рек Алазани и Иори и, перейдя через горный перевал, поселилась на нынешнем месте жительства — в северо-восточном Азербайджане, а часть, как будет сказано ниже, в связи с вхождением Эрети в состав Грузии в раннем средневековье, — огрузинилась. Среди хапутлинцев сохранилось предание, что их предки — Неры пришли на нынешнее место проживания из города Херна (Ьегпа), из северо-западного Азербайджана во время нашествия арабов.

Можно предположить, что это произошло во время правления в Азербайджане арабского наместника ал-Хасана ибн Кахтаба (770—775 гг.), который, подавив восстание санарийцев — христианского племени, жившего где-то между Кахетией и Аланскими воротами, — разрушил города эров [см. 6, 65}. Упоминаемый в предании крызцев город Херна можно локализовать с городом эров Харанта (по мнению Т. Г. Папуашвили, расположенного у слияния рек Алазани и Иори) и Хорнабудж [420]. В наименовании этих городов заметно и внешнее созвучие. Может быть, в связи с разрушением указанных городов часть эров, спасаясь от истребления, перешла на нынешнее место, тем более,что, по преданию, их предки тогда были христианами (гяурами) и они приняли исламскую религию уже потом, перебравшись на теперешнее место жительства.

Эта концепция, положившая начало определению этнической принадлежности эров (hэр-ов) и этимологии топонима области Эрети, а также установившая принадлежность их к Албании, была предложена нами в нескольких статьях и в опубликованной. в 1986 г. монографии [224, 91—93].

Т. Г. Папуашвили в нашей гипотезе видит «искажение фактов истории раннего средневековья Грузии» [422, 185] и пишет, что в этом «сквозит желание оторвать Эрети от единого организма грузинского царства», что Г. Гейбуллаев попытался «представить древнюю грузинскую историческую провинцию Эрети с ее

населением, языком и культурой чуждым Грузии, инородным миром» [422, 183]. Под выражением «инородным миром» автор, несомненно, подразумевает Албанию, т. е. обвиняет автора этих строк в том, что в его изложении «Эрети явилась страной, относящейся к Албании». Эта концепция Т. Г. Папуашвили основана на его собственном (ошибочном) мнении, что Эрети — это современная внутренняя Кахетия, Заалазанье и **горные районы Дагестана** (подчеркнуто нами. — Г. Г.). Сравним здесь с позицией Т. Г. Папуашвили мнение Б. Дорна [280, 336], что Кахетинская Тушетия состоит из так называемой Алвании (восходит к этнониму Албан. — Г. Г.), которая простирается до Кахетинского Алазана. Алванское поле в Кахетии — одна из плодородных местностей в ее западной части.

Выше отмечено, что точных указаний на первоначальное географическое месторасположение Эрети нет. Согласно грузинским источникам, в различные периоды раннего средневековья границы Эрети менялись [380, 123; 405, 16; 420, 68]. Однако первоначально территория Эрети (во всяком случае ко времени Птолемея) была албанской областью. Д. Л. Мусхелишвили писал: «Дело в том, что древних эров и страну Эрети в узком смысле (т. е. включая Камбечани и др.) грузинские источники не считают частью древнейшей Иберии (Картли)» [405, 17]. Т. Г. Папуашвили писал: «Это Эрети, так сказать, в узком смысле, т. е. в смысле области, обнимающей несколько кантонов, из которых мы знаем Камбечани — между нижним течением р. Алазани и Куры; Суджети — западнее Камбечани, на среднем течении Иори» [405, 68]. Однако, вопреки историческим фактам, он заключает: «Эрети — неотъемлемая часть грузинского культурно-национального коллектива, в течение веков жившая одной жизнью со всей остальной Грузией» [422, 183]. Это верно, но лишь частично. Все зависит от того, какую именно часть Эрети Т. Г. Папуашвили считает «неотъемлемой частью» Грузии.

Какие же факты приводит Т. Г. Папуашвили в подтверждение своего мнения? Укажем лишь на некоторые из них. Так, например, он пишет, что согласно сведениям, имеющимся в «Картлис Цховреба» Эрети в I—II веках н. э. (а возможно и раньше) входила в состав государства Картли (Кахетии)» [422, 186}. Теперь посмотрим, что об этом конкретно говорят источники. Там есть сведения о том, что в связи с событиями, происходившими во второй половине I в. н. э. (сам автор изложения жил в XI в.), иберийские войска вместе с овсами (осетинами. — Г. Г.) и пачаниками (печенегами. — Г. Г.) после набега на Армению, возвращаясь на родину, перешли р. Куру, стали в лагере в Камбечани (в Албании. — Г. Г.) на реке Иори, где приступили к дележу пленных и добычи [21, I, 45—46].

Отсюда Т. Г. Папуашвили делает вывод о том, что Эрети (ибо Камбечани входил в Эрети.— Г. Г.) в I веке была грузинской землей [420, 40], хотя в самом источнике об этом ничего нет. Этот вывод справедливо критиковал Д. Л. Мусхелишвнли, отмечая, что область Камбечан «изначально являлась албанской» [405, 31]. Далее Т. Г. Папуашвили, основываясь на поздней (XVIII век) интерполяции в «Картлис Цховреба», считает, что в VII веке Шаки и Ширван (!?) входили в состав Иберийского католикосата [420, 45—46], за что опять-таки был раскритикован Д. Л. Мусхелишвили [405, 79]. Т. Г. Папуашвили пишет, что «в эпоху Вахтанга Горгасала (V в. — Г. Г.) Эрети в результате проведенных там государственных реформ являлась (включая и Нухский округ) непосредственной и органической частью Государства Картли» [422, 187]. Что имеется в виду под выражением «Нухский округ»? Если это современный Шекинский район (старое название — Нуха), то это не более, чем домысел, ибо, как известно, первая церковь албанов, по сообщению Моисея Каланкатуйского, была построена в селе Киш (Шекинский р-н), а зона Шеки вообще никогда не входила в состав Картли.Автор далее отмечает, что Арчил (VIII в.) построил в Эрети, крепости, в том числе и в Нухе. И снова Т. Г. Папуашвили заблуждается. В источнике этот топоним зафиксирован не как Нухи, а как Нухпати, между двумя речками [21, I, 243—244].Указанный Нухпати не имеет никакого отношения к Нухе (Шеки), как, видимо, думает автор. Нухпати является грузинской передачей старого топонима Нухбид — это название современного села Иолайрыдж (Нухбид — на аварском, Йолайрыдж —на азербайджанском языках означает «развилка дороги») к сельсовете Магов Закатальского района, на границе с Белоканским районом, между реками Белоканчай и Катехчай, примерно» в 75 км к западу от города Шеки (Нуха). Добавим к этому, что в связи с событиями 764 года в упомянутом источнике Шеки названа албанской областью. Эти примеры наглядно показывают неубедительность выводов Т. Г. Папуашвили.

Из вышесказанного можно прийти к заключению, что этноним эр в древности распространялся и на другие племена, возможно, и на часть иберов и стал собирательным. Соответственно этому область Эрети имела в различные периоды разные географические границы. Первоначальное место расселения древнейших носителей этнонима Нэр не совпадало с территорией Эрети в различные исторические периоды. В Эрети, включая Алазанскую долину, бесспорно, жили и другие албанские племена, в частности, лбины, силвы (шилбы) и тчигбы — предки аварцев и цахуров. Несомненно, что носители этнонима эр были албанским племенем и именно поэтому в древнегрузинских источниках Эри не считается грузинским племенем. Кстати, у Мровели Леонтии (XI в.) среди сыновей Картлоса (Мцхетес, Гардос, Кахос, Кухос, Гачиос) Эрос не упоминается. Вместе с тем в раннем средневековье в различные периоды Эрети, несомненно, входила в состав Иберии. Так, Гевонд (VIII в.) пишет, что Эрк (армянское название Эрети) находится в составе Грузии [35, 92}. Следует отметить, что в этот период границы Эрети часто менялись. Это подтверждается сообщением того же источника о том, что Камбечан и Гелаву, которые также находились в Эрети, являются албанскими [35, 92}. Известно также, что в середине VIII в. иберийское царство распалось и первым из него выделилась область Эрети, которая сформировалась как княжество. По Д. Л. Мусхелишвили, «Эрети в широком смысле в X—XI вв. (да и позже) употребляли также в значении территории Албанского царства» [405, 36].

Поскольку Эрети в отдельные исторические периоды входила в состав Иберии, следует согласиться с мнением Т. Г. Папуашвили, что в связи с христианизацией — «возможно, христианство в первой половине IV века распространилось в Эрети из Грузии» [422, 186] — часть ее населения огрузинилась. Это мнение высказано в работах Н. Я. Марра [371, 168: 375, 9; 376, 55], С. Т. Еремяна [295, 305}, А. Г. Шанидзе [510, 170], А. П. Новосельцева [411, 35], Д. Л. Мусхелишвнли [405, 17, 23] и др.

С. Т. Еремян писал: «У албанского населения долины рек Иори и Алазани господствующим языком становится грузинский, что связано с распространением влияния грузинской царкви, а затем и политического господства феодальной Грузии на территории Эрети (позже Гаре—Кахети, Кухети и Кизики)» [295, 305].

Этот вопрос подробно изучен Д. Л. Мусхелишвили, который отмечал, что «в дальнейшую же эпоху должна была начаться и ассимиляция албанских племен (эров, суджов и т. д.)» [405, 17} и что «к VIII веку эры являются уже вполне огрузинившимися племенем» [405, 23]. При этом трудно согласиться с мнением Г. Цулая [39, 42, прим. 4] о том, что часть эров была ассимилирована еще в античную эпоху, и Т. Г. Папуашвили, что они ассимилированы еще во II—I вв. до н. э. [420, 118]. Скорее всего, этот процесс начался с IV—V вв. Ассимиляция эров, а также части лбинов и других албанских племен произошла в результате включения Эрети в состав Иберии в различные периоды. Однако процесс огрузинации эров (и гелов), видимо ускорился начиная с VIII века, с возвышением Кахетинского княжества. Позже, как известно, в XI веке хорепископ Кахети Давид включил Эрети в свои владения [см. 421, 289]. По этому поводу Д. Л. Мусхелишвнли писал, что «по древнегрузинским источникам, вполне ясно прослеживается расширение объема историко-географического понятия «Кахети» за счет сохранения соответствующего понятия «Эрети». Так, в первую половину IV века та часть Эрети, а именно Суджети, которая в позднем средневековье стала называться Гарс (Внешней) Кахети, была непосредственно присоединена к Иверийскому царству — именно к провинции Кахети (Кухети), и эта территория, во всяком случае начиная с XI в., в грузинских источниках называется уже Кахети» [405, 77]. Как отмечено выше, в VIII веке Эрети находилась в составе Грузии. Однако топоним Эрети в широком смысле в X—XI вв. (да и позднее) употреблялся также в значении территории древнего албанского царства [362, 17].

В общем, этот вопрос требует специального дальнейшего исследования. Ясно только одно: эры по происхождению являются албанским племенем и эр (Нэр) было их самоназванием.

Правда, еще Н. А. Бердзенишвили полагал, что этноним эр восходит к грузинскому эри — «армия», «военная дружина» [175, 623]. Такое же мнение высказывает Т. Г. Папуашвили [422, 187}. Это вполне возможно, ибо как отметил Г. В. Цулая, допустимо, что «албаны» — эры играли важную роль в формировании феодального общества Восточной Грузии [39, 42]. Добавим здесь, что можно привести много аналогичных примеров того, как инонаименование, данное одним (соседним) этносом другому, со временем превращается в самоназвание, или же самоназвание отражается в социальной терминологии соседнего этноса. Если даже допустить, что этноним эр восходит к грузинскому эри (что, однако, по нашему мнению, не убедительно, потому что в этом случае необъяснимым остается причина отпадения исконного «Н» в этнониме Нер), это относится лишь к вопросу об этимологии этнонима эр, а в данном случае разговор идет о том, что конкретное албанское племя называлось эр и этот этноним сохранился до сих пор в самоназвании кавказоязычных крызцев и хапутлинцев в Азербайджане. Поэтому мнение И. Г. Алиева [132, 164}, солидарного с В. И. Абаевым [114, I, 245—247] и Ю. С. Гаглойти [208, 27} в том, что албанский этноним эр восходит к самоназванию ираноязычных осетин — ирон, на наш взгляд, несостоятельно.

Леги. В Албании в раннем средневековье жили и леги — предки современных лезгин и лакцев. Впервые Страбон (XI, 5, 1) и Плутарх (Плутарх, Помпеи, 25) отмечают, что леги и гелы (предки современных ингилойцев) обитают между албанами и амазонками. В древнегрузинских источниках этноним лек является собирательным названием всех народов Дагестана. Но, видимо, леки жили и севернее Албании и входили в албанский союз племен, потому что в одном грузинском источнике этноним леки употреблен в значении албанов [см. 39, с. 43]. К сожалению, о роли легов-лезгин в экономической и политической жизни Албании в источниках нет упоминаний. Несомненно, однако, в этногенезе азербайджанцев лезгины играли определенную роль и часть их обитала в северо-восточной Албании. В арабских источниках в зоне Дербента упомянута крепость Михйарнйа (см. 395, 161), от Михйар и арабского суффикса «йа». Насколько известно, этимология этого топонима до сих пор не предлагалась. Между тем, это топоним восходит к лезгинскому слову михар «склон горы».

Следует отметить, что в древнегрузинских источниках упоминается еще племя судж в северо-западной части Албании. Местом обитания этого племени в тех же источниках называлось Суджети. В грузинской исторической литературе суджн считаются кавказоязычным албанским племенем и отмечается, что они были ассимилированы грузинами [420, 69—70}. Можно только предполагать, что судж было наименованием предков какого-то современного народа юго-западного Дагестана. В связи с этим вызывает интерес устное сообщение наших информантов, сделанное в г. Закаталы в 1964 г., согласно которому там в древности жили также какие-то зуги, местообитанием которых в древнегрузинских источниках назван Цукети.

Таким образом, основными кавказоязычными племенами в Албании, определенными сегодня нами, являлись только предки современных кавказоязычных этнических групп Азербайджана — аварцев, цахуров, лезгин, удин, крызцев, хиналугцев и будугцев; они обитали к северу от реки Куры и в античных и раннесредневековых источниках они имели также общее собирательное наименование «албан». Языки указанных племен относятся к языкам аварско-андийско-цезской и лезгинской подгрупп восточнокавказской группы кавказских языков.

III. Ираноязычные племена

Топонимические исследования показали, что ряд древних топонимов Азербайджана является по своему происхождению ираноязычным. Часть этих топонимов оставлена ираноязычными племенами, а часть образовалась от персидских слов, бытовавших в языке древних азербайджанцев.

К древним ираноязычным племенам Албании относятся гелы, маскуты, парсы, парны, анарнаки и мехраны.

Гелы. О племени гел в Албании сообщают античные авторы. Страбон отмечает, что гелы и леги живут между албанами и амазонками (XI, 5, 1). Это повторяет и Плутарх (Помпеи, 25). Этноним лег является наименованием древних лезгин, о чем говорилось выше. Что касается гелов, то исследователи это сообщение Страбона толковали по-разному, и поэтому гелов неверно локализовывали в различных местах: «в горах Кавказа», «на Северном Кавказе» и т. д. И. Г. Алиев [130, 104, прим. II], исходя из топонима Гелакуни, гелов помещал еще в районе озера Севан (в «Армянской географии VII века», С. 48: «Гелакуни с морем», т. е. Севаном). Это мнение заимствовано автором у К. Патканова, который писал о созвучии Гелан (т. е. Гилана в Иране) и Гелакуни [4, прим. 3, с. 61}. Армянская область Гелакуни восходит к урартскому Уеликуни [382, 67]; об этом писал также Гр. Капанцян [312, 22]. В надписи Урартского царя Русы I область бассейна озера Севан назван Уелику(хи) [155, 12], Как видим, древний топоним Гелакуни не имеет ничего общего с этнонимом гел и топонимом Гелан. Было высказано и мнение, что гелы жили в Южном Дагестане [140]. С. Т. Еремян писал, что «племена гелов и легов локализуются на северо-восточных рубежах Кавказской Албании» [298, 51]. Эта ошибочная локализация связана с тем, что С. Т. Еремян древний топоним Гелаву в Албании, который он правильно связывал с этнонимом гел, отождествлял с современным селением Калва в Ахсуинском районе — в Нагорном Ширване [296, 47]. Однако топоним Калва не имеет отно]шения к топониму Гелаву.

Как было нами показано [219], гелы обитали на границах между северо-западной Албанией и нынешним юго-западным Дагестаном. Источники последующих веков подтверждают это мнение и позволяют прийти к более точному выводу , а именно. Что гелы обитали в северо-западной части Албании. Наше мнение подтверждается следующими фактами. Место обитания гелов в Албании Клавдием Птолемееми (II в.) отмечено как Гелда (Птолемей ,V,XI, 2) – от этнонима гел и неизвестного форманта «да». Впервые топоним Гелда с этнонимом гел связал И.Г.Алиев, однако, он, как и С.А.Ковалевский (327, 35) и К.В.Тревер (482, 275), пункт Гелда локализовал на месте нынешнего Дербента [130, 104]. Но Гелда находилась в северо-западной Албании, и этот топоним - Голода или Голуда – до сих пор сохранился среди аварцев и цахуров как название местообитания ингилойцев Закатальского района, где и ныне живут гелои – ингилойцы. Можно предполагать, что Гелда у Птолемея является искажением от Голода. А.Бакиханов отмечал, что Голода до XVIII в. было названием верхней части округа Илису Кахского района [166, 53]. По П.К.Услару, Голодой назывался Джаро-Белоканский Округ [495,68].Так или иначе, Голода среди дагестанцев было наименованием области обитания гелов.Источники последующих веков также подтверждают это мнение и позволяют прийти к выводу о том, что гелы обитали в северо-западной Албании.

В «Армянской географии VII века» место обитания гелов указано достаточно чётко. В ней этноним *гел* написан в форме *хел* и они помещены рядом с племенами *шилб* (в античных источниках - *силв*, предки современных аварцев) – тчигб (предки современных цахуров; 4, 37), то есть там, где и ныне ингилойцы живут рядом и смешанно с аварцами и цахурами. Отсюда можно прийти к выводу, что не все современные аварцы и цахуры северо-западного Азербайджана являются пришлыми, переселившимися сюда в начале XVII в., как это считают некоторые грузинские исследователями.Предки этих племён жили в Эрети и являлись албанскими племенами. Не случайно, названия рек Иори и Ганых (Алазань) восходят соответственно к аварскому иор «река», «вода» и цахурскому хан «вода», «река». Армянский историк XVIII века Гевонд среди албанских областей к северу от Куры перечисляет и Гелаву [35,92], наименование которой С.Т.Еремян связал с этнонимом гел [295,304]. Топоним Гелаву отражает гел и обозначает место, где они обитали в северо-западной Албании. Привлекает внимание и то, что топоним Гелаву созвучен с этноьнимами гелой, гелоу и гелаву соответственно среди азербайджанцев, цахуров и аварцев северо-западного Азербайджана, которыми, как отмечено выше, называют ингилойцев.

Не вызывает сомнений то обстоятельство, что после упразднения самостоятельности албанской церкви в начале VIII в. христианское население северо-западной чати Албании - Эрети подпало под влияние грузинской церкви, в результате чего часть населения, в том числе гелы – предки современных ингилойцев, и другие албанские племена огрузинились по языку. Возможно, влияние грузинской церкви возросло особенно с начала IX в. с возвышением Кахетинского царства, которое распространило свое влияние на юго-западе на Эрети [175, 511]. Это мнение высказано в работах Н. Я. Марра, З. М. Буниятова, С. Т. Еремяна, А. Г. Шанидзе, А. П. Новосельцева, Т. Г. Папуашвили, Г. В. Цулая, Д. Л. Мусхелишвили и др. Исходя из этого нами впервые была предложена гипотеза о том, что нынешние ингилойцы в северо-западном Азербайджане, которых считают по происхож-дению грузинским племенем (во всяком случае в грузинской исторической литературе), являются потомками гелов [219].

Грузинское *ингило* (от азербайджанского «йенигелой», т. е. «новые гелои») является наименованием древних гелов. Происхождение этого наименования связано с рядом исторических событий.

В настоящее время ингилойцы проживают компактно и смешанно с азербайджанцами, аварцами и цахурами в Закатальском, Кахском и Белоканском районах. Большая часть ингилойцев (в Закатальском и Белоканском районах) — мусульмане, а часть (в Кахском районе) — христиане. Они стали христианами (уже вторично) с 1850 г. хотя этот процесс начался еще в 1822 г. [см. 219].

Еще с XIX в. существует мнение, что этноним *ингилой* образовался от азербайджанского *йенгийол*, — от *йенги* «новый» и *иол* «путь», а сами ингилойцы являлись грузинами, принявшими исламскую религию в начале XVII в., в связи с чем якобы возник этноним *ингилой* в значении «новообращенный».

Однако толкование этнонима *ингилой* от «йенгийол» в значении «новый путь» неубедительно. Ведь само наименование имеет форму не «йенгийол», а «йенигелой», оно образовалось от азерб. йени «новые» (в смысле «новообращенные») и этнонима гелои, т. е. гел (см. выше), в смысле «мусульмане-гелои». До 1616—1617 гг. все гелы (гелои) были христианами. Когда в указанные годы Шах Аббас I занял Кахетию с помощью горцев, последние (аварцы и цахуры) завладели ее восточной частью. Они создали здесь общины и поселения, и христианская часть населения (в основном гелои) была насильственно обращена в ислам [см. 436, б]. Поэтому среди азербайджанцев возникло наименование *йенигелой* «новообращенные гелои». Следовательно, от начала XVII в. до середины XIX в. все бывшие христиане- гелои являлись мусульманами, но с 1850 г., как отмечалось выше, часть их под влиянием грузинской церкви вторично перешла в христианство. Но этнонимом йенигелой назывались как мусульмане, так и христиане, и он вошел в грузинский язык в форме «ингило». С этими событиями и связано происхождение наименования ингилой.

Как видим, истинным самоназванием ингилойцев было не «грузин» (ингилойцам чужд этноним сакартвело). Если бы грузинские исследователи вместо чисто умозрительных рассуждений провели серьезную этнографическую работу среди ингилойцев, они бы наверняка выявили, что ингилойцы между собой называют себя не «гюрджи», а «гели». Так называются ингилойцы и ныне: среди азербайджанцев — гелой, среди аварцев — гелоу и среди цахуров — гелаву.

Таким образом, этноним ингилой возник после XVII в. и он впервые упоминается в литературе XVIII века. В том же веке возникло наименование Саингило «страна (земля) ингилойцев» в грузинском языке [см. 421]. Следовательно, грузины в нынешней северо-западной зоне Азербайджана никогда не проживали. Обитали же здесь, как это указано в древнегрузинских источниках, рани (т. е. албаны), гелы — мовакани (см. ниже) и предки крызцев, аварцев и цахуров.

Итак, как мы показали выше, ингилойцы являются потомками албанского племени гел и они издревле жили в северо-западной Албании, в соседстве с предками аварцев и цахуров, и область их расселения среди соседей называлась Гелда (Голода, Гелаву) — все эти наименования восходят к самоназванию предков ингилойцев — этнониму гел.

Теперь мы должны выяснить другой вопрос: кто были гелои—предки ингилойцев по этнической принадлежности?

Долгое время исследователи не могли ответить на этот вопрос. Например, В. Дондуа считал, что «кахи (или часть кахов) и эры являлись предками ингилойцев» [278]. По В. Л. Гукасяну, «на основе удинского диалекта этой зоны в средние века образовался ингилойский диалект грузинского языка» [253]. Оба эти мнения, однако, неверны.

Гелы — предки ингилойцев в Албании были ираноязычными, т. е. говорили на языке иранского типа. Часть гелов в древности обитала на северо-востоке Атропатены — на территории Иранского Азербайджана, в соседстве с кадусиями—предками современных талышей. О гелах в юго-западном Прикаспии сообщают античные авторы — Страбон, Плиний и др. К этнониму гел восходит и этноним гиляк (самоназвание гелов в Иране) и топоним Гилан. К. В. Тревер [482, 47] и З. И. Ямпольский [533, 104] считали гелов обоих регионов — в северо-западной Албании и в Атропатене — идентичными. К. В. Тревер писала: «Гелы, между прочим жили не только севернее албанов, но и у юго-западного угла Каспия (область Гилан), о чем свидетельствует и историческая традиция [482, 47].

Существуют и другие доказательства первоначальной ираноязычности гелов.

К этнониму гел восходит и современный этноним Геллук (Кахский р-н). Развалины поселения под названием Геллук отмечены и в Варташенском районе. Поэтому объяснение названия двух населенных пунктов на почве слово гюль «цветы» — явно неубедительно*[*]. Это село расположено в 5-6 км от горы Армаити (на современных картах - Арматиан), на вершине которой по устному сообщению А. А. Карахмедовой, сохранились остатки храма круглого плана, относящиеся к V—VI вв. Среди населения он называется Перигала («Крепость девы»). Грузинские историки основываясь на сведениях русских авторов XIX века топоним Перигала связывают с именем царицы Тамары, чтобыусмотреть здесь доказательство в пользу принадлежности этой области к Грузии. Другой храм Перигала есть в Закатальском районе и он, судя по развалинам, также являлся храмом огня. А. А. Карахмедова писала: «В связи с исследованием первого храма обнаружилось, что название «Арматион», возможно, говорит о связи с божеством зороастрийского пантеона Армаити- божеством земли, богиней смирения, святой преданности» [313,16-17], (следует учесть также хеттск.

[*]О древности селения Гюллук говорит, в частности, распространённая среди населения Кахского района поговорка: Чайларда Гурмуг, чюллярдя - Турут, кяндлярдя - Эцллцк»: «Из рек – Курмух, из равнин – Турут, из селений – Гюллюк». Народная этимология объясняет этот топоним от азерб. гюль «цветы» и суффикса обладания – лук. На самом деле Гюллюк является искажением от Геллук – от этнонима гел и суффикса принадлежности лук.

Арма «божество Луны»). В 6-7 км от этого храма. На территории села Чардак (ныне - Юхары Чардаглар) сохранились развалины храма огня называемого Чартаг, со значением «четырехсводный» на иранских языках, к которому восходит и название селения Чардаглар*. У Моисея Калакантуйского в этой зоне отмечен пункт Багинк [кн.I, гл 29] – от иранского *бага* «бог (огня») со значением «место жертвоприношения», «капище огня». Возможно, что в данном случае имеется в виду храм огня Чартаг.

О распространении в восточной Грузии огнепоклонничества до принятия христианства сообщает древнегрузинский источник [39, 80-81].

Следует отметить, что ныне этот храм огня среди населения окрестных сел называется Шейтан гала — «Крепость сатаны». Храм огня получил такое название после того, как огнепоклонники-гелы приняли в раннем средневековье христианскую религию и после этого огнепоклонники стали считаться «слугами сатаны».

Между горой Арматиан и храмом Чартак заметны крепостные стены Сасанидского периода; они в грузинских источниках называются Каласур. Но Каласур - не грузинское слово. Оно на языке ираноязычных гелов означает «Большая (великая) стена – от иранского кала «большое», «великое» и арабского сур «крепостная стена».

По всей вероятности, к языку гелов относится древний иранский топоним Гардман в западной Албании. Страбон в той же зоне упоминает реку Рутак. По нашему мнению, этот гидроним может быть связан с среднеперсидским словом rostak с первоначальным значением «русло реки», во всяком случае гидроним Рутак обоазовался от иранского rut (rot) «река».

Возникает вопрос: почему гелы не отмечены в древнегрузинских источниках, если они обитали территориально так близко к Грузии?

Дело в том что в грузинских источниках вместо этнонима гел и названиях местообитания (Гелаву в армянских источниках, или Голода у дагестанцев) употреблён этноним мовакани, и место их обитания также названо Мовакани.Иными словами, в древнегрузинских источниках отражена религиозная принадлежность гелов их огнепоклонничество и они названы в них моваканами –магами. В этих источниках Мовакан - не только топоним, но и наименование особой тгруппы албан, которые не причисляются к картвелам [см.: 39,41]. Область Мовакан располагалась к северу от реки Куры, по сообщению грузинского источника « от устья Малой Алазани (т.е.Иори – Г.Г.) до моря» [9,23]. Разумеется, область Мовакан не могла охватывать всю территорию Албании к северу от Куры между Иори и Каспием. В данном случае древнегрузинский источник, вероятно, имеет в виду религиозную принадлежность (огнепоклонничество) населения этой территории.

Действительно, магами-огнепоклонниками были не только гелы, но и население Ширвана и Апшеронского полуострова. В «Истории албан» (кн.1, гл. 27) сообщается о долине Зергун в северо-западной Албании, к северу от Куры, где находился жертвенник идолопоклонников (кн. 1, гл.7); о стране маскутов, поклонявшихся капищам; отмечена там и «страна багов» («огнепоклонников») – нынешней Апшеронский полуостров.

У Вахшути отмечено, что Мовакан находится между Курой и Алазанью [9,103]. К.В.Тревер [482. 21] и А.П.Новосельцев [411,38, прим.44] ошибочно отождествляли Мовакан грузинских источгников с Муганом ниже Купы и Аракса в арабских источниках.

Итак под этнонимом Мовакани имеются в виду маги-огнепоклонники, так как топоним Мовакан является древнегрузинской передачей топонима Мугкан «страна магов» (огнепоклонников)». Арабский географ Масуди (IX в) к северу от Куры отмечает округ Мугкан и предупреждает, что его не следует смешивать с Муганом на берегу Каспия, т.е.ниже Куры [10, 61]. В древнегрузинском документе 1447 года отмечено село Мухан на реке Иори [16, 160]. Таким образом, обласчть обитания гелов-поклонников в древнегрузинских источниках названа «Мовакан», а сами гелы – «моваканами». Поэтому, может быть, топоним Мовакан не связан с этнонимом маг или муг в узком смысле. Не исключено, что область названа так вследствии принадлежности её населения к огнепоклонникам. Дело в том, что топоним Мовкан отмечен автором XIII века Степаном Орбелианом и в Сюнике.

Следует отметить, что этноним маг, муг, прослеживается и вряже других топонимов северло-западного Азербайджана: Самух, Гохмух. Два Мухаса, Мухбулаг и др. Из вышеизложенного видно, что гелы – предки ингилойцев исконно не были грузинами, они бывшие огнепоклонники и перешли на грузинский язык, лишь приняв христианство. Действительно, откуда ингилойцы изначально могли быть грузинами по этнической принадлежности, если они не имеют грузинского самоназвания и нет ни одного населённого пункта, ни одного названия горы или реки этой зоны, которые можно было бы объяснить на почве грузинского языка?

После принятия христианства и вхождения временами области Эрети в раннем средневековье в состоав Грузии они были ассимилированы и стали грузиноязычными. Однако, Т.Г.Папуашвили не согласен с такой трактовкой. Он пишет,что этноним *ингилой* является социальным термином, но в то же время не раскрывает его содержания и значения [422,189], и не объясняет, , каким образом социальный термин превратился в этноним. С другой стороны, он считает, что этноним этот происходит от названия села Йенгиан (Закатальский р-н), возникшего в XVIII в. и означающего на азербайджанско языке « Новое село». Ясно, что наименование ингилой (от азерб. йенгелой – «новые гелои») могло возникнуть после XVII в; это подтверждается тем. Что данный этноним не засвидетельствован в грузинских источниках даже у Вахушти (XVII в). Но дело в том, что

* Население Чардаглар является пришлым - это аварцы, переселившиеся в XVII веке из Дагестана. В конце XIX в. образовался отсёлок Ашаги Чардаглар, и поэтому материнское село стало называться Юхары Чардаглар.

ингилой как социальный термин неизвестен и в истории Азербайджана XVIII - XIX в. Отсюда очевидно, что объяснение происхождения этнонима ингилой у Т.Г.Папуашвили совершенно произвольно. Он, видимо. Не модет согласиться с тем,что ингилойцы - потомки албанского племени *гел*, принявшегно в раннем средневековье грузинский язык, и поэтому, оспаривая наше мнение, считает, что «уже в этой формулировке свквозит сомнение автора в принадлкежности ингилойцев к грузинам» [422,189]. Однако факты – упрямая вещь, онги недвусмысленно говорят о том, что гелы в Албании были ираноязычными и в раннем средневековье были ассимилированы грузинами.

Маскуты. В северо-восточной Албании в раннем средневековье обитали маскуты, которые в спервых веков нашей эры имели здесь свое княжество. В «Истории албан» область распространения маскутов названа «страной маскутов». «Страна маскутов», по мнению некоторых исследователей, охватывала территорию между Дербентом и горой Беш-Бармак. [295,304]. Однако согласиться с этим мнением трудно, мы считаем, что южная граница страны маскутов на юге проходила по реке Вельвельчай. Ниже это йреки до Беш-Бармака обитали савары (Шабаран), хурсы (Хурсан) и таты-хизинцы (Хизан). Поэтому не верно мнение о том, что маскуты якобы обитали и на Мугани [163,19]или до Куры (там же). Ещё С.Т.Еремян ощибочно локализовал земли маскутов между реками Самур и Гилигильчай [296, 64] и с этим согласилась С.Б.Ашурбейли (163, 19). Это княжество просуществовало до 520 г. Страна маскутов с городом Чол ниже Дербента принадлежала албанам, как видно из сообщения албанского историка Моисея калакантуйского о том. Что «блаженный Елисей…просветил только северную часть нашего Востока» (кн 1. гл.6).

Впервые этноним (и топоним) *маскут* упомянут в надписи Сасанидскогоцаря из Пайкули в Иране, относящейся к 293 г.,где в числе царей и государств, подчинённых Саснидам , перечислен также «царь маскутов» [317,53]. В этой надписи упоминается и «владетель Зурада».ю С.Ю.Касумова топоним Зурад считает видоизменением топонима Чол (в некоторых древнеармянских источниках Чор, восходящий к сирийскому Зор) в стране маскутов в Албании [316,54]. Однако это продолжение ошибочно. Зурад не имеет никакого отношения к городу Чол, хотя бы потому, что княжество маскутов и город Чол в той же стране маскутов не могли иметь двух разных равноправных правителей. В.Г.Луконин локализовал Зурад около озера Ван. Выражение «царь маскутов» в связи с событиями середины IV века встречается и уармянского историка V века Фавста Бузанда (кн.III, гл. 6).

Происхождение этнонима маскут (иногда мазкут) неясно. Ряд исследоватеелй считает, что маскут является фонетической формой отс этнонима массагет в античных источниках. К. В. Тревер, не соглашаясь с этим мнением, писала, что маскуты армянских источников являются одним из племен хонов по этнической принадлежности народности кавказского происхождения [482,193—194]. Однако мы считаем, что это предположение К. В. Тревер неубедительно ввиду следующего.

1. Аноним Равенский (или Равенский Космограф — 670 г.) сообщение которого восходит к Певтингеровской карте (древняя карта Европы и Азии), составленной в III веке нашей эры, упоминает «патриа-масагатион», т. е. «проход массагетов», который может быть только «гуннским проходом» или «проходом хонов» армянских источников в зоне города Чол, ибо в этом же источнике «Кавказский проход», «Албанский проход» и «Каспийский проход» упоминается отдельно. Важен тот факт, что в источнике «проход массагетов» зафиксирован между «проходом Албан» (в северо-западной Албании?) и «проходом Каспи» в зоне Дербента [585,5—5].

Таким образом, «проход массагетов» и есть «проход маскутов», а последний — это «проход Чол» или «проход гуннов» древнеармянских источников.

2. Валерий Флак (2 пол. I в.), касаясь Каспийского прохода (т. е. Дербентского прохода), отмечал: «...каспийские теснины: влача в плен массакета и мидянина...» (Валерий Флак, Аргонавтика, кн. V, 120—126). Ясно, что эти массагеты могут быть только маскутами северо-восточной Албании, т. е. обитавшими ниже Каспийских теснин, или будущего Дербента.

Кроме того, армянский историк V века Агафангел употреблял выражение «масаха-гунны», в котором этноним масаха является фонетическим производным (или искажением по вине переписчиков) этнонима массагет античных источников [см. 482, 193]. (Ср. Аммиан Марцеллин, кн. XXIII, 5, 16: «земли албанов и массагетов») С. Т. Еремян полагает, что этноним маскут в форме мазасес засвидетельствован еще Плинием (Плиний, VI, 2) в перечне народов, «обитающих от Меотиди до Керавнских гор» 1298,54].

Как видим, маскуты не были кавказоязычным племенем: есть серьезные основания, полагать что маскуты армянских источников являются массагетами античных источников.

О массагетах впервые писал Геродот и помещал их на восток от Каспия. Он сообщал, что на востоке к Каспию «примыкает безграничная необозримая равнина. Значительную часть этой огромной равнины занимают упомянутые массагеты, на которых Кир задумал идти войной» [I, 204]. По Геродоту, именно они оттеснили скифов на запад через Араке (IV, 11). Существуют различные мнения о том, названием какой реки был этот Аракс: Сырдарьи, Амударьи, или Волги [см. 277, 181, 184]. Массагетов считают одной из групп саков Средней Азии [277, 182]. По мнению И. М. Дьяконова, вслед за скифами часть массагетов пришла в Албанию — это были маскуты [283, 245]. Это говорит в пользу того, что маскуты в Албании являются частью массагетов Средней Азии, но когда произошло это частичное переселение —неизвестно.

Этническая принадлежность массагетов-маскутов спорна. В настоящее время в советской скифологии их относят к ирано-язычным, но ряд западно-европейских исследователей массагетов считает монгольским

племенем [277, 182]. Во всяком случае Захария Ритор, говоря об аранском языке в Албании—Аране специально отмечает, что собственный язык имеют и базгуны (т. е. маскуты, — форма образованная чередованием «м» и «б»,характерным для тюркских языков и заменой конечного «т» на «н») и их владения распространяются до Каспийских ворот [432, 65]. Ираноязычность массагетов видна из сообщения Аммиана Мариеллина о том, что они являются предками алан (Аммиан Марцеллин, XXIII, 51, 16). Исходя из этого сообщения, некоторые исследователи (например, В. Ф. Минорский, В. И. Абаев, Ю. С. Гаглойти и другие) маскутов в Албании отождествляли с аланами — предками осетин. Однако такое отождествление вряд ли правомерно. Маскутов можно считать лишь ираноязычным племенем, родственным по языку с аланами-осетинами, которые позже были ассимилированы тюрками. Носители этнонима алан по объяснению В. И. Абаева, восходят к ариуа и были автохтонным населением Северного Кавказа и Причерноморья а не Средней Азии. Поэтому объяснение этнонима массагет, предложенное В. И. Абаевым как «человек-олень» на почве осетинского языка [115, 350], выглядит неубедительным. Некоторые исследователи отождествляют массагетов с саками, потому что последних также считают ираноязычными. Существуют различные этимологии этнонима массагет: «великие саки» «рыбоеды» «великие геты» и др. [277, 183]. Однако, как будет отмечено ниже, этноним массагет античных авторов является искажением (удвоение «с», как и в этнонимах тиссагет, исседон и др.) от этнонима масакат. Если выделить в нем компонент маз в значении «большой», то где же тогда этноним сак(а)? Правда, часть саков — «саки хаумаварги» древне-персидских источников обитали где-то в районе Аральского моря, однако отождествление их с массагетами по меньшей мере спорно.

Этот этноним сохранился в современном топониме Мушкур наименовании междуречья Самура и Вельвельчая в северо-восточном Азербайджане. Это установил еще в прошлом веке П. Г. Бутков. Поэтому С. Б. Ашурбейли не права, когда пишет,что Мушкур в средние века был названием равнины между реками Самур и Гильгильчай [163, 19]. Не права она и утверждая, что маскуты владели территорией вдоль Каспия, от Дербента до устья реки Куры [163, 19—20]. Это ошибочное мнение недавно повторено и А. А. Акопяном [128, 104]. В действительности в землю маскутов входила территория нынешних Хачмасского и Кусарского районов Азербайджанской ССР и территория к северу от реки Велвелечай до Дербента. Интересно, что к югу от Самура часть Мушкурской равнины на севере между Кусарским и Хачмасским районами, до сих пор называется Маскатар (от этнонима маскат и суффикса множественности «ар» в лезгинском языке). Известно, что этот топоним в арабских источниках также имеет форму Маскат; с ним связано в арабских источниках наименование крепости Маскат, расположенной, как справедливо указывает С. Б. Ашурбейли, на правом берегу Самура [163, 98]. Кроме того, в районе реки Самур есть гора Мастырга. Следует отметить, что в надгробных надписях середины XIX века топоним Маштага (название населенного пункта на Апшеронском полуострове) написан Мэшгэтэ (от Машгата), несмотря на то, что в то время этот населенный пункт уже официально назывался Маштага.

Топоним Маскат в арабских источниках - это нынешний топоним маскатар (название равнины на правом берегу реки Самур) Название горы Мастырга (от Маскатарга) топонимы Мускут или Мускур (в междуречье Самур-Вельвельчай) и Мастага (на Апшеронском полуострове) говорят о том, что этнонимы маскут или массагет являются.фонетическими производными от масакат или масагут и этот этноним действительно был самоназванием определенной этнической общности. Иными словами, этноним масакат в античных источниках передавался в форме массагет (с удвоением «с»), а в древнеармянских — маскут. В. И. Абаев [115, 318] в этнонимах массагет и тиссагет выделяет осетинское слово сак «олень» и таким образом допускает принадлежность их к сакам. Так или иначе, этимологизирование этнонима массагет как «великие саки», «великие геты», «рыбоеды» и т. д. не убедительны, потому что исконной формой этого этнонима, как уже отметили, исходя из отражения его в топонимах, была масакат или масагут, т. е. с одним «с», что видно от этнонима масагут в Башкирии [344, 313].

Ираноязычность маскутов (масакатов) может быть подтверждена следующими данными. Во-первых, население села Маштага (от Маската—Машката) на Апшеронском полуострове до недавнего времени говорило на иранском татском языке. Во-вторых, вспомним, что начиная с I века нашей эры (вернее с 63 г. н. э.) в течение 500 лет Албания управлялась младшей аршакидской династией. Вероятнее всего, маскуты были переселены на новое место жительства аршакидами. Помпеи Трог (I в.) писал, что парфянский царь Митридат (170—139 гг. до н. э.),«подчинив своей власти множество народов, распространил Парфианское царство от кавказских гор до реки пвфрата» (XL, 1, 6, 8). Известно, что парфяне завоевали Атропатену в промежутке между 161—155 гг. до н. э. Албанские цари аршакидского происхождения (Ьачаган Храбрый, Ваче I, Урнаир, Вачаган II, Аревален, Вачаган 111 Благочестивый, Ваче И и др., (хотя некоторые из них состояли в родстве с Сасанидами) были связаны с ними.По Егише, Ваче II в 462 г., когда отрекся от престола, «со своим маскутским ополчением отправился в Чол, откуда происходил его род». В топонимии северо-восточного Азербайджана заметны восточно-иранские слова калан «большой» (гора Калангар—«Большая гора»), дан (зан) «вода» (Халтан — «теплая вода») и др. Выше было приведено сообщение Захарии Ритора (VI в.) о том, что насельники области Базгун (т. е. Маскут армянских источников) имеют свой язык, отличный от арранского, т. е. албанского языка.

Но среди маскутов были и гунны, и название столицы этого княжества Чол восходит к тюркскому этнониму чол. Например,в «Истории албан» отмечено, что Санесан (царь маскутов) «с бесчисленным множеством гуннских войск нашествовал на Армению» (Моисей Каланкатуйский, кн. I, гл. 14). Фавст Бузанд называет Санесана повелителем многочисленных гуннов (кн.III, гл. 8).

Итак, маскуты являлись частью восточно-иранского (однако ираноязычность маскутов сомнительна) племени массагетов Средней Азии, но среди них в северо-восточной Албании обитали и гунны. Это те гунны, о которых в соседстве с албанами упоминает Дионисий Периегет. Сказанное подтверждается сообщением Захарии Ритора о том, что «каспийские ворота (т. е. Дербент. — Г. Г.) находятся в пределах гуннских» [431, 114]. Однако вопрос о происхождении гуннов, обитавших среди маскутов, еще не ясен. Возможно, что маскуты обитали здесь до появления гуннов, но, начиная с первых веков н. э., последние с Северного Кавказа проникли на юг и подчинили маскутов себе. В дальнейшем, начиная с VIII—X вв., в процессе формирования азербайджанцев маскуты растворились в среде азербайджанцев и ираноязычных татов северо-восточного Азербайджана. Последнее, в частности, видно из того, что население селения Маштаги, как отмечено выше, говорило на татском языке. Так или иначе, маскуты в этническом процессе в Албании играли определенную роль. После X века маскуты в источниках не упоминаются, что говорит о том, что к тому времени в связи с формированием азербайджанского народа они в основном уже были ассимилированы.

Предполагается, что этноним маскут, маскат сохранился в топониме Мускур (название Прикаспийской низменности от реки Самур на севере до реки Вельвеле на юге — см. 395). Топоним Мускур известен с XIII века. Во всяком случае, упомянут философ, араб по происхождению шейх Йусуф Мускури Ширвани,который, по А. А. Бакиханову, родился в селе Мускур этой области в XIII веке. Поэтому, если топоним Мускур восходит к этнониму маскут, то перенос этого понятия произошел до XIV века.

Другие ираноязычные племена. Античные авторы на юге При'каспия упоминают племена анариак, парси, ути, гиркан, мард, кадус и др. О них мы скажем в III главе. Однако, исходя из раннесредневековых топонимов в Албании, можно заключить, что часть указанных племен обитала и в Албании. Еще А. Г. Адонцом была высказана мысль, что здесь часть миков и ути перешла где-то на рубеже нашей эры на север [123, 420}. Нам кажется, что это переселение состоялось раньше, во всяком случае до I в. н. э., потому что ираноязычные гелы в Албании уже упомянуты Страбоном в сообщении, которое, видимо, отражает этническую ситуацию I в. до н. э., то есть времени похода Помпея в Албанию. Именно к концу I тыс. до н. э. следует отнести переселения утиев и миков на север, о чем мы уже говорили выше. Вместе с ними, по нашему мнению, переселилась часть гирканов, парное, энианов, парсиев, анариаков и мардов.

Парны. В Албании обитали также носители этнонима, который в источниках зафиксирован как обарен, апарн и пари. Вперству с удинами отмечает обаренов. С. Т. Еремян полагает, что эти апарны жили в Баласакане — Каспиане [298, 56], т. е. ниже Куры после слияния ее с Араксом, на Мугани, где, по сообщению Хамдаллаха Казвини (XIV в.), действительно существовал город Абаршахр. Это согласуется с сообщением Егише (V в.), отметившим «народ апарн в Баласакане».

Существует мнение, что эти апарны были парфянами, потому что самоназванием парфян было пари [498, 259]. Еще Страбон народ апарн помещал на востоке от Каспия, где позднее были известны ираноязычные парфяне: «Апарны находятся ближе всего к Гиркании и пограничному с ней морю» (Страбон, XI, 7, 2).

Жили парны на территори к югу от Куры не позднее I века до н. э., исходя из сообщения Стефана Византийского, что обарены населяют часть Армении, прилегающую к реке Куре [см. 2]. Упоминаемая «часть Армении» (в данном случае к югу от Куры) отражает ситуацию II—I вв. до н. э., когда Каспиана — терртория к югу от Куры после слияния с Араксом — относилась к Армении. С этими обаренами, вероятно, связан раннесредневековый Абаршахр, где-то на территории нынешнего Джалилабадского и Масаллинского районов, называвшийся также Хамашахром (сохранился в гидрониме Мишарчай), от иранск. хаома и шахр «страна». По нашему мнению, часть парнов продвинулась на север и обитала в Арцахе, и поэтому Моисей Каланкатуйский там упоминает кустак Парнес, (где-то в районе Парисос), от этнонима парн и армянского суффикса «с».

Каким образом парфяне оказались в Албании? Как известно, Гиркаиия, т. е. область на юго-восточном побережье Каспия и долина реки Гурган (Атрека) входили в состав Парфянского царства. Эти парфяне пришли в Албанию через Гирканию, возможно, с апарнами, гирканами и др. И. Г. Алиев и Ф. Л. Османов ванночные (саркофагные) погребения Кавказской Албании последних веков до и. э. и первого века н. э., выявленные в Нагорном Ширване, относят к парнам-парфянам и отмечают, что «распространение обряда ванночных погребений в интересующем нас районе (Исмаиллы — Геокчай— Куткашен. — Г. Г.), начиная приблизительно со II в. до н. э. следует связать с усилением парфянского влияния и относительно широким проникновением парфянского элемента в Албанию» [138, 65].

Парсии. В Албании обитали также парсы (парсии). В древних источниках в Албании отмечены топонимы, в которых, несомненно, отражен этноним парс: Парсакан (от этнонима парс и армянского сложного суффикса «акан») — в «Истории албан» (VII—X вв.); у автора XII в. Мхитара Гоша [40] и в документе 1447 года—Парис в зоне Барды. В архивном документе 1727 года этот топоним отмечен как Бариз [556], а в XIX веке в Карабахе обитало племя Бэрэзлэр (от параслар), говорившее на азербайджанском языке. По М. Бархударяну, Парсакан или Апарисакан, упоминаемый в «Истории агв]ан» Моисея Калакантуйского, был названием равнины расположенной по берегам реки Тертер (168). Поразительно, что этот этноним в форме Парис сохранялся до XIX в. в Джеванширском уезде, а в настоящее время имеет форму Борис — в Шаумяновском (сельском) районе. В начале XIX в. там обитали армяне , а в середине указанного века туда были поселены русские семьи. После этого армяне стали преселяться оттуда по соседству в место, которое называлось у азербайджанцев Ермени Бориси. В результате образовалось два селения: Ермени-Бориси (« Армянский Борис») и Рус-Бориси (« Русский Борис»). В архивном документе 1727 года в Нагорном Карабахе

отмечено два населённых пункта Парис - в округе Баргушат (в нынешней Кубатлинско-Зангеланской зоне) и Бариз [556]. Вероятно, племя бярязляр было тюркизированными потомками древних парсиев Арцаха, как и жители сс.Парис, (Бариз, Борис). (Село Барис с азербайджаноязычным населением есть и в Иранском Азербайджане - 537, IV, 74).

По свидетельству Страбона анариаки-парсии обитали на юге от Каспия, в Атропатене. Однако, как видим, часть парсиев, о которых писал Страбон, жила и в Албании, на территории нынешнего Шаумяновского (сельского) района на Карабахской равнине.

Безусловно, парсии были ираноязычным племенем Албании. Прав Н. Г. Адонц, который считал, что топоним Парсакан отражает парсиев Страбона [123, 425]. Э. А. Грантовский считает, «что парсии этнически родственны по происхождению персам [239, 171]. Надо отметить, что топоним Парск есть и у Фавста Бузанда (кн. V, гл. 14). Но он его упоминает лишь тогда, когда говорит о каспиях. Надо, вероятно, согласиться с С. Т. Еремяном, что Парск является искажением от древнеармянского Каспк — «страна каспиев» [296, 88]. Поэтому надо признать, что Э. А. Грантовский прав, когда утверждает, что Парск (т.е. Каспк) Фавста Бузанда находился у Каспийского моря, поблизости от устья Аракса [239, 170]. В действительности, село Борис, в названии которого отражен этноним парс, как сказано выше, находилось в зоне Барды —ныне в Шаумяновском (сельском) районе. Но когда Н. Г. Адонц вслед за Х. Хюбшманном [576, 349] отождествляет Парсакан (от Парис и армянского суффикса -акан) Моисея Каланкатуйского с Пазканком (из-за варианта Пазканка по вине переписчиков в форме Парзканк, Парсканк в некоторых рукописях) в Албании (название области, которое означает Пачанк, см. выше), то он ошибается [123, 425].

В связи с парсиями в Албании определенный интерес вызывает древний топоним Амарас (Гадрутский район). С. Т. Еремян писал, что упоминаемый Страбоном город Анариака, «возможно, следует искать на месте Амарас» — т. е. в Албании [298]. Однако это предположение вряд ли верно, потому что город Анариака Страбоном помещен в юго-западном углу Прикаспия (Страбон, XI, 7, 1). Что касается Амараса, то, вероятно, он также независимо от Анариака Страбона восходит к этнониму анариак, от анаре (амаре) и суффикса -ас на армянском языке (как в гидрониме Лубнас, Лопнас), тем более, что в Албании, как сказано выше, обитали парсии, а из сообщения Страбона мы знаем, что п юго-западном Прикаспии «парс» было другим названием анарнаков (Страбон, XI, 7, 1).

Вероятно, ираноязычными насельниками оставлены некоторые топонимы Арцаха, в том числе Киш (ныне Гиши-Параватумб), название которого связано с персидским словом киш, «культ». На месте этих киш(ов) были построены и христианские храмы.

Трудно сказать что-нибудь определенное о связи названия албанской области Парисос с этнонимом парс. Упоминаемый в древнеармянских и древнегрузинских источниках IX—XIII вв. албанский населенный пункт Парисос (у Низами Гянджеви в поэме «Хосров и Ширин» — Перисуз, см. подробно — 224. 140) локализируется в Кедабекском районе с нынешним Галакендом. Действительно, на территории этого селения, на вершине горы сохранилась древняя крепость, которая среди населения называется «Короглу-галасы» («Крепость Короглу»). Но Парисос был и названием округа, который, по М. Бархударяну, охватывал территорию между средним притоком реки Шамхор, продолжением Гегамской горной цепи, берега юго-восточного притока реки Тауз (Ахинджа) и начало равнины (168, 34).

В связи с парсами в Албании следует остановиться еще на одном вопросе. В Албании — на Апшеронском полуострове, в Нагорном Ширване и в северо-восточной зоне до границы маскутов — чересполосно с другими этническими общностями жили предки нынешних ираноязычных татов-огнепоклонников и татов -христнан, И. Березин писал в середине XIX века, что жители Апшеронского полуострова (кроме шести селений) говорят на татском языке (176, 39).

Как известно, на татском языке говорили еще горские евреи (джухуты) в Ширване и Кубе и христиане-таты — в селениях Старый Хачмас и Килвар (Дивичинский и Хачмасский районы). Этот вопрос еще не стал предметом специального исследования, хотя некоторые его аспекты затронуты в нашей монографии [224].

Татский язык исконно является языком определенной иранской этнической общности, которая, безусловно, входила в круг иранских племен Ирана, но как называлась в древности — неизвестно. Во всяком случае, в отличие от татов селений Балаханы и Сураханы на Апшероне, которые имеют самоназвание «парс», татам других зон это самоназвание неизвестно. Поэтому не яс]но, является ли слово «таг» этническим названием. Скорее всего *mam* является общим инонанменованием определенной группы ираноязычных племен. Махмуд Кашгари отмечает, что татами тюрки называют тех, кто говорит на фарси (МК, II, 280). По мнению исследователей, первоначальное значение слова тат было «иранец», «говорящий по-ирански», «оседлый», «земледелец». Существует мнение, что ираноязычные таты были переселены в Албанию из Ирана Сасанидами для охраны северных границ в связи со строительством Дербентской стены.Следует допустить, что таты в северо-восточной Албании обитали компактно, и вероятно, ассимилировали часть тюркских племен начала раннего средневековья (например, жители селений Даг Кушчу и Чол Кушчу в этой зоне, говорят на татском языке, хотя кушчу по происхождению является тюркским племенем), а позднее часть арабов (сел Афурджа и Фириг Кубинского района и др.).

Татский язык , как полагают, восходит к одному из периферийных диалектов среднеперсидского языка [416, 70]. В татском языке сохранилась масса древнетюркских слов (см. ниже с. 452-455), но есть и слова из кавказских языков (например, татск. нящ «масло» и нах «масло»* в ряде дагестанских языков); татск. гага «яйцо» , «круглое» - грузинск. как «зерно», «ядро»; какали «грецкий орех»; сванск. как «орех»; мингрельск. как «штука», «круглая застёжка»; абхазск. – адыг. как «яйцо»; лезг.кака «яйцо»; татск. джад «кукурузный хлеб» - груз. джади «кукурузеый, просяной хлеб»; (ср. также аварск. ced; цахурск. cad, лакск. ccat, лезг. cat, удинск. Cat и др.) ; татск. тумара «шерстяной мешок» -груз. tomari «мешок»; татск. руру «кишка» - дарг. руд, лезг. руд; агульск. рур; удинск. руд; татск. pah «дорога» - лезг. рех или рах, (табас. равкь, цахурск. йох, крызск. рех; удинск. йох и др.).

Татское слово гагла «кувшин» можно связать с доевнегреч. гаглос «кувшин, круглый сосуд для воды или молока»;древнеиндийское голах «круглый сосуд для воды» сохранилось в татском ском языке в форме гилла «сосуд из глины» и т д. До сих пор в татском языке существует слово эндер «бог», которое можно связать с хетто-лувийским антари (antari) «бог» (древнегипетск. ntr «фараон», «царь») (см. Этимология. М.,1971, С. 306). Заметим, что в языке ираноязычных татов нет ни одного слова еврейского происхождения, что служит аргументом против изначальной принадлежности их к семитам-евреям воспринявшим, по мнению некоторых ученых, якобы татский язык. О древности обитания татов в северо-восточном Азербайджане говорит тот факт, что живущие рядом кавказоязычные крызы восприняли многие татские слова. Например, татские: эдэми «человек» бящли «черешня», би «айва», ид «праздник», дуг «пахтанье», дар «дерево», бар «груз», алуг «седло» и другие есть и в крызском: эдэми, бящли, би, гид, дуг, дар, бар, алух – с указанными значениями.

В Азербайджане выделяют три группы татов: таты-мусульмане, таты-христиане и таты-евреи. Вкратце остановимся на обстоятельствах образования этих групп, ибо в литературе высказываются однобокие суждения о том, что таты-мусульмане являются по происхождению евреями.

Выше было отмечено, что первоначально предки современных татов-мусульман (т. е. ираноязычных татов) жили в Иране. В. И. Савина пишет, что в северо-западных районах Ирана до сих пор проживает народность таты. «В настоящее время они ассимилировались с персами. Татами называли персов, когда надо было отличать их от курдов, арабов и тюрков» [452, 143]. На территории Иранского Азербайджана существуют Таткенди, Татлар, Таткышлак, Татха. «В северо-западной части Иранского нагорья живет группа ираноязычного населения, называющая себя татами» [407, 193]. Автор приводит некоторые слова из языка этих татов (гаухан «плуг», бил «лопата», шана «вилы», мала «борона», кума «шалаш», галама «черенок», панир «сыр», ширини «сладкое», хемир «тесто», арус «невеста» и др.), которые есть и в языке татов Азербайджана.

Как видим, таты исконно были ираноязычными по этнической принадлежности и первоначально никак не могли быть евреями-семитами. Таты были переселены в Албанию в то время когда здесь господствовало христианство. Как известно, христианство в северо-восточной Албании, в земле маскутов распространилось еще в первые века нашей эры и город Чол являлся до середины VI в. центром албанской церкви. Поэтому часть переселенных татов в северо-восточной Албании приняла христианство (предки нынешних татов-христиан), а большая их часть (хизинцы, таты Апшерона и Нагорного Ширвана) были огнепоклонниками и после арабского завоевания перешли в исламскую религию — о них мы скажем чуть ниже.

Как известно, евреи впервые были поселены к югу от Каспия в Мидии еще Саргоном II в 716 г. до н. э. [130, 184]. Позже в VI в. до н. э. они были переселены в Иран из Вавилона, входившего в состав Ахеменндской державы [452, 146]. Безусловно, переселенные евреи первоначально говорили на еврейском языке, который входит в семитскую семью языков, а никак не на иранском. Часть переселенных из Вавилона евреев обитала среди тех племен Ирана, которые ныне называются татами, и естественно, они постепенно потеряли свой язык и говорили на иранском татском языке. В сасанидское время, когда часть татов Ирана была переселена для защиты северных границ в северо-восточную Албанию, с ними были и евреи, говорившие на татском языке. И ныне евреи (еxуд) — проживают в иранских городах Тегеране, Исфахане, Хамадане, Ширазе, Мешхеде, а также в отдельных районах Курдистана и Систана. По В. И. Савиной, этноним еxуд или джухуд («еврей») можно отметить в названиях нескольких деревень Ирана — Гуроеxуд, Геровьеxуд [452, 146 и др. В Албании таты перешли в исламскую религию, тогда как говорящие на татском языке евреи остались привержены своей еврейской религии и доныне.

Этим объясняется наличие среди тагов и христиан, и евреев, и мусульман. В литературе иногда ошибочно, из-за незнания исторических событий, отмечается, что якобы наоборот, таты-мусульмане являются той частью евреев, которые перешли в ислам.

Как отмечено выше, татский язык относится к иранским языкам и сами таты являются ираноязычными, тогда как евреи по происхождению являются семитами, утерявшими свой еврейский язык и перешедшими на татский. Поэтому евреи, естественно, с самого начала не могли быть ираноязычным народом. Установлено, что в татском языке у евреев сохранились многие слова семитского происхождения, чего нет в татском языке у ираноязычных и христиан-татов. В новейшей литературе отмечено, что к татско-мусульманскому диалекту примыкает также говор небольшого числа татов-христиан [416, 21]. Ираноязычные слова татов евреи произносят с фонетическими особенностями, характерными для семитских языков, чего нет в языке

* Происхождение этого интересного слова обстоятельно изучено И.Г.Наримановым: Архаические керамические маслобойки и этимология азербайджанского слова «нехре». Сб. «Кавказ и Восточная Европа в древности», М, 1973

мусульман-татов. Поэтому исследователи считают язык татов-мусульман и татов-евреев диалектами (там же). Часть евреев, говорящих на татском языке, в средние века жила в Нагорном Ширване, в селе Мюджи. По А. П. Фитуни, евреи этого селения пришли из Ирана из селения с таким же названием, и поэтому село Мюджи до 1823 г. называлось Махалла, т. е. евреи перенесли старое название на новое место [497, 83]. Когда Ширванский Мустафа-хан в начале XIX в. перебрался в Фитдаг, он переселил туда и часть евреев, но он их не пустил в свою крепость {их нельзя было разместить рядом с правоверными мусульманами) и поселил их у подошвы горы, около селения Мюджнтатар, но не выделил им земли. Поэтому безземельные евреи в 1870— 1872 гг. переселились в другое место, основав новое село Мюджи-Автаран. Оттуда они в 1919—20-х годах переселились в город Баку. В 60-х годах XIX века в селении Мюджи насчитывалось 145 дворов евреев. Часть евреев-татов Нагорного Ширвана еще в XVIII в. переселилась в село Варташен, где в настоящее время есть квартал Джухутлар. Позднее они перешли на азербайджанский язык.

В наше время небольшое число евреев-татов в Кубинском районе живет в поселке Красная Слобода, а часть их уехала в Израиль. В Красную Слободу они перешли из села Кулгат еще в 30-х годах XVIII века, во время нашествия Надир-шаха. Позже часть евреев переселилась оттуда в Баку.

Как видим, современные таты-мусульмане (в Кубинском, Дивичинском, Апшеронском, Исмаиллинском районах) по этнической принадлежности никак не могут быть евреями-семитами.Выше нами были приведены некоторые татские слова, имеющие общее происхождение со словами в языках некоторых кавказских народов. Интересно, что есть также некоторые удинско-татские соответствия: удинск. *айан—ойан* «купить на рынке кое-что» - татск. *айан—чаиан*; удинск. а*ма* «тетя, сестра отца» — татск. *ама;* удинск. *апуш* «вялый», «застывший» — татск *апуш*,то же; удинск. аси «гнев», «возмущение» — татск. анси, то же; мудинск. аремик «яловый скот» — татск. то же; удинск. *голош* «олха» — татск. *гулуш*; удинск. *гавал* «большой шерстяной мешок» — татск. то же; удинск. *дампул* «слива» — татск. *домбул*; удинск. *данг* — «сумасшедший» — татск. *данг*; удинск. *Даман* «подол» — татск. *домун*; удинск. *дириг* — «огород» — татск. *диррик*; удинск. *закку* «горький» — татск. *заггу*; удинск. *зибар* «стыд, срам» — татск. то же; удинск. *кала* «пять каштанов (орехов)» — татск. *гала*, то же; удинск. *лажа* «подойник» — татск. *лейджа*, то же: удинск. *мчул* «длинная палка» — татск. *мунджул*; удинск. *фыраг* «плохой», «нехороший» — татск *фириг*, тоже; удинск. *широнг* «глиняный кувшин для воды» — татск. *ширэнг*, то же и др. [см. 58].

Эти удинско-татские лексические соответствия связаны, по-видимому, с тем, что удины и таты когда-то жили по соседству. Можно предполагать, что возникли эти соответствия еще тогда, когда удины и таты обитали в северо-западном Иране, где упомянуты утии Геродота и Страбона, — ниже Аракса.

Что касается вопроса о происхождении татов-христиан, то он требует особого рассмотрения.

Выше мы отмечали, что часть ираноязычных татов северо-восточной Албании приняла христианство. Доныне они обитают в селениях Килвар (Дивичинский Р-н), Хачмас (Хачмасский р-н) и Мадраса (в Нагорном Ширване). Именно эта христианская часть в древнеармянских источниках названа хачматак, «христианский народ», к которому восходит и топоним Хачмас. В древнеармянских источниках нет данных, что изначально в Албании в этих местах обитали армяне. Жившие там таты-христиане не перешли в ислам, но после ликвидации албанской церкви они находились под влиянием армянской церкви, сохранив, однако, свой татский язык. Они, естественно, вступали в контакты (и брачные связи) с армянами, и постепенно в эти села переселились и армяне из других зон.

Н. Г. Волкова пишет: «Для армян, издавна населявших с. Килвар и Матраса в Азербайджане и общавшихся с соседним татским населением, татский язык стал вторым родным языком. Однако жители этих селений сохраняли армяно-григорианскую веру и сознание своей этнической принадлежности. Армяне, переселившиеся в сел. Килвар в середине XIX в. из Шемахи, а в 1918 г. — из Зангезура, Карса и Вана, способствовали некоторой арменизацпи местных татоязычных армян. Немалое значение в этом имели также браки килварцев с армянами из Баку, Шемахи и Хачмаса, а устройство школы с армянским и русским отделениями еще более усилило этот процесс. В результате к концу 1920-х годов по-армянски знало около 90% килварцев, хотя между собой они говорили по-татски, а на армянском — лишь с приезжими армянами. Молодежь, уходившая на сезонные работы в Баку, говорила главным образом по-армянски. Тот же процесс арменизации имело место и среди татоязычных армян сел. Мадраса, где в 20-х годах татский знали лишь старики;даже в быту употребляется в основном армянский. По переписи 1926 г. жители сел Килвар и Мадраса родным языком назвали татский [201,37—38].

Тут мы подходим к вопросу об этнической принадлежности глуаров (глваров — у Фавста Бузанда и Егише) в северо-восточной Албании, в стране маскутов. К. В. Тревер считала, что глуары это гелы [482]. Так или иначе, этот этноним сохранился в названии населенного пункта Килвар в Дивичинском районе в северо-восточном Азербайджане, с христианским по религии населением, говорящим, однако, на татском языке. Рядом находятся развалины крепости Ульвар, иногда называемой населением Щилвяр. В локализации глуаров и их идентификации с современным Килваром не может быть сомнений, тем более, что Егише рядом с глуарами упоминает еще хрсанов, т. е. жителей современного населенного пункта Хурсан—зоны Чираг-Кала в том же Дивичннском районе (о локализации Хурсан с Чираг-Кала см. выше, с. 131). Возможно, часть ираноязычных гелов перешла в северо-восточную Албанию и жила на земле маскутов. Следует отметить, что таты-мусульмане из соседних селений Дивичинского и Кубинского районов объяснялись с ними с трудом и, судя по нашим записям, сделанным еще в 60-х годах, сравнение их слов по гиляно-русскому словарю, подтверждает, что они действительно были гелами.

Сказанное выше свидетельствует о том, что предки татов жили в северо-восточной Албании, во всяком случае тогда, когда в Албании господствовало христианство.

Мехраны. В древнеармянских источниках упоминаются еще гардманы или гардманцы. Это выражение есть и в «Истории албан» - «гардманцы» (кн. II, гл. 3). Однако «гардманцы» не являются этнонимом, а означают «жители Гардмана».

Следует отметить, что в Албании в раннем средневековье были две области Гардман. Одна первоначально находилась в бассейне рек Шамхорчай и Кюрекчай, в зоне нынешних Шамхорского и Кедабекского районов, другая располагалась в Нагорном Ширване, в бассейне реки Гирдманчаи. Эта область впервые упоминается в стихах поэта XII века Фелеки Ширвани (1107—1147) [184].

Интересно, что рукав Шамхорчая также назывался в армянской передаче Кртман. Например, у Степаноса Епископа XIII в.) читаем- «В 1220 г. татары разбили грузин у реки Кртман» [5, 33]. Поэтому Гардман армянских источников является Гардманом в Западной Албании. Эта область упоминается еще Фавстом Бузандом (кн. IV, гл. 50), а также в «Истории албан» (кн 1,гл.27), где говорится, что «Месроп Маштоц через посредства правителя Гардмана Хурса обращал население этой области в христианство» (кн. II, гл. 3). В раннем средневековье существовало Гардманское княжество, которое во время правителя Джеваншира охватывало всю Албанию. Там же находилась и крепость Гардман. Но затем, после ослабления государства Гардман, эта область перешла к армянам. Арабский географ Ибн- Хордадбех пишет, что крепость Джирдман относится к армянам. Эта крепость находилась на левом берегу реки Гардман — притока реки Шамхор, где до конца XIX в. находились развалины, называемые Гртман. Насколько известно, в источниках в последний раз этот Гардман как «Даште-Гардман» («Гардманская равнина») упомянут у Рашид ад-Дина (XIII—XIV вв.).

В. Ф. Минорский вслед за Х. Хюбшманном [576, 352] писал, что армянский Гардман располагался на реке Шамкур [395, 52]. Неясно, однако, почему эти исследователи албанскую область Гардман называют армянской. По С. Т. Еремяну,—это территория современного Казахского района Азербайджанской ССР[296, 46]. Другая крепость Гардман, развалины которой известны под названием Гызгала, находилась у места слияния Куры и Храми. В арабских источниках эта крепость известна под названием Кала ибн Кандаман (искажение от Кардаман, допущенное по вине переписчиков), на дороге Хунан—Тифлис. Эта крепость в древнеармянских источниках упоминается в связи с событиями 371 года. Фавст Бузанд пишет, что Мушег Мамикониан отнял от Албании Ути, Шакашен, Гардмандзор и Колт (кн. IV, гл. 50). Как видим, Гардман являлся албанской областью, ибо был отнят от Албании.

Следует отметить, что границы первоначальной области Гардман неизвестны. Однако нет сомнения в том, что это название сохранилось до сих пор в наименовании Гардабан в Грузинской ССР. Исходя из этого можно прийти к выводу, что часть нынешнего Гардабанского района Грузии в то время относилась к Гардману и эта область, возможно, временами принадлежала Армении. Как отмечено, крепость Гардаман находилась на границе Грузии и Албании, и ее развалины известны под названием Гыз каласы. В арабских источниках этот город известен под названием Кала ибн Кандаман, т. е. «крепость Кардаман», с которым можно связать топоним Сандобан у Страбона.

Итак, гардманцы — это название жителей области Гардман в западной Албании. Этих гардманцев Моисей Каланкатуйский относит к потомкам царя Албании Арана, правившего в первых веках н. э. (кн. I, гл. 4). Кем же были гардманцы по своей этнической принадлежности? Выше было сказано, что Сакасена охватывала Гянджа-Казахскую зону, а с VII века Казах-Акстафинскую зону и входила в состав области и княжества Гардман, где жили, кроме албан, также удины и саки. Выше было отмечено также, что в пограничной с Грузией зоне — Казахе в источнике V в. упоминается «земля кангаров», следовательно там обитали и кангары. Наконец, арабский географ IX века ал-Куфи в связи с событиями VII века упоминает город Касах [6, 49]. Топоним Казах, безусловно, связан с тюркоязычным этнонимом казах и это свидетельствует о том, что там обитали также казахи, — вероятно, древние кыпчаки грузинских источников.

В конце VI в. родственник Сасанидского царя Хосрова Ануширвана Михран с 30 тысячами семей переселился в западную Албанию, в область Гардман. Они основали там княжество Гардман, из которого вышли Михраниды — род известного Гардманского правителя Джаваншира '(Моисей (Каланкатуйский, кн. II, гл. 17). У Моисея Каланкатуйского есть выражение «племя михр» (кн. III, гл. 10). Эти переселенцы в Албании приняли христианскую религию, однако этническая принадлежность их точно не известна. Вероятно, они сначала были персоязычными. Ф. Мамедова пишет: «Михраниды оставались персами в течение не более двух поколений, после чего приняли христианство и албанизировались» [362, 196]. В источнике 1727 года в районе современного Тауза, территория которого входила в Гардман, отмечен округ (нахийе) Михран, а в зоне Барды — село Михраван с азербайджанским населением [556].

Таким образом, первоначальное население Гардмана составляли албаны, саки, кангары и казахи, поэтому в «Истории албан» (кн. I, гл. 4) отмечается, что население Гардмана произошло от потомков Арана, т. е. является автохтонным. В свете этого непонятно, каким образом Ш. В. Смбатян [38, 203, прим. 90] считает Гардман «северо-западным округом области Ути Великой Армении». В «Истории албан» есть сведения лишь о родстве михранов путем сватовства с армянскими мужами (кн. III, гл. 23); такое упоминание могло возникнуть только в том случае, если население Гардмана не являлось армянским. В источниках упомянуты также

тюркские топонимы — Каигар, Казах, Кол, Кава (от Кайа), Кавазан (совр. гора Гейазан), Гаг, Таваратапа и многие другие (см. ниже, с. 441, 444).

В Албании в раннем средневековье обитали также и немногочисленные курды. Иакут ал-Хамави упоминает курдов Баласаджана [8, 9]. Вероятно, приток курдов в Арран с юга был связан с династией Шаддадидов, которая правила в X—XII вв. К государству Шаддадидов относились в то время Ганджинский, Двинский и Анийский эмираты [см. подробно: 112]. Мас'уд ибн Намдар (XII в.), курд по происхождению, казначей горда Байлакан писал, что в Байлакане живут также курды, [см. 159]. В частности, в окрестностях города существовали (о них упоминает тот же автор) селения Алиан, Асадан и др., в которых жили курды. В. Ф. Минорский писал, что топоним Курдиван в Нагорном Ширване упоминается еще в связи с событиями XI века, что указывает на существование там курдских поселений [395, 34].

Ныне курды являются одной из ираноязычных этнических групп Азербайджана; обитают они в основном в Кубатлннском, Зангеланском, Лачинском и Кельбаджарском районах смешана с азербайджанцами. Первое переселение курдов в Азербайджан произошло в XV—XVI вв. Среди кызылбашских племен имелись также племена курдские по происхождению, часть их была переселена сефевндами в Армению и Северный Азербайджан. Второе, массовый приток курдов происходил вначале XIX века. Об этом мы более подробно будем говорить во II томе настоящей работы.

IV. Неизвестные по этнической принадлежности племена

Этническая принадлежность некоторых албанских племен древнего и раннего средневековья неизвестна. К ним относятся в первую очередь каспии.

Каспии. В древних источниках каспии засвидетельствованы в трех регионах: в Албании, Мидии и Атропатене, а также в Средней Азии, к востоку от Каспийского моря, в XIV сатрапии Ахеменидского государства. О последних мы сейчас говорить не будем; о каспиях в Мидии и в Атропатене, т. е. Каспиане античных авторов речь пойдет ниже, когда будет рассмотрен этнический состав этого государства. Здесь же скажем вкратце о каспиях в Албании.

В Албании каспии обитали в области, которая Страбоном названа Каспианой. Следует учесть, что у Страбона отмечены две «Каспианы», одна — Албанская (XI, 4, 5), другая расположенная в Мидии—-Атропатене (XI, 14, 5), которую захватили армяне во II в. до н. э. (см. ниже). У Клавдия Элиана (II в.) есть выражение «Каспийская земля» (XVII, 17), но неясно, к какой группе каспиев это относится — ведь другая Каспиана, как отмечено, принадлежала Атропатене. Каспиана в Албании, видимо, охватывала часть современной территории Мильско-Муганской степи Советского Азербайджана. Из сообщений армянских авторов видно, что Каспии обитали в Пайтакаране (в Мильской степи), где в V веке возник город Байлакан. Фавст Бузанд (кн. II, гл. 53) и Асогик говорят о Пайтакаране, т. е. Байлакане как о городе в «земле каспов».По сообщению Моисея Каланкатуйского (кн. I, гл. 27), Месрогт Маштоц распространил христианство и в стране каспиев. Это сообщение, несомненно, относится к каспиям Албании, а не к Каспиане, расположенной в Мидии—Атропатене.

В раннем средневековье каспии, по-видимому, обитали и на северо-востоке Албании. Это подтверждается тем, что древнее название Дербентского прохода было «Каспийские ворота». У Диодора Сицилийского (вторая половина I в. н. э.) есть упоминание: «Весьма узкий проход, называемый потому Каспийскими воротами», которое согласуется с сообщением Помпония Мела (кн. I, 2, 11) о том, что «ближайшие к скифам каспиане окружают Каспийский залив». Этот залив следует помещать в северо-западном Прикаспии, потому что тот же автор (Ш,5, 39) пишет, что «у Каспийского залива живут Каспии и амазонки, называемые савроматидами». Ниже будет показано, что савроматиды (сарматы) в то время жили на Северном Кавказе.

Выражения «Каспийская дорога» находим у Корнелия Тацита (Летопись, VI, 33), «Каспийская ворота» у Иосифа Флавия (Иудейские древности, XVIII, 4,98). Об обитании части каспиев на севере писал и Моисей Хоренский. Он сообщает, что святая Нина проповедовала христианство начиная от Кларчев (Кларчети грузинских источников) близ Аланских ворот и касбов до пределов маскутов (кн.2, гл.86). Это по-видимому, относится к каспиям зоны Дербента. Позже в «Армянской географии VII века» Каспии помещены севернее албанов, где-то рядом с шарванами, в северо-восточной Албании, среди племён Сарматии [4,38]

Следует отметить, что в древности сущетсвовали двое «Ксапийских ворот», одни на Кавказе и другие к северу от Мидии, ибо там тоже обитали Каспии. Поэтому сведения античных авторов об этих воротах у некоторых исследователей вызвали определённую путаницу.

О каспийских воротах в Северной Мидии сообщают многие авторы. Страбон (XI, 13, 6) пишет: «Города Рага, основанный Селевком Никаторос, находится на 500 стадий южнее Каспийскиз ворот». Он же : «Наибольшей ширины Мидия, по-видимому, достигает на пространстве от перевала через Загр (называемого Мидийскими воротами) до Каспийских ворот, через Сигриану 4100 стадий». Далее Страбон пишет (XI, 8,9), что от реки «Куры до Каспийских ворот 5600 стадий». Ясно, что 5600 стадий (около 1000 км) несоизмеримо с расстоянием от руеи Куры до Каспийских ворот (т.е.Дербента) на Кавказе. В другом месте (XI,7,1) он отмечает, что между Гирканией и Каспийскими воротами 1400 стадий. В труде Страбона в общей сложности 25 раз говорится о Каспийских воротах на востоке, в Средней Азии. Однако, как видно из сказанного выше,

Каспии жили и в зоне Дербента и этот проход назывался Каспийским. В этом отношении заслуживает внимания сообщение Страбона о том. Что «местные жители называют Кавказ Каспием, может быть от имени (племени . – Г.Г.) каспиев» (Страбон, XI,2,15).Далее он пишет, что от горы (т.е.Кавказа, называемого Каспием. – Г.Г.) до реки Куры около 1800 стадий. (Страбон, XI,8,9). Если иметь в виду, что стадия равна 177 м или 192 м, то получится, что от устья реки Куры до Каспийских ворот примерно 350 км, что приблизительно равно расстоянию от современных Сальян (устье реки Куры) до Дербента. О двух Каспийских воротах знал и Плиний: на севере, где он пишет , что Каспии у ворот (VI,44) и на юге (VI,10). Таким образом, часть каспиев обитала в северо-восточной Албании. Нельзя согласиться с мнением, нашедшим отражение в «Азербайджанской Советской Энциклопедии», что якобы Каспийский проход находился только на южном побережье Каспийского моря и что античные авторы ошибочно называли Дербенский проход Каспийским проходом [75,V,291]. Поэтому недостаточно обоснованным является и мнение Ю.Джафарова [271,13], что Дионисий Периегет перепутал каписев с албанами и что он должен был, начиная с севера, упомянуть сначала албанов, а затем каспиев.

Итак, Каспии обитали в Албании в двух ее зонах. Поэтому А.А.Акопян не прав, утверждая, что это племя получило свое название от Каспийского моря [128,50].В действительности все обстояло наоборот. Непрв он также и в том, что каспии не являлись албнаским племенем. [128,55].

Представляется, что часть каспиев как одно из местных племен, вошедших в состав азербайджанского народа, в VII-VIII вв., вероятно, окончательно растворились в нём, будучи ассимилированы тюркскими племенами, приобретшими господствующее положение в междуречье Куры и Аркаса в раннем средневековье Часть их в связи с каким-то историческим событием оказалась на территории Иберии. Там, в Картлийском царстве еще в источнике IX века упоминается город Каспии [39,24], на левом берегу реки Куры. В настоящее время Каспи –город, центр Каспийского района Грузинской ССР на левом берегу Куры, в 48 км к северо-западу от Тбилиси.

Сохранились в арамейской передаче лишь немногочисленные имена рядовых каспиев – кораблестроителей, переселённых ахеменидским царём в V веке до.н.э.из Мидии в Египет (О древнетюркской языковой принадлежности этих каспийских имён см. ниже с.347).

Существует предполодженне, что Каспии говорили на языке, относящемся к касситско-эламской группе [130,105].И.М.Дьяконов считает, что Каспии по языку были близки к лулубеям [287,23].В советской исторической литературе Каспии считаются кавказоязычными [411,41]. Мы же считаем концепцию кавказоязычности каспиев малообомнованной. Можно привести ряд аргументов в пользу тюркоязычности каспиев, чего нельзя сказать об их кавказоязычности.

Все исследователи едины во мнении о том, что основу этнонима каспи составляет компонент касс. Ещё В.В.Бартольд [167,II,I,662] считал, что этноним каспи является множественным число от кас. Этноним касс как наименование ряда тюркских племён Сибири и Алтая приведён в известной работе В.В.Радлова [442]. В середине XIX в. он описал тюркское племя касс – нынешних качинцев (в этом наименовании он выделяет этноним касс в форме кач) и отметил , что качинцы имеют самоназвания касс, каш, кач [442,88]. Он писал, что язык качинцев – это диалект, близкий к сагайскому [там же, 91].Этноним сагай идентичен с древним этнонимом сак (а), носители которого в Передней Азии, в том числе в Албании, известны с VII века н.э., о чём нами уже сказано выше. Следует учесть также, что Каспии в ассирийских и урартских источниках не упоминаются, они известны лишь впервые у Геродота и это даёт возможность предполагать, что Каспии в Переднюю Азию пришли вместе с саками. Поскольку , в античных источниках каспии упоминаются и в Среденй Азии и в XV округе Ахеменидского государства, также как и саки, мы можем считать верной то точку зрения, согласмно которой саки сторглись в Переднгюю Азию не с Северного Кавказа, как полагают некоторые учёные, а сюга, со стороны Средней Азии.

Что касается первоначального местообитания носителей этнонима кас, то они, по-видимому, жили на Алтае и в Востоном Туркестане. Часть древний уйгур называлась кас [151, 114].Ещё в надписи Шапура I (III в.) упоминается область Каш (позднейший Кашгар) в Средней Азии [см.607]. В XVII веке один из улусов тюркской этнографической группы удин в Западной Сидири назывался Кара-Кас (от кара «чёрный» и этнонима касс). Одно из родовых подразделений каракасов называлось сарыг каш («жёлтый каш»), а другое каш [279,247,254].

Родовое подразделение тюркского племени называлось касыл [442, 96]. Именно с эти мэтнонимом связано происхождение топонима Хасылы (ныне Джалилабад) в Азербайджане, - от Касыл и суффикса принадлежности - Лу. Но сам этноним касыл, по намшему мнению, состоит из этнонима касс и тюркск. ил «племя», «народ», кака в топонимах басил, эскил, киргил, чикил и др. Вероятно, название племени кышлык у узбеков [315, 21] следует считать фонетически производным от кашлык – от каш и суффикса принадлежности – лык.

Несомненным мы считаем и следующее: древний этноним касс составляет первую часть этнонимов касак (от этнонима касс и суффикса ак), к которому восходит и этноним касар, хазар. К этому же этнониму восходит и древний топоним Кавкас, от тюркского капыг «проход, дверь» и этнонима *касс*.

Нам кажется, что в связи с этнонимом каспи не должны остаться вне поля зрения исследователей топонимы Касс (у Плиния), Кесиа (у Птолемея) в Албании, а также раннесредневековой албанской топоним Касри (в древнегрузинских источниках), развалины Кусур (в Закатальском р-не) и другие.

Неясна идентичность этнонимов касс (в этнониме каспи) и каш – в этнониме кашшу (kassu), носители которых в Передней Азии известны из ассирийских источников. [см.130, 79]. Однако ясно, что аккадская

форма этнонима кашу восходит к каш (касс), потому что конечный «у» является добавлением, а «шш» - удвоением «ш».

Можно предположить, что топоним Казвин в Иранском Азербайджане действительно отражает этноним каспи. Махмуд Кашгари [111, 110].назвал Казвин тюркским городом.

Разумеется, в вопросе об этнической принадлежности каспиев есть пока очень много неясностей. Нами отмечено, что при изучении вопроса о происхожлдении этнонимов следует различать следующие их типы: 1. инонаименование, данное одним этносом другому (соседнему), отличное от самоназвания именованного, существующее только среди имновавших; 2. инонаименование, данное одним этносом другому (сосоеднему), восходящее к сасмоназванию именованного, переданног грамматическими нормами имновавших, с добавлением иногда суффиксов, относящихся к языку тех же именовавшихся [224, 147].

Этноним каспи относится к наименованиям второго типа, потому что компонент пи в нём является суффиксом того сосоеднего этноса, носители которого носителей этнонима кас называли каспи. Полагают, что им были эламитяне, потому что в их языке суффикс «пи» означал множественное число. Однако, это окончание заметно и в некоторых древних кавказоязычных этнонимах – силвы, hалби, йихьби (ср. также маннейское племя суби) и др. Поэтому, может быть, передатчиком этнонима каспи были кавказоязычные племена. (Ср. аварск. бо «общество», «войско», крызск.би – суффикс множественности).

Гугары. В трудах некоторых грузинских историков [405;420;421;422] высказываются мнения о том, что в раннем средневековье западные области Албании, в том числе область Шаки, принадлежали Грузии и на этой территории обитали грузины. Одним из аргументов этих историков является тот факт, что в северо-западных областях Азербайджана живут ингилойцы, говорящие на диалекте грузинского языка. О происхождении ингилойцев мы выше уже сказали подробно. Здесь же укажем на те ошибки, которые привели некоторых исследователей к выводу о принадлежности северо-западных областей Албании к Грузии.

Известно, что в древних источниках в трех зонах Кавказа упомянуто племя гугар, или гогар: 1) в области Гогарене (армяно-грузинская пограничная область — Гогарена у Страбона, Гугарк в древнеармянских источниках), название которой, безусловно, отражает этноним гогар; 2) в северо-восточной Албании среди маскутов (Фавстос Бузанд, кн. III, гл. 7); 3) в Гугарке на Северном Кавказе (Дарьяльское ущелье), о чем упоминает Иоанн Драсханакертский (X в.), где обитали гогары (гугары). Впервые же последние были засвидетельствованы Плинием где-то на Северном Кавказе (Плиний, VI, 26). Эти гугары Плиния упомянуты и Моисеем Хоренским, а именно, когда он пишет, что Валаршак «управление северной страной (т. е. к северу от Кавказа. — Г. Г.), лежащей насупротив горы Кавказа, возлагает на великое, могучее племя, родоначальнику же его жалует титул бдехша Гугарского» (кн. II, гл. 8). Д. Л. Мусхелишвили объединил две области Гугарк из армянских источников (Гогарена Страбона на юге восточной Грузии и Гугарк Иоанна Драсханакертского на северном Кавказе) в одну область [405, 14—15].Гугаров, обитавших в Албании, он в расчет не брал и, вслед за Н. Г. Адонцем [123, 424], ошибочно предлагал исправить этноним гугар на гаргар. Далее, к предлагаемой области Гугар он присоединил и область Гушар в древнеармянских источниках,Гуджарети—в Западной Грузии, верно считая топоним Гуджарети связанным с этнонимом гугар. Затем, вслед за Х. Хюбшманном, он ошибочно считал гугаров грузинским племенем, по его выражению, иверийцами и, хотя гугары (или гогары) не были грузинами по своей этнической принадлежности. Далее, найдя у Вардана Великого (XIII в.) упоминание о том, что Шаки в Албании является землей гугаров, он заключил, что территория Албании на северо-западе с областью Шаки включительно составляла часть Грузинского государства в раннем средневековье. В пользу этой концепции он искал факты в древних источниках. Однако найденные им сведения оказались неубедительными. Он привел сообщение источника [21, 1, 243—244] о том, что царь Арчил в середине VIII в. построил крепость в Нухпати, т. е., по его мнению, там, где находится современный Шеки. Однако Нухпати не имеет никакого отношения к Нухе, этот топоним является грузинской передачей названия селения Нухбид[*] в Закатальском районе, на границе с Белоканским районом, приблизительно в 75—80 км к западу от Нухи (Шеки). Видимо, эта неверная локализация (Нухпати с Нухой) привела к ошибочному выводу также грузинского искусствоведа о том,что Нуха (т. е. Шаки. — Г. Г.) также входила в Саингило — «в землю ингилойцев», которые считаются грузинами [508, 2].

Д. Л. Мусхелишвили привел еще сообщение источника (КЦ, I, 243—244) о том, что тот же Арчил построил церковь в пункте Касри. Автор полагал, что Касри является древним названием современного города Кахи в северо-западном Азербайджане.Однако локализовать Касри с Кахи никак нельзя. Касри является фонетическим производным от названия села Кусур в Закатальском районе, покинутого в конце 40-х годов нашего века и находившегося далеко к западу от Кахи. Таким образом, во времена Арчила (середина VIII в.) область Шаки не могла входить в состав Грузии. Это подтверждается и сообщением автора VIII века, который в связи с событиями 764 г. пишет, что Шаки является албанской провинцией [35, 96]. В пользу своей схемы Д. Л. Мусхелишвили этимологизировал название села Гурдживан (Ахсуинский район) как «грузинский монастырь», тогда как: в действительности село Гурдживан возникло в связи с переселением выходцев армянских семей Мустафа-ханом Ширванским из района Гурджаана в восточной Грузии, т. е. Гурдживан является перенесенным топонимом и в этом селе живут армяне. Поэтому данный топоним никак не мог

[*] Нухбид по аварски означает «развилка дороги». В настоящее время село называется по –азербайджанскуи Йолайрыдж – «развилка дороги».

образоваться от этнонима гурджи «грузин» и армянского ванк, «монастырь». Что касается присутствия армян в Восточной Грузии, в частности, в Гуржаанском районе, и происхождения топонима Гуржаани, то это тема для специального разговора. Лишь отметим, что по А. Н. Тер-Гевондяну, армяне в зоне Шаки поселились с разрешения грузинского царя Арчила, князя Картли в VIII в. [474, 123] и грузинская область Санар входила в состав Армении [474,131].

Итак, объединение различных областей Гугарк, замена Гушар (Гуджар) на Гугар, этнонима гугар в Албании на этноним гаргар, смешение гугар с грузинами, неправильная локализация Нухпати с Нухой, Касри с Кахи, замена грузинского источника «царь Мовакана и Ширвана», на «царь Ширвана» [405, 57, 66}, ошибочное толкование этимологии топонима Гурдживан, в отдельных случаях перенос исторических сведений и т. д. — все это привело Д. Л. Мусхелишвили к ошибочному выводу, будто бы вся западная Албания была в раннем средневековье «органической частью Грузинского царства», и там в древности обитали грузины. Северо-западные районы Азербайджана «исторически грузинскими» считает также Т. Г. Папуашвили (см. выше, с.163).

Некоторые грузинские исследователи и Камбечан считают изначально восточной областью Грузии. Камбечан — область, расположенная между нынешними Алазанью и Иори. Современная Ширакская степь и Камборийская возвышенность (кстати топоним Камбори состоит из Камб и Иори) с первых веков н. э. до VII в. входила в состав то Грузии, то Албании. Добавим, что «Армянская география VII века» Камбечан относит к Албании [4, 40}. Моисей Каланкатуйский сообщает, что албанский царь Вачаган Благочестивый утвердил христианские порядка в Камбечане, «назначая епископов, священников и иереев» (кн. I, гл. 17). Да и сам топоним Камбеч не является грузинским словом, о чем мы скажем ниже (см. с. 436—439).

Если согласиться с Т. Г. Папуашвили, то получается, что в северо-западной Албании в древности и в раннем средневековье обитали одни только грузины. Д. Л. Мусхелишвили отмечал, что мнение Т. Г. Папуашвили о том, что Шаки и Ширван в VII в. входили в состав иверийского католикосата [420, 45—46], основывается на поздней (XVIII в.) интерполяции КЦ (21, 1,81—232). А куда тогда поместить северо-западные албанские племена раннего средневековья — албанов, легов, эров, удинов,гелов, лбинов, силвов (шилбов), тчигбов (джигбов), являвшихся предками современных удин, лезгин, аварцев, цахуров и ингилойцев? Ведь источники помещают их к северу от Куры в этой же зоне! К тому же ни один из древних топонимов этой зоны — Кур,Алазань, Иори, Хан, Гелаву, Лпина, Лабан, Мовакан, Камбечан, Хени, а также топонимы, приводимые Птолемеем (II в.) не объясняются на почве грузинского языка. Зато некоторые из них хорошо объясняются на почве аварского, крызского, цахурского и удинского языков. Отметим попутно, что в Эрети грузинской эпиграфики раньше X века не встречается.

Начиная со времен Плиния, сообщавшего о том, что иберы отделены от албанов рекой Алазаном (Плиний, VI, 26) и «земли мосхов простираются до реки Ибера» (т. е. Иори) (Плиний, 29), во всех раннесредневековых источниках в той или иной степени (несмотря на случаи включения северо-западных областей Албании в состав Грузии в раннем средневековье) реки Алазань и Иори, как и ныне, всегда были границами между древнегрузинскими и албанскими землями. Территориальные «приливы» и «отливы», временные изменения границ в древности должны по нашему мнению, объясняться объективно, научно обоснованно, а главное — без всяких попыток выдать желаемое за действительное. В этих вопросах следует в первую очередь заботиться об истине, имея в виду, что она рано или поздно всегда обнаруживается.

Таким образом, можно считать установленным, что, во-первых, в раннем средневековье северо-западные области Албании не являлись частью Грузии и здесь не могло жить грузиноязычное население и, во-вторых, гугары не были по своей этнической принадлежности грузиноязычным племенем. В частности, это подтверждается сообщением Моисея Хоренского, где есть такое упоминание: «предводитель иверийцев и птиахш гугаров» [кн. II, гл. 8]. Как видим, древний историк этнически четко отделяет иберийцев от гугаров. По мнению А. Г. Грека [245, 37], гугары обитали в зоне нынешнего Борчалу-Ахалцихе в Грузии. К. В. Тревер писала, что Гогарена находилась между Албанией и Иберией [482,53].

Гугары, как сказано, жили также и на территории северо-восточной Албании. Они в связи с событиями нач. IV века упомянуты Фавстом Бузандом в армии маскутского царя. До сих пор в Дагестане существует село Гугарлы с азербайджанским населением — от этнонима гугар и суффикса -лы в тюркских языках.

Выше было отмечено, что в грузинской историографии принято считать, что гугары или гогары являлись восточногрузинским племенем. Вряд ли это мнение можно принять всерьез, ведь даже если допустить, что основу этнонима гогар составляет библейское гог (как предполагали еще А. Г. Шанидзе и Г. А. Меликишвили), то это также не в пользу указанного мнения, ибо под именами гог и магог в Библии, по мнению ряда исследователей имеется в виду скифы, а не древние грузины. Не спасает концепцию древнегрузинского происхождения гугаров (гогаров) и мнение А.Г.Шанидзе о том. Что якобы в топониме гогари (надо за исходный взять этноним гногар) наличествует западногрузинский суффикс происхождения ар-и, соответствующий восточно-грузинскому ел, (см.: А.Г.Шанидзе. Два чано-мигрельских суффикса в грузинском и армянском языках. Зап. Вос. Отд.Имп.Рус.Арх.общества, т. XXIII, 1916, с. 365-372).

Г.А.Меликишвили этноним гугар, гогар связал с этнонимом гог (гуг) – библейским названием скмфов и отождествлял гугаров с саками [380, 224]. Это ещё одно доказательство в пользу тюркоязычности гугаров. Существует и мнение, что кугары (гугары) являлись подразделением белых гуннов [550,115-116].

Следует учесть ещё одно сообщение. Константин Багрянородный среди кангаров-печенегов упоминает племя куарци, т.е. куйарчи [6,156].Несомненно также, что фонема «й» (й) в этом этнониме является вариантом

«г» в некоторых тюркских языках. В этом случае, этот этноним звучал бы как кугарчи, от этнонима кугар, гугар и суффикса - чи. Предложенная другая этимология этнонима куйарчи Константина Багрянородного. На наш взгляд, неприемлема [26, 389]. Куйерчи является самоназванием части гугаров среди печенегов – кангаров и состоит из этнонима кугар и суффикса - **чи.**

Важно ещё и другое. Гугары на границе Армении и Иберии (Гогарена Страбона, Гугарк – древнеармянских источников) обитали там, где засвидетельствованы кангары, о которых мы говорили выше.

Одна из тюркских племенных общностей в XII-XIII вв. в Передней Азии называлась Кухар [292,36]. В XVI в. часть племенной общности Боз – Улус в Анатолии называлась кухарли (там же). Мы считаем, что вэтнониме гугар, кугар отражено древнетюркское ар «мужчина», как и в ряде древних и раннесредневековых тюркских этнонимов авар, болгар, гаргар, дондар, кангар, савар, а также сельджукско-огузских авшар, каджар, падар.

* * *

Таким образом, в раннем средневековье в Албании ниже реки Куры, исключая область Ути, кавказоязычное население не обитало. Кавказоязычные племена жили к северу от Куры. Основу населения Албании ниже Куры составляли племена тюркского происхождения.

Это, конечно, не потиворечит концепции существования единой кавказской этнической и языковой обности в отдалённые древние времена, даже в III тысячелетии до н.э., на территории, которую некоторые исследователи локализируют в Кура-Аракском междуречье. В частности, это мнение убедительным образом подтверждается маслобойками III тыс. до н.э., обнаруженными на территории Азербайджана археологом И.Г.Наримановым. Он установил, что название маслобойки *нехре* пости во всех дагестанских и азербайджанском, и даже в талышском, татском языках, до сих пор сохранилось. Кроме того, общим для азербайджанского и дагестанских языков являются слова вашаг (азербвашаг, лезг.машах, цахурск. Вашак, удинск. Вашак) «волк»; мегел (азерб. мегел, татск.мегел, аварск. мгер, дарг.мер) «пастбище». Однако следует учесть, что азербайджансквие слова вашаг и мегел относятся только к кубинскому диалекту азербайджанского языка, а Куба-Хачмасская зона непосредственно граничит с Дагестаном. Поэтому эти отдельные факты не могут считаться аргументами в пользу дагсестаноязычности носителей этнонима албан.

В работах некоторых исследователей высказывается мнение, что вАлбании обитади ещё и армяне. Хотя об этом в древних источниках нет никаких конкретных сведений. Поэтому необходимо хотя бы вкратце остановиться на этих вопросах.

V. Армяне

В работах армянских историков господствует точука зрения, что албанская часть междуречья Куры и Аракаса (по их выражению «правобережная Албания»), в том числе Нагорный Карабах, в целом со II века до н.э. до 387 г. (а ныне полагают, что до 428 и в 450-451 гг.) была составной частью Великой Армении, а после указанной даты эти области перешли к албанам. Считается также, что вэтой области Албании изначально проживали армяне или же местное население в течение 6 столетий (II в.до н.э. –IV в.н.э.) арменизировалось. С этим и связаны в основном территориальные претензии, предъявляемые к Азербайджану армянскими экстремистами в последние годы. К обоснованию этой концепции подключились не только историки (С.Т.Еремян, А.Н.Тер-Гевондян, Б.А.Улубабян, Г.С.свазян, А.Абрамян, А.Ш.Мнацаканян, А.А.Акопян и др.), но и публицисты, видным представителем которых является З.Г.Балаян.

Не будем здесь вступать в научный спор с Зорием Балаяном (не историком по специальности), автором книги «Очаг» (Еремян, 1984), который ставит своей целью доказать будто бы древний Азербайджан являлся составной частью Великой Армении. Он лишь продемонстрировал свою безграмотность и в области имтории Востока в целом и истории закавказских народов, в частности. Обстоятельный разбор его трактата потребовал бы написания более объёмистой работы, чем данная книга, ибо в этом случае пришлось бы начать объяснять ему по складам азбуку древней историизакавказских народов, так как всякий мало-мальски разбирающийся в этих вопросах человек не допустил бы такого беспардонного извращения истории Ближнего Востока и Закавказья, в сосбенности Азербайджана. Нам кажется, что настоящий исследователь, любящий свой народ, его историю и культуру, не имеет права фальсифицировать историю соседнего народа «в пользу» своего народа. Армянский народ не нуждается в незаконных территориальных претензиях и высосанных из пальца «концепциях» нынешних лжеучёных. Встав на такой скользкий путь, нынешние потомки древних армян только оскорбляют достоинство своих предков, немало обогативших мировую культуру. Жившие тысячелетиями бок о бок с азербайджанским и грузинским народами армяне, бесспорно, являются одними из создателей ценностей, вошедших в фонд общечеловеческой культуры. Но приписывать имтории народа несравненно больше того, что она вмещает, - это по меньшей мере несерьёзно, и даже самим армянам невольно приходится краснеть, читая дилетантские «откровения» З.Балаяна. Рассказывают, что серьёзные армянские историки сами возмущены содержанием его книги и сравнивают её с пресловутыми «открытиями» М.Айвазяна, который, прочитав средневековую арабскую надпись слева направо (вместо того, чтобы читать справа налево), счёл её армянскими иероглифами XVII века до н.э.,так что академику Б.Б.Пиотровскому пришлось в специальной статье разъяснить содержание этой надписи, кстати, с арабскими личными именами – Али, Гасан, и др.Одним

словом, книаг З.Балаяна не представляет никакого научного интереса и потому не заслуживает ни критики, ни обсуждения. Она может ввести в заблуждение лишь неискушённого в истории доверчивого читателя.

Совсем другое дело ошибочные мнения некоторых армянских учёных-историков.

Необъективность мнения о принадлежности Кура-Аракского междуречья Албании историчеси к Армении подробно аргументированан в работах З.М.Буниятова [183] и Ф.Дж.Мамедовой [362; 363]. Но всё же вкратце следует остановиться на этом вопросе ещё раз.

Следует прежде всего отметить, что что мнение о принадлежности Албанской территории ниже Куры к Армении не новое. Оно нашло свое отражение в той или иной степени еще в работах М. Чамчяна, М. С. Канаяна, М. Бархударяна, Я. А. Манандяна, Гр. Капанцяна и др. Однако предметом специального обсуждения оно стало в работах современных армянских историков.

Еще Гр. Капанцян название города Барда бездоказательно связывал со словом барти «тополь» в армянском языке [312, 47], тем самым он пытался обосновать мнение о принадлежности зоны Барды в Азербайджане изначально к армянской территории, несмотря на то, что в древнегрузинском источнике отмечается, что родоначальник кавказских народов Таргомос «Бардосу (мифическому основателю города Барда. — Г. Г.) дал земли к югу от Куры, от реки Бардуджи до слияния Куры с Расхи (т.е.Аркасом - Г.Г.) [39,29]. В этом сообщении , как видим, ничего не говорится об армянской принадлежности равнинной части медуречья.

С. Т. Еремян [295, 303] считает, что до 387 г. междуречье Куры и Аракса, в том числе Сакасена, Арцах, Утик (по его мнению, равнинный Карабах) и Гардман, Сюник и Пайтакаран принадлежали Армении. Возникает вопрос: если междуречье или Албания в целом являются частью Армении, то почему в древнеармянских источниках оно называется Албанией, а не Арменией? Следует отметить, что С. Т. Еремян совершенно неверно характеризовал экономику и хозяйство албан раннего средневековья как «примитивный пастушеский уклад», «примитивное земледелие в сочетании с охотой и рыбной ловлей», часть албанов как «племя рыболовов» и т. д. [295, 306]. Но в отношении междуречья Куры и Аракса сказано, что эти земли являлись «наиболее развитыми экономическими областями», потому что принадлежали якобы Армении (там же). Он писал: «Область Арцах была арменизирована в IV—V вв., а значительная часть области Утик — в VI в.» [295, 304].

Б. А. Улубабян пишет, что население междуречья якобы еще во II веке до н. э. разговаривало на армянском языке [493, 68]. А. Н. Тер-Гевондян албанскую область, название которой в «Истории албан» на древнеармянском языке передано как Мец-Колманк (от армянского мец «большой», тюркского топонима Колман и армянского суффикса к, о значении этого топонима см. выше, с. 108—111), называет армянской областью Албании [474, 50]. Албанские области Арцах и Гардман также названы им северо-восточными областями Армении [474, 146]. Он пишет, что область Утик (по их концепции общее название низменной части междуречья. — Г. Г.) была армянской, где армяне (а также армянский язык) играли важную роль в политической и общественной жизни Арана [474, 757—158].

А. Ш. Мнацаканян албанское междуречье Куры и Аракса называет «Агванский край» Армении, «Агванская Армения» [400, 43], «Армения глубинная» [400, 5] или «Армения Прикуринская» [400, 39}. По его мнению, «в конце IV столетия ход истории и общественно-политических событий привел к объединению восточного края Армении с собственно Агваном и что «до сих пор неверно считали, что в Агване жили агваны и родственные им племена, ...не учитывалась принадлежность населения указанных гаваров к армянам как в историческом, так и в этническом отношении» [400, 5]. Он считает, что ниже Куры обитали армяне и они «благодаря своему единому языку и высокой земледельческой культуре, стали не только самым крупным, но и самым могущественным среди агванских племен» [400, 16}, что в Агване, по его мнению, государственный и официальный язык был армянский, а их цари «уже в V веке говорили и писали по- армянски...» [400, 16].

Он далее пишет: «Страбон свидетельствует, что жители Утика и Арцаха говорят на армянском языке» [400, 21]. А. Ш. Мнацаканян приводя сообщения Страбона об Сакасене, отмечает, что эта область была армянской еще до вторжения саков (т. е. в VII веке до н. э.) [400, 25]. Он полагает, что если Страбон не сообщает о населении территории ниже от Куры, то «потому, что там в основном жил один народ со своим языком — армянским» [400, 34]. Он считает также, что слово «наш» в элегии албанского поэта Давдака следует понимать в значении «армянский» [400, 133—134].

На эти и другие высказывания А. Ш. Мнацаканяна мы ответим ниже. Отметим только, что автор явно грешит против истины, когда говорит, что Страбон писал об армянах в Утике и Арцахе, ибо у Страбона вообще отсутствует какое-либо упоминание о населении этих областей в Междуречье.

Эту же концепцию в несколько ином аспекте защищает А. А. Хачатрян. В его работе говорится об арабских надписях VIII—XVI вв. в Армении. Мы не намерены подробно останавливаться на его измышлениях, потому что это сделано в рецензии З. М. Буниятов и М. С. Нейматовой [187]. Дело в том, что на территории самой Армении, по авторитетному мнению рецензентов, всего существует 8 арабских надписей, а в работе А. А. Хачатряна говорится о 290 надписях. Указанные надписи находятся на территории Азербайджана — в Нахичеване, Ордубаде, Гяндже, Карабахе и других районах. Почему эти надписи считаются армянскими? Ответ один: эти районы являлись (якобы!) в указанные века армянскими. Невольно тут вспомнишь народную пословицу и подумаешь, что А. А. Хачатрян своей веревкой пытается связать чужого теленка, не догадываясь о том, что в конце концов у него в руке останется веревка, а отнюдь не теленок.

Допустим, на миг что это так, но откуда арабские надписи VIII века? Ведь общеизвестно, что вообще в Закавказье нет арабских надписей VIII века! И здесь А. А. Хачатрян выходит из положения очень легко: надпись, относящуюся к 870/71 г., он относит к 775/76 г.; надпись 1077/78 г. — к 786/87 г.; надпись 1110/1111 г. — к 770 г. Впрочем, оставим все это на совести автора. Заметим лишь, что подобные недостойные приемы наглядно показывают степень достоверности изысканий ряда армянских историков и сделанных из них «научных выводов».

Ш. В. Смбатян пишет, что слово «Албания» не являлось этнонимом, а лишь географическим названием, что «будучи отсталыми в экономическом отношении они (т. е. албаны. — Г. Г.) не играли значительной роли в политической и экономической жизни Албании и, восприняв от армян христианскую религию, вскоре деэтнизировались» [38, б]. Между тем в «Истории албан» (кн. II, гл. 48) отмечено, что в Албании первая церковь была построена раньше, чем в Армении (церковь в Гисе), а также, что Албания стала верующей раньше, чем Иберия. В примечаниях к «Истории албан» Ш. В. Смбатян пишет, что в «исторической Агвании», т. е. Албании, во времена каталикоса Ильи «жили только армяне» [38, прим. 26]. По его мнению, естественной границей между Великой Арменией и Албанией служила река Кура [38, 5]. Об Албании античных авторов, помещавших ее к северу от Куры, он пишет, что «до V века не было народности, которая могла быть гегемоном в этом государстве» [там же, 18}. Спорить с Ш. В. Смбатяном не стоит, потому что его рассуждения совершенно необъективны, а главное идут вразрез с установленными историческими фактами. Он несправедливо критикует В. Л. Гукасяна (кстати, он, видимо, не знает, что Г. Л. Ворошил и В. Л. Гукасян — это один и тот же человек и критикует отдельно Г. Л. Ворошила и В. Л. Гукасяна — см. 38, 210, прим. 142) за то, что тот не соглашается с мнениями армянских ученых.

Неверные суждения в отношении албанского этноса и албанской территории есть и у А. А. Акопяна [128]. Он также считает, что правобережье Куры являлось северо-восточной Арменией и что Кура была не только границей между Арменией и Албанией, но и границей армянского этноса с албанцами, обитавшими, по его мнению, только к северу от Куры [128, 15, 16, 21]. Если междуречье было армянской областью, как пишет автор, со времени Ервандитов (VI в. до н. э.) и даже входило в состав Урарту [128, 15} и его население состояло из армян, то неясно, почему тогда это междуречье называлось Албанией от этнонима албан, или почему топоним Аран не является армянским словом?

А. А. Акопян полагает, что не существовало этноса, который называл себя «албан»: «Все это заставляет нас думать, что этноним «албанцы» не был и не стал к III веку н. э. самоназванием населения Албании и давался насельникам Албанского царства соседними народами» [128, 106]. Он недоволен античными источниками за то, что они употребляли название «албанцы» (там же) и нетрудно понять почему.

А. А. Акопян считает, что царь Аран (I в.) был наместником Восточной Армении [128, 64] А. А. Акопян прекрасно понимает, что его концепции об исконной армяноязычности населения междуречья Куры и Аракса противоречит то обстоятельство, что там, по сообщениям источников, обитали саки, албаны, савдеи, гаргары и удины, а они не были ни по этнической, принадлежности, ни по языку армянами. Поэтому он считает, что топоним «Гаргарское поле», восходящий, несомненно, к этнониму гаргар у Моисея Хоренского и Товма Арцруни, находился не к югу от Куры, на нынешней Карабахской равнине, как верно считают многие исследователи, в том числе и ряд армянских ученых, а к северу от Куры [128, 70]. Он пишет, что гаргары не являлись албанским племенем. По его мнению, этот этноним употребляется источниками в «качестве пейоративного названия населения левобережной Албании и соседнего горного района» [128, 74], и что никакая албанская письменность не была создана для албан в Албании [128, 72]. Говоря о том, что населением междуречья были армяне (по его мнению армяно-албанская граница до 428 года проходила по реке Куре — 122, 71), А. А. Акопян, старался найти археологические факты в пользу своего мнения. Он считал, что это положение подтверждается тем, что к югу от Куры распространились кувшинные захоронения, а эта культура оставлена армянами. «Однако сводное исследование археологического материала показывает, что весь материал «культуры кувшинных погребений» составляет часть археологической культуры древней Армении, характеризующей армянский этнос этого периода» [128, 16]. Ему, конечно, известно, что кувшинные погребения распространены и на севере от Куры, и здесь они отмечаются даже до VII века, т. е. до арабских завоеваний. А. А. Акопян это объясняет очень просто — как результат «интенсивных культурно-экономических связей» [128, 17].

Что касается сообщения Страбона, согласно которому «К области албанцев принадлежит и область Каспиана» (Страбон, XI, 4, 5), то А. А. Акопян пишет [128, 37], что эти каспии обитали к северу от албан, а не к югу от Куры.

Армянские исследователи, исходя из сообщения Фавста Бузанда, что в 385 г. «армянское царство разделилось, распалось, уменьшилось и потеряло свое прежнее величие» (Фавст Бузанд, кн. VII, гл. 1), обычно считали, что Великая Армения распалась в 387 году, (а на самом деле этот распад и утеря ряда областей произошел еще в 60-х годах I века до н. э.) и после этого Утик (т. е. равнинная часть междуречья Куры и Аракса) и Арцах были сасанидами присоединены к Албании. А теперь ряд армянских исследователей (Б. А. Улубабян, Б. А. Арутюнян, А. А. Акопян) считает, что Утик присоединен к Албании в 428 г. (мнение о падении Великой Армении в 428 г., о чем пишет А. А. Акопян, было высказано еще К. Патхановым, см. предисловие к 4, с. 14), а Арцах в 450—451 гг. [128, 110, 114].

Остается непонятным, почему Сасаниды отторгнули Арцах, Утик и другие области от Армении и отдали албанам, когда, как писал Н. Г. Адонц, персидская часть Армении вместе с Иберией, Албанией и

Атропатенскими областями составляла одно из крупных административных делений Сасанидской Персии [128, 213] еще до Хосрова Ануширвана.

Концепция о принадлежности междуречья Куры и Аракса Армении нашла свое отражение в работах некоторых советских исследователей. Так, Н. В. Пигулевская, приводя сообщения Захарии Ритора (середина VI в.) о том, что «Аран также земля в той Армении со (своим) языком, с народом, верующим и прилежным, у них есть царь, подчиненный персидскому царю» [431], наряду с этим писала: «Следовательно, **несмотря на сильное армянское влияние** (выделено нами. — Г. Г.) в половине VI в. эта область (т. е. Аран. — Г. Г.) сохранила еще родное наречие» (там же, 109). Странно другое: в источнике говорится о языке аранцев (албанов), но автор почему-то заменяет его словом «наречие». Неясно также, что подразумевается под выражением «сильное армянское влияние». В этом сообщении слово Армения является географическим, традиционным понятием, ибо в то время Атропатена, Аран, как и Армения, входили в северный куст Персидской империи Сасанидов [см. 123, 213]; кроме того, в источнике говорится, что у Арана есть царь, но подчиненный Персии. Отсюда следует, что если у Арана в то время был царь, к тому же подчиненный Персии, а отнюдь не Армении, то значит Аран не входил в состав Армении. З. М. Буниятов писал, что наименование земель Армении, Арана и Иберии в сирийских и арабских источниках «Арменией» отражает лишь их административное единство [183, 94—95].

К. В. Тревер писала: «Во II в. до н. э. армянский царь Арташес I (189—160 гг. до н. э.) присоединил к Армении ряд областей, в том числе и правобережье Куры, где обитали шаки, утии и гаргары-албаны» [482, 58]. Так считал и А. Г. Шанидзе (510, 169—170]. Подобная же мысль высказана А. П. Новосельцевым, который считает, что «вплоть до конца IV в., за исключением небольшого отрезка времени в 30—60 гг. этого столетия, армяно-албанская граница проходила по реке Куре, а области, Сакасена, Арцах, Ути, Гардман и другие входили в состав Армянского государства» [412, 68]. Он же писал, что «до V в. не было народности, которая могла бы стать гегемоном в этом (Албанском. — Г. Г.) царстве» (там же). Для того чтобы разобраться в этом, сначала следует ответить на вопрос: откуда вообще возникла эта концепция? Ответ может быть только один — она возникла на основе неверных, ошибочных интерпретаций сообщений некоторых источников.

Один из основных аргументов в пользу этой концепции считается выражение «восток» («восточный») в «Истории албан» Моисея Каланкатуйского.

Действительно, в этом источнике есть выражение «Восточная страна» (кн. II, гл. 20), «Восток» (кн. I, гл. 8), «Восточный край» (кн. I, гл. 27, кн. II, гл. 1, кн. II, гл. 27, кн. II, гл. 37). Армянские историки воспринимают эти выражения в смысле «Армянский Восток», «Восточная страна Армения», «Восточный край Армении», выражение «жители Востока» (кн. I, гл. 6) в смысле «армяне Армянского Востока», выражение «князь Востока» (кн. II, гл. 27, кн. II, гл. 28), где имеется в виду албанский князь Джеваншир из рода Мехранидов, в смысле «армянский князь армянского Востока» или «князь Восточной Армении».

В действительности, ни в одном из приведенных выражений слова «Армения» нет. Моисей Каланкатуйский, как верно отметила Ф. Мамедова, под выражением «Восток» имеет в виду Албанию, исходя из представлений христианского мира того времени, что христианская Албания расположена на востоке, ибо тот же автор под названием «Запад» имеет в виду не Армению, а христианскую Византию (например, кн. I, гл. 22; кн. II, гл. 10), когда речь идет о христианах Византии. Например, воины Византии царя Ираклия названы «войска Запада». Соответственно этому, Каспийское море названо «Восточным морем» (кн. II, гл. 11), а Средиземное море — Западным морем (кн. II, гл. 11). Например, в письме персидского царя Хосрова Ануширвана византийский царь характеризуется как тот, «который скрывался от меня на островах Западного моря» (кн. II, гл. 11). В этом источнике кроме того употреблено слово «юг»: «царь Юга (т. е. халифата. — Г. Г.) еще раз пригласил к себе князя Востока, прославленного Джеваншнра» (кн. II, гл. 28); встречается и север (в смысле страна тюрков, называемая «Туркестан» (кн. II, гл. 27); есть еще выражения «северные народы», «северяне» (кн. I, гл. 12, кн. II, гл. 13; кн. I, гл. 27) в значении басилы, гунны, хазары и др. Поэтому армянским исследователям эти выражения Моисея Каланкатуйского не нравятся и они называют его «ярый поборник автокефальности Албанской области» [128, 141], обвиняют его в «албанском мировоззрении» [там же]. Как видим, слова «Восток», «Запад», «Юг» в этом источнике не имеют никакого отношения к географическим координатам Великой Армении.

История Албании стала любимой темой армянских историков в основном потому, что Албания в их интерпретации считается составной, или как они выражаются, «восточной частью Армении». Соответственно этому, как отмечено выше, армянские историки население Кура-Араксинского междуречья раннего средневековья считают армянским.

Образованное в VIII в. временное арабское административно-территориальное объединение под общим названием «Арминийа» (как известно с 60-х годов IX века эта провинция перестала называться «Арменией») с резиденциями в Двине и Барде, куда халифат включил Азербайджан (Атропатену), Армению и Албанию (Аран), армянские исследователи интерпретируют совсем по-другому. В некоторых работах «исконно армянскими» считаются не только междуречье Куры и Аракса в Албании, но и вся Албания в целом, т. е. и территория к северу от Куры. Создается впечатление, что эти армянские ученые не хотят понимать, что указанное арабское административно-территориальное деление восходит к Сасанидскому периоду. Вспомним, что при царе Каваде I Сасанидская империя была разделена на четыре края и Армения вместе с Атурпатаканом, Иберией и Албанией входила в состав Северного края со столицей в Ганзаке в Адурбадагане. Конечно, это не означает, что Азербайджан и Албания— Аран являлись в то время армянскими областями. Если например,

арабский источник отмечает, что наместник Йазид ибн Усайд (759—769) отправил пленных вместе с рабочими-строителями в Армению укрепить несколько городов, в том числе и Дербент, то, конечно, это не означает, что Дербент был армянским городом.

Кроме вышесказанного, это явно ошибочная концепция основывается, главным образом, на сообщениях Страбона о том, что Араксена (Араксена не является местным топонимом, а названа так самим Страбоном или его источником), Каспиана и Сакасена являются армянскими областями (Страбон, XI, 7, 2; II, 1,14). Исследователи до сих пор не догадывались, что Араксена, Каспиана и Сакасена во время источника Страбона существовали также в Атропатене и что армяне, начиная со II в. до н. э., захватили именно эти области, а вовсе не Араксену и Каспиану» расположенные в Албании, в междуречье Куры и Аракса.

Этот вопрос заслуживает того, чтобы остановиться на нем подробнее.

Выше было отмечено, что Сакасена упоминается впервые в труде Страбона четыре раза. Исследователи ошибочно все эти сообщения относили к Сакасене в междуречье Куры и Аракса, о которой, кстати, сообщается только два раза. В труде Страбона дважды речь идет о Сакасене на юге от Аракса, «ниже Гиркании» (Страбон II, 1, 14; и XI, 7, 2), — следовательно, расположенной в Атропатене. Приведем текст обоих сообщений Страбона: «Во всяком случае в Гиркании, как говорят, виноградная лоза приносит местрет вина, а смоковница дает 60 медимнов плодов; пшеница же вырастает снова из зерен выпавших колосьев на жнивье, пчелы строят улья на деревьях, и мед течет с листьев; так случается в Матиепе, провинции Мидии, **в Сакасене** и **Араксене, областях Армении**. В последних двух областях это не так удивительно, если верно, что **они лежат ниже Гиркании** (выделено нами. — Г. Г.) и отличаются от остальных земель мягкостью климата» (Страбон, II, 1, 14). С этим сообщением совпадает и другое, которое во многом является повторением предыдущего: «Доказательства благосостояния этой страны (т. е., Гиркании. — Г. Г.) следующие: виноградная лоза производит 1 метрет вина, смоковница 60 медимнов; хлеб родится из зерна, выпавшего из соломы, пчелы роятся на деревьях, а мед течет с листьев. То же имеет место и в областях Матиане и Мидии и в **Сакасене и Араксене в Армении**» (Страбон, XI, 7, 2).

Как видим, в обоих сообщениях об Армянской Сакасене говорится в связи с рассказом о Гиркании и отмечается, что область Сакасена располагалась «ниже Гиркании», т. е. на юге Прикаспия, рядом с областью Араксена. Поэтому, естественно эти сведения не имеют никакого отношения к Сакасене в междуречье Куры и Аракса. Почему-то исследователи до сих пор не замечали этого достаточно очевидного факта и указанные сообщения Страбона относили к Сакасене — Шакашене в Албании, т. е. к зоне Гянджи.

В двух местах своего труда Страбон сообщает о Сакасене в междуречье Куры и Аракса, причем в одном из них, касаясь набегов саков, он пишет, что саки завладели лучшей землей в Армении, которой они дали название от своего имени Сакасена (Страбон, XI, 8, 4).

Усомниться в сообщении Страбона нельзя. Фавст Бузанд и «Армянская география VII века» также считают Шакашен областью Великой Армении. Из текста источников становится ясным, что действительно горные части раннесредневековой Албании — Сисакан, Арцах, а также равнинные области — Ути и Шакашен — во II—I вв. до н. э. принадлежоли Армении.

В связи с этим, следует остановиться на следующих вопросах: локализация Сакасены, названной Страбоном лучшими землями в Армении; время включения этой области в Армению и время перехода ее к Албании.

1. Следует отметить, что географические координаты упоминаемой области Сакасена в сообщении Страбона неясны. Несомненно, что для времени обитания саков в междуречье Куры и Аракса, после VII века до н. э. Сакасена должна была охватывать не только зону современной Гянджи, а гораздо большое пространство, включая часть Арцаха [см. 245, 31], поздний Сисакан (где в раннем средневековье находилась крепость Шаки) и область Шаки (Sykn в надписи Каабаи-Зардушт, см. выше, с. 96—98), т. е. на северо-западе Албании, к северу от Куры, — это современная Шекинская зона Азербайджана. Поэтому включать все эти области в «лучшие земли» Армении нельзя. Исходя из сообщения Фавста Бузанда и «Армянской географии VII века», можно полагать, что указанная область охватывала только зону Гянджи.

2. На основании указанного сообщения Страбона армянские исследователи заключают, что эта область еще с VII века до н. э., т. е. со времени появления саков, была армянской, иными словами, якобы саки захватили в VII веке до н. э. армянские земли в междуречье Куры и Аракса.

Еще Н. Г. Адонц отмечал, что «Сакасена считалась родовой областью саков» [123, 426], но он ошибочно полагал, что «остатки саков в Армении утвердились в наиболее плодородной области, известной с тех пор под именем Сакасена» [там же]. В 30-х годах С. Тер-Аветисян писал: «Предполагают, что часть саков с Яксарта в VII в. до н. э. перебралась на северный берег Каспийского моря, откуда пустилась в поход в Албанию, или, как говорит Страбон, в Армению и заняли самые богатые области, которые стали называться именами саков Сакашен, Сакам (Загам), Саки (Шаки) и т. д.» [473, 24}, Следовательно эти авторы считают, что когда пришли саки, эта область была уже армянской. Эту же ошибку допустил и В. В. Струве, который, исходя из вышеприведенного сообщения Страбона, писал, что «по имени саков часть Армении даже стала называться Сакасеной», что врагами Дария (имеется в виду восстание в Армении, которое подавил Дадаршиш), были не армяне, а племена саков, появившиеся за несколько десятилетий до того на территории Армении» [469, 18]. Далее он предполагает, что эти саки вторгались в Армению при Кире [469, 120] «в начале эпохи Ахеменидцев» [там же]. Исходя из сообщения Страбона, что саки владели лучшей землей в Армении, А. А. Акопян пишет, что «правобережье Куры входило в состав Армянского царства Ервандитов» (VI—II вв. до н. э.) [128, 15]. Это

мнение кажется нам необоснованным. Если, как полагают вышеуказанные авторы, саки пришли в Переднюю Азию в VIII в. до н. э. (см. выше), то в то время еще не существовало армянского государства и государства Ервандитов, а было царство Урарту, и, бесспорно;равнинная часть междуречье Куры и Аракса (зона Гянджи), где локализуется Сакасена (Шакашен), не могла входить в состав Урарту. Но у А. А. Акопяна на всякий случай и на это» подготовлен ответ: «Правобережье Куры было завоевано уже урартами» [128, 15, прим. 31]. К такому выводу он пришел на основании двух фактов: во-первых, Страбон пишет, что саки овладели лучшими землями в Армении, и, во-вторых, Моисей Хоренский (кн. II, гл. 44) пишет, что в конце III — начале II века до н. э. царь Ерванд находился в Утике, когда на него двинулись войска Арташеса [128, 15]. Указанный Ути, по его мнению, располагался к югу от Куры — в зоне Барды. Как видим, произошло явное недоразумение. С одной стороны, Страбон пишет, что Сакасена является плодородными землями в Армении, с другой стороны, локализуемая с зоной Гянджи Сакасена не могла быть армянской областью еще в VII веке до н. э.

Чтобы разобраться в этой путанице нам следует сперва локализовать области Ути у Моисея Хоренского. Армянские исследователи, как отмечено, говоря о принадлежности земли, лежащей к югу от Куры, к Армении приводят сообщение Моисея Хоренского о том, что когда полководец Арташес хотел отнять власть у Ерванда, царя Армении, последний находился в области Ути: «В области Ути доходит до Ерванда весть, о том, что царь парсийский собрал множество войска и под начальством Смбата отправляет на тебя, для возведения молодого Арташеса на царство» (кн. II, гл. 44). Далее: «Между тем, Смбат с юным Арташесом спешил прибыть в пределы Утицев. Ему навстречу вышли войска той страны (т. е. страны Ути, но если Ути — это армянская область, то причем тут войска той страны? — Г. Г.) равно и нахарары, оставленные (там) Еврандом» (кн. II, гл. 45). Все верно. Однако где эта область Ути? Во всяком случае, это не Ути «Армянской географии VII века», где распологался город Барда. Это видно из следующего сообщения того же автора: «Смбат с юным Арташесом идёт на берег Геламского моря (т. е. озера Севан. — Г. Г.), за гору, называемую Арагатцом [ныне Алагез. — Г. Г.]; они спешили прибыть в лагерь Ерванда» (кн. II, гл. 46). Где же этот лагерь Ерванда? Историю уточняет, что лагерь находился на реке Ахурян.

Итак, все ясно: упоминаемая Моисеем Хоренским страна Ути не имеет отношения к области Ути в Албании, т. е. зоне Барды или к югу от Куры. Эта Ути находилась в области озера Севан, где еще со времен Урарту отмечена область Этиуни. В тех же источниках упомянута область Удуру — Этиуни [см. 379, 68}, которую Н. В. Арутюнян локализует с Севанским бассейном [155, 96]. В другом месте своего труда Н. В. Арутюнян пишет, что У(е)дури — Этиу(ни)хи находилась в бассейне реки Севан [там же, 198—199]. Таким образом, Этиуни урартских источников в бассейне реки Севан Моисеем Хоренским зафиксирована в форме Ути (а не Утик).

Другое дело, что по Моисею Каланкатуйскому, Этиуни—Ути, т. е. бассейн оз. Севан, — раньше относился к Албании:; «В то время, когда Арташес воевал с Ервандом, сей последний находился в пределах Албании, в области Ути «...» (Кн. I, гл. 8).

Итак, это сообщение Моисея Хоренского не имеет отношения к Албании во II веке до н. э.

Теперь продолжим разговор по поводу Сакасены Страбона в его третьем сообщении, где эта область характеризуется как «лучшие земли в Армении» (Страбон, XI, 14, 4). Выше было отмечено, что Сакасена в VII веке до н. э. или во время правления Ервандитов не могла находиться в составе Армении.

В самом деле, по одной концепции, предки армян переселились из Малой Азии в пределы исторической Армении примерно в VII—VI вв. до н. э. [490, 3], то есть, тогда, когда сюда пришли саки. В этом случае неясно, каким образом в VII веке до н. э. междуречье могло быть «лучшей землей» в Армении? Геродот [1, 180] отмечает, что Армения — горная страна, где берут начало реки Тигр и Евфрат. Таким образом, во времена Геродота, Армению — в ее тогдашних границах — считали горной страной. Что касается государства Урарту, то оно возникло в IX в. до и. э. в районе озера Ван. Зафиксированы лишь походы отдельных урартских царей — Аргишти I (786—764), Сардура II (764—735) и Руса I (735—713) в районе озера Севан в нынешней Армении, а также в районе озера Урмия в Мидии. И. Г. Алиев писал, что «... зона Карабаха никогда не была завоевана урартами» [137, 18]. Урартские топонимы (названия крепостей и стран) засвидетельствованы в урартских источниках в зоне Араратской долины, нынешнего Ленинакана, Еревана, озера Севан [379, 67, 108—116]. В надписи Руса I упоминается о захвате 23 стран, среди которых есть и Адахуни [379, 68], который можно отождествлять с Арцахом. Но и в этом случае говорится о захвате, о походах в эту страну, не как о составной части Урарту. Это самым убедительным образом свидетельствует о том, что равнинная часть зоны междуречья Куры—Аракса не могла находиться в составе Армении в VII в. н. э. Государство Ервандитов (Армина Бехистунской надписи—521 г. до н. э.), как полагают, возникло «в начале VI в. до н. э., заменив собой государство Урарту» [66, 30] и сразу же было подчинено Мидией, а затем после 550 г. до н. э. входило в державе Ахеменидов [66, 30— 31]. Следовательно, ни урартскими царями, ни Ервандитами междуречье Куры и Аракса не могло быть завоевана.

3. Из вышеприведенного видно, что область Шакашен могла быть захвачена только в последние века н. э., скорее всего во II веке до н. э. К. В. Тревер писала, что во II в. до н. э. армянский царь Арташес (189—170 гг. до н. э.) присоединил к Армении ряд соседних областей, в том числе и правобережье Куры, где обитали шаки, утии и гаргары [482, 58]. Это соответствует сообщению Страбона о том, что армянские цари II века до н. э. расширили свои владения за счет областей окружающих народностей (Страбон. XI, 14, 5).

4. Вопрос о том, до каких пор эти области, в том числе Шакашен, были армянским, до сих пор решался неверно. Сразу отметим, что указанные области, захваченные Арменией во II— I вв. до н. э., были потеряны

вместе с уходом Тиграна II с исторической сцены, т. е. в середине I века до н. э. В пользу этого положения можно провести следующие аргументы. Во II веке до н. э. армяне захватили также южные области Картли — Тао (Тайк древнеармянских источников) и Гогарене, и, естественно, после распада империи Тиграна II (а не после 387 года, как думают армянские исследователи) эти области перешли к грузинам.

После Тиграна II восточная Армения перешла к Парфии, поскольку парфянский царь Вологез назначил своего брата Тиридата царем Армении. Этот царь назначил правителей в разных «областях Армении, в том числе и в междуречье Куры и Аракса, где правили до него предки правителя Арана. Тиридат не нарушил эту традицию и, таким образом, правителем стал Аран. Это произошло в 60-х годах I века н. э. Следовательно, после распада Великой Армении в середине I века до н. э. завоеванные ею во II веке до н. э. области перешли к Албании.

Однако армянские исследователи, говоря о принадлежности Кура-Араксинского междуречья к Великой Армении, обычно ссылаются еще на сообщение Моисея Хоренского о том, что Валаршак, брат парфянского царя Аршака назначенный им царем Армении (как известно, в действительности речь может идти о назначении парфянским царем Вологезом I своего брата Тиридата в середине I века н. э.) назначил некого Арана правителем земли от Аракса до Хнаракерта, т. е. указанного междуречья,потому что эти земли были частью Армении.

Стоит несколько подробнее остановиться на этом вопросе.

Моисей Хоренский начинает свое сообщение с того, что Парфянин Аршак (т. е. Вологез I — 51—76 гг.) назначил «брата своего Валаршака (т. е. Тиридата — Г. Г.) царем в Армении, считая это удобным для прочности своего государства» (кн. I, гл. 8) Из этого сообщения становится, ясным, что ко времени Вологеза I Армения принадлежала Парфии или находилась в зависимости от нее. Чуть ниже Моисей Хоренский пишет, что Аршак Великий (т. е. Вологез I) радовался Валаршаку (т. е. Тиридату), что отдал ему «половину своего царства» (кн. I, гл. 9). Далее автор перечисляет страны, доверенные Валаршаку (Тиридату): «Он (т. е. Аршак. — Г. Г.) назначает ему (т. е. Валаршаку, следовательно Тиридату. — Г. Г.) столицою город, Мцбин (в Северной Месопотамии. — Г. Г.); пределами его царства — часть Западной Сирии, Палестины, Асию, всю среди земную страну и Титалию, начиная от Понтийского моря до места, где Кавказ оканчивается у Западного Моря, (к этому еще) Атрпаткан» [там же]. Как видим, к первому веку н. э. Великой Армении уже нет, и принадлежащие ей страны находятся под властью Парфии.

В этом перечне нет упоминания об Албании или о границах Парфянского царства в междуречье Куры—Аракса. В другом месте Моисей Хоренский еще раз говорит о местоположение стран, правление в которых поручено Валаршаку: «В то же время (Аршак) назначил брата своего Валаршака царем в нашей стране, дав ему во владения Север и Запад» (кн. II, гл. 3). И здесь нет Востока, т. е. междуречья Куры—Аракса. Но, безусловно, Армения в то время должна была иметь границы пролегающие поблизости от этого междуречья. Задача в том и состоит, чтобы определить восточные границы Армении указанного периода. Суть вопроса проясняется из следующего сообщения автора: «На восточной стороне, на окраине армянского гавара назначает он (т. е. Тиридат) наместником родоначальников двух родов — Сисака и Кадмоса, имена которых приведены нами в первой книге» (кн. II, гл. 8).

Итак, окраины Армянского государства на востоке — Сисакан—Сюни. Это подтверждается сообщением того же автора о том, что Сисакан является «страной восточной» для Армении (кн. I, гл. 14). Далее в источнике говорится о назначении Тиридатом представителя местной династии Арана правителем земли от Аракса до Хнаракерта, но там не говорится, что эти земли являются северо-восточной окраиной Армении, ибо, как отмечено, автор «окраиной армянского гавара» считает Сисакан. Возникает вопрос: почему Тиридат назначил Арана правителем этой территории, если она не входила в то время в состав Армении? Ответ может быть один: к этому времени, т. е. к середине 1 века н. э., междуречье было также в сфере влияния Парфии и поэтому Тиридат как ставленник Парфии назначил предел представителя именно местного рода — Арана правителем территории к югу от Куры. Наш вывод подтверждается сообщением Помпея Трога (XI, 1, 6, 6) о том, что парфянский царь Митридат (170 139 до н. э.) «распространил господство парфян от Кавказских гор до реки Евфрата». Следовательно, междуречье Куры Аракса находилось под влиянием Парфии, а эта территория то время еще не входило в состав Албанского царства. Это царство охватывало земли к северу от Куры. Известно, что в дальнейшем в Албании, как и в Армении, царская власть перешла представителям аршакидской династии. Если бы земли к югу от Куры до назначении Тиридата правителем Армении исконно составляли восточную ее часть, тогда уже с первых веков нашей эры эти земли должны были находиться под управлением самого Тиридата, а не представителя местного населения или же албанские аршакиды должны были происходить из царственного дома армянских аршакидов. Как известно, ни того ни другого не был.

Следовательно, в I веке междуречье, причем как низменные так и горные его части — Сисакан и Арцах, — были албанскими.

Имеется следующее ценное сообщение Моисея Хоренского:царь Трдат (армянский царь — 287—332 гг.) во главе всей Армении, спустившись на равнину Гаргараци «встречает северян войною» (кн. II, гл. 85). «Северяне» в древнеармянских источниках — это в основном тюркские племена Северного Кавказа. Гаргарское поле — это нынешний равнинный Карабах. Действительно, в то время тюрки-басилы вторгались в Албанию и перешли ее границу к югу от Куры. С чем связано это выступление армянского царя? С тем, что иранский шах Шапур «позволил всем северянам встретиться в Армении» (кн. II, гл. 84). Следовательно, армянский царь, предупредив угрозу вступления северян из Албании в Армению, «**отправился через землю**

агванов (выделено нами. — Г. Г.) на северян» (кн. II, гл. 84). Отсюда ясно, что эта «земля агванов» или Арцах или Сисакан (Сюник). Чтобы достигнуть Гаргарского поля, т. е. равнинного Карабах, Трдат должен был пройти через одну из этих областей.

Следовательно, во время царствования Трдата III земли югу от Куры являлись албанской территорией.

Фавст Бузанд пишет, что в 371 г. Мушег Мамикониан захватил Ути, Шакашен, Гардман и Колт (кн. VI, гл. 3) и «реку Кура сделал границей между своей страной и Албанией, как было раньше» (там же). Отсюда становится ясным, что к 371 году эти области, не принадлежали к Армении, иначе почем Мушег должен был завоевывать заново эти области? Выражение «как прежде» — ясно; это II—I вв. до н. э.

Как видим до 70-х годов IV века междуречье Кура и Аракса было албанским. Во всяком случае, когда в Албании было принято христианство, т. е. в начале IV века, эти области уже являлись албанскими. В 60—70-х годах IV века царем Албании был Урнайр. Возникает вопрос: долго ли эти области оставались в составе Армении? Видимо, недолго. В 478 году в албанском соборе принимали участие представители духовенства из Гардмана и Арцаха. Это противоречит выводам армянских исследователей, утверждающих, что отторжение этих областей от Армении и распад произошли в 387 или 428 гг.

В одном из двух сообщений Страбона о Сакасене в междуречье Куры—Аракса говорится: «За этой равниной (т. е. Аракской, в данном случае — это Албанская Араксена. — Г. Г.), идет Сакасена, тоже граничащая с Албанией и с рекой Киром». Как видим, в этом случае действительно Сакасена отмечена отдельно от Албании. По нашему мнению, это сообщение относится к последним столетиям последнего тысячелетия до н. э., не позже времени похода Помпея в Албанию, в 66—65 гг. до н. э. Когда возникло албанское царство в IV в. до н. э., оно первоначально охватывало территорию между Курой и Кавказскими горами, и поэтому земля к югу от Куры еще не входила в состав этого царства, а была самоуправляющейся областью, но находившейся в сфере влияния Ахеменидов. Правили этой территорией предки Арана. Поэтому Арриан (II в.) в связи с событиями IV в. до н. э. сакасенов, т. е. жителей области Сакасена, находившихся в рядах персидской армии, перечисляет отдельно от албанов. Но в дальнейшем, к 60-годам первого века н. э. правителем территории, расположенной к югу от Куры, в том числе Сакасены, был представитель местного населения — Аран. Мы исходим из выражения Моисея Хоренского, что эта территория — от Аракса до Хунанакерта перешла к Арану **по наследству**. В этом случае, конечно, Сакасена граничила с Албанией, т. е. с территорией Албанского царства и их отделяла река Кура.

Теперь мы вернемся к первым двум сообщениям Страбона о той Сакасене, которая названа армянской. Как отмечено выше, эта Сакасена находилась не в междуречье Куры и Аракса, как считали до сих пор, а в Атропатене — «ниже Гиркании». О том, что именно эта Сакасена принадлежала Армении, свидетельствуют следующие сообщения Страбона. «К югу от части Гирканского моря и от всего перешейка между этим морем и Понтом простирается большая часть Армении, Колхида, вся Капподокия до Авксинского Понта и до Тибаренских племен» (Страбон, II, V, 31). В этом сообщении отмечено, что армяне захватили территории, примыкающие к южному Каспию (Сакасена также помещена им ниже Гиркании, и границей ее, таким образом,, становились южные берега Каспия). Если Гиркания примыкала к Парфии и была завоевана ею в I в. до н. э., как будет отмечено ниже, а армянский царь отнял от Парфии некоторые земли, в том числе и Атропатену, то напрашивается вывод, что и Сакасена, расположенная к югу от Каспия, вошла в состав Армении (см. ниже).

Итак, в сообщениях Страбона следует выделить две области под названием Сакасена: в междуречье Куры и Аракса — зона Гянджи (Страбон, XI, 14, 4, и XI, 8, 4), и другую — в Атропатене (Страбон, II, I, 14 и XI, 7, 2), что до сих пор, не учитывалось исследователями.

Определить границы области Сакасена в Атропатене, которая во времена Страбона (или его источника) относилась к Армении, трудно. Это связано с тем, что до сих пор неизвестны точные границы таких древних и раннесредневековых областей, как Каспиана, Баласакан и Муган, которые составляли часть страбоновской Араксены как к югу от Аракса, так и к северу от него. Сакасену в Атропатене можно отождествлять со страной Сака, засвидетельствованной в источнике VII в. н. э., которая, по мнению И. Г. Алиева, располагалась «севернее и северо- восточнее Ассирии (в Манне или по соседству с ней)» [133, II]. Свое мнение по этому вопросу мы выскажем ниже в связи с вопросом об этническом составе населения Атропатены.

Концепция о принадлежности междуречья Куры и Аракса к Армении со II в. до н. э. до IV в. возникло еще от того, что согласно Страбону, Каспиана принадлежала армянам (Страбон, XI, 14, 5). Эту Каспиану также локализуют в междуречье Куры и Аракса в Албании. Однако в действительности эта захваченная во II веке до н. э. армянами Каспиана находилась в Атропатене т. е. к югу от Куры, примерно от слияния с Араксом до моря современная Муганская степь и Талышская зона. Известно, что в раннем средневековье Баласакан был названием обоих берегов Аракса — от Барзанда в Атропатене до Барды в Албании. В свою очередь известно, что Баласакану в среднеперсидских и армянских источниках соответствовала Каспиана греческих авторов. Исходя из этого, логично предположить, что существовали две части Каспианы: первая к северу от Аракса — в Албании, в Мильской степи, т. е. в междуречье, и вторая — к югу от Аракса, после слияния его с Курой; территория последней относилась к Атропатене. Часть этой зоны ныне относится к Советскому Азербайджану. Таким образом, мидийская (т. е. атропатенская) Каспиана (Пайтакаран — «Армянской географии»), которую отняли армяне во II веке до н. э., лежала ниже Куры после ее слияния с Араксом и простиралась вплоть до моря. Однако, как писала Ф. Дж. Мамедова, Каспиана была армянской областью только до распада империи Тиграна в 66 г. до н. э. [363, 8]. Действительно, уже Птолемей [VI, 2, 5] считает Каспиану частью Мидии, т. е.

Атропатены. В то же время Страбон пишет, что Каспиана относится к албанам, однако в другом месте он же сообщает, что Каспиану армяне отняли у мидян, т. е. у атропатенцев. Следовательно, завоеванная армянами Каспиана находилась в Атропатене (об албанской Каспиане мы говорили выше). Отсюда можно сделать вывод, что эта Каспиана относилась к Армении не до 387 г., как утверждают армянские исследователи, а до конца правления Тиграна II, т. е. до середины I в. до н. э. Действительно, если на римских монета 115—117 гг. и 60- х годов II века, как отметила Ф. Дж. Мамедова, «Армянское государство изображено аллегорически в образе женщины, сидящей под ногами римского императора, что, несомненно, отражает политическое порабощение армянского государства оккупантами» [363, 12], тогда не может быть речи о принадлежности Каспиапы к Армении после I века до н. э.

Это подтверждается также сообщениями о Баласакане. По свидетельству Моисея Корейского (кн. III, гл. 30), христианство проповедовали и в Баласакане. Безусловно, в данном случае имеется в виду Баласакан, находившийся к северу от реки Аракс, в албанской Каспиане античных авторов. Именно эту часть Баласакан а — Каспиану имеет в виду Моисей Каланкатуйский: «Он (Маштоц. — Г. Г.) распространил свою проповедь Евангелия... и в Каспке» (кн. I, гл. 27). Агафангел в связи с событиями III века пишет, что на помощь армянскому царю Хосрову (217—238) пришли албаны, лбины, чилбы и каспии [128, 53]. Очевидно, что в данном случае на помощь могли прийти, каспии, живущие в Албанской Каспиане, а не каспии Атропатены. Упомянутую Каспиану (албанскую) нельзя отнести к другой Каспиане — области обитания каспиев на юго-западном побережье Каспийского моря, ибо эта зона относилась к Атропатене и являлась Атропатенской Каспианой — Баласаканом и частью Муганской степи ниже Куры после слияния с Араксом — это Пайтакаран «Армянской географии VII века». Егише (гл. III) в связи с битвой между объединенными силами Иберии, Армении и Албании с Ираном во времена Ездегирда II пишет, что когда персидское войско было разбито, в составе этого войска «устоял и храбро сражался отряд знатных воинов Баласаканского царя». Это сообщение относится к Баласакану в Албании.

Таким образом, армянами во II в. до н. э. была захвачена Каспиана, расположенная к югу от Аракса после его слияния с Курой, что подтверждается сообщением Страбона о том, что ярмяне отняли Каспиану у мидян (т. е. атропатенцев. — Г. Г.). (Страбон, XI, 14, 5). Эта Каспиана затем с I в. до н. э. опять стала атропатенской, а ныне входит в состав Азербайджанской ССР. Поэтому И. Г. Алиев и Ф. Мамедова, по нашему мнению, не совсем правы, обвиняя Страбона в непоследовательности [363,8; 132, 10].

Такая интерпретация Страбона полностью согласуется с его же сообщением (XI, 13, 6) о том, что «наконец на Западе Мидия граничит с атропатейцами и частью армян». В связи с этим сообщением С. Т. Еремян писал, что «часть Каспийского побережья входила (по крайней мере политически) в пределы Великой Армении» [296, 66]. Это не исключено, ибо может быть какая-то часть армян жила на юго-западном побережье Каспия в принадлежавших им областях — Сакасене и Каспиане. В свете вышесказанного сомнительным представляется следующее мнение Ф. Мамедовой: «Однако изучение нами данных Страбона показало, что армянским царем Арташесом I из албанских земель был завоеван лишь Пайтакаран (Каспиана)» [363, 10]. Из этого вывода автора, однако, неясно, какой именно Пайтакаран имеется в виду. Дело в том, что Ф. Мамедова не учитывала, что существовало две области с названием «Каспиана» и что армяне захватили не Албанскую Каспиану (Байлакан в Мильской степи), а Каспиану в Атропатене. Кроме того, захваченная армянами Пайтакаран—Каспиана принадлежала ранее Атропатене, а не Албании, ибо юго-восточной границей Албании являлся отрезок течения Куры, после слияния ее с Араксом. Это ошибочный вывод (эту ошибку допустил и А. П. Новосельцев — 412, 13—14) нашел свое отражение и в «Азербайджанской Советской Энциклопедии», где говорится, что Каспиана во II в. до н. э. относилась к Атропатене, а в I в. — к Албании [75, V, 291]. Ниже будет показано, что Пайтакаран первоначально был названием территории к северу от Куры (Мильская равнина), а затем, после вхождения Албании в состав государства Сасанидов и образования Северного Куста (края), это название армянскими авторами относилось к территории, расположенной к югу от Куры.

Исследователи, говоря о принадлежности междуречья Куры и Аракса к Армении, основываются также, на сообщение Страбона о том, что к Армении относилась Араксена (Страбон, X1,7,2).

Араксена (от гидронима Араке и греческого суффикса «ене» как в топонимах Гогарене, Сиракене и др.) в сообщениях того же Страбона является наименованием равнины, по которой протекала р. Араке, Он пишет, что Араке «пройдя **через** (выделено нами. — Г. Г.) равнину Араксены впадает в Каспийское море» (Страбон, XI, 14, 3). В другом месте он же говорит о равнине, «**по которой**» (выделено нами. — Г. Г.) р. Аракс течет до границ Албании, впадая в Каспийское море» (Страбон, XI, 14, 4). Следовательно, у Страбона Араксеной именуется как левобережье в Албании, так и правобережье в Атропатене. В сообщениях Страбона о принадлежности Араксены армянам речь идет об Араксене, находящейся к югу от Аракса, в Атропатене, т. е. на правобережье Аракса. Такая интерпретация сообщений Страбона о Сакасене, Каспиане и Араксене позволяет решить кажущуюся «противоречивость» его сведений, когда, с одной стороны,Сакасену автор называет армянской областью (Страбон, II, Г, 14 и XI, 7, 2), а с другой стороны, говорит, что Кура протекает через Албанию (Страбон, XI, 1, 5 и XI, 4, 2) и, следовательно, междуречье, где располагалась и Сакасена, входило в состав Албании. Таким же образом разрешается и другое «противоречие» Страбона, когда он сначала говорит, что к областям албанов принадлежит и область Каспиана (Страбон, XI, 4, 5), а далее сообщает, что Каспиана является армянской областью (Страбон, XI, 14, 5). Из сказанного можно сделать вывод, что противоречивости у Страбона фактически нет и критика его сообщений И. Г. Алиевым [137, 22] и Ф. Мамедовой [363, 12] несправедлива.

Таким образом, сообщения Страбона о принадлежности областей Каспиана, Сакасена (Атропатенская) и Араксена к Армении связано с тем, что Арташес II захватил территорию северо-западной Атропатены [583, 109], а в I веке до н. э., во время Тиграна II в состав Армении, как известно, входила и часть Атропатены [363, 11].

Теперь нам следует ответить на вопрос: существуют ли факты, свидетельствующие о том, что армяне захватили именно области Сакасена, Араксена и Каспиана на территории Атропатены, а не в Албании?

Такие факты существуют, Страбон пишет: «У атропатийцев есть, правда, могущественные соседи — армяне и парфяне, которые нередко опустошают их страну. Однако они оказывают сопротивление и отбирают (выделено нами. — Г. Г.) назад захваченную у них землю» (Страбон, XI, 13, 2). В другом месте тот же автор писал: «Они (т. е. армянские цари Арташес и Зариадр. — Г. Г.) расширили совместно свои владения, отрезав часть областей окружающих народностей, а именно: у мидян они отняли Каспиану, Фовнитиду, Басоропеду» (Страбон XI, 14, 5).В другом месте своего труда он говорит, что «северные части (Армении. — Г. Г.) — это гора Парахоафра, лежащая над Каспийским морем» (Страбон, XI, 14, 1). Упоминаемая гора Парахоафра — это искажение от названия современной горы Багро в юго-западном Прикаспии на территории Иранского Азербайджана, где, по сообщению Страбона, обитали также кадусии, утии, албаны и др. (Страбон, XI, 7, 1). Он пишет: «Наконец, на западе Мидия граничит с атропатенцами и частью армян» (Страбон, XI, 13, 6). Безусловно, данное сообщение следует понимать в том смысле, что часть территории указанного горного массива относится к Армении, ибо никакого армянского населения там не могло быть, так как эта область была завоевана Тиграном и при нем же была потеряна. Это согласуется с другим его сообщением, что Тигран покорил властителей Атропатены (Страбон, XI, 14, 15). Это обстоятельство отражено в другом сообщении Страбона. Он, повествуя о Гиркании, отмечает, что у Гиркании «Каспийское море уже широко разливается вплоть до пункта своего соприкосновения с мидийскими (в данном случае — атропатенскими. — Г. Г.) и **армянскими горами**» (Страбон, XI, 7, 1).

Именно эта историческая реальность зафиксирована в древнегрузинском источнике, где указывается, что Гаос (т. е. армяне) «овладели от Оретских гор на юге до моря Гирканского на востоке» [39, с. 22]. Это сообщение отражает положение, существовавшее в период 11—1 вв. до н. э., когда действительно, граница Армении и Албании проходила по Араксу исключая Босороπеду — Нахичеван и участка Куры от слияния ее с Араксом да моря; земли к северу от указанных частей Аракса и Куры относились к Албании, а к югу (т. е. северная Атропатена) — к Армении.

Вышеприведенные сообщения Страбона дают возможность сделать вывод, что ко времени источника Страбона атропатенские области Араксена, Каспиана и Сакасена относились к Армении. Такой вывод подтверждается и сообщением Помпея Трога, который отмечает, что еще во время царствования Митридата Парфия вела войны с атропатенцами и последние были побеждены и Атропатена была покорена Парфией (Помпеи Трог, Филипповские войны, XI, 1,6). Заметим, что по мнению Р. Фрая, Мидия была завоевана в 155 г. до н. э. Парфией [498, 250]. Этой обстановкой воспользовался армянский царь Тигран II. Около 87 г. до н. э. он вторгся в Атропатену, начал войну с Парфией, и приступил к завоеванию принадлежащей ей Атропатены. В то время Парфия была слабой. Тигран II разбил парфянскую армию, находившуюся в Атропатене, и занял город Экбатан, являвшийся к тому времени резиденцией парфянского царя. Парфянский царь Готарз заключил мир с Тиграном и отдал ему власть над Атропатеной. Чтобы узаконить свою власть в Атропатене, Тигран II заключил брак с дочерью атропатенского царя [66, 41]. Именно в это время часть Атропатены «семьдесят долин», в том числе Сакасена, стала армянской, и о ней два раза упоминает Страбон (см. выше). Эту ситуацию отражает следующее сообщение Страбона: «Есть в Армении также большое озеро. Оно носит названия Мантиана (Урмия. — Г. Г.), что в переводе значит «синее» (Страбон, XI, 14, 8).

О принадлежности части Атропатены Тиграну II говорит тот факт, что во время битвы между ними и Лукуллом в 69 г. до н. э. на стороне Тиграна сражалась и мидийская (т. е. атропатенская) конница количеством 17 тысяч (Плутарх. Лукулл, XXVI, XXVII). Это же положение, относящееся ко II—I вв. до н. э., отражено в сообщении Плиния (VI, 25) о том, что земли Армении находятся между городом Дакусы на берегу реки Евфрата до Каспийского моря, т. е. юго-западного побережья Каспия. Поэтому Корнелий Тацит (Анналы, II, 56) пишет: «Земля армян граничит на большом протяжении с нашими (т. е. римскими. — Г.Г.) провинциями и глубоко включается во владения мидян» (т. е. атропатенцев. — Г. Г.). Следовательно, часть Атропатены вошла в состав Армении во времена Тиграна и, начиная со времени Арташеса, указанные атропатенские области — Араксена, Каспиана и Сакасена — стали частью территории Великой Армении. Эта ситуация отражена и в «Армянской географии VII века» [4, 40}, где указано, что территория Албании на юге простирается «до пределов армянских на Куре». В данном случае имеется в виду часть реки Куры после слияния ее с Араксом до Каспия, ниже этого участка территория относилась к Армении во II—I вв. до н. э. Такая интерпретация согласуется со следующим сообщением того же источника о том, что в Атропатакане границы Великой Армении (эта Великая Армения относится ко II—I вв. до н. э. — Г. Г.) поворачиваются на север «до впадения Аракса (т. е. Куры) в Каспийское море» [4, 42]. Ниже указанной линии находились Отена Птолемея и Азиния Квадрата и Пайтакаран «Армянской географии VII века».

До каких пор эти и Атропатенские области оставались в составе Армении? В отношении Атропатенских областей вопрос ясен. Для ответа на этот вопрос можно положиться на два свидетельства. Во-первых, Птолемей [II в.) уже считает Каспнану Мидийской (т. е. для того времени Атропатенской), и во-вторых, когда парфянский царь Вологез в середине I века нашей эры назначил своего брата Тиридата царем

Армении (он мог поступить так, если Армения была в зависимости от Парфии), в числе стран, порученных ему, был и «Атрапатакан» (Моисей Хоренский, кн. I, гл. 8). Следовательно, в это время Атропатена находилась в зависимости от Парфии, а не от Армении. Н. Г. Адонц считал Армению этого периода страной, зависимой от Парфии: «Аршакиды смотрели на свои завоевания как на достояние своего рода, и, поэтому, стремились захватить престолы в зависящих ют них царствах и распределить их между своими сородичами.» [123, 387}. Поэтому следует допустить, что указанные области Атропатены, захваченные Арменией, были потеряны, когда в 60-х годах могущественный Тигран II стал пленником Помпея в 66 г. н. э., ибо по договору, заключенному между Тиграном и Помпеем, Армения потеряла завоеванные страны, а значит и захваченные области Атропатены — Каспиану, Араксену и Сакасену. Я. А. Манандян писал, что **империя Тиграна распалась в 69—66 гг. до н. э**. и в 60-х годах в Армении утвердились армянская линия аршакидов [365, 69, 87]. Таким образом, отнятые от атропатенцев Арташесом и Тиграном II области Атропатены были потеряны в 60-х годах I в. до н. э. Известно, также, что парфянский царь Фраат III в это же время отвоевал Атропатену [см. 583, 109]. Это подтверждается, тем, что в то время, когда Страбон сообщает о принадлежности Каспианы к Армении, автор II века Птолемей уже пишет о принадлежности Каспианы к Атропатене. Сасанидский царь Шапур I (242—272) в своей надписи (III в.) также отмечает принадлежность Каспианы (в греческой версии) к Ирану. Как известно, в 260 г. Шапур I разгромил римскую армию и император Валериан попал в плен. Армения, которая являлась объектом борьбы между Ираном и Римом, была включена в состав Ирана. Поэтому в этой надписи сама Армения также перечисляется в числе подчиненных Ирану стран. Ясно, что в этом случае о принадлежности области Каспианы, Араксены и Сакасены к югу от Аракса к Армении не может быть и речи.

Как видим, каждое историческое сообщение должно быть исследовано в рамках историзма: т. е. его следует оценить в контексте всей исторической эпохи. Вырванное из этого контекста и помещенное в другую эпоху сообщение утрачивает свою научную достоверность.

Страбон в одном месте своего труда пишет: «Аракс протекает через Армению» (Страбон, XI, 1, 5). Отсюда делается вывод якобы территория к северу от Аракса, а следовательно и междуречье в целом принадлежало Армении. Однако следует уточнить, какую часть Аракса имеет в виду Страбон? Ведь он пишет, что Кура протекает через Албанию (Страбон, XI, 1, 5). И тысячу лет спустя Иакут Хамави писал: «Между Азербайджаном (т. е. древней Атропатеной) и Арраном (т. е. древней Албанией) протекает река под названием Ар-Рас. Все, что находится западнее и севернее этой реки относится к Аррану, а что находится восточное ее — к Азербайджану» [8, 10].

Безусловно, в сообщении Страбона имеется в виду часть Аракса, но не весь Араке, а именно та часть, которая находится в нынешней Нахичеванской зоне, ибо тот же Страбон сообщает, что Армения во II в. до н. э. отняла у Мидии Басаропеду — это Васпуракан армянских источников, Басфурджан арабских источников. Следовательно, сообщение Страбона отражает ситуацию, когда нынешняя Нахичевань, лежащая к северу от Аракса, а также часть Атропатены к югу от него принадлежали Армении. Это соответствует тому, что армянам принадлежала» Араксена к югу от Аракса, а не к северу от него. Поэтому указанное сообщение нельзя отнести к части Аракса, протекающей начиная от Мильской равнины до слияния с Курой. Такой вывод подтверждается приведенными нами уже сообщениями Страбона, что Кир, т. е. Кура, протекает через Албанию (Страбон, XI, 1, 5). Очевидно, не может быть такого положения, чтобы Араке на территории Албании протекал через Армению и в то же время Кура протекала через Албанию.

Естественно сообщение Страбона о том, что река Кура протекает через Албанию (Страбон, XI, 4, 2), противоречит концепции армянских историков, и поэтому А. А. Акопян предлагает, чтобы текст Страбона отныне трактовали так: «Кир протекает вдоль Албании» [122, 25]. В действительности Страбон писал, что Кура протекает «через Иберию и Албанию». Если согласиться с А. А. Акопяном, который предлагает вместо слова «через» писать «вдоль», то слово «вдоль» следует относить не только к части Куры, протекающей через Албанию, но и к той части, что протекает через Иберию. В интерпретации автора это сообщение следует читать так: Кура протекает «вдоль Иберии и Албании»— но это явная бессмыслица.

Следует интерпретировать еще одно сообщение Страбона, которое используют в качестве аргумента в пользу принадлежности к Армении междуречья Куры и Аракса. Повествуя о том, что Иберия частично окружена горами и в средней ее части находится равнина, Страбон пишет, что Кир «берет начало в Армении и, тотчас вступая в вышеупомянутую равнину (т. е. равнину в Иберии. — Г. Г.), принимает Араг (т. е. Арагви) и другие притоки, (эти притоки также в Иберии. — Г. Г.), а затем через узкую долину* течет в Албанию (а не вдоль Албании как предполагает А. А. Акопян); между этой долиной (т. е. Камбисеной) и Арменией (следовательно на границе Албании, Армении и Иберии. — Г. Г.) река мощно проносится по равнинам, весьма богатыми пастбищами (это уже начало равнинной части Албании. — Г. Г.), принимает еще больше рек (это уже равнинные реки Албании — нынешние Ахынджа, Акстафачай, Таузчай, Дзегемчай, Гянджачай, Курекчай), в том числе Алазони, Сандобан, Рутак и Хан (все судоходные), и наконец, впадает в Каспийское море» (Страбон, XI, 3, 2). По А. А. Акопяну, у Страбона якобы написано, что Кура, «многоводной рекой пронесясь между ее (Албанской — Г. Г.) и Арменией по богатым пастбищам и равнинам впадает в Каспийское море» [128, 21]. Следовательно, по его мнению, территория к югу от Куры относилась к Армении, несмотря на то, что из приведенного сообщения Страбона такой вывод не получается.

---

*Очевидно, эта узкая долина находится на границе Иберии, Армении и Албании, где-то. Видимо, в Камбисене, где, по сообщению, «армяне граничат одновременно с иберами и албанцами» (Страбон, XI, 4, 1).

Итак, это сообщение относится к тому времени, когда часть междуречья во II—I вв. до н. э. относилась к Армении.

У Страбона мы читаем: «В самой Армении много гор и плоскогорий, где с трудом растет даже виноградная лоза, много там и долин, причем одни из них не отличаются особенным плодородием, другие же, напротив, чрезвычайно плодородны, например, равнина Аракса, по которой река Араке течет до границ Албании, впадая в Каспийское море». Армянские историки из этого сообщения делают вывод о принадлежности областей к северу от Аракса, т. е. междуречья, Армении. Возможно, если это сообщение Страбона отражает положение до I века до н. э., т. е. до потери Тиграном II захваченных у Атропатены областей, это плодородная равнина относится к правобережью Аракса. Если же это сообщение отражает времена Страбона, то оно относится к Нахичевани. Равнина же к северу от Аракса (левобережье) к Албании, как мы отмечали, Страбоном названа Араксена (это Араксена в Албании, как отмечено выше, существовала еще Араксена в Атропатене). Нами уже отмечено, что армяне захватили правобережье Аракса, также названное Страбоном Араксена. В этом случае левобережье — Албанская Араксена (термин Страбона) не может быть плодородной равниной в Армении.

Теперь следует остановиться еще на одном античном источнике. Из сообщения Плиния становится ясно, что Отена - армянская область. Это сообщение относится к I веку н. э. «Часть Аракса, которая ближе к Каспийскому морю, отделяет Атропатену от Армянской области Отена». В данном случае имеется в виду часть реки Куры после слияния с Араксом, а Отена (у Страбона область Ути на юге Каспия) находилась ниже той части реки, которая действительно раньше принадлежала Атропатене, а во II в. до н. э. была отнята Арменией. Такая интерпретация сообщения Плиния не противоречит сообщению Азиния Квадрата о том, что Отена на Куре является армянской областью. Безусловно, Отена Плиния и Азиния Квадрата — одна и та же область, которая располагалась к югу от Аракса (у Плиния) и Куры (у Азиния Квадрата), т. е. от их слияния до впадения в Каспийское море. Иными словами, в данном случае имеется в виду правобережье Аракса и части Куры после слияния с ним. Отсюда ясно, что отождествлять Отену античных источников с Ути древнеармянских источников (к тому же, как было сказано выше, существовало несколько областей под названием Ути и одна из них находилась в бассейне озера Севан), как это делает А. А. Акопян [128, 22], нельзя. Вообще следует учесть, что никаких сведений о равнинной части междуречья Куры и Аракса в античных источниках первых веков н. э. нет. Но в дальнейшем отены (утийцы), видимо, перешли реку и распространили область своего обитания на север, ибо Стефан Византийский (IV в.) на основе древних сообщений пишет, что отены живут вокруг реки Куры. Что касается сообщения Евсения (IV в.), который перечисляет Отену отдельно от Албании (Евсений Палестинский, Евангельское приготовление, VI, 31), то оно, по-ви-димому, также восходит к сведениям того времени, когда действительно Отена, область лежащая по течению реки Куры после ее слияния с Араксом, принадлежала некоторое время Армении.

Вопрос о местонахождении Отены—Утика подлежит тщательному исследованию. Существуют противоречивые суждения на этот счет. С одной стороны есть мнение, что удины-утни продвинулись в междуречье с юга в первые века н. э., следовательно, до этого она не может быть помещена в междуречье, т. е. эта область Утик армянских источников. С другой стороны. А. А. Акопян, чтобы аргументировать свою концепцию о принадлежности междуречья к Великой Армении еще со времен Ервандитов (VI в. до н. э.), исходя из сообщения древнеармянских источников о том, что Арташес во II в. до н. э. воевал с ервандитами в Утике, помещает этот Утик в междуречье. Но выше мы уже говорили, что эта Ути находилась в самой Армении, в бассейне юзера Севан. Однако Отена времен Арташеса (II в. до н. э.) и Отена Плиния лежали к югу от Аракса и Куры, в Атропатене — эта область Ути Страбона. Таким образом, Отена на Куре — это не правобережье указанной части Куры. Не случайно, что Страбону не известна Ути в междуречье Куры и Аракса.

Клавдий Птолемей сообщает, что «Великая Армения ограничивается с севера частью Колхиды, Иберией и Албанией по вышеуказанной линии, проходящей через реку Кир» (V, 12, 1). Отсюда вовсе не вытекает, что Кир на всем протяжении являлся границей Великой Армении и Албании, как это считает, например,А. А. Акопян [128, 21]. Как видно, здесь говорится о том отрезке Куры, где Армения, Иберия и Албания граничат друг с другом, ибо там есть выражение «ограничивается», т. е. граница Армении ограничивается по той части Куры, которая находится на границе этих трех стран. Если бы Птолемей имел в виду всю Куру, тогда он вместо «север» писал бы «север-восток», Именно это положение отражено и в сообщении Плиния о том, что албаны, «расселившиеся по Кавказским горам, доходят, как сказано, до реки Куры, составляющей границу Армении и Иберии» (Плиний, VI, 39).

Следовательно, часть течения реки Куры составляла часть границы Армении и Иберии, а албаны (здесь собирательное название племен северо-западной Албании. — Г. Г) обитали до этой части реки. Какая эта часть реки Куры? Определить в точности трудно, во всяком случае Иберия и Армения не могли быть пограничными по той части Куры, которая проходила по низменным областям Албании до Каспия.

Как видно, при интерпретации сообщений античных авторов о Куре и Араксе как пограничных между Албанией и Арменией, следует выяснить, какие части их течения и в какие исторические периоды составляли границу между ними.

Теперь вкратце скажем, об Арцахе.

Топоним Арцах известен из древнеармянских источников V века. Высказывалось мнение, что эта область упомянута Страбоном в форме Орхистене, что следует признать верным. Дело в том, что топоним Орхистене, состоящийся от компонента Орхист и греческого окончания «ене», добавленного Страбоном, является искажением местного Арцах (Арцах—Юрхаст). Что касается топонима,Арцах, возможно, что он упомянут еще в урартских источниках в форме Адахуни и Уртехуни (уни — является суффиксом урартского языка) [155, 12, 211], Это предположение тоже следует признать правильным и потому можно сказать, что Арцах является самым древним топонимом в Азербайджане. Однако это не означает, что данный топоним является урартским. В источнике говорится лишь о походе урартского царя в эту страну. Следовательно, Арцах является местным названием. Поэтому мнение, о том, что еще со времени государства Урарту Арцах был связан с Арменией (когда еще не существовала сама Армения) не соответствует истине.

В том же сообщении Страбона, где упоминается Орхистена (Арцах), указано, что провинцией Армении является также Орхистена (Страбон, XI, 14, 4). Нельзя усомниться в правдивости этого сообщения, однако следует выяснить, когда она была захвачена Арменией.

Есть сообщение того же автора, что территорию Армении, в прежние времена маленькой страны, увеличили войны Артаксия и Зариадрия — «Они расширили совместно свои владения, отрезав часть областей окружающих народностей» (Страбон, XI, 14, 5). Это маленькая страна во всяком случае не могла первоначально включить в себя Арцах, ибо она находилась, по Геродоту, в верховьях Тигра и Ефрата [Геродот I, 80], далеко от Арцаха. Следовательно, Арцах был завоеванной страной. Возможно, что во II веке до н. э., во время последних представителей Ервандитов или Арташеса территория Арцаха была завоевана Арменией. Однако до каких пор Арцах находился в ее составе — достоверно не известно. Армянские авторы считают, что это продолжалось до 428 или 450—451 гг.

А. Акопян [128, 5] пишет, что в V веке «в состав Албанского царства включались, в частности, и две провинции бывшего царства Великой Армении — Утик и Арцах, лежащие на правобережье Куры». Однако, судя по источникам, уже к первому веку Арцах был в составе Албании.

О принадлежности Арцаха к Албании еще в первых веках нашей эры свидетельствует сообщение Моисея Хоренского (кн. II, гл. 8), что роду Сисака, к которому относился правитель территории к югу от Куры—Аран, «выпала в наследство Албанская равнина с ее **горной частью** (выделено нами. — Г. Г.), начиная от реки Арасха до крепости, называемой Хнаракертом». К отмеченной «горной части» Кура-Араксинского междуречья следует отнести и Арцах. Идентичное сообщение есть и в «Истории албан»: «...Некто из рода Сисака, из потомков Яфета — Аран, который **наследовал** (выделено нами. — Г. Г.) поля и **горы Албании** (выделено нами. — Г. Г.) от реки Ерасха до крепости Хнаракерт» (Моисей Каланкатуйский, кн. I, гл. 4). Армянский историк V века Фавст Бузанд в связи с событием начала IV века пишет, что тело христианского миссионера Григориев, убитого в земле маскутов в северо-восточной Албании, похоронено в Абанде — в Арцахе, «находящейся в стране Албанской» (Фавст Бузанд, кн. III, гл. 6).

Его могилу посещали не армянские цари, а, например, албанский царь Вачаган III, а албанский католикос Абас был сначала главой христианского центра в Амарасе. И, кроме того, топонимы Хабанд и Амарас не объясняются на почве армянского языка — первый связан с гаргарами, а второй с анариаками (см. выше).

Армянские историки пишут, что Арцах до IV века (пли как ныне считают, до середины V века) был армянской областью. Если она принадлежала Армении и в 371 году, то почему Мушег завоевал эту область в 371 году? Следовательно до 371 года Арцах был албанской областью.

Армянские ученые пишут, что в междуречье и Арцахе жили армяне, а древнеармянский историк отмечает, что Месроп Маштоц создал для албан письменность на основе гаргарского языка. Гаргары обитали в равнинном Карабахе и Арцахе. Если население этой области говорило на армянском языке и эта область вдобавок принадлежала Армении, то зачем Месропу Маштоцу понадобилось создавать второй алфавит, отличный от армянского, для армян этой области Армении?

Моисей Каланкатуйский сообщая о приезде Григория Просветителя в Амарас (в нынешнем Гадрутском районе Нагорного Карабаха), пишет (кн. I, гл. 14), что он «прибыл в Албанию». Моисей Хоренский также пишет, что Маштоц «прибыл в Албанию» (кн. III, гл. 57), а он, как было сказано выше, пришел к гаргарам. Тот же автор (кн. II, гл. 85) пишет, что царь армянский Тирдат III (287—332) ушел «на войну в Албанию» с басилами. Выше мы привели сообщение Моисея Хоренского о том, что Тиридат выступил против вторгшихся басилов в Гаргарской равнине, и пришел туда «через земли албан». Заметим, что выступление Тиридата против басилов на территории Албании имело целью предупредить их вторжение из Албании в Армению. Следовательно, этот царь мог спуститься на указанную равнину (нынешняя Карабахская равнина) через Арцах. Это сообщение также противоречит концепции о принадлежности Арцаха в конце III — начале IV века к Армении. Поэтому А. А. Акопян [128, 70] Гаргарское поле помещает к северу от Куры, а самих гаргаров не считает албанским племенем.

В 478 г. был созван албанский собор. Там, по сообщению Моисея Каланкатуйского, участвовали представители из Арцаха — «родоначальники Арцаха» Иовел, Пармиде и Яков (Моисей Каланкатуйский, кн. I, гл. 27). Этот собор был албанским и поэтому в нем, конечно же, не могли принимать участие иереи— священники и родоначальники из Армении, т. е. неалбанской земли. Отсюда очевидно, что в рассматриваемое время Арцах не мог быть армянской областью. Этот собор состоялся в Алуе, который назван «летней резиденцией албанских царей» [см. 295, 807}. В «Армянской географии VII века» [4, 51} Алуе помещен в

области Ути, находящейся между Арцахом и рекой Кура, т. е. где-то на границе Арцаха и Сисакана.

Следовательно, в V веке, точнее в 478 г. Арцах уже являлся албанской областью. В «Истории албан» отмечено, что село Дют в Арцахе было собственностью албанского царя Вачагана III (487—510) (кн. I, гл. 23). Интересно в этой связи, что в селе Гюлоглулар Бардинского района имеющийся там родник связывают с женой Вачаган-падишаха. Моисей Каланкатуйский отмечает, что албанский царь Вачаган Благочестивый «повелел жителям Арцаха, страны труднодоступной, **находящейся под его властью** (выделено нами. — Г. Г.), оставить обряды идолопоклонства и жертвоприношения и поклонения скверным идолам» (кн. I, гл. 17). В VI веке одной из епархий албанского каталикоса был Амарас в Арцахе (нынешнем Гадрутском районе Нагорного Карабаха); албанских царей хоронили в Арцахе; албанский царь Вачаган III посещает монастырь в Арцахе (кн. I, гл. 23). Не могли же хоронить царя в чужой области, за пределами его владений, равно как не мог царь посещать монастырь на чужой, неподвластной ему территории. Нелепость этих допущении становится очевидной, если предположить, что Арцах принадлежал Армении.

Следовательно, в VI веке, Арцах, несомненно, был албанской областью.

Следует интерпретировать еще одно место из «Армянской географии VII века». Там указано [4, 40], что Алуанк на востоке «простирается до Каспийского моря и до пределов армянских на Куре». Какие армянские пределы имеются в виду, на каком участке побережья Куры? Разумеется это сообщение не отражает реалии VII века, ибо в то время уже не существовало Великой Армении, потому что автор пишет, что граница Великой Армении в Атропатене поворачивается на север до впадения Аракса в Каспийское море [4, 42]. А в VII веке, во время господства Сасанидов Великая Армения не могла иметь земли на севере, где Араке впадает в Каспийское море. Здесь отражено положение границ Армении до I века до н. э., и это сообщение восходит к Птолемею. Поэтому эти «пределы» находились на правобережье Куры, но после слияния ее с Араксом. Эти «пределы», наконец, не могли находиться в междуречье Куры и Аракса или на левобережье Куры, потому что тот же источник [4, 40] сообщает, что область Шакашен, Гардман, Колт, Заве (то есть междуречье) относится к Албании.

Закария ал-Казвини (189, 51), сообщая об Арране, пишет, что «здесь протекает ал-Кур, а это река между Арменией и Араном». Ясно, что в данном случае мы имеем дело с тенденциозным сообщением. С одной стороны, он сообщает о городах Аррана в междуречье Куры и Аракса, т. е. ниже от Куры, с другой стороны Кур считает границей между Арменией и Араном, т. е. налицо явное несоответствие реальному положению, существовавшему в XIII веке. Это, может быть, связано с тем, что в Арране и в Нагорном Карабахе местами к тому времени жили албаны-христиане и зону их обитания называли Арменией. Следовательно, в этом сообщении имеется в виду не армянское государство с границами по реке Куре (такого в XIII веке, в условиях господства сельджуков, Джалал ад-Дина и монголов не могло быть), а земли, где жило также христанское население. Еще до него арабские географы писали о междуречье как об Арране и о его городах как арранских. Например, Ибн Руста сообщает,что Араке проходит через Арран и в него (т. е. в Араке) впа-причем не в Армении, а в Албании и они становятся царями всей Албании, в том числе Арцаха. Арцах считался наследственной областью их потомков вплоть до нашествия монголов.

Каким образом можно считать Арцах армянской областью или частью армянского царства, если Моисей Каланкатуйский пишет, что Амам (заметим, что неправильно Хамам, с добавлением начального «h» в древнеармянском языке и передача его в азербайджанском, а потом и в русском как «х») «восстановил разгромленное царство Агванское (известно, что он пытался восстановить, это царство в Арцахе — см. 183, с. 189—190) точно также, как Ашот Багратуни восстановил царство Армянское»?

Что касается вопроса об этнической принадлежности населения Арцаха в первом тысячелетии, то мы уже говорили, что там обитали албаны, гаргары, араны, гунны, катакы, печенеги,хурсы и другие племена, и арабский автор ал-Масуди пишет, что в горах Абу-Муса* (т. е. в Нагорном Карабахе) живут люди из Аррана [395, 215}, т. е. этнически население Арцаха было единым с населением равнинной части Албании. Заметим, что начиная с XI в. Нагорный Карабах в армянских источниках в средние века называется традиционно не Армения, а Агванк, т. е. Албан. Ни один армянский источник не упоминает об армянах в Арцахе. Армянский автор Степан Сюникский (VIII в.) пишет, что в его время в Сюнике и Арцахе говорили на сюникскомом и арцахском языках [приводится по: 362].

Если бы этот арцахский язык был армянским, то, конечно, он вместо «арцахский» написал бы «армянский». Степан Орбелиани XIII в.) сообщает, что потомство Сисака (именование которого восходит к этнониму сак. — Г. Г.) со временем смешивалось с линией аршакидов, пехлевидов, иногда с хазарами (43, 110). Как видим, нигде не говорится, что этот род был армянским или смешивался с армянами.

О первоначальной принадлежности Сюника к Албании свидетельствует то, что нынешняя река Хакари в раннем средневековье, по свидетельству самых же древнеармянских источников, называлась Аранрот — то же, что «река Арран» в арабских источниках, в частности, у Ибн Хордадбеха. Н. Г. Адонц [123, 218} писал, что Сюни имел собственный язык, а значит это был не армянский язык.

Тюркоязычное население Сисакана в первых веках н. э.увеличилось за счет пришлых тюркских племен. Моисеи Каланкатуйский в частности, сообщает, что при сюникском царе Бабике в 418 г. Сюни пришли с «**многочисленным войском»** (выделено нами –Г. Г.) Гор и Газан и здесь они приняли христианства

---

* Есай Абу Муса (первая половина IX века) – владетель Байлакана и Арцаха (см. 183, 189).

(кн. П гл .1) Оба этих собственных имени явно тюркского происхождения Кроме того. под выражением «многочисленное войско» следует подразумевать характерное для тюркских народов войско: которое двигалось вместе со всем племенем - с семьями,вьючным скотом, домашним скарбом.

В «Истории албан» (кн. III, гл. 19) говорится, что Васак, тер (глава рода) Сюникский участвует в церковном соборе в Албании II в хозяйственном отношении область Сисакан больше была связана с Албанией. Непонятно, как объяснить сообщение Моисея Корейского (кн. III, гл. 54) о том, что Месроп Маштоц, (361—440) создав албанскую письменность с помощью албанского переводчика Вениамина, «которого князь Сюника Васак отправил к Маштоцу», затем «возвращается в Армению», если Сюник бьп частью Армении? Моисей Каланкатуиский (кн., II, гл 26), описывая времена Джеваншира, упоминает, говоря о сюнийцах: «пришедшие на зимний корм стада овец и скота». Отсюда можно заключить, что сюнийцы пользовались для зимовки равнинной частью Албании. В раннем средневековье в Сюнике обитали и хазары. Ибн Хордадбех отмечает что «областями Аран и ас-Сисаджан **до арабов** (выделено нами. — Г.Г.) владели хазары» (10, 108). Моисей Корейский пишет, чтоалбанский царь Аран по происхождению относится к роду Сисака. Известно также, что владетели Сисака впоследствии носили родовое имя Араншах (Моисей Каланкатуискии кн. III, гл.29).Титул «Аран-шах» связан с названием страны Аран, и означает принадлежность сюнийских князей по происхождению к династии албанского царя Арана.

Археологические исследования показали, что похоронные отряды древнего населения Арцаха и других частей Албании не отличаются друг от друга. Еще в 30-х годах С. Тер-Аветисян писал: «В Карабахе, как и в других частях древней Албании, мы встречаемся с двумя видами погребения. В ящичных могилах находим цельные скелеты, а в могилах, устроенных в грунте встречаются следы обычая сожжения трупов. Такие могилы я раскопал в Хунане, недалеко от станции Дзегам» [476]. наконец, следует отметить, что наименования упоминаемых в «Армянской географии VII века» областей Арцаха - Муханк, Пианк, Пацканкидр. не могут быть объяснены на почве армянского языка.

В свете вышесказанного совершенно правильным представляется мнение И. А. Орбели, о том, что Арцах является культурно арменизированной областью Албании [371,I,221].

Хаченское княжество возникло в Арцахе в XII веке, и оно не имеет ничего общего с историей Армении, как бы ни фальцифицировался этот вопрос. В Арцахе обитали албаны-христиане, и, конечно же, их единство с армянами заключалось в религиозной общности, так как с начала VIII в. албанская церковь потеряла самостоятельность и попала в подчинение армянской церкви. Естественно, принявшая исламскую религию часть албан начала писать на арабской письменности, а христианская часть должна была писать по-армянски. Хаченский князь называл себя «великий князь Хачена и Арцахских стран» и считал себя албанским царем, т. е. он продолжал албанскую царскую традицию. Но религиозная общность и использование единой письменности не могут быть аргументом в пользу общности этнической принадлежности. Например, если встать на такую точку зрения, то персов следовало бы считать арабами. Ведь Хасан Джалал никогда и нигде не писал, что он армянин. Неясно, почему у Хасана (вернее Асан, см. ниже с. 464) Джалала, князя Хачена, если он был по этнической принадлежности армянин, мать носила имя Арзу хатун, сестра Мина хатун, сын Агбуга, внук Турсун, правнук Айтин? Все это агванские — тюркские имена, но носители этих имен были христианами.

Автор XIII века ан-Насави называет Арцах «Араном» [48]. Интересно, что он упоминает село Гала-дереси [48, 278], которое в древнеармянских источниках назван Бердзор. Если Арцах является изначально армянской областью с армянским населением и село имело местное название Бердзор, то почему автор должен был переводить армянский топоним Бердзор в тюркский — Гала-дереси («Крепостное ущелье»), как оно называется и ныне. Ведь этот же автор называет, например, Чераберт, так как он назывался и употребляет выражение «крепость Чераберт в пределах Арана», а владетеля крепости называет Сахл Салук бек, именуя его «старым тюрком» [48, 281]. Почти все монастыри и церкви Нагорного Карабаха армянскими исследователями (А. Айвазян, Ш. Мкртчян, А. Хачатурян) считаются армянскими. Армянским считают они и Гандзасарский монастырь, построенный албанским христианским князем, правителем Арцаха Хасаном Джалалом и его сыном в 1216—1265 гг.

Этот монастырь построен на горе Ганзадаг (азерб. Кэнзэдаг) и название его образовано от арабского *каниса* («церковь») и азерб. *даг*. Это говорит о том, что данный ороним существовал до постройки монастыря, и там же, видимо, еще до этого существовала церковь, или храм—каниса. По-армянски это гора названа Гандзасар (арм. сар «гора», «вершина»), и построенный монастырь получил название Гандзасар, потому что в то время церковным языком был армянский. Таким образом, топоним Гандзасар не имеет никакого отношения к названию города Ганджа, восходящему к тюркскому этнониму кенджек (в армянских источниках Гандзак). Арабский термин *каниса* «церковь» в форме кәнзә сохранился и в топонимах Кэнзэ (Ордубадский р-н), Кәнзәдаг (Гобустан), Кәнзәчај (Исмаиллинский р-н), Кәнзәчај (Ордубадский р-н) и др. К сожалению, арабское слово *каниса* иногда путают с арабским казна «казна» и персидским *гендж* «сокровищница», и поэтому Кәниздаг, (Ср. Кениздаг в Гобустане) где построен монастырь Гандзасар, иногда неверно пишется как Хәзинәдаг — «гора-сокровище».

Можно сделать вывод, что подчинение албанской церкви с начала VIII в. армянской, уничтожение албанской письменности и замена ее армянской, а в связи с этими написание эпиграфических церковных надписей после XI—XII вв. на армянском языке, рождало ошибочное мнение об армянской принадлежности области и даже армяноязычности ее населения; при этом начисто забывали, что религиозная принадлежность не является этнической принадлежностью. Ведь ясно, что пользование письменностью соседнего народа в

определенное время не может служить аргументом для отнесения народа к носителям используемой письменности. Непонятно, как можно считать своими чужие памятники в чужой стране лишь потому, что они являются христианскими и на них есть надписи на армянской письменности, которую, как известно, использовала христианская часть албан после того, как они подпали под влияние армянской церкви, а в монастырях похоронены религиозные деятели, которые на армянском языке называли себя не «хайк», а «агванами». Кроме того, если бы в междуречье обитали армяне, они должны были бы оставить массу древних топонимов в его равнинной части и Арцахе. Однако мы встречаем только в Арцахе, притом начиная с VII века, лишь несколько армяноязычных топонимов, но и они являются переводами тюркских топонимов (ср., например, приведенный выше топоним Бердзор-Галадереси). С чем связано это? В первую очередь, с тем, что «История албан» написана албанцем, христианином Моисеем на древкеармянском языке. Высказывают мнение, что это сочинение было написано первоначально на албанском языке, а потом уже переведено на армянский язык. Думается, что это неверно. Моисей Каланкатуйский должен был писать свою историю на древнеармянском языке, потому что албанская письменность в то время уже была уничтожена, албанская церковь находилась под влиянием армянской церкви, делопроизводство и церковная служба велись на армянском языке. Поэтому он должен был переводить и некоторые тюркские топонимы на армянский язык, но в то же время и употреблять отдельные албанские слова (см. подробно ниже, с.450).

Следует отметить, что концепцию армянских ученых опровергают также топонимические факты. О топонимах Албании, упоминаниях их в «Истории албан» мы скажем ниже (гл. IV) — в основном все они тюркского происхождения. Здесь же мы вкратце остановимся на ряде топонимов именно Арцаха времен Хаченского княжества. В то время,вроде бы, все топонимы должны были быть на армянском языке, однако мы видим, что этого нет, несмотря на то, что они упоминаются в эпиграфическом памятнике на армянском языке. Так, в надписи на армянском языке в Нагорном Карабахе (XII в.) упоминаются многие топонимы этой области: Атерк, Хандаберд, Хаченаберд, Хавкахагац, Алуе, Апахе, Езнаранц, Бчанс, Каначавор, Вайоцдзор, Арпа, Доватег, Чадчоранц, Чавебеканц, Сагунанц, Мохраван, Храндашанц, Екегиц, Капан, Дадуванк, Гетамеч, Агбат, Хут, Хозенак, Чапар, Дзагунанц, Брнчи, Тагананц, Петросабак, Сохананц, Цоватег, Чадчранц (село), Сртнот, Ширмананц, Григоратаг, Хрананц, Хакаракаберд, Навнахбур, Бердакар, Крапашти, Огнов, Хозинак, Манан, Чичха, Катурчат, Чарберд, Чорапан (см. 227, 71-72].

Большинство этих топонимов объясняются на почве тюркских языков, а некоторые являются переводом на армянский язык. Так, топоним Гандаберд (Хандаберд) состоит из Ганд и армянского берд «крепость». Это село в форме Ганду (у — суффикс) упоминается впервые в «Истории албан». В XIX в. село Ганд, причем населенное азербайджанцами, а не армянами, отмечено в Зангезуре.

Хаченаберд (от Хачен и арм. *берд* на территории Агдамского района) было разрушено монголами в XIII веке. По М. Бархударяну, оно называлось еще Качахгаберд — от азерб. кочаг и армянск. *берд* «крепость». В XVIII в. у впадения реки Турагай в Тертерчай, существовало азербайджанское село Бахрам-Гачаг; оно было разрушено во время нашествия на Карабах Ага Мухамед шаха Каджара в 1794—1797 гг.

Топоним Хавгахагац — это написание названия современного Левгала (Кельбаджарский р-н); по-армянски буква «л» передана как «х». В «Истории албан» (кн. III, гл. 26) отмечается, что его построил албанский князь Григорий сын Артнерсеха, и скала, на которой находится Левгала, называется Лачынгайа.

В этой надписи в Нагорном Карабахе упоминается пункт Арпа. В архивном документе 1727 года указано село Арпадюши [556], «склон Арпа». Ныне на территории села Хтсаберт в Нагорном Карабахе находятся развалины Арпа-юрду («место обитания Арпа») и Арпаязи — от Арпа и древнетюркск. язи «равнина». Ныне там находится село Арпагядик, — от Арпа и азерб. гядик «седловина». После 1828 г. здесь образовалось армянское село Арвашен, название которого происходит от Арпа и шеен «село». Населенный пункт Арпа был и на территории Армении. В 1727 г. в Даралагезе отмечено село Арпа. Аракел Даврижеци [3, 151] в Вайосдзоре упоминает сел. Арпа, ныне Ехегн-адзор. Следует отметить, что в Нахичевани протекает река Арпачай (букв. «река Арпа»). Такой же гидроним есть в Турции и в Средней Азии [190, IV, 198]. Значение топонима Арпа не выяснено, но, во всяком случае, это не армянское слово. Например, село Арпа в XVI в. отмечено еще в Казанском ханстве [см. 505].

В надписи упомянут топоним Чавебеканц — от личного имени Чавбек (от тюркск. чав «слава», см. 51, 142, и бек «глава племени», «князь», ср. Чавли (правитель Арана, 1140—1146) и армянск. суффикса «анц».

В той надписи есть топоним Сагунанц — от Сагу, возможно, восходящего к тюркск. сага «озеро». Этот топоним привнесен в XVIII в. переселенными армянами в Нагорный Ширван, где возникло село Сагиан.

Топоним Мохраван восходит к азерб. *мохре* «глиняный забор», Топоним Ьрандашанц образовался от этнонима арап, вернее *еран* (с протезом «h» в армянском языке) и азерб. Даш «скала, утес». В источнике 1727 г. он известен как Дашбаши-Аран т. е. «Аран на скале»; Топоним hагбат (с добавлением «h», в «Истории албан» — Агбед) позже стал известен как Агкенд, после 1828 г. там возникло армянское село Спитакшен.

Тюркским является и топоним Чапар. Позже он отразился в гидрониме Чапарты (Шапарты) — от Чапар и суффикса **ты** (-лы); После 1828 г. там возникло армянское село Чапаршен.

Топоним Дзагунанц (у Низами в поэме «Хосров и Ширин» — Дизакнак) имеет в основе иранское дизак «крепость»; Дизак в XVIII в. было названием одного из 5 округов Нагорного Карабаха.

Топоним hатерк (с добавлением «h») восходит к тюркскому атрак.

В надписи упомянут топоним Хозинак. Безусловно, в этом топониме отразилось арабское слово хазина «сокровище». В топонимии Азербайджана есть и другие подобные топонимы; Хезине дереси «ущелье хезина»

(сел. Шыхвелилар Джебраильского р-на), Хезиналар Галасы (сел. Енгиян Закатальского р-на), Хазина дагы (сел. Падар Ахсуинского р-на), Хазине йери (сел. Поладлы Шемахинского р-на). В каком значении употреблено это слово в топонимах — неясно. Скорее всего, в этих местах когда-то случайно были найдены клады. Во всяком случае, топоним Хозинак не армянского происхождения. Следует отметить, что топоним Хазина гаяси «скала хазина» есть и в самом городе Шуша. Возможно, указанная «Хазина» была некогда названием территории города Шушы.

Топоним Брнчи, вероятно, является армянской передачей топонима Берендечик, от Верендеджик. В источнике 1727 года указан топоним Верендеджик. В XVIII в. Веренде было названием одного из 5 округов Нагорного Карабаха, Веренде отражает тюркский этноним веренде, берендей (см. выше, с. 108).

Топоним Тагананц, восходит к тюркскому Тоган. В источнике 1727 года село Тоган отмечено в Дизакском округе Нагорного Карабаха. Это название состоит из этнонима туг (ныне с. Туг) и суффикса «ан». Следовательно, в XII в. носители этнонима туг (тог) и *беренде (веренде*) уже обитали в Арцахе.

Топоним Ширмананц является искажением от Чормананц. В 1727 г. Чорман — село в Хаченском округе Нагорного Карабаха; название его восходит к тюркскому этнониму чор, чур (см. выше, с. 106-107). Топоним hерананц (с добавлением «h» в начале) также отражает этноним аран (см. выше, с. 118-122).

Топоним Крапашти является фонетичесим изменённым от Карабашты, Карабашлы;

Топоним Катерчат состоит из азерб. готур «без растительности» и тюркск. Чат «отрог горы» и т.д. (см. ниже с.476-477); Топоним Чоротан также состоит из этнонима чор (как и Чорман) и неясного компонента «Тан».

Топоним Чадчоранц является армянской передачей Чатдж-Аран. Из источника видно, что в Аоцахе существовало три населённых пункта Аран, но для различия их друг от друга один был назван Аран-Даш (hрандашанц), второй – Чатджа-Аран (Чадчоранц) и третий - Аран (hрананц). Компонент «Чатджа» состоит из тюркск. Чат «отрог горы» (как в топонимике Катур-Чат) и суффикса - джа (ср. азерб.дашджа, гумлуджа и др.) и в целом топониме означает «Аран, находящийся на отроге горы».

Топоним Бчанс отражает этноним печенег. В 1972 году он зафиксировал как Беджан (е) [556]

Топоним Езнаранц является армянской передачей. Йази-Аран – от тюркск. Йази (jazi) «равнина» и Аран, с общим значением «село Аран, находящееся на равнине».

В надписи есть и некоторые «гибридные» топонимы: Петросабак, от личного имени Петрос и тюркск. *Бак* «холм» т.е.»холм Петроса» (ср. Кедабек, см.ниже с.472); Сохананц, т.е.Солананц – ныне азерб. село Сойулан в Мирбаширском районе; hакараберед - от Акакра, ныне hэкэри, (название реки) и арм. берд «крепость»; Навнахбур – от азерб. нов, нав, «ручей» и арм. ахпур «родник».

В целом в приведенных топонимах выделяются слова арпа «ячмень» (Арпа); даш «утёс», «скала» (hрандашанц); мохра «глинобитная стена» (Мохраван); чапар «гонец»; котур «лысый», «без растительности» (Катурчат); а также древнетюркские слова чат (Катурчат), бак «холм» (Петросабак), бек «княз» (Чавабеканц) и другие. Почему насельники, если они были армянами, называли свои селения и крепости тюркскими словами?

Следует отметить, что некоторые из указанных топонимов сохранились доныне. Например, река Шапарты (Мартунинскмй р-н) является искажением от Чапарты – Чапарлы «река-гонец»., в смысле «быстрая река». В XIX в. та образовалось с. Чапаршен. На территории села Акоп-Камари, (Аскеранский р-н) есть топоним Арпатала (от азерб. АРПА «ячмень» и тала «поляна»), а в окрестностях села Хтсаберт – Арпадюзю, от азерб. арпа и дюз «равнина». Существует также топоним Арпагядик, от арпа и азерб, гядик «перевал». В этом источнике отмечены и армяноязычные топонимы - наименования церквей и земельных участков: Каначавор, Цоватег, Бердакар, Екегиц, Гетамеч, Хатраванк и др. Образования в XII веке подобных топонимов было обусловлено ролью армянского языка в Арцахе после VIII века.

А. Ш. Мнацаканян в своей работе писал, что в древнеармянских источниках якобы отмечен «целый букет» древнеармянских топонимов в Арцахе [400, 36]. Но где же они? Видно что, А .Ш. Мнацаканян не удосужился исследовать эти топонимы и его суждения об этом надо расценивать не более чем голословное заявление.

Некоторые армянские исследователи пишут, что армяне обитали и в Баласакане, потому что там был город Паитакаран, а чтот топоним якобы является армянским.

Е.А.Пахомов считал Паитакаран и Байлакан различными названиями одного и того же города [423, 15]. Это мнение высказано и С.Т. Еремяном [295, 304]. Город Паитакаран в связи с событиями IV века упоминается армянским историком Агафангелом (Тв а как область - Моисеем ХореНским. Локализует он его [нынешней Мильской степи, так как в арабских источниках начиная с IX в., в этой степи упомянут Байлакан. Развалины Байлакана известны известны под названием Оренкала (от орен «разрушенная», ср. с азерб. виран «развалины» и кала «крепость»). Возникло это название после того, как в XIII в. город был оазрушен монголами (см. подробно: 159). Развалины этого города находятся в Мильской степи, на территории Бейлаганского района. Город Пайтаракан – Байлакан возник в древней области Каспиана, которую мы отождествляем с Албанской Каспианой (см. выше, с. 189) Фавст Бузанл (кн.V, гл. 14) говорил о Пайтаракане как о городе в «земле каспов».

В.В.Бартольд писал: «Мы имеем сведения, что область с городом Байлаканом в месте впадения реки Аракса в Куру называлось Каспианой» (167, II, 1. 654). Исследователи предлагали различные толкования топонима Пайтакаран. Так, Гр. Капанцян связывал его с этнонимом палой – названием племени переднеазиатского происхождения, которое якобы под давлением киммерийцев двинулось на север, и

древнеперсидским кара «войско», «народ» [312, 66]. К данному мнению присоединяется И.Г.Алиев [130, 61]. К.В.Тревер объясняла этот этноним на почве армянского языка как «деревянный город» [482, 265]. Пайтакаран Как «место, где много лесов», объяснён ещё в XIX в. (см. Сборник сведений о Кавказе, т.1., Тифлис, 1871, с. 49). Оба эти объяснения основаны на древнеармянском слове *pait* «дерево». Но это смахивает на народную этимологию С.Б.Ашурбейли и Г.М.Ахмедов толковали это название как «Столица Арана» [162, 40; 159, 63] - от азерб. *пайтахт «столица»* и Аран. Мы считаем, что Пайтаракан, является армянской передачей местного названия Байлакан, где звук «л» был заменен звуком «т» (как например, топоним Ардабил в древнеармянских источниках передан как Артавет – 35, 72), а суффикс кан в топониме «Байлакан» в древнеармянской передаче перешел в каран. Е. А. Пахомов отождествляет Пайтакаран и Байлакан и считает, что Байлакан возник на месте Пайтакарана [423, 15]. По нашему убеждению, Байлакан — ничто иное как фонетическая арабская форма от местного Билаган (напр., арабские географы топоним Динавар на территории Иранского Азербайджана писали как Дайнавар, а Хизан как Хайзан), о чем свидетельствует надпись на сфероконическом сосуде, где это название зафиксировано как «Билаган». Адам Олеарий еще в XVII в. этот топоним писал как Билягангала, т. е. так, как он назывался исконно. В XIX веке в Карабахе было село Билаганлу [418, 34}. Кстати, местное население до сих пор называет это место Биләган.

О том, что местное название первоначально звучало как «Биләган», говорит не только засвидетельствование его в этой форме, но и то, что один квартал сел. Баят Агджабединского района и квартал села Газян Уджарского района называются Билеганли (азерб. Биләганлы). В начале XIX в. в Карабахской провинции отмечено село Билаганлу, у Д. Д. Пагирева — Билаган [418, 34]. Добавим, что в Азербайджане один сорт винограда в прошлом также назывался «билэгани». Биләган является древнетюркским словом, состоящим из пиле в тюркско-алтайских языках со значением «равнина», «открытое место [601, 213] и суффикса «ган». Мнение о том, что топонимы Байлакан и Белокан (в северо-западном Азербайджане) связаны с племенем бел гилянского происхождения [395, 33] мы считаем неубедительным.

Таким образом, ни одно из толкований топонима «Пайтакаран» не может служить доказательством обитания там армян. Город Байлакан первоначально возник в стране Арран. Это видно хотя бы из того, что выпущенная в VIII веке монета под названием «Арран» была чеканена в Байлакане [см. 159, 133]. Население города первоначально составляли албаны, а не армяне. Кстати, в сочинении Мас'уда ибн Намдара (XII в.), выходца из города Байлакана, казначея, среди упоминаемых им представителей различных этнических групп населения города (арабы, курды, персы и др.) армяне не числятся.

С. Т. Еремян правильно считает, что топоним Баласакан (в котором отражен этноним сак, носители, которого являлись тюрками, (см. выше, с. 98, 99), был названием области, а Байлакан городом в этой области [295, 219}. Если это так, то тогда первоначальным, исторически засвидетельствованным населением Байлакана должны были быть саки, а также, как отмечено выше, тюркоязычные гаргары, но никак не армяне, потому что Байлакан находился в Мильской степи, а часть этой степи, по утверждению самого С. Т. Еремяна, входила в Гаргарскую равнину. Моисей Каланкатуйский сообщает, что в середине IV в. некий Санатрук воцарился в Пайтакаране и С 3000-ным **албанским войском** предпринял поход в Армению. Он так описывает одного из полководцев Санатрука: «копьеносец, великан безобразный (такова же характеристика Торка, данная Моисеем Хоренским, кн. III, гл. 9), одетый в войлок, смело дрался в битве в скалистой местности близ Ошакана» (кн. I, гл. 12). Следует отметить, что Фавст Бузанд имя этого полководца пишет как «Санесан» и сообщает, что он «с огромным и несметным войском гуннов двинулся на Армению» (Фавст Бузанд, гл. III, гл. 8). Следовательно, этот «безобразный великан» был гунном. Если бы в Пайтакаране жили армяне, то Санатрук не мог бы выступить в поход на Армению с армянской армией. Да и Моисей Каланкатуйский достаточно ясно пишет, что «Санатрук воцарился **над албанами** в городе Пайтакаран (выделено нами. — Г. Г.) и восстал против армян» (кн. I, гл. 12).

Т. Мамедов [360, 60] обратил внимание на одно сообщение армянского историка Лазаря Парбского (кн. II, гл. 33), где говорится, что персидский хазарапет Михрнарсе «прибыл в город Пайтакаран (т. е. Байлакан. — Г. Г.), снарядил полки из албан, отправил в Армению». Ф. Мамедова права, указывая, что если бы в междуречье, в Байлакане жили армяне, то Лазарь Парбский обязательно отметил бы, что полки эти снаряжены из армян [362, 86], тем более, что полки были отправлены в Армению. Она права и в том, что армянские авторы, в том числе и Моисей Хоренский, в основном писали о междуречье как части Албании. В противном случае Моисей Хоренский (кн. III, гл. 3), говоря о населении этой части Албании, не писал бы «вечноживые албанцы», а писал бы вместо этого «армяне».

Область и город Пайтакаран первоначально охватывал Мильскую степь к северу от Куры и, следовательно, часть Баласакана — его северную часть, к. северу от Куры. Этот Пайтакаран (город и область) принадлежал Албании, а не Армении, что видно из следующего сообщения Моисея Каланкатуйского: После смерти Трдата (армянский царь Трдат III, 298—330) некий Санатрук воцарился в Албании в городе Пайтакаран (выделено нами. — Г. Г.) и восстал против армян» (кн. I, гл. 12). Но в дальнейшем этим названием именуется также область к югу от Куры, после ее слияния с Араксом вплоть до моря; это нынешняя Муганская степь, древняя Мидийская, а затем Атропатенская Каспиана, которая во 11—1 вв. до н. э. принадлежала Армении. Таким образом очевидно, что армянские авторы V—VII вв. современным им названием «Пайтакаран» называли Мидийскую Каспиану и Атропатенскую Мугань, принадлежавшую некогда Армении. Пайтакаран не был официальным названием этой северной области Атропатены, его название не упоминается и в древнеармянских источниках, не отмечено оно и в Сасанидских официальных названиях провинций на севере.

В то время, как «Армянская география VII века» называет эту сасанидскую область Пайтакаран, в персидских источниках времени сасанндов до арабского завоевания она названа Баласакан, Мугань. В вопросе о границах Пайтакарана армянских источников и зоны Каспиана — -Мугань существует немалая путаница. В «Армянской географии VII века» [4, 50} он помещен к востоку от Ути (а Ути — это зона Барды; там же) на Араксе. Возникает вопрос:на каком берегу Аракса? В этом же источнике указывается, что Пайтакаран относится к Атропатене [4, 50} и, следовательно, располагался к югу от Аракса и Куры, после их слияния. Из исторических источников можно заключить, что область Пайтакаран следует делить на две части:

1. Нынешняя Муганская степь и Сальянская равнина к югу ют Куры после ее слияния с Араксом до Каспия. Это древняя Каспиана, принадлежавшая Мидии, а затем Атропатене, которую захватили армяне во II в. до н. э. Из-за этого события в древних источниках Кура названа границей между Арменией и Албанией.

2. Пайтакаран к северу от Аракса — это нынешняя Мильская степь, а также часть Каспианы, где находился город Байлакан— Пайтакаран. Эта часть Пайтакарана всегда была албанской. Название Пайтакаран в связи с завоеванием Каспианы армянами распространено и на эту Каспиану, хотя в персидских и арабских источниках эта область называлась Мугань и Баласакан. Поэтому, разумеется, Пайтакаран, где по Н. Г. Адонцу [123,56] находился кантон Хани, названный по имени племени айниан (т. е. эниан), не имеет отношения к городу и области Пайтакаран в Мильской степи. Пайтакаран, где «Армянской географией VII века» помещен Хани, как писал сам Н. Г. Адонц, «находился в Атропатене», т. е. ниже Куры после ее слияния с Араксом. Мы считаем, что провинция Пайтакаран, территория к югу от Куры, состоящая по источнику VII века, из 12 областей, не охватывала Апшеронский полуостров, как это считает С. Ашурбейли [162, 39]. Все указанные области находились к югу от Куры, в Мугани; Апшеронский полуостров никогда не принадлежал Атропатене — ни до завоевания армянами Каспианы, ни в раннем средневековье, когда, как видно, Пайтакаран входил в состав Атропатены. Мнение о принадлежности Апшеронского полуострова Пайтакарану высказано еще до С. Б. Ашурбейли в работах Сен-Мартина, К. П. Патканова и др. Нельзя согласиться с С. Б. Ашурбейли в том, что «иногда Ширван входил в Атропатену» [163, 13]. Можно лишь говорить о том, что название Пайтакаран армянскими источниками было распространено и на Апшеронский полуостров, после того, как Сасанид Хосров I Ануширван включил Армению, Аран и Азербайджан в одну административно-территориальную общность, — с этого времени границы между обеими частями Азербайджана уже не существовало. Ряд исследователей — Х. Хюбшманн [576, 270}, Е. Хонигманн и Марик [574, 80— 87], Н. Г. Адонц [123, 220], К. В. Тревер [482, 75] и другие отождествляли Пайтакаран с Баласаканом, расположенным к югу от Куры и Аракса.

Таким образом, первоначально город Пайтакаран (Байлакан), впервые упомянутый в связи с событиями IV века, находился на Мильской равнине и дал название области Пайтакаран. Впоследствии ее название в связи с тем, что Атропатенская Каспиана во II—I вв. до н. э. принадлежала Армении, армянские авторы стали распространять и на эту область. Во времена Сасанидов Пайтакаран уже относился к Атропатене. Поэтому в «Армянской географии VII века» эта территория, включающая 12 округов, считается атропатенской [4, 50]. Лишь со времени формирования Арабского халифата указанная Каспиана перестала быть областью империи Сасанидов и в дальнейшем входила в состав Северного Азербайджана. Поэтому Н. Г. Адонц, писал, что после распада Великой Армении Пайтакаран был отнят Атропатеной [123, 225]. Ясно, что в данном случае этот Пайтакаран не имеет ничего общего с Пайтакараном — Байлаканом в Мильской степи, которая никогда не была составной частью Атропатены. Что касается Байлакана, то он всегда был албанской землей. А'сам ал Куфи (IX в.) в связи с событиями VII века упоминает Байлакан в стране Арран [6, 9].

В работах армянских исследователей исконно армянской областью считается и территория нынешней Нахнчеванской АССР.

У нас нет возможности подробно излагать здесь историю Нахичевани. Однако из древних источников видно, что, за исключением отдельных исторических периодов, Нахичевань принадлежала Атропатене и население там было не сплошь армянское», а в основном ираноязычное и тюркоязычное.

Известно, что древние армяне мидийцев называли мар, а Мидию—Марк. Армянское слово мар восходит к парфянскому мад, т. е. мада «мидянин» [283, 44}. Часть мидян — мадов была переселена в зону Нахичевани еще в древности. Моисей Хоренский (кн. I, гл. 30) и Моисей Каланкатуйский (кн. III, гл. 21) сообщают, что армянский царь Тигран I, современник мидийского царя Астиага и ахеменида Кира, переселил в VI в. в зону Нахичевани 10 тысяч маров «Первую жену Аждахака (т. е. Астиага. — Г. Г.) Ануйшь и многих дев его от семени вместе с юношами и множеством других пленных — числом более десяти тысяч — поселил (Тигран. — Г. Г.) за восточным хребтом великой горы (т. е. Арарата. — Г. Г.) до пределов Гохтна (Колта. — Г. Г.), т. е. в Тмбате, в Оскиохе, Дажгуйке и в других виллах, стоящих у берега реки, из которых одна называется Вранджуннк (т. е. Уранчи), несупротив крепости Нахичевана, также три пригорода: Храм, Джуху и Хошакуник, а по другую сторону руки всю равнину, начинающуюся от Аждахакана до самой крепости Нахичевана» (Моисей Хоренский, кн. I, гл. 30). Однако из этого сообщения неясно, является ли мар наименованием конкретного, определенного племени или же этот этноним употреблен в собирательном значении, в смысле «житель Мидии», «мидиец».

Интересно, что в Нагорном Карабахе в XIX в. были местности под названием Танаох (выше селения Банк), Локиох (на берегу реки Тертер, близ села Драмбон) [473, 10—11]. В этих топонимах заметно тюркское ог «род», «племя», «стрела».

Эти мары, как отметил И. Г. Алиев, и позже жили в зоне Нахичевани и зимняя резиденция васпураканских князей называлась Маракан [138, 71]. Эту резиденцию Н. Адонц отождествлял с поздним

Маракендом. В древнеармянских источниках в зоне Нахичевани отмечена «страна маров» (Фавст Бузанд, кн. IV, гл. 24). О марах, живущих в Масисе (Арарате), упоминает армянский историк Агафангел (V в.). Он так и пишет: «страна маров». Гевонд (VII в.) также сообщает, что арабы опустошили мидийские селения (выделено нами, — Г. Г.) — в области Гохтан [35, 3] — это территория современного Ордубадского района Нахичеванской АССР. Но из приведенного сообщения неясно, на каком языке говорили жители этих мидийских селений. В грамоте полководца Хабиба ибн Маслама, данной жителям Нахичевани, упоминаются «маги» [183, 82]. Тер-Аветисян писал, что Джульфа принадлежит к числу древнейших поселений на Араксе и входит в круг тех городов, куда были водворены пленные мары [473].

Следует отметить, что топонимы (Джуга, Хошакуник, Храм), относимые к этим марам мидянам, а также Гохтан, Тмбат, Оскнох, Дажйгук, Вранджуник, — называния мест куда они были переселены, вряд ли могут быть объяснены на почве иранских и армянского языков. В этих топонимах, возможно, отражены тюркские слова кош (хош), «кочевье»; (джул(йул) «дорога», «проход»; (хакасск. чул «река») кол «долина»; хэрем «крепость» и др. Например, топоним Оскиох можно считать образованным от тюркск. деки «старая», «древняя» и ог «род», «племя».

Возможно, потомки части маров (мидян — в широком смысле), переселенных в зону Нахичевани Тиграном I, до сих пор живут в селе Килит (этот топоним восходит к иранскому келат «крепость») Ордубадского района. Жители этого селения в семейном кругу говорят на каком-то иранском наречии, называемом ими фарси. Однако исследователи считают, что их язык ближе всего стоит к талышскому.

В зоне Нахичевани жили и другие племена: евреи, сюнийцы и др. Моисей Хоренский писал, что гохтанцы (т. е. население области Колтене — территория нынешнего Ордубадского района.— Г. Г.) суть выходцы, пришедшие от Сисака. Нахичевань временами находилась в составе Атропатены, потому что в VI — VII вв. область Васпуракан (Босорепеда — у Страбона Басфураджан — у арабских авторов) была областью Атропатены. Эта область принадлежала Атропатене и раньше, что видно из следующего сообщения Страбона (XI, 14, 15): «армяне отняли у мидян (т. е. у атропатенцев. — Г. Г.) Босороπеду». Топоним же Васпуракан восходит к древнеперсидскому «принцы царского дома» (см. Книга деяний Ардашира, сына Папака. — М., 1987, с.20).

Нахичеванская зона в основном принадлежала Атропатене и в раннем средневековье. Моисей Хоренский (V в.) отмечает, что армянский царь Артавазд отнял у мидийцев (т. е. атропатенцев. — Г. Г.) Нахичевань и все деревни. Это говорит о том, что во времена Артавазда Нахичеванская зона входила в состав Армении, ибо он же сообщает, что Артавазд сын Арташеса «между марами выстроил Маракерт на поляне называемой Шаруром». Себеос пишет (кн. 6, гл. 27), что Нахичевань находится в пределах Атропатены. Гевонд, армянский автор VII века, отмечает, что арабы «опустошили села мидийские, область Гохтан» (32). Если бы эти мидийские земли были в пределах Армении, он писал бы «область Гохтан в Армении».

Из вышеприведенных фактов становится очевидным, что концепция, согласно которой албанские земли «ниже Куры», до середины V века принадлежали Великой Армении, а после указанного века Албания была восточной частью Армении и что там преимущественно обитали армяне, — не выдерживает критики. Были территориальные «отливы» и «приливы». Н. Г. Адонц был прав, когда писал, что границы Албании, Армении и Грузии «часто колебались и определялись соотношением наличных сил в каждую данную эпоху» [123, 2]. Правда, ныне в Нагорном Карабахе живет армянское население. Но эти армяне являются преимущественно переселенцами из Ирана и Турции, осевшими здесь в начале XIX века, о чем мы подробно будем говорить во II томе настоящей работы. Здесь еще раз уместно напомнить, что среди древних макротопонимов Албанского междуречья — Аран, Байлакан, Каспиана, Сакасена, Гаргар, Араке, Муган, Баласакан, Арцах, Барда, Ганджа, Тертер, Тавус, Казах, Шамхор, Халхал и многих других — нет ни одного армяноязычного. Однако на территории Армении, начиная с первых веков н. э., обитали тюркские племена, о чем свидетельствуют в основном. древнеармянские источники. Почему-то армянские исследователи об этом умалчивают. Приведем лишь некоторые факты.

Из труда Моисея Хоренского явствует, что в Армении, в ее различных областях обитали тюркские племена: шнрак, кангар, тчен, булгар, гугар, басил и др. «Здесь (в провинции Тайк. — Г. Г.) Валаршак созывает диких пришельцев, живших на северной равнине у подошвы Великой Кавказской горы, в долинных, в глубоких продольных ущельях, начинающихся с южной горы до устьев великой равнины и приказывает им отказаться от разбоя и не заниматься угоном людей [и] повиноваться царскому приказу и платить подати, дабы он при вторичном посещении, мог дать им начальников и князей со введением [у них] благоустройства. И он отпускает их, дав им блюстителями от себя мудрых мужей. Отпустив людей западных стран, он сам спускается на луговые земли близ пределов Шарая (т. е. Ширака. — Г. Г.), называемые древними Верхним и Безлесным Басеном; [земли] которые впоследствии были заселены переселенцами Вхундур Булгара Бунда, по имени которого названы Ванандом» (кн.II, гл. 6).

Тюркским племенем в Армении были шираки, т. е. сираки (см. 123, 424] античных авторов на северном Кавказе и гугары. Моисей Хоренский пишет: «Гушар, что от сынов Шарая (т. е. Ширака) получил (от Валаршака. — Г. Г.) в наследство темную гору, т. е. Кангарк и половину [страны] Джавахов, Колб, Тцоб, Дцор до крепости Хнаракерта» (кн. II, гл. 8). Округ Ширак в средние века назывался Ширагел (Ширагел в Армении упоминает еще Фазлуллах ибн Рузбихан Хунчи — XV в.)—от этнонима широк и тюркского эл «племя». Ширак (у Птолемея — Сиракене, см. V, 12, 9) тюркским племенем считал еще К. Патканов [419]. Этот этноним до сих пор сохранился в названии Ширакского района Армении. Часть Шираков обитала в нижней части междуречья

Алазани и Иори. Этот этноним до сих пор сохранился в названии Ширакской степи в Грузии. Таким образом, существовало две области Ширак — нынешний Ширак в Грузии (древняя Камбисена, в междуречье Алазани и Иори) и область Ширак в Армении.

Арабские авторы на территории Армении упоминают область Баджунайс (см. выше), в названии которой отразился этноним *печенег*.

На севере жило названное им «великим и могучим племенем» племя тюрок-гугаров, но часть их жила и в Гогарене, к которой восходит нынешний Гугарк в Армении. Об этом было сказано выше (см. с. 193—197).

Из труда Моисея Хоренского видно, что территория, прилегающая к озеру Севан (Гелам), не принадлежала Армении, поскольку он описывает, как армяне переселились в эту область и отмечает, что царь Гелам отправляется на северо-восток к другой горе на берег небольшого озера. «Обстроив берег озера населяет его жителями и он также гору называет Гехом по своему имени, а селение Гехакуни. Этим именем называется также и море» (кн. I, гл. 12). Далее он же проводит сведения о том, как поселились армяне в Сисакане (Зангезуре). «Сисак (сын Гехама), поселившись здесь, наполняет постройками пределы своего обиталища, и страну называет своим именем Сюник, что персы вернее называют Сисаканом». Далее автор (кн. I, гл. 14) Сисакан называет «страной восточной» Армении. Историк XII века Мхитар Гош писал о тюрках Гегамских (Севанских) гор [40].

На западе Армении обитало какое-то тюркское племя. Моисей Хоренский писал: «Мужа с грубыми чертами, высокого, неуклюжего, со сплюснутым носом, впалыми глазами, диким взглядом, исполина ростом и силою, из потомков Пасхама— внука Хайкала, по имени Торк, которого по чрезвычайному его безобразию прозвали Ангеля, Валаршак называет правителем Запада» [кн. II, гл. 8]. Несомненно, этот Торк с монголоидной физиономией жил там со своим племенем.

Тот же автор в связи с событиями II века до н. э. в Армении упоминает булгаров. «В дни его (т. е. Валаршака. — Г. Г.) возникла большая смута в цепи Кавказской горы в земле Булгаров, из которых многие, отделившись, пришли в нашу землю и на долгое время поселились на югу от Кола, в плодородных и хлебородных местах» (кн. III, гл. 9). В другом месте своего труда он пишет, что часть племени ванандов (т. е. булгаров) обитала в горах Тайка в Армении (кн. III, гл. 44). Он также отмечает, что при Хосрове, отце Тиридата в Армению переселились «могущественные басилы» (кн. II, гл. 58).

В «Армянской географии VII века» приведены названия округов Тарнован, Танкриан, Тварацатап (4, 45, 47). Округ Тарнован находился в Васпуракане, т. е. в Нахичевани, и это наименование восходит к этнониму тарна среди хазаров. Там до сих пор есть гора Хазарюрт. В топониме Танкриан, как еще писал Ю. Б. Юсифов [518, 78], отражено древнетюркское слово тангри «бог». В этом же источнике упомянут округ Тварацатап, название которого восходит к тюркскому слову тавур (см. ниже) и тапа «холм». В Нахичевани до сих пор много топонимов (Даврадаг, Тавридаг и др.) с компонентом давра, тавра (см. ниже, с. 265).

Необходимо сказать несколько слов и о племени чен. Правда, в источниках отсутствуют прямые сведения о проживании этого племени в Албании, однако в настоящее время есть несколько селений Джинли (Джинли Зейналлы, Джинли-Болуслу, Джинли-даги «гора джиннов», Джинли дашы «скала джиннов» и др.) в Азербайджане. До недавнего времени было неясно значение слова «джин» в этих топонимах. Азербайджанский историк XIX века Ахмедбек Джеваншир писал, что джинли были одним из азербайджанских племен в Грузии, которые затем (в 1759 г.) переселились в Карабах во времена основателя Карабахского ханства Панах-хана. Исследования показали, что этноним джин восходит к загадочному этнониму чен, носители которого переселились в Армению и Грузию в первые века нашей эры.

В «Армянской советской энциклопедии» по этому поводу говорится, что предки мамиконианов — Мамик и Конак в первой половине III века (в 221—226 гг.) пришли в Армению из страны Чен. Эта страна находилась в той части Кушанского царства в Средней Азии, которая называлась Тохаристан и Кашмир. Армянский царь Хосров Великий включил этих предводителей в состав армянских нахараров и поместил их в области Тайк. С начала IV века мамиконианы (от личного имени Мамик) стали спарапетами («командующими войсками») армян, и область Тарон стала их наследственным уделом.

Многое говорит за то, что эти мамиконианы по происхождению были тюрками. Однако в армянской исторической литературе об этих фактах умалчивается. Впервые чены упомянуты Фавстом Бузандом (V в.), который отмечает, что полководец Мушел Мамикониан — выходец из переселившихся ченов. Моисей Хоренский (V в.) сообщает, что в дни Сасанида Шапура, сына Арташира пришли в Армению предки рода Мамиконианов «из земли славной и великой, первой между северными народами. Я говорю о земле тченов, о которых гласит сказание». Себеос (VII в.) также отмечает, что Мамиконианы не потомки родоначальника Арменяка, а пришли из Тченстана в годы правления парфянского царя Артавана и Хосрова — царя армян (34, отд. II).

Кем были эти чены или тчены по этнической принадлежности? Существовало мнение, что это были китайцы (чины). Это ошибочное, на наш взгляд, мнение к сожалению повторяет в своей монографии и Ф. Мамедова.

В источнике X века рассказывается, что арабский полководец Мухаммед ибн Марван (685—705 гг.) «собрал бесчисленное множество войск и снова пришел на страну ченов ... и пройдя (через нее), пошел в землю хазар» [32, 74].

Что касается данных о том, что чены — тюркоязычное племя, то А. Патканов еще в прошлом веке писал, что чены, поселившиеся в Армении в начале III века, не были китайцами; в Грузинской летописи чены

называются просто турками, и указано, что они переселились с берегов Волги [419, 47}, Моисей Хоренский (V в.) недвусмысленно отмечает, что мамиконианы пришли «из северо-восточных стран». К. П. Патканов писал: «Ченов армянские авторы знают с V века. Они рассказывают о ченской колонии, поселившейся в Армении в III веке и образовавшей знаменитый род князей Мамикониан. Но их чены живут гораздо западнее нынешнего Китая, близ Кашгара, к востоку от Эфталитов. Из слов Себеоса можно заключить, что в VII веке власть их простиралась на запад за Волгу и с дозволения Хагана, царя их, под предводительством китайца Чепетуха, хазары двинулись на помощь Ираклу. Тот же смысл имеет и грузинское предание, рассказывающее о вторжении с севера через Дарьяльское ущелье китайских переселенцев под предводительством вельмож царского происхождения. Потомки их Орбелианы и до сих пор носят фамилию Джамбакуриани, от титула Чен Бакур, придаваемого армянами китайским владыкам» [4, с. 82, прим. 207]. Предводители пришлых ченов Мамик и Конак также носили тюркские личиные имена (см. ниже, с. 304).

Нельзя не упомянуть о том, что чены обитали также и в Грузии. В источнике XIII века говорится о переселении племени джинов через Дарьяльские ворота в Грузию в III в. и о поселении их в крепости Орбет, откуда вышла фамилия Орбелианов [43, 78]. Там же указывалось, что это племя называется орбелами, а раньше они назывались дженеулами, то есть джинами (там же). Степан Орбелиани (XIII в.), происходивший из княжеского рода Орбелиан, представители которого были последними правителями Албанской области Сисакан, в своем труде отмечает, что отца его звали Таранч (от тюркск. таранчи «земледелец» — (см. 61, IV, 22), а он сам был митрополитом Татевского монастыря. Из его рассказа видно, что его предки прибыли вместе с ченами. Основатель рода бежал из страны джинов (ченов) от преследований, обосновался в Грузии, и к нему восходит княжеский род Орбели. Эти чены поселились в крепости Орбет в Грузии, и потому грузины называли их Орбели. Но часть их перешла в Сисакан, и поэтому армяне род Орбели называли Орбелиан.

Таким образом, джины (чены) обитали и в Грузии. В XIX в. в Грузии были топонимы Джиыаби, Джиналиа, Джингана, Джинис и другие [см. 418], в которых отражен этноним джин.

Джины (чены) в Армении были ассимилированы и стали армянами, а в Грузии это племя сохранило свой язык и в конце XVIII в. переселилось в Азербайджан, образовав несколько населенных пунктов с названием Джннли.

Пришлые турки-чены в Армении стали известным нахарарским родом. Из этого рода, называвшегося «Мамиконианы» (по имени предводителя ченов Мамика), вышли известные полководцы Армении III—VIII вв.: Артавазд Мамикониан, Васак Мамикониан, Самуэл Мамикониан, Манвел Мамикониан, Вардан Мамикониан, Амаяк Мамикониан, Ваан Мамикониан, Васак Мамикопиан, Вард Мамикониан, Вече Мамикониан, Вардан Мамикониан («Красный»), Амазасп Мамикониан, Мушел Мамикониан, Григор Мамиконнан, Мушел Мамикониан, Артавазд Мамикониан, Мушел Мамикониан. Некоторые имена Мамиконианов — Васак (ср. имя предводителя суваров — Башиак), Вахан (ср. имя предводителя западных тюрков — Бахан) являются тюркскими. Однако в армянской историографии почему-то не любят упоминать о тюркском происхождении мамиконианов в Армении, хотя они играли исключительную роль в раннесредневековой истории страны и многие из них сложили голову за свободу и независимость армянского народа.

Территория Азербайджана к югу от Куры, в том числе Арцах, за исключением периода II—I вв. до н. э., когда некоторые части этой территории были действительно включены в состав Армении, исторически не принадлежала Армении. Кроме того армяне вообще не являются автохтонным населением Карабаха. Меньшая часть нынешних карабахских армян является потомками арменизированных после VIII века христиан-албанов с примесью пришельцев — армянских семей из Византии и самой Армении, а основная часть армян — это пришлые, переселившиеся в начале XIX века из Персии и Турции, о чем мы подробно скажем во II томе нашей работы.

Историк, по нашему мнению, вообще должен всегда стараться быть объективным, и поэтому ни в коей мере нельзя исходить ни из господствующих концепций, каким бы авторитетом они не освещались, ни из личных или национальных симпатий к данному народу в зависимости от собственной, расовой, религиозной и этнической принадлежности, — одним словом, в своих суждениях он должен быть свободным от всякого необъективного подхода и собственных эмоций.

Между тем, как видим, в работах армянских исследователей ясно заметна не имеющая ничего общего с наукой тенденция — исследовать историю Албании тысячелетней давности с далеко идущей целью — обоснования каких-то нынешних территориальных претензий, пересмотра границ и т. п. С этой точки зрения многие народы — почти в мировом масштабе — могли бы сегодня претендовать на территории соседних и даже отдаленных народов, выставлять территориальные претензии. Конечно, такая опасная игра не может оправдать себя, потому что ничего общего с подлинной исторической наукой не имеет. Добавим, что она и не столь безвредна, как может показаться на первый взгляд, т. к. необоснованные претензии неизбежно ведут к обострению национальных отношений на нынешнем и без того достаточно сложном этапе развития нашего многонационального государства.

К чему привела эта десятилетиями широко пропагандировавшаяся концепция — уже известно: сотни тысяч беженцев с обеих сторон, многочисленные человеческие жертвы и невыносимые страдания. Эта трагедия останется навсегда черным пятном на совести именно тех «исследователей», работы которых стали использовать для воспитания националистических и экстремистских чувств у части населения, поддавшегося этой пропаганде.

* * *

Как видно восточная часть нынешней Армении начиная с VIII—VII вв. до н. э. была населена киммерами, саками, гугарами, Шираками, кангарами и другими древнетюркскими племенами.

Приведенные выше материалы об этническом составе населения Албании начиная с середины I тыс. до н. э. показывают, что основное место здесь принадлежало тюркским племенам. Это дает возможность определить основные тюркские этнические компоненты, принимавшие участие в формировании азербайджанцев на территории Албании — Арана.

Рассматривая вопрос об этническом составе населения на территории Албании в древнем и раннесредневековых периодах, с середины X тысячелетия до н. э. до конца раннего средневековья, мы говорили лишь о наиболее крупных племенных общностях древней и раннесредневековой Албании.

Некоторые исследователи (К. В. Тревер, С. Т. Еремян, И. Г. Алиев и др.) сообщения Страбона о таких племенах, как кадусы, энианы и анариаки в юго-западном Прикаспии также относят к Албании и причисляют их к албанским племенам. Однако это мнение ошибочно: указанные племена относились к Атропатене, о чем мы скажем ниже, в III главе.

ГЛАВА III

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ АТРОПАТЕНЫ

§ 1. Маннейские и мидийские племена

В этнических процессах на территории Иранского Азербайджана с древнейших времен принимали участие различные по этнической принадлежности племена и племенные общности. Поэтому сначала следует вкратце остановиться на племенах, живших в Манне и Мидии — древнейших государственных образованиях на этой территории. Разумеется, при этом наша цель не заключается в изложении всех сообщений древневосточных источников о племенных общцостях на территории будущей Атропатены и прилегающих к ней областей. Об этом имеются капитальные труды советских и зарубежных исследователей.

Речь пойдет в основном об этнической принадлежности носителей этнонимов мана, мадай, ишкуз, киммер, сака, а также упоминающихся в ассирийских и античных источниках ряда племенных общностей в Манне и Мидии. Хотим подчеркнуть, что наше краткое изложение основных фактов о племенах на территории древней Манны и Мидии всецело основывается на трудах советских востоковедов — И. М. Дьяконова, Г. А. Меликишвнли, И. Г. Алиева, Ю. Б. Юсифова, Э. А. Грантовского и др. Однако в вопросе об этнической принадлежности некоторых племен наше мнение будет отличным.

Древнейшее государственное образование на территории современного Иранского Азербайджана и областей, расположенных к юго-востоку от озера Урмия, известно, в истории под названием Манна (в ассирийских источниках) или Мана (в урартских источниках) со столицей Изирту, которая, как полагают, находилась между Ардебилем и Миане (498, 104). Вероятно, «Манна» в ассирийских источниках является фонетически (с удвоением «н») производным от Мана.

Манна как название одной из «мелких стран» Приурмийского региона, восходящее, по всей вероятности, к этнониму манна, впервые упоминается в ассирийских источниках в связи с событиями 843 года до и. э. [320, 57]. К началу VIII в. до н. э. уже образовалось государство Манна. Существовало оно до 615— 613 гг. до н. э. когда было завоевано Мидией [283, 317]. Существует мнение, что в 590 г. до н. э. мидийский царь Киаксар присоединил Манну к Мидии. В последний раз, как полагают, эта страна упоминается в связи с событиями 593 года до н. э. в Библии.

Правильным следует считать мнение, что единая народность на территории Манна за этот исторический краткий срок не сложилась [136, 73}.

Надо отметить, что четкого представления об этнической принадлежности племен, обитавших на территории Манны и Мидии, не существует. Выше в I главе мы приводили краткий обзор мнений исследователей, считающих, что население Манны, а следовательно и носителей этнонима манна, говорили на языках, названных им условно «каспийский», «загро-эламский», «хурритский» — в общем на кавказских языках. Дело в том, что все этнонимы на территории Манны, Мидии и прилегающих областей известны из иноязычных источников. Неизвестно, как называли их носители сами себя, и, главное, неясно, восходят ли все эти этнонимы к самоназваниям этих племен, облаченных в фонетическую оболочку «передатчиков», или же некоторые из них являются инонаименованиями, отличными от их самоназваний. Ведь известно немало случаев, когда соседний этнос именует своего соседа совсем другим наименованием, отличным от самоназвания этого именованного этноса. Еще Ф. Энгельс отмечал, что «с течением времени часто бывало, что племя получало от соседних племен имя, отличное от того, которым оно называло себя само, подобно тому, как

немцам их первое историческое общее наименование «германцы» было дано кельтами (Ф. Энг е л ь с. Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1980,с.103).

В связи с разработкой проблемы происхождения азербайджанского народа определение этнической принадлежности носителей этнонима мана и других племен имеет принципиальное значение.

Т. И. Гаджиев (Азярбайъанын палеоономастикасындан. «Азярбайъан ономастикасы проблемляри, Бакы, 1988, с. 131) выдвинул интересную гипотезу, что фонема «н» в этнониме мана могла быть заднеязычным велярным звуком «нг», характерным для алтайской семьи языков, но позже этот звук перешел в «г» и в результате этноним манг получил форму маг. Привлекательна эта идея тем, что, в самом деле, этноним манна не известен древнеперсидским источникам VI века до н. э. и Геродоту [V в. до н. э.), тогда как чуть раньше в ассирийских и урартских источниках засвидетельствованы формы Манна и Мана. Трудно согласиться, что этноним (самоназвание) мана за сто-двести лет вышел из употребления, так что древнеперсидские и античные источники о нем не упоминают. Более того, по всей вероятности, исконная форма этнонима мана должно было звучать как ман(г)ай, от этнонима манг и частицы ай (как в этонимах мадай, матай, ишгузай и Др.), что характерно для алтайских языков. Иными словами, удвоение «н» произошло на почве ассирийского языка, и поэтому урартская форма — мана — от ман(г)ай — более точно отражает этот этноним. Переход «нг» с одной стороны в «н», а с другой — в «г» в тюркских языках закономерен.

Компонент *манг* выделяется в ряде древнетюркских и монгольских этнонимов напр., мангут (название одной из народностей монгольского происхождения, некогда жившей в Восточной Азии, см. 167, V, 202, но это племя известно и среди тюркских народов)—манги (название племени среди тунгусо-манчжуров в Забайкалье—Приамурье, см. 471, 37); монгол (в «Сокровенном сказании»—манхол); мангас, менке, мине (от манг?) и др. Этноним монгол имеет также форму могол (нг~г), а этноним кангльк имеет форму канлы (нг~н). Ср. еще родовое подразделение макар (от этнонима мак и ар «мужчина»), родовое подразделение манси и родовое подразделение маниш у алтайцев [344, 122].Возможно, к древнему этнониму манга восходят этнонимы мунгуш (от мангыш или мангаш) у киргизов; мюнгет (от мангат) у хакасов; монгуш у тувинцев [173, 23— 24]. (Ср. имя арабского полководца — тюрка Минкачавр, с которым связывают топоним Мингечаур — от тюркск. манга «богатырь», «воин», «земледелец» — 210, 211, чур «витязь», «герой»; монгольское имя Менгу и др.).

Не отрицая обитания на этой территории племен, говорящих на хурритском и эламском языках, а также, начиная с VIII века до н. э. ираноязычных, мы полагаем, что там жили и племена, говорившие на языках алтайской семьи языков. Таким образом, мы считаем, что существовала племенная общность, носители которой имели самоназвание манг, и по этнической принадлежности она была алтайской или пратюркской. Одним из аргументов в пользу этого мнения является тюркское происхождение имен маннейских царей и некоторых топонимов Манны (см. ниже).

На территории будущего государства Манны в 820 г. до н. э. (по сообщению ассирийского царя Шамши-Адада V, 823—810 гг. до н. э). наряду с собственно носителями этнонима мана, упоминаются племена таурлай, месий, сунбий, кумурдий [см. 283,,174], а в надписи Саргона II еще племя далай (283, 88). Надо иметь в виду, что эти этнонимы к нам дошли в иноязычной (семитской) передаче и поэтому не известно, как произносили их сами носители. О племенах сунбий (суби), меси и кумурдий сказать что-нибудь достоверное трудно.

По нашему мнению, следует различать этноним таурлай (таврлай) от топонима Таруи (Тарви) в районе Тебриза, который Э. А. Грантовский связывает с древнеиранским божеством Тарви (239, 283), а И. М. Дьяконов этимологизирует как «двойная крепость» (283). Этноним таврлай (от тавр+аффикс лай) можно связывать с скифским племенем тавр у Геродота (IV, 90) в Северном Причерноморье, таврис у хазар [435], тюркским племенем тавар, упоминаемым в древнерусских источниках в битвах при Калке и на Куликовом поле [см. 147] и топонимов Диварганлы (от давар и ганлы), Д авралы, Тавр алы (Дашкесанский р-н), Торади (Астаринский р-н) и др.

Что касается топонима Таруи (Таври), то он отражает тюркское слово тавар «домашний скот» (см. с. ниже).

Мидийское племя дорейти у Геродота можно отождествлять с таурлай ассирийских источников и торет у Плиния (VI, 16) на Северном Кавказе — от тавр (тавар). По Геродоту, племя дарейти обитало в XI округе государства Ахеменидов, рядом с племенами, каспи, павсик и пантимат, т. е. на территории нынешнего Советского Азербайджана, к югу от Куры после слияния с Араксом, в северной части Иранского Азербайджана.

Страбон на Северном Кавказе у Меотийского (Азовского) моря рядом с дондарами отмечает племя тореат (Страбон, XI, II, 11). Суффикс ат был характерным для некоторых древнетюркских этнонимов. Например, известно, что от компонента канг образовались этнонимы кангар, кангат и кангли. Указанное племя в порядке предположения можно считать тюркским и в подкрепление этого положения привести тюркские этнонимы из Сибири: тары, тара/с, таракты, тарлык, торо, торы, туран и др. Часть племени тавар, видимо, обитала и в Албании. Албанский историк упоминает род тверак (кн. II, гл. 32), а ал-Баладзури в связи с событиями VII века в Арране отмечает область Табар [7, 13].

В ассирийском источнике упоминается «страна далайцев», которую локализуют в районе Тебриза [282, 49; 283, 88].В последующие века это племя, насколько известно, не упоминается. Лишь античный автор Гай Юлий Солин пишет: «...талы граничат с теми племенами, которые на востоке достигают устья Каспийского моря» (Гай Юлий Солин, XV, 18). Этническая принадлежность носителей этнонима далай (тал) не ясна. Однако

он выглядит весьма похожим на тюркский. В связи с этим можно привести для сравнения название племени талмат среди печенегов южнорусских степей — от этнонима тал и компонента мат (об этом см. выше, с. 52), характерного для ряда древнетюркских этнонимов (сармат, савромат, тумат и др.). К этому этнониму примыкают современные тюркские этнонимы толо, теле, телеут, телес и др.(см. с. 379—380).Мы вернемся к этому вопросу и постараемся доказать, что часть населения Манны, а именно тюркские племена, не были ассимилированы и именно этот этнический компонент наряду с другими (см. ниже) составляет основу азербайджанцев на территории Иранского Азербайджана. Сами носители этнонима манна (манга) стали позже называться маг.

Восточнее и юго-восточнее маннеев располагались мидийские племена. Мидяне обитали в IX—VII в. до н. э. на Иранском плато, к югу от Каспия, примерно в областях современных Занджана, Хамадана, Казвина, Тегерана, а также в районах, расположенных к востоку от указанных областей.

Начиная с 835 г. до н. э. в ассирийских источниках упоминается Матай (Mataj) и Мадай (Madaj), со значением «мидийцы» и «страна мидийцев» [282, 34, 35]. В научной литературе существуют различные мнения по поводу происхождения мидян. Считают, что мидяне, т. е. носители этнонима матай, мадай были ираноязычными и вместе с персами в начале I тыс. до н. э. пришли из юго-восточной Европы через Кавказ (Г. Хюзинг,Р. Хаушильд, Ф. Хенинг, Э. А. Грантовский, И. Г. Алиев и др.) или с востока — из Средней Азии (Э. Мейер, В. Гейгер, А. Кристенсен, Дж. Камерон, И. М. Оранский, В. Бранденштейн, В. М. Массой, Х. Нюберг и др.). Существует другое мнение, что мидяне пришли через Кавказ (на это указывает идентичность некоторых личных имен из Северного Причерноморья, Албании и мидийских — см. ниже, с. 273), а персы со стороны Средней Азии [см. подробно: 239, гл. I]. Наименование Мадай в этих источниках, несомненно имеет узкое значение, т. е. подразумевается этническая общность, для членов которой матай, мадай было самоназванием. Следует учесть, что в тексте Саргона II от 713 г. до н. э. «могучие мидяне» отличаются от ариев [283, 220]. Это говорит о том, что носители конкретного этнонима матай, мадай, не были арийцами, т. е. ираноязычными (интересно, что Мадай в «таблице народов» Библии называется сыном Йафета, сына Ноя; иными словами, в этом источнике мидийцы отъединены от иранского мира). Но после образования государства, этноним «мидиец» приобрел собирательное значение — «живущий в Мидии». В этом значений наименование мидийцев в различных языках имело разные фонетические формы: мадай в Библии; мактабе — в эламских источниках; мада в древнеперсидских; маН — в парфянских, к которому восходит мар в древнеармянских источниках. В 673 г. до н. э. образовалось Мидийское государство [283, 274] со столицей Экбатан, названное по имени племени мадай. Однако просуществовало оно недолго — до 550 г. до н. э. По мнению исследователей, за время существования Мкдийского государства язык мидийской народности не сложился—мидийский язык был лишь племенным языком (об этом см. ниже, с. 379).

По мнению И. М. Дьяконова, этноним мадай не поддается точной расшифровке на базе иранской этимологии [283, 65]. Э. А. Грантовский этот этноним связывает с индийским madhu, авестийским mada «хмельной опьяняющий напиток», «экстатическое (хмельное) вдохновение», «находящийся в экстатическом (хмельном) воодушевлении» [239, 181}. Это мнение заимствовано Э. А. Грантовским от Н. Г. Адонца [123, 419, прим. 2]. Слово мада, имеющее, видимо, индоевропейское происхождение (сравн. древнеиранское маду, древнеиндийское — мадhу; греческое меди, немецкое мет, русское мед и т. д.), сохранилось и в ираноязычном татском языке в фонетической форме мэтэ, в значении «пьянящий напиток, изготовленный из меда против бессонницы». В азербайджанском языке есть слово мэт со значением «сахарный сироп для варки варенья». Предложенная этимология не выдерживает, однако, критики, потому что, во-первых, этот этноним, кроме мадай, имел также форму матай, и, во-вторых, он звучал не как мада (древнеперсидская форма), а мадай, матай, т. е. с фонемой **«й»** в конце. Мадай — было названием страны и соответственно этому слово «*мадай*» обозначало «житель страны Мадай» — мидиец.

Геродот пишет, что мидяне являются ариями, т. е. ираноязычными. Есть также сообщение Помпея Трога (Помпеи Трог, XL, 1, 2) о том, что «язык парфян—нечто среднее между скифским и мидийским и смешан из них обоих». Однако неясно, в каком смысле Геродот употреблял слово «мидяне» — как носители конкретного этнонима *мадай* или же носители собирательного этнонима *мадай*, который, после образования Мидийского государства, мог означать также разноязычных жителей страны Мидии. Скорее всего в сообщениях Геродота и Помпея Трога выражение «мидиец» употреблено в собирательном значении. Правда, некоторые имена из Мидии объясняются на почве древнеиранских языков. Но это вовсе не означает, что носители этнонима *мадай* были ираноязычными.

Таким образом, мадай было конкретным названием племени, затем названием племенного союза, а потом уже царства и государства на Иранском плато, в северо-западной части современного Ирана. По мнению Ахмеда Кесреви Тебризи, этноним мада, трансформировавшийся впоследствии в мах, мех, май, сохранился в топонимах северо-западного Ирана: Мадабад (в Занджане), Мади (там же), Махнабад (Махаабад), Мади, Мехни и др. [5383, 27].

Мы предполагаем, что носители конкретного этнонима мадай, матай в Мидии были тюркоязычными. Во-первых, по конструкции этноним матай, мадай стоит рядом с многочисленными тюркскими этнонимами из Сибири и Алтая: Алтай, Бадай, Култай и др. [401, 82]. В. В. Радлов приводит из Сибири наименования областей Анголдай, Калагайтай, Кандагатай, Сангылтай, Тарбагатай и др. [см. 442]. Ниже увидим, что наименование племенной общности, названное ассирийскими источниками Ашгузай, Ишкузай было искутай или искудай, к нему восходят греческ. скит (скиф) и латинск. скут. Во-вторых, этноним мадай, матай в Мидии имеет аналоги и

в тюркском мире. Известны тюркские этнические общности матай (у казахов — 204, 118), аталыг-матай, каптагай-матай, кендже-матай и др. [442, 720, 726, 728]. Племя матай известно у казахов [204, 118]. Ср. также тюркские этнонимы Сибири — маады, мадыр, мат, маты, матар (от компонента мат и ар «мужчина», «герой» и т. д.). Отмечено: «древний народ матай». [442, 600, 731, 732]. О туранцах-мидянах писали и некоторые западные исследователи (см. 130, 112].

Таким образом, фактически этот этноним среди его носителей звучал как мадай или матай, т. е. с конечным и, что характерно для личных имен и этнонимов алтайской языковой общности.

В третьих, некоторые личные имена и топонимы Манны и Мидии прозрачно объясняются на почве древнетюркских языков (см. ниже).

Неясно происхождение эламского названия мидийцев — *макстабе*, от макта и суффикса множественности п (р) в эламском языке. И. Г. Алиев верно полагал, что основу макта, возможно, составляет этноним маг [130, 93, прим. 2]. Следовательно, можно полагать, что эламск. мактабе не восходит к этнониму матай, мадай. Первоначально названием мактабе эламцы обозначали страну Манна (которое, как мы выше отметили, звучало манга, позже — маг), а потом, после образования Мидийского государства и включения Манны в его состав, это название было отнесено к Матай, Мадай, т. е. к Мидии. В этом случае этноним мактабе состоял из компонентов маг (т. е. манг) и тай; последний мы считаем тюркским, в значении «страна», с общим значением «страна макгов». Из сказанного видно, что и компонент магта (вернее мангтай, магтай) не является эламским словом, это название они восприняли от мидийцев, которые называли страну Манна — Ман(г)тай, а эламцы к нему добавили лишь суффикс **бе**. По мнению В. В. Бартольда [167, V, 109}, выделяемый компонент тай в многочисленных тюркских этнонимах означал принадлежность к какому-нибудь этносу. Поэтому магтай на языке мидийцев имело значение «страна ма(н)гов».

Теперь перейдем к выяснению этнической принадлежности племен мидийского племенного союза.

Мидийский племенной союз, по Геродоту (1, 101], состоял из 6 племен: бус, паретакен, струхат, аризант, буди и маг. Как видим, этноним мадай Геродоту не известен. Однако этноним мадай сначала в связи с возникновением племенного союза распространился на 6 племен, а затем и на все племена Мидийского государства и функционировал как собирательное наименование н для других, в том числе ираноязычных, племен.

Много было споров в науке и вокруг определения этнической принадлежности шести перечисленных Геродотом мидийских племен. По мнению некоторых ученых, они представляли собой конгломерат иранских и неиранских племен. Такой точки зрения придерживается, в частности, И. М. Дьяконов. Он писал, что для этнонимов маг, буди и бус иранская этимология не найдена [283, 148]. Аризантов, паратакенов и струхатов он считает ираноязычными. По мнению Р. Фрая, эти племена «представляют собой, скорее всего, смесь иранских и неиранских наименований» [498, 109}. Однако общеизвестно, что первоначальный союз племен образуется только из родственных по языку и этнической принадлежности племен (см. об этом ниже, с. 370 и след.). Поэтому мидийский племенной союз не мог включать в себя разноэтнические племена. И. Г. Алиев писал, что «первоначально мидийский племенной союз, который у ассирийцев мыслится как нечто целое — матай, сложился, очевидно, как союз не ирано, а каспоязычных племен» [130, 99]. Что имеется в виду под выражением «каспоязычные» — мы говорили выше, в I главе. Но некоторые западно-европейские ученые и вслед за ним Э. А. Грантовский все эти племена считают ираноязычными.

Этноним *бус*, по Э. А. Грантовскому, восходит к персидскому buza (буза) «хмельной напиток» [239, 18I]. Слово буза (исконно тюркское, см. 61, I, 232) до сих пор сохранилось в татском языке в названии бузламач (от «буза», суффикса -ла и омадж «кушанье) и означало род лепешки, изготовленной из теста, в которое добавляли сок конопли. Кстати, слово бузламадж в татском языке является по происхождению тюркским. Впервые это слово в форме бозламач встречается в эпосе «Китаби Деде Коркут». Оно состоит из корня буза — см. 190, II 712, суффикса -лу и омадж в значении «кушание, включающее бузу». Поэтому трудно допустить, что этноним бус, как и этноним мадай, восходят к названиям напитков.

В ассрийском источнике (надписи Ашурбанапала) в Маннейской области упомянут топоним Бусут [155, 134], от этнонима бус и тюркского окончания -ут. Этноним бус можно сравнить с этнонимом бучман и бушман у башкиров и киргизов [119, 39, 344, 114]. Этноним бушман состоит из компонента буш, бус и суффикса -**ман**, как в этнонимах караман, найман, туркман и др. В Сибири В. В. Радлов отмечал этноним бучман [422, 722], в котором также можно видеть компонент бус, буш. К этому этнониму бус восходит, вероятно, тюркский этноним *бусурман* (самоназвания сартов), фонетически производный от бус, эр «мужчина» и суффикса -**ман**.

Мидийский этноним бус, по нашему мнению, отразился и в хазарском этнониме бизал [171, 237] — искажения от бузал, бозал. В свою очередь, этноним бозал состоит от боз и эл «племя» (ср. этнонимы басмыл, басил, аскал, койбал и др.). Этот этноним отражен в ойконимах Бозалганлы (Таузский р-н) — от этнонима бозал и ганлы (канглы). Одно из подразделений племенной общности Кабарли (восходящее к хазарскому этнониму кабар) в XIX веке в Азербайджане называлось бозаллар. Ныне в Азербайджане есть несколько селений Бозлу, от этнонима боз и суффикса принадлежности -лу (Кельбаджарский и Лачинскнй р-ны).

Много написано в исторической литературе и о магах.

Происхождение племени маг и первоначальная этническая принадлежность магов до сих пор неясны. Тот факт, что религиозная терминология зороастрийцев — иранская, а не заимствованная [264, 238], еще не говорит о том, что маги были ираноязычным племенем, ибо этот язык являлся в то время официальным. По

мнению многих исследователей, персы исконно не были огнепоклонниками, а таковыми являлись именно магм. Родиной огнепоклонничества являлась та часть Мидии, где позднее возникла Атропатена. Многие исследователи едины в том, что Заратуштра родился в Атропатене и жил где-то в VI в. до н. э. [264, 235]. М. А. Дандамаев полагает, что этноним маг — «название племени, но не все представители этого племени были жрецами. Те маги, которые являлись жрецами, назывались атраванами. Другими словами, маги — имя этническое, а атраваны— название для обозначения жрецов» [264, 236]. Но жрецами могли быть только представители магов и поэтому этноним маг в дальнейшем имел и значение «жрец». По сообщению Геродота [1, 107], во времена мидийского царя Астиага, сына Киаксара, маги были толкователями снов. Таким образом, по всей вероятности, маги первоначально были мидийским племенем, из которого образовалась впоследствии жреческая каста у мидян и персов. И М Дьяконов писал о трудности причисления магов к иранским племенам [283, 148]. В «Авесте» нет слова — маг ни в значении этнонима, ни в значении жреца [319, 102], М. А. Дандамаев и Э. А. Грантовский считают, что маги определенно были собственно иранским племенем, хотя бесспорной этимологии их названия пока не существует [266, 238; 239, 181]. Принадлежность магов к иранским племенам основывается насообщении Геродота о том, что маг—мидийское племя. Страбон [XV, 111, 13] отмечает что маги были персидским племенем. Однако в каком смысле употреблены в этих источниках этнонимы перс и мидиец — в узком или широком — неясно. Так или иначе, слово маг, является этнонимом, иначе оно не отразилось бы в этнотопониме Муган, известном с 293 г. в надписи из Паикули в Иране, восходящем к этнониму мог или муг со значением «страна (земля) мугов».

Следует отметить, что слово маг (муг) впоследствии обозначало жрецов-зороастрийцев, и потому этот этноним стали относить ко всем, кто был зороастрийцем, даже если по своей этнической принадлежности он не относился к племени маг, поэтому трудно различить, в каком топониме отразился этноним маг (муг), а в каком он употреблен в значении зороастрииского понятия «жрец». И. М. Дьяконов отмечал, что маг — первоначальное племенное название — стало позже обозначением жрецов зороастрийской религии [283, 25].

В персидской версии сочинения Истахри (X в.) сказано, что в Мугани много селений, жители которых зороастрийцы т. е. огнепоклонники [538, 108. Поэтому слово маг в раннем средневековье означало огнепоклонник-зороастриец. Интересно, что нынешние ираноязычные талыши Азербайджана топоним Муган произносят как Могун. Это подтверждается рядом древних топонимов в Пайтакаране [см. 4] с компонентами бага — «бог (огня)» — Багараван, Багуан, Баганруд, Ротибага и др.. Во всяком случае, ко времени вторжения арабов в Азербайджан Муган был областью обитания огнепоклонников, названных потом гявурами. В частности, слово гявур сохранилось до сих пор в названии юго-западной части Муганской равнины на территории Советского Азербайджана, находящейся между Араксом и Болгарчаем—Гавурлар дюзи («равнина гяуров», т. е. огнепоклонников). Там сохранились остатки древних крепостей, называемых среди населения Акдам и Шахрияр, которые располагаются вдоль древнего канала, называемого Гявур арх — «канал гяуров». Видимо, после утверждения ислама эта область огнепоклонников стала называться Гявурбар («окраина, берег огнепоклонников»), что зафиксировано в форме Кавбар (от Кавурбар) впервые у Рашид ад-Дина, потом у Хамдаллаха Казвини и последний раз в фирмане шаха Султана Гусейна в 1704 г.. В указанную область входила часть Мугани в зоне Сальян.

Интересно, что этот же этноним маг (муг) отражен во многих топонимах Закавказья: Мовакан — в древнегрузинских источниках к северу от реки Куры (см. выше, с. 172), Галеймуг «крепость мугов» в Кубинском районе; в Дагестане — село Муги (Акушинский район); Мугарты (от этнонима муг и арт «нагорье» в тюркских языках — в Дербентском районе); Мугеран — село в Магеррамкентском районе Дагестана (см. выше, с. 121); Муган — местность в устье реки Уллучай (там же).

В XIX веке на Северном Кавказе отмечены топонимы Мугалгайа («скала Мугал»), Мукал (название горы), Мукал (название реки) в Нальчикском округе Терской области [418, 179].Вероятно, когда-то часть племени маг из Мидии переселилась на север — в Дагестан и на Северный Кавказ.

Выше было отмечено, что племя маг не известно из ассирийских и урартских источников. В этих источниках вместо него фигурирует этноним мана и манна. Но в то же время древнеперсидские источники и античные авторы не знают этнонима маннаили мана, в них есть этноним маг. Мы полагаем, что этноним маг является местной формой этнонима, который в ассирийских и урартских источниках имеет форму манна и мана, а последний видимо, звучал как манга или манг. По своей этнической прнадлежности носители этпсннма мана (от манга) были алтайским племенем.

Магов туранским (т. е. тюркским) племенем считал ряд европейских исследователей - Гобино, О. Дорм, П. Сайке, И. Пжилскии, А. Т. Олмстед, Л. Элвел-Сатон, Ф. Юсти и др. [см. 264, 238; 130, 100}. К сожалению, это мнение осталось потом прочно забытым.

Название племени аризант объясняют как «арийское племя»[см. 283, 148]. По нашему мнению, этноним аризант реально звучал как аразат, от компонента араз, соединительного гласлого «а» и суффикса множественности т (t) в древнетюркских языках. Следовательно, фонема «н» в этот этноним добавлена Геродотом или его источником. Компонент ариз может быть связан с широкораспространенным тюркским этнонимом арыс,орус, урус. Это племя известно среди кыпчаков южнорусских степей [см. 440, 129], а у ряда современных тюркских народов существует и ныне орыс, ору с [см. 315]. Однако, видимо, этот этноним имел формы ариз и эриз. В форме эрис он отразился в этнониме Эрсари (от эрис и ар «мужчина», «герой», воин») у туркмен. К этому этнониму восходит Аразиаш в Мидии.

Этот этноним в форме ариз, арос отразился в топонимии Албании. В «Истории албан» в Албании упомянут топоним Аражанк, от Аражан и суффикса **к** в древнеармянском языке. В «Армянской географии VII века» этот топоним зафиксирован как Ароспижан, — как название округа в Албании [4, 51]. В XVII веке армянский автор Захарий Акулнсский отмечает Арасанк [17, 271], а в архивном документе в Карабахском магале отмечено азербайджанское село Ариз. Ныне в Джульфийском районе есть село Аразин (от Аразан?), это название фонетически производное от компонента ариз и иранского суффикса «ан». В этом селе живут азербайджанцы, (село Аразин в Иранском Азербайджане. — 537, IV, 10). Таким образом, название мидийского племени аризант (от этнонима араз), по всей вероятности, сохранились до исх пор в топонимах (ср. село Арус в Азербайджане) и его носители по этнической принадлежности являлись тюркоязычными.

Племя струхат также считают иранским. Однако в этом этнониме выделяются компоненты «ак» и «ат», которые характерны для древнетюрской этнонимии (ср. например, скифское племя авхат, современное тюркское племя саргат и др.).

Что касается первого компонента этого этнонима, то восстановить его местное звучание трудно. Древнегреческий историк или, быть может, переписчики его труда, исказили его. Можно предполагать, что этот компонент имел форму чатар (из-за отсутствия буквы «ч» в древнегреческом языке Геродот мог передать начальную фонему через «с») сатар, или шатар — от этнонима чат, сат и компонента ар «мужчина», «воин», как в ряде тюркских этнонимов. Этнонимы сат, чат, чати, шат, саты известны среди тюркских народов Сибири и Алтая [см. 442, 735]. Скорее всего этноним струхат следует исправить на шатаркат или шутуркат. Этот этноним, по нашему мнению, заметен в средневековом топониме Шатар, Шутур. Йакут ал-Хамави в Арране упоминает топоним Шатар «крепость в одном из округов Аррана, между Бардой и Ганджой» [8, 27]. В источнике XIII века в зоне Гянджи отмечен населенный пункт Шутур [48, 163], который чуть позже у Хамдаллаха Казвини (XIV в.) зафиксирован как Хангях-Шутур [8, 56]. Однако автор того же века Киракос Гандзакеци его пишет как Шатар [14]. В настоящее время в Бардинском и Джалилабадском районах Советского Азербайджана есть селения Шатырлы.

Иранским считают и племя паратакен и полагают, что этот этноним имеет значение «омываемые» [283, 148]. В действительности этот этноним является искажением тюркского боро-тоган - от тюркского боро «серый» и тоган (тоган) «ястреб», «кречет», «коршун», вид ловчего сокола. Бортоган мог быть онгоном этого племени.

Компонент боро (боро, по мнению тюркологов, восходит к алтайскому состоянию, ср. монгольск. боро, древне-тюркск. бор, боз «серый») характерен для ряда тюркских этнонимов. Племя боро-талмат известно среди печенегов-кангаров в южнорусских степях Г 171, 256]; племя боро-найман зафиксировано среди башкир [344, 467]; племя бор-токан было среди монголов [см. 41]. Этноним беркут — название родового подразделения сойотов Сибири [см. 442, 722], которое также, видимо, состоит из бор «серый» и кут (куш) «птица». В средние века одно из тюркских племен Передней Азии называлось боздоганлу [292; 47].В связи с этим можно упомянуть и этноним бор (название родового подразделения бугу племени киргизов), бура — родовое подразделение племени сары-багыш киргизов [442, 722] и др. В Азербайджане и ныне есть село Боздоган (Лачинский р-н). Местность Кара-Туган на территории Астрабада в Иране отмечает Рашид ад-Дин [41, 346}. Название монгольского племени хартаган [см. 41], также состоит из монгольск. хара «черное» и тоган.

Этноним *буди* можно сопоставить с этнонимом боут среди кыпчаков южнорусских степей [171, 254]. Рашид ад-Дин среди монголов упоминает этноним будат, [41, I, кн. I, 78, 193], — от компонента буд и суффикса множественности **ат**. Указанный компонент буд составляет основу названия скифского племени Северного Причерноморья будин — от буд, соединительной фонемы **и** и аффикса **н**. Средневековое тюркское племя подар, падар в Азербайджане не известно среди других тюркских народов. Этот этноним состоит из компонента под, пад, который можно сопоставить с буд-и и тюркск. ар «мужчина», «герой».

Итак, на основании изложенного выше можно предположить, что племена первоначального Мидийского племенного союза являлись тюркскими племенами.

Геродот пишет, что в XI округе обитают каспии, дарейты, папсики и пантиматы. Как было отмечено выше, указанный округ охватывал часть территории Советского Азербайджана, юго-западного Прикаспия, т. е. северную часть будущей Атропатены.

Все историки, в том числе И. Г. Алиев, племя пантимат считают иранским. Однако этот этноним иранским выглядит только в греческой передаче. Мы считаем, что он состоит из этнонима абант (об этом см. выше, с. 78) и тюркского компонента мат. Следовательно, начальная фонема а Геродотом или его источником опущена. Выше было отмечено, что племя абант было тюркоязычным и, вероятно, родственным по этнической принадлежности с гаргарами. Вторая часть этого этнонима — мат нам знакома из многих древнетюркских этнонимов — сармат, савромат, яксамат и др. Позже стал известен древнетюркский этноним боро-талмат среди печенегов. В XIX веке отмечены тюркские племена ак-тумат (у телеутов), алмат (у теленгутов), кара-алмат (у алтайцев), кара-тумат (у телеутов), сары-алмат (у алтайцев), юрмат (у башкир) и другие [см. 344, 50; 393].

Геродот [III, 93] упоминает племена мик и ути. Он помещает их вместе с сагартиями (на территории Атропатены) в 14-й сатрапии ахеменидов. Выражение «от миков до реки Аракса» встречается и у Гекатея (Гекатей, фрагм. 170). Ясно, что эти мики и утии обитали к югу от Аракса, потому что область к северу от этой реки (т. е. территория Албании) не входила в административно-территориальное деление Ахеменидов. Считают, что этноним мик является фонетически производным от мидийского этнонима маг или муг, к

которому восходит топоним Муган. Некоторые исследователи неверно локализуют миков и утиев в Средней Азии, исходя из того, что в древности Араксом называлась также и река Амударья [498, 79].

И. Г. Алиев вслед за Э. А. Грантовским [239, 238] отметил, что мики обитали на территории Мукан (впервые упомянута в надписи сасанидского царя Нарсе, относящейся к 293 г.), и поэтому «название Мукан, несомненно, восходит к этнониму мик— греч. мох, арабск. мук(ан), а не магов (средневековый муг) [136 63} Возможно, что действительно маг и мик были наименованиями различных племенных общностей в Мидии. Однако нельзя согласиться с мнением Э. А. Грантовского о том, что топоним Муган отражает не этноним маг (муг), а мик.

Следует отметить, что в юго-восточном Азербайджане на территории Астаринского района с талышоязычным населением до сих пор сохранились населенные пункты Мики и Миколан (от Мики и талышского лон «место») и Ути, названия которых, вероятно восходят к древним этнонимам мик и ути. Нам кажется, что древний этноним мик был самоназванием какой-то части современных талышей, а следовательно, по происхождению они являются мидийским ираноязычным племенем, поэтому, по нашему мнению, этноним мик нельзя отождествлять с мидийским племенем маг или муг.

Геродот [III, 92} в XIV округе Ахеменидской державы помещает племя тамане. Это племя, по нашему мнению, было тюркским по происхождению. Этноним тамане можно сопоставить с тюркским племенем туман (таман) Сибири (переход а~у закономерен) и с этнонимом тама у казахов [310, 165}. Мы считаем, что этноним тамане ассирийских источников исконно имел форму таманай, т. е. с конечным (а)й, который по Г. И. Рамстеду, в топонимах, антропонимах и этнонимах восходит к Алтайскому состоянию [445, 184}. Следует отметить, что еще в алтайской эпохе этнонимы образовались аффиксами ай, ак, ат, ар, ман, ут, ты и др. (см. выше, 52—53). Исходя из закономерности м~б в тюркских языках, этот этноним известен также как табан. Племя табан, табын, например, известно у башкир, казахов и киргизов Алтае [442,736].

Племя павсик (т. е. павчик), упомянутое у Геродота (III, 92) в Мидии мы считаем искажением от этнонима пачанак. Как известно, упоминаемый Страбоном пасиан (т. е. пачиан) в Средней Азии также идентифицируется с этим этнонимом [479]. Помпоний Мела [III, 5, 39) пишет, что у Скифского залива живут амарды и пестики. Упоминаемое этим автором племя пестик (печтик) мы отождествляем с павсиками (павчиками) Геродота.

Птолемей на северном Кавказе рядом с гуннами перечисляет племя бастарна [III, 5, 10] т. е. бачта(р)на. Оно упомянуто также Страбоном. Мы склонны считать, что этот этноним является искажением от бачана (печенег).

Геродот сообщает также о племенах каспи и ути. Их потом упоминают и позднеантичные авторы, поэтому о них мы скажем ниже. Кроме того, на территории Атропатены и в прилегающих к ней областях античные авторы помещают носителей этнонимов албан, анариак, кадус, парен, эниан, карх, укси, саранг и др. [см. 130, 103—104}. О них также речь пойдет ниже.

Итак, по нашему мнению, на территории Мидии и Манны в первом тысячелетии до н. э. обитали местные пратюркские племена. Безусловно, это пока гипотеза, которая требует дополнительных доказательств, но в ее пользу говорят некоторые выводы, полученные на основе этимологизирования древних топонимов и антропонимов.

Следует отметить, что работа по этимологизированию их проведена многими исследователями, и нет надобности останавливаться здесь подробно на их мнениях. Отметим лишь, что они большинство топонимов и антропонимов объясняли на почве иранских языков. В ираноязычности части ономастики этой территории нет сомнения, но мы считаем, что некоторые наименования ими этимологизированы безусловно неверно.

Некоторые древние топонимы на основе тюркских языков объяснены Ю. Б. Юсифовым [522]. Например, он в топониме Уишдиш (вариант Бишдиш в районе совр. Мараги, в урартском — Угиши, (155, 197 выделяет тюркск. биш «пять» и диш «зуб», «выступ» [522]. Он считает, что топоним Ушкая (714 г. до н. э.) — (в урартском источнике от 774 года до н. э. Ашкая— 155, 18, 48), образовался от тюркск. уш (уч) «три» и кая «скала» [там же]. Э. А. Грантовский связывал этот топоним с иранским словом хушка (Низка) «сухой [239, 276]. Однако это не убедительно: если это название горы, то она вряд ли могла называться «сухой». Крепость Ушкая, упоминаемая С ар гоном II (725— 705), находилась в стране Бишдиш (Уишдиш). По мнению И. М. Дьяконова, древний топоним Ушкая сохранился в современном ороними Ускийе на северном склоне Саханда, западнее Тебриза [282, 49, прим. 41]. По нашему мнению, топоним Ушкая состоит из древнетюркск. ус [62, 1, 1344; 1377] «верх», «верхняя часть», «поверхность» и кайа «скала». Как известно, ныне этот топоним среди азербайджанцев называется Цскийя, Цскяйя, т. е. слово кайа «скала» подчинено закону сингармонизма в тюркских языках и получило форму Цскяйя.

Этимология Ю. Б. Юсифова в отношении топонима Бишдиш, по нашему мнению, верна. Она подтверждается сообщением Саргона II, в котором отмечаются зубцы скалы, на которой находилась крепость. «Натиском моего сильного оружия поднялся в эту крепость, разграбил обильное ее имущество и заставил перенести его в мой лагерь. Ее крупную стену, чей фундамент был утвержден на скале и имел восемь локтей в толщину, от зубцов ее начав, пока не достиг ее высокого основания, я снес и сравнял с землей» [282, 49; 326].

Топоним Иштатти Ю. Б. Юсифовым этимологизируется как «теплый стан», — от тюркского ишти (исти) «теплый» и суффикса -ти [522]. По его мнению, Иштараура (река в Сагартии) также состоит из тюркск. исти (ишти) «теплая» и иранск. Раура «река» и локализуется с современной рекой Гармруд («теплая река»). Следует отметить, что компонент ишти (isti), заметен к в ряде других топонимов на территории Манны и

Мидии — Иштатти, Иштираура, Иштаиппа, Иштилеузах, Туташти и др. Поэтому трудно поверить, что во всех этих топонимах отразилось тюркское слово исти, ишти («теплый»). По мнению Э. А. Грантовского, топоним Иштираура сохранился в современном гидрониме Хаштаруд [239, 273].

По нашему мнению, компонент ишти (или ишта) в некоторых топонимах, вероятно, восходит к древнетюркскому аст «низ», «нижняя сторона», «пространство под чем-либо» [62, I, 195}. Поэтому компонент ишти можно считать фонетически производным от ast или ast(a) с чередованием s^s, сравн. ишкузай, ашкузай, — от искутай или искудай (см. выше). Нам кажется, что до сих пор этот компонент сохранился в топонимах Астабад (город, находившийся в средние века к югу от Аракса, в Иранском Азербайджане) — от аст, соединительного суффикса **а** и бад; Астара, от аста и тюркск. ар «противоположная сторона»; Астрабад (Астабене — у Птолемея) и др.

В ассирийском источнике в области Зbкирту в Манне упомянуто поселение Иштаиппа [155, 181}, вероятно, от аста «нижняя» и древнетюркск. оба (древняя форма она — см.: 62, I, 400) «племя», «род», «местожительство племени» (сравн. тюркск. Тертробичи, Кулобичи, Кулпей, см. выше, с. 109).

Можно предположить, что тюркское оба, опа отразилось и в топониме Уба-бара из той же области [155, 18]. Возможно, в этом топониме следует выделить тюркск. bar — означающее присутствие в определенном месте. Топоним Таштами, также, вероятно. состоит из тюркск. таш (tas) «камень», «скала», «утес» и там «крепостная стена», «крепость» [51, 529]. В связи с этим можно привести для сравнения топоним Куера-Таш «Куарская скала», или «Скала Куара» в урартских источниках (см.: ниже, с. 274).

Компонент таш есть еще в топониме Ушташай. Значение первого компонента (уш) неясно, возможно оно восходит к древнетюркскому ус «верх», «поверхность», «верхний» (62, I, 1344; 1377). Второй компонент состоит из таш и суффикса ай, характерного для алтайской семьи языков (см. выше, с. 258).

В ассирийском источнике в Манне упомянут топоним Ушкаккан (по И. М. Дьяконову — долина реки Карасу в Иранском Азербайджане — 283, 201). На почве иранских языков этот топоним не этимологизируется. Вероятно, этот топоним состоит из тюркск.-монгольск. ус(у) «вода», «река» и тюркск. акан (от ак «течь») «протекающая», с общим значением «место где протекает река (вода)».

В ассирийских источниках упоминаются два округа под названием Симгур (820 г. до н. э.) и Никур (744 г. до н. э.). Исходя из компонента гур, кур, мы можем с определенной долей вероятности их считать древнетюркским. Компонент гур характерен для многих тюркских этнонимов (куригур, кутригур, утигур, оногур, сарагур и др.) в середине первого тысячелетия на Северном Кавказе и юго-восточной Европе. В XVII веке в западной Сибири один из улусов удинов (тюркская этническая группа удинов. — Г. Г.) назван Силпигур [279, 254].

В ассирийском источнике в Манне упомянут топоним (название горы) Кундур [см. 282, 46]. По Э. А. Грантовскому, название Кундуру (у — суффикс) связано с именем божества и происходит от названия растения, использовавшегося с культовыми целями, ср. азерб. кендир «конопля» [239, 290]. Эту этимологию мы считаем неубедительной, потому что гора вряд ли могла называться по названию искусственного разведенного растения. Кундур лолализуют с нынешним Готурдагом в Иранском Азербайджане и протекающая там река, рукав реки Агчай, впадающая в Араке, также называется Котурчай. Вероятнее всего, в этом топониме отразилось тюркское слово дур, характерное для ряда древних этнонимов (байандур, утидур, чавундур и др.) и топонимов. (Ср. еще тюркское племя гундур 390, 596; хонгодор – 300, 299). В источнике (744 г. до н_ э.) в Мидии упомянутфы два поселения - Харшу и Харшап . Иранисты связывают их с иранским карши» «борозда» [239, 195]. Э. А. Грантовский объяснил как «страна повелителя» от иранск. санга «повелитель» [239. 230]. Однако дело в том , что таким способом топоним не образуется, ибо в этом случае «страна повелителя» должна все же иметь какое-то своё истинное название. Кроме того, в ассирийском источнике 821 г. до н.э. зафиксирована также форма Сагбат (Бит-Сагбат, см. : 283, 166), т.е. без «н», которую следует идентифицировать с Сагабути по источнику 744 г. до н.э.

В ассирийском источнике от 820 г. до н.э. упомянута крепость Абитикна, в названии которой, может быть, отразилось тюркское слово тик (tik) «тесное пространство», «тесный» [64,III, 339].

Отметим, что некоторые из топонимов в формах Зивийе, Котур, (от Кундур), Каркар и др. сохранились на территории Иранского Азербайджана до сих пор. Например, село Кундур в округе Нишапур упоминает Йакут-ал-Хамави (VII, 284). Гора Коллар [см.:283, 165] ассирийских источников (в урартских Кулар) ныне одна из вершин Загроса – Колларадаг. Интересно, что в 714 г. до н.э. в ассирийском источнике упомянута гора Арзибиа (в районе современного Хоя) и её название исследователи возводят к урартскому арсиби «орёл» (ср. также калмыкское слово харух «ястреб». азерб. гартал с идентичными корнями арсив, харцх, гартал). В настоящее время эта гора (восточнее продолжение Саханда) среди азербайджансцев известна как Бозгуш «сокол», от тюркс. Боз «серая» и куш «птица» (ср. название птицы бозтоган). Э.А.Грантовский писал, что некоторые современные топонимы из северной части Иранского Азербайджана удаётся связать с засвидетельствованными текстами VII века до н.э. [239, 296]

В топониме Эрештейfна выделяются этноним *арас* (см. выше, с 256) и тюркское тей (tej) «холм», «бугор»,«сопка» [402, 548]; (ср. современный ороним Тейдаг в Советском Азербайджане).

Первый компонент мидийского топонима Кизилбунда (упоминается в 820 г. до н.э.) явно восходит к тюркcому *кизил* - «красный». Сам Э.А.Грантовский пишет, что Кизилбунда - это очевидно, старое навание страны и считает его неиранским наименованием [239, 194]. Топоним Кизилбунда образовался от кизил и топонимического форманта ват (vat) , передаваемого в аккдском языке как bit, but . По мнению И.Г.Алиева ,

это слово в (vate,pate) , эламское, со значением «страна», «область» [130, 96]. Э.А.Грантовский считает, что компонент vati (бад), пат является иранским словом [239, 229-230]. Так или иначе местным названием топонима, передаваемого в ассирийском источнике как Кизилбунда, было Кизилбуд или Кизилбат. Упоминаемый мидийский топроним Каршабут (Kar – si – bu –t –a –a) «Каршибатай» состоит из древнетюркского карши «крепость», компонента бат «поселение» и элемента «ай». В ассирийском источнике 744 г. в Мидии упоминается Китбатай (Ki-it-pat-a-a) вероятно, от древнетюркского кет, кіt «сильно», «крепко», «основательно» [51, 305} и батай в значении «поселение». Привлекает внимание тот факт, что конечный «ай» является характерным для алтайской семи языков, добавляемым обычно к этнонимам и топонимам. В Бехустинской надписи упоминается крепость Пишуауват (где восстал Гаумат) и Сакауаиват (где он был убит Дарием) в Мидии. Возможно, Сикауаиват образовался от древнетюркского сага (saga) «подножие горы» [51, 486]и vat. Формант бад, бат прослеживается в топониме Сангибиту [239, 229]. Существовало два Сангибиту (т. е. Сангабат) — один в районе озера Урмии, другой — в районе Хой-Маранд. Э. А. Грантовский этот топоним объяснил как «страна повелителя», «праведная страна» [239, 229—250]. Но это неубедительное объяснение. Е. Херцфельд древнюю Сангибиту идентифицировал с современным Сакавандом к югу от Керманшаха [572, 206].

Следует отметить, что компонент уа1 (бад, бат) в дальнейшем отражен и в атропатенских и албанских топонимах — Азербад, Астабад, Агбат, Дизапайт (в Арцахе), Ордубад и др., в которых заметны древнетюркские слова *аг, аст, орду*. Моисей Хоренский (кн. 1, гл. 30) в Нахичеванской зоне упоминает пункт Тмбат, от Тамбат, (у Мхитар Гош-Тамбат, см. 417, 269), который происходит от древнетюркск. там «крепость», «крепостная стена» [51, 529] и бат. Дело в том, что топоним Кизилбунда локализуется в в верховье современной реки Кызыл-Узень [282, 43, прим. 27] — от тюркского кизил «красный» и узень «река». Обращает на себя внимание и тот факт, что первоначально «страна» Мадай находилась именно в области современной реки Кызыл-Узень [283, 213]. Царь области Кизилбунда в ассирийском источнике 820 г. до и. э. именуется Энгур [239, 203], а его крепость Ураш [283, 265]. Э. А. Грантовский личное имя Энгур этимологизировал на почве персидского языка как «винодел» [239, 203). Однако такое объяснение не слишком убедительно. Личное имя Энгур (исходное, по-видимому, Энкур) состоит из древнетюркского ен «титул» [51, 173] и кур (кйг) «смелый», «отважный» [51, 328]. Компонент кур отразился и в личном имени киммерийцев Сандакур (см. ниже, с. 318). Компонент vat, по нашему мнению, следует выделить еще в наименовании города Акбат (в античных источниках Экбатана, в котором суффикс «ана» добавлен в древнегреческом языке) от тюркск. ак «белое» и бат (vat). В ассирийском источнике в стране Зикирту, восточнее Урмийского озераупоминается топоним Уру — Таштами. Этот топоним не объясняется на почве иранских и других языков, но он объясним на почве древнетюркского языка. Компоненты этого топонима — уру, (от уруг «род, племя»?) таш «скала», «камень» и там «крепость» выглядят вполне древнетюркскими словами. В некоторых топонимах, по нашему мнению, выделяется древнетюркское слово арт «нагорье» [51, 55], но в измененных фонетических формах. Например, наименование мидийской области Сапарда вероятно, состоит из тюркск. сап «составлять», «охватывать» [51, 485] и арт «нагорье»; название горы Аракадриш (в Бехистунской надписи VI в. до ь. э.), возможно, происходит от древнетюркского *aragi* «находящийся между чем-либо в середине, в промежутке» [51 51], или *argu* «долина между горами» [51, 51] или *arga* «спина», «задняя сторона» [46, 55] и тор (1бг) «высокогорное пастбище»; Аракадриш («иш» — иранский суффикс) имеет значение «высокогорное пастбище, находящееся в горной местности, в долине между горами». Этот ороним можно объяснить также на основе доевнетюркского *ариг* «лес» [51, 5] и адр от адур «нагорье», со значением «лесная возвышенность (гора)». Позже это слово можно усмотреть в названии горного массива Парахоатр (у Страбона) 'в Атропатене, на юго-западе Прикаспия, где обитали, по его сообщению, албаны, кадусии, утии и др. Эту гору мы идентифицируем с современной горой Багродаг в Иранском Азербайджане. Другими словами, Парахоатр является древнегреческой передачей Багро, от Пагр (а) хо и тюркского *tor* «высокогорное пастбище» (об этом см. ниже, с. 358). Привлекает внимание внешнее схожество оронимов Багро (называется также Амарддаг) и Загро на территории Атропатены. Обе горы ныне считаются также Талышскими горами.

В ряде названий крепостей заметен компонент *таг, даг* «гора»: Сирдакка (с удвоением «к», крепость в Манне), *Шу(j)акдакун, Абитикна* и др. В сообщении от 744 г. до н. э. в Мидии упоминаются топонимы, объясняющиеся на почве древнетюркского языка: Туташди (*tutasti*), — от древнетюркского *tudas* «соответствующий, подходящий» [51, 584] и суффикса -ди (-11). В качестве сравнения укажем в XVII в. в Западной Сибири название области Тураш [279, 50]. Возможно, этот топоним состоит из тюркского тут «лагерь», «народ» [54, III, 2, 1475] и древнетюркск. *аст*(а) «нижний». В топониме Киакунда заметно тюрк-тюркск. *кая* «скала». Втопонимах Сасиаш и Анусиаш можно выделить тюркское субаш «верховье реки». Река Берзендчай (в р-не Ардабил) ныне называется Субаши (ср. Сиваш от Субаш в Причерноморье). В нескольких наименованиях просматривается слово каш (kas). В надписи 714 г. до н. э. отмечен Сурикаш в Манне [283, 175}, в районе современного Саккыза [382, 43]; топоним Сурикаш, возможно, связан с тюркск. *соор* «низкий, ровный хребет, отрог, соединяющий две горы или вершины, перешеек, горный проход» [402, 517] и *каш* «выпуклость», «возвышенность», «вал», «холм», «высокий берег» [51, 43], ср. с современной горой Сооргаш на территории Белоканского района.

В ассирийском источнике 744 г. до н. э. в Мидии упомянута гора Дану — от компонента Дон и добавленного в ассирийском языке суффикса **у**. В этом ороним, по нашему мнению, отразилось тюркское слово тон(г), дон(г) «холм», «бугор» [402, 188, 557], или же дон «выпукло-пологая продолговатая небольшая возвышенность», «увал» [402, 188].

Интерес вызывает компонент кип в ряде топонимов: Кинабарутак, Куакинда, Кинаблила, Кингиштелеузах, Гингибир (Кингибир), Гинхухт, Киндутауш и др. Значение компонента кин неясно. Вероятно, компонент *кин*(г) (с велярным «нг») связан с тюркским кинг «обширный, широкий» [62, II, 46]. В топониме Кинду-ташу выделяется слово тавуш «шумная река». Топонимы Кимдарика и Уашдарика, вероятно, связаны с тюркск. *орек* «строение», «сооружение» [54, I, 2, 1216}. (Ср. башкирск. *урек* «крепость» — 344, 319; Ср. топоним Урек в Албании, см. ниже).

В ассирийском источнике в 714 г. до н. э. упоминается пункт Тарви — укрепленное поселение в Сангибиту в районе современного Тебриза [239, 280]. Э. А. Грантовский возводит это название к древнеиндийскому туре. туера (*tuvra*) «преследовать», авестийскому турви (*turvi*) «высший» или же отождествляет с именем божества (дев) тарви (*tarvi*) — «победоносная» [там же, 281]. В Авесте упоминается бог та-рви «победоносная [там же]. Но такое отождествление, по нашему мнению, неубедительно. Отметим, что до сих пор гора Сурхаб на территории Иранского Азербайджана носит название Тори. Амрозио Контарини (XV в.) отмечал, что неподалеку от Тебриза находится несколько красных гор, именуемых Таврскими. Нам кажется, что Таруи (совр. Тори); трудно отделить от современных названий Торадаг (Шекинский р-н), Тавратепе (Ханларский р-н), Таврадаг (Куткашенский р-н), Таврадаг (Ильичевский р-н), Даврадаг (Кахский и Кедабекский р-н), Торатепе (Казахский р-н), Торади (Астаринский р-н, талышск. ди «село»), Товра (холм на территории села Чайли Казахского р-на), Даврали (Дашкесанский р-н), Даврадаг (Нахичеванский р-н), Таврачайдаг и др. К этому же термину восходят название села Даварадиби (букв. «подошва, подножье горы Давар»), т. е. «село, находящееся у подножья горы Давар», в Лерикском районе — и действительно, село расположено у подножья горы Тавар. С этим оронимом связано также название речки Давардиш. Кроме того, в Дашкесанском районе есть село Даварлы — от Давар и суффикса принадлежности «лы».

В древнегрузинском источнике XI веке упомянут топоним Тваратапа — это, вероятно, современное Тяврятяпя на территории Борчалинского р-на Грузии или же Тейретепе — в Казахском р-не.

По нашему мнению, в указанных топонимах отразилось древнетюркское слово *двар, товар, тувар, твар* «скот», «домашний скот» (51, 567, 421; 62, III, 114—115), поскольку скот составлял основную часть достояния древних тюрков. Возможно также, что указанные топонимы связаны с тюркск. табур (tabur) «укрепление из повозок» [61, IV, 7]. К этому слову восходит и армянское товар «овца», «стадо овец», несмотря на то, что армянские исследователи (и вслед за ними М. Фасмер [61,т. IV с .67] считают что это слово армянского происхождения. Как видим во всех случаях слово тавра (с вариантами *торва, давра, товра, тора*) отражено в названиях гор и холмов, частности таких, как гора Тори (Саханд) в Иранском Азербайджане. Упоминаемые в ассирийских источниках крепости с названием Таври (Тауры). также находились на горе. Указанное слово по нашему мнению, с большой степенью вероятности можно считать пратюркским. Название мидийского племени таурлай упоминаемого в ассирийском источнике 820 г. до н. э.. также восходит к этому слову и означает «горец», «горцы» от *таур* (*тавр*) и суффикса -лы. Исходя из сказанного трудно согласиться с этимологией И. М. Дьяконова (283, 216), предположившего на почве иранских языков, что «*tawri*» «двойная крепость».

Теперь перейдем к выяснению некоторых личных имен. По Э. А.Грантовскому [239, 59]. иранский язык во второй половине VIII века до н э стал общемидийским. Объясняется это тем, что аристократические круги, знать говорили по-ирански и иранские язык^"межплеменным языком для разноязычных мидийских племён. Этот вывод основывается главным образом на этимологизировании личных имён на почве иранских языков. Однако некоторые имена считающиеся иранскими, оказываются вовсе не иранскими, а древнетюркскими. В описании похода Ашшурнасирпала II в 881-880 г. до н.э. упоминается личное имя Атат – правителя провинции Арзизу (от компонента Арзиз и «у» - суффикса именительного падежа единственного числа в аккадском языке) в Манне. В.И.Абаев объяснил это имя из осетинск. ядя «отец», «дедушка» [см. :108]. Он считает, что с ним можно сравнить и личное имя Атей (имя скифского царя), известное из древнегреческих источников в Северном Причерноморье (см. ниже). С такой этимологией трудно согласиться. Для сравнения обратимся к собственному имени Ата в древнетюркских памятниках (Махмуд Кашгари, I,86) и тюркс. *ata* «отец», «дедушка». Ср. азерб. ядя «отец»). (Ата - правнук Огуз-хана). Антропонимы Ата, Адай широко распространены у тюркских племён [см., например: 18, 316]. В древнетюркских языках слово ата (ata) означало также «предок», «святой». Личное имя Атай отмечено в средние века и среди уйгуров. Позже, при Саргоне II в 820 г. до н.э. на территории Манны упоминается правитель той же провинции Дади [239, 131]. Э.А.Грантовский считает это личное имя иранским от иранск. dada «данный», «созданный» [239, 131]. Его, очевидно, можно сравнить с тюркс. Дада «отец», «дедушка» (ср. прозвание «деде» в эпосе «Деде Коркут»). Собственное имя Дад (Dad) также зафиксировано в древнетюркских памятниках [51, 158].

В описании похода Салманасара II упомянуты правители области Гилзана-Асу и Упу [239, 130}. Личное имя Асу читается и как Асау [там же, с. 13] и его также считают неиранским именем. Имя Асай позже было известно и в Албании (см. ниже, с. 461), его можно сопоставить с тюркским именем Асай (см. 18, 316, — Асай, Асау). Не исключено, что к этому антропониму восходит и имя маннейского царя Аза, убитого в 716 г. до н. э., которое Э. А. Грантовский возводит к иранскому аз «вести» [239, 247]. Следует отметить, что личное имя Аза известно и как имя сакского правителя первых веков до н. э. в северо-западной Индии [497, 235}. Если саки являются тюркоязычными, то и имя маннейского царя также следует считать тюркским по происхождению. Махмуд Кашгари упоминает тюркское имя Азак [I, 164] — это имя огузского бека. Личное имя Аза может быть сопоставлено с именем Асай в Албании (см. ниже, с. 461).

В записи, относящейся к 859 г. до н. э., в ассирийском источнике упомянуто личное имя правителя из Манны — Какиа. В 520 г. до н. э. это имя носил мидиец [239, 131]. Добавим, что позже в связи с походом 714 года упомянуто мидийское имя Каки. Некоторые исследователи (К. Талквист, Ф. Юсти и др.) сравнивали это имя с иранским *кака, какаj*, персидск. *кака* «брат», «дядя», афганским *кака* «дядя». А в этих языках данное
слово является заимствованным из тюркского. Есть тюркское слово *кака, гага*, «старший брат» (ср. имя Ак-Кага, правитель гуннов — 151, 11). В древнетюркском есть также слово гагадаш (gagadas) «родственник», «родич» [51, 405] — от *гага и даш* (das), аффикс со значением «соучастник». Личное имя Амамаш неотделимо от имени албанского царя IX века Амам (в армянской передаче — hамам, с протезом «h»); оно состоит из тюркск. ам «лекарство» и аффикса принадлежности — (а)м, с общим значением «мое лекарство» (с уст родителей давщих имя ребенку) .

В связи с событиями 821 г. до н. э. упомянуты имена правителей из области Кизилбунда — Энгур и Пирашат. Как отмечено выше (см. 263), первое имя состоит из древнетюркского эн «титул» и гур, (кур) «смелый», «отважный» [51, 203]. С ним можно
сравнить имя сына Джучихана — Шингкур, монгольское личное имя Чинкур и др. [см. 41]. Во втором имени, по нашему мнению, выделяется древнетюркское слово шат «принц» (как в имени Киаксар, см. ниже).

В описании похода 820 г. до н. э. отмечены имена 28 владык из Мидии. Из них, по мнению И. М. Дьяконова, лишь 7 являются ираноязычными, остальные считаются местными именами [283, 167]. К невыясненным относятся Зариш (в источнике упомянуты два правителя с этим именем, один владетель округа Парсан, другой — владыка крепости Хундур), Амахар (владыка округа Хармешанд), Санаш (владыка округа Кипабарутак), Ардарай (владыка округа Ушташ), Сираш (владыка округа Симгур),Урси (владыка округа Гинхухт), Амамаш (владыка округа Кингиштилеу), Татай (правитель округа Гингибир) и др.

Личное имя Урси, из Мидии, возможно, состоит из тюркск. Ур (ури) «сын», «мальчик» (51, 614) (ср. например имя тюркского предводителя XIII в. Ур Хан, см. 48) и аффикса чи (ши) означающего принадлежность, свойство (ср. например, личные имена Арсланчи, Джучи или Души, Тогрулча и др., см. 41, 48). Имя Татай широко известно в тюркоязычном мире. Известно также имя мага Тата (от Татай, с отпадением конечного «и») в Мидии. [239, 217]. Нам кажется, что это имя является разновидностью тюркского антропонима Дада. Личное имя Дадай было отмечено в раннем средневековье среди уйгуров. Ср. еще тюркск. имя Дадаш (от Дада и суффикса ш (s) в значении ласкательности). Э. А. Грантовский приводит для сравнения древнеиндийское tata «отец» [239, 217}. Выше было показано, что мидийское имя Дада не отделимо от тюркского Дада (например, в «Деде Коркут»).

Упоминается личное имя Зата (Za-at-ti). На почве иранских языков оно не этимологизируется. Это имя можно сравнить с личным именем Сато в Албании, которое следует связать с тюркским садай «возлюбленный, близкий родственник» [318, 67}, (ср. монгольские личные имена Саты, Сати — см. 41, 131).

Личное имя Зариш (Zaris) возводят к персидскому zarica «желтый», «золотистого цвета» [239, 214}. А разве нельзя сопоставить его с тюркским Саруг (Sarug) «желтый»? [51, 488}. Личное имя Сираш, возможно, состоит из древнетюркского *сир* «глазурь» [51, 505] и *еш* «подобный», «равный» (62, I, 314) наподобие товареш, от древнетюркского товар, давар, «скот», «имущество» и еш (в русском языке — товарищ).

Личное имя Санаш состоит из тюркского сан «почет», «уважение» [51, 483} и аффикса еш «друг, приятель, сподвижник» [62, I, 314]. Ср. имя тюркского эмира XII века Суташ. Сравним личное имя Амахар [130, 775, прим. 7] образовалось от тюркского *омак, амах,* «резвый», «горячий», «выносливый» (о лошади), «бодрый», «живой», «веселый» (о настроении), [62, I, 452] и *ар(эр*) «мужчина», «герой», «храбрец» [62, I, 321}. (Ср. личное имя Амека в Манне и имя Амак у сарматов, см. ниже, с 334).

Под 713 г. до н. э. в ассирийском источнике упомянуто личное имя Арбак в Мидии; у Ктесия Арбак — царь Мидии [283, 268}. И. М. Дьяконов считал это имя неиранским [283, 227}. Существует мнение о его тюркоязычности [см. 130, 95}, но И. Г. Алиев не согласен с ним. Он связывает его с касситским словом карее (Нагуе), эламск. хурви (Ниги1) убожество» [124,55]. Однако трудно допустить, чтобы личное имя состояло только из имени божества, без добавления к имени этого божества какого-нибудь слова. Э. А. Грантовскнй связывает это имя с древнеиндийским арбха (arbha) «мальчик», «ребенок», «юный» [239, 268}. Мы
Считаем эту этимологию неубедительной, ибо в конце этого имени выделяется компонент «бак», а личные имена подобной конструкции характерны для тюркских имен. Неясно, почему исследователи уклоняются от сопоставления личного имени Арбока — царя тюркоязычных ченов у Моисея Хоренского с именами Арбак и Гарпаг в Мидии? Сравним еще имя скифского царя Ишпакай, в котором выделяется этот компонент в форме бак.В обоих антропонимах отразилось древнетюркское слово бак (baq) «вождь», «предводитель племени», «князь», «знатный господин» [62, II, 98}. Следует отметить, что у тюркских народов есть личные имена Арбак, Байбак, Чубак, Койбак, Сайбак [см. например, 18, 325]. Компонент бак заметен еще в личном имени Аспак из Северного Причерноморья и личном имени скифского царя в Мидии — Ишпакай, со значением «умный глава племени» («умный князь»). (См. ниже, с. 304). Арбак означает «герой», «предводитель (глава) племени».

Один мидийский царь у Ктесия назван Артик (см. 257, 26). Это имя можно объяснить на почве тюркских языков: артик «лучший» («лучше всех») или же (если он звучал как Артак) «подобный герою», «словно храбрец», от тюркского ар (ar) «герой», «храбрый» и так «подобный», «подобный как». Имя одного сельджукского эмира времени Султана Маликшаха (XI в.) было Артук.

В 744 г. до н. э. упомянут правитель территории мидийского союза [283, 20]} — Танус. По нашему мнению, оно состоит из двух частей. Первую часть тан (tan) можно возвести к слову тане (с велярным нг в

конце), имеющему различные значения в тюрских языках: tang «знатный», «замечательный» [62, III, 144]), tang «чудо», «удивительный», «изумительный» и tang «крепкий», «сильный». Вторую часть ус также можно объяснить двояко: или она отражает тюркск. ус, уш (us, us) — уменьшительно-ласкательный суффикс имени существительного в конце личных имен у тюркских народов, или же слово ус «мудрый», «умный» [см. 62, I, 607}. Поэтому трудно установить, с каким из указанных слов связано личное имя Танус.

В 713 г. до н. э. упоминается личное имя Иштесуку (Jstesuku) и Иштелику (Jsteliku). В обоих случаях конечный «у» добавлен в ассирийском языке. Э. А. Грантовский [239, 330} считает, что эти имена не иранские. Указанные имена состоят из тюркск. исте (iste) «желать» [51, 214} в смысле «желанный» (ср. имя тюркского хана Истеми, от исте и тюркск. *еме* «способный» и неясных компонентов *сук и лук*.

Ктесий упоминает также мидийского царя Артака [282, 26]. Артак не считают иранским именем. По-видимому, в нем выделяется тюркское слово *так* — в значении «подобный». Сравним Алтунтак — имя тюркского эмира в XII веке — от *алтун* «золото» и так «подобный». Личное имя Артак может быть объяснено как «герой» («героюподобный» — от тюркского *ar* «герой» «защитник») и так (ср. еще личное имя Давтак — «подобный дяде» и Аратан «героюподобный» (см. ниже, гл. IV).

Упомянем еще имя маннейского наместника Дайаука (в ассирийском источнике это имя имеет форму Дайаукку), которое Геродот пишет как Дейок. По мнению иранистов, это имя надежной иранской этимологии не имеет. Обычно его толкуют как «руководитель страны», «вождь» [239, 266]. Однако, по-видимому, это имя образовано от тюркского *дай* (*тай*) «дядя», «брат матери» и тюркск. *ог, ок* «разум», «мысль», «мудрый» с общим значением «умный (мудрый) дядя». Трудно в точности определить все значения компонента *тай и так* в личных именах. Дело в том, что, по мнению Г. Рамстедта [445, 56], «j» в западно-тюркской группе соответствовало «g» (к) восточнотюркских и северотюркских групп тюркских языков.

Неизвестно, как на самом деле звучало имя мидийского царя Астиага, т. к. форма Астиаг является греческой передачей. Древнеперсидская его форма — Иштивегу. Если предположить, что этот человек действительно назывался Иштивегу можно предположить следующую его этимологию: древнетюркск. Иште (iste) «желать» [51, 214] и компонент *бегу begu* «дар, подарок [46, 92]; *бека* «быть крепким» [51, 93], *beku* «герой, силач, богатырь» [51, 116] или Ьд§а «мудрый, мудрец» [51, 116]. Можно предложить и другую этимологию этого имени: от древнетюркского ее «ум», аффикса обладания -ты (ти) и бегу «герой, силач, богатырь», с общим значением «умный герой». Не известна также местная форма личного имени, которое в ассирийских источниках передается как Уксатар (древнегреческое Киаксар). Это имя возводят к иранскому иа uva hustra — буквально «с хорошим надзором», «с хорошим знанием» [239, 316]. Такая этимология, однако, нам не кажется убедительной. Возможно, в этом антропониме отражено древнетюркские слова уг(ок) «мудрый, шаг «принц», «царевич» и аг «мужчина», «герой».

Интерес вызывает происхождение имени Ханасирука (пли Ханазирука), которое упомянуто в ассирийском источнике 820 года до н. э. Он был правителем страны Мадай [130, 175]. Э. А. Грантовский объяснил его на почве иранских языков и компонент хана связывал с древнеиндийским сана «древний», «старый» [239, 205}. Возможно, это имя состоит из тюркск. хан «правитель», неясного асар, азир (ср. имя. Ибузир — Хазарский хаган — 151, 196) и ук «мудрый» (ср. имя Ханука — хазарский хан—151,257).

Надо отметить, что имена маннейских царей и правителей, начиная с IX в. до н. э. — Телусуну, Улусуну и Уллусуну, Эрисини, Шулусуну (во всех этих именах «у» является суффиксом, добавленным в аккадском языке), объяснимы на почве древнетюркских языков. В якутском языке *сун* имеет значение «грозный», «важный». В алтайскую эпоху, как пишет Г. И. Рамстед, слово су (su) имело значение «быть подобным кому-либо, быть таким, как кто-либо» [445, 13]. В тюркских языках *сун* «отросток» означает также «марал-самец» [49, т. I, 629], шун «отросток» [59, 557]. Уместно сравнить здесь и монгольские личные имена XII—XIII ввъ — Араксун, Аркасун (тюркск. ark, монголск. ерке «сила», «власть»), Карасун, Кудусун и др. (см. 41). Правитель царства Харруна в Мидии в сообщении от 828 г. до н. э. назван Шулусун [283, 162]. Это имя состоит от Шулу (Сулу) [см. ниже,с. 305] и сун. Сравнить можно с ним Сулу — имя тюркского хагана (ум. 738 г.). Древнетюркский *сун* (*sun*) и словосочетание *sun kisi* означает «человек с мягким характером» (Махмуд Кашгари, III, 138) (ср. тюркск. лич. имя Агшин, от Агшун). В этом случае, например, для некоторых имен
можно предложить следующую этимологию: Уллусун — от древнетюркск. улу(г) «сильный», «гордый» и сун; (ср. имя тюркского эмира XIII в. — Улугхан, см. 48, 239); Телусун, от древнетюркск. *тулуй* «коршун», «ястреб», ср. Тулуй — имя сына Чингисхана) и
сун и др. (ср. Дулухан, 151, 147). Возможно также, что в этом личном имени отразился тюркск. телу (tali, telu), тели (teli) «смелый», «отважный», удалый», «сумосбредный» [62, III, 215]. Следует отметить, что ряд исследователей (Г. Хюзинг, Г. А. Меликишвили, И. Г. Алиев и др.) эти имена считают не иранскими. Личное имя Иранзу маннейского царя, умершего в 716 г. до н. э., по всей вероятности, состоит из тюркского *эрен* «мужественный», «герой», храбрец» и компонента *су* (su), имевшего в алтайских языках желательное наклонение «быть подобным кому-либо, быть таким как кто- либо» [445, 13]. В этом случае Иранзу могло означать «Да будет как эрен» (т. е. «как мужественный», «словно герой»).

Внук маннейского царя носил имя Эрисини. И. Г. Алиев это имя сравнивал с хурритским именем Иришинни (Irisenni), в котором, по его мнению, senni означает «брат» [130, 64, прим. 3]. По И. М. Дьяконову, слово «брат» на хурритском языке звучало как зена (zena) [283, 133]. Мы считаем, что это имя состоит из древнетюркского эр (аг), монгольск. ере «мужчина», герой», «храбрец» и чин (81п) «сильный, крепкий», с общим значением «сильный герой» (ср. монг. Темучин — имя Чингизхана). В 820 г. в Манне упоминается

личное имя Шарсин, которое можно возвести к алтайскому *сар* «луна» (сравним монгольск. sar «луна» — 53, 350) и син/г, шин/г «подобно», (ср. тюркск.-монгольск. личные имена Саручи, Сар.так, см. 41].

Личное имя Ахшери (А1г-зе-е-г1) Э. А. Грантовский связывает с иранск. хшау (xsau) «властвовать», хшаца («властитель») [239, 247, 248}. Но он сам оставил без объяснения компонента *эр(и).*

Следует отметить, что в некоторых личных именах Мидии и Манны выделяется компонент тар (дар). В списке от 820 г. до н. э. правитель Уштай в Мидии назван Ардарай (известен скифский царь Ардар из Причерноморья) и Тарсих. Этот компонент заметен и в имени Каштарита, — правителя мидийской области Кар-Кашши («колония касситов»), где возник город Акбатана — от Агбат и иранск. суффикса «ана». Каштарита являлся одним из вождей восстания против ассирийцев в 673 г. до н. э. Союзником Каштарити был правитель области Мадай Мамитарши, в имени которого также выделяется слово тар и ши. Слово *тар* (в именах Фраорта, т. е. Тараортай, Каштаритай, Мамитарши, Яутарши) можно было бы связывать с древнетюркским тори «закон», «обычай» [51, 293], уйгурском *törü* — «установление, закон, правление, «1оге» «правило, закон»; в монгольском *tori* «закон», «правление»; в калмыкскос *tör* «государство», «держава», «право», «дело», «задача». Поэтому имя Тарсих (от тари и шиги шиг) означает «подобно закону».

Компонент ши в личных именах Мамитарши, Маманши, Яутарши, Арсианши и др. можно сравнить с алтайским си (si) «быть подобным кому-либо, быть таким как кто-либо» [445, 13] и с монгольским шиг «подобно тому, как», калмыкским *шиг* «как», «словно»,«точно».

Исходя из вышесказанного личное имя Каштаритай, которое, по Э. А. Грантовскому [239, 73], восходит к иранскому *хшадрита* «царь» [см. также: 283, 77], по нашему мнению, состоит из этнонима каш, компонента *tari* «закон», «правило», «обычай» и *тай*, с значением «обладающий», «владеющий». В этом случае антропоним Каштаритай имел бы значение «владеющий, обладающий обычаями (племени) каши», «соблюдающий закон (обычай) кашов».

Следует отметить, что алтайское слово тай, имевшее различные значения в многочисленных личных именах, ввело иранистов в заблуждение: везде и всегда это слово возводили к иранск, тава (*tava*), «сила», «мощь». Например, личное имя Артай из Мидии обычно считают иранским, выделяя в нем этноним *ариуа* и *тава* «сила», «мощь». Однако его можно разделить на алтайск, *эр* «мужчина», «герой», и тай (таг) «обладающим чем-либо», или «подобно тому, как».

Имя мидийского царя Киаксара (в Бехистунской надписи — hувахштра) считают иранским. Однако, возможно, это имя состоит от компонента Гуюк (ср. имя Гуюкхан из рода Чингисхана в XIII в.) и слова сар, которое можно считать фонетическим вариантом ог шар или чар. Последний характерен опять-таки для алтайских имен. Ср. Баянчур, Борочар у монголов XII—XIII вв. Возможно, что этот компонент звучал и как чор, чур «витязь».

В Мидии в VII в. до н. э. известно личное имя Заназан (Zanazan), с которым может быть сравнено имя царя маскутов-гуннов Санесан в Албании, упоминаемое Фавстом Бузандом. Э. А. Грантовский [239, 205] объясняет его так: древнеинд. сана «старый», «древний» и иранск. занту «племя», «люди». Однако вряд ли личное имя могло иметь значение «старое племя» или «старые люди». Древнетюркск. сан (зап) «почет», «уважение» прослеживается в. личных именах Заназан и Санесан (в Албании) «почетный —здоровый»; Дусан (Дусанну — мидиец), от Дуйсан «замечательный —почетный», Германосан (у албан) «почет крепости», Курсан (у хазар) «смелый — почетный». (Ср. у казахов Байсан, у башкир — Буйсан и др.).

Как видим, в ассирийских источниках в связи с военными походами ассирийских и урартских царей на территории Мидии и Манны упоминаются названия многочисленных областей, крепостей, поселений и имена их владетелей. Некоторые из них объясняются на почве иранских языков, но часть являются древнетюркскими. Происхождение некоторых топонимов и антропонимов остается не выясненным. Привлекает к себе внимание то, что в ряде топонимах бросаются в глаза различные повторяющиеся элементы-компоненты: айу (Айубак, Айусиаш), аш (Айусиаш, Ашдиаш, Кушнанаш, Сосиаш, Шанаштику), бат (Кимбат, Сагбат), кин (Кинаблида, Кинук, Гинхухт, Киндутауш, Куакинда), кннг (Кингибнр, Кингиштилеизах), киш (Кишкитара, Кишесу), кур/гур (Симгур, Никур), иш (Уплиш, Уиштили, Айишти), ишти (Иштираура, Иштааппа, Кингиштилеузах и др.), рик (Кимдакрика, Уашдирика), рур (Бабарур, Иштираура, Зузарур), уш (Ушкайа, Ушташай, Ушкаккан) и др.

Для некоторых личных имен характерен элемент *аш*, *иш* (Амамаш, Санаш, Зариш, Сираш и др.), *бак* (Арбак, Гарпаг, ср. еще Аспак — у скифов, от тюркск. ее «ум», «разум» и бак «глава племени, князь» со значением «умный глава племени»), *киш* (Кишта), кур (Энгур, Сандакур), *тар*(и) (Каштаритай, Мамитаршу, Яутарши), *тай* (Каштаритай, Артай и др.), *сан* (Санаш, Занезан, Сандакур и др.), шат (Пиришат), ши (Маманши, Яутарши, Мамитарши, Арсианши и др.).

Этимологизирование этих ономастических единиц затруднительно. Но мы уверены в том, что все указанные компоненты относятся к алтайским языкам. Например, компонент аш в некоторых топонимах из Мидии и Манны в ассирийских источниках, вероятно, состоит из соединительного а, е и аффикса принадлежности с (5) в алтайских языках, как, например, тюркские этнонимы хакас, чуваш, телес, тургеш и др. Компонент рик в некоторых топонимах, может быть, является тюркским словом арик, арук «арык», «канал» или орек «сооружение». Компонент айу в топонимах можно возвести к тюркск. айа «беречь», «охранять» [62, I, 101]. Бросается в глаза одна особенность: идентичность некоторых компонентов (аш, иш, кур, гур, киш и др.) как в топонимах, так и антропонимах. Можно предположить, что это связано с тем, что в ассирийских сообщениях некоторые «страны»

названы по именам их правителей.

Интересно совпадение некоторых скифских, мидийских и албанских личных имен: Ата — в Мидии, Атей — у скифов; мидийское Асау — манейское Аза (от Асай) — албанский Асай; мидийское имя Зата — албанское Сато; скифское имя Мади — албанское Мате; мидийское Занезан — албанское Санесан; маннейское Иранзу — албанское Аран; маннейское Амека — сарматский Амаг; мидийское Амамаш — албанское Амам (древнеармянская передача hамам, с добавлением начального «h») и др.

Приведенные факты, свидетельствуют о возможности существования пратюркских лексических элементов в древних топонимах и собственных именах на территории Манны и Мидии, что в свою очередь предполагает обитание древнейших тюркских племен в указанном регионе. По-видимому, этим можно объяснить многочисленные пехлевийско-тюркские, хеттско-тюркские, шумерско-тюркские лексические параллели и ареальные изоглоссы (см. выше, с. 36).

Разумеется, ни в коем случае нельзя сплошь отрицать иранское происхождение многочисленных имен Манны и Мидии. Эти личные имена достаточно этимологизированы западноевропейскими и советскими учеными (И. М. Дьяконов, И. Г. Алиев, Э. А. Грантовский и др.). Однако эти же данные говорят о том, что по предполагаемому иранскому значению антропонимов нельзя сделать твердо категорический вывод об этническом состоянии региона, откуда известны эти личные имена.

Итак вышесказанное не оставляет никаких сомнении в том, что на территории Мидии и Манны уже в глубокой древности обитали тюркоязычные племена. Как видим, хурритоязычное, и эламоязычное, а потом ираноязычное население на территории Манны и Мидии не составляло большинства.

Нет смысла выделять на территории Иранского Азербайджана и прилегающих к нему областей специальную семью языков, к которой якобы относились касситский, каспийский, кутиискии, лулубейский, маннейский и другие языки. Не исключая возможности обитания там этнических общностей, говоривших на эламском и хурритских языках до появления ираноязычных племен, полагаем что к началу I тысячелетия до н. э. там обитали этнические общности алтайского происхождения. Следует допустить, что территория Манны и Албании вместе с юго-восточной Европой и далее на восток с древнейших времен входила в ареал распространения тюркских племен. Пратюркскими этническими общностями надо считать носителей этнонимов *матай* (*мадай*) и *мана* (*манга*).

Остаётся непонятным, почему персы, если они состояли в этническом и языковом родстве с мидянами, переняли, по ссобщению Страбона [XI, 3, 9;XI, 13, 11], от последних некоторые обычаи - «стрельбу из лука», «верховую езду» и, что интересно, «войлочную шапку», которую античный географ считает характерным элементом одежды мидийцев.

Как объяснить тот факт, что некоторые топонимы, которые упоминаются ассирийскими и урартскими источниками (Бари, Ушкая, Зивиа, Кундур, Кулар, Тарви и др.), сохранились до сих пор (Бари, Ускийа, Зибиа, Кундур, Кулорадаг, Тори) на территории Иранского Азербайджана, если там язык менялся два раза и тюркизация якобы произошла после XI—XII вв.? Почти невероятно, что местное население, ныне называемое «загро-эламским», «хурритским», «каспийским» и т. д., потеряв свой язык, иранизировалось, а затем после XI—XII вв. тюркизировалось, но указанные топонимы остались такими, какими были в I тыс. до н. э.

Скала у сел. Изоглу в Приевфратской области Мелита, в надписи урартского царя Сардура II, высеченной на ней, названа Кyераи Таш (Querai-Tase) (155, 115). *Куар* у хазар известен как бог (Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 30), а скала в тюркских языках — называется также таш. В ассирийском источнике упоминается гора Нихани (у) — ныне Нихандаг на правом берегу Тигра [155, 755]. В урартском источнике упомянут топоним Туа-
раци (*tuara si nilihubi*) «Туарацийская долина [155, 185}, в районе озера Ван, в «Армянской географии VII века» Туарацатап [4, 45} на Караязской равнине, который является фонетически производным от «Тавратапа» (см. выше). Все это и приведенные выше другие факты требуют нового осмысления.

§ 2. Скифы

Политическая ситуация в Передней Азии, связанная с киммерийцами, скифами и саками VII—VI вв. до н. э., подробно изложена в трудах ряда западно-европейских и советских ученых. Нас интересует этническая принадлежность, место и роль указанных этносов в этногенезе азербайджанцев.

О вторжении скифов из Северного Причерноморья в Мидию сообщает еще Геродот (V в. до н. э.), упоминая об этом в двух местах своего труда. «Орда мятежных скифов-кочевников переселилась в Мидийскую землю. Царем же мидян в то время был Киаксар, сын Фраорта (вернее Тараортай) внук Дейока. Царь сначала дружественно принял этих скифов, так как они пришли просить убежище, и даже отдал им своих сыновей в обучение искусству стрелять из лука» [Геродот, I, 73]. Мидийский царь Киаксар царствовал в 625— 584 годах до н. э. В другом месте Геродот пишет [I, ЮЗ], что когда Киаксар осадил Ниневию, «в пределы его царства вторглись огромные полчища скифов во главе с царем Мадисом, сыном Протофием». Киаксар осадил Ниневию в 612 г. Полагают, что было нескольких вторжений скифов из Северного Причерноморья в Переднюю Азию. Во всяком случае, данные Геродота о времени их вторжения нельзя считать точными и исчерпывающими. Дело в том, что в ассирийских источниках скифы упоминаются раньше, чем у Геродота, — в надписи ассирийского царя Асархаддона (680—669 гг. до н. э.), в Манне во главе с Ишпакаем [282, 65}. По И. М. Дьяконову, это сообщение относится к 673 г. до н. э. [283, 264], а поход скифов во главе с Мадием состоялся в 653 г. до н. э. [283, 285].

В ассирийских источниках VII века до н. э. скиты называются ашгузай (*asguzai*) и ишкузай (*iskuzai*). И. М. Дьяконов писал, что ашгузай и ишкузай было самоназванием, ибо ассирийцы не могли дать свое название новым племенам [283, 242}. В то же время Геродот писал, что скифы Северного Причерноморья имеют самоназвание сколот и что скифами их называют греки [Геродот, IV, 6}. И. М. Дьяконов верно считает, что греческое слово скиф (т. е. скит), восходит к ассирийскому *ашгузай*, *ишкузай*, но он ошибается, когда полагает, что начальное «а» и «и» в этнониме ашгузай, ишкузай добавлено в ассирийском языке, а буква «д» передана посредством буквы «з» (283, 243; см. также: 239, 78, 89).

Как видно, конечное «ай» в этом этнониме почему-то не учитывается исследователями. Нам кажется, что самоназванием этих скифов в Мидии было *искутай* или вернее *искудай*, а в ассирийском языке буква «д» оказалась заменена на «з», а «с» на «ш».

Нельзя согласиться с И. М. Дьяконовым и в том, что *ишкузай* есть фонетическая передача местного *скудата* (*skudata*) и что к этому этнониму восходит и этноним сколот в Северном Причерноморье [282, № 68; 288, 100, прим. б]. Мы считаем, что этноним сколот в Северном Причерноморье не имеет отношения к этнониму *искутай*, *искудай*, потому что, во-первых, он состоит от этнонима эскел (среди древних болгаров упомянут арабскими авторами, а в форме *ешкил*, *ишкил*, *ескил*—это наименование сохранилось у некоторых тюркских народов Средней Азии, см. ниже), соединительной фонемы «о» и суффикса множественности **т** (**t**) в древнетюркских языках; во-вторых, сколот было общим названием всего нескольких племен Северного Причерноморья, (см. ниже), а не всех этносов, названные античными авторами «скифами». Если мы согласимся с идентичностью ассирийских этнонимов *ишкузай*, *ашгузай* в Мидии и сколот древнегреческих источников в Северном Причерноморье, тогда в ассирийских источниках ашгузай и ишкузай должны были иметь форму *ашгулзай* или *ишкулзай*, но такие формы написания не известны. В этом случае и у античных авторов этноним скит и скут должен был иметь форму *скилт* и *скулт*.

Итак, вторгавшиеся в Мидию скифы, по всей вероятности, имели самоназвания искутай или искудай. Это говорит о том, что следует различать два значения этнонима скиф. В древневосточных, т. е. ассирийских источниках, искудай отмечен как конкретный этноним — название конкретной этнической общности, а в античных источниках этот же этноним в форме *скит* и *скут* имеет собирательное значение.

Существуют точки зрения, что часть скифов из Передней Азии затем ушла в Среднюю Азию и Сибирь, а часть — в Северное Причерноморье. «Скифы проживали в Передней и Малой Азии, видимо, до их появления в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе» [475, 17, 18]. А. М. Хазанову принадлежит мнение, что «окончательное оформление скифской культуры произошло под влиянием цивилизованных стран Передней Азии» 500, 225]. Это мнение мы считаем неверным. Чтобы разобраться в путанице, создавшейся по вине иранистов-скифологов, рассмотрим вкратце круг вопросов, связанных со скелетами Северного Причерноморья, Скифского царства в Мидии и этнической принадлежностью скифов-ишкузаев в Мидии по порядку.

Античные авторы назвали скифами племена, обитавшие в Северном Причерноморье, на Северном Кавказе и далее на восток (ср. сообщение Помпония Мела о том, что скифские народы живут и в Азии, и где царствует вечная зима и невыносимый холод, (кн. III, 5, 36). Еще Страбон писал, что «старинные греческие историки называли все северные народности общим именем скифов или кельто-скифов» (Страбон, XI, 6, 2).

Считая этноним *скит*, *скут* конкретным этнонимом, его объясняли на славянских, греческих, литовских, немецких, иракских языках (обзор мнений см.: 277, 210, прим. 148). Н. Я. Марр считал, что скиф означает человека, добывающего и обрабатывающего золото [376, 40], а место где добывали золото, — это Алтай [336, 197]. В. И. Абаев, писал, что этот этноним восходит к германскому слову 8ки1]а — «стрелок из лука», полагая, что название это было дано скифам их древними соседями-германцами, а от них усвоено древними греками и получило распространения в Малой Азии [109, 25]. Легко заметить, что эта гипотеза не убедительна. Во-первых, наименование (в данном случае *скит* или *скут*, данное германцами), не могло стать самоназванием для скифов Передней Азии, во-вторых, сомнительно, чтобы древние ассирийцы в VII в. до н. э. восприняли этот этноним ишкузай (искудай) от греков или германцев.

Геродот приводит три версии о происхождении скифов Северного Причерноморья. Одна из них (третья версия), которую поддерживает сам Геродот, говорит, что скифы пришли из Азии, с востока, перейдя реку Араке. Геродот [IV, 11 пишет: «Кочевые племена скифов обитали в Азии. Когда массагеты вытеснили их оттуда военной силой, скифы перешли реку Араке (некоторые исследователи этот Араке отождествляют с Волгой, которая у Птоломея и Аммиана Марцеллина упомянута как *Ra*, у Агафангела — *Ras* и сопоставляют с мордвинск. *Rawa* «река», т. е. считают его финно-угорским словом, см.: «Этимология — 1968»,с. 205) и прибыли в Киммерийскую землю». По М. И. Артамонову, это произошло не позднее IX в. до н. э. [153, 23]. Племена и народности Северного Причерноморыя и Северного Кавказа, названные античными авторами *скит*, *скут*, следует делить на три части: 1. Местные, автохтонные ираноязычные (предки современных осетин); 2. неизвестные по этнической принадлежности другие местные племена, а также кавказоязычное население указанной территории; 3. Пришлые с востока, из Азии древнетюркские племена. Третья версия Геродота о происхождении скифов Северного Причерноморья относится именно к древнетюркским племенам. Восточное происхождение части скифов подтверждается и археологическими данными. А. П. Смирнов, например, пишет, что «типичные скифские вещи в своих исходных чертах связаны с Азией» [460, 43}. Там же он отмечает: «Далее на восток на территории Казахстана, Средней Азии и Алтая обитали племена, составляющие многоплеменную этнокультурную общность. Именно эта среда являлась источником и прародиной скифов,

именно отсюда они пришли в Восточную Европу» [460, 88}. Как видим, автор сделает вполне определенный вывод: Казахстан, Средняя Азия, Алтай являются прародиной скифов.

Геродот, касаясь Северного Причерноморья, пишет, что скифы очень многочисленны, коренных среди них очень мало. Как видим, сам Геродот делил скифов на две части, местных, т. е. коренных, и пришлых. Именно, этих, пришлых из Азии следует, по нашему мнению, считать древними тюрками, а коренных или местных относить к ираноязычным и кавказоязычным племенам. Никакие ираноязычные скифы с Востока в Северное Причерноморье не приходили. Нельзя согласиться с мнением Б. Н. Гракова, что пришлые с востока скифы были иранскими племенами (см. об этом 236, 103). В. И. Абаев писал, что концепция согласно которой появление ираноязычного элемента на юге России нужно связывать с известным рассказом Геродота о вторжении скифов из Азии и относить к VIII в. до н. э., «теперь сильно пошатнулась [109, 121]; по его мнению, выявленные скифо-европейские изоглоссы могли возникнуть не позднее второй половины 11 тыс. до н. э. (там же, 122).

Так как в дальнейшем все античные авторы также пользовались для обозначения различных племен Северного Причерноморья и Кавказа собирательным термином «скиф», иранисты, считая всех скифов иранским племенем, помещали их от Карпат до Китая [109, 121], хотя такая постановка вопроса, на наш взгляд, не научна, ибо в античное время, как выше отмечено, слово «скиф» являлось собирательным наименованием различных по принадлежности племен Именно по вине иранистов образовалась путаница, и поэтому в исторической литературе по этому вопросу ныне существуют противоположные мнения. «Обширные степи Евразии, протянувшиеся от Карпатских гор до Алтая, были населены многими различными по этносу племенами и народами»; «к востоку от Урала следует помещать тюркомонголов»; «сами скифы в этническом отношении не представляли этнического единства [498, 216}. Этноним сака (иранисты саков и скифов считают идентичными этносами. — Г. Г.) в древних источниках применялся для обозначения различных племен и народов [78, XII, 467]; «...если под общими наименованиями скифов и сарматов скрывались также некоторые неиранские элементы, что возможно, то приходится согласиться, что для их этнической и языковой характеристики сделано пока недостаточно» [115, 272]. Как видим, многие авторы уверены в том, что скифы, саки и сарматы состояли из различных племен. И. Г. Алиев еще в 60-х годах отметил, что скифы и сарматы не были сплошь ираноязычными [130,101].

Но те же авторы говорят и другое, указывая, что племена, названные античными авторами собирательным этнонимом *скиф*, были исключительно ираноязычными. Приведем высказывания некоторых из них. Р. Фрай: «Иранские племена занимали огромное пространство не только в Южной России и на Северном Кавказе, но и в Сибири, на Алтае, в Восточном и Западном Туркестане» [498, 221]. Он же: «Огромная область, простирающаяся
от Алтая или даже от Китайской стены, до Трансильвании в Венгрии, обнаруживает черты определенного единства, причем выясняется, что иранские племена играли на этих территориях очень важную роль — по крайней мере в течение тысячелетия, предшествовавшего гуннскому нашествию первых веков новой эры» [498,222].

С одной стороны отмечают: «Связных текстов на языке сакских племен Средней Азии и скифо-сарматских племен Южной России **не имеется**» (выделено нами.—Г. Г.) [416, 13]. С другой стороны, скифов отождествляют с саками и помещают на огромной территории. Например, И. М. Оранский пишет о «сакских племенах, обитавших на протяжении почти двух тысячелетий (I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) на территории от берегов Черного
моря до границ Китая» (414, 90). Б. Г. Гафуров отмечал: «Область распространения иранских языков и племен в древности была намного обширнее, чем в средние века и в настоящее время. Она простиралась от Северного Причерноморья до Восточного Туркестана. В этих пределах находилась и территория, являвшаяся общей родиной иранских племен» [211, 13]. Другой автор писал: «В I тысячелетии до н. э. иранские племена и народы были распространены на значительной территории нашей страны— от границ Китая до Дуная и от лесостепной и степной зоны до южных границ» [239, 3}. Пишут еще, что: «Скифо – массагетская среда на всем протяжении **от Карпат до Алтая** (выделено нами.—Г. Г.) была в языковом отношении весьма однородной» [109, 121};«сакскими или скифскими языками (или диалектами) называют языки (диалекты) ираноязычных сакских и скифских племен, распространившихся к середине I тыс. до н. э. на огромной территории — от берегов Черного моря до границ Китая» [416, 12]. «Иранские наречия звучали в I в. н. э. на огромной территории, широкой полосой простирающейся от степей Восточной Европы до пустынь Китайского Туркестана [467, 138].

Таким образом, часто встречается вольное обращение с употреблением древних этнонимов, а именно используя такие выражения, как «скифо-сарматские», «скифо-сакские», «сармато-аланские», «массагеты-аланы», «саки-массагеты» и т. д., тем самым как бы ставят знак этнического равенства между ними. Этим создана путаница в вопросах, связанных с древними этносами, которая нашла себе место, к сожалению, и в обобщающих трудах и энциклопедиях. Отмечено, что скифы «этнически родственные племена» [77, 39, 228] (в данном случае имеется в виду их ираноязычность. — Г. Г.); что скифский язык составляли «родственные иранские наречия, представляющие собой самостоятельную северо-восточную ветвь иракских языков» [77, 39, 229], что упоминаемые античными авторами племена и народы под названием «скиф» родственны между собой [там же, 230] и т. д. Непонятно, как можно писать о единой социальной истории, культуре, идеологии, языке, и т. д. скифов, если совершенно ясно, что под этим собирательным наименованием древние авторы подразумевали различные по этнической принадлежности племена и

народы? Как можно писать о «скифах Сибири», «скифах Алтая» и даже «скифах Якутии», считая всех их ираноязычными? Удивительно, с какой легкостью пользуются такими расхожими названиями в вопросах этногенеза!.

Так, ираноязычные скифы помещены «в Восточной Европе, Западной и Центральной Азии, в Приуралье, на Среднем и Северном Урале» [475, 5]. Получается, что предки тюркских народов Западной Сибири (Омская, Тюменская, Томская, Новосибирская, Кемеровская и др. области) ненаучно называемые ныне общим названием «сибирские татары» были ираноязычными ! Но это же. мягко говоря, несерьезно! К. Ф. Смирнов располагает ираноязычные племена в степных районах Приуралья, а А. П. Смирнов башкирские памятники сравнивал с сармато-аланскими, названными им ираноязычными. По А. И Мартынову, скифо-сибирское культурное единство вытекает из общности индо-иранских языков [377, 10]. А. Д. Грач, с одной стороны, отмечает, что «древние племена Тувы — носители Алды-бельской и Саглынской культур — находились в орбите динамичных исторических процессов, охвативших Великийб пояс степей в скифское время и внесли свой весомый вклад в сложение общности культур скифского типа, простирающейся
от Монголии и Тувы до Северного Причерноморья и Придунавья» [244, 92], а с другой стороны, культуру скифского типа считает древнеиранской ! [244, 10]. Где здесь логика? По С. В. Киселеву, носители Тагарской культуры (700—100 гг. до н. э.) в Сибири в антропологическом отношении (с небольшой примесью монголоидных черт) близки к скифам Северного Причерноморья [321, 249—250], следовательно они не могли быть ираноязычными, но в другом месте он пишет, что кочевое хозяйство среди алтайских племен Южной Сибири возникло под влиянием «ираноязычных» саков-массагетов [321, 315, 317]. Непонятно, каким образом тип хозяйства у одного этноса может возникнуть под влиянием типа хозяйства соседнего этноса? Находя часть седла с гравированным изображением на Алтае, С. В. Киселев писал, что «в основе этих изображений лежит иранский прототип» [321, 498].

Из вышеприведенных данных видно, что среди самых иранисгов-скифологов нет ясности в вопросе об этнической принадлежности древних племен и народов, названных античными авторами собирательным наименованием скиф (скит, скут), восходящим к этнониму ашгузай, ишгузай (от искудай или искутай) ассирийских источников. В этом случае, по нашему мнению, вывод об ираноязычности всех «скифов» следует считать абсолютно бездоказательным. Теория ираноязычности всех скифов ввела в заблуждение также Р. Г. Кузеева. Он писал: «Следовательно, гипотеза о тюркоязычности населения Казахстана и Западной Сибири в эпоху до нашей эры не имеет серьезной фактологической основы» [344,393].

Иранисты считают скифов (в широком смысле) ираноязычными, оставляя без внимания сообщение Геродота о том, что скифы пользуются 7 переводчиками (!). По мнению иранистов, праноязычные племена и народы обитали там, где античные авторы помещали «скифов». Таким образом, роль и место тюркских племен среди «скифов» сводились практически к нулю. О наличии на этой огромной территории тюркских племен говорят лишь в связи с событиями первых веков н. э. Вот, например, одно из таких высказываний. «Проникновение на территорию Средней Азии и затем далее на запад тюркской речи связано с грандиозными передвижениями кочевых племен Северо-восточной и Центральной Азии, начавшимися около рубежа н. э. и продолжавшимися, то ослабевая, то вновь усиливаясь, на протяжении многих последующих веков» [416, 45—46]. Во что бы ни стало стараются доказать, что эфталиты Средней Азии, к которым восходят белые гунны — абдалы, являлись ираноязычными, появившимися в начале V века из Центральной Азии! [291, 343]. Но в то же время пишут, что на базе гунно-эфталистских племен в Приаралье возникают огузские племена [178, 379]; так происходят «чудеса»: из ираноязычных племен образуются тюркн-огузы! Если древние авторы их называют тюрками, то это считается
«бесспорно анахронизмом» [291, 344].

Р. Фраю принадлежит мнение, что в дотюркской период ираноязычные народы составляли основную часть населения Центральной Азии [498, 225]. Дело дошло до того, что недавно английский востоковед Джон Клаусон ухитрился написать, что древнетюркский рунический алфавит имеет иранские корни! (см.: 562[a], 51—76). Высказанное этим исследователем мнение было подхвачено и некоторыми советскими учеными. Так, С. Г. Кляшторный считает, что древнетюркский рунический алфавит возник от согдийского [322, 47}, а некоторые (А. Н. Кононов, Ф. Иоханнес, В. А. Лившиц и др.) считают, что этот алфавит создан на ираноязычном согдийском языке (критику этой концепции см. 101, 30—32).

По мнению С. Г. Кляшторного к началу I тысячелетия до н. э. Восточный Туркестан была областью индоевропейского (?? —Г. Г.) этногенеза, а в первой половине нашего тысячелетия эта область становится одним из центров тюркского этногенеза [322, 113]. Иными словами этот исследователь этногенез тюркских народов относит к I—VI вв. В. В. Бартольд первое упоминание тюрков вообще отнес к VI веку! [167, V, 576]. Л. С. Толстова писала, что тюрки проникли в Среднюю Азию во времена тюркского каганата [480, 7]. По Т. А. Жданко, «тюркизация Приаралья» произошла в IV—VIII вв. [300, 111]. А в наши дни Л. Н. Гумилев пишет, что в Западно-тюркском каганате тюрки составляли абсолютное меньшинство [255, 148]. Имеется даже мнение, что появление тюрков в Восточном и Западном Туркестане надо относить к X веку! [445, 346]. Думается, что это по меньшей мере
ненаучное отношение к истории тюркских народов Средней Азии и Казахстана. Отдельные ученые ищут факты в подтверждение того что древнетюркско-з эр (*ar*) «мужчина», «герой», и аш (*as*) «пища» перешли к древним тюркам из иранских языков. Например, по Д. Е. Еремееву [293, 131], тюрки заимствовали слова ар, эр из иранских языков V века н. э. Позволительно спросить у Д. Е. Еремеева, если тюркское слово *ар*, *эр* принято

тюрками лишь в V веке нашей эры, то как же быть с компонентом *ар* в древнетюркских этнонимах Северного Причерноморья и Северного Кавказа — *гаргар*, *дондар*, *булгар*, *савар*, *кангар* в первых веках нашей эры?

Колыбель древних тюрков — Алтай почему-то считается родиной скифов, т. е. ираноязычных племен, тогда как, по верному замечанию А. П. Смирнова, население Алтая не было известно Геродоту и вообще Геродот и другие античные авторы никогда не говорили о том, что описываемые ими племена говорили на одном и том же языке [460, 95]. Население Урала того времени тоже считают скифами, т. е. ираноязычными, хотя река Урал, русский Яик, названная Птолемеем (VI, 2, 5) *Yayig*, имеет древнетюркское значение (от тюркск. jajig) «растпростертый», «широкий» [568]. В. Н. Топоров [476] хочет заставить нас поверить, что мифология народов Сибири и Центральной Азии должна была испытывать иранское влияние, но почему-то нигде ни словом не упоминает о влиянии неираноязычных, в том числе тюркских, народов на иранскую мифологию, искусство и т. д. Конечно, все эти и подобные мнения бесконечно далеки от научного подхода и реальной действительности. Однако в результате возникло и существует много необъективных точек зрения относительно древней истории тюркских народов Средней Азии, Казахстана, Алтая и Сибири. Ни один тюркский народ у нас в Советском Союзе до сих пор не получил верного освещения своей древней истории из-за господства проиранских концепций. Это есть своего рода монополизм в исторической науке.

Известно, что археологическая культура древнего населения Средней Азии, Центральной Азии, Алтая, Сибири и Юго-Восточной Европы оказалась поразительно схожей. Наиболее характерным для этой области был так называемый «звериный стиль», на всей этой огромной территории находят вещи «скифского облика». «Звериный стиль», как известно, имеет различные сюжеты — в основном для него характерны сцены растерзания хищником копытных животных. Существуют разные версии о происхождении звериного стиля: тотемическая (А. Альфольди, Д. Картер, Э. Фаркаш, В. И. Абаев), магическая (К. Шефольд, И. В. Яиенко, Г. А. Федоров-Давыдов, А. М. Хазанов, А. И. Шкурко), мифическая (М. И. Ростовцев, В. И. Абаев, И. С. Брагинский, К. В. Тревер, С. П. Толстов, Г. А. Пугаченкова, С. И. Руденко, Б. А. Литвинский, В. Г. Луконин, Д. С. Раевский, Г. М. Бонгард-Левин, Э. А. Грантовский, Е. Е. Кузьмина, С. С. Бессонова, А. К. Акишев, Б. Н. Мазолевский и др.), социальная (В. В. Гольмстен, А. Д. Грач, Л. Дьюла и др.) [см. подровно: 345,4].

Некоторые исследователи считают этот стиль местным, другие заимствованным. Например, Е. Е. Кузьмина предполагает, что этот сюжет (сцена растерзания) заимствован скифами из Передней Азии, потому что он «запечатлен на вещах, выполненных в переднеазиатском, ахеменидском, греческом, бактрийском и варварском стилях» и следовательно от них перешел в Евразийские степи [345, 3]. Она прямо пишет, что например, население Алтая сцену растерзания «восприняло из Переднеазиатского источника» [345, 8]. А. М. Хазанову принадлежит мнение, что «оформление скифской культуры произошло под влиянием цивилизованных стран Передней Азии» [446, 225]. Б. В. Техов писал, что скифская культура распространилась из Передней и Малой Азии [4753, 17]. Нам это мнение представляется, однако, абсолютно неверным. Существует концепция, согласно которой первоначально скифская культура сложилась на территории от Монголии до Алтая и распространился позднее в Казахстане, Средней Азии и далее в Причерноморье и что эта культура на Енисее, на Алтае, Приаралье, в Туве известна раньше, чем в Северном Причерноморье [347, 4}. Вопрос о происхождении звериного стиля детально исследован еще М. И. Артамоновым [152, 25]. Он также допускает, что скифы принадлежали к разным расам и говорили на различных языках. Вместе с тем археологами отмечены и локальные различия в искусстве «звериного стиля», в частности, образ оленя был широко распространен в скифско-сибирском искусстве.

По нашему мнению, считать ираноязычным население огромной территории, лишь основываясь на сходных элементах культуры, — по меньшей мере необъективно. Если допустить, что истоки «звериного стиля» лежат в области религиозных и магических представлений, то отсюда еще вовсе нельзя заключить, что народы и племена, среди которых были распространены эти представления, говорили на одном или родственном языках. Еще Помпоний Мела (кн. II, 9) недвусмысленно писал, что «нравы и *культура* (выделено нами. — Г. Г.) скифских племен различны».

Скифская культура связана с «ранними кочевниками» [см.: 244, 5]. Напомним, что ранними кочевниками именуется население, оставившее памятники скифского времени (т. е. VIII—III вв. до н. э.), найденные в Южной Сибири и Казахстане [244, 5]. Если исходить из теории абсолютной ираноязычности скифов, то выходит, что эти кочевники были ираноязычными. Разве такое утверждение отражает объективную действительность? Ведь все археологи утверждают, что скифская культура охватывает Туву, Центральную Азию и вообще эта культура простирается от Монголии и Тувы до Северного Причерноморья и Придунавья [244, 92]. В действительности никакое ираноязычное население никогда не принимало никакого участия в складывании специфической скифской культуры. Эта культура принадлежит ранним кочевникам [см. 244, 5], говорившим, по нашему мнению, на языках, относящихся к алтайской семье языков. Рано или поздно эта истина откроет себе путь в науку, но все же обидно, что ложные концепции иранистов сумели затормозить научное осмысление данной проблемы и многие ученые оказались у нее в плену.

Таким образом, ряд исследователей ошибочно считает общность археологической культуры одновременно и этнической общностью, базируясь на сходстве археологических признаков, стараются отождествить их. При этом они не учитывают, что сходная археологическая культура могла иметь совершенно разные этнические общности, отличающиеся друг от друга и по этнической, и по языковой принадлежности. «Античные и китайские источники содержат много названий народов и племен, которые трудно связать с археологическими культурами, открытыми в последние годы благодаря работам советских экспедиций» [498,

215]. М. И. Артамонов писал, что «имеются положительные свидетельства о том, что в области распространения этой культуры обитали этнически различные племена» [150, 12]. Далее он же отмечает, что «повторение какого-либо одного или даже нескольких признаков отнюдь не доказывает ни единокультурности, ни этнического тождества или родства» [150, 12]. Приведем один пример. Известно, что кувшинное погребение, занимавшее по своей распространенности видное место среди погребальной обрядности в Кавказской Албании, примерно с IV века до н. э. до проникновения исламской религии, было широко распространено не только во всех зонах Азербайджана, но и на Кавказе — в Дагестане, Грузии и Армении.. Этот тип погребения в разные исторические периоды известен и в Передней Азии — в Месопотамии, Анатолии, Иране, а также в Италии, Греции и Испании [см. 502]. Если считать «звериный стиль» чуть ли не основным этническим признаком ираноязычности древних племен на огромной территории, то тогда мы вправе с таким же основанием полагать, что древнее население территорий, где известны кувшинные погребения, было однородно по своей этнической при-
надлежности, хотя мы знаем, что ничего подобного в действительности не имело места. Касаясь широкого ареала этого типа погребения, Дж. А. Халилов верно отметил: «Трудно найти определенные генетические связи этого распространения» [502, 85].Совершенно прав А. П. Новосельцев, когда он пишет, что «относительная общности материальной культуры не обязательно предполагает общность этническую. Он приводит и мнение И. М. Оранского: «Племена и народности, говорящие на самых различных языках, могут иметь совершенно идентичную культуру, и в то же время одноязычные и близкие по языку племена нередко различаются по своей материальной культуре» [по: 411, 13, сн. 7].

Таким образом, наличие в разных местах однотипных элементов материальной культуры и элементов погребальной обрядности свидетельствует лишь об определенном единообразии культуры религиозных верований, а не о генетическом единстве и языковой общности племен, расселившихся на огромном пространстве. Объясняется это тем, что в результате процессов ассимиляции и консолидации племена подвергаются языковой ассимиляции, но элементы материальной и духовной культуры долгое время остаются без изменений.

Подчеркнем, что скифов Причерноморья и далее к востоку считали сплошь ираноязычными еще потому, что часть личных имен и топонимов (В. И. Абаевым выявлено около 200 слов — основ).Причерноморья и Северного Кавказа действительно объясняются на почве иранских языков [115, 147—244}. Надо отметить, что и личные имена могут перейти от одной различной по этнической принадлежности общности к другой при длительном контакте. Поэтому, привлекая языковую принадлежность личных имен для доказательства научных построений, следует учитывать, что языковая принадлежность личных имен определенной этнической общности в пестром этническом регионе не всегда может служить критерием для определения этнической принадлежности тсй общности, к которой относились носители этих имен. Ибо, когда идет процесс ассимиляции, личные имена представителей ассимилируемого племени могут быть легко отнесены к личным именам ассимилирующего племени. Например, некоторые личные имена представителей каспиев, относящиеся к V веку до н. э. (см. ниже, с. 347), являются ираноязычными, хотя асми каспии ираноязычными не были. Это говорит о том, чточасть каспнев находилась под влиянием ираноязычного населения и была на стадии ассимиляции. Такая же ситуация вполне могла сложиться и среди рассматриваемых племен и народов — «скифов» античных авторов. К тому же вспомним, что этноним *ским* (*скиф*) и сколот, а также часть скифских личных имен и топонимов этого же региона на почве иранских языков не объясняются. И. Г. Алиев еще в 60-х годах отметил, что Вс. Миллер собрал 425 скифо-сарматских имен и из них лишь 167 были иранскими, а 258 не иранскими. Л. Згуста из 613 скифских имен иранскими считал всего 286 [130, 102]. Однако некоторые исследователи категорически объявляют, что отсутствие на сегодня иранского объяснения тех или иных имен еще не говорит об их неиранской принадлежности. Вопрос о возможном тюркском происхождении части антропонимов и слов, упоминаемых в античных источниках о скифах, почему-то исследователями вообще не рассматривался.

Несомненно, среди населения Северного Причерноморья и Северного Кавказа были и ираноязычные племена, в частности, предки современных осетин — аланы, упомянутые, впервые у Страбона (VII, 2, 4) и Птолемея (III, V, 7), которых античные авторы также называли скифами. Иосиф Флавий (О войне иудейской. VII, 7, 4) отмечает, что «племя аланов есть часть скифов». Верно, что Северное Причерноморье было родиной ираноязычных племен (частью, как полагает О. Н. Трубачев, — индоарийцев) — это так называемая «Старая Скифия» — Геродота. В. Миллер и В. И. Абаев нашли продолжение скифского (в значении иранского) языка в современной осетинском языке и определили его преемственность. В. И. Абаев по языковым данным установил древность расселения ираноязычных племен, названных античными авторами «скифами», в Северном Причерноморье начиная со второй половины II тысячелетия до н. э. [109]. Иранские имена оставлены этим местным ираноязычным этносом. Именно автохтонными ираноязычными племенами, возможно, оставлена и срубная культура. Эти ираноязычные скифы — предки современных аланов и осетин — обитали, по-видимому, в каком-то древнем периоде на территории, где отложилось слово дану «река» в древнейших наименованиях — Дон, Днепр,
Днестр и Дунай. Большинство советских археологов придерживаются мнения, что в юго-восточной Европе распространилась единая скифская культура, состоявшаяся из собственной скифской (по нашему мнению, тюркской) и местной [152, 23]. Однако иранисты на основе имен, этимологизируемых в основном на почве осетинского языка [109, 115], восстановили так называемый «скифский язык» и этот язык бездоказательно

объявили языком древних племен, населявших пространство от Карпат до Монголии, хотя древние осетины не имели самоназвания *сколот, сак* или *сармат*, и поэтому этот «скифский язык» является лишь языком древних предков осетин.

Соответственно этому вывод, сделанный В. И. Абаевым, что все народы, названные античными авторами «скиф», имели самоназвание «арий» (к которому восходит этноним алан — название предков осетин), верен лишь частично, т. е. он верен только для ираноязычных скифов Северного Причерноморья. Отсюда следует, что для того, чтобы внести ясность в проблему скифов, надо различать, какие сведения Геродота и позднеантичных авторов относятся к скифам-иранцам, а какие к пришельцам с востока, т. е. тюркам-скифам.

Итак, если согласиться с мнением иранистов, то выходит, что в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе обитали одни только ираноязычные племена, а поскольку античные авторы их называли общим собирательным именем «скиф», то следова-
тельно, ираноязычными были и все народы и племена Сибири, Алтая, Средней Азии и Казахстана.

Известно, что предки мадьяр — манси и ханты обитали где-то к востоку от среднего течения Волги, между Средним Уралом и верхним течением р. Камы. Если следовать логике иранистов, их также следует считать «ираноязычными скифами». Как же объяснить тот факт, что из «азиатской части евразийского степного пояса» [366, 194}, которую иранисты включают в места обитания ираноязычных племен, во II веке до н. э. на территорию Северной Бактрии пришли кочевники, известные в истории под наименованием кушан, которые являлись тюркоязычными. Армянский историк V века Егише прямо писал: «страна hонов, которых называют кушанами». Чтобы считать кушанов ираноязычными, некоторые исследователи (недавно это повторил В. К. Голден) тюркский титул «*йабгу* — «титул верховного правителя у западных тюрок», «правитель», «вождь» [46, 22], нашедший отражение на монетах кушанских царей в форме *йавиг*, считают иранским словом [498, 275], оставляя без внимания тот факт, что ат-Табари царя кушанов называет хаканом тюрков. Поэтому верным является мнение Дж. Клаусона [562, 15] о том, что йабгу — слово алтайского происхождения.

Как видим, концепция ираноязычности всего населения указанной огромной территории не научна. Ираноязычные племена не обитали от берегов Черноморья до Китая, даже в самом Северном Причерноморье они обитали чересполосно с тюркскими племенами, а в разные исторические эпохи области расселения ираноязычных племен претерпевали существенные изменения. Объявление всех народов и племен, населявших эту огромную территорию, в языковом отношении единым — ираноязычным привело к тому, что сплошь ираноязычными оказались саки, сарматы, массагеты, сираки, аорсы, дондары и другие народы и племена; начали даже искать «диалекты скифского языка». Исходя из существующих концепций, Э. А. Грантовский среди тюркоязычных саков ищет индоиранские касты [240]. Ираноязычным оказалось и население Алтая и даже, как это ни странно, Южной Сибири. Например, М. И. Ростовцев писал, что «звериный стиль» зародился в горах Алтая и в «результате передвижения скифов проник в Южную Россию»; в Южной же России эти алтайцы—«скифы» считаются ираноязычными.

Некоторые археологи принимают описанную выше схему иранистов, а иранисты в свою очередь, основываются на результатах, добытых этими археологами: как только они где бы то ни было находят вещи «скифского облика», их тут же объявляют ираноязычными, несмотря на то, что Д. С. Раевский писал, что отсутствуют единые принципы согласования лингвистических и археологических данных [444, 9], а Б. А. Рыбаков подверг критике разработанную советскими археологами [446, 12} схему привязки археологических культур к племенам, перечисленным Геродотом.

Как отмечено выше, концепция ираноязычности всех народов и племен на указанной территории, исходя из вещей «скифского облика», мешает разработке этногенеза ряда тюркских народов Южной Сибири, Алтая, Средней Азии, Казахстана, Поволжья, а также Азербайджана. Известный этнограф Л. И. Лавров писал: «Надежным этническим признаком в археологии нельзя считать обряд погребения. Во-первых, переход одного обряда погребения к другому имеет место не только при изменении этнического состава населения, но и при смене устаревших верований новыми. Вспомним хотя бы исчезновение в недавнем прошлом у балкарцев открытых погребений в наземных склепах: во-вторых, доступные наблюдателю факты убеждают, что обряд погребения, подобно другим элементам культуры и быта, часто заимствовался у соседей. Достаточно сослаться на характерные для средневе\ковых адыгов погребения в комодах, которые находят за пределами Адыгеи. В-третьих, известно, много примеров сосуществования у одного и того же народа разных обрядов погребения»[349, 66}. Все это объясняется тем, что «в отличие от христианства, ислама и других мировых религий классового общества, примитивные народные верования не знали строгих догм, не допускающих отклонения» [там же].

Реконструируемый «скифский язык» называют также «сакским», «сарматским», иногда «западно-сакским». И. М. Оранский писал: «Поэтому язык западно-сакских (скифских) племен, распространенных в древности в Северном Причерноморье, известный главным образом по именам собственным и племенным названиям, сохранившимся в греческой передаче, называют обычно скифским [417, 90}. Выдумывали еще «хотано-сакский язык», который считают «восточно-сакским»; называли этот мертвый язык так потому, что письменные памятники найдены в китайской провинции Хотане, сами же надписи являются переводом с санскрита и написаны на языке брахма. Этот язык близок к памирским языкам, а также афганским, осетинским и т. д. Несомненно, это язык какой-то ассимилированной ираноязычной народности, но неясно, причем здесь

этноним *сака*, если известно, что говорившие на этом хотано-сакском языке называли свой язык хотанским, а вовсе не «язык сака». Само собой разумеется, что если слово скиф в трудах античных авторов являлось собирательным названием для различных племен и народностей, то не могло быть конкретного ираноязычного «скифского языка» для этих племен и народностей.

Убежденными сторонниками ираноязычности племен и народов с собирательными этнонимами скиф, сак, сармат, массагет и др. были М. И. Ростовцев, А. И. Соболевский, В. Ф. Миллер. В наше время эту концепцию защищают В. И. Абаев, Э. А. Грантовский, О. Н. Трубачев, И. Г. Алиев и др. Скифов считают ираноязычными и почти все западно-европейские иранисты. Кстати надо отметить, что в советском востоковедении иногда можно подметить некое безоговорочное согласие с мнениями западно-европейских исследователей, если даже эти мнения явно далеки от объективности. В этом, в частности, по нашему мнению, заключается одна из причин несостоятельности концепций этногенеза тюркских народов Советского Союза, да и вообще деления народов на «древние» и «молодые», не имеющие никакого научного смысла. При этом тюркские народы оказались в списке «молодых». Думается, что исследователи, историки тюркских народов должны серьезно разобраться в этих антинаучных теориях и решительным образом восстановить истинную историю тюркских народов, раз и навсегда положив конец монополизму в освеще-
нии этого вопроса.

Сказанное выше приводит к выводу, что этноним скиф античных источников, употребляемый для обозначения различных народов и племен в древности (в Закавказье, например, скифами называли удинов, иберов, лазов, колхов и др.), не может и не должен привлекаться к этногенетическим исследованиям, тем более как аргумент для подкрепления теории ираноязычности этнических обшностей. Это неизбежно приводит к ошибочным выводам и построениям.

Теория ираноязычности скифов в русской историографии возникла и развивалась в XIX—XX вв. (В. А. Городцов, Ф. А. Браун, В. Ф. Миллер, А. И. Соболевский, М. И. Ростовцев и др.). Этой теории придерживается и ряд современных советских исследователей (Иессен А. А., Тереножкин А. И., Смирнов А. П., Нейхардт А. А., Абаев В. И., Э. А. Грантовский и др.). Путаница произошла от того, что, во-первых, вещи «скифского облика» находили на огромном пространстве, во-вторых, от того, что часть личных имен времен скифов Северного Кавказа и Причерноморья объясняли только на почве иранских языков, в-третьих, слово «скиф» античных авторов приняли за самоназвание всех племен и народностей, обитавших на огромной территории, считая их ираноязычными; в-четвертых, неверное, полагали, что существовал политический союз разноэтнических скифских племен
(А. И. Тереножкин, В. Г. Петренко, Б. Н. Граков, А. И. Мелюкова и др.). Отсюда следует другая ошибочная концепция — о том, что у всех эттх племён и народов существовала чуть ли не единая идеология, верования, мифология, эпос и т.д.Общность или родство в мифических и эпических сказаниях можно усмотреть для иранских племён Средней Азии и Ирана и возвести их к арийской общности, а следовательно и к ираноязычным скифам Северного Причерноморья, но эту общность и родство нельзя отнести ко всем племенам и народам, названным античными авторами «скифы».

Правда, были и есть исследователи, считающие, что среди скифов античных авторов были и тюркоязычные племена. Так, К. И. Петров писал: «Неправильно, по нашему мнению, положение об исключительной ираноязычности населения Средней Азии и Казахстана и отсутствии здесь тюркских племен до н. э.» [430, 124]. По нашему мнению, не случайным следует считать употребление этнонима скиф для обозначения тюркских племен в византийских источниках. Видимо, византийские авторы знали, что известные им тюркские племена до них также называли собирательным наименованием «скиф». Например, Феофилакт Симокатта [46, 374} пишет, что тюркский хакан Истеми в 568 году направил византийскому императору «скифское письмо». Однако некоторые исследователи не хотят признать, что это означало «тюркское письмо» и настаивают, что оно, это письмо, написано на иранском, согдийском, либо согди-манихейском языке [432, 89].

Почему нельзя согласиться с теорией об исключительной ираноязычности скифов?

Во-первых, многие этимологизированные на почве иранских языков этнонимы и слова, вполне могут быть этимологизированы и на почве тюркских языков. Кроме того, «значительный процент скифских собственных имен не удается все же объяснить из
иранского», так пишет крупнейший иранист В. И. Абаев [115, 317].Во-вторых, остается неясным, когда, при каких исторических ситуациях, в результате каких этногенетических и глоттогенетических процессов киммеры, скифы, сарматы, массагеты, саки, если они действительно были ираноязычными, исчезли на огромной территории от Карпат до Китая уже к началу нашей эры (исключая северокавказских аланов — осетин), а их место на той же территории в раннем средневековье заняли в основном тюркоязычные племена? Ведь античные авторы уже к началу нашей эры отмечают тюркские племена в Причерноморье и на Северном Кавказе: панксан (пачанак) — у Страбона; басил, оран, турк, кабар — у Плиния; савар, *сал*, хурс, гунн — у Птоломея и Дионисия Периегета.

С каждым годом накапливаются факты, свидетельствующие о том, что среди древних народов и племен, называвшихся античными авторами собирательным именем «скифы», были и тюркоязычные племена.

В связи с этим следует выяснить, можно ли допустить, что часть скифов (именно скифов-кочевников, пришедших с Востока в Северное Причерноморье) была тюркоязычной? О такой возможности говорит целый ряд факторов. Отмечалось, что «типичные скифские вещи в своих исходных чертах связаны с Азией» [460, 43].

Звериный стиль также связан с этими скифами. «Соединение в одних и тех же образах реализма, известной схематичности и орнаментальности зародилось в Южной Сибири и в дальнейшем получило несколько иное развитие на европейской почве, куда оно попало вместе с переселившимися племенами. Исходным явилось искусство племен Южной Сибири и Средней Азии, где прослеживаются основные черты, которые встречаются затем в скифском искусстве» [460, 43}. Н. Л. Членова [507, 80] писала: «Тагарская культура, распространенная в южной части Красноярского края (Минусинская котловина) в VII—III вв. до н. э., — это одна из культур «скифского круга». Для нее характерны типы оружия (кинжалы, акинаки, наконечники стрел), тонный убор и звериный стиль, обнаруживающие большое сходство с теми же категориями культуры скифов Причерноморья, Поволжья и Приуралья, саков Средней Азии и Казахстана [там же]. В этом случае, конечно, нет смысла говорить, что в зоне Красноярска обитали ираноязычные племена. Автор ясно отмечает, что «алтайский звериный стиль появляется в Минусинской котловине вместе с алтайским конским убором и некоторыми видами оружия» [507, 84]. Если верно мнение «о преемственности многих черт культуры древних тюрков от скифо-сибирских культур [233, 143], тогда какой может быть разговор об ираноязычности скифов Сибири?

В селе Зивийе, на территории Иранского Азербайджана, найден клад, датированный IX—VII вв. до н. э., в котором имеются предметы так называемого скифского стиля. Обращает на себя внимание то, что есть общие черты этих предметов с предметами из курганов Алтая и Причерноморья [450].

В. Г. Петренко писал: «в особенности дискуссионными остаются вопросы происхождения скифов и этническая принадлежность локальных вариантов Скифии, а также проблема скифской культуры Северного Причерноморья [426, 7]. Сегодня уже можно достаточно уверенно сказать: скифская культура «звериного стиля» Северного Причерноморья своими корнями связана с тюркоязычными племенами Сибири и Алтая, [см. 307, 356], где не могло быть ираноязычного населения. Но скифологи, бесконечно дискутируя о численности скифских племен и народов, их локализации, тем самым вносят еще больше путаницы в этот и без того крайне сложный вопрос.

Подведем итоги. Из античных источников ясно, что названных там скифов следует разделить на три части: 1) коренные — ираноязычные, которые, по М. И. Артамонову, ведут свое происхож томкам от срубной культуры II тыс. до н. э. [см.: 153]; к их потомкам относятся, несомненно, осетины; выявленные иранские личные имена и слова принадлежат им. 2) пришлые с востока в Северное Причерноморье из Азии древнетюркские племена, в
том числе и сколоты (Б. А. Рыбаков неправ, считая, что сколоты — это праславяне — см. 446, 226—227); и 3) племена и народы, отдаленные от Скифии территориально, обитавшие на востоке, названные античными авторами также собирательным названием «скиф», среди которых могли находиться, наряду с тюркоязычными, и ираноязычные племена Средней
Азии. Исходя из сказанного, очевидно, что бесполезно заниматься определением границ Скифии, чтобы определить границы распространения иранских племен [см.: 408, 83].

На основании сказанного выше можно также сделать выводу о том, что в юго-восточной Европе не существовало единой по этнической и языковой принадлежности племенной общности «скифы». Можно говорить лишь о ираноязычных и тюркоязычных «скифах». Именно тюркоязычными скифами был привнесен в Северное Причерноморье скифский «звериный стиль»; часть их вторглась в Переднюю Азию. О переселении части скифов Северного Причерноморья с Востока свидетельствует античный автор Диодор Сицилийский [II, 43]. Он пишет, что сначала скифы жили у реки Аракса (имеется ввиду Араке в Средней Азии.—Г. Г.)., а потом «они приобрели себе страну в горах до Кавказа», а
в низменностях прибережья Океана и Меотийского озера и прочие области до реки Танаиса (т. е. Дона. — Г. Г.). Когда именно происходило переселение скифов-тюрков с востока, пока не установлено: «Вопрос о появлении скифов в Северном Причерноморье и о времени их появления также дискуссионен, как и вопрос о том, что скрывается под термином «скифы» [408, 78].

Следовательно, по нашему мнению, тюркоязычными были пришлые скифы с Востока. Эти скифы, по А. А. Нейхардту [408, 80], раньше жили по соседству с населением Алтая. Исходя из этого, конечно же, эти пришлые скифы не могли быть ираноязычными. Отмечается, что собственно скифская археологическая культура в Причерноморье и на Северном Кавказе складывалась, как теперь достаточно надежно установлено не позже второй половины VII в. до н. э. [299, 17]. Отсюда можно прийти к заключению, что скифы-тюрки вторглись в Северное Причерноморье и оттуда в Переднюю Азию во всяком случае до VII в. до н. э. Позже за ними пришли и сколоты.

Не вдаваясь во все подробности «скифской проблемы», которую иранисты, как мы видели выше, удовлетворительно объяснить не могут, приведем некоторые факты в пользу тюркоязычности части скифов. Решение этого вопроса имеет принципиальное значение, ибо носители этнонима ашгузай (ишкузай) являются, по нашему мнению, одним из этнических компонентов, принимавших участие в этногенезе азербайджанцев. Следует отметить, что античные авторы зафиксировали многочисленные этнонимы, антропонимы и отдельные слова племенных общностей, названных ими «скифов», но с греческими и латинскими фоне-
тическими особенностями. Надо учесть также, что многие иноязычные слова к тому же впоследствии могли быть искажены переписчиками античных трудов. Например, известно, что «История» Геродота дошла до нас в рукописях XII века.

Геродот (IV, 22) пишет, что на востоке за тиссагетами обитают люди по имени «йирк». Существуют различные мнения в вопросе о локализации этих йирков (см.: 277, 246, прим. 228). Исследователи помещают

йирков за Волгой, в Приуралье [408, 138]. Сам Геродот пишет : «выше савроматов и будинов живут йирки». Савроматы античных авторов жили в Северном Причерноморье. Поэтому локализовать йирков следует также в соседстве с этими савроматами-сарматами.

Насколько известно, впервые П. И. Шафарик отождествлял йирков Геродота с этнонимом *тюрк* [приводится по: 344, 365]. Позже еще Е. Ейхвалд, И. Потоцкий, А. Германн и другие йирков считали тюрками [277, 247]. С. Е. Малов отметил, что тюрки «еще до V в. до н. э. жили большей частью там, где они живут» [369, 24}. 3. И. Ямпольский: предполагал, что этноним *йирк* у Геродота является более поздней опиской от этнонима *тирк*, т. е. *тюрк* [535]. Весьма возможно, что эти тирки являлись предками торков русских источников, упоминаемых в связи с событиями 985 года на левом берегу Волги [393]. Таким образом, этноним **тюрк**, если это мнение верно, впервые известен с V в. до н. э. и его носители уже в то время обитали среди скифов Северного Причерноморья. Однако, по нашему мнению, можно также допустить, что этноним йирк отражает древнетюркский этноним *ирк*. В. В. Радлов в XIX веке на Алтае отметил тюркское племя иркин [442, 596], от ирк, соединительной фонемы «и» и аффикса н. Собственно алтайцы состоят из племен иркит (от *ирк*, соединительной фонемы **и** и аффикса **т**), койбал, кергил и тумат [там же, см. также: 441, 33]. Вероятно, этноним ирк отразился и в топониме Иркутск.

Геродот (V, 100) среди скифов отмечает племя агафирс (латинск. *agathirs*). Считается, что это племя жило в верховьях р. Прута, вплоть до среднего течения Днестра [333, 183}, во
всяком случае по соседству со скифами Северного Причерноморья. Это видно по тому, что когда Дарий I вторгся в Скифию в 513 г. до н.э., скифы обратились за помощью к «любящим золото» агафирсам (Геродот, IV, 103—108). По свидетельству Геродота (IV, 119), агафирсы имели свое царство («царь агафирсов»). Они занимали господствующее положение среди племен юго-восточной Европы задолго до Геродота [333, 186]. Из античных источников известно, что агафирсы родственны с саками и савроматами. Скимна Хиосский [I в. до н. э.), касаясь пришлых скифов в юго-восточной Европе, пишет: «Некоторые из них пришли-де в Азию и поселились там: их-то и называют саками. Самыми славными из них он (т. е. Ефор, античный автор. — Г. Г.) называет племя савроматов, гелонов и третье, так называемое племя агафирсов» (Скимна Хиосский, Землеописание, 860).

О. И. Трубачев этимологизировал этноним агафирс как «жаждущие яркого металла», «жадные до золота» на основе индоарийского и дакского языков [486, 156], видимо, исходя из сообщения Геродота о том, что агафирсы «очень любят носить золотые украшения». При этом О. Н. Трубачев не отвечает на вопрос, каким образом самоназвание племени могло образоваться от слов различных (в данном случае индоарийских и дакских) языков? В дальнейшем это племя упоминается авторами I—IV вв. н. э. — Плинием, Помпонием Мела, Клавдием Птолемеем, Юлием Солиным и Аммианом Марцеллином. Птоломей помещает агафирсов в Европейской Сарматии, выше тюркоязычных саваров (суваров) (III, V, 10). Мы выше отмечали, что, по сообщениям античных авторов, агафирсы родственны савроматам, а этноним савромат, по мнению некоторых исследователей, образовался от тюркского этнонима савар и компонента «мат». Ясно, что буква «с» в этнониме агафирс является обычным греческим добавлением, а звук «ф» передает изначальное «т».

Следовательно, исконно этот этноним имел форму *агатир*, что является фонетически производным от тюркского этнонима *агачер* [302, 25]. Название тюркского племени агачер состоит из тюркского агат, агач, «дерево», «лес» и эр «люди, мужчины» (следует отметить, что этноним акацир со значением «лесные люди» верно объяснен и И. Марквартом). Существуют еще другие (например, ак хазар и др.), неубедительные этимологии [см.:271, 33]. Этот этноним в раннем средневековье известен в степях Восточной Европы и на Северном Кавказе [151]. Позже его в форме акацир (греч. «ц» ~ тюркс, «ч») упоминает Приск Панийский в 442 году (кн. V, гл. 37), когда он был послом Византии у гуннского вождя Атилы. Он называет акациров «скифским народом», также как и Геродот в V веке до н. э. Носители этого имени в то же время жили в низовьях Дона и на восточного побережье Азовского моря вплоть до Кубани (Приск Панийский, кн. IV, гл. 37) и в середине V века были покорены тюркскими племенами сарагурами, т. е. сарыогузами Северного Кавказа. Этот вопрос подробно рассмотрен в монографии Ю. Джафарова [271].

Не исключено, что часть агачеров проникла в Албанию еще в раннем средневековье, отдельно или же среди других племен Северного Кавказа. М. М. Дьяконов писал, что в V веке племена, входившие в гуннский племенной союз — сарагуры и акациры,— вторглись в Закавказье [290, 276]. Этноним агаджери отразился в оронимии Азербайджана. Название горы Агаджеридаг, — от этнонима агаджери и азерб. даг «гора» сохранился на территории Таузского района в Западном Азербайджане. Топонимы Агаджери есть и на территории Иранского Азербайджана [452, 149].

Геродот пишет (IV, 13), что среди скифов выше исседонов (их помещают на восток от Каспия, различные мнения об их локализации см.: 347, 82—83; некоторые исследователи — Д. Р. Болтон, И. В. Пьянков, С. П. Толстов, К. Ф. Смирнов,Ю. С. Гаглойти и др. — считают их ираноязычными, 277, 254; но еще И. Потоцкий писал, что исседоны — это тюрки-уйгуры -см.: 277, 254) есть племя аримаспи. Он пишет, что этноним *аримаспи* впервые упомянут древнегреческим поэтом Аристеем где-то не позднее VII в. до н. э. Об одноглазых аримаспах писал еще жизщий в 525—456 годы до н. э. Эсхил (Эсхил, Прикованный Прометей, 805). Позже Плиний (VII, 9), считая аримаспов одним из племен скифов, писал: «Аримаспи, отличающиеся одним глазом по середине лба». Исследователи локализуют их в пределах от Уральских гор до Алтая, а также в Восточном Казахстане [408, 142]. Однако это предположение неточно. Определению места обитания этого племени помогает нам сообщение Помпония Мелы (кн. II, гл. I) о том, что в соседстве исседонов,

проживающих до самой Меотиты (Азова. — Г. Г.), живут скифы, «а из скифов аримаспи, у которых, говорят, только по одному глазу». У Аннея Лукиана (I в. н. э.) есть сообщение: «Аримасп, подвязывающий волосы золотыми повязками» (Анней Лукиан, III, 266—283). В источнике (см. ВДИ, 1949, № 3, с. 332), отмечено, что аримаспи — племя в Понте. А Понт античных авторов, как известно, это — Причерноморье.

Этническая принадлежность аримаспов до сих пор не определена, хотя для иранистов они, как и все скифы, — только ираноязычные. Но аримаспы, несомненно, были тюрками. Плиний (IV, 82) аримаспов перечисляет рядом с будинами и басилидами (т. е. тюрками-басилами). (Часть аримаспов обитала в Средней Азии — Плиний, VI, 50; Квинт Курций Руф, VII, 3). Геродот сообщает, что племя аримаспов у скифов (т. е. на скифском языке. — Г. Г.) означает, по сообщению самих скифов, «одноглазые люди», ибо слово *арима* у скифов значит «единица», а *спи* — «глаз» (Геродот, IV, 27). Ясно, что одноглазых людей не бывает. Этому не верил сам Геродот: «Но я не верю и в то, что как люди родятся одноглазыми, будучи в прочих отношениях схожи с остальными людьми» (Геродот, III, 116).

Мы придерживаемся мнения, что наименование *аримаспи* образовалось от тюркских слов *йарим* и *спу*. Как заметил М. З. Закиев, под этнонимом аримаспи подразумеваются люди с наполовину закрытым глазом. Этноним аримаспи образовалось от тюркского *йарым* «половина» и сепи «чуть-чуть открытый глаз» [302, 77]. Таким образом, носители этнонима аримаспи, видимо, были монголоидами и этот этноним фонетически происходит от тюркского *йарымсепи* «полуслепой, полуоткрытый глаз». Следует отметить, что, по мнению тюркологов (Н. К. Дмитриев, А. М. Щербак и др.), «j» в начале слов, а следовательно и в слове «йарым», является протетическим и появление его характерно для огузских языков. Они полагают, что «j» в начале слов вообще не является первоначальным. Поэтому слово «*йарым*» «полу», «половина» в древности имело форму «арим».

Ряд исследователей (К. Мюлленхофф, М. Фасмер, И. Маркварт, В. Х. Рошер, Х. Х. Шедер и др.) считали аримаспов ираноязычными [277, 256, прим. 249]. Однако существует и другое мнение. В. Томашек аримаспоз считал предками гуннов и тюрков, а Е. Д. Филипс — тюрками [277, 256].

По нашему мнению, слово спи (сепи) отразилось и в этнониме *траспи*. Обычно этот этноним связывают с рекой Тирас (Днепр) древних авторов. Однако, по нашему мнению, этот этноним следует разделить на тюркск. слова тар «узкий» и сепи «глаз» (см. ниже).

Важной является здесь еще одна деталь. Информаторами Геродота об аримаспах были исседоны, иными словами, этноним «аримаспн» является наименованием, данным исседонами соседнему племени, само название которого неизвестно, и, следовательно, слова «арим» и «сепи» относятся к языку йсседонов, т. е. передатчики этнонима аримаспи, иными словами информанты, говорили на том языке, на почве которого объяснялось это наименование.

Отсюда можно прийти к выводу, что исседоны были тюрками. Геродот (IV, 26) пишет об обычаях йсседонов, упоминая, что когда у них человек становится старым, все родственники, собравшись вместе, приносят его в жертву и вместе с ним также мелкий рогатый скот, сварив мясо, они устраивают пир». Примечательно, что С. И. Руденко [449, 282] этот обычай описал у тюркских народов Горного Алтая. По структуре этноним *исседон* можно сравнить с тюркским этнонимом *карадон*, с компонентом дон «одежда» в конце. Можно полагать также, что первый компонент этнонима *исседон* (с удовением «с» в греческом языке) является греческой передачей тюркского *ич* (античный автор из-за отсутствия «ч» в древнегреческом языке «*ич*» мог передать его как «*ис*») «подкладка», «внутренний мех» (в шубе), «изнанка». В этом случае *исседон* (от тюркск. *ичидон*) означало «имеющие одежды с внутренним мехом».

Геродот (IV, 110) пишет, что скифы называют амазонок *эорпата*, что по-эллински означает «мужеубийцы»: *эор* значит «муж», а *пата* «убивать». В. П. Абаев [115, 309] это слово связывает с авестийским вирт(а) — *vir*(*d*) — «мужчина» и, считая его искажением, восстановил форму *вирамарта* — «мужеубийцы». Мы, однако, не согласны с этой этимологией. Это слово, переданное на древнегреческом языке, возможно, является фонетическим образованием от тюркского эр «муж» и вата «бьет», «убивает» в тюркских языках (см. 280) и имеет значение, как писал Геродот, «мужеубийцы».

Геродот писал о скифах-тиссагетах (вероятно, *тисгет* или *тисгут*); ряд исследователей их помещает за Доном [см. 277, 227]. Это племя считали тюркским Е. Эйхвальд, А. Хансен и др. [там же].

Древнетюркскими являются и некоторые скифские слова. Гиппократ отмечает, что скифы называют жир вутир, «Это похоже на то, что скифы делают из кобыльего молока: влив молоко в деревянные сосуды, они встряхивают их; взбалтываемое молоко пенится и разделяется, причем жир, который они называют бутиром, по своей легкости отделяется и поднимается вверх, а тяжелая и плотная часть оседает вниз: ее отделяют и сушат. Когда она сгустится и высохнет, его называют иппакою». [Гиппократ, О болезнях, кн. 4, 20]. Слово вутир состоит из неизвестного компонента ву (ср. тюркск. *uva* название кушанья), [62, 619] и древнетюркского *тури* (*turi*) «молоко».

Гиппократ отмечает, что скифы «едят вареное мясо, пьют кобылье молоко и едят иппаку (это сыр из кобыльего молока)». (Гесихий Александрийский: «иппака — скифское кушанье из кобыльего молока»). Слово иппак также созвучно с тюркским *яппяк* «хлеб», (оно отмечено у Махмуда Кашгари —*apbak*, ср. азерб. *япбяк* — «хлеб», «кушанье»). В древнетюркских языках слово ипи (*ipi*) означало «хлеб», «кушанье».

Геродот сообщает, что в стране на восток от скифов, где обитают народы аргиппеи «как мужчины, так и женщины, лысые от рождения, плосконосые и с широкими подбородками. Говорят они на особом языке, одеваются по-скифски, а питаются древесными плодами. Имя дерева, плоды которого они употребляют в

пищу, понтик. Величиной это дерево почти что со смоковницу, плод его похож на бобовый, но с косточной внутри. Спелый плод выжимают через ткань, а из него вытекает черный сок под названием асхи. Сок этот они лижут и пьют, смешивая с молоком. Из гущи асхи они приготовляют в пищу лепешки» (Геродот, IV, 23).

В примечании 24 к этому сообщению [15, 519—520] отмечено, что аргиппеи жили на север от Сырдарьи, в Средней Азии. Из этого сообщения ясно, что эти «плосконосые» и «с широкими подбородками» люди были монголоидами и поэтому ираноязычными не могли быть, вопреки мнению многих иранистов о том, что в I тыс. до н. э. в Средней Азии жили одни только ираноязычные племена. К этому рассказу примыкает и сообщение Исидора Харакского (Этимология, IX, II, 65) о том, что «в Скифии есть люди, у которых нет носа, а все лицо ровное, кроме рта и глаз».

Зафиксированное Геродотом название дерева, плоды которого у скифов назывались «понтик», образовалось от тюркского *бун* «суп», «похлебка» и суффикса -**дук** (вариант -**лук**), окончания со значением обладания, «предназначенный для чего-либо» — в тюркск. языках [302]. По Махмуду Кашкари, *бун* (*bün*) имеет также форму *мун* (*mun*), однако, по его сообщению, форма бун вместо мун характерна для языка суваров, кыпчаков и огузов. Известно, что слово бун («суп») в современных огузских языках (азербайджанский, турецкий, туркменский, гагаузский) не употребляется. Таким образом, слово бун «суп» было характерным для западной группы тюркских народов, к которым Махмуд Кашкари относил кыпчаков, огузов, печенегов, булгаров, суваров и др., тогда как для языков восточной группы тюркских языков было типично слово *мун* (*mun*) «суп». Следует отметить, что, по мнению тюркологов, исконным вариантом слова было *бун*, ибо носовой согласный не типичен для тюркского анлаута и поэтому «*б*» считается пратюркским, а «*м*» вторичным. Таким образом, понтик является древнегреческой передачей древнетюркского слова *бунлык* (*бундык*), что. означает «предназначенное для изготовления похлебки». Далее Геродот пишет, что черный сок, полученный из плода этого дерева, называется асхи.

Согласно общепринятому толкованию, асхи — слово тюркское, означающее «горький» или «кислый» [277, 251]. Ф. Г. Мищенко, В. Томашек и др. связывали это слово с тюркским *аш* (*as*) «еда» [там же].

Полагают, что слово асхи состоит из тюркского *аш* «пища» и суффикса -ка [302]. Это — предположение, однако, неубедительно. Слово асхи, по нашему мнению, является древнегреческой передачей тюркского *ацыгай*, *ежигей*, *ежегей* «вареный творог», «творог, изготовленный из закислого молока и кипяченный», «творог из кислого молока» [см. 62, I, 235]. Существуют различные мнения о дереве понтик [сводку мнений, см. 277, 250; прим. 234]. Ф. Брун писал [181, 86], что понтик — это дикая вишня, другие (А. Хансен, В. Колстер, В. Томашек, Е. Миннз и др.)— черемуха. С. И. Руденко [448, 126} отмечает, что у башкир мололи сушеную черемуху и употребляли в качестве начинки для пирогов. Есть сведения, что казахи, калмыки, башкиры едят протертую черемуху с молоком. Башкиры употребляют и оставшуюся после отжимания сока мякоть таркиса, как это описано у Геродота [277, 250]. По А. Б. Дитмару, понтик — это черешня, которую до сих пор башкиры и казахи высушивают и варят с молоком или же пьют ее сок. Казанские татары сок черешни называют *аша* [275, 86].

В качестве сравнения со словом *понтик* (от *бундык* или *бунлык*) можно привести древнетюркское ашлык (*aslik*) «зерно», «злаки», киргизское слово *биштик* «творог», «сыр», «брынза» —от корня *пиш*, *биш* «довариваться», «жариться» [54, IV, 1318, 1319, 1328, 1256, 1353] и суффикса -**тик** (дик), имевшего также вариант *бышлак*.

Гиппократ (460—377 гг. до н. э) пишет, что «сверх того между скифами встречаются множество евнухов; они занимаются женскими работами и говорят по-женски: называются такие мужчины «энареями» (Гиппократ. О воздухе, водах и местностях, 29). (см. также, Геродот, I, 105; IV; 68). По Гиппократу эта болезнь у мужчин связана с верховой ездой. По мнению Э. А. Грантовского, слово *энаре* восходит к *анаран* и образовалось от иранского *анар* (*ан-арья*) «не мужчина» (239, 303]. По-видимому, М. Закиев прав в том, что это слово состоит из тюркского *ана, ене, ена, ана* «мат», «почтенная женщина», и *эр* — «мужчина» с общим значением «женоподобный мужчина» [302, 27].

Как известно скифские топонимы и антропонимы этимологизированы В. Миллером, М. Фасмером, К. Згуста, В. И. Абаевым и другими иранистами на почве древнеиранских языков. Собственно говоря, этим внесено путаница в данный вопрос, исправление которой потребует усилий исследователей нескольких поколений, потому что слишком много надуманных мнений укоренилось в скифологии. В действительности, достоверной может считаться только часть этимологии названных ученых, в частности, те, которые в той или иной степени находят объяснение на почве осетинского языка. Исходя из бесспорного положения о том, что какая-то часть племен и народов древности, названная античными авторами «скиф», несомненно алтайского происхождения (а именно, — пришедшие с востока), мы считаем что, соответственно этому часть упоминаемых топонимов и антропонимов следует объяснить на почве тюркских языков.

Геродот отмечает [IV, 5], что реку Днепр скифы называют Борисфен. Наименование Борисфен в античных источниках иногда прилагалось к городу Ольвия. Если учесть, что буква «*ф*» в этом гидрониме является местным «*t*» (как и в этнониме *агафирс*), то в скифском языке это название должно было звучать как Бористен, состоящее из тюркского борыс «извилистый», «изменяющий направление» и тын «тихий», т. е. со значением «извилистая тихая (река)» [см. 302].

В античном источнике отмечено, что одна река в земле скифов-меланхлеев называется Метосорий (Скилак Карианидский, Азия, 79). Этот гидроним состоит из тюркского *мете* «глина», «ил», и сор «соленое

мелкое озеро, пойма, залив, заливной луг, низменное заболоченное пространство, которое весной заливается водой, небольшое озеро — старица» [402, 516].

По М. З. Закиеву, тюркским является и гидроним Меоти (древнее название Азовского моря), что означает «глина», «глинистый» и восходит к тюркскому слову мете «глина», «ил» [302, 27]. Существует, правда, и другое мнение, что Меоти восходит к адыгско-черкесскому ме «вон» и нате «болото», «тина», «лужа».Так или иначе гидроним Меоти означал болото, что подтверждается характеристикой, данной античным историком Мавром Сервием Гонoратом (IV в.): «Скифия, в которой есть Меотийское болото» (VI, 799). Тюркское название самой мелкой части Азовского моря — Сиваш является искажением от тюркского *сайбаш*, от тюркского *сай* «неглубокий», «мелкий» (о реке), «мелкое болото» [54, IV, I, 219] и *баш* «сторона».

Убедительнее на почве древнетюркских языков можно объяснить и ороним Кавказ, впервые упомянутый Эсхилом (526— 456 гг. до н. э.).

Следует отметить, что название этой горы у разных народов имело сходные фонетические формы: в среднеперсидском (III в. н. э.) — Капкох «гора Кап», в греческой версии надписи III века Каз ороус (Kaz orous) «гора Каз» (ср. ороним «Казлыг» в «Китаби Деде Коркут»). В древнеармянском и древнегрузинском языках этот ороним зафиксирован соответственно как Капкох, Кавказ (Моисей Каланкатуйский, кн. II, гл. 2) и Кавкас [3, 21];

Арабские географы IX—XIII вв. везде пишут Габк; в восточной литературе средних веков он имеет форму Гаф. В башкирской сказке «Алтындуки батыр» — Каф тауы, в узбекском варианте эпоса «Короглы» — «Куй Каф», в туркменских сказках — «Кай Кап» и т. д. Выдающийся азербайджанский государственный деятель и поэт Шах Исмаил Хатаи употреблял форму «Гаф» («Гуллее Гаф»).

Считаем, что он состоит из тюркского *капу* (г) «дверь», «проход» (ныне один из горных хребтов г. Бабадаг в сев. восточном Азербайджане называется Капыг) и этнонима кос с общим значением «проход касов». Действительно, как отмечено выше, древние каспии жили также в районе Дербента, который известен в древнейших источниках как «Каспийский проход» (см. выше, с. 190). По нашему мнению, к тюркскому слову капу (г), капыг восходят Габг арабских, Гаф—персидских источников. Не случайно, что в эпосе «Деде Коркут» эта гора названа Казлыг (от Каслыг), от этнонима кас и суффикса принадлежности -лык.Читателя не должно смущать объяснение, что Кавказ сначала был названием лишь части всего горного хребта, ибо топономические закономерности приводят к выводу о том, что макротопонимы (наименования крупных физико-географических объектов) образовались следующим образом: сначала получила название определенная часть этого объекта, а затем со временем это название распространялось на весь объект. Например, каспии жили на определенной части побережья Каспия, но затем по их наименованию было названо все море. Следовательно, и «Кавкасом» первоначально была названа часть Кавказского хребта в районе Дербента, а потом это название распространилось на весь массив. Тем более если учесть, что на Дербентском холме мощные укрепления связаны со слоями VIII—VII вв. до н. э. и бронзовые наконечники скифских стрел являются приметой, «характерной для ранне-средневекового периода» [см. 343]. Поэтому можно допустить, что название Кавказ возникло среди тюркоязычных каспиев и может быть объяснено на почве тюркских языков. Мавр Сервий Гонорат (IV в.) отмечает что Кавказ — «гора в Скифии» (Объяснения к Вергилию, VI, 367).

Таким образом, первоначально Кавказ не был названием всего горного массива, ныне называемого Кавказом, а наименованием лишь части нынешнего Кавказа. Античный автор Павел Юросий (I, 2, 36) прямо указывает, что Кавказ «носит много названий». Об этом писал и Помпоний Мела (I, 109): «Поднимающиеся отсюда горы тянутся длинным хребтом до соединения с Рифейскими; они одной стороной обращены к Эвксину, Меотиде и Танаису, другой —:к Каспийскому морю и называются Керавнскими, а в других местах — Таврскими, Мосхийскими, Амазонскими, Каспийскими, Кораксийскими и Кавказскими: как прилежат они к тем и другим народам, так и названы теми и другими именами».

Плиний (VI, 50) пишет, что скифы Кавказские горы называют Кроукас, т. е. «белые от снега». Это повторяет и Юлий Солин (XI, 9, 6), упоминая, что скифы зовут гору Кавказ Кроукасом, т. е. «белеющим от снега». Помпоний Мела (I, 2, 13) пишет это название как Коракс и отмечает его рядом с Кавказом. Плиний (VI, 26) пишет, что река Кир (т. е. Кура) берет начало в Гениохских горах (современная гора Кызыл-Гядик в Турции, если только Плиний имеет в виду истоки этой реки), которые другие называют Кораксийскими. Помпоний Мела (III, 5, 41) также сообщает, что река Камбис берет начало у подошвы Кораксийских гор. Коракс и Кроукас в этих сообщениях являются фонетически одним и тем же оронимом. Этот топоним состоит из тюркск. *кырау* «изморозь», «снег» и *кас* «скала».

Птолемеи (кн. ГП, гл. V, 6) пишет: «Река Аксиак также протекает через Сарматию выше Дакии до горы Карпата». Вероятно, в этом гидрониме выделяется тюркск. аксу «белая вода». Можно предположить также, что этот гидроним состоит из древнетюркск, *ак* «течь», «течение» и *суак* «ясное» (например, в башкирском языке *сыуак* «ясная»).

Плиний (VI, 49) отмечает, что скифы реку Яксарт (Сырдарья. — Г. Г.) называют Силис. Гай Юлий Солин прямо пишет (XL, IX, 5), что название реки Лаксат (искажение от Яксарт) на бактрийском языке (бактрийский язык был иранским языком.— Г. Г.), а скифы (в данном случае саки, —Г. Г.) его называют Силис. Отмеченные скифы, несомненно, тюрки. По мнению С. П. Толстова, упоминаемые античными авторами II века аугасии т. е. огузы обитали в древней дельте Сырдарьи [479, 50]. Этот гидроним восходит к древнетюркскому слову *силик* (*silig*) «чистый», «благородный» [51, 500]. Как полагают, к этому слову восходит компонент сир

(з1г) в гидрониме Сырдарья [322, 75]. В связи с этим надо отметить, что на иранских языках эта река называлась также Бехруд (Behrod) — от бех «благородный» и *руд* «река».

Тюркскими по происхождению являются и описываемые античными авторами некоторые обычаи скифов.

Геродот (IV, 71), говоря о бальзамировании трупов царей у скифов, пишет, что когда у скифов умирает царь, то там вырывают большую четырехугольную яму. Приготовив яму, тело поднимают на телегу, натирают воском, потом разрезают желудок покойного, затем очищают и наполняют толченым купырем, благовониями и селиками сельдерея и аниса. В примечании к этому сообщению Геродота (см. 15, с. 521, прим. 52) отмечено: «Этот способ бальзамирования засвидетельствован также у алтайцев». Этот обряд захоронения выявлен археологом С. И. Руденко на Алтае [449, 224; 333, 342]. Такие захоронения обнаружены в алтайских курганах скифского времени (там он нашел набальзамированные кости, остатки повозки и захороненных рядом умерщвленных слуг и наложниц).

Следует подчеркнуть, что Геродот этот обычай описал среди скифов Северного Причерноморья, а С. И. Руденко обнаружил на Алтае. Курган, где похоронен царь, аналогичный захоронению, которое описал у скифов Геродот, открыт М. П. Грязновым и в Туве [248,62].

Геродот (IV, 23) пишет, что у скифов аргиппеев каждый живет под деревом, зимой покрыв дерево плотным белым войлоком», а летом без войлока». Еще В. Томашек [КЕ, 1896, II, 60} писал, что это есть описание древнего жилища тюрков. Такие войлокн найдены в Пазарыкском кургане археологами на Алтае. Многие исследователи (К. Мюлленхофф, В. Томашек, М. Эберт, К. Киндеманн, Ф. Вестберг, Е. Д. Филипс и другие) считают, что аргиппеи — это тюрки, скорее всего предки башкир [277, 251, прим. 237].

Геродот пишет (IV, 61), что скифы поджигают кости жертвенных животных, когда варят жертвенное мясо. К. Нойманн считает, что это древнетюркский обычай [596, 259].

Там же Геродот сообщает о варке мяса в желудках животных. Этот способ описан у бурятов [596, 262] и якутов. Кстати. такой же способ варки мяса сохранился в быту азербайджанцев.

Античные авторы Помпей Трог (XI, 1, 1) и Стефан Византийский (36, I, 264) сообщают, что в скифском языке беглец называется парди (pardi). Нам кажется, что это слово в иноязычной передаче восходит к тюркскому *бар* архетип — *пар* — «ходить», «деваться куда-либо», «отправляться куда-либо», «уезжать» (54, IV, 2, 1145) и суффиксы -ты, -ды. В древнетюркских языках бар (bar) имело еще значение «бродить», «пропадать», «исчезать» [51, 83].

Интересным является и такой факт. На Алтае, в Туве и в Хакасии существует способ доения кобылиц с применением костяных трубочек [233, 143—144]. Этот элемент скотоводческого хозяйства среди скифов Северного Причерноморья описал еще Геродот [IV, 2], упоминавший, что скифы выдаивают кобылиц костяными трубочками. Этот способ доения засвидетельствован. также у якутов [488, 8].

Скимна Хиосский писал: «По ту сторону Пантикапа живет племя лимнэев (озерян) и многие другие племена, называемые вообще номадскими. Они весьма благочестивы, ни один из них никогда не нанесет обиды живому существу. Они возят с собою кибитки, как говорит Эфор, и питаются молоком и скифским доением кобылиц». Автор далее отмечает: «Некоторые из них пришли-де в Азию и поселились там: их-то и называют саками. Самыми славными из них он (т. е. Эфор.—Г. Г.) называет племя савроматов, гелонов и третье, так называемое племя агафирсов» (Скимна Хиосский. Землеописание, 860). Интересным является другой факт. Страбон писал: «Ведь среди скифов-кочевников есть какие-то племена, которые питаются кумысом и превосходят всех справедливостью». И в данном сообщении речь идет о тюркском обычае. Как известно, кумыс (напиток из кобыльего молока) был распространен в прошлом среди тюркских племен.

Плиний сообщает (VII, 17), что «чарующие взглядом женщины есть и в Скифии и называются битиями». Слово бити можно связать с древнетюркским вид — «лицо», «физиономия» [51, 103].

На почве древнетюркских языков этимологизируются и имена некоторых скифских богов. Геродот (IV, 59) отмечает, что у скифов есть богиня Апи — по гречески Гея, олицетворение земли. Вс. Миллер (Осетинские этюды, III, 132) писал, что имя бога Апи не иранское. М. Фасмер [608, 114} его связывает с иранским словом *anu* (*api*) «вода», но в то же время сомневается в предложенной этимологии, видимо, считая ее не вполне убедительной. Другие иранисты также это имя возводят к иранскому *an* (*ap*) «вода» [597, 254], несмотря на то, что в древнеиранских языках слово *anu* (*api*), нигде не засвидетельствовано. Между тем, имя богини Апи можно связать с древнетюркским словом *эби* (*abi*) от аба или ебе с закрытым гласным) прабабушка, мать, родительница, т. е. «прародительница» [62, I, 220—221]. В древнетюркских языках апа, аба означало не только «мать» [51, 644], но еще и «предок», «отец» [370]. Г. И. Рамстедт отмечал, что слово ибо в урало-алтайских языках означало «отец», «высокопоставленный (титул), достопочтенный» [445, 184]. По И. М. Мизиеву, Аппсат (от Апи и *сат* «святой») — богиня лесов, лесных зверей и охоты у балкар и карачаевцев [394, 46].

Геродот пишет, что скифский бог Папай (по гречески Зевс—«верховный бог», «отец богов и людей») — «первочеловек». Вс. Миллер [указан, раб. с. 132] считал, что имя Папай — не иранское. М. Фасмер [608, 118] лишь предположительно привлекал иранское слово *nana* (*papa*) «защитник» для объяснения данной этимологии. Однако в тюркских языках баба, поба означает «прадед», родоначальник» [62, II, 10—II].

По Геродоту, у скифов есть бог Гойтосир (у греков Аполлон). Вс. Миллер (III, 132) отмечал, что это не иранское слово. М. Фасмер [608, 116}, как и И. Маркварт [587, 90] и Х. Готе [581, 104} и др., объяснили его как «пес», «волкодав». О. И. Трубачев [487, 19, приводится по: 239, 54], взяв форму Ойтосир, предложил этимологию со значением «бог света» от древнеиндийского *эта* (*eta*) «сияющий» и *асура* (*asüra*) «добрый дух».

Однако М. З. Закиев предложил другую этимологию: от тюркского *кайа* «скала», *тас* «камень» и *эр* «мужчина», «герой» с общим значением «мужчина, (герой) как скалистый камень» [302]. По-нашему мнению, этот топоним состоит из тюркск. *гöй* (от *гöк*) «небо» и *тесир*//*тешир* («пробивает насквозь») с общим значением «то (свет, луч) , что пробивает небо». Это соответствует и значению греческого слова Аполлон — «божество Солнца», «свет», «лучи».

Геродот (IV, 59) пишет, что у скифов бог Аргимпас идентичен греческой богине Афродите-Урании (богине плодородия). Имя этого бога можно возводить к тюркскому *иркин* (*irkin*) «дождь, идущий подряд в течение нескольких дней» [51, 212] и *баш* «глава». Предложенная нами этимология согласуется в с семантикой; вода (дождь) имеет непосредственное отношение к плодородию. Поэтому имя этого бога можно объяснить как «глава дождя (плодородия)», в связи с чем его можно сравнивать со славянским Даждьбогом.

Тюркскими по происхождению являются и имена некоторых скифских царей. Например, имя скифского царя, упоминаемого Геродотом в связи с походом Дария в Причерноморье в 513 г. до н. э. — Таксак расшифровывается В. И. Абаевым как «быстрый олень» [115, 305]. Однако его можно было бы объяснить на почве древнетюркского *танг* (*tang*) «чудо», «удивительный изумительный» (ср. также древнетюркск. *tang* «крепкий», «сильный») и у сак «маленький», «ребенок», «дитя», «мальчик». Следовательно, это личное имя могло звучать как Та(н)гушак. Явно тюркским выглядит и имя скифского царя Скопас от Эскопас «предводитель». Следует отметить, что компонент «бас» характерен для тюркских антропонимов. Например, Айбас у татар [356], Кулбаш в «Деде Коркуте» [22, ЮГ, 102] и др. Тюркоязычным, по всей вероятности, является и имя скифского царя середины IV века — Атей (Помпеи Трог, IX, 2), который в 339 г. до н. э. в возрасте 90 лет погиб в сражении против Филиппа Македонского. Это имя можно сравнить с тюркским ата (ср. татарское *атай* «дед по отцу», «отец», «старший брат», ср. Ата — праправнук Огузхана — 301, 176). В тюркских языках существует еще слово *ада* «старший брат», «господин», «хозяин», (см. выше,с. 266).

Из Северного Причерноморья известно также имя Аспак, а в Мидии предводителем скифов назывался Ишпакай. Обычно Аспак и Ишпакай объясняют из иранского языка как «конник», «коневод». Однако такое объяснение нам кажется неубедительным. По нашему мнению, имя Аспак состоит из тюркского *ас* «ласка», «польза», «выгода», «радовать», «нравиться»; или ее «ум», «разум»; или же еш «товарищ», «опора», «поддержка» и *бак* (*баг*) «предводитель племени», «князь», «вождь» и т. д». У тюркских народов существуют личные имена Ишпак, Ишбай (например, у татар); имя Испак доныне бытует у балкарцев и карачаевцев [394,42].

Имя скифского царя в Мидии было Испакай т. е. с конечным «ай» (*Is-ра-ка-а-а*) [см. 282, 65]; по И. М. Дьяконову, его можно читать также как Ашпакайа [там же]. Мы не согласны с существующим мнением, что начальное «и» в этом антропониме, как и в этнониме *ишкузай*, *ашгузай*, является протетическим, требуемым, согласно нормам аккадского языка, для произношения двухсогласного начала [см. 282, № 68, прим. б]. Реально это имя у своего носителя звучало, по нашему мнению, как Исбакай или Эспакай — от тюркского *ис* (*is*) «благовоние», «слава», «репутация» [62, I, 38] или *ес* «разум», «ум» [62, I] и бак,. Слово бак, в тюркских языках имеет многочисленное значение [см. 62, II, 38—40]. В данном случае к указанным первым компонентам подходит по смыслу «предводитель племени» (62, II, 35) со значением «имеющий благоухание» или «имеющий славу», «имеющий репутацию», «показывающий себя умным, разумным», «умный предводитель».

Имя скифского царя из Северного Причерноморья, зафиксированное Геродотом как Спаргапиф (Геродот, IV, 76), иранисты связывают с авестийским словом *sparəga* «отпрыск», «побег»» «лоза», с общим значением «подобный юной лозе», якобы от *sparga paisa* [см. 115, 304]. (Такое имя носил и сын Томирис, царица саков или массагетов Средней Азии, Геродот, I, 211). Переводя это имя на почве авестийского языка, исследователи не подумали, могли ли вообще родители, притом представители царской династии, нарекать своего сына словом «лоза»? Мы считаем, что это имя исконно звучало как Есбирокбит, — от тюркского *ес* «ум», «разум», *бирок* (*birog*) «только один» [62, II, 151] и *бит* (*bit*) «(вы) расти» [62, II, 154] с общим значением «расти только умным», (ср. имя Спаргасун — тюркский хан, 151,139).

Скифское личное имя Хонахис (от Хонак и греч. Окончания «ис») В. И. Абаев объясняет из осетинского *хонек* «приглашающий» [108, 168}, а Э. А. Грантовский [239, 205] возводит к индийскому *khanaka* «копатель», «роющий» (?). Между тем, его можно связать с тюркск. конак (ср. тюркское личное имя Конак — один из предков тюркского рода Мамиконианов в древнеармянских источниках). В «Истории албан» (кн. II, гл. 15) отмечен хазарский князь Хонак; существовало волжско-булгарское личное имя Конак, аварское Кунак [46, 161], Махмуд Кашгари слово конак относит к языку булгаров. Это личное имя восходит к тюркскому *hynak* «опора». Антропоним Конак имел в тюркских языках значение «жизнь», «ночлег», «гость» [56, II, 94].

Имя скифского царя — Таргитай В. И. Абаев этимологизировал на почве иранских языков как «долгомощный» [115, 306]. По Геродоту, Таргитай был родоначальником сколотов. Это имя близко к аварскому (VI в.) имени Таргитий [46, 35]. Оба эти личных имени образовались, возможно, от тюркского тарга (*targa*), *таруге* (*taruge*) «здравый», «шустрый», «ловкий», «подвижный», «поворотливый» [62, III, 240], или же *тораға* «хищная птица» и компонента *тай* (*taj*) «подобный». Ср., например, монгольское имя XII—XIII вв. Тарагай, — сын Хулагу хана [41, 17]. Слово тай в тюркских языках, шире — алтайских языках, имеет различные значения. Оно могло восходить к показателю совместного падежа, *тай*, *тей*, *той* в монгольском, калмыкском и бурятском языках со значением «обладание чем-либо»; например, *моратай* «имеющий морин (лошадь»), «всадник», «верховой». В некоторых личных именах, возможно, это слово имело значение «подобно»; сравн. личное имя Боритай (XIII в.) [442], от *бори* «волк» и *тай* «подобно». Слово тай заметно и в

некоторых этноантропонимах— Уйгуртай (от этнонима *уйгур* и *тай*), Джалаиртай (от этнонима *джалаир* и *тай*) — среди монголов [41]; у Рашид-ад Дина можно найти много монгольских и тюркских имен с компонентом *тай* [41]. Известно, что девятый сын Хулагу хана назывался Конгуртай — от тюркского *конгур* «серый» и *тай* «лошадь», «жеребенок-двухлетка» [54, III, 173] [в татарском языке *тай* — «годовалый жеребенок» — 55, 509]. К этому ряду можно отнести и личные имена Узун Калпак Муратай — имя одного из легендарных предков киргизов, батыр Кан Сулутай — героя сказания «Кан Сулутай» из Горного Алтая. Имя скифского царя Скифарб (Ктесий Книдский, § 16) состоит из тюркского ес «ум»» кут «счастье» и ар «герой», с общим значением «умный и счастливый герой», Аппиан (Митридатовы войны, 79) упоминает скифское имя Олкаба, вероятно от тюркского улуг «сильный», «гордый», «великий» и бай «богатый»; Личное имя Талестра (царица амазонок), по нашему мнению, состоит из тюркского *дала* «дерзкий», «смелый», *шат* «принц» и ар «герой», с общим значением «смелая, (дерзкая) принцесса—героиня».

В некоторых скифских личных именах выделяется компонент *кет*, *гет*: Давкет (Лукиан Самосатский, II в.), Марсагет (Ктесий Книдский, § 16) — брат скифского царя времен похода Дария в Северное Причерноморье. В этих именах слово *кет*, *гет* можно связать с древнетюркским *кед* (*ked*), «сильный, крепкий, отборный», «особенный» [51, 292]; Давкет (Дайгет),—от *дай* «жеребенок» и кед; Марсагет, от древнетюркского барс «тигр» [51, 84] и кед; (ср. Барсбек — имя сына хазарского хана у ал-Куфи).

Имя скифского царя Северного Причерноморья Колаксай (сын Таргитая, по Геродоту). По В. И. Абаеву, это имя состоит от иранск. *xvar* «солнце» и *ксай* «шах», «царь» со значением «солнечный царь» (109, 39—40). К. Нойман выводил это имя из монгольского языка в значении «разбойник» [277, 207, прим. 41]. Можно предположить, что это имя образовалось от древнетюркского *кол* - ханский титул (например *kol-irkin* - титул знатных лиц у карлуков : срав. Култегин - младший брат Бильге Кагана, Кулчур – Kulcur предводитель тюргешей) и иранск. *ксай* «шах». Компонент *колак* нельзя отделить от монгольского имени Хулагу. Но ираноязычность второго компонента этого антропонима еще не говорит об ираноязычности его носителя. Тюркским является и имя другого сына Таргитая—Арпаксай. Иранисты этимологизируют его как «царь водных глубин» (?). В этой связи его можно сравнить с антропонимом Арпа, Арпахан в раннем средвекековье у тюркских народов.

Было обращено внимание на сходство описания царских скифов у Геродота с описанием царских сарматов у Страбона (VII, 3, 17) и царских гуннов византийского историка Приска Панийского (V в.).

Приведенные данные, по нашему мнению, не оставляют сомнения в том, что скифы, проникшие в Северное Причерноморье и Переднюю Азию, были тюрками. Факты ставят под сомнения концепцию об исключительной ираноязычности скифов. Поэтому во мнении ряда исследователей (Ф. Г. Мищенко, Д. И. Иловайский, К. Латам, В. В. Григорьев, Г. З. Грум-Гржимайло, Н. Р. Аристов, В. Ф. Миллер, Э. Миннз, А. И. Бренштам и др.) о том, что среди скифов и саков были тюркские племена, несомненно, есть доля истины. Эти тюркоязычные скифы участвовали и в этногенезе азербайджанцев, потому что они вторгались в Мидию и Манну не позднее VII в. до н. э. Об этом мы скажем ниже.

И. В. Куклина писала, что «по существу еще ни один из узловых вопросов скифоведения не получил окончательного разрешения [347, 3]. Справедливое замечание! Такое положение объясняется еще и тем, что несмотря на различие в исторических, лингвистических и антропологических фактах, о чем вкратце сказано выше, под влиянием европейской иранистики в советском скифоведении на сегодняшний день господствуют тенденциозные, порой необъективные концепции. Этноним *скиф* античных источников, употребляемый для обозначения различных этно-языковых племен древности, без дальнейшей конкретизации названного «скифского» племени, не должен и не может быть привлекаем и использован в каких-либо этногенетических и лингвистических построениях. Следовательно, этноним скиф античных авторов не может быть аргументом для определения языковой этнической принадлежности той или иной этнической общности.

Накопленные археологические и этнографические материалы со всей очевидностью показывают, что скифскую проблему можно решить по-другому — путем признания тюркоязычности большинства племен и народов, названных античными авторами «скифами». Лишь иранисты, особенно иранисты-языковеды, упорно «отмахиваются», как писала И. В. Куклина, от теории алтайского, казахского и южносибирского происхождения северочердноморских скифов [347, 15].

Нет сомнения в том, что скифская культура как таковая формировалась на Востоке — в Алтае, Южной Сибири, Южном Приуралье, Туве еще в VIII в. до н. э., где жили предки тюрков. В Северном Причерноморье эта культура известна с VI века до н. э. [347, 112]. Все это настоятельно диктует необходимость по-новому подойти к скифской проблеме. По сути дела исследователи-иранисты, объявив «волевым решением» скифов ираноязычными (В. И. Абаев писал, что якобы все скифы имели самоназвание *аруа* «арийцы — 108, 156), внесли путаницу в эту проблему. Объективный исследователь без труда обнаружит, что языковые данные в этой концепции не соответствует археологическим и ономастическим фактам.

Если бы проникшие в Переднюю Азию скифы были ираноязычными, это обязательно ускорило бы иранизацию населения Манны и обусловило бы образования там в конце концов ираноязычного народа. Но, как мы знаем, этого не произошло. Из сказанного можно прийти к выводу, что пришлые скифы не увеличили долю иранского элемента в Мидии и не расширили сферу употребления иранского языка, как это считают, в частности, И. М. Дьяконов [283, 144—154}, Э. А. Грантовский [239, 103} и др. Ираноязычными скифами являлись племена, входившие в коренное население Северного Причерноморья, названные античными авторами «скифы» предки современных осетин—древних аланов. Именно к их языкам относятся выявленные

В. И. Абаевым скифо-европейские изоголоссы [109]. Поэтому неверным следует считать следующее высказывание Э. А. Грантовского: «В VII в. до н. э. на этих территориях появляются скифы, политическое преобладание которых, по мнению ряда исследователей, имело особое значение в распространении иранских языков и увеличении ираноязычного населения» [239, 103].

Теперь вкратце о сколотах Северного Причерноморья.

И. М. Дьяконов, вслед за Ю. Прашеком, Кречмером и другими авторами, полагает, что после возвращения части скифов из Мидии в Северное Причерноморье, они там стали известны Геродоту как «сколоты», [см.: 277, 210, прим. 148]. Мы не согласны с этим мнением и считаем, что сколоты являются названием другой тюркской этнической общности. Сообщение Геродота (IV, 6) о том, что сколоты являются названием только части скифов Северного Причерноморья, в целом подтверждает наше мнение. Он пишет, что *сколот* является названием лишь четырех племен: авхат, катиар, траспи и паралат.

Существуют различные толкования этимологии этнонима *сколот*. В связи с именем предводителя скифов Колаксая была попытка объяснить происхождение этнонима сколот из
славянского «скала» или же связывали со словом *собак* в значении «молодые собаки» и, исходя из этого, имя Колаксай объясняли как «предводитель щенков» и т. д. [см. подробно: 277, 210, прим. 147]. Б. А. Рыбаков предполагает, что сколоты — это древние славяне, вернее предки русов [446, 219—226]. Это, однако, абсолютно неверно. Сколоты, по Геродоту, пришли с Востока, и одно из сколотских племен называлось авхат. Плиний говорит об авхатах Северного Кавказа где, естественно, не могли обитать предки русов. У Плиния есть выражения «авхат, умеющий раскидывать широким кругом летучие арканы и притягивать петлями самые дальние отряды» [VI, 59]. Но В. И. Абаев считает, что этот этноним во всяком случае не иранского происхождения.

Этническая принадлежность сколотских племен спорна. Их в основном считают ираноязычными [см.: 277, 209}. Например, этноним *паралат* некоторые историки считают происшедшим от иранск. *paradata* «поставленные во главе», «созданное ранее» и на этой основе строят легковесные концепции в отношении всех скифов (Дж. Думезил, Е. А. Грантовский, А. М. Хазанов, Д. С. Раевский и др.). При этом указанные авторы не задумывается над вопросом; а возможно ли образование этнонима с таким значением? Ведь образование этнонима происходит по определенным закономерностям. Некоторые западноевропейские ученые (К. Нойман, Реннел и др.) считают скифов монголами [277, 209, прим. 146]. В этой связи подчеркнем, что этноним *траспи*, как отметили выше, состоит из древнетюркского тар «узкий» [51, 536] и тюркск. *сепу* «глаз». Сам Геродот, говоря об аримаспах, писал, что в скифском языке *спи* означает «глаз» (Геродот, IV, 27). Поэтому данный этноним скорее всего означает «узкоглазый».

Этноним *авхат* состоит из тюркского этнонима абак [см. 442, 718], соединительной фонемы **а** и суффикса множественности **т** в древнетюркских языках. Среди киргизов до сих пор существует племя авагат [119, 54].

Выше мы отметили, что этноним паралат обычно возводят к иранскому *парадата* (*paradata*) «предустановленный», «исконно назначенный» [115, 298]. По нашему мнению, этот этноним состоит из алтайск. *бор*(*о*) «серый» (ср.: боро-талмат среди печенегов южнорусских степей и др., см выше, с. 106) и этнонима *олет*, *элет*. Племя олет известно у тувин и ойротов [см. 442]. К этому олет, элет восходит топоним Алат в Азербайджане.

Таким образом, по нашему мнению, сколоты не принадлежали к ираноязычной или славянской этнической общности. Даже некоторые иранисты [см. 115, 364] не считают этноним *сколот* иранским. Вопреки этому Э. А. Грантовский считает, что этноним *сколот*—диалектная форма того же этнонима скиф и что при переходе «d» в «l» этноним *скуд* превратился в *скул*, и что *сколот* образовался от слова *скол* и показателя множественности *ta* в иранских языках [239, 89, прим. 15]. Такое мнение в советской исторической науке было высказано еще Н. Я. Марром [378, 196]; По нашему мнению, как будет сказано ниже, в связи с этимологией этнонима *сармат* (см.: ниже, с. 333) в древнегреческой передаче в этнониме *skolotai* конечное ***ai*** является древнегреческим суффиксом, и поэтому в этом этнониме не следует выделять иранский суффикс ***та***. Как видим, это мнение преследует цель обосновать ираноязычность сколотов. Нетрудно, однако, заметить, что этноним *сколот* в античной передаче состоит из компонента скол и суффикса множественности в тюркских языках **-ут**, характерного для некоторых тюркских этнонимов, таких как *алпоут*, *мангут* (предки ногайцев), *ойрот* (самоназвание алтайцев), *йомут*, *онгут*, *соют*, *тиркут* и др. Указанная частица **от**, (**ot**) в свою очередь состоит из соединительного ***о*** и суффикса **т** (**t**) в древнетюркских языках [см. 51]. С. Е. Малов [368, 51] писал, что суффикс множественного числа **t** характерен для общей тюрко-монгольской лексики. Г. И. Рамстедт отмечает, что в алтайских языках суффикс **t**, **ut** после основы на согласный означал множественное число [445, 57].

Скол (в этнониме *сколот*) имеет не только внешнее сходство с древнетюркскнм этнонимом *эскил*, *ешкил*, который известен среди древних булгаров южнорусских степей в раннем средневековье. С ним можно сравнить еще современные этнонимы *ешкил* — у каракалпаков и у узбеков, *аскал* и *эскил* — у киргизов. Типологически этот этноним стоит рядом с тюркскими этнонимами *басил* (*барсил*), *кергил*, *чигил* и др., в которых, вероятно
отражен тюркский корень эл, ил «племя», «народ». Имена скифских царей Скил (V в. до н. э.), Скилур (II в. до н. э.) не связаны с этнонимом сколот. Они образовались от тюркского эс «ум», «разум», кол (кул) «ханский титул» [см. выше, с. 306]. [ср. скифское имя Сколопит, Помпеи Трог, II, 4, от эскул «умный хан» и тюркск. бит «(вы) расти», с общим значением «расти умным ханом»]. В раннем средневековье князь половцев (куманов)

южнорусских степей также назывался Искил (от Искул). Нам кажется также, что трудно отделить скифское личное имя Поллак (сына скифского царя Скилура, II в. до н. э.) от имени гуннского (или суварского) князя начала нашей эры — Болах. Возможно, эти личные имена образовались от древнетюркского слова болак. (*bölak*) «дар», «подарок» [51, 117}, или же болаг [*bolag*] «лошадь с широким крупом» [МК, I, 379].

Как видим, при объяснении этнонимов скиф (скит) и сколот и выявлении этнической принадлежности их носителей тюркские языки в расчет не брались, несмотря на то, что, как отмечено выше, этноним *сколот* в форме *искил*, *ишкил* сохранился в составе наименований тюркских народов.

Вышесказанное позволяет заключить, что сколоты, пришедшие с Востока в Северное Причерноморье, являлись древнетюркскими племенами.

По нашему мнению, потомками пришедших в VII веке до н. э. с востока в Северное Причерноморье и на Северный Кавказ алтайских племен являются дондары, гаргары, болгары, сувары, хазары, кангары, печенеги, ораны, хурсы и другие племена.

Теперь вернемся к скифам в Манне и Мидии. Исследователи считают, что после того, как скифы вторглись в Мидию, образовалось Скифское царство, хотя в источниках об этом царстве никаких упоминаний нет. Здесь попутно следует уточнить понятие «царь». В древневосточных источниках конкретно царем мог называться не только глава определенного государства со всеми атрибутами царской власти, но и глава племенной общности. Лишь позже в Библии в связи с событиями 593 г. упоминается царство Ашкеназ. (Из Библии фамилия Ашкинази—Аскназий распространилась в Европе — она восходит к древнееврейскому *Askenaz* — имени внука Иафета) как обозначение скифов, восходящее к этнониму ашкузай, [см.: 498, 69]. О доводах в пользу существования скифского царства имеется обширная литература [см. подробно 438, 15—16]. Возможно, что после того, как скифы поселились в определенной области в Мидии, там «образовался их общность, называемая царством. В данном случае принципиальным для нас является, во-первых, вопрос о северной границе этого царства, и, во-вторых, кого надо иметь в виду под наименованием «скифы» Передней Азии. Некоторые исследователи, как будет сказано ниже, полагают, что это царство охватывало не только территорию Манны, Мидии, но и междуречье Куры и Аракса. Северная часть его, по И. М. Дьяконову, следует локализовать между Курой и Араксом в районе Гянджи (упоминаемая Страбоном Сакасена локализуется там, а саков считают скифами. — Г. Г.) и территорией вокруг озера Урмия [283, 249—250]. И. М. Дьяконов писал, в частности, что Сакасена, т. е. Шакашен раннесредневековых источников в Албании, было официальным мидийским названием ядра скифского царства [283, 251]. Как видим, предполагается, что саки в междуречье Куры и Аракса — это скифы Передней Азии — ашгузай, ищкузай ассирийских источников. По мнению И. М. Дьяконова,

Страбон допустил ошибку — он вместо «скиф» писал «сака» [283, 250]. Однако в действительности никакой ошибки Страбон не допускал. Но это вовсе не означает, что они были различными по этнической принадлежности племенными общностями. И те, и другие были древнетюркскими племенами. Возможно, саки были частью ашгузай, но со своим собственным самоназванием. К мнению И. М. Дьяконова присоединились И. Г. Алиев [см.

133] и др. Позже А. М. Хазанов также писал: «Центр скифского царства находился в восточном Закавказье — на территории современного Азербайджана и прилегающих к нему районов» [500, 219]. С. Т. Еремян идет еще дальше и пишет, что «в Закавказье, а именно на территории Кавказской Албании, существовало Скифское царство, известное в ассиро-вавилонских надписях под названием Ашгуз [298, 52]. В связи со скифскими находками С. А. Есаян и М. Н. Погребова также затрагивали вопросы локализации Скифского царства в Закавказье. Авторы солидарны со своими предшественниками в том, что упоминаемая Страбоном Сакасена, локализуемая в нынешней Гянджинско-Казахской зоне Азербайджана, являлась местом нахождения скифского царства [299, II]. Однако Г. А. Меликишвили [381, 171] считал Сакасену одним из скифских политических центров. Это мнение следует считать тем более верным, если под выражением «скиф» имеется в виду этноним *сак*(а). В действительности, к югу от Куры, в междуречье Кура и Аракса, на территории, охватывавшей часть равнины этого междуречья и поздний Сисакан, существовало политическое объединение носителей этнонима *сак*(а).

Видимо, все эти исследователи при отождествлении Сакасены (в междуречье Куры и Аракса) со Скифским царством на территории Мидии исходили из того, что по Геродоту, персы называют скифов саками, и предполагали, что и сам Страбон под этнонимом Сакасена имел в виду местообитание скифов, т. е- искутаев. Между тем, это сообщение Геродота надо понимать в том смысле, что те племена, которые персы называют этнонимом сака, греки называли также общим, собирательным названием *скиф*. В отношении же Сакасены следует учесть, что это наименование вовсе не дано Страбоном, оно существовало как местный топоним и ранее. В нем Страбон по существу только добавил конечное «а». Сакасена возникла в области расселения саков, и название это имеет буквальное значение «место саков», а *сака*, как мы упоминали выше, является конкретным самоназванием определенной общности, отличной от этнонима *ашгузай* (*ишкузай*). Таким образом, мы не отрицаем существование царства скифов в Передней Азии — мы только настаиваем на том, что царство скифов, которые в ассирийских источниках названы искутаями и которому положил конец мидийский царь Киаксар, ьсуществовало отдельно от царства саков в междуречье Куры-Аракса, называвшегося Сакасена. Иными словами, мы против отождествления носителей этнонима ашгузай (ишкузай) ассирийских источников с носителями этнонима сак(а) в Закавказье.

И. М. Дьяконов полагал, что правильность локализации Скифского царства Передней Азии в междуречье Куры и Аракса будет подтверждена археологическими исследованиями [283, 251]. Однако археологические раскопки до сих пор не подтвердили эту гипотезу. А. А. Иессен писал: «Нашей экспедиции не удалось уловить в памятниках Мильско-Карабахской степи собственно скифских компонентов» [305, 22]. Б. Н. Граков считал, что скифских государственных образований вообще не было [237, 12]. Против гипотезы о существовании Скифского царства выступал В. Б. Виноградов [194, 21—30]. На основе археологических данных отрицал локализацию Скифского царства в междуречье Куры и Аракса и Дж. Халилов [501] С. М. Кашкай писала: «Где обосновались скифы и образовали свое царство, точно не известно, но из ассирийских источников мы знаем, что они находились где-то в области Маннейского государства» [320, 37].

В последние годы внимание исследователей древней истории народов Закавказья вновь привлекли вещи «скифского облика», выявленные археологами на это территории. Большинство археологов предполагает, что вещи эти связаны с пребыванием скифов в Передней Азии в VII в. до н. э., но существуют и другие мнения, а именно, что они являются привозными. Последнее обстоятельство подтверждается тем, что их находят всегда в окружении чисто местного инвентаря [434]. М. Н. Погребова писала: «Нет единой точки зрения относительно того, следует ли считать вещи скифского типа, находимые в Закавказье, показателем присутствия здесь скифского этноса, или речь может идти лишь о торговых и культурных связях, не приводящих к переселениям значительной массы людей» [438, 42]. В связи с этим исследователей особенно интересуют археологические памятники на территории Советского Азербайджана, поскольку скифы, по сообщению Геродота, вторгались в Переднюю Азию через эту территорию.

Все эти и другие вопросы на основе археологических данных вновь рассмотрены в недавно вышедшей книге С. А. Есаяна и М. Н. Погребовой [299]. Авторы дали подробную характеристику археологических находок скифского облика в 74 археологических памятниках Закавказья и на этой основе, систематизируя и анализируя их, выдвинули ряд оригинальных положений в отношении связи скифов с народами Закавказья. По их мнению, нет оснований считать, что эти найденные вещи «скифского облика» оставлены здесь самими скифами. «Закавказские скифские вещи вкраплены в местную культурную среду. Чисто скифские комплексы здесь отсутствуют» [299, 39], —таков однозначный вывод авторов. Обычно исследователи в подтверждение существования скифского царства на территории Советского Азербайджана опираются на Мингечаурский могильник VI—V вв. до н. э. Однако специально исследовавшая этот вопрос М. Н. Погребова пишет: «В этих могилах в большом количестве предоставлена втулчатая бронзовая стрела скифского типа, по-видимому, изготовленная на месте. Другого скифского оружия здесь не обнаружено»
[438,47].

Таким образом, по всей вероятности, страна скифов, упоминаемая в Библии (страна Ашкеназ), и предполагаемое Скифское царство, если оно существовало, могли находиться на территории Манны и Мидии. Как писал Э. А. Грантовский [239, 221], саки не являлись скифами (т. е. нскутаями ассирийских источников. — Г. Г.) и они в Передней Азии обитали отдельно друг от друга, ибо в ассирийских источниках Сака и Ашкуз упоминаются отдельно. Кроме того до сих пор не учтено, что другая Сакасена находилась в Мидии и в обеих Сакасенах отразился этноним сака как конкретный этноним, т. е. в этих Сакасенах жили носители этнонима *сак*(а), а не *ашкузай*. Следовательно, ашкузай и сака ко вреени появления в Передней Азии были самостоятельными племенами. Существует достаточно обоснованное мнение, что скифы и саки вторгались в Переднюю Азию отдельно и в разное время.

Того же мнения придерживается сам И.М.Дьяконов. «Саки пришли в Закавказье тем же путём, что и скифы,а именно - через Дербентский проход» [283, 251]., предположительно в VIII в. до н.э. Но если скифы, т.е.ашкузай и саки пришли в Переднюю Азию отдельно и в разное время,и, как отмечено выше, саки и скифы являются наименованиями различных этнических общностей, тогда выходит, что Сакасена в Албании не могла входить в состав предполагаемого скифского царства в Передней Азии и тем более не могла составлять его ядро, как предполагают, например, И.М.Дьяконов [283, 250-251], И.Г.Алиев [130, 226], Б.В.Техов [475], А.М.Хазанов [500, 219] и др. Археолгические данные, как указано выше, также не подтверждают этой гипотезы.

Как видим, приведённое выше мнение о локализации Скифского царства Передней Азии в междуречье Куры и Аракса остаётся лишь предположением по следующим причинам. Во-первых, это мнение исходит из получившей распространение в иранистике ошибочной и тенденциозной теории, отождествляющей саков и скифов; во-вторых, последователям этой концепции не было известно, что другая Сакасена находилась на территории Мидии, как сообщает Страбон, «ниже Гиркании» и обитатели её являлись «острошапочными саками» древнеперсидских источников. Эти саки обитали в X в. Сатрапии Ахеменидской державы, на юге Прикаспия.

Исходя из сказанного скифов (ишкузов) и саков в Манне и Мидии мы рассматриваем отдельно.

Итак, перед нами два различных этнонима, причём. Оба являются самоназваниями, - *ашгузай* (*ишкузай*), от *искутай* или *искудай* в ассирийских источниках, и *сколот* у Геродота для северопричерноморских скифов. Привлекает внимание то, что самоназвание скифов в Манне и Мидии - *искутай* или *искудай*, имеет фонему **й** в конце, также как в этнониме *мадай*, *матай* в ассирийских источниках. Это очень важная деталь, поскольку, как будет сказано ниже, носители этнонима *ашгузай*, *ишкузай* были тюрками. Из вышесказанного становится ясным, что этноним *ашгузай*, *ишкузай* , т.е. *искутай* не может быть отождествлён с этнонимом *сколот*. Однако эти общности по этнической принадлежности были идентичными.

Этноним *искутай* (искудай) делится на компонент *иски* (вероятно, *эски*) и суффикса **ут** (**ut**), а этноним *сколот* на тот же компонент *иски* (*эски*) и *ел* «племя», «народ»+t.Исходя из вышесказанного, нельзя согласиться с мнением, чтот начальное **и** (**i**) в этнониме *ишкузай* добавлено в аккадском языке для облечения трудного для произношения
двух согласного начала [283, 243] и, следовательно, этот звук является этимологическим вариантом.

Таким образом, следует допустить, что ассирийцы, хорошо знавшие скифов Передней Азии, начиная с 70-х годов VII века до н. э., с незначительными фонетическими отклонениями точно зафиксировали самоназвания скифов — *ишкузай*, *ашкузай* от *искутай*, *искудай*.

Возникает вопрос, если эти искутаи обитали и в Мидии, и в Манне, то почему их имена не отразились в древнеперсндских источниках, в частности, в Бехистунской надписи? Возможно, часть искутаев названа саками, а быть может, к тому времени эта часть уже смешалась с местным населением и составляла меньшинство. После того, как Киаксар положил конец господству скифов в Мидии, часть скифов (т. е. искутаев), по сообщению Геродота, вернулась на север, а часть осталась в Мидии. Другая часть скифов после Мидийско-Лидийской войны в 590— 585 гг. до н. э. ушла в Лидию, и, как полагают, оттуда пришла в Северное Причерноморье. Но античные авторы этнонимом скит, скут, который были конкретным наименованием определенной этнической общности в форме *искутаи*, именовали и другие разноязычные племена Северного Причерноморья, среди которых были и ираноязычные. Тюркоязычность искутаев (ишкузаев) Манны и Мидии подтверждается расшифровкой значений имен их предводителей.

Имя скифского царя Прототия (по Геродоту — отец Мадия) исследователи обычно объясняют на почве иранских языков, исходя из компонента *тава* «сила», «мощь». Это, однако, неверно. Первоначально, по всей вероятности, это личное имя звучало как Партатай. Исходя из ассимилятивного чередования **s~t** {в алтайских языках, можно предположить, что Партатуа (Прототип) является искажением от Парсатай. что в свою очередь происходит от древнетюркского *барс* «пантера» и *тай* «подобный». Это имя могло иметь значение «барсоподобный», «словно как барс». Это имя обычно идентефицизнруют с легендарным армянским царем VI века до н. э. Паруйром (у Моисея Корейского, кн. I, гл. 21), которого древнеармянский историк считает сыном Сака (Скаорди «сына исполина»), т. е. по происхождению относит к сакам. Возможно, что личное имя Паруйр (с добавлением «j» в
древнеармянском языке) является фонетически производным от древнетюркского Барер, со значением «Он есть герой».

Личное имя Мади [Геродот, I, 103], которое можно сопоставить с именем вождя гуннов III в. до н. э. Моде и личным именем Мате (V в.) в Албании, восходит или к тюркск. *маты* (*mati*) «прекрасный» [54, 11, 2, 2045], *мат* (*mat*) «честный, верный, степенный» [54,.III, 2, 2043] или к монгольск. *бату* (*batu*), уйгурск. *батук* (*batuk*) «сильный», «крепкий» [61, I, 135], (исходя из перехода м—б). Помпей Трог (Сокращение Юстина, I, I, 4) упоминает скифского царя Танай в Передней Азии. Несомненно, этот антропоним не может считаться иранским. Тана (Дана) известна как тюркское личное имя; оно, возможно, восходит к тюркск. *тан*(*г*) «рассвет», «заря утренняя», или *данг* (62, III, 145) «слава», «замечательный» или же *тана* «перламутр». Новорожденного мужского рода могли нарекать подобным именем. Известна также тюркское племя тана (дана), наименование которого отражено в топониме Даначи в Азербайджане. Ибн ал-Асир среди сельджукско-огузских предводителей упоминает Дана. Такое же имя отмечено в прошлом среди каракалпаков [18, 322].

Итак, вырисовывается следующая картина происхождения этнонима «скиф» в трудах античных авторов. Этноним *искутай* (или *искудай*) который отразился в ассирийских источниках в форме *ишкузай* или *ашгузай*, древние греки и латиняне произносили соответственно в формах скит и скут и этими наименованиями позже называли различные племена и народы Северного Причерноморья, часть которых называла себя *сколот*. Причина
переноса этнонима *скит* (*скут*), сначала относимого ими к искутаям Передней Азии, к пришедшим с востока тюркским племенам Северного Причерноморья, состоит в том, что и те, и другие вели сходный образ жизни — являлись в основном номадами (доителями кобылиц) с одинаковой социальной структурой и имели похожие религиозные верования, искусство («звериный стиль»). Сколоты Северного Причерноморья не имеют отношения к искутаям Передней Азии. Искутай и сколот являлись самоназваниями различных, но родственных древнетюркских племенных общностей Алтая и Южной Сибири, двинувшихся где-то не позднее VIII века до н. э. с востока на запад. Возможно, это перенесение этнонима *скит*, *скут* на север связано с возвращением части искутаев из Передней Азии на север. Среди названных «скифов» античных авторов находились различные по этнической и языковой принадлежности племена, преимущественно тюркские, а также иранские, и, возможно, северокавказские — кавказоязычные. Поэтому считать все эти племена и народы ираноязычными на основе лишь того, что они в античных источниках названы собирательным названием *скиф* — абсолютно неверно, более того — антинаучно.

Скифы, т. е. племена алтайской семьи языков, вероятно, не позднее VIII в. до н. э. пришли с востока в Северное Причерноморье, а оттуда часть перешла в Переднюю Азию. Самоназвания их были *искутай* и *сака*. Затем последовала вторая волна переселения на запад тюркских племен, которые, по сообщению Геродота, называли себя сколотами. Верным следует считать следующее мнение: «В свете этих данных, а также общего представления о происхождении кочевнических народов и формировании их культуры представляются несостоятельными гипотезы южнорусского или переднеазиатского происхождения скифов и распространения

их культуры из Причерноморья (или Передней Азии) в недра Азии, вплоть до границ Китая» [307, 356]. Именно часть этих искутаев явилась одним из этнических компонентов этногенеза азербайджанцев на юге.

Киммеры. В связи с затронутым вопросом интерес вызывает этническая принадлежность киммеров. Мы здесь не будем подробно обсуждать сложный вопрос происхождения этнической общности Северного Причерноморья, имевший по Геродоту название *киммер*. Он пишет, что киммеры под натиском скифов покинули свои исконные места и проникли в Переднюю Азию». Однако из этого ценного сообщения не ясно, какое конкретное племя имеется в виду под названием «скиф» — саки или искутаи? Киммерийцев считают иранцами, но существует мнение, что они — фракийцы, т. е. тракийцы. Полагают, что они проникли в Закавказье и Переднюю Азию, расселяясь вдоль западного побережья Черного моря или же через Дарьяльский проход. Вступив в Урарту в 715 г. до н. э., они разгромили урартскую армию (379, 278—281). Считается также, что одно из племен киммеров назывался *трер* (в греческой передаче); к нему возводят Трел древнеармянских источников и Триал-ети древнегрузинских источников. Этноним *трел* мы, однако, считаем древнетюркским и он должен был звучать как *терел* — от корня тер (который составляет основу ряда древнетюркских этнонимов — тертер и др. см. выше, с. 122—123) и *ел* «племя». Ассирийские источники под названием гамира помещают их в Манне («киммериец этот из страны маннев и в Урарту вступил» [см. 282, 2, 50, 8]. По общему мнению исследователей, киммеры были ираноязычными [см. 283, 239—241]. Однако Р. Фрай считает, что «киммерийцы не были иранцами» [498, 105]. Их считали также кельтами, кавказцами, а некоторые исследователи и тюрко-монголами [277, 171]. В связи с этим писали, что к данному этнониму восходит и топоним Крым, от тюркского *грим* «крепость» (откуда и про-
исходит и русское «кремль») [277, 172]. Многие данные свидетельствуют в пользу того, что киммеры были тюрко-монголами.

Следует отметить, что в древневосточных источниках *сака* и *гамир* иногда являются наименованием одной из той же этнической общности. Например, в Бехустинской надписи этноним *киммер* в аккадском варианте, в эламском и древнеперсидском вариантах соответствует сака. В надписи из Пахши—Рустам Дария I в древнеперсидском варианте слову *сака* соответствует *гамира* в вавилонском варианте. Это, возможно, говорит о том, что саки проникли в Переднюю Азию вместе с киммерами. Однако из Геродота и Страбона известно, что киммеры, скифы и саки были наименованиями различных этнических общностей.

В настоящее время принято считать, что существовал этнос для представителей которого этноним *киммер* был самоназванием. [См. 283, 241; Обзор этих мнений, см. 277, 169—173].И. М. Дьяконов, впрочем ныне не согласен с этой точкой зрения [288,50].

По Геродоту, киммеры пришли в Переднюю Азию в последней четверти VII века до н. э. Но это сообщение неточно. Страбон (I, I, 10) пишет, что они пришли во времена Гомера. Действительно, киммеры в Передней Азии известны еще с VIII века до н. э., точнее в интервале 722—715 гг. до н. э. [см. 282, № 50, 8, 10, 11]. Они засвидетельствованы и в Манне во главе с царем Тугдамме [277, 174—175].

Несомненно, форма «киммер» (с удвоением «м») является древнегреческой. В аккадском языке этот этноним отражен в форме *гамерра* (Ga-me-ra-a-a) [282, № 50]. Однако в ассирийской надписи VII в. до н. э. мы читаем *гимирра* (Gimirraa) [282, 65]. Древнеармянские источники фиксируют этот топоним как гамир. Все эти формы, по нашему мнению, являются передачей этнонима *камар*, *гамар* в различных древних языках (вспомним, что в древнеармянских источниках этноним хазар также имеет форму *хазир*). Это подтверждается, в частности тем, что этноним киммер сохранен в форме *гамар* (у осетин) и *гамер* (у армян). Иранисты и археологи искусственно создали путаницу вокруг вопроса об этнической принадлежности носителей этого этнонима и в результате сами оказались не в состоянии разрешить ими же созданные противоречия. И. М. Дьяконов приводит этимологию В. А. Лившица, толкующего этноним киммер как «обладающий действием хождения», «находящийся в движении», «подвижный отряд» [288, 97]. Ряд иранистов, в том числе В. А. Лившиц, убежденный иранист, никак не объясняет, каким образом этот этноним, если он является инонаименованием, т. е. названием данным их носителям древними иранцами в «евразийских степях», может отразиться в разных языках — ассирийском, древнегреческом, древнеармянском, аланском и других. Почему древние армяне должны были место поселения этих киммеров называть (считают, что топоним Гамри — прежнее название Яенинакана в Армении восходит к этнониму киммер— 365, 21, т. е. *гамер*) инонаименованием, данным древними иранцами евразийских степей?

И. М. Дьяконов также считает, что киммер не является самоназванием [288, 94] и что это слово означало «подвластный конный отряд ираноязычного кочевого населения евразийских степей» [288, 98]. Нам уже пришлось писать, что инонаименования, данные одним этносом другому, отличные от самоназвания именованных, могли отражаться в топонимах и языке в том случае, если именовавший и именованный этносы живут рядом или смешанно. Иными словами, инонаименование «киммер», означавшее якобы «находящийся в движении» в каком-то иранском языке в евразийских степях, не могло попасть в языки древних греков, ассирийцев, предков осетин и армян. Видно, что В. А. Лившиц не знаком с закономерностями отражения инонаименований в топонимии.

В действительности этот этноним звучал среди его носителей как *камар*, *гамар*, и есть основания считать его носителей алтайским племенем. Еще Гомер (Илиада, XIII, I) в отношении их употреблял определение «доители кобылиц» — обычай, характерный для тюркских народов и в недавнем прошлом.

Позднее этот эпитет в отношении скифов употреблял Геродот, и это говорит о том, что скифы и киммеры родственны между собой.

Имя киммерийского царя Теушпа (его объясняют на почве иранских языков как «мощно-конный», от *тава-аспа* — см. 283, 240; 109, 126) можно объяснить и на почве древнетюркских языков: *туш* (*tus*) «золотое украшение» и *бай* «богатый». Следовательно, мы считаем, что переданное на древнегреческом языке личное имя Теушпа реально звучало как Тушбай, и означало «богатый золотыми украшениями». Для сравнения можно указать на личное имя Батбай (вождь кубанских болгар, сын Кубрата, сер. VII века) — от тюркск. *бату* «драгоценный камень» и *бай* «богатый» с общим значением «богатый драгоценными камнями». Возможно и другое объяснение этого имени: от тюркск. *туз* (*tüz*) «справедливый», «искренний» [62, III, 310] и бай, с общим значением «справедливый (искренний) *бай*».

Имя киммерийского царя Тугдамме или Тугдаме (упоминается около 640 г. до н. э.) объясняют на почве осетинского языка как, «украшающий силой» [109, 126]. Вероятнее всего, имя Тугдамме следует сопоставить (исходя из передачи его в античном источнике как Лигдамис) с тюркск. Токтамиш «установившийся», «утвердившийся» [54, III, 2, 1153—1114]. Но можно допустить также, что это имя исконно звучало как Туктомай—от тюркск. *тук* (*tük*) «знамя (знамя в виде пики с прикрепленным к ее концу конским хвостом)» и тома (*toma*) «украшать», или же *томай* (*tomaj*) «шить» [51, 515]. Поэтому Туктома(й) должен быть иметь значение «украшение знамени» (*tuga*) или «знамя— шить». Личные имена с компонентом *туг*, *тук*, *ток* характерны для личных имен конца раннего средневековья: Туг-тегин (эмир сельджуков в XII в.) — от *туг* и *тегин* «принц»; Токтай (от *ток* и *тай* «подобное», «равно»), Туклук, Тук-Тимур (имена монгольских эмиров XIII в.) [см. 41].

Приемником Тугдаме был Сандакшатру (около 639 г. до н. э.). Это личное имя состоит из тюркск. *сан* «почет», «уважение» [51, 483], *дак* «подобное», *шат* «принц» и ар «мужчина», «герой», с общим значением «уважаемый герой, подобный принцу». Следует отметить, что компонент сан отразился в ряде древнетюркских личных именах: Сандил [военачальник кутургуров— 393, 560], Санатрук (царь массагетов в Албании) и др. В имени
киммерийского царя Сандакур можно выделить древнетюркские *сан* «почет», «уважение» [51, 483], суффикс -**ды/-лы**, и *кур* (*kür*) «смелый», «отважный» [51, 328}, «храбрый», «сильный», «крепкий», «дерзкий», «буйный» (о лошади); «скорый», «быстрый» (о воде), неустрашимый, непоколебимый [62, III, 106]. В целом это имя имело значение «уважаемый (почитаемый), смельчак». Из рода Чингис-хана (сын Кайдухана) известно личное имя Санкур — «почитаемый смельчак». К этому ряду можно отнести имя сына Джучи-хана — Шингкур, а также монгольские имена XII—XIII вв. — Джимкур, Сонкур, Чинкур, Чаукур и др,, [см. 41]. Компонент *санда* в имени киммерийского царя можно сопоставить с первой частью имени героя в тюркском эпосе «Алпамыш» — Сандагач. Внимание обращает на себя также имя монгольского эмира XIII в. (41, I, 98) — Хандакур. С. К. Бушмакин (Дохристианские личные имена удмуртов. В сб. Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. — М., 1970, с. 265) приводит дохристианское имя удмуртов Сандыр, возможно, фонетическое производное от исконного Сандур, — от *санды* «почетный» и древнетюркск. *ур* «сын» [51, 614].

Выше было отмечено, что киммеры в VII в. до н. э. обитали и в междуречье Куры и Аракса. По С. Т. Еремяну, до проникновения скифов в Аракскую низменность, там обитали киммеры, вытесненные оттуда в Мидию [298, 52].

Ю. Б. Юсифов, вслед за Я. А. Манандяном, употребляет выражение «киммеры—скифы» и считает, что в их среду саки проникали из Передней Азии [524, 182]. Н. А. Манандян писал, что этноним кимер отразился в топониме Гюмеры, ныне Ленинакан. Заметим еще, что Кумайри в области Ширак известен с VIII в. [см. 474, 105] в Армении, а по Ю. Б. Юсифову, к этнониму *кимер* восходит современный топоним Гымыр в Закатальском
районе (524, 182].

По нашему мнению, топоним *кимер* (вернее, *камар*) сохранился в многочисленных ойконимах Камарли и Гямярли [418, 111]. В XIX в. в основном в Азербайджане и Армении было 5 селений Камарлу, от этнонима *камар* и суффикса принадлежности в тюркских языках -**лу** [418, 111]. Кроме того, отмечены топонимы Камаргая (Казахский уезд), Большой Камарли и Малый Камарли (Борчалинск1Тй уезд Грузии) [там же]. Следует особо отметить, что население всех этих селений Камарлу в Азербайджане, Грузии и Армении тюркско-азербайджанское. Следовательно, мы полагаем, что первоначальной формой *кимер* был *камар* или *камар* и киммеры обитали в Закавказье. Впервые Помпоний Мела упоминал этноним *комар*: «Выше скифов и скифских степей живут даги, и над Каспийским заливом (на юге Каспия, ср. Каспийский проход. — Г. Г.) комары, массагеты, кадуси, ирканы, ибери
(Помпоний мела, кн. I, 2, 13); (у Дионисия Периегета — *камарит*); у Плиния в Северном Причерноморье упомянуто племя *акаскомарки* (Плиний, VI, 26), название которого, возможно, состоит от неопределенного компонента *акас* (тюркск. *akar* «лес»?) и этнонима комар. Поэтому в XIX веке село Камара-хур (лезгинск. *хур* «село») отмечено и на Северном Кавказе [418, 111].

Вышеприведенное свидетельствует о том, что пришедшие из Причерноморья киммеры (или часть их) обитали в Восточном Закавказье (существует мнение Г. А. Меликишвили, что ким-меры обитали и в Западной Албании — см. 380) и отсюда перешли в Переднюю Азию, в том числе в Манну.

На территории Иранского Азербайджана в топонимах этот этноним отразился в формах *камар, комар, кемер* и *гомар*. Там есть два селения Комар, а также Кемер, и Кемердаран [537, IV, 426]. Их население —

азербайджанцы. Вне Азербайджана, на территориях других останов Ирана есть два Камара [537, V, 375]. Камарабад [537, V, 375], Гомар [537, V, 443], Гамарабад [537, V, 375], Камаре, Камаре-боне, Камаре-паин, Камаре-сиях, Камаре-кударза [537, VI, 299], Камаран [537, X, 19]. Отметим также, что среди тюркоязычных кашкайцев Ирана есть племя гамар. Село Камарли есть и в Турции.

Как видим, этноним *камар* составляет единую морфологическую структуру с древнетюркскими этнонимами *гаргар, дондар, болгар, су вар, кангар, хазар* и др.

Все это, по нашему мнению, свидетельствует в пользу того, что киммеры являлись тюркоязычными племенами. В анонимном источнике Mücmel el tavarih отмечено, что предком булгаров и буртасов был Кемар, сын Йафета [556[a], 30, 34].

Именно с древнетюркским этнонимом камар, комар связаны, по нашему, мнению названия населенных пунктов Каймар в Казанском ханстве [см. 505] и Камар на Урале в XVII веке [329, 31]. В этом случае данный этноним образовался от компонента *кам*, *гам* и *ар* «мужчина», «герой» и т. д. Компонент *кам*, *гам* составляет также первую часть тюркских этнонимов *камак* (*кумык*), *камлар* (род кызылцев), *камлар* (род татар Кузнецкого Алатау), *камасин*, *кемчик* (род тувинцев) [см. 442], а возможно и *коман* (куман) и др. (см. выше, с. 55).

Саки. Выше, во II главе мы говорили о саках в Албании и отметили, что современный топоним Шеки (от Шаки) в северо-западной Албании восходит к этнониму сака (шака). Далее было сказано, что другая Сакасена находилась на территории Мидии, скорее всего в Атропатене, к югу от Каспия, и она была временно завоевана Арменией во II веке до н. э. Как уже отмечено, «двойственность» топонима Сакасена оставалась вне поля зрения исследователей, и, поэтому все четыре сообщения Страбона о Сакасене были отнесены только к Сакасене в междуречье Куры и Аракса. Именно это привело многих историков к ошибочным заключениям (В. В. Струве, И. М. Дьяконов, К. В. Тревер, И. Г. Алиев, В. Ф. Минорский, А. П. Новосельцев и др.).

Как известно, в древнеперсидских и античных источниках упоминаются четыре группы саков. Вопрос локализации саков подробно рассмотрен в работах ряда исследователей (В. В. Струве, С. П. Толстов, Е. Херцфельд, А. Германн, Б. А. Литвинский,
И. В. Пьянков, О. А. Вишневская, Г. Бейли, Г. Готье, М. Дандамаев и др.; сводку мнений о локализации этих групп саков, см. 352, 158—174). Одна из этих групп, как полагают, обитала на востоке Каспия, в долине реки Мургаб [470; 55], на восточном побережье Арала. Эти саки вместе с одной группой каспиев Геродотом помещены в пятнадцатой сатрапии Ахеменидского государства — в Средней Азии (Геродот, II, 23). Обитание саков и каспиев в различных регионах Албании, Атропатены, и Средней Азии ввело в заблуждение ряд исследователей. О саках в Средней Азии упоминает и ряд античных авторов — Страбон (VIII, 3, 12), Плиний, (VI, 50), Иосиф Флавий, (Иудейские древности, XVIII, 4, 100) и другие—их помещают за рекой Яксарт». В Бехистунской надписи (VI в. до н. э.) саки в Мидии названы острошапочниками — (тиграхауда), Геродотом ортокарибантиями [см. 498, 70], от греческ. *ортос* «вертикально стоящий шлем» и неясный элемент *бант* (Геродот, III, 92). Локализируют их в различных регионах, а также в междуречье Куры и Аракса, в Албании. Остановимся вкратце на этом вопросе.

Локализацией саков-острошапочников занимались многие зарубежные и советские исследователи [см. подробно: 352, 159— 160]. Среди этих мнений, как нам кажется, наиболее верным является предположение В. В. Струве о том, что местом обитания этой группы саков являлись степи юго-восточного побережья Каспия [469, 236—237]. В надписи из Накши—Рустам саки-острошапочники следуют в перечислении за парфянами и перед вавилонянами [354, 162]. Об этих саках Геродот писал: «Акбатаны, остальная Мидия, парикании, ортокарибантии платили 450 талантов. Это — десятый округ» (Геродот, III, 92). Это говорит о том, что ортокарибантии жили территориально недалеко от столицы Мидии Акбатана и поэтому не могли находиться к северу от Аракса, в междуречье Куры и Аракса, как пишут И. М. Дьяконов и И. Г. Алиев. Сомнительно, чтобы часть междуречья Куры и Аракса (Сакасена) была включена в состав X сатрапии, куда входили не сагартии, а акбатаны и остальная Мидия (т. е. часть Малой Мидии), тем более, что парикании, по мнению исследователей, это гирканы [277, 192]. В связи с вторжением Ксеркса в Грецию Геродот отмечает, что в его армии находились и саки, «которые носили на головах высокие островерхные тюрбаны, такие плотные, что они стояли на голове» (Геродот, VII, 64). Вероятно, эти саки были из области» названной позже Страбоном Сакасена (Баласакан в III веке) и расположенной в Атропатене.

Очень важен вопрос о месте обитания этих саков. По нашему мнению, В. В. Струве [469, 56] верно отметил, что слово «парикании» в сообщении Геродота в данном случае является искажением от «Гиркани», т. е. саки обитали где-то рядом с гирканами. Это подтверждается сообщением Ксенофонта, что саки были соседями гирканов и кадусов (Киропедия, V, 2). Такая локализация соответствует сообщению Страбона о том, что другая
Сакасена лежит «ниже Гиркании» (Страбон, XI, 7, 2). Арриан сообщает, что перед битвой при Гавгамелах (331 г. до н. э.) рядом с парфянами и тапурами (племя в Южном Прикаспии, обитавшее по соседству с гирканами) стояли саки (Арриан, III, 2, 4). По менению В. В. Струве, эти саки кочевали в степях, расположенных на юго-восточном побережье Каспия [470, 57].

Поэтому область, среди других отложившаяся от Дария I, где согласно Бехистунской надписи, обитали саки-тиграхауда, вероятно, является Сакасеной Страбона в Мидии. Надо отметить, что саки в том же регионе известны еще в VII веке до н. э. По этому поводу Э. А . Грантовский писал: «В 1933 г. была опубликована надпись Ашшурбанапала (668—663 г. до н. э.) на мраморной плите из храма Иштар в Ниневии. В этой надписи

(строка 146) Тугдамме (655—652 г. до н. э.), известный по другим текстам как вождь киммерийцев, называется царем «страны Сака» (или «саков»). Издатель текста Р. Томпсон читал последующие знаки как одно слово, считая его дополнением к названию Сака, и пытался отождествлять его с какими-то из названий скифских племен. Но, как показал позже Х. Тадмор, следует читать «Сака и Гутиум». По его мнению, надпись может указывать на то, что вождь киммерийцев Тугдамме (разбивший мидийского царя в 640 г. до н. э. — Г. Г.) в то время царствовал и над скифами (т. е. саками. — Г. Г.), связанными, по ассирийским текстам, с Манной, которая может выступать под именем Гутиума» [240, 84]. Как полагают, это упоминание относится к 641—640 г. до н. э. [352, 156— 157]. Ю. Б. Юсифов полагает, что одно из киммеро-скифо-сакских объединений во главе с Ишпакаем находилось к северо-западу от Урмийского озера, на территории Манны [524, 182], в области позже названной Страбоном также Сакасена. Эти саки, по его мнению, и есть «острошапочные саки» [524, 182— 183].

Однако на территории Мидии Геродотом засвидетельствована еще одна область саков — в XI округе (Геродот, III, 92), рядом с каспиями, павсиками, пантиматами и дорейтами (теурлай — в ассирийских источниках в районе Тебриза). Возможно, местообитание этих саков позднее стало известно под названием Баласакан и «равнина саков» (см. выше с. 98) — это Каспиана греческих авторов, находившаяся к югу от Куры и Аракса в северной части территории будущей Атропатены.

Э. А. Грантовский верно отмечает, что текст надписи Ашшурбанапала свидетельствует о том, «что у племен, проникших в VIII в. - начале VII в. до н. э. в Переднюю Азию из юго-восточной Европы, уже существовал этноним *сака* [239 84]. Он прав и в том, что употребление этнонима *сака* в ассирийском источнике определенно не может быть обусловлено влиянием персидской или мидиискои традиции, а восходит к бытованию этого этнонима среди самих племен, которые ими обозначены в надписи [239, 87]. Выше мы привели мнение И. М. Дьяконова о том что наименование *ашкузай*, *ишкузай* было самоназванием определенной группы племен, совершивших поход в Переднюю Азию [283, 242]. Как видим, упоминание этнонимов *скиф* (*ишкузай*) и *сака* в ассирийских источниках отдельно друг от друга говорит о том, что эти наименования были самоназванием различных племенных общностей. Поэтому мнение о том, что сака древнеперсидских источников во всех случаях то же, что скиф в узком смысле в античных источниках, неверно, хотя этого мнения до сих пор придерживаются некоторые исследователи. Можно лишь предполагать, что ишкузай ассирийских источников смешивались с саками в Манне и Мидии и позже стали известны под именем саков в древнеперсидских источниках и у Геродота. Поэтому совершенно неправ М, А. Дандамаев, когда, переводя Бехистунскую надпись, он этноним «сака» везде заменял на «скиф» и «Скифия» [264, 262]. Как бы то ни было, М. А. Дандамаев усугубил путаницу, уже существовавшую в проблеме «скифы—саки». Ошибочно само заглавие его статьи «Поход Дария против скифского народа Сака» [265]. В этом случае можно договориться до того, что поход Дария против саков (V столб Бехистунской надписи) — это поход против скифов Причерноморья в 513 г. до н. э. Возможно, М. А. Дандамаев при этом исходил из сообщения Геродота (VII, 64), что «персы ведь всех скифов зовут саками», но не учел, что это сообщение надо истолковать так: часть племен, которых греки называют также собирательнымь наименованием «скиф», т. е. «ведущие скифский образ жизни» персы называли «сака» по их самоназванию. Другими словами, *сака* и *искутай* в ассирийских источниках являются конкретными самоназваниями определенных этнических общностей, в то время, как в античных источниках «скиф» является общим собирательным наименованием для различных племен, в том числе и саков. В известном сообщении Помпея Трога говорится, что «Кир, подчинив Азию и покорив под свою власть весь Восток, пошел войною на скифов (т. е. саков. — Г. Г.). Над скифами (т. е. саками или массагетами) в то время царствовала Томирис» Помпеи Трог, (I, 8, 1—8). Таким образом, античный автор по традиции имел право называть саков «скифами», но М. А. Дандамаев, — конечно, не имел, такого права, зная, что Плиний писал: «За этой рекой (Яксарт. — Г. Г.) живут скифские народы. Персы дали им общее название саков от ближайшего народа, а древние звали арамийцами» (Плиний, V, 50).

Из сказанного выше можно сделать вывод, что кроме Сакасены в междуречье Куры и Аракса существовала другая Сакасена и область саков в Мидии — Атропатене. Саки одной из этих областей в древнеперсидских источниках названы острошапочными — «тиграхауда», а в сообщении Геродота, — «ортокарибантиями». Эти саки обитали в Мидии и территориально не имели отношения к сакам Сакасены в Албании. Все это говорит о том, что междуречье Куры—Аракса, где обитали саки Албании, не входило в состав сатрапии Ахеменидов: Албания скорее всего, была лишь зависимой от Ахеменидов страной, а потому эти саки не могли восстать против Дария. Именно Сакасена в Мидии в была временно захвачена Арменией во II в. до н. э.

Исходя из изложенного, становится ясным, что саков междуречья Куры—Аракса не следует отождествлять с ортокарибантиями Геродота, как это делают И. М. Дьяконов, И. Г. Алиев, а вслед за ними и другие исследователи.

Сакасену в Атропатене следует отождествить с местом обитания ортокарибантиев Геродота — острошапочных саков древнеперсидских источников, из десятого и одиннадцатого округа Ахеменидского государства. Эту область расселения саков, в свою очередь, можно считать «Страной Сака», о которой говорится в надписи ассирийского царя Ашшурбанипала в Манне (VII в. до н. э.).

Об этнической принадлежности саков в узком смысле мы говорили выше (см. II главу) — они, безусловно, древние тюрки, и поэтому нельзя считать язык саков иранским. Можно лишь допустить, что в эпохе эллинизма этноним *сака* стал собирательным также для части ираноязычных племен Средней Азии. Названный так иранистами «сакский язык» вовсе не являлся общеразговорным языком для всех саков Средней

Азии, Закавказья и Передней Азии. Не исключено, что выявленная в Хотане письменность была официальным языком для саков, но принадлежала какому-то ираноязычному племени. Такое употребление языков было характерным для многих народов Востока. Например, арамейским языком в качестве официального пользовались в Иране и Атропатене. Р. Фрай писал, что «тексты на хотано-сакском языке и на сакском диалекте Тумшука и Муртука являются памятниками правящей верхушки саков, живших в Восточном Туркестане» [498, 233]. Если исходить из концепции иранистов о ираноязычности саков на основе письменных памятников, найденных в Хотане, то и азербайджанских поэтов, писавших. на персидском и арабском языках XI—XIII вв., следует считать персами или же арабами по этнической принадлежности. Абсурдность подобных выводов очевидна.

Из вышесказанного вытекает, что саки в Манне, о которых идет речь, не имеют никакого отношения к античным ираноязычным «скифам» (предкам осетин) Северного Причерноморья.

Теперь можно ставить вопрос о месте саков в этногенезе азербайджанцев на территории Манны. Как отмечено выше, саки в Мидии и Манне известны с VII века до н. э. и одна область их обитания в первых веках н. э. Страбоном названа «Сакасена», т. е. так же, как Сакасена в Албании. Имя предводителя поселившихся в Манне саков Ишпакай этимологизируется на почве тюркских языков (см. выше, с. 304). Интерес вызывает также название села Сакашон с азербайджаноязычным населением и там же реки Секшан (от Сакашан) в Астаринском районе, на границе с Иранским Азербайджаном. Ведь именно каспии вместе с саками включены Геродотом в XI округ Ахеменидской державы, куда входила и нынешняя Талышская зона. Можно предположить отсюда, что название Сакашон привнесено на север переселенцами из атропатенской Сакасены. Разумеется, саков следует считать одним из этнических компонентов, участвовавших в формировании атропатенской народности. Выше было также сказано, что с этнонимом сака связан и топоним Баласакан — «поле (равнина) саков», область, которая охватывала в раннем средневековье и правый, и левый берег Аракса.

В связи с вопросом о месте и роли саков в этногенезе азербайджанцев нужно отметить следующее.

Известно, что столицей Атропатены еще во II в. до н. э. был город Ганзак (греч. Газака, латынск. Газа. Ганзака). Этот город упомянут Страбоном, Плинием (у него Зазака) и Птолемеем в форме Газака. В форме Гандзак он упомянут также в древнеармянских источниках. Фавст Бузапд (кн. III, гл. 7) помещает Гандзак в пределах Атропатакана. В «Армянской географии VII века» Ганзак назван мидийским городом [4, 22]. Безусловно, упомянутый Газак (Ганзак), Гандзак в Атропатене имеет единое происхождение с Ганзаком (Гянджа) в Албании в области Шакашен. Город Ганзак в Атропатене находился в 6 фарсангах к югу от Мараги [319, 21], па юго-восток от оз. Урмпя, на одном из правых притоков реки Джагату и существовал до XII—XIII вв. Там находился главный храм огня. Населенный пункт Джанза там упомянут Ибн Хордадбехом [см. 11, 107]. Йакут Хамави (XIII в.) приводит этот топоним в форме Джазнак (искаженное Джанзак) и сообщает, что он является «благоустроенным городом в Азербайджане, недалеко от Мараги». В нем сохранились древние памятники со времени сасанидов, различные здания и храм огня [см. 8, 23].

Таким образом, Гапзак (т. е. Гянджа, по-азербайджански Эянъя) в Иранском Азербайджане тождествлен Гяндже (в древности Гандзак) в Албании. Выше было отмечено, что Ганзак в Албании, в названии которого отразился племенной этноним, и это племя, вероятно, были связаны с саками. Это приводит к предположению, что Ганзак в Атропатене, возможно, также связан с саками и находившимся среди них племенем Кенджек. О том, что Ганзак в Атропатене и в Албании связан с саками, свидетельствует то обстоятельство, что среди саков Китайского Туркестана в XI веке отмечено племя кенжек. Мнение иранистов о том, что Ганджак в Атропатене восходит к иранскому *канза* «сокровищница» (надо отметить, что народную этимологию о связи этнонима Ганджа на юге с персидским словом *гандж* «казна» привел более тысячи лет тому назад ат-Табари) не выдерживает критики. Выше, в связи с вопросом происхождения Гянджи в Албании, было сказано, что топонимы и этнонимы Кенджек и Гендже известны и в Средней Азии, в частности, там есть тюркское племя генже и они восходят к сакам в Средней Азии. Следует отметить, что этноним кенджек (гендже) отразился и в топонимии Иранского Азербайджана. Там есть 4 селения Ганджабад [537, II, 460]. В других останах Ирана отмечены Ганджабад [537, II, 208], Генджеруд, Гендже [537, II, 209].

В пехлевийском трактате «Города Ирана» отмечено, что город Ганзак в Атропатене построил туранец Афрасиаб [см.: 317, 22]. В этой версии привлекает внимание слово «туранец». Что оно означает? Р. Фрай пишет: «В самом раннем из дошедших до нас тюркских словарей Алп Ер Тонга, предок—эпоним или герой тюрок Средней Азии отождествлен с Афрасиабом, главным туранским врагом Ирана в иранском эпосе» [498, 68]. Афрасиаб несколько раз упоминает и в Авесте, где он представлен как главный противник иранцев. Надо отметить, что в сочинениях Махмуда Кашгари и Юсифа Баласагуни (XI в.) вместо авестийского Афрасиаба имеются упоминания об Алп Эр Тонге (тюркск. *тонга*— «леопард», в эпосе «Книга моего Деде Коркута»— Дука), правителе Турана. Арабские авторы ат-Табари и ибн Хаукал связывают генеалогию Афрасиаба с Тюрком, сыном библейского Яфета [335, 109]. Название Туран есть и в древнетюркских надписях — Алп Туран и Уюк Туран [335, 20—21]. (Однако, видимо, Алп-Тур не имеет связи с этноним тур, а означает «богатырем развившийся»). В исторических источниках есть сведения, о том, что границей между Ираном и Тураном служила Амударья. Однако востоковеды-иранисты не признают толкования слова «Туран» в значении «страна турок». Г. Нюберг считает, что туры в «Авесте» являются иранцами [597, 252]. В. В. БартолЬд писал о туранцах, что это название встречается в Авесте и предполагает, что это другая ветвь арийского народа, менее культурная. «Между этими двумя народами, ариями и турами, была вражда, а затем под владычеством тюрок, эти два слова сблизились и наименования туран стало относиться к тюркам, к которым оно не относилось

первоначально» [167, II, I, 661]. Такое же мнение высказывает и Р. Фрай: «Не лишено вероятности, что после победы ислама тюрки были действительно отождествлены с более ранними турами (*tur*), поскольку в наименовании Турк можно видеть форму множественности числа *turk*, где *tur* — обозначение какого-то тотема пратюрков Центральной Азии. Тогда тюркское *Турк* было бы равно по значению иранскому *Turan* — по форме также множественное число» [498, 66}. И. Маркварт писал, что *tura* в «Авесте»—это массагеты [583, 157]. Однако эти соображения нам представляются малоубедительными. Туры в «Авесте» являются тюрками, и, скорее всего, этот этноним был собирательным наименованием древнетюркских племен, среди которых особое место занимали носители конкретного этнонима сака, а из Махмуда Кашгари известно, что в Средней Азии где раньше обитали саки, было племя кенджек. В надписи Шапура I (III в.:)
Туран упомянут как подвластная персам область в Средней Азии. «Царь Туранский» упомянут ат-Табари в связи с событиями, относящимися к правлению Ардашира (начало III века), но в надписи Шапура I в Кааба-и Зардушт (262 г.) есть слово Турестан. В книге Бундахаши, написанной на среднеперсидском языке, неоднократно вместо Туран зафиксировано Туркестан [302, 89]. «Есть и прямое указание в «Шахнаме» на то, что туранцы говорили на тюрки (тюркском языке). У Фирдоуси Туран олицетворяет уже тюркские племена, «расположенные по ту сторону Амударьи вплоть до Центральной Азии» [там же].

Тур был самоназванием одной из крупной этнической общности алтайского происхождения, которая обитала в непосредственном соседстве с арийскими племенами.

Привлекает внимание тот факт, что среди тюркских племен было известно племя *туран* и его название отразилось в топонимии Иранского Азербайджана.

Далее, мы считаем, что к этнониму тур восходит и этноним *турк*, от *тур* и суффикса «к». (Об образовании многочисленных тюркских этнонимов с суффиксом «к» см. выше, с. 56).

О тюркском происхождении туранцев упомянуто в трудах некоторых исследователей. Они считают, что *тура* в «Авесте» означает «тюрки», а Туран — Туркестан. Некоторые считают, что туранцы были смешанными: среди них были и тюрки, и иранцы [194]. Во всяком случае, мнение И. Марквартa, Х. Нюберга, В. В. Бартольда, В. И. Абаева, Р. Фрая и ряда иранских ученых об ираноязычности туранцев трудно считать объективным. В связи с этим интересно отметить, что в Южном Азербайджане и некоторых областях Ирана до сих пор сохранились населенные пункты Туран, Туранкала [537, I, 78], Турани, Туранпошт [537,
I, 52] и другие с азербайджанским населением.

Как известно, Афрасиаб считается легендарным царем туранцев. Туры в источниках именуются также саками. В «Авесте» упоминаются «туры с быстрыми конями». Эльтуран в «Авесте» считается кочевым племенем и принадлежащие к нему считаются ахриманами и противопоставляются иранцам. Собственного имени Афрасиаб в «Авесте» нет — оно является позднейшей раннесредневековой формой авестийского Франграсьян (вернее —
Транграсян), в котором, по-видимому, следует выделить компонент Туран и слово *рас* в значении «глава». В легенде об Афрасиабе заслуживает внимание лишь тот момент, что древнетюркским племенем, обитавшим в Атропатене, являлись, видимо, саки, поскольку есть мнение, что тура в «Авесте» — это саки. Дело в том, что в самом пехлевийском источнике «Города Ирана» написано, что Афрасиаб построил Ганзак [см. 317, 19].

Согласно «Авесте», этот Транграсьян (Афрасиаб) из племени тур завоевал Арвюшайана, т. е. землю арийцев или страну иранцев Кавкаянидов, но Кави-Хосров, свергнув его, убил «у озера Чайчаста» — глубокого озера с **солеными водами**». В среднеперсидском источнике Бундахшин («Основное творение») прямо сказано, что озеро Чичаста (Чайчаста) находится в Атропатене [317, 20]. Очевидно, что упомянутое озеро Чичаста — это современное озеро Урмия. Наименование его в среднеперсидском языке имело форму Чез, к нему восходит Шиз в арабских источниках — там находился главный храм огня Адургушнасп на горе Аснаванд [см. 317, 110—113]. Действительно, озеро Урмия и ныне является сильно засоленным озером. Однако И. М. Дьяконов озеро Чичаста отождествляет с Аральским морем [287, 143]. Эта локализация, по нашему мнению, неприемлема. В одном среднеперсидском источнике сказано: «Огонь, сын Ормузда — Адургушнасп, и (его основал) Кей-Хосров, и озеро Хосрова — в Азербайджане, и [там] гора Аснаванд, созданная Ормуздом, [и] озеро Чичаст, созданное Ормуздом» [317, 141]. Ясно, что в данном источнике озеро Чичаст помещено в Азербайджане. По мнению некоторых исследователей, среди саков был распространен зороастризм [352, 149—154], а выше отмечено, что в городе Ганзак, возникновение которого связано, по нашему мнению, с саками, находился храм огня; с этим, может быть, связано и то, что «зороастрийская традиция помещает пророка в Азербайджане» [498, 53]. Исходя из сказанного выше, можно предположить, что зороастризм на территорию Атропатены был привнесен саками. На территории Иранского Азербайджана есть селения Сакан и Сакани [537, IV, 273], а в других останах Ирана — Сакене (537, V, 221), Шагали (от этнонима шака и тюркского суффикса принадлежности -ли) [537, VII, 26], Шакабад (537, VII, 262).

Как видим, многие убедительные данные свидетельствуют о том, что саки являются одним из тюркских этнических компонентов в этногенезе азербайджанцев и на юге региона.

Савроматы-сарматы. В связи с выдвинутым положением о существовании тюркских этнических общностей на территории Мидии и тюркоязычности части племен, которые в источниках также названы собирательным наименованием «мидянин», следует хотя бы вкратце сказать о савроматах-сарматах.

К востоку от скифов Северного Причерноморья, на восток от Тананса (Дон или Донец) (см. Геродот, IV, 21) античные авторы помещают савроматов и сарматов. По Геродоту, скифы и савроматы родственны, ибо

последние якобы произошли от браков скифов с амазонками-сарматскими женщинами (Геродот, IV, 110) [см. подробно: 463]. Позже в античных источниках в этом регионе упоминается еще этническая общность «сармат» и они, эти две общности, часто отождествляются. Например, Скилак Карианидский, живщий в IV в. до н. э., отмечает, что народ Танаид, т. е. народ, живущий у реки Дон, называется сирмат (Скилак Карианидский, Европа, 68). У Овидия Назона, жившего в I в. до н. э. и I в. н. э., встречается наименование — то сарматы, то савроматы [см. ВДИ, 1949, № 1, с. 228, 229, 234). У Плиния (I в. н. э.) также есть выражение «сарматы или по-гречески савроматы» (Плиний, IV, 80). Исходя из этого, в исторической литературе савроматы считаются ранними сарматами.

В данном случае нас интересует то, что в античных источниках сообщается об этническом родстве савроматов-сарматов с мидянами. Диодор Сицилийский (I в. н. э.) пишет, что скифскими царями «были переселены и многие другие покоренные племена, а самых важных выселений было два: одно из Ассирии, в земле между Пафлогонией и Понтом, другое из Мидии, основавшееся у реки Танаида. Эти переселенцы назывались савроматами» (Диодор Сицилийский, II, 43). Выходит, что савроматы, известные на реке Дон (или Донец) в середине I тыс. до н. э., являлись переселенцами из Мидии. Плиний сообщает, что по реке Тананду, впадающей в море двумя устьями, живут сарматы, по преданию, потомки мидян (Плиний, V, 19). О родстве савроматов-сарматов с мидянами писал Юлий Солин: «За живущими в Азии савроматами, которые дали убежище Митридату и происходит от мидян, стали граничить с теми племенами, которые на востоке достигают устьев Каспийского моря» (Юлий Солин, XV, 18).

Итак, в античное время было известно, что мидяне имеют какие-то родственные связи с савроматами-сарматами. Однако в этих сообщениях есть несколько неясных моментов: во-первых, непонятно, в каком смысле употреблен этноним «мидяне» — в собирательном или конкретном, иными словами, с каким племенем Мидии были в родстве сарматы; во-вторых, является ли это родство генетическим или нет. Следует учесть, что во времена позднеантичных авторов уже существовал атропатенский народ и поэтому слово «мидянин» употреблено в своем традиционном смысле и означало «житель Мидии».

Существует мнение, что скифы Северного Причерноморья и Северного Кавказа являются скифами, вернувшимися из Мидии. Еще И. М. Дьяконов писал, что сколоты Северного Причерноморья являются частью скифов, вернувшихся из Передней Азии [283, 244]. И. В. Куклина считает, что киммерийцы и скифы пришли с Востока через Иран в Закавказье и Малую Азию, а оттуда в 585 г. часть их перешла на Северный Кавказ [347, 112]. Однако эта гипотеза представляется неубедительной, о чем мы высказались выше. Можно говорить лишь о возвращении части скифов из Мидии на север и среди них каких-то частей мидийских племен. Возможно, среди этих переселенцев находились маннеи (маги), и этим объясняются топонимы от этнонима *маг* или *муг* вДагестане и на Северном Кавказе (см. выше, с. 172). Сведения античных авторов послужили для иранистов фактом, свидетельствующим якобы об ираноязычности всех мидян и сарматов. Однако сами античные авторы, лучше знавшие персов, чем мидян, почему-то не говорят о родстве персов и савроматов- сарматов, тогда как иранисты мидян и персов в узком смысле этого слова считают родственными по этнической принадлежности.

Правда, Страбон отмечал сходство языков мидян и персов. Но неясно в каком смысле употреблен им этноним «мидяне» — как представители племенной общности мадай или в смысле «жители Мидии», среди которых действительно могло быть и ираноязычное (персоязычное) население. Начиная с VII—VI вв. до н. э., т. е. со времени Мидийского государства, слово «мидянин» могло означать не только представителя общности мадай, но и различные по этнической принадлежности племена. Следует отметить, что еще в ассирийских источниках употребляется собирательное значение этнонима *мидяне* [283, 145]. Так, в сообщении Саргона II (713 г. до н. э.) мы читаем «могучие мидяне» [см. 130, 196], в отличие от арийцев. Так или иначе, некоторая общность мидийских и северопричерноморских племен явно заметна, чего нельзя сказать в отношении древних персов. Например, буди (наименование одного из шести мидийских племен — см. выше), по мнению иранистов, на почве иранских языков не объясняется. С другой стороны, скифское племя будин в Северном Причерноморье также считается не ираноязычным. Если между мидийскими и скифскими племенами была какая-то общность происхождения, то можно допустить, что мидийское племя буди связано с будинами.

Интересен еще такой факт. Встречаются изображения змей на предметах, найденных на Северном Кавказе, которые относят к сарматским [484, 91]. В то же время известно, что у мидян был культ змей [130, 69]. И. Г. Алиев писал, что Моисей Хоренский представляет мидян в качестве племен «змеерожденных», а в «Авесте» ираноязычные племена выступают в роли змееборцев т. е. яростных противников культа змей. Змей был тотемом ав тохгонных племен Мидии [130,65].

В литературе отмечается, что в состав савроматов-сарматов вошли племена Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии эпохи раннего железа и что наличие монголоидной примеси и антропологическая близость с Алтаем указывают на то, что в формировании савроматов принимали участие племена более восточных областей [483, 71]. Считают, что савроматы как восточные соседи скифов с IV в. до н. э. перешли Дон и вторглись на территорию скифов [460, 109]. Со II в. до н. э. они хозяйничали в областях, расположенных между Доном и Днепром [там же, 113] и в дальнейшем направлялись на юг — к Северному Кавказу [там же, 113].

При объяснении происхождения сарматов следует иметь в виду также следующие моменты: во-первых они пришли в Северное Причерноморье и Северный Кавказ с востока [463,9], а с востока пришли не ираноязычные племена, а племена алтайской семьи языков; во-вторых, сарматы были родственными по этнической принадлежности с пришедшими в Северное Причерноморье с востока скифами (Геродот IV, 117:

«Савроматы говорят по скифски, но исстари неправильно») ; в-третьих, позже среди сарматов Северного Кавказа, которых, как отмечено выше, считали родственными с мидянами, Плиний упоминает (VI, 15) племя турк. Этноним *турк* в соседстве с савроматами-сарматами упоминает и Помпоний
Мела. «Будины населяют деревянный город Гелоний. В близком соседстве с ними тиссагеты и турки живут в обширных лесах и добывают средства к жизни охотой» (Помпоний Мела, II, 19, 116). Где обитали эти турки среди сарматов? Страбон (XI, 2, 15) пишет: «Кавказские горы отделяют с юга Албанию и Иберию, а с севера — Сарматские равнины». Следовательно сарматское племя турк жило в северокавказских степях. Среди этих же сарматов, как отмечено выше, обитали тюркоязычные гаргары и сираки. Одно из племен в Сарматии во II в. н. э. Дионисий Периегет назвал гунн. Еще в начале 50-х годов А. П. Смирнов писал, что тюркоязычные болгары вначале были сарматами
(в данном случае ираноязычными. — Г. Г.) и они отюречены в связи с гуннским нашествием (А. П. Смирнов. Волжские болгары, М., 1951, с. 10).

Первоначальной территорией расселения сарматов считаются поволжье-уральские и подольские степи [485, 69], где не могло быть ираноязычных племен. Сарматы обитали в непосредственной близости от албанов. Например, у Страбона (XI, 5, 31) 'мы читаем, что «савроматы живут до областей иберийцев и албан».

К. Ф. Смирнов, специально исследовавший историю савроматов-сарматов [463], писал, что жившие на востоке от Волги, в степях южного Приуралья сарматы не позже II в. до н. э. «сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных», [Диодор, II, 43, 7] заняли Северный Кавказ и Причерноморье [463]. Известно, что около 127 г. до н. э. возникло государство сарматов, которое просуществовало 600 лет. Так или иначе, с IV—III вв. до н. э. Сарматия занимала уже предкавказские равнины [463, 209]. Как отмечено выше, эти савроматы-сарматы в первых веках н. э. обитали в непосредственной близости от албан. Птолемей юго-восточную Европу называл Сарматией. Европейская Сарматия у него располагалась к западу от Дона, Азиатская — к востоку от этой реки. В «Армянской географии, VII века» к Сарматии относилась уже территория устья Волги [298, 51].

Античные авторы называют их также амазонками. Помпоний Мела (Землеописание, III, 5, 39) отмечает, что амазонки называются савроматидами. Страбон пишет о них, помещая их на севере «вплоть до Кавказа и области иберийцев и албан» (Страбон, II, 5, 31). Помпеи Трог пишет, что «в соседстве с албанами живут амазонки...» (Помпеи Трог, Филиппова история, XL, II, 3, 7). По Плутарху, во время битвы Помпея с албанской армией на стороне албанов сражались также амазонки, (т. е. савроматы- сарматы), пришедшие с гор (Плутарх, Помпеи, XXXV). Почему сарматов называли амазонками? Это было связано с тем, что эта этническая общность иногда управлялась женщинами, и сарматские женщины на войне воевали наравне с мужчинами. Помпоний Мела (Землеописание, III, 4, 34) отмечает, что у савроматов сарматов «даже женщины участвуют в войнах наравне с мужчинами». Следует отметить, что у савроматов женские погребения также содержали оружие и уздечный набор, а иногда даже встречались конские захоронения [463, 145]. Можно привести еще мнение А. П. Смирнова, что число женских погребений с оружием у савроматов больше чем у скифов и достигает 20% от общего числа могил с оружием» [460, 86].

Скилак Карианидский (IV в. до н. э.) пишет: «От реки Танаида (Дон. — Г. Г.) начинается Азия и первый народ на Понте — савроматы. Народ савроматов управляется женщинами» (Скилак Карианидский, Азия, 70). Важно отметить, что женщины-правители известны в дальнейшем среди гуннов.

Вопрос об этнической принадлежности сарматов неясен. Их считали славянами (Н. Надеждин, К. Нейман, Е. Е. Забелин и др.), но затем возобладала точка зрения об иранском происхождении савроматов-сарматов (К. Мюлленхофф, Ф. Р. Шпигель, В. Миллер, Ф. Юсти, И. Маркварт, М. Фасмер, В. И. Абаев, Я. Харматта, К. Ф. Смирнов и другие — см. 247, 365, прим. 626). Выдвинутое еще в 80-х годах XIX века это мнение (см. например W.Gejger.Ostiranische kultur in Altertam.Erlanden, 1882,s.200 и сл.) позже считалось аксиомой, и было принято всеми, в том числе советскими иранистами, и поэтому через сто с лишним лет советский археолог утверждает, что сарматы — это «общее обозначение ираноязычных кочевников степей Восточной Европы» (463, с. 18). На этом вопрос считается исчерпанным. А куда делись эти «ираноязычные» сарматы, обитавшие еще в первых веках н. э. в Юго-Восточной Европе, в том числе и на Северном Кавказе? Какие современные народы можно считать их потомками? Существуют различные этимологии этого этнонима на основе иранских языков: «черноволосые», «черношапочники», «смуглорукие», «обладатели серых лошадей», «обладатели серебристо-серых лошадей» [см. 108; 114, III, 142]. Все это, однако, выглядит неубедительным — этнонимы с такими значениями не могли образоваться, если они являлись самоназванием.

На каком основании сарматов считают ираноязычными? Известно, что этноним *сармат* в античных источниках зафиксирован в форме *sarmatai* — от этнонима сармат и древнегреческого окончания *ai*. Но В. И. Абаев предлагает делить этноним *sarmatai* на *sarma* и *tai*, а последнее на коренную частицу *ta* и греческое окончание «i», а частицу *ta* он считает иранским суффиксом множественности. Все это делается для того, чтобы найти в этнониме сармат показатель множественного числа *tə* в осетинском языке и считать этот этноним в конечном итоге иранские [115, 339]. Отметим здесь попутно, что Э. А. Грантовский, вслед за Н. Я. Марром и В. И. Абаевым, также объясняет слово *сколот* как *скулта*, от *скул* и частицы *та*. Этот же метод применяется в отношении и других этнонимов, оканчивающихся на t: *сколот*, *савромат*, *массагет*, *авхат* и т. д. Получается, что, например, этнонимы, переданные древнегреческими окончаниями *oi*, *ai* (*skolotai*, *sarmatai*, *avxatai* и др.) звучали как «ахвата», «сколота», «сармата», и т. д., т. е. с иранским, вернее, осетинским

окончанием «*тə*» и, таким образом, отнести эти этнонимы к иранским языкам. Следует отметить, что на самом деле «*т*» в конце этих этнонимов является конечной буквой разных компонентов: *мат*
в этнонимах *сармат*, *савромат*, *аксамат*; *гет*, *гат* в этнонимах *массагет*, *тиссагет*, мидийское— *струхат*, (последнее И. М. Дьяконов объяснил как «краткое слово» — 283, 196, хотя ясно, что этноним с таким значением не мог быть образован); *от, ут* (в этнонимах *сколот, искутай*) и т. д. Вот такими манипуляциями утверждается тезис о ираноязычности всех скифских племен и народов! Р. Фрай этимологию В. И. Абаева (*сармат* — «чернорукий») считал спорной [498, 217]. Существовало еще мнение, что этноним *сармат* связан с этнонимом *саирма* в Авесте. Однако это вовсе еще не значит, что сарматы являются ираноязычными. О. Н. Трубачев считает, что этноним *сармат* имеет значение «женские», «принадлежащие женщинам» [Трубачев О. Н. «Старая скифия Геродота (IV, 99) и славянский лингвистический аспект». Вестник языкознания, 1979, № 4), хотя и такое объяснение не выдерживает критики.

Однако некоторые исследователи этот этноним считали тюркским (от тюркск. сары «желтый» и компонента *мат*; от суффикса? *m+at,* см. выше, с. 52). Еще Плиний среди племен Причерноморья упоминает племя агамат (Плиний, VI, 26). Константин Багрянородный (X в.) среди печенегов южнорусских степей упоминает племя *талмат* и *воро-талмат* [26, 155—157]. Следует отметить, что компонент мат характерен для многих ныне существующих тюркских этнических названий: кумат [471, 44], досмат [118, 112], касмат [118, 116], шермат, возможно, он является фонетическим производным от *сармат* [118, 135], ту мат [293, 138} и др. На Алтае у ойротов есть этнонимы алмат (*сары-алмат*, *кара-алмат*) [173]; среди башкир есть племя *юрмат*, (о происхождении внешне выделяемого компонента мат см. выше, с.52).

Таким образом, в этнониме сармат выделяют иранское окончание множественного числа «*та*» [242, 59], но логичнее в нем выделить компонент *мат*. Следует отметить, что вообще в работах Э. А. Грантовского заметна тенденция искусственного членения этнонимов, антропонимов и топонимов с целью произвольного их объяснения. Например, явно неубедительной кажется этимология этнонимов *мада*, *бус*, *сколот*, *сагарти*, *энарей* и др.

Поэтому тюркскую этимологию этнонима сармат следует считать правильной. Существуют факты, говорящие в пользу того, что сарматов можно считать изначально тюркским племенем, однако впоследствии, этот этноним стал собирательным. Стефан Византийский упоминает город сарматов в Европейской Сармагии — Тамарака, от древнетюркск. там «стена», «крепостная стена» и орек «сооружение», «крепость» [54, 1, 2, 1218], с общим значением «город имеющий крепостные стены».

Сарматное личное имя Каракст мы считаем фонетическим от исконного Каракшат, от тюркск. *герек*, *керек* «нужный», «необходимый», «надобный» [62, III, 25—27] (ср. монгольские имена III века — Каракай, Каракчин — 41, 18, 45) и *шат* «принц».

Этническая близость савроматов-сарматов к тюркам подтверждается и антропологическими исследованиями. В. Фирштейн пишет, что черепа савроматов больше сходны с черепами Майеранского и Пазырыкского этапа из Горного Алтая [483]. Римский поэт-изгнанник Публий Овидий Назон на рубеже нашей эры оставил нам описание монголоидной наружности сарматов: «Звериными шкурами и широкими штанами они защищают себя от жестоких холодов, их *страшные лица* (выделено нами.—Г. Г.) закрыты длинными волосами...» [V, 7, 43—50]. Это описание сравните с описанием Торка в Армении, данным Моисеем Хоренским (кн. II, гл. 8). Еще одно доказательство — это идентичность
сарматских монограмм или эмблем с тамгами древних тюрков. На этой почве можно объяснить существование родового подразделения самат (от сармат) среди каракалпаков, называющегося также мюйтен, и подразделения *сармат телеу* среди казахов — там существует селение Сармат с казахским населением [см. 480, 9]. Имя сарматской царицы II века до н. э. Амаг возводят к авестийскому ама (алга) «сильный», «могучий» (115, 278). Мы считаем эту этимологию неверной (вряд ли ребенка женского пола нарекали бы словом, имеющим значение «сильный» и т. д.) и связываем это имя с тюркским словом омаг (omak,omag) «бодрый», «живой» (о настроении, о характере) «веселый», «хорошее настроение», «гордость» (см. 62, I, 452).

Существует еще одно доказательство в пользу мнения тюркоязычности сарматов. Плиний в отношении сарматов пишет: «Сарматы или по-гречески савроматы, и из их числа амаксовии или аорсы» (Плиний, IV, 80). По нашему мнению, слово амаксови (у Птолемея, III, V, 7: гамаксоби) является тюркским словом и состоит от тюркского емок (*amak, emak*) «двигаться на четвереньках», «медленно идти (двигаться)» [см. 62, I, 275], с добавлением греческим автором фонемы «с» и тюркск. оба, oba «племя», «род», «войлочная юрта кочующих племен», «племя кочевников» «место жительство племени» и т. д. [62, I, 400]. В целом это слово отражает медленное движение повозок. У Помпония Мелы (кн. II, 2) есть сведения о том, что савроматы называются «амакобиями», потому что «вместо домов им служат повозки». Как известно повозки были характерной особенностью кочевых тюркских племен. Этноним аорс мы считаем искажением от тюркского этнонима *урус, орыс* (см. выше, 255).

Другим сарматским племенем было тюркское племя басил, которое впервые в форме васил упомянуто автором I века Плинием (Плиний, IV, 82). «Армянская география VII века» свидетельствует, что в Сарматии находятся горы и много рек в том числе Атил в 70 рукавов, где укрепилось племя басилов [14, 37].

Другое сарматское племя впервые упомянутое Страбоном,называлось сирак (Помпоний Мела, I, 114). В начале нашей эры они жили среди сарматов. У Страбона есть выражение «страна амазонок Сиракена» (Страбон: XI, 5, 2). Если амазонки — это савроматы-сарматы, то отсюда следует, что сами сираки по происхождению относятся к сарматам.

Вопрос о происхождении сираков и анализ сведении о них не входит в нашу задачу [см. 196]. Отметим лишь здесь, что В И Абаев этноним *сирак* объяснял на почве осетинского языка со значением «идущий», «танцующий плавно», «иноходец» [108, 182- 115 ,342] Однако это толкование неубедительно. В этнониме сирак выделяется компонент «ак», характерный для многочисленных тюркских этнонимов *каймак* (*кимак*), *кыпчак*, *казак*, пачанак, уграк, шамак и др., (см. выше, с. 56). Следовательно, частица ак имеющая уменьшительное или ласкательное значение в иранских языках, «усиливающая» основу наращением, не придававшим ей никакого-либо особого семантического оттенка в осетинском языке [115, 343], не имеет отношения к ак в указанных тюркских этнонимах. Сираки не были ираноязычным племенем Они оказались включенными в аланскую конфедерацию на рубеже II-III вв., но это еще не говорит, что они были аланами. С Северного Кавказа они переселились в Закавказье и далее на юг — в Атропатену (см. ниже, с. 349), но когда именно это произошло - неизвестно. К этнониму *сирак* восходит древний топоним Ширак в Армении - западнее Севана. Сираки, по мнению К. П. Патканова, пришли сюда в IV веке [419, 48]. Интересно отметить, что этот этноним в Армении сохранился в
топониме Шурагел, от этнонима *широк* и тюркского ел- «племя» Следует отметить, что Ибн Хордадбех указанный *Ширак* писал как Сирадж [11, 108]. В «Истории албан» отмечено что
религиозный представитель Ширака принимал участие в Албанском соборе а Ширак являлся албанской областью (Моисеи Каланкатуйский, кн. III, гл. 16). Указанная облает вероятна всего находилась в нижнем течении Алазани - Иори, где ныне находится Ширакская степь в Грузии. В фонетической форме *чирак*(*чирах*) этноним *сирак* отражен в топоними Кавказа особенно Азербайджана. В XIX в. на Кавказе отмечены 11 топонимов с компонентами «чирак» [418, 285]. Вероятно, из Предкавказья часть сираков проникла в Албанию, что отразилось во многих географических названиях. В настоящее время в Азербайджане имеется 4 села Чираклы (Шемахинский, Дашкесанский, Лачинский и Кельбаджарский р-ны), Чирак-Уз (Гадрутский район), Чирагидере — «ущелье чирагов» (Ханларский р-н) и многие микротопонимы — Чирак-Юрд «земля чирагов», Чиректепе «холм чираков», Чиракйери «место чираков», Чиракдюзи «равнина чираков» и др. Кроме того в середине XIX в. в Азербайджане жило племя Чираклу, состоявшее из 79 семей. От этнонима *сирак* получил название ряд этнотопонимов в Дагестане — река Чираксай, селения Чирак и Чиракчи и др. [418, 285]. На Северном Кавказе был топоним Чираксу-оба (там же). В Средней Азии отмечены кара—сирак — род среди каракалпаков, топонимы Сирак, Сирак-Дуван, Катта-Сирак в Узбекистане [480, 9—10], село Чиракчи — в Туркмении (там же).

Полагают, что сираки обитали на территории нынешней Кубани [245, 31], а происхождение топонима Кубань относят к первым векам н. э. [257, 5]. Сам же топоним Кубань является фонетически производным от тюркского этнонима куман. Надо отметить, что топоним Кубан в форме Гипанис упомянут еще Геродотом (V в. до н. э.).

Тацит (Летопись, XII, 15) употребляет выражение «царь сираков Зорсин», т. е. Чорсин, от тюркского чур «витязь», «герой» и т. д. и компонента син, шин «подобно» (об этом компоненте в личных именах из Манны — Эрисин, Шарсин и др., см. выше,
с. 270—271). Это имя можно сравнить с личным именем (искаженным) Зирдкин у хазаров, упоминаемым Моисеем Каланкатуйским (кн. II, гл. 25). Страбон называет и другого царя сираков— Абеака (I в. до н. э.). Это личное имя является древнегреческой передачей тюркского Абак, в котором отразилось алтайск. Абага «дядя по отцу, брат отца» (62, I, 64—65). Ср.: Абак (Обак) — имя теленгутского князя в VIII веке; известен телеутский князь Абак (XVII в.) [441, 104]. Имя царя сираков можно сопоставить с именем Абагахан — хулагид, сын Хулагу-хана (XIII в.); Р. Г. Кузеев приводит этноним *абак-керей* у башкир [344, 178]. Личное имя Абак бытует у чувашей [356, 9; 24], (Не следует отождествлять это имя с женским именем Апак, Абак у ряда тюркских народов, ср. имя жены Низами Гянджеви Афак, от Апак, со значением «старшая сестра», «тетка по отцовской линии»). В античном источнике (Тацит, Летопись, XII, 16) отмечено, что город сираков на Северном Кавказе называется Успу. Не исключено, что фонема «*с*» передает исконное «*ч*» или «*ш*» и поэтому, возможно, компонент Ус звучал как Уч или Уш, что можно связать с тюркским уч (ис), уш (из) «три». Компонент *пу,* по нашему мнению, является искажением от *оба, опа, упа*, «род»»
«местожительство племени», «пастбище кочевников» и т. д. [см. 61, I, 400—401], и поэтому топоним Успу (от Успа) означал «Три оба», от исконного Учоба или Учопа.

Из вышеприведенных свидетельств видно, что сираки (чираки, шираки) были тюркоязычным племенем и поэтому причисление их к аланам-осетинам, как это делают некоторые последователи-иранисты, — неприемлемо.

Как видим выше, савроматы-сарматы состояли из различных племен, и поэтому данный этноним был общим их наименованием. Все это соответствует сообщению Помпония Мела: «Его берегами (т. е. берегами реки Тананда, современного Дона.—Г. Г.)
и прибрежными местностями владеют савроматы, одно племя (подчеркнуто нами. — Г. Г.), но разделенное на несколько народов с разными названиями: первые меотиды, женовладеемые занимают владения амазонок, степи, богатые пастбищами, но в остальном скудные и голые. Будины населяют, деревянный город Гелоний. В близком соседстве с ними тиссагеты и турки живут в обширных лесах и добывают средства к жизни охотою» [1,116].

О ираноязычности сарматов часто судят по деформированными черепам Северного Кавказа и Албании (Мингечаур) из катакомбных погребений первых веков н. э. Однако деформации черепа известны и среди

кушан, а последние, как известно, не были ираноязычными. В. В. Гинзбург [231, 224] писал: «Тип собственно кушан в антропологическом отношении мы можем пока только предполагать, связав европеидный тип с деформированной головой (на изображениях кушанских царей на монетах) с типом погребения в «гуннских» могильниках Кенкольского типа». Если в первые века этот тип погребения отмечен в Албании, то это говорит о том, что они относятся не к аланам (или как пишет И. Г. Алиев к «сармато-аланам»), а к тюркским сарматам, среди которых находились тюркские племена — ораны, турки, аорсы (орусы), гаргары, дондары, сираки, камаки и др.

Таким образом, если речь идет о деформации головы как об этническом признаке, то его следует отнести к гуннам-кушанам, что подтверждается и бесспорным фактом поселения гуннов в Албании, и наличием многочисленных топонимов Кушчу в Азербайджане. Этноним куши в форме хуши отмечен в «Армянской географии» VII века» как раз в Сарматии [4, 38].

Мы не исключаем возможности нахождения среди сарматов в какие-то исторические периоды также и ираноязычных племен. Сарматия в древних источниках это название огромной территории, в том числе Северного Кавказа, где, бесспорно, обитали и ираноязычные племена. Если «в первых веках нашей эры сарматы занимали обширную степную территорию от Аральского моря на востоке до Дуная на западе» [483, 69], то, естественно, на территории их расселения должны быть обитать и ираноязычные, а также кавказоязычные племена. Этим объясняется сообщение античных авторов о том, что к сарматам относили роксаланов, аланов, язигов и др. К. Ф. Смирнов пишет, что отличия в погребальном обряде (прямоугольных, квадратных, катакомбовых) и инвентаря (керамика, ритуальные украшения, оружие, сосуды) приуральских и поволжских групп сарматов свидетельствовали об их разноэтничности». «Неоднократность расового состава сарматов, — отмечает он, — указывает на их смешанное происхождение» [462, 75]. Поэтому считать конкретно сарматов ираноязычной этнической общностью не приходится. Но и считать сарматов в языковом отношении единым целым тоже вряд ли правильно. Еще в начале нашего века К. Кречмер писал, что сарматы не представляли этнически единого массива [580, 2445]. Становится очевидным, что савроматы-сарматы состояли из различных племен и среди них находились гаргары, дондары, абанты, камаки, ораны, араны, гугары, турки и др. Поэтому выделение сарматского языка М. Фасмером [607], Яном Харматта [567], В. И. Абаевым [115] и другими как диалекта иранского скифского языка, можно признать верным только в том случае, если под этим скифским и сарматским языками подразумеваются языки не всех скифов и сарматов (основная часть которых была древними тюрками), а язык ираноязычных племен Северного Кавказа и Северного Причерноморья, обитателей которых античные авторы также называли скифами и сарматами.

Культуры, относимые археологами к киммерам, скифам, сакам, сарматам и другим древним этносам, охватывающие в первую очередь I тысячелетие до н. э., бесценны в одном отношении: в них отражена часть древней истории племен, говоривших на языках алтайской семьи. Несомненно, тюркологи в будущем, когда в конце концов восторжествует правда, смогут на основе результатов накопленного громадного археологического материала воссоздать дописьменную историю древнетюркских племен и народов Юго-Восточной Европы, Северного Кавказа и Передней Азии.

Итак, сарматские племена — ораны, турки, гаргары, басилы, сираки и др. на Северном Кавказе были тюркоязычными, и если мидийские племена или часть их были родственны сарматам, то можно предположить, что среди мидийских племен были и тюркские племена. В связи с этим непонятно, что имеется в виду под понятием «сарматизация» (а следовательно — иранизация. — Г. Г.) части населения приморских районов Дагестана [340, 224; 464, 272]. Жили тюрки-сарматы в приморских районах Дагестана, оставили памятники — вот и все, что достоверно известно.

Сказанное выше позволяет прийти к выводу, о том, что какие-то тюркские племена проникли на территорию Мидии и Манны с Северного Кавказа через Дербент. Мы считаем, что древние персы пришли с востока, со стороны Средней Азии. Среднеазиатское происхождение персов подтверждается общностью самоназваний древних персов (*парс*), парфян (*парда*) и нынешних афганцев (*пашто*, от *парсо*) [239, 165]. Этим и можно объяснить наличие тюркских племен среди маннеев и мидийцев, о которых мы говорили выше, а в северном Причерноморье и на Северном Кавказе тюркские племена находились среди скифов. В этом отношении интересно высказывание О. Н. Трубачева о том, что «скифо-сарматская антропонимия обнаруживает больше всего сходства с ближайшей к ней географически-мидийской антропонимией Северо-Западного Ирана» [484, 29]. В библейской
генеалогии, приведенной Моисеем Каланкатуйским (кн. I, гл 1), Мадай и Гомер считаются сыновьями Иафета (к потомкам которого отнесены и албаны), от которых происходили соответственно мидяне и скифы. В этой генеалогии народов о персах ничего не сказано. В древнегреческой мифологии родоначальником персов назван Перс сын Персея и Андромеды, тогда как мидяне считаются происходившими от Эгея и Медеи. Как видим, в обеих генеалогиях о родстве персов и носителей этнонима *мадай* нет даже намека. Это говорит о том, что первоначально мидийцы и персы не были родственными по языку и этнической принадлежности.

Из сказанного следует, что сообщения античных авторов о том, что мидяне родственны сарматам, следует интерпретировать по-другому. Если сарматы родственны с мидийцами первых веков нашей эры, т. е. с атропатийцами, то и вывод наш должен быть иным, т. е. что эта родственность говорит не в пользу ираноязычности всего населения Атропатены, поскольку сарматы состояли из различных тюркских племен, о чем мы подробно говорили выше. В дальнейшем сарматы смешивались с раннесредневековыми тюркскими племенами юго-восточной Европы. И. И. Гохман пишет, что «весьма вероятно, что в состав аваров частично

входили сарматские племена, обитавшие в I—II в. на Дону, в Нижнем Поволжье, на Кубани и дошедшие в процессе передвижения до Дуная» [235, 4].

Подводя итог вышеизложенному мы приходим к выводу, что на территории Манны и прилегающих к ней областей в первой половине I тысячелетия до н. э. обитали племена алтайского происхождения, к которым можно отнести носителей этнонимов, упомянутых в ассирийских источниках и у Геродота,—*мадай* (*матай*), *манна* (*манг, маг*), *искутай* (*искудай*), *сака, таурлай, далай, тамане, буди, бус, паретакен, струхат, аризант* и др.

§ 3. Атропатенские племена

В результате этнических процессов, происходивших в предшествующие века, в середине I тысячелетия до н. э. из недр Мидии, входившей в то время в состав державы Ахеменидов, выделяется часть территории, которая с IV века до н. э. получает в античных источниках название «Атропатене», от личного имени сатрапа Мидии Атропата (или вернее Атарпата, иранск.), и древнегреческого суффикса названий местности «ене». Имя Атропат было известно арабским географам IX—X вв. Ибн ал-Факих ал-Хамадани (IX в.) дает его так: Азарбаз (от Адарбад — Атарпат) ибн Иран ибн ал Асвад ибн Сам ибн Нух [10, 59]. В сообщении Ибн ал-Факиха внимание привлекает тот факт, что Атропат назван сыном Ирана, т. е. Ерана, которого можно сравнить с личным именем Аран (Еран) — правителя Албании I в. (см. ниже, с. 459; в среднеперсидском источнике отмечено, что «столицу Адурбадагана построил Эран-Гушнасп, Спахбад Адурбадагана» — 317, 17). У ал-Мугаддаси Атропат назван Азербаз ибн Бейварасиф ибн ал-Асвад ибн Сам ибн Нух [10, 130]. Во всяком случае в этих сообщениях нет намека на арийскую принадлежность Атропата. Наименование Атропатена восходит к иранской форме Атарпатакан — от личного имени Атарпат и суффикса «акан», что означает «атарпатовская», «принадлежащая Атарпату» [136, 80]. К этому наименованию восходит и арабская форма «Азербайджан», впервые упомянутая в арабской литературе в связи с событиями середины VII века. Всякое иное объяснение наименования «Азербайджан» не выдерживает критики.

Годы рождения и смерти Атропата неизвестны, но имя Атропат, как полагают, в древыеперсидском языке имело значение «владыка огня» или «хранимый священным огнем» [283, 260— 262]. Есть еще мнение, что слово Атропат являлось не личным именем, а титулом. Известно, что в Индии до сих пор религиозный деятель огнепоклонников называется атурпат [275]. Однако в данном случае слово Атропат, видимо, все же было личным именем, которое могло восходить к титулу «атурпат». Атропат являлся основоположником династии Атропатиев, царствовавших в Атропатене с последней четверти IV в. до н. э. до начала нашей эры. Это видно из сообщения Страбона (XI, 13, I) о том, что наследники Атропата дожили до настоящего времени. В последние годы существования Парфянского государства (начало III века) в Атропатене на смену предшествующей династии пришел род Зек [498, 262].

Как видим, название страны Атропатены не является этнонимическим, и поэтому и название его населения — этноним агропатийцы (или атропатенцы) также имел собирательное значение в смысле «проживающие в Атропатене», как позднее и этноним азери, восходящий к топониму Азербайджан, в свою очередь, восходящему к Атропаткан.

Полибий (205—123 г. до н. э.) впервые употреблял наименование «атропатенцы» (V, 44). Этот же автор далее пишет (V, 55), что Артабазан в 200-х годах до н. э. «почитается могущественным и мудрейшим из владык и господствовал над так называемыми атропатиями», что «царство это сохранилось еще от времен персов, ибо при Александре его проглядели». Этот этноним засвидетельствован также Страбоном: «наконец, на западе Мидия граничит с атропатийцами и частью армян» (Страбон, XI, 13, 6). В древнеармянских источниках (Фавст Бузанд, кн. III, гл. 7; Егише, гл. X) эта народность известна как «атрапатчан». Атропатийцы являются прямыми потомками маннеев, а в дальнейшем вошли в число предков азербайджанского народа [283, 70]. Выше мы отметили, что наименование Азербайджан впервые приведено в арабском источнике VII века [см.: 126]. Вопреки этому бесспорному факту Ш. В. Смбатян пишет, что название Атропатены превратилось в «Азербайджан» только «после того как на территории Атропатены осели тюрко-сельджукские племена» [38, 182], т. е. после XI — XII вв. Думается, здесь Ш. В. Смбатян продемонстрировал свою полную неосведомленность в достаточно элементарных исторических истинах.

Следует отметить, что античные авторы иногда традиционно вместо «Атропатена» писали «Мидия». Это было связано с тем, что, во-первых, территория Атропатены раньше входила в состав Мидии, и, во-вторых, действительно, она до того, как названа «Атропатене» была Малой Мидией. Например, Полибий отмечает, что «обращенные к северу части Мидии окружены елимеями, анариаками, а также кадусиями». Ясно, что для данного времени выражение «обращенные к северу части Мидии» означает Атропатену. Соответственно этому, в сообщениях более поздних авторов «мидиец» означает «атропатенец». В сообщении автора II века Плутарха (Антоний, X, IX) упоминается «Араке, отделяющий Мидию и Армению», из чего ясно, что в тот период (II в.) Араке отделял от Армении Атропатену, т. е. Малую Мидию, а не большую Мидию. Соответственно этому этноним *мар* раннесредневековых армянских источников следует отнести к атропатенцам. Это видно хотя бы из того, что, по сообщению Моисея Хоренского, «Зардошт —родоначальник маров». Почти до X в. армянские авторы население атропатены традиционно
называют марами, т. е. мидянами.

Считают, что Атропат был сатрапом (от иранск. *хшадрапана* «хранитель власти»), т. е. наместником этой части Мидии еще во времена царствования ахеменидского царя Дария III и под властью Атропата находилась территория современного Иранского Азербайджана и часть Иранского Курдистана, а также часть территории нынешнего Советского Азербайджана, — по нашему мнению, территориально до реки Куры после слияния с Араксом. Номинально в зависимости от Атропата находилась и территория Албании. Это видно из сообщения Арриана (III в.), что албаны, сакасены (т. е. жители албанской области Сакасена) и кадусии находились в лагере мидийцев. — Г. Г.) и сражались под начальством Атропата против войск Александра Македонского. После разгрома Ахеменидской империи Александром Македонским Атропат перешел на сторону Александра и в 328 г. до н э был назначен сатрапом всей Мидии, а в 20-х годах того же IV века Малую Мидию, т. е. древнюю Манну он объявил независимой и таким образом образовалось Атропатенское государство, обязанное своим наименованием его имени со столицеи Ганзак (Гянджа).

Арабский автор ал-Истахри (IX в.) писал, что Азарабад (т. е. Атропат) определил границы этого царства [10, 130].

Существует мнение, что эта территория до того, как возникло название Атропатена, в древнеперсидских источниках называлась Сагарти (в Бехистунской надписи VI в. до н. э.) со столицей Парда и 13-ю укрепленными поселениями [239, 275]. Наименование Сагарти восходит, как считают, к этнониму сагарти. В. В. Струве считает, что Сагарти входила в состав Мидии [470, 28], что подтверждается Бехистунской надписью Дария 521 г. до н. э. где говорится, что сагартиец Чиссатахма «стал мятежником по отношению ко мне. Он народу так говорил: «Я — царь в Сагарти, из рода Киаксара» (Бех; II, строк. 78—91). Полагают также, что носители этнонима сагарти вместе с носителями этнонима мада (вернее — мадай) и персами являются западноиранскими племенами, проникшими на территорию Ирана на рубеже II—I тыс. до н. э., через Дербентский проход из Юго- Восточной Европы [131, 198—199]. Некоторые исследователи считают коневодство, приверженность к верховой езде чуть ли не основным аргументом в пользу ираноязычности древних этнических общностей, в том числе сагартиев в Манне. Область Сагарти располагалась в районе современных Миане—Ардебила [277, 40; 132, 88]. Сагартии обитали в северо-западном Иране, между северными частями Загроса и Каспийским морем [239, 170]. Мнение о ираноязычности сагартийцев восходит к сообщению Геродота (Геродот, VIII, 85), что сагартии являются персидским племенем. Но из его сообщения не совсем ясно, имеется ли в виду язык носителей этнонима сагарти, или же это был язык какого-то персидского племени на территории Сагартии, для которого этноним сагарти могло быть собирательным названием. Это сообщение Геродота не следует понимать в том смысле, что в стране Сагарти, кроме ираноязычного населения, не
было других этнических общностей. На этой территории обитали в рассматриваемое время различные по этнической принадлежности общности, в том числе тюркские. Поэтому, исходя из данного сообщения, сделать однозначный вывод о том, что население Атропатены того времени было ираноязычным [239, 170], конечно, неправильно.

Этноним *сагарти* (в древнеперсидских источниках — Асагарти; вавилонских — Сагарту; ассирийских — Зикирту) [239, 170], по Э. А. Грантовскому, состоит из иранского *аса* «лошадь» и *гарта* «колесница» [239, 274]. Поэтому некоторые исследователи считают всадничество чуть ли не основным аргументом в пользу ираноязычности сагартийцев. Например, по Э. А. Грантовскому, сагартии были ираноязычными еще и потому, что они были конными воинами [239, 279]. Эта этимология не убедительна по двум причинам: во-первых, ни название страны, ни название этнической общности не могло образоваться от *аса* «лошадь» и *гарта* — колесница». Племя так себя не называет, иными словами, в этом значении этноним *сагарти* не мог быть самоназванием. А считать, что сагарти было инонаименованием (в этом значении их могло называть соседнее племя, в языке которого были слова *аса* «лошадь» и *гарта* «колесница») нельзя, потому что в Бехистунской надписи это слово зафиксировано как самоназвание определенного племени. Кроме того, можно было бы не усомниться в этой этимологии в том случае, если бы данный этноним имел только форму *асагарти*. Но существовала и форма сагарти, без начального «а», как и в некоторых древних этнонимах (*мадай- амадай, мард-амард*), правильными из которых, как считают, являются *мадай и мард*. Поэтому, несомненно, начальное «а» является добавлением в древнеперсидском источнике. В этом случае этимология Э. А. Грантовского теряет свою силу. Сам он отмечает [239, 74], что основой для этих названий была форма без начального «а». И. М. Дьяконов объясняет этот этноним и топоним как «пещерный житель» [283, 205]. И. Г. Алиев также писал, что название означает «пещерное поселение», от азерб. *заға* «пещера» и хурритского *арта* «поселение» [130, 93]. Этноним *сагарти*, по нашему мнению, можно было бы связать также с этнонимом *сак(а),* тюркскими *ар* «мужчина» и суффиксом **-ты (-лы)** с общим значением «сакские люди». Предложенная нами этимология соотносится с фактом обитания саков на территории Атропатены, о чем мы подробнее сказали выше. По нашему мнению, позже Сагарти стал известен под наименованием Баласакан, в котором также отражен этноним сак. К такому выводу пришел и Ю. Б. Юсифов [524, 183], расшифровывая название Баласакан как «верхние саки». Интерес вызывает сообщение автора I в. до н. э. и 1в. н. э. Овидия Назона, о том, что одна из рек, впадающих в Понт, называлась Сагарит (33, II, I, 101).

В пользу тюркоязычности сагартиев говорит и такой, пусть маловажный, факт. Геродот сообщает, что они воюют с арканами. (Геродот, VII, 85). В то же время известно, что аркан как орудие в битве применяли тюркские воины. По отношению сарматов Павсаний (II в.) отмечает: (Описание Эллады, 1, 21, 5) «на

попавшихся им врагов они накидывают арканы». В частности, о применении арканов в битвах тюркоязычными басилами в III в. сообщает Моисей Хоренский (кн. II, гл. 85).

Следует отметить, что вопросы этнического состава Атропатены античного периода рассмотрены подробно И. Г. Алиевым. Он отметил, что здесь еще в ахеменидское время жили сагартии, мики, утии, парикании,ортокарибантии (т.е.саки), кадусии, дарейты, пантиматы, павсики, каспии, матиани, марды, парсии и другие племена, которые не были ассимилированы мидянами [130, 62]. Он не касался этнической принадлежности каждого из них отдельно, но в целом считал их ираноязычными и хурритоязычными.

Прежде чем приступить к изложению сути дела, скажем несколько слов о северных границах Атропатены. Это важно потому что, во-первых, проливает свет на вопрос о взаимосвязях населения, обитавшего к югу и к северу от Аракса, и, во-вторых, опровергает существующее мнение о том, что междуречье Куры и Аракса являлось якобы армянской областью. К Атропатене относилась территория ниже Аракса и часть современной территории Советского Азербайджана ниже Куры после слияния этой реки с Араксом до моря, т. е. Каспиана, а также Нахичевань. Страбон пишет, что во времена правления армянского царя Арташеса (189—170 г. до н. э.) армяне отняли у мидийцев (т. е. атропатенцев. — Г. Г.) Каспиану и Босороneду (Нахичевань. — Г. Г.). Безусловно, оспаривать это сообщение Страбона нет оснований. Здесь речь идет о Каспиане ниже Аракса, которая оставалась в составе Армении до I в. до н. э., когда Тигран II был побежден Римом, о чем мы подробно говорили выше.

Что касается Босороneды в сообщении Страбона (Васпуракан в армянских, Басфурджан — в арабских источниках), то она охватывала зону Нахичевани. Позже эта зона также входила в состав Сасанидского государства (III—VII вв.) и составляла часть Иранского Азербайджана. Йакут ал-Хамави (XIII в.) писал, что Нахичевань находится в составе Азербайджана, а некоторые полагают в Арране [8, 26]. В этой зоне еще со II в. до н. э. армянскими источниками засвидетельствованы тюркоязычные болгары, через несколько столетий — кангары, а во время арабских завоеваний хазары.

По существующей концепции в Атропатене господствовало ираноязычное население. Так, Э. А. Грантовский писал: «Атропатенская народность, уже сложившаяся в эллинистическую эпоху, была ираноязычной» [239, 372]. И. Г. Алиев отмечает, что «очевидно, во второй четверти I тыс. до н. э. значительная часть областей Западного Ирана, в частности и Южного Азербайджана, уже подверглась иранизации. Сложившиеся в ту эпоху ираноязычные народности большей частью состояли из потомков деэтнизированного и ассимилированного автохтонного населения» [135, 64].

Если согласиться с утверждением Э. А. Грантовского и И. Г. Алиева, то без ответа остается вопрос, почему атропатийцы отличались от персов (ведь они потому и назывались атропатийцами, что отличались от персов), если там господствовало ираноязычное население. Почему персидский язык в течение более чем тысячи лет (с VII в. до н. э. до XII в. н. э.) не стал общенародным языком для атропатийцев и они не стали персами, если атропатенцы были ираноязычными? Почему в Атропатене в конце концов сформировались тюркоязычный народ и тюркский азербайджанский язык? Ответить на все эти вопросы можно только признав, что не существовало единого ираноязычного атропатенского народа. Напрашивается вывод, что далеко не все этнические компоненты, участвовавшие в этническом процессе на территории Атропатены, были ираноязычными. На территории Атропатены жили ираноязычные племена — кадусы, марды, гирканы, курды и др. Там же обитало и тюркоязычное население. Логично думать, что среди племен, участвовавших в этническом процессе, приведшем к образованию в недрах Ахеменидской империи атропатенской этнической общности, несомненно, были и тюрки. А поскольку на данной территории исторически сложился все же тюркоязычный народ, то, по всей вероятности, тюркские племена составляли численное большинства по сравнению с иранскими. Если так, естественно, в то время общеразговорного иранского атропатенского языка не могло быть, а значит не было и сформировавшейся ираноязычной атропатенской народности. У Страбона есть сообщение, что «название Ариани распространяется на часть Персии и Мидии» (Страбон, XV, II, 8). В данном случае, по-видимому, под выражением «ариани» следует подразумевать арийский, т. е. персидский язык, который, судя по приведенному сообщению, распространялся лишь на часть Мидии. Этой «частью Мидии» следует считать Малую Мидию, т. е. Атропатену. О более ранней этнической ситуации на этой территории мы говорили выше. Теперь мы должны постараться определить этнический состав населения Атропатены античного периода и раннего средневековья.

Выше было отмечено, что на территории Мидии, которая после VII в. охватывала также и Манну, судя по ассирийским и урартским источникам, жили разноязычные племена, в том числе тюркоязычные, а также искутаи, киммеры и саки, которых мы считаем тюрками. Следовательно, ко времени возникновения атропатенской народности там имелась уже компактная тюркоязычная масса населения.

В позднеантичных источниках, по мнению И. Г. Алиева, в Атропатене отмечены племена каспи, коссе (потомки древних касситов), анариак, матиен, гел, гиркан, карх, укси, ути кадус эниан и др. (130 102, прим. 5). На основании сообщения Страбона мы считаем, что там обитали и носители этнонима *албан.*

По этнической принадлежности их можно делить на три части:

1) тюркоязычные — албаны, каспии, кархы, укси. Кроме того, на основании отдельных этнотопонимов на территории Иранского Азербайджана мы считаем, что там, начиная с первых веков н. э., в раннем средневековье обитали также носители этнонимов *аран (оран*), *гаргар, пул, гунн, хурс, садак, сирак, катар, дондар, болгар, савар и хазар*; 2) ираноязычные — анариакы кадусии, гелы, гирканы; 3) кавказоязычные — утии и матиены. Там же обитали и энианы — греки.

Теперь вкратце остановимся на этих племенах.

1. Тюркоязычные.

Каспии. Выше было сказано, что тюркоязычные каспии жили в Албании, но они в древности обитали также и в Мидии в античное время — в Атропатене.

Атропатенские каспии обитали ниже слияния Куры с Араксом, до Талышских гор. О каспиях, обитавших на юго-восточной части территории нынешнего Советского Азербайджана и на юго-западном побережье Каспия, относившемся в то время к Атропатене, сохранились сведения у античных авторов. В область Каспианы входила современная Муганская степь к югу от Куры (после ее слияния с Араксом) и Ленкоранская низменность. Эта область во II в. до н. э. была захвачена Арменией, и оставалась в ее составе до 66 года [см. выше, с. 214]; она называлась Пайтакаран.

Часть каспиев была переселена ахеменидскими царями в северный Египет. В египетском папирусе V в. до н. э. приведены личные имена каспиев, которые в 525 г. до н. э. были переселены в Египет персидским царем Камбизом для охраны провинции, где была создана их военная колония. Среди этих переселенцев перечислены личные имена Атарли, Багазушта, Базу, Барбари, Беф, Вайавабил, Дарга, Инбулийа, Иппулиа, Мисдан, Пуллисан, Убил (или Вабил, Йабил), Хайха, Шатибара, Шатибарзана, [см. 383]. Этимологизирование части указанных личных имен проведено Э. Крелингом (приводится по 383). Он объяснял их
как иранские, вавилонские и даже египетские. Однако, исходя из нашей концепции тюркоязычности каспиев, мы считаем, что в основном эти имена объяснимы на почве древнетюркских языков:

Атарли — от Атар и суффикса принадлежности *-ли*. Имя Атар, Отар, Етар сохранились среди каракалпаков XVIII— XIX вв. [18, 230, 317]. Имена с подобной структурой характерны для тюркских этносов: Асли (18, 317, ср. азерб. имя Ясли) — от тюркск. *ас* «ласка» [62, 1, 191] и аффикса -ли, с общим значением «ласковый»; Барли [18, 817], от тюркск. бар «богатство» и аффикса *-ли*, с общим значением «богатый», «имеющий богатство»; поэтому имя Атарли, по всей вероятности, образовалось от *атар* «пастбище» [62, 1, 488] и аффикса -лы, со значением «владеющий пастбищами»..

Личное имя Дарга мы связываем с алтайским тарга «князь», «предводитель народа» [54, III, I, 854]. Подобное имя было характерным для тюркских племен среди монголов XIII в. ср. например Тарги и Тарагай [41,19, 66, 50].

Личное имя Барбари состоит из тюркск. *бар* «есть», «имеется» (62, II, 61—62], и *бар* «богатство»; «имущество» и аффикса *-и*, с общим значением «есть у него (новорожденного) богатство», в смысле «(он) станет богатым».

Личное имя Иппулийа образовалось от тюркск. *ип* «способный», «искусный», «толковый» [62, I, 287], буллиа «дядя со стороны матери» [62, II, 277— 218], с общим значением «способный (искусный) дядя», что также объясняется видной ролью которую играл дядя по матери в семейной жизни у различных народов, в том числе у древних тюрок. В связи с этим можно привести личное имя Булухан у древних уйгур (см. Тихонов Д. И. Хозяйство и общественный строй уйгурского государства X—XIV вв., М.-Л.» 1966, с. 150); Булан, Булучан у хазар, Булуган, у монголов (XIII в., см.: 41, 94 и др.), Пулучик у каракалпаков в XIII веке (8, 321);

Личное имя Инбулийа состоит из тюркск. *ен* (титул) и *буллиа*, аналогично имени Иппулиа.

С тюркским словом *боле, буллиа, поли* связано также каспийское имя Пуллийан, от *поли* и тюркск. *ийа* «владетель», «хозяин», с общим значением «дядя—хозяин».

Личное имя Вабил возможно состоит из тюркск. *бай* «богатый» и *бул* «становиться», «быть» [62, II, 186—187] с общим значением «стань богатой» (ср. личное имя Байбол среди каракалпаков в XIX веке, 8, 172).

Тюркским по происхождению следует считать имя Азари (ср. личное имя Азар, — так звали тюркского эмира в XIII веке, 41, 185) и Мисдай, от неизвестного компонента Мис и тюркск. *Тай* «пара»,«ровня».

Личное имя Базу, возможно связано с именем племени *бази* среди касситов [551, 756], к которому, вероятно, восходит и имя албанского царя Базук [История албан, кн. 1, гл. 15], (ср. Ам- Базук, гунский князь — 151, 64).

Личное имя Шатибарзан следует считать иранским, т. е. она воспринято откакого-то ираноязычного племени по соседству с которым каспии обитали в Мидии и Атропатене.

Албаны. Принципиальное значение для пашей концепции приобретает обитание носителей этнонима албан также в Атропатене.

У Страбона, в труде которого содержатся исключительно интересные сведения об албан ах, имеется в высшей степени любопытное сообщение о том, что «часть албанов» обитает также в Мидии, т. е. для времени Страбона или его источника — в Антропатене. Насколько нам известно, это сообщение, которое встречается в его труде (Страбон, XI, 7, 1; XI, 8, 8), до сих пор не стало предметом специального научного разбора.

Страбон отмечает, что у Гирканин «Каспийское море уже широко разливается вплоть до пункта своего соприкосновения с *Мидийскими* (выделено нами. — Г. Г.) и армянскими горами... На этом склоне гор от моря вплоть до самых вершин обитает на небольшом пространстве *часть албанцев* (выделено нами. — Г. Г.) и армян, однако большую часть склона занимают гелы, кадусии, амарды, уитии и анариаки» (Страбон, XI, 7, 1).

О племени албан в этой зоне Атропатены Страбон еще раз сообщает в своем труде. Перечисляя народы южного побережья Каспия с юго-востока на юго-запад, он пишет: «В окружности у моря за гирканцами обитают амарды; анариаки, кадусии, *албанцы* (выделено нами. — Г. Г.), каспии, витии и быть может, вплоть до скифов другие народности» (Страбон, XI, 8, 8). Как видно, в этом сообщении, как и в приведенном нами выше, албанцы помещены рядом с кадусиями, каспиями, анариаками, амардами и утиями в пространстве между юго-восточным и юго- западным Прикаспием, опять-таки в северо-западной Атропатене.

В первом сообщении под «Мидийскими горами», по всей вероятности, следует подразумевать горную часть Атропатены в юго-западном Прикаснии, что видно из сообщения Полибия (Полибий, V, 55), о том, что некоторые части Атропатены «доходят до Гирканского (т. е. Каспийского. — Г. Г.) моря». А из сообщения Страбона (Страбон, XI, 8, 8) известно, что кадусии (в соседстве с которыми помещены албаны. — Г. Г.) граничат с мидийцами (т. е. атропатенцами. — Г. Г.). Можно допустить, что в этих сообщениях Страбона этноним *албан* имеет не собирательное значение, иными словами, в этих «Мидийских горах» обитала часть конкретного племени *албан*, потому, что Страбон рядом с ними перечисляет племена южного Прикаспия (гелы, кадусии, амарды, уитии и анариаки).

Упоминаемые «Мидийские горы», по-видимому, можно локализовать с современными Багровскими, называемыми также Талышскими горами (их называют также Амардскими) Иранского Азербайджана в юго-западном Прикаспии, между реками Астарачай и Карасу. В то время эта область входила в состав Атропатены. Это видно из. сообщения Страбона, что «все области этой страны (т. е. Атропатены. — Г. Г.) плодородны, а северная — горная — сурова и холодна; здесь обитают горные племена кадусиев, амардов, тапиров, киртиев и других бродячих и разбойничьих народностей» (Страбон, XI, 13, 3).

Нет сомнения, что сообщения Страбона о народах побережья Каспия восходят к отчету Патрокла, составившему описание Каспийского моря в начале 80-х годов III века до н. э.

В приведенных сообщениях албаны помещены в соседстве с кадусами (вероятно, предками современных талышей) в юго- западном Прикаспии, территория которого, как отмечено выше, в то время относилась к Атропатене. Обитание части албанов в северо-восточной Атропатене косвенно подтверждается тем, что они помещены рядом с каспиями. Каспии же в Мидии упомянуты еще Геродотом (Геродот, III, 92), область расселения их называлась Каспиана, у Клавдия Элиана (I1 в.) — «Каспийская земля». Если Каспиана охватывала юго-западное побережье Каспия к югу от Аракса (вероятно, Муганскую и Ленкоранскую низменности), а кадусы являются предками современных талышей в юго-восточном Советском Азербайджане и на территории' Иранского Азербайджана между реками Астарачай и Карасу, то приходится предположить, что упоминаемые албаны обитали
также в нынешнем Талышском горном массиве. Эта зона относилась к Атропатене. И. М. Дьяконов отметил, что под управлением Атропатены находилась и часть нынешнего Советского Азербайджана — Восточного Закавказья, ниже от Аракса и Талышско-Ленкоранская зона [283, 443—449]. В подтверждение этого вывода можно привести топонимические данные.

В XIX в. в Талышской зоне Азербайджана (на территории современного Ярдымлинского района) в прошлом веке существовало село Албани [127, 79]. Полевыми материалами установлено, что юго-западный склон горной цепи Пештасар в Талышской зоне называется Алвана. На этом склоне остались развалины древнего поселения, которое среди населения называется Арвана, — это, несомненно, фонетическое производное от Алвана (л~р), потому что, как отмечено, горный склон называется Алвана — от этнонима *албан (алван*) и неясного «а» в конце, возможно добавленного ираноязычными талышами. Существующее современное село Арвана (Ярдымлинский р-н) названо по имени близрасположенных развалин «Арвана». Не исключено, что к этнониму *албан* в форме *алван* (в результате спирантизации — «б») восходят наименования селения Алван (в районе Ахар) и Алванаг (в районе Тебриза) в Иранском Азербайджане, [537, II, 44].

Гаргары. Не может быть сомнения о том, что часть древних гаргаров обитала и в Атропатене. Ныне там есть населенные пункты Гаргар [537, IV, 449], Гергер-Насир [там же]. Баба Гаргар [537, IV, 29], Каркарак, Керкере, Керкер [537, IV, 414], Аламдар Гаргар [537, IV, 333] (от личного имени Аламдар и этнонима *гаргар*, т. е. «гаргары, принадлежавшие какому-то Аламдару»), Хархар [537, IV, 182], Хорхор, Хорхора, Хорхоре [537, IV, 197], Каркар-Джал [537, III, 23]. Как видим, в приведенных этнотопонимах этноним гаргар подвергался фонетическим изменениям в течении веков. (Выше мы отметили, что этноним *гаргар* в топонимии Северного Азербайджана также ныне имеет формы *гаргар, хархар* и *гергер*). Вне Иранского Азербайджана, в других останах Ирана есть населенные пункты Каркар [537, VI, 291], Гаргар (537, VI, 313). В связи с этим не лишено интереса сопоставление топонимов Каркар и Хархар (VIII в. до н. э.) в Мидии с топонимами и этнонимом *гаргар* и топонимами
Гаргар, Хархар в Албании, на Северном Кавказе и в Средней Азии.

Сираки. Феофилакт Симокатта упоминает в Атропатене пункт Сираган [46, 128], которое, возможно, образовался от этнонима *сирак* (ср. Ширак в Армении, Чирак — в Северном Азербайджане), носители которого обитали в первых веках н. э. на Северном Кавказе. Сираки были тюркоязычными. Тот же автор [46, 33, 77, 102] пишет, что на Мугани (которая в то время входила в состав Атропатены) обитают тюркские племена. Ныне в Иранском Азербайджане существуют селения Ширадж-хейл и Ширадж-мяхалла [537, III, 184], отражающие этноним сирак в фонетической форме шираг, ширадж. Но там есть и пункты Чирак, Чираг-Абдал, Чераг-тепе,

Чирагчи, Чераглу, Черагил (от этнонима чераг и тюрке, эл «племя») [537, IV, 107], Сирак [537, I, 117] и Ширакдех [537, II, 177].

Араны. Выше, во II главе мы говорили о тюркских племенах первых веков н. э. на территории Албании: аран (оран), кангар, дондар, садак, савар, булгар, печенег, хурс и др. Очень важно отметить, что наименования перечисленных племен прослеживаются и в топонии Иранского Азербайджана и в других останах Ирана.

Этноним *оран, аран* сохранился там в названии селений Аранчи, от этнонима *аран* и тюркского суффикса принадлежности *чи* (*ci*) (ср. племя аранши и аранжи в Каракалпакии и Туркмении, см. выше, стр. 119) и Оранджаг, от этнонима оран и суффикса уменьшительности *-джаг*, в значении «Маленький Оран», Оранар — от этнонима *оран* и тюркского *ар* «мужчина», «герой», «воин» в Иранском Азербайджане [537, III, 10; 56]. В остане Нехавенд в Иране, в 48 км. на севере от Бахтара и в 5 км от Кангавара в Керманшахе есть селение Аран [537, V, 7]. Там же отмечено село Аранли — от этнонима *аран* (*оран*) и суффикса принадлежности *-ли* в азербайджанском языке, а также Арран [537, X, 6], в остане Исфахан.

Еще Абу Дулаф (X в.) в 4-х фарсахах от города Шиз, на территории Иранского Азербайджана упоминает город ар-Ран [10, 79], у Иакута ал-Хамави [8, 79] — Арран. Этот топоним отражает этноним оран (аран), носители которого на Северном Кавказе упомянуты Плинием. Об этом племени мы говорили выше в связи с топонимами Мец-Аранк и Аранрот в Албании.

Начиная с первых веков н. э. в Атропатену проникают другие тюркские племена — гунны, чолы, сувары, хазары, болгары, позже сельджукские огузы. В «Истории албан», в связи с событиями III века, сообщается, что северные народы тревожат сасанидского царя Шапура I (Моисей Каланкатуйский, кн I. гл. 13).

Гунны. В источниках имеются отрывочные данные о том, что гунны с Северного Кавказа в IV—V веках проникали на территорию нынешнего Иранского Азербайджана [см. 245, 165]. Так, Фавст Бузанд пишет о проникновении гуннов до «пределов Атропатены». Ат-Табари отмечает, что при Хосрове Ануширване в Азербайджан были переселены абхазы. Этот этноним («абхазы») является фонетически производным от *базгун*, т. е. маскут — названия племени в северо-восточной Албании; Выше было сказано, что среди мускутов жили тюркоязычные чолы и гунны. З. М. Буниятов пишет, что одним из крупных тюркских племенных образований, поселившихся на территории Азербайджана еще в V веке/были осевшие на Мугани гунны. Там же находился в это время город Акгун [183, 180].

Название упомянутой Йакутом ал-Хамави крепости Саллар в Дейлеме можно связать с гуннскими этнонимом *сал* (*зал*) и суффиксом множественности **-лар**. Носители этнонима *сал* (*зал*) (см. Птолемей, III, 5, 10), по сообщению Менандра, вели войну на Северном Кавказе в середине VI века с аварами [12, 324]. В результате войны часть садов вошла в их состав и вместе с ними проникла в Закавказье и Южный Азербайджан (ср. Салнан — в
Советском Азербайджане, Саллы — в Армении).

С гуннами, вероятно, связаны также топонимы Унар — городок в 7 фарсахах от Ардебиля и Хунан (Хунандж) — маленький городок между Марагой и Зенджаном, упоминаемый Йакутом [8, 23]. С кыпчакско-печенежским племенем берендей можно связать название села Барандак в долине между Казвином и Халхалом [8, 29]. В Иранском Азербайджане есть село Хуниабад [537, IX, 100], в котором отразился этноним *гунн, хунн*. Начиная с III века в Иран проникали еще абдалы (греческ. эфталы), т. е. белые гунны, охарактеризованные Моисеем Каланкатуйским как «богатырский народ» (кн. I, гл. 16). Они обитали у восточных границ Ирана, в Хорасане, в долине реки Амударьи. В Южном Азербайджане и ныне существуют селения Абдал и Абдаллы.

К этнониму *савар* восходят топонимы на территории Южного Азербайджана и в некоторых других останах Ирана—Баласавар [537, III, 149], Савар-Калате [537, III, 149] Саварабад-бала и Саварабад-поин [537, II, 106], а также два Саваран и два Саварчи [537, I, 114; X, 226; X, 114), от этнонима *савар* и тюркского суффикса **-чи.**

Садаки. На территории Иранского Азербайджана есть населенный пункт Садиг (от Садаг) и Садагиан, от этнонима *садак* и суффикса множественности *-ан* в персидском языке [537, IV, 317]. Вне Азербайджана отмечено село Садак [537, VIII, 229]. Эти топонимы свидетельствуют о том, что носители этнонима садак обитали также и на юге.

Дондары. Следует отметить, что часть дондаров обитала и на территории Южного Азербайджана. В Иране есть топоним Тундар [537, VI, 90], в котором, по нашему мнению, сохранилась древняя форма этого этнонима. Как известно, некоторые античные авторы на Северном Кавказе этноним *дондар* пишут как *тиндар*. Выше мы говорили о связи топонимов Шуша (Шуши, Шушу) с дондарами. В Южном Азербайджане существуют селения Шишиван и Шише [537, IV, 23].

Кархи. В античных источниках в Атропатене упомянут этноним *кархи* [130, 104]. До сих пор его происхождение не объяснено, однако в тюркской принадлежности этого племени сомнений быть не может. Дело в том, что в форме Керги он известен у ряда тюркских народов и к нему исходит этноним *кергил* — от *керк* и тюркск. *ил* «племя». Выше было отмечено, что топоним Херхилан в Албании (Харгланк — в «Истории

Албан», Херхилан — у ал-Балазури) восходит к этнониму *кергил*. У узбеков и других тюркских народов Средней Азии есть этноним кырк, который мы считаем фонетическим производным от *карк*. От формы *кырк* возник этноним *кырклы* (в настоящее время в Азербайджане имеется два селения Гырыглы), у тюркмен *гыргыл*. Родовое подразделение *кырк* у узбеков называется караджа, об этом этнониме мы говорили выше, (см. 116), но повторяем, что он отразился в топониме Балванкарадж на юге [10, 17].

Укси. Что касается уксиев, то, возможно, этот этноним является самым древним упоминанием этнонима *угуз*. В этой связи интерес представляет гидроним Оке (Сырдарья), который, по мнению некоторых исследователей, отражает этноним *огуз*. С. П. Толстов писал, что во II веке н. э. в древней дельте Сырдарьи локализуются ауагисии, т. е. огузы [479, 50].

Хурсы. Выше мы говрили о племени, наименование которого отразился в древней топонимии Северного Азербайджана в различных фонетических вариациях: *гороз, горус, хорус, хурс*. Интересно, что в топонимии Иранского Азербайджана существуют многие населенные пункты, в названиях которых можно видеть этноним хурс, также в различных формах: Герус (Горус) 1537, IV, 190}, Херис [537, III, 108}, Хурзан [537, III, 77], от этнонима *хурс* и суффикса множественности **-ан** в персидском языке, также как Хурсан в Албании. Вне Иранского Азербайджана, т. е. на территории других останов Ирана, существуют населенные пункты Херусан (Хорусан) — от этнонима *хорус* и суффикса **-ан** [537, VI, 141], Херсабад [537, V, 108] и Хурзан [537,11,707].

Кангары. Этноним *кенгер, кангар*, отражен в наименованиях ряда населенных пунктов Иранского Азербайджана. В трех топонимах Кенгерлу он сохранился в форме кенгер [537, IV, 429]. Вероятно, эти кенгеры по происхождению связаны с кенгерами Нахичевани средних веков, переселенными или переселившимися на юг. Известно, что среди кызылбашских племен Сефевндов числилось племя кенгерлу. Но в Иранском Азербайджане есть топонимы Гангар и Гангарай-кала [537, III, 263], в которых, по нашему мнению, отразился древний этноним кангар. А в останах Ирана, т. е. вне Иранского Азербайджана, есть этнотопонимы (названия населенных пунктов) Кангарбан, Кангаршах, Кангаре [537, V, 319], Кангари [537, VIII, 322], Кангаристан 1537, X, 16], Кангари [537, VII, 333].

В раннем средневековье одна из царских династий Дейлема на юге Каспия называлась Кангариды, а его ветвь называлась Салар (Саларилэр), и поэтому первый правитель династии Саларидов назывался Салар ибн Марзбан пбн Мухаммед ибн Мусафир Кангари (середина IX века). Это говорит о том, что кангары обитали и в этой области.

Хамдаллах Казвини (XIV в.) в районе города Хой упоминает населенный пункт Хирс, который мы связываем с племенем хурс, упомянутым Птолемеем.

Чолы (Чулы). Ат-Табари отмечает также, что в Азербайджан были переселены и чулы. (I, 894, 895). Тюркоязычные чолы жили в двух регионах — в северо-восточной Албании и в западной Туркмении. В. В. Бартольд писал: «По-видимому, огузы частично остались в Монголии под властью уйгуров и постепенно растворились среди последних, частично же переселились на запад и на юг. К этим последним относится происходившее от западных тюрков племя чол» [167, 580]. Видимо, переселившись на запад, эти чолы первоначально расположились в Приаралье, ибо известно, что в 50-е годы IV века тюркоязычные чолы (или часть их) из Приаралья продвинулись в Прикаспий [291, 340], и об-
ласть в восточном Прикаспий, где они осели, стала называться Чор (Чол, Чул, Сул). «На первом этапе своего существования Сасанидское государство более или менее прочно удерживало долину Гургана (Гирканию). Известно, что Ездегерд (438—457) довольно успешно проводил в 40-х годах V века военные операции к северу от нее в области Чул (Чол, Сул), против одноименного племени. Он даже собственноручно убил их кагана, резиденция которого, как считают, находилась на Балханском полуострове, где в пору развитого феодализма, располагался пункг Дихистан-Сур, отстоявший, по Истахри, в 50 фарсахах от Абескуна» [см. 432, 44—45]. Н. В. Пигулевская отмечала, что встречающееся в одних источниках название Чол, а в других Чор и Сул в Прикаспийской области, означает одно и то же, что во второй половине V века резиденция хагана чолов располагалась на полуострове Балхана, в зоне нахождения современного Красноводска [там же]. Чолы беспокоили шахов Сасанидского Ирана своими набегами, и поэтому Ездегерд I (399—420) для защиты от них своего государства построил пограничную крепость в Хорасане [332, 98]. Ездегерд II (439—456) в 442—449 годах предпринял ряд походов в восточный Прикаспий против чулов, находившихся в то время в союзе с кушанами [291, 346]. Хосров I позднее направил свои войска в Прикаспий, населенный чолами [367, 97]. Там было убито и уведено в план множество людей из народа чол и переселено в Азербайджан (т. е. в Южный Азербайджан. — Г. Г.). Впоследствии чолы создали в Прикаспии сильное государство, просуществовавшее вплоть до арабского завоевания (см. 167, V, 576—595).

Таким образом, чолы территориально находились в соседстве с Атропатеной, и часть их поселилась там. Переселенные Хосровом Ануширваном в Атропатену, наряду с булгарами и другими народностями, «люди из племени Сул», безусловно, располагались на Северном Кавказе и относились к судам (чулам).

Печенеги. Не вполне ясно, можно ли связывать этноним печенег с топонимом Парчинак (537, III, 12).

Йакут сообщает, что «Каббан — город и область в Азербайджане, близ Табриза» [8, 29]. Несомненно, местной формой этого топонима является Кабан, потому что удвоение букв «б» произошло на почве арабского языка. Топоним Кабан восходит к печенежскому этнониму *копон* (*капан*), от которого происходит Капан в Армении и Капанлы в Северном Азербайджане [см. выше с. 107].

Это племя в Иранском Азербайджане оставило след в топониме Габан [537, IV, 244]. В Иране есть также селение Гарабаг [537, IX, 210], от печенежского этнонима *карабаг*.

Название печенегского племени куйерчи или куерчи (см. выше, с. 107) заметно в топонимах Гегарчи [537, III, 12], Гугарчин, Гугарчили и Гугердчи [537, IV, 467].

Выше было отмечено, что одно из древнетюркских племен называлось *кол*, *кул*. Оно отмечено среди печенегов, болгаров и кыпчаков в южнорусских степях. Поэтому трудно определить, к какому из указанных племен относились колы на юге. Этот этноним отразился в топонимах Голлар (от этнонима кол и окончания множественности *-лар*), Голлар-Таги, Голлар-Гара-Суф и Голлар Мухаммед Гусейн [537, 456]. Таги, Гара Суфи и Мухаммед Гусейн являлись, вероятно, предводителями племенных подразделений племени кол. Вне Азербайджана также существует племя колмат [537, VI, 297].

Болгары. В этнических процессах на территории Южного Азербайджана принимали участие и болгары как тюркское племя. Они проникли в Закавказье еще во II в. до н. э. Часть их, как нам представляется, могла поодвинуться и дальше на юг, в Атропатену, Ат-Табари (IX в.) среди переселенных Хосровом Ануширваном в Азербайджан (т. е. к югу от Аракса) 10 тысяч тюрок перечисляет «народ баланджар» и «народ банжар». Последний считается искажением одного из перечисленных этнонимов *булгар-бургар* [515, 453]. Интерес представляет сообщение Хамадаллаха Казвини (XIV в.) о том, что на одном из кладбищ г. Тебриза находится мавзолей некоего Хасана Булгари [см. 8, 41]. Ибн Мискавейх (XI в.) пишет, что во время правления Хосрова Ануширвана в 568 г. в Азербайджане (т. е. Иранском Азербайджане. — Г. Г.) были расселены 53000 турок из Северного Кавказа по их просьбе [37, 199; см. 293].

Следует отметить, что часть Билесуварской равнины (от *биле* «степь» и этнонима *сувар*) находится на юг от Аракса — в Иранском Азербайджане, где в настоящее время имеется населенный пункт Талыш-Микаиллы; в этих местах протекает и река Болгарчай — от этнонима *болгар* и азерб. *чай* «река». Это говорит о том, что в этногенезе азербайджанцев на юге, как и на севере, принимали участие также болгары.

В связи с болгарами на территории Иранского Азербайджана возникли топонимы, отражающие болгарские этнонимы *эсгел* (*эскел*, *искил*) и *казан*.

Этноним *эскел* (*искил*) прослеживается в наименовании Ашкалан, от этнонима *ашкал* и суффикса множественности *-ан* в персидском языке (537, III, 23). Несомненно, что в этом топониме этноним аскал восходит к эсгел. Как известно, среди узбеков в XIX веке были племена аскал и ишкул [442, 103, 107]. Кроме того, в остане Нехавенд есть село Ескол [537, V, 21]. Существуют также топонимы Азгил (от Асгил) [537, VI, 13], Ескалон [537, II, 12], Асгал [537, II, 10], Ескалон, Ескалан [537, II, 16].

С болгарским этнонимом *казан* связаны на юге населенные пункты Газан, Газансар, Газанабад, Газан Агалу, Газанчай, Газанлу, Газане, [537, IV, 346].

Хазары. Следует отметить, что важную роль в этногенезе азербайджанцев, как в северной, так и в южной части страны играли также хазары. Как известно, в VI в. Азербайджан (Адурбадаган) и Аран входили в состав Сасанидской империи и составляли области (шахр)—Аран, Атрапатакан, Баласакан, Сисакан и Муган. Начиная с IV в. хазары с севера часто совершали набеги на Аран и проникали к югу от Аракса, в Азербайджан, а потому сасанидские цари укрепляли свои северные пограничные рубежи. Во времена Кубада I (446—531) хазары проникли вглубь Ирана до Динавара [75] и хозяйничали на территории к югу от Аракса. Ибн Хордадбех упоминает, в частности, что провинции Аран, Джурзан и Сисаджан находятся в хазарском царстве [II].

В 627 г. хазары под предводительством Джабу Хаграна вторглись в Атурпатакан [183, 49]. В 717 г., как сообщает ат-Табари. тюрки-хазары проникли в Азербайджан (т. е. Южный Азербайджан. — Г. Г. [343, 109]. В 726/7 году хазары захватили Аран и двинулись в Азербайджан. В 730/31 году они захватили Ардебиль, Варсан, Диарбекир, Мосул и др. [35, 72]. Хазары оставили след в топонимии Иранского Азербайджана: Хазариан [537, IV,190], Хазаркенди, Хазаргеран, Хазарабад и Хазарлу [537, IV, 192]. В других останах Ирана существуют села Хазар-беюк («Большой Хазар») [537, IX, 149], Хазар-Чупан, Хазаршах [537, II, 103} и другие.

Таким образом, несмотря на фрагментарность этих сведений можно считать, что часть хазаров в раннем средневековье осела на территории Иранского Азербайджана.

Казахи. Арабский автор IX века Абу Мухаммед Ахмад ибн Асам ал-Куфи упоминает на территории Иранского Азербайджана крепость Казадж [6, 71]. В комментарии к этому топониму З. М Буниятов на основе сведений Йакута ал-Хамави пишет, что она принадлежала Бабеку. По всей вероятности, этот топоним является искаженным по вине переписчиков «Казах», исходя из похожести арабских букв «х» (ﺡ) и «дж» (ﺝ) . В связи с этим можно упомянуть для сравнения, что топоним Ширак, приводимый древнеармянскими источниками в провинции Арарат в Армении, в этом же труде имеет форму Сирадж [6, 11}. Оставляя в стороне связь топонима Ширак в Араратской долине (и Ширака в междуречье Алазани Иори и Грузии) с этнонимом сирак, упоминаемым античными авторами на Северном Кавказе (см. выше, с. 240), отметим, что можно связать топоним Казах на юге с топонимом Казах на севере (нынешний Казах в Азербайджанской ССР), который

упоминается арабским автором [6, 29]. Оба эти топонима, несомненно, связаны с тюркским этнонимом *касок, казак, казах*.

Из вышеизложенного видим, что почти те же раннесредневековые древнетюркские племена Албании обитали также и в Атропатене. Это в конце концов привело к этническому и языковому единству населения обеих частей Азербайджана.

С. Ю. Касумова права, когда пишет, что уже к середине VII века часть населения Азербайджана составляли тюрки [288, 48]. Конечно, это тюркоязычное население не могло образоваться только в результате проникновения тюркских племен в раннем средневековье. Мы уже приводили факты, свидетельствующие о тюрках на территории Мидии и Манны. Поэтому можно считать, что в VII веке в Атропатене уже жил тюркоязычный народ.

По этому поводу С. Ю. Касумова писала: «Указания о значительном тюркоязычном населении в Азербайджане (имеется в виду Иранский Азербайджан. — Г. Г.) ко времени арабского завоевания можно найти и в кахтанидском (южноарабском) предании, содержащем версию о вторжении в Азербайджан южноарабских войск еще при жизни Мухаммеда. Согласно этой версии, отраженной у Хишама ал-Калби, южноарабский царь ар-Раиш, завоевав Мосул, отправил оттуда отряд всадников под командованием одного из своих соратников Шаммара ибн ал-Аттафа. Отряд проник на территорию Азербайджана (т. е. Южного Азербайджана), где в это время господствовали тюрки, уничтожил азербайджанских воинов и взял в плен детей. События этого похода якобы увековечены в надписях на двух камнях, известных в стране Азербайджан» [317, 48]. Интересно и другое сообщение: Арабский автор Абу Магомед Абдул-малик ибн Хишам (ум. 828/29) приводит сведения о беседе Халифа Муавиа I (661—680) с неким Убейд ибн Шарим ал-Джурхуми. На вопрос халифа об Азербайджане (т. е. Атропатене) последний ответил, что «Азербайджан это земля тюрков, заселенная ими» [см. 126].

II. Кавказоязычные

В советской исторической литературе матиены и утии в Атропатене считаются кавказоязычными. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Матиены. На рубеже нашей эры в Атропатене обитала этническая общность, которая называлась матиен или матиан.

Следует отметить, что о матианах в Манне писал еще Гекатей (фр. 188) и Геродот и областью их обитания названа Матиена [Геродот, VI, 52]. Он же упоминает и Матиенские горы [I, 189] и племя матиенов [I, 72].

Следует учесть, что матиены в источниках засвидетельствованы в двух регионах, где-то по соседству с Арменией и Атропатеной. Это видно из того, что, по сообщению Страбона, Атропатена расположена к востоку от Армении и Матиены, к западу от Великой Мидии и к северу от обеих (Страбон, XI, 13, 12). Остановимся несколько подробнее на вопросе об определении места обитания матиенов в Атропатене и их этнической принадлежности.

Область Матиена в Мидии (в то время Атропатене. — Г. Г.) упоминается Страбоном: «Матиене, провинции Мидии» (Страбон, II, I, 14). В другом месте этот же автор указанную область называет Матиана (Страбон, XI, 7, 2).

И. М. Дьяконов и И. Г. Алиев считают, что это племя обитало также в Приурмийском районе [130, 105], потому что озеро Урмия Страбоном названо Мантиана (Страбон, XI, 14, 8). Это мнение им заимствовано из работы Н. Г. Адонца [123, 419], где говорится, что название озера Урмии—Мантиана происходит «от некогда обитавшего там народа». Однако эту этимологию мы считаем ошибочной. У Страбона ясно сказано, что гидроним Мантиана в переводе (с местного языка. —Г. Г.) означает «синее» (Страбон, XI, 14, 15). Следует учесть, что гидроним Ман- тиана «синее» не мог быть иранским словом. Иранским названием этого озера, является Капавт (у Страбона—Капот) и Кабудан (в арабских источниках), означающее «синее», «голубое».

Гидроним Мантиана (Страбон, XI, 14, 8) состоит от компонента Манти и добавления Страбоном древнегреческого суффикса **ана**, тогда как к этнониму *матиен* античным автором не добавлено ничего. Что касается компонента Манти (в гидрониме Мантиана), то он, возможно, отражает древний этноним и топоним Мана и тюркский суффикс *-ты, -ды*.

Привлекает внимание тот факт, что село Мандылы (Физулннский р-н), образовавшееся из жителей, переселившихся из Южного Азербайджана, согласно преданию, сохранило это название в форме Манды. Но бесспорный факт, что в Средней Азии племя матиен (мойтен, митан) считается одним из предков узбеков и каракалпаков [480, 429], его название можно сопоставить с этнонимом *матиен*. Следует отметить, что племя матиен Геродотом (I, 202) отмечено и в Средней Азии, ибо он сообщает, что Араке (имеется в виду Араке в Средней Азии) вытекает из области матиенов, а затем разветвляется на 40 рукавов, отделяя скифов от бактрийцев.

Следовательно, этноним *матиен* (или *матиан*) и гидроним Мантиана (от Манти±ана), лишь внешне созвучные слова. Страбон племя матиен помещает в соседстве с кадусиями (кадусами), которые обитали не в Приурмийском районе, а на юго-западном побережье Каспия. Он отмечает, что кадусии граничат с мидийцами

и матианами у подошвы Парахоатра (Страбон, XI, 8, 8). К. Алиев гору Парахоатр локализует на Малом Кавказе [см. 2, прим. 111]. Это неверно, ибо кадусии — предки гелов и талышей (см. ниже) — на территории Малого Кавказа не обитали. Дело в том, что в другом месте Страбон отмечает, что Матиана расположена к югу от Аракса, у Каспийского моря» (Страбон, XI, 13, 2) и что гора Парахоатра лежит над Каспийским морем (Страбон, XI, 14, 1). Выше было отмечено, что указанная гора Парахоатра находилась на юго-западном побережье Каспия и, по-нашему мнению, это есть современный Багровдаг и Талыш в Иранском Азербайджане.

По поводу топонима Парахоатр можно высказать следующие предположения. По нашему мнению, он состоит из компонента Парахо (искажение от современного оронима Багро—названия горного массива, расположенный между Иранским Азербайджаном и Прикаспийской низменностью) и тюркского *тор* (*tör*) «высокогорное пастбище». Самым древним топонимом в котором отразилось слово *tör* мы считаем Аркадр (др. персидск. Аркадриш, с добавлением аффикса «иш», — в Бехистунской надписи (521 г. до н. э.), вероятно, от неясного Арка и *tör*. Это же слово, по всей вероятности, составляет часть топонимов Сисимитра (название скалы, упоминаемое Квинтом Курцием Руфом в связи с походом Александра Македонского в Среднюю Азию, где-то в долине Кашкадарьи) и Париадр («На той стороне Евфрата, вблизи Малой Армении к северу» — Страбон, XI, 12, 4).

Следует отметить, что это слово отразилось в топонимии Северного Азербайджана: в XVIII веке в Нагорном Карабахе известен топоним Садак-Тор (см. выше, с. 123), а ныне существует село Сыхторашен, от тюркск. *сых*, *tör* и арм. шен «село», образованное после 1828 года переселившимися из Ирана армянскими семьями. Поэтому отождествление Парахоатра (от Багротор) с оронимом Падишхваргар и Прушхвар (современный хребет Эльбурс в Иране) в парфянской версии надписи Шапура I в Кааба- и Зардушт и с Падишхваргаром в среднеперсидском сочинении Бундахшин (у ибн Хордадбеха—Бадашвар-
джар— см.: 10, 16) на юго-западном побережье Каспия (см, подробно: 317, 134, прим. 5) мы считаем неверным.

Носителей этнонима *матиен* в исторической литературе считаются хурритоязычными, а язык последних, как известно, относят к северо-восточно-кавказским языкам. Однако остается фактом, что этноним *матиен* до сих пор сохранился среди некоторых тюркоязычных народов Средней Азии и они считаются одними из предков узбеков, каракалпаков и туркмен [480, 429].

Мы считаем, что матиены, вероятнее всего, являлись ираноязычным племенем, ибо хурритоязычные племена не могли жить и в Средней Азии.

Утии. Выше мы отметили, что Геродот ниже Аракса, на территории будущей Атропатены, рядом с племенем мик упоминает и племя ути. Об этих утиях в соседстве с кадусами и энианами в дальнейшем сообщает и Страбон (XI, 7, 1; XI, 8, 8). Местообитанием утиев он называет «области утиев» [XI, 7, I]. Следовательно, ко времени получения этих сведений Страбоном в Атропатене обитали и утии. В то же время об утийцах в Албании сообщают и древнеармянские источники (см. выше, с. 142—148). И. Г. Алиев полагает, что в начале нашей эры утии продвинулись на север — в Албанию [130, 104]. Эти утии обосновались в зоне, где в V веке возник город Барда, и поэтому древнеармянские источники отмечают, что город Барда расположен в области Ути.

Видимо, в Албанию утии пришли с юга вместе с анариаками, парсиями, энианами и другими племенами.

III. Ираноязычные.

Выше мы привели предположение, что где-то в конце I тысячелетия до н. э. в связи с какими-то событиями произошло переселение части некоторых племен из Южного Прикаспия на север — в междуречье Куры и Аракса и на Апшеронский полуостров. Среди этих переселенцев находились утии, гелы, марды, гирканы, анариаки, энианы, маги, парсии. По Н. Г. Адонцу, переселение нескольких из них произошло в 1 в. н. э. [123, 420]. Однако эту дату мы считаем неточной, потому, что, например, гелы в соседстве с легами, по сообщению Страбона, уже обитали в Албании, в ее северо-западной части. Исходя из этого, переселение утиев с юга также следует отнести не к началу нашей эры, как полагает И. Г. Алиев [130, 102], а ранее — к периоду до н. э.

Некоторые топонимы древней Албании и современного Советского Азербайджана (в том числе и на Апшеронском полуострове) отражают в той или иной степени наименования этих племен. В. Ф. Минорский отмечал, что топонимы Лагидж, Ширван и Белокан своим происхождением связаны с южным побережьем Каспия [395, 33, 35], тем более, что часть кадусов, являвшихся предками современных талышей, жили на юго-востоке нынешнего Советского Азербайджана.

Кадусы. Впервые о кадусах (кадусиях) в XI сатрапии ахеменидов сообщает Геродот [III, 92]. В дальнейшем о них писали и другие античные писатели. Кадусы являлись предками современных талышей и область их расселения относилась к Атропатене [484].

Талышы в настоящее время живут в Талышской области — в низменности на берегу Каспия и в горной Талышской зоне Азербайджанской ССР. Это полностью соответствует сообщению Страбона о том, что «кадусы обитают вдоль моря» (Страбон, XI, 6, 1) и в «горной стране» (Страбон, XI, 8, 4). Часть талышей живет

на территории Южного Азербайджана — в древней Атропатене. Это также было известно Страбону (XI, 13, 3), упоминавшему о том, что в Атропатене обитают кадусии.

Страбон (XI, 8, 4) пишет: «Большую часть побережья около горной области занимают кадусии». Дионисий Периегет (718— 732) также упоминает «...кадусии, живущие в горной стране». Кадусии обитали по соседству с албанами. Это видно из следующего упоминания Страбона: «...берегов албанцев и кадусиев» (XI, 6, 1). Следовательно, кадусии обитали на побережье Каспия, принадлежащем Атропатене, в горной стране, где жила и часть албанов. Страбон же пишет: «Большую часть побережья (Каспия. — Г. Г.) около горной области занимают кадусии, почти что на пространстве 500 стадий» (XI, 7, 1). Если перевести 500 стадий на современные меры длины, это будет приблизительно 190 км. Эта горная страна, бесспорно, современные Талышские горы на юге-востоке Советского Азербайджана, а также и Талышские и Багровские горы на юго-западе Каспия.

О кадусах есть сообщения и в других античных источниках: Руфий Фест Авлен писал: (2, 898—922): «Здесь вблизи Каспийских вод скитаются воинственный скиф, свирепый албан, кровожадный кадус, быстрые марды, гирканы и тапиры». Как видим, этот автор перечисляет племена, начиная с севера и далее к югу, обитавшие на западном и юго-западном берегу Каспия. Аналогичное сообщение есть у Страбона: «Здесь (в северной Атропатене. — Г. Г.) обитают горные племена кадусиев, амардов, тапиров, киртиев и других бродячих и разбойничьих народностей» (Страбон, XI, 13, 3). Далее он указывает, что «кадусии граничат с мидийцами (т. е. атропатенцами. — Г. Г,) и матианами у подошвы Парахоафры (Страбон, 8, 8). Гора Парохоофра у Страбона является искажением от нынешнего Багровдаг [*] в Азербайджане — об этом мы говорили выше.

Таким образом суровая и холодная «горная страна» в сообщениях Страбона, Дионисия Периегета — это современные Тлышские горы, отделяющие Южный Азербайджан от Прикаспийской низменности. Талышский и Багровдагский хребты отделяли Азербайджан от древней Гиркании.

Нет сомнения в том, что этноним *кадус* является искажением от *галуш* (л~г), которым обозначалась часть талышей на территории Иранского Азербайджана. Птолемей отождествляет гелов с кадусиями (Птолемей, VI, 2, 5), а Плиний (VI, 48) кадусиев называет гелами.

Гелы. Ниже будет сказано, что жители прикаспийской области Гилан (гиляки) являются потомками древних гелов. К этому восходит и топоним Гилян. С гиляками близки и составляют одну этническую группу живущие в горных районах Гиляна голуши или галеши. Поэтому, как полагали Ахмед Кесреви Тебризи и позже Мохаммед Джават Машкур, [538; 540], следует считать, что кадусы являются предками современных талышей (местное произношение «толуш»). Следует учесть, что там, где античным автором засвидетельствованы кадусы и гелы, арабские авторы помещают талышей (*ат тайласан*) [см. 10, 16]. Вероятно, античные информанты этноним голуш писали как «кадус» (из-за отсутствия буквы «с» в древнегреческом языке) и так эта форма перешла в сочинения последующих авторов.

Отметим, что до сих пор гиляки (древние гелы) и талыши (древние кадусы) живут, в соседстве, в некоторых местах смешанно. В Талышской зоне в прошлом отмечено село Гилекаран «село гиляков-гелов» (ныне — Шиакеран). Часть современных талышей живет на территории Иранского Азербайджана и в Гиляне и их язык, как будет отмечено ниже, назывался языком азери.

Современные гиляки, восходящие к древним гелам, жили в Прикаспийской области, но оставили след и в топонимии Южного Азербайджана: Гиландуз, Гилаван, Гиландех [452, 142]. В. И. Савина отмечает, что «с гиляками близки и составляют одну этническую группу живущие и после в горных районах Гиляна галеши» [402, 143]. Итак кадусы и гелы являются по происхождению ираноязычными мидийскими племенами. Поэтому мнение С. Ю. Касумовой, что «языковая принадлежность кадусиев-гелов остается неизвестной» [287, 42], вряд ли приемлемо. Мы не согласны и с высказыванием О. Л. Вильчевского о том, что талыши являются обиранившимися аборигенами. Во всяком случае, это утверждение нельзя отнести ко всем талышам.

Анариаки. Этноним *анариак* известен из труда Страбона. О носителях этого этнонима он сообщает в двух местах (Страбон, XI, 7, 1 и XI, 8, 8), причем в обоих случаях упоминает их, когда говорит о Гиркании. В первом случае он сообщает, что у Гиркани (Гиркания — название области, прилегающей к юго-восточному побережью Каспия) «Каспийское море уже широко разливается вплоть до пункта своего соприкосновения с мидийскими (во времена Страбона — атропатенскими. — Г. Г.) и армянскими горами... На этом склоне гор от моря вплоть до самых вершин обитает на небольшом пространстве часть албанцев и армян. Однако большую часть склона занимают гелы, кадусии, амарды, витии и анариаки. Некоторые паррасии, как говорят, живут вместе с анариаками, которых теперь называют парсиями. Здесь находится город Анариака, где, говорят, показывают оракул для спящих» (XI, 7, 1). Во втором случае Страбон говорит об анариаках также в связи с Гирканией: «В окружности у моря за гирканцами обитают амарды, анариаки, кадусии, албанцы, каспии, витии и, быть может, вплоть до скифов другие народности» (XI, 8, 8).

Как видно, анариаки обитали в северо-восточной Атропатене, по соседству с кадусиями, утиями, албанами и амардами.

---

[*] Греческая стадия равна 177 или 192 м.

Некоторые исследователи это сообщение Страбона относят к Албании. И. Г. Алиев писал: «Тот же Страбон в интересующей нас зоне (т. е. зона современного Карабаха в Советском Азербайджане. — Г. Г.) упоминает анариаков и свидетельствует о том, что в области Ути «находится город Анариака, где, говорят, можно видеть прорицателей спящих, т. е. тех, кто гадает во время сна» [137, 21]. Однако из вышеприведенных двух цитат видно,
что Страбон помещает анариаков на юге-западном побережье Каспия, а не в Албании. Этноним *анариак* до сих пор сохранился в топонимии юго-западного Каспия. В Рахматабаде с персоязычным населением есть населенный пункт Анаре или Амаре. Как сказано выше, Страбон также сообщает, что там, где обитали анариаки, был город Анариака. Это сообщение позже повторяет и Стефан Византийский: «Анариака — город у Каспийского моря [о котором упоминает] Страбон: имя жителей анариаки... В нем, говорят, дается прорицание во время сна». (Стефан Византийский. Описание племен, 10, 97).

Ряд исследователей считает, что этноним *анариак* означает «неарий» [283, 124; 239, 170]. К. В. Тревер полагала, что *анариак* — это фонетическая форма от «араниак» [482, 144]. С. Т. Еремян писал, что этноним *анариак* не следует понимать как неариец» [277, 52]. Он выдвинул гипотезу, согласно которой этноним *анариак* возник по ассоциации с геродотовскими анареями [298, 52] и что анариаки являлись не племенем, а кастой жрецов [там же]. Это мнение, однако, надо признать ошибочным, ибо Геродот [VI, 67] анареев помещает среди скифов Северного Причерноморья и пишет, что энареи — особая каста скифских жрецов. Согласно Геродоту, эти энареи являются женоподобными мужчинами, т. е. евнухами. Таким образом, энареи Геродота не были племенем, а были тюркским названием евнуха (см. выше). Поэтому слово энаре не могло отразиться в топонимии и тем
более не могло иметь связи с этнонимом анариак в Атропатене.

И. М. Дьяконов писал, что слово «анариак» не было названием определенного иранского племени, а общим обозначением племен, не говоривших на иранских языках [283, 447]. Ту же мысль встречаем и у И. Г. Алиева, считающего, что анариак означает «неариец» и что оно не было самоназванием [136, 69]. В юго-западном Прикаспии в Иране до сих пор существуют топонимы, связанные с этнонимом *анариак* (см. выше, с. 36). Если бы слово анариак не было этнонимом, оно не отразилось бы в топонимии, Э. А. Грантовский также полагает, что «анариаки», по-видимому, действительно были неиранцами» [221, 373]. Однако мы не согласны с этим мнением и считаем, что частицу «ан» нельзя рассматривать как отрицательную частицу в этнониме анариак. Это племя Стефаном Византийским отмечено как ариан: «Арианы — народ соседний с кадусиями» (10, 97). Что же касается самого топонима, то это, по всей вероятности, иранский этноним [12]. Э. А. Грантовский пишет, что парсии Страбона локализуются «где-то у юго-западного угла Каспийского моря [239, 70]. Эта локализация, по-нашему мнению, верна и из нее можно исходить при дальнейших исследованиях.

Ираноязычность анариаков видна из сообщения Страбона, что «некоторые паррасии (т. е. парсы. — Г. Г.), как говорят, живут вместе с анариаками, которых теперь называют пар-
сиями» [XI, 7, I]. Из этого следует что паррасии и анариаки были различными, но родственными племенами и жили рядом, а позже слились и стали называться парсиями. Представляется очевидным, что часть этих ираноязычных племен Атропатены (предки современных талытала в пограничной с Албанией области ниже от Куры — Мугане и была непосредственно связана с населением Апшеронского полуострова; есть свидетельство, что они были огнепоклонниками, как и население Апшерона. Иакут Хамави отмечает, что жители Мугана говорят на языке, близком с языком населения Гиляна и Табаристана [8, 29]. В «Армянской географии VII века» на Мугане отмечен ряд топонимов с компонентом база («бог») в смысле «огонь»: Баганруд, Багравaн, Рудебага, Багинк и др.[см.162].

В связи с толкованием этнонимов *анариак* и *парс* интерес вызывает и следующее обстоятельство. Во-первых, часть анариаков-парсиев обитала и в Албании, к их наименованию восходят древние топонимы Амарас (от этнонима *анари* и древнеармянского суффикса «ас», как в топониме Лопнас, Лобнас и др.). О связи топонимов Амарас и Анариак писал С. Т. Еремян (298, 51), но он ошибочно отождествлял Амарас с городом Анариак, который Страбон помещает на юго-западе Прикаспия. О парсах в Албании мы говорили выше (см. выше, с. 179—180). Во-вторых, как известно, ираноязычное население сел Балаханы и Сураханы на Апшеронском полуострове имеет самоназвания «парс». Они говорят на татском языке, но сильно отличающемся от языка татов Дивичинского, Кубинского и Исмаиллинского районов. Жители села Балаханы свое село называют Анелиан (или Амелиан), что по-видимому, является фонетически производным от этнонима Анариан, с переходом «р» в «л». Следует учесть еще, что этноним *анариак* Птолемеем отмечен как *амариак* (Птолемей, VI, 2, 5). Автору этих строк, владеющему в совершенстве татским языком, в 1951—1952 годах, когда он учился в ремесленном училище в селе Балаханы, приходилось общаться с выходцами из этого селения, но разговор на татском языке с ними оказался невозможным из-за значительного различия языков. Однако я мог свободно говорить с татами из села Лагич Исмаиллинского района и села Хызы Апшеронского района. Интересно, что жители села Балаханы не признают в отношении себя этнонима «тат». Это говорит о том, что часть анариаков-парсиев когда-то продвинулась с юго-западного побережья Каспия на Апшеронский полуостров. Такая гипотеза подтверждается и тем, что на Апшеронском полуострове есть топонимы Мардакян и Гюргян, связанные с этнонимами *мард* и *гиркан*, носители которых, как видно из вышеприведенного сообщения Страбона, жили рядом с анариаками в юго-западном Прикаспии.

Марды. На юге Прикаспия обитало племя мард. По Геродоту, марды являлись одним из четырех кочевых племен, живших в Иране. В битве при Гавгамелах (331 г., до н. э.) марды находились в персидской армии, наряду с албанами, кадусиями и гирканами. В дальнейшем о мардах, живших на юго-западном берегу Каспия, сообщают античные источники, в частности Страбон и Дионисий Периегет. Для нас представляет интерес тот факт, что часть этих мардов когда-то продвинулась на Апшеронский полуостров, где позже возник топоним Мардакян. Древность Мардакяна подтверждается тем, что известная четырехугольная башня построена здесь в 1187 г.

Гирканы. В Атропатене жили также гирканы. Гиркания была названием области в юго-восточной части побережья Каспия. Дионисий Периегет отмечает, что рядом с албанами и кадусами живут также марды, гирканы и тапиры [Дионисий Периегет, 718, 732]. Население этой области называлось гирканами, и в древности Каспийское море называлось Гирканским морем — по названию этой области. Впервые выражение «Гирканское море» мы находим у Гекатея (VI в. до н. э.).

Античные авторы помещают гирканов по соседству с албанами и кадусами. Гиркания была расположена на юго-восточном побережье, «там, где Каспийское море уже широко разливается вплоть до пункта своего соприкосновения с Мидийскими и Армянскими горами» (Страбон, XI, 7, 1). Это же повторяет и Присциан: «вблизи кадусов обитают гирканы» (Присциан, 644—721). Страбон, перечисляя народы, обитающие на побережье Каспия, с юга на север, отмечает (XI, 8, 8), что «за гирканами обитают амарды, анариаки, албанцы, каспии, уитии». Другой автор Руфий Фест сообщает, что вблизи Каспийских вод, начиная с севера обитают «воинственный скиф», «свирепый албан», «кровожадный кадус», «быстрые марды», «гирканы и тапиры», (см.: 2, 98].

На Апшеронском полуострове существуют многие топонимы, связанные с этнонимом «гиркан»: Шахри Гюрган, мыс Гюрган, Гюрганская дорога (дорога от сел. Зира до мыса Гюрган) и др. Здесь же, на берегу моря, напротив острова Артем (Пираллахи), в 5 км. от сел. Зире находятся развалины древнего поселения на Гюрганском мысе, называемого местными жителями Шахри-Гюрган, т. е. «город Гюрган»; есть сады вблизи развалин, которые называются «Гюрган баглары». Это свидетельствует о том, что часть гирканов с юга переселилась на север, на Апшеронский полуостров. С. Б. Ашурбейли предполагает, что это переселение имело место во времена Сасанидов, в правление Кубада I Хосрова Ануширвана (V—VI вв.) с целью защиты северных рубежей сасанидской державы [168]. Это подтверждается и топонимом Мардакан (Мардакян) на Апшероне, ибо марды также жили северо-восточнее Атропатены, рядом с гирканами, и часть их, можно, вместе с последними, была переселена в Албанию.

Курды. По мнению В. Ф. Минорского, курды обитали в древности на территории Атропатены. У Страбона они известны как киртии. Мы не будем здесь вдаваться в изложение истории курдов. Исследователи едины во мнении, что курды являлись одним из ; ираноязычных племен, живших на территории Ирана. В течение раннего средневековья и в дальнейшем они в основном сохранили свой язык. Из этого факта наглядно видна ошибочность существующей концепции, согласно которой азербайджанцы являются отуреченным, т. е. ассимилированным ираноязычным населением Атропатены. Если такая ассимиляция происходила, то почему не были ассимилированы курды?

Итак, на территории Атропатены, начиная с IV века нашей эры и до конца раннего средневековья, основным ираноязычным населением являлись кадусни, гиляки, гирканы, марды, курды, и, может быть, еще предки современных мелких ираноязычных племен северо-западного Ирана. Перечисленные племена консолидировались между собой и не подвергались ассимияции со стороны тюркских племен, как это считают некоторые исследователи. Эти племена, являющиеся в то же время мидийскими ираноязычными племенами, обитают здесь и в настоящее время.

Приведенные факты лишний раз показывают, что на указанной территории не существовало ираноязычной народности с общеразговорным иранским языком.

Энианы. В северо-западной части Атропатены в последних веках до н. э. засвидетельствованы также греки-энианы. Страбон, там, где он упоминает о Гиркании, пишет, что «энианы же построили в области витиев (уитиев.—Г. Г.) укрепленный город, который называется Энианой, здесь показывают греческое оружие,медные сосуды и могилы» (Страбон, XI, 7, 1). Исследователи считают, что этноним эниан является фонетически производным от *йунан* (грек), что подтверждается вышеприведенным сообщением Страбона, о том, что «там можно увидеть греческое вооружение».

Следует отметить, что это сообщение Страбона до сих также относили и к Албании (482, 143). Например, С. Т. Еремян писал, что Энианa (Айниана) Страбона должна быть тождественна с Йунаном арабских авторов в районе нынешнего Агдама [298, 57]. Таким предположением автор, однако, только внес путаницу в локализацию этого пункта. Аналогично отождествляли утиев Страбона в Атропатене с областью Ути в Албании, хотя у Страбона об энианах и утиях в Албании абсолютно ничего не говорится. И. Г. Алиев, вслед за К. В. Тревер, писал: «Из числа этих племен (т. е. упоминаемых Страбоном 26 племен в Албании . – Г. Г.), кооме собственно албан, для нашей темы важны утии садеи (цавдеи), айнианы (т. е. энианы. — Г. Г.) и некоторые другие» [137, 19]. В другом месте он писал: «В числе племен интересующей нас зоны (т. е. зоны нынешнего Карабаха.—Г.Г.), античные авторы знают и айнианов». И. Г. Алиев, вслед за Н Г Адонцом [123,

56], упоминаемую Страбоном Эниану поместил в Пайтакаране [137, 21]. Однако, такая локализация, по нашему мнению, ошибочна, если имеется в виду Байлакан, неправильно также относить к Албании, точнее к Карабаху, сообщение Страбона (XI, 7, 1), в котором указано, что: «энианы же построили в области утиев укрепленный город, который называется Энианой» [137,21].

Интересен вопрос: когда греки появились в Атропатене? Впервые этот этноним в форме эниен упомянут Геродотом (VII, 132), которой сообщает, что *эниен* является эллинским племенем, живущим в окрестностях гор Эта и Офрас в Фессалии – области Греции. В рассказе о Греции Страбон сообщает, что «энианцы - греческое племя, переселенцы» (Страбон, 1, 3, 2); эниан было названием племени, обитавшего в Греции. Страбон пишет, что в Греции энианцы занимали гору Эту в соседстве с дорийцами (Страбон, IX ,4, 10) Об энианах в Греции он сообщает ив других местах своего труда (Страбон, IX, 4, 11 и IX, 4, 22) Однако неизвестно когда часть энианов из Греции переселились в Мидию. По Страбону (XI, 13, 6), «в Мидии есть и греческие города, основанные македонянами». В другом месте он пишет: «Передают также, что некоторая часть энианов поселилась в Уитии, другая же над армянами за горами Абом и Нибором» (XI, 14,14). Есть интересное сообщение Плутарха (Лукулл, XXIV). «В Тигранакерте было множество греков, насильно переселенных из Киликии». Р. Фрай считает, что важной областью державы селевкидов была западная Малая Азия, прежде всего Иония откуда происходило большинство колонистов, поселенных в Иране» [498 187]. Он отмечает также, что «на территории Иранского нагорья насчитывалось, по-видимому, очень немного греческих городов с достаточно развитой структурой» [498, 188].

Итак в Атропатене, в области Уйти (Ути) обитали энианы, там же находился город Эниаи. Однако часть энианов видимо с утиями, еще до нашей эры (см. выше. с. 145-146) переселилась в Албанию. Об этом, правда, нет прямых исторических свидетельств но существуют косвенные доказательства. Во-первых, ещё в прошлом веке между Баку и Салианом на берегу Каспия отмечены развалины города Шахри-Иунан-«город Эниан» [254, 67] . И.Березин писал, что на дороге к Сальяну между Нефтяной Банкой и Погорелой Плитой находится потопленный город Шахри-Йунан «греческий город» [176, 233]. Во-вторых, арабские авторы в зоне Барды в Албании также отмечают город Иунан [10,58].

В связи с этим представляется возможным выдвинуть предположение о том, что в зону Барды утийцы, местообитание которых в «Истории агван» названо «областью утийцев», переселились из Атропатены вместе с этими энианами, поскольку город Йунан в арабских источниках помещен в зоне Барды. В «Истории албан» Моисея Каланкатуйского приведено личное имя Йунан, которое отражает, по-видимому, название той части энианов, которые переселились в Албанию.

В связи с этнонимом *эниан* (*йунан*) в зоне Барды интерес вызывает следующее обстоятельство. Низами Гянджеви отмечает, что город Барда раньше назывался hурум. Нам кажется, что эти *йунаны* в то время местным населением назывались *урум*. В армянских источниках этноним hором в дальнейшем употреблялся для наименования византийцев, а потом анатолийских турков [см. 20, 54]. Оромстаном древнеармянские источники называли позднее Турцию. В источнике, датируемом 1727 годом, в округе Хачин Нагорного Карабаха отмечено село hурамон [см. 556], от *hурум* и суффикса *он* (*ан)* в иранских языках. Как известно, греки в Грузии ныне имеют самоназвание «уруми». Урумы (отуреченные греки) численностью 104 тыс. человек ныне живут на территории Украинской ССР.

Интересно, что другой Шахри-Йунан в зоне Дербента отмечен путешественником Яном Стрейсом в XVII в. [437, 304]. Возможно, часть энианов с юго-западного побережья Каспия, вместе с другими ираноязычными племенами, — (предки татов и евреев Северо-Восточного Азербайджана) в связи с защитой Дербентского прохода была переселена туда Сасанидами.

Таким образом, население обеих частей Азербайджана I тысячелетия н. э. в основном состояло из кавказских, тюркских и иранских этнических общностей. Их удельный вес на отдельных этапах этого периода, безусловно, не был одинаков. Затем наступил период раннего средневековья, который был переломным этапом в истории Азербайджана. Он характеризуется интенсивным проникновением тюркоязычных племен, а удельный вес ираноязычных этнических общностей. постепенно уменьшился; тюркоязычные племена становились основными компонентами, принявшими участие в формировании азербайджанского народа. и его языка. Именно в этот период активно шел процесс возникновения нового тюркоязычного народа и исчезновения прежних племенных общностей. В результате этнического синтеза место иранских племенных языков занял тюркский. Этому процессу способствовала и этническая пестрота населения в самой Албании и Атропатене.

ГЛАВА IV

ЭТНИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В АЛБАНИИ И АТРОПАТЕНЕ

§ 1. Вводные замечания

Исследование этногенеза определенного народа в конечном итоге заключается в определении этнических компонентов и их соотношения на различных стадиях исторического процесса на территории проживания данного народа.

Приведенные в предыдущих главах факты и материалы об этническом составе населения Албании и Атропатены, начиная с начала I тысячелетия до н. э. до конца раннего средневековья, свидетельствуют о существовании в обеих частях Азербайджана во всех исторических периодах устойчивых тюркских этнических общностей. В свете сказанного проблема происхождения азербайджанского народа и его языка, их становления требует иного осмысления, отличного от концепции, существующий на сегодняшний день. Эта задача несколько облегчается тем, что внесена определенная ясность в вопрос об этническом составе населения древней Албании и Атропатены в интересующей нас период, хотя еще многое в этом плане предстоит уяснить и уточнить. В связи со сказанным выше встает вопрос о необходимости проследить развитие этнических процессов на различных этапах исследуемого периода, определить этнические компоненты этого процесса, иными словами, охарактеризовать процесс складывания азербайджанского народа.

Этнический процесс в пределах определенной страны является, как известно, процессом, течение которого обусловлено внутренним развитием и взаимодействием населяющих ее племен, как одно-, так и многоязычных этнических общностей.

Выяснение этнического состава важно прежде всего для определения двух групп, включающих компоненты, послужившие основой для этнической консолидации и образования азербайджанского народа. В первую группу входят те генетически родственные племена, языки которых составляют основу языка данного народа. Ко второй группе относятся те племена, которые в ходе этнического процесса целиком или частично подверглись языковой ассимиляции и вошли в состав этого народа. Заметим здесь, что поскольку всякий народ является своего рода продуктом определенных этнических процессов, то без уяснения сущности этих процессов любые выводы о времени происхождения народа не могут быть убедительными.

Этнический процесс является многоэтапным и, следовательно, ему присущи, как всякому диалектически протекающему процессу, скачки — это особенно справедливо в условиях этнически пестрой среды.

Чтобы уяснить себе этногенез азербайджанцев, следует сначала, уточнить, что понимается в науке под термином «этногенез». Хотя вопросы перерастания племен в народность и механизм консолидации и ассимиляции этносов теоретически пока остаются в этнографической науке детально не разработанными, все же остановимся вкратце на некоторых вопросах этногенеза. Необходимость такого подхода обусловлена тем, что существующая концепция складывания азербайджанского народа пытается представить его как процесс, происходивший за сравнительно краткий исторический период — в пределах XI—XIII вв.

§ 2. Этногенез

Этногенез — это процесс становления этноса в классовых обществах на базе различных этнических компонентов. Иными словами, этногенез включает в себе этапы этнической истории каждого народа.

Этногенез состоит из двух этапов. Первый этап —это этап этнического процесса, т. е. непрерывные изменения происходящие во времени в этнической общности — племени и народности. Второй этап этногенеза заключает в себе процесс складывания существующих этнических общностей — нации. О втором этапе мы сейчас не будем говорить — ниже речь пойдет лишь о первом этапе этногенеза. Сам этнический процесс является «ступенчатым» историческим явлением. В результате этого процесса происходят эволюционные изменения среди населения определенной страны, и это приводит к образованию новой этнической общности, например, из племени образуется народность, а из народности — нация. Другими словами, в результате этнического процесса складывается новое этническое состояние.

Принято считать, что народность возникает после распада родоплеменного строя, в рабовладельческом обществе. Следовательно, этнический процесс не касается первобытного общества, поскольку этот процесс начинается лишь с разложением родового строя, в результате которого кровнородственная организация, характерная для племени, сменяется территориальной организацией — народностью, и соответственно этому племя, основанное
на равенство его членов, сменяется народностью, для которой характерно деление на классы. Переход от племени к народности охараретеризован Ф. Энгельсом так: «Старое общество, покоящееся на родовых объединениях, взрывается в результате столкновения новообразовавшихся общественных классов; его место заступает новое общество, организованное в государство, низшими звеньями, которого являются уже не родовые, а территориальные объединения — общество, в котором семейный строй полностью подчинен отношениям собственности и в котором отныне свободно развертываются классовые противоречия и классовая борьба, составляющие содержание всей писаной истории вплоть до нашего времени». (Ф. Энгельс. Происхождение, семьи, частной собственности и государства, с. 6).

Как отмечено выше, исходным пунктом этнического процесса является разложение родоплеменного общества, возникновение частной собственности и образование классов. Социальная дифференциация, вызванная развитием производительных сил в недрах племени, ведет к образованию классов. Отсюда ясно, что определяющим базисным фактором в этническом процессе следует считать способ производства материальных благ и соответственно этому производственные отношения, которые, как отметил В. И. Ленин, являются «критерием структуры общества». (В. И. Ленин. ПСС, т. 1, с. 110). Именно характером производственных отношений в конечном счете определяется тип общества, его классовая структура.

Началом этнического процесса на пути образования народности является образование союза родственных племен. Общепринято, что племенные союзы образуются на поздней ступени первобытного общества, между родственными племенами. Значит и государство или царство также вначале возникает на территории этих же родственных племен. Исходя из этого можно предположить, что албанское царство первоначально возникло в регионе распространения родственных племен с самоназванием «албан». Где именно это происходило, выяснить точнее не представляется возможным. Известно только, что городом — центром Албанского царства уже к I в. до н. э. была Кабала.

Развитию производственных сил способствовало расширение обмена между родственными племенами, что приводило к их сближению. Основным фактором образования племенных союзов было их внутреннее развитие, в чем определяющую роль сыграли производственные силы, зарождение межплеменных связей и необходимость совместной борьбы против иноземных захватчиков. Последний фактор в некоторых случаях играл весьма значительную роль. Классики марксизма-ленинизма, касаясь этого вопроса, отмечали, что «союз родственных племен становится повсюду военной необходимостью». (К. Маркс и Ф.Э нгельс. Соч., т. 1, с. 140). Часто крупные в экономическом отношении более развитые племена распространяли свое влияние на другие родственные племена и становились во главе этого союза.

Таким образом, начальным этапом в процессе складывания народности является установление постоянных экономических связей между родственными племенами, союз против иноземных захватчиков и для нападения на другие племена с целью приобретения прибавочного продукта, иными словами, союз с целью грабежа чужих территорий. Это есть
и начало консолидации на пути образования народности. По мнению М.И.Артамонова, кроме экономических связей, основой сближения племен ялась и религия [150, 9]. Однако союз родственных племен - это еще не народность. История дает немало примеров того, племенные союзы среди кочевых племен и образовавшиеся на этой основе государства бывали непрочными и недолговечными из-за слабости экономических связей между племенами и поэтому процесс образования народности часто обрывался, не находя своего завершения. К примеру можно указать на скифов, саков и киммеров в Передней Азии. Кроме того, возникновение государства не обязательно ведет к образованию народности. В Передней Азии в древности известны многие государственные образования, возникшие на основе племенных объединений, но они не приводили к образованию народностей, ибо эти государства были созданы не на основе внутреннего развития, экономических связей, а из-за потребности объединения против иноземных захватчиков, а в дальнейшем их целостность поддерживалась силой оружия или же объединение происходило в результате завоевательной политики. В таких государствах не происходили процессы полной консолидации и ассимиляции. В качестве примера можно указать государства на территории Манны и Мидии. Во времена существования этих государственных образований не могла образоваться единая маннейская или мидийская народность. Еще слабы были племенные экономические связи и недостаточно развиты производственные отношения в целом.
Наоборот, на территории Атропатены где-то к III веку до н. э.возникла атропатенская народность как продукт этнического процесса предшествующих столетий. Этому в определенной степени пени способствовало образование Атропатенского государства IV в. до н. э.

Как видим, народность является итогом, продуктом сложного этнического процесса, который иногда сопровождается гибелью государственных образований и возникновением новых племенных союзов на одной и той же территории, в результате чего происходят неоднократные перегруппировки племен и развиваются экономические связи между ними, пока не образуется народность.

Почему не каждое государственное образование ведет к складыванию народности? По-видимому, объясняется это тем, что союзы племен возникают не только на естественных началах, на основе экономических связей, но и в результате усиления из племен и покорения военной силой других, более малочисленных и слабых как родственных, так и неродственных племён. Это касается и того периода, когда уже существовали укреплённые крепости и образовывались небольшие царства. Эти царства нередко объединялись перед угрозой иноземного захвата. Именно такие государства, возникшие на основе военных союзов между родственными и неродственными племенами, оказывались недолговечными и поэтому на их основе не образовывались народности с общенародным языком. Соответственно этому, в указанных государствах нередко пользовались не своей письменностью, а заимствованной у соседних народов. Однако, когда формируется самостоятельный народ в пределах определенной территории, то обязательно возникает необходимость в создании своей собственной письменности.

Как видим, союз племен только сближает родственные племена; но не каждый союз приводит к их слиянию. Для этого требуется еще процесс консолидации родственных племен, входящих в союз, о чем будет сказано ниже. С возникновением племенного союза племя перестает быть основой социальной организации общества и его место занимает племенной союз. Соответственно этому, органы управления племени заменяются органами власти политического характера, т. е. образуются царства. О союзе племен Ф. Энгельс писал: «Союзы между родственными племенами заключались то там, то тут в случае временной необходимости и с ее исчезновением распадались»*. Союз племен имеет определенные атрибуции: постоянный орган власти — народное собрание, военачальника и др. Образование племенного союза свидетельствует о том, что уже возникли классы, родовой

*Ф.Энгельс. Происхождение семьи, частной сосбственности и государства, с. 106

строй распался, ремесло отделилось от земледелия, отмечается рост интенсивности производства и производительности труда, повышается ценность рабочей силы, рабов. Ф. Энгельс писал: «С разделением производства на две крупные основные отрасли, земледелие и ремесло, возникает производство непосредственно для обмена, — товарное производство, а вместе с ним и торговля, причем не только внутри племени и на его границах, но на уже и с заморскими странами»[*]. В другом месте Ф. Энгельс пишет, что государство возникает тогда, когда родовой строй «взорван разделением труда и его последствием — расколом общества на классы»[†].

Разумеется не каждый племенной союз ведет к государству. Чаще всего создаются «города-государства» или «мелкие царства». Например, в древней Передней Азии или в регионах обитания древних и раннесредневековых тюркских племен племенные союзы были непрочными и недолговечными и поэтому не вели к образованию государства и народностей. Царство, возникшее на основе племенного союза, в дальнейшем стремится к ассимилированию неродственных, малочисленных, чересполосно обитающих племен в пределах границ территории этого царства.

Следует еще отметить, что не все государства образовывались на основе племенных союзов. Государства могут возникать и на основе городов-центров, однако и эти города обязательно возникают на основе племенных объединений.

После создания союза родственных племен и образования царства начинаются столкновения с неродственными племенами и другими мелкими царствами. «При отсутствии заключенного по всей форме мирного договора царила война между племенами, и эта война велась с той жестокостью, которая отличает человека от остальных животных и которая только впоследствии была несколько под влиянием материальных интересов»[‡]. Таким образом, включение неродственных племен в племенной союз родственных племен часто осуществлялось насильно. «Отдельные мелкие народности вели непрерывные войны за обладание лучшими землями, а также, разумеется, и ради военной добычи: рабство военнопленных было уже признанным институтом»[§].

Само государство в процессе складывания народности играло, однако, прогрессивную роль. Оно облегчало связи между племенными общностями или мелкими царствами, ускоряя тем самым процессы консолидации, и возможно, частичной ассимиляции. С образованием государства, вело ли оно к складыванию народности или нет, появлялись этнические наименования, как правило в двух значениях: 1). конкретный этноним, восходящий к самоназванию главенствующего племени; 2). собирательное значение употребляемое как для этого же главенствующего племени, так и для неродственных племен, входивших в данное государственное образование и имевших, как отмечено, свои конкретные самоназвания.

Из сказанного выше видно, что с происхождением частной собственности в родовом строе и с появлением классов возникает рабовладельческое общество и в то же время начинается этап этнического процесса, в результате которого на основе племенного союза образуется народность. Различаются два типа народностей: рабовладельческая и феодальная [169, 46]. Изменения в жизни этнической общности связаны со специфическими социально-экономическими условиями развития, характерными для рабовладения и феодализма. Эти типы народностей отличаются соотношением социально-классовых компонентов. «В то время как этносоциальный организм в рабовладельческом обществе охватывал преимущественно свободное население и не включал рабов, этносоциальный организм в феодальном обществе, наоборот, объединял в первую очередь трудовых людей, а феодалы зачастую в его состав не входили» [180, 43].

Обязательным условием для образования народности является общность территории и языка. Общность территории нужна для того, чтобы между родственными племенами могли развиваться хозяйственные и культурные связи. Эта территория созидается в процессе образования племенного союза, иными словами, вместе с созданием племенного союза создается и территория этого союза, потому что вместе с самими племенами сливаются и территории бывших племен. Близость племенных языков содействует консолидации родственных племен, входящих в племенной союз. Пока остается племенное деление, племенные языки остаются как диалекты. Согласно Ф. Энгельсу «... племя и диалект по существу совпадают»[**].

Так было во времена государственных образований на территории Манны и Мидии. Так, было, видимо, до конца первого тысячелетия до н. э. в Албании. В процессе формирования народности бывшие родственные племенные языки сливаются, следовательно, формируется и общеразговорный язык народности, но с диалектными различиями.

Общенародный разговорный язык складывается в результате полного или частичного завершения консолидации родственных племен и сопровождается появлением культурных и политических центров, городов, развитием экономических отношений, и тем самым создаются условия для превращения общенародного разговорного языка в письменный литературный язык, что является качественно новым этапом

---

[*] Там же, с. 188-189.
[†] Там же, с. 195.
[‡] Там же, с.111.
[§] Там же, с. 102, 103.
[**] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, с. 103.

в истории языка. В связи с постепенной ассимиляцией иноязычных племен и культурного общения с соседними народами в литературный язык проникают иноязычные лексические элементы.

В жизни народности роль языка еще больше возрастает, когда появляется письменность. Появление письменности само по себе свидетельствует о том, это существует общеразговорный язык народности и он является языком общения для неродственных племен, населяющих территорию этой страны. Следует отметить, что становление народного языка и этноса — народности происходит одновременно. К концу формирования народности уже существует общеразговорный язык и общность культуры — письменность, традиции и др.

Таким образом, общий язык является основным признаком народности. В результате складывания народности формируется и ее общее самоназвание, которое обычно восходит к конкретному самоназванию того племени, которое стояло во главе племенного союза. Для соседних народов такое самоназвание является и названием страны, где обитает эта народность. В дальнейшем это наименование становится собирательным наименованием для
всех племен, в том числе неродственных, обитающих в пределах государства. Это связано с тем, что собственная территория и собственное имя являлись отличительными признаками племени, а в дальнейшем племенного союза. Ф. Энгельс писал: «Собственная территория и собственное имя. Каждое племя владело кроме места своего действительного поселения, еще значительной областью для охоты и рыбной ловли»[*]. Таким образом, самоназвание народности становится конкретным наименованием для той же народности и входивших в нее родственных племен, а также общим собирательным названием для неродственных племен этой страны.

К сожалению, в исторических исследованиях посвященных древней и раннесредневековой истории Азербайджана, этому вопросу не уделялось должного внимания. Например, в отношении этнонимов «маннеец», «мидянин», «албан», «атропатенец» существуют вольные толкования, многие исследователи не выделяют конкретного и собирательного значения этих этнонимов в каждом историческом периоде, что неизбежно ведет к ошибочным построениям. Естественно, что этноним, т. е. самоназвание определенного племени до и после образования народности может быть только конкретным значением. Но с образованием племенного союза, образованием государства с определенными границами, в которое включены и неродственные племена, имеющие свои конкретные самоназвания, этот этноним в глазах (а следовательно и в зафиксированных сообщениях) соседних народов становится наименованием всех племен, проживающих, в пределах этой страны. Таким образом самоназвание народа приобретает и собирательное значение, несмотря на то что эти неродственные племена еще не ассимилированы данным народом.

Перейдем теперь к вопросу консолидации и ассимиляции.

Вообще в этнических процессах различают три формы: консолидация, ассимиляция и межэтническая интеграция. Межэтническая интеграция характерна для населения многонациональных стран, и поэтому здесь мы не будем касаться этой формы процесса, т. к. он не входит в круг проблем нашего исследования.

В консолидации в свою очередь различают два типа: этноэволюционную и этнотрансформационную консолидацию.

Этноэволюционная консолидация — это процесс, в ходе которого консолидируются племена и племенные группы, сглаживаются различия между имеющимися внутри народа этнографическими группами, культурно-бытовые отличия. Все это происходит уже после образования народности.

Этнотрансформационная консолидация — это процесс слияния нескольких родственных по языку и культуре племен. «Этнотрансформационными называются такие процессы, которые приводят к изменению этнической принадлежности тех или иных групп людей, к исчезновению одних и возникновению других этносов, в последнем случае мы имеем дело с так называемыми этногенетическим процессом» [180, 77].

Консолидация родственных по языку племен требует исторических, территориальных, экономических, социальных и культурных предпосылок, причем наличие единого межэтнического языка ускоряет слияние. Одним из факторов, способствующих консолидации родственных племен в народности, были межплеменные контакты, возраставшие по мере роста общей численности населения [180, 132]. Рост численности населения в свою очередь может быть обусловлен двумя причинами; естественным ростом местных родственных племен или же переселением — миграцией близких по этнической принадлежности племен извне. Миграция извне вносит свои коррективы в процессы, протекающие в обществе, в жизни населения страны, ибо в этом случае идет параллельно консолидация родственных местных племен и консолидация пришлых племен с местными.

В формировании народности могут принимать участие наряду с родственными племенами также и неродственные. Само собой разумеется, что складывание народности на основе однородных и разнородных племен, в отличие от складывания его на основе только родственных, должно сопровождаться различными процессами. Сложение народности из разноязычных племен представляет собой более сложный этнический процесс.

При этом следует выделить два аспекта этого вопроса: 1. Ассимиляционный процесс между различными по этнической принадлежности местными племенами; 2. Ассимиляционный процесс между пришлыми извне и местными родственными племенными
общностями. Если эти пришлые племена по этнической принадлежности родственны с местными, тогда такой процесс будет уже консолидацией. Если же пришлые племена не являются родственными по этнической

[*] Там же, с.102.

принадлежности с местными, то между ними идет процесс ассимиляции. Ход этого процесса зависит от количественного соотношения пришлых и местных племен, а также он обусловлен степенью экономического развития каждого из них. Таким образом, важным фактором в этническом процессе является численное соотношение, т. е. какое из контактирующих племен превосходит другое по численности. Если пришлые многочисленны, то происходит консолидация с местным этносом. Влияние пришельцев на местное население и его язык может быть двояким. Если в захваченной (присоединенной) стране поселяется огромное количество мигрантов, отличающихся по языку от местного населения, и власть принадлежит этим пришлым, то происходит смена языка и языковая ассимиляция. Если же пришлые мигранты малочисленны, а тем более если они и местное население имеют родственные языки, тогда в язык аборигенов проникают элементы языка пришлого населения. При этом, если прибывшие племена близки местным по своей этнической принадлежности, то процесс образования народности ускоряется. В этой ситуации этнический процесс может идти по двум направлениям. В одном случае образуется новая народность. Это происходит, если местная народность в результате того или иного исторического процесса распадается на несколько частей и тем самым теряет свою главенствующую роль, которая переходит к пришлым племенам, ибо отныне они составляют большинство; в результате происходит их консолидация с расколовшимися частями народности. Этому процессу способствует то, что при расколе теряется территориальная целостность автохтонного этноса, он распадается на несколько частей, образуется чересполосное расселение его с пришлыми племенами, что приводит к исчезновению его самоназвания. Следовательно, пришлые и местные племена, консолидируясь, образуют новую народность. Этот народ отныне или называется самоназванием пришлых племен или по имени той страны, которую они захватили. Так происходило и с албанской народностью, которая после VIII в. распалась на две части, о чем будет сказано ниже. В иных случаях на основе местной народности и пришлых мигрантов формируется новая народность с самоназванием местной народности. В целом же в обоих случаях консолидация приводит к относительно полной этнической однородности [180, 158].

Ассимиляция является процессом растворения разноязычных племен среди другой народности с другим языком. Само собой разумеется, что насильственное присоединение соседних племен не приводит сразу к ассимиляции попавших в подчинение. Для этого требуется длительный переход, который начинается с ликвидации их собственных органов управления, появления двуязычия и т. д. Заметим, что и это двуязычие также не всегда приводит к ассимиляции подчиненных племен, если образовавшееся государство существует исторически недолго и если господствующий племенной союз не перерос в народность. Темп процесса определяется прежде всего количественным соотношением разноязычных племен. Этот процесс приводит к смене этнического названия ассимилирующегося этноса, потому что ассимиляция включает в себя и изменение языка (языковая ассимиляция). Когда начинается процесс ассимиляции, то сначала ассимилируемые племена становятся двуязычными, а потом родной язык утрачивается. Это значит, что на данном этапе ареал языка ассимилирующих не совпадает с ареалами ассимилируемых, и этот межплеменной язык становится орудием ассимиляции. Этот процесс приводит к тому, что ассимилируемые перестают существовать как этнос, ибо теряется их язык и самоназвание. Однако следует отметить, что языковая ассимиляция не ведет к культурной ассимиляции. После ассимиляции племя продолжает соблюдать свои обычаи, обряды и традиции.

Темпы растворения иноязычного этноса в процессе образования народности зависят также и от религиозной принадлежности ассимилирующих и ассимилируемых. Если оба этноса относятся к одной и той же религии, ассимиляция идет интенсивнее.

В истории отмечаются естественная и насильственная ассимиляции. Насильственная ассимиляция происходит при искусственном ускорении процесса. Естественная ассимиляция наблюдается при контакте разнородных этнических групп населения. В целом и консолидация, и ассимиляция в конце концов расширяют этнические границы данной народности.

Народность возникает в результате образования государства, иными словами, народ является продуктом государства, ибо государства возникают в результате союза родственных племен. Социально-политическое единство в рамках государства ускоряет взаимодействие племен на пути образования народности. Возникновение государства означает, что происходит этническая консолидация.

Что возникает раньше: общий язык или народность? Что является первичным: языковая общность или этническая общность?

Однозначного ответа на эти вопросы в этнографической наук нет. Оба процесса происходят вместе, параллельно и являются как бы одновременным, взаимосвязанным процессом. Языковая общность является условием для формирования народности, а язык народности является итогом этногенеза данной народности. Формирование в конечном итоге того или иного языка свидетельствует о том, какие именно этнические элементы сыграли определяющую роль в этническом процессе.

Как отмечено выше, большую роль в жизни народности играет религиозная общность. Единая религия выступает как объединяющая сила. Религиозная принадлежность сказывается на том, что конфессиональная общность отдает предпочтение бракам с единоверцами. А поскольку оформление браков находится в ведении церкви, то церковь, заинтересованная в конфессиональной принадлежности людей, способна активно влиять на ассимиляционные процессы.

Все эти факторы, связанные со складыванием народности, являются результатом изменений в социально-экономической жизни племен. Определяющим фактором изменений в этническом процессе в

конечном счете является производство материальных благ. Именно на основе производственных отношений идет процесс интеграции культуры и языка [180, 166].

Этнические процессы продолжаются и в дальнейшем, с переходом к капиталистическим отношениям, что является уже национальным процессом, ибо приводит к складыванию нации. Применительно к азербайджанскому народу этот процесс начался с середины XIX века.

Такова вкратце общая схема этнического процесса на пути образования народности. Мы изложили некоторые этапы этого процесса лишь схематично, в действительности же образование народности происходит гораздо сложнее и поэтому не может быть общих, полностью совпадающих моментов в деталях моделей в процессе этногенеза народов. Теперь же перейдём к выяснению некоторых особенностей этнического процесса, происходившего в Албании и Атропатене.

§ 3. Этапы процесса формирования азербайджанского народа

Процесс складывания азербайджанского народа и его языка, по нашему мнению, охватывает период, длившийся с IV—III вв. до н. э. до X--X1 вв. нашей эры. Безусловно, этот период имел свои этапы, но установить их по времени конкретно пока не представляется возможным.

Выше было отмечено, что по существующей концепции с середины VIII века до н. э. началась иранизация населения Манны и это якобы привело к сложению нараноязычного атропатенского народа где-то к концу I тысячелетия до н. э.

И. Г Алиев писал, что после вхождения Манны в состав Мидии иранизация этноязычного облика значительной части Манны должна была возрасти [136, 73].

Естественно, чтобы шел процесс иранизации маннеиских и части мидийских племен, должен был существовать иранский мидийский народ и общенародный мидийский язык. Однако по мнениям самих исследователей истории Мидии — И. М. Дьяконова и И. Г. Алиева, а также известного ираниста В. И. Абаева этого не было, т. е. не существовал ни мидийский ираноязычный народ, ни его общенародный иранский язык.

И. М. Дьяконов писал, что «здесь (в Мидии — Г. Г.) не было условий для создания языка мидийской народности» [283, 65), что в Мидии «в значительной мере сохранились племенные языки» [там же], что «мидийский язык был племенным языком» [283,70].

Сам И. Г. Алиев писал, что «никакого сплошного единоязычного этнического массива на этой территории (в Мидии. – Г.Г.) до и после прихода индоевропейцев не было» [130, 107], и «сложившейся мидийской народности в это время не было» [130, 110]. По его мнению, лишь в IV веке начинается процесс формирования атропатенской народности (130, 111), что «единого мидийского языка для всей территории Мидии не было а существовали различные племенные языки...» (130, 114). «Очевидно, мидийская народность в VII—VI вв. до н. э. разве только начала постепенно консолидироваться. Вскоре этот процесс значительнО затормозился с падением мидийской государственности и лишь с V в. до н. э. в связи с возвышением Атропатены вновь приобрел некоторые жизненные силы» (130, 111).

Такого же мнения придерживает В. И. Абаев: «Утверждение о заимствовании из мидийского основано на общих соображениях о культурно-политическом влиянии Мидии на Персию и по существу не может быть ни доказано, ни опровергнуто: о мидийском языке мы почти ничего не знаем» [110, 251]. Это высказывание также говорит не в пользу существования единого общенародного мидийского языка. «Не естественно ли думать, что
«чисто мидийское» состояние — такая же фикция, как «чисто персидское» и что на территории Мидии никогда не было единого и монолитного мидийского языка, а было, как и сейчас, множество диалектов и говоров с перекрещивающимися изоглоссами?» [там же, 25]. Далее: «На территории исторической Мидии наблюдается сейчас большая диалектная пестрота; эта пестрота не могла возникнуть вчера. Она говорит косвенно о языковой пестроте древней Мидии» [110, 252].

Итак, единого ираноязычного народа и языка, способного иранизировать местное население, в Мидии и Манне не было. Правда,. в Бехистунской надписи (521 г. до н. э.) есть выражение «кара Мада», которое переводят иногда как «Мидийский народ», однако твердо установлено, что слово кара (*kara*) имело значение «крестьяне общинников и рядовых воинов» (см. 264, 152), так что это выражение не может служить аргументом в пользу предположения о существовании мидийского народа. Поэтому мнение о том, что маннеи были ассимилированы ираноязычными мидянами [см. также: 498, 97] не соответствует истине. Существовали мидийские племена, племенной союз, царства, но эти племена, как мы уже знаем, были алтайского происхождения.

Не были ираноязычными также вторгавшиеся на эту территорию скифы (искутаи), киммеры (камары) и саки.

Правда, на территории Манны и Мидии, как установил Э. А. Грантовский, начиная с VIII века до н. э. обитали также ираноязычные племена. Там обитали, несомненно и эламоязычные, и хурритоязычные племена. Но все они составляли меньшинство по сравнению с алтайскими племенами. Этнический процесс вел к тому, что где-то в середине I тысячелетия до н. э. население Мидии, включавшее также Манну, этнически

разделилось на две части, причем часть (ираноязычная — как собственно иранские племена, так и ассимилированные, и местные) смешалась с персами, а часть вошла в состав тюркского населения Атропатены.

Отсюда можно сделать вывод, что эти части по этнической языковой принадлежности были различными и население Манны — Малой Мидии сохраняло свою компактность.

Итак, во время существования Мидийского государства население Манны не могло быть иранизировано, если даже допустить, что межплеменной мидийский язык в Мидии был иранским. Этого не произошло и в период господства Ахеменидов (550—331 гг. до н. э.) по той простой причине, что, наоборот, к концу существования этого царства Мидия этнически разделилась на две части и одна часть — Малая Мидия (Манна) стала называться новым названием — Атропатена. Об иранизации населения в парфянское время также не может быть и речи, ибо в этот период Атропатена была государством со своей столицей. Что же касается Сасанидского периода, то он характеризуется уже процессом складывания азербайджанского народа.

Высказывалось мнение, что в распространении иранского языка на территории Манны — Атропатены большую роль сыграли скифы и саки, ибо они считаются ираноязычными.

И. Дьяконов писал, что появление скифов должно было значительно укрепить позиции иранского мидийского языка, так как он был, почти несомненно, без особого труда понятен скифам и мог, таким образом, служить также и средством общения между скифами и мидянами [283, 277]. Далее он отмечает, что это видно из исключительной близости сако-скифских и мидийских собственных имен [283, 278]. Он считает, что «... господство скифов содействовало выработке межплеменного языка не только на территории Мидии в целом. Иранский язык мидян и иранский язык скифов были настолько близки, что было возможно взаимопонимание между обитателями скифского и мндийского царства [287, 290]. Такое же мнение и у Э. А. Грантовского:политическое преобладание скифов имело особое значение в распространении иранских языков и увеличении удельного веса ираноязычного населения в Мидии [239, 103].

Но мы выше уже привели некоторые аргументы в пользу мнения, что ишкузы и саки в Мидии не были ираноязычными, они являлись древнетюркскими, или алтайскими племенами.

Если согласиться с мнениями этих исследователей, остается необъяснимым: почему тогда эти «ираноязычные» мидяне, скифы, саки, киммеры не переросли в ираноязычный народ на территории Атропатены? Почему скифский и мидийский языки не привели к образованию нового языка иранской ветви? Тем более, что, по мнению Э. А. Грантовского, в VI веке до н. э. на территории Атропатены существовало только ираноязычное население [239, 372]. Но И. М. Дьяконов пишет, что «значительная часть мидян в быту не говорила на иранском языке» [283, 291]. Непонятно, почему же мидяне в быту не говорили на иранском языке, если мидийский язык был иранским, и еще к тому же там обитали ираноязычные скифы и саки?

Большая часть названий маннейских и мидийских областей и личные имена, упомянутые в ассирийских источниках, по признанию Э. А. Грантовского, — не ираноязычные. Далее он отмечает, что «в период полного преобладания в Иране иранских языков местные города и поселения продолжали носить неиранские названия» [239,220].

Выше мы часть этих «неираноязычных топонимов» объяснили на почве древнетюркских языков. Следует учесть, что ираноязычность отдельных имен (имена правителей) на территории Мидии и Манны еще не говорит об ираноязычности населения подвластных им местностей: иранские имена могли носить и представители неираноязычных племен. Возьмем, например, многие ираноязычные имена правителей Армении и Грузии, имена ширваншахов в Азербайджане в раннем средневековье и т. д. Поэтому, на основании приведенных в III главе фактов мы считаем, что основную долю тюркоязычной части атропатенского народа составляли тюркоязычные миднйские племена, маннеи, саки и искуты. Эти этнические элементы, наряду с проникшими с севера и с юга, из Средней Азии в раннем средневековье тюркскими племенами, явились основой в процессе формирования азербайджанского народа и его языка. Ясно, что консолидация, приведшая к образованию тюркского азербайджанского народа, была невозможна без определенной степени плотности тюркоязычного населения. Поэтому, атропатенский этнос следует отличать от современного азербайджанского этноса, хотя непосредственная этническая преемственность бесспорна.

Иранисты в пользу ираноязычности атропатенского народа обычно ссылаются на сообщения арабских географов об языке азери на этой территории, а этот язык действительно был иранским (см. 96, 144). Поэтому мы вкратце должны высказать свое мнение по этому поводу.

Язык азери. Как отмечено выше, с середины I тыс. до н. э. из недр ахеменидского Ирана выделяется страна Малая Мидия, получившая с IV века до н. э. название Атропатена. Малая Мидия отличалась от Большой Мидии и в целом от остального Ирана прежде всего этническими особенностями. По мнению И. Г. Алиева, атропатенская народность сформировалась к рубежу нашей эры [130, 40]. Отсюда следует, что эта народность имела общенародный язык, исследователи едины во мнении, что этот язык в арабском источнике известен под названием «азери».

Выше мы отметили, что у ал-Бируни (973—1048 гг.) и Хатиба Тебризи (1030—1109) есть выражения «азербайджанский язык». Неясно, однако, идентичен ли этот «азербайджанский язык» с языком «азери», или они разные языки. Возможно понятие «азербайджанский язык», равнозначно «языку атропатийцев», а в этом случае его нельзя отождествлять с иранским языком «азери».

В литературе существует общее мнение, что язык азери был иранским, причем его считают общеразговорным для всего населения раннесредневекового Азербайджана (539, 185). И. Г. Алиев писал:

«Однако у нас нет никаких оснований называть этот древний язык тюркским. Весьма вероятно, что этот язык был иранским. По-видимому, в средние века эта древнеазербайджанская речь была представлена широко раскинувшимся на всей территории Азербайджана азерийским языком, иранское происхождение которого— вне всякого сомнения» [130, 114]. То, что язык азери был иранским по типу — верно, но мнение о том, что он был общенародным, — не соответствует истине. Б. В. Миллер писал, что почти весь «азерийский» материал относится к северо-восточному углу Азербайджана — Ардебильскому округу [397, 208] и что «имеются достаточные основания именно в языке Ардебиля, языка населения северо-восточной части Азербайджана XIV века, видеть потомка «азери X века» [там же, 209]. В этом случае говорить о «широком распространении на всей территории Азербайджана иранского азерийского языка не приходится.

По нашему мнению, слово «азери» не является местным названием языка всего населения Атропатены раннего средневековья. Этим термином арабские авторы обозначали язык определенной части населения Атропатены.

В пользу этого можно привести следующие доводы.

Вышеприведенные материалы показали, что в Атропатене население не было сплошь ираноязычным. Наряду с ираноязычными племенами (предки современных курдов, талышей, татов, гиляков, мазандаранцев и др.) там обитало и тюркоязычное население. Атропатенская народность возникла на территории Манны или Малой Мидии. Но язык населения Манны не был ассимилирован ираноязычным мидийским языком, потому что в

Мидии не образовалось народности с единым языком [см. выше, с. 379], способной ассимилировать маннеев.

Как можно считать общенародный язык атропатенцев праноязычным, если арабский автор VII века называет Азербайджан «страной тюрок»?

Существует верное мнение, что язык азери был языком ираноязычных племен, в первую очередь ираноязычных талышей [см.: 479, 397] и что «наибольшее распространение этот язык получил в районе Ардебиля и на примыкающей к нему территории» (там же). Следует отметить, что, в Ардебильской области Ирана, в непосредственной близости от Ленкоранского района Азербайджанской ССР, живет значительное талышоязычное население. Рагимзаде Сафа писал, что язык азери был языком талышей и курдов [545, 30]. Ахмед Кесреви [538] также отнес этот язык к талышскому языку. Если это так, то поскольку курды, гиляки, и талыши в раннем средневековье не составляли в количественном отношении большинства, т. е. населения Южного Азербайджана, то и язык азери нельзя считать общим языком населения этой страны, и следовательно, атропатенская народность не могла быть ираноязычной. Соответственно этому, не существовал и ираноязычный народ, называвшийся «азери». Поэтому нельзя согласиться с мнением, что на языке азери, «говорила большая часть населения Южного Азербайджана до XI в.» [411,41].

Вообще-то трудно поверить, что на иранском языке говорила большая часть населения Атропатены до XI—XII вв., ибо уже в XIII веке известен тюркский азербайджанский язык, а до этого лексические элементы этого языка отразились в творчестве Гатрана Тебризи, о котором мы скажем ниже.

Безусловно, в Атропатене обитали ираноязычные племена, в частности, на северо-востоке страны жили предки курдов, талышей, гиляков, мазандаранцев. Эти племена являлись потомками мидийских племен, однако они, конечно, не могли бы «иранизировать» население Атропатены хотя бы потому, что они в раннем средневековье никогда не представляли единого народа с единым языком. В мидийском периоде их языки были мидийскими, в античное время — атропатенскими ираноязычнымн, а в раннем средневековье здесь преобладал так называемый язык «азери».

По Б. В. Миллеру [397], иранские диалекты Южного Азербайджана (харзани, керингани, халхали), именуемые татскими, также входили в язык азери. Как видим, общего азерийского языка не было. Но если не было общеразговорного иранского азерийского языка, то значит и не было единой иранской народности Атропатены, т. е. в Атропатене была такая этническая общность, для которой иранский азерийский язык не был родным языком, и если в раннем средневековье там сформировался тюркский народ, то следовательно, эту этническую общность следует считать тюркской. Так или иначе, атропатенская народность должна была иметь единый общеразговорный язык, тем более что в Атропатене «среднеперсидский язык был лишь языком сасанидской канцелярии и правящей верхушки, но отнюдь, не разговорным языком широких масс населения» [317, 3].

Отсюда вытекает вывод о соотношении ираноязычного и тюркоязычного населения в Атропатене в разные периоды начиная с IV века до н. э. до X—XI веков. С. Ю. Касумова писала, что в сасанидский период в Южном Азербайджане на языках и диалектах иранской группы говорила большая часть населения [317, 3]. С этим утверждением согласиться нельзя. Другое дело, что там существовали обособленные ираноязычные племена при отсутствии единого общеразговорного иранского языка, и это облегчило распространение и утверждение тюркско-азербайджанского языка на юге.

Поэтому мнение И. Алиева и Э. А. Грантовского о том, что атропатенский народ был ираноязычным, не увязывается с тем фактом, что азерийский язык был языком лишь некоторых ираноязычных племен, которые не составляли основу населения Атропатены. В этом смысле азери является иранским языком, как считает Ахмед Кесреви [538]. Но он не прав, утверждая, что этот язык является древним языком азербайджанского народа, на котором говорили даже мидийцы.

Если мы примем мнение об ираноязычности атропатенского народа, неясно тогда, почему на единой территории Ирана образовалось два ираноязычных народа — персидский и атропатенский, почему этот

«ираноязычный атропатенский народ» после XI—XII вв. стал говорить на языке завоевателей — сельджуков-огузов а персидский народ остался ираноязычным? Прав С М. Онуллахи, отмечая, что если бы азерийский язык был общеразговорным народным языком иранского типа, тогда в «Диване» Гатрана Тебризи, созданном до прихода огузов вместо азербайджанских (тюркских) слов должны были слова иранского азерийского языка—родного для него [96,147]. Почему наконец, поэты Азербайджана XI—XII вв. писали не на родном языке азери, если существовал такой общенародный язык а на персидском и арабском языках? С, М. Онуллахи привел мнение иранского историка Джамал ад-Дина Фагиха о том, что тюркский язык в Южном Азербайджане не привнесён сельджуками, ибо официальный язык их был персидским [96, 147].

Ахмед Кесреви в источнике XVII в. - трактате Шейха Гусейна ибн шейх Абдал Захиди «Силсилят ан-Насаби Сефевиие» [1648] нашел 11 дубейтов, написанных на одном из персидских диалектов, автором которых считается шейх Сефи-предок Сефевидов А Кесреви считает этот язык «диалектом азери». В самом источнике не указан язык этих дубейтов. Но нам, несомненно, он известен как азери. А. Кесреви на этом основании считал Сефевидов азерийцами, и, следовательно, персами, хотя в этом источнике Шейх Сефи называется «тюркским святым», «тюркским юношей» или «сыном тюрка» [116].

Итак, процесс образования азербайджанско-тюркского языка начался еще со времени скифов, саков, получив мощный импульс в раннем средневековье в связи с проникновением раннесредневековых тюркских племен. Поэтому нельзя согласиться с мнением С. Ю. Касумовой, что язык азери бытовал в Тебризе еще во времена Сефевидов [317, 4]. Если это так, то почему тогда Шах Исмаил писал на азербайджанском—тюркском языке?

Таким образом, по нашему мнению, для эллинистического периода и раннего средневековья в исследуемом регионе можно сконструировать примерно следующую языковую ситуацию. Образование государства Атропатены в IV в. до н. э. еще не означало складывания атропатенской народности с единым атропатенским языком. На территории Атропатены обитали ираноязычные племена — кадусы, гиляки, гирканы, марды и др. — предки современных талышей, гиляков, татов и ряда других ираноязычных племен. Однако тюркоязычное население составляло большинство — это были потомки автохтонных тюрков Манны, скифов, киммеров и саков. В последние века I тыс. до н. э. образовался атропатенский народ с общим языком для населения всей Атропатены. Канцелярским языком был персидский.

В период IV—VIII вв. на территорию Атропатены проникают и оседлые тюркские племена (чулы, хурсы, гунны, сувары, хазары). Численность тюркского населения росла, и поэтому арабский автор VII века охарактеризовал Атропатену как «страну тюрок» (см. выше, с. 356).

В VIII—X вв. шел процесс формирования азербайджанского народа и его языка. Этот этап характеризуется процессом складывания общенародного, устно-литературного азербайджанского языка, который назывался «тюрки»; известно, что Гасаноглу в XIII в. писал на языке тюрки, и в то же время он является одним из поэтов, писавших на азербайджанском языке, ибо язык этого поэта — настоящий азербайджанский язык. Таким образом, наше мнение о времени формирования азербайджанского языка совпадает с мнениями Э. Демирчизаде [87, 15] и Т. И. Гаджиева [102, 38] — это VIII—X в.

Упоминаемое Хатибом Тебризи (XII в.) выражение «азербайджанский язык» (см.: 96, 145—146) говорит о том, что, во-первых, в то время наименование «Азербайджан» как арабская форма персидского «Атарпаткан» уже стало местным общепризнанным названием страны; во-вторых, сложившийся общенародный устно-литературный язык назывался «азербайджанским». Именно элементы этого языка отражены в поэзии Гатрана Тебризи (1012—1088), уроженца Тебриза (по сообщению самого автора, он родился в селе Шадиабад близ Тебриза). Гатран Тебризи недвусмысленно выразил желание ныне говорить не на каком-нибудь иранском языке, а на тюркско-азербайджанском языке. По свидетельству современника [см. об этом: 102], сам поэт не знал хорошо персидского языка. Это сообщение иранские исследователи объясняют по-своему: мол, родным языком Гатрана был так называемый язык «азери». Но сам Гатран Тебризи в своих сочинениях нигде не упоминает об этом языке, присутствует масса лексических элементов современного азербайджанского языка, а не слова какого-нибудь другого неизвестного иранского языка,
который можно было бы считать языком «азери».

В III—VII в. общим языком делопроизводства и общения был персидский. Вместе с тем ираноязычная языковая раздробленность в Атропатене создавала условия для расширения сферы употребления тюркского азербайджанского языка. Ни ираноязычные диалекты — азери, ни персидский язык не способны были серьезно влиять на этот язык, ибо не были распространены повсеместно, не были общеразговорными языками. Если бы они имели такой статус, как отметили выше, это привело бы к формированию общего для всей Атропатены ираноязычного языка тем более, что существовала религиозная общность (и ираноязычные племена, в том числе персы, и тюркское население были огнепоклонниками), а кроме того существовала единообразная система административного территориального деления и персидский язык был официальным языком. Надо признать как факт, что эти ира-
яоязычные языки не имели распространения среди всего населения, всех перечисленных выше племен. Исходя из этого, можно говорить, что язык азери был названием языков и диалектов северо-западных племен Атропатены. К этим языкам относится талышский язык в Прикаспийской полосе, где жили гиляки, мазандаранцы и др. Эта гористая область, которую, Страбон называл Мидийскими горами, составляла часть Южного Азербайджана.

Подытоживая вышеизложенное, можно резюмировать следующее:

1.Включение Манны в состав Мидии не могло привести к иранизации маннейцев за столь короткий исторический период – 65-66 лет.

2.В дальнейшем территория Манны входила в состав государства Ахеменидов в течение 220 лет (с 550 до 331 г. до н. э.). Этот период характеризуется тем, что часть населения Мидии, именно там где обитало ираноязычное и иноязычное население, консолидировалась с персами. Именно этих мидийцев имел в виду Страбон, сообщая, что население Мидии «Персида» почти нисколько не различается по языку» (Страбон XIV, 2, 15). Следовательно сообщения о ираноязычности мидийцев нельзя относить к населению всего Мидийского государства, другая же часть населения Манны, или Малой Мидии, где потом образовалась атропатенская народность, не была иранизирована. Наоборот во времена господства ахеменидов Манна, как географически так и этнически, отделилась от другой части Мидии. Несомненно древнеперсидский язык был официальным канцелярским языком и для населения Малой Мидии. Видимо жители ее были двуязычны, т. е. кроме своего, знали еще и персидский язык в качестве языка общения. Но это вовсе не является доводом в пользу ираноязычности населения Манны. Это видно из следующего сообщения Страбона: «Название Арианы распространяется на часть Персии и Мидии, а также на северные части страны бактрийцев и согдийцев. Ведь эти народности говорят почти на одном языке только с незначительными отступлениями (Страбон, XV. 2, 8). Как видим, Страбон не относит всю Мидию к Ариане, слово «часть» относится и к Мидии.

3. Иранизация населения Атропатены не могла произойти во времена Аршакидов по той причине, что, начиная где-то с 20-х годов IV века до н. э. и до первых веков нашей эры, существовало самостоятельное государство Атропатена.

Это обстоятельство окончательно решило этническую судьбу указанной территории, хотя там безусловно, обитали и ираноязычные племена, — анариаки-парсии, гирканы, марды, гелы — предки современных западноиранских племен; харзани, керинганы, халхалы, известные ныне под названием «татские», а также предки гиляков, талышей, мазандаранцев и др. Но ираноязычное население с самого начала не могло составлять большинство на территории будущей Атропатены. Еще Е. Херцфельд [см. по- 317, 23] писал, что на территории современного Азербайджана в VI—V вв. до н. э. ираноязычные племена не составляли большинство. Основными компонентами этнического процесса на территории Атропатены являлись тюркские этнические общности. Именно постепенное возрастание роли тюркских племен, их преобладание привело к ассимиляции части древних иноязычных местных племен.

Таким образом, в результате этнических процессов, происходивших в предшествующие века, в IV в. до н. э. на территории нынешнего Иранского Азербайджана начался процесс сложения этнической общности, получивший в дальнейшем по имени страны название «атропатенцы». Во всяком случае, ко времени источника Страбона уже существовала атропатенская народность, что видно из его сообщения: «на западе Мидия граничит с атропатенцами» (Страбон, XI, 13,6).

Наша концепция о тюркоязычности атропатенской народности вытекает из двух обстоятельств: во-первых, в Атропатене обитали различные этнические общности. Если сложилась народность, то значит одна из этих этнических общностей составляла большинство. Если допустить, что главенствующая роль принадлежала ираноязычным племенам и атропатенская народность была ираноязычной, то надо ответить на вопрос: а какая именно ираноязычная племенная общность? Предки какого современного ираноязычного племени Иранского Азербайджана (талышы, таты, гиляки, курды и др.) или носителей иранских диалектов (харзани, керингани, халхалы, именуемые «таты») преобладали в этой общности? Большинство иранских историков считают талышей и гиляков лишь остатками древнеиранских племен на территории Иранского Азербайджана. Указанные выше языки составляли так называемый язык «азери» в раннем средневековье, но, как было отмечено выше, «азери» вовсе не являлся общенародным языком всего населения Азербайджана. К VII веку мы уже имеем сообщение арабского источника, что Азербайджан — это «страна тюрок» [126], а если так, то следовательно, не существовало и ираноязычной народности. Во-вторых, как показывает конечный результат этнического процесса, на этой территории в конце концов образовался тюркоязычный азербайджанский народ, основным компонентом которого явились местные пратюркские племена, а в дальнейшем саки, скифы и пришедшие сюда в раннем средневековье другие тюркские племена. Сообщение Плиния (VI, 13, 42) о том, что атропатенцы названы как часть мидян не может служить доводом в пользу ираноязычности атропатенской народности, ибо в данном случае понятие «мидиец» имеет собирательное значение.

Выше было отмечено, что в результате развития самосознания население Малой Мидии как бы выделяло себя из других областей Мидии, и название страны (Атропатена) стало иноназванием его населения, потому, что оно, это население, отличалось по языку и этнической принадлежности от остальных частей Ирана, в том числе Большой Мидии.

Таким образом, атропатенский народ был продуктом этнического процесса, протекавшего в предшествующий исторический период в результате которого Мидия оказалась разделенной на две части Это деление происходило на основе этнической принадлежности племен, населявших территорию Малой Мидии и Большой Мидии. Атропатенская народность возникла как народность рабовладельческого типа, но она существовала и в феодальную эпоху. Как известно, при образовании народности в классовом обществе этническая роль языка возрастает. В данном случае по логике вещей должен был существовать и общенародный атропатенский язык. Этот язык должен был быть отличным как от древнеперсидского, так и от новоперсидского, поэтому и атропатенский этнос должен был быть отличным от персидской этнической общности. Однако единого атропатенского языка для всей территории Атропатены вначале не существовало,

потому что здесь жили различные племена, в том числе и ираноязычпые — предки курдов, татов, талышеи, гиляков и других племен, потомки которых живут там и поныне. Неясно на сегодняшний день, как называлась атропатенская народность среди самих тюркоязычных атропатенцев, но общее наименование этой народности, зафиксированное, в античных источниках, — «атропатенцы».

Во время сасанидов в Атропатену проникали новые тюркские племена — чолы, гунны, хазары, сувары и др. и происходил процесс консолидации их с алропатенской народностью. В этом отношении права С. Ю. Касумова в том, что «характерные черты лингвистической ситуации, определившие сравнительно быстрое распространение тюркских языков и в Южном Азербайджане и в Албании, складывались уже в сасанидском периоде» [317, 4].

Благоприятным условием для формирования народности в Атропатене была и относительная целостность территории. Правда, Атропатена входила в состав Аршакндской и затем Сасанидской империи, но вместе с тем имела своих правителей и собственную территорию. Известно, что атропатенский царь помогал основателю сасанйдской династии Ардаширу в борьбе против Парфии.

В сасанидском государстве начиная с III в. Атропатена была одной из шахр («стран»). В надписи Шапура I (III в.). Атропатена перечислена в одном ряду с Иберией, Арменией, Албанией, Баласаканом и другими областями, но уже в составе Ирана. Со времени Хосрова I империя была разделена на четыре части — «куста» [317, 57]. Один из кустов охватывал 13 областей, среди которых были Албания и Атропатена. В дальнейшем, во времена арабского господства, включение Азербайджана (Атропатены) и Арана (Албании) в одну систему административного деления должно было способствовать развитию экономических, а вместе с этим и этнических связей между двумя частями будущего Азербайджана и складыванию единого тюркского азербайджанского народа.

В III—VII вв. Атропатена входила в состав государства Сасанидов. В Атропатене находились родовые имения персидской знати, летняя резиденция сасанидских царей, храм огня. Персидский язык был официальным государственным языком атропатенцев. Все это, несомненно, привело бы к образованию ираноязычного народа в Атропатене, но при обязательном условии: если бы только основное население страны было ираноязычным. Однако этого, как мы видим, не произошло.

Язык атропатенской народности рабовладельческого периода был межэтническим для различных иноязычных племен Атропатены. У этих племен были свои племенные языки, но существовал и межплеменной язык, ибо не может существовать народности без общенародного языка. Этим языком был общеразговорный тюркский язык. В раннем средневековье язык части атропатенцев был известен под названием «азери». Как будет сказана ниже, большинство исследователей считают этот язык ираноязычным. Но как бы то ни было, язык азери нельзя считать для этого периода межплеменным языком, ибо в этом случае не возник бы и не утвердился тюркский азербайджанский язык. Следует различать понятие «азерийский» (т. е. атропатенский) язык от понятия «азерийский» (атропатенский) народ. Хотя в обоих этих понятиях фигурирует Атропатена (Азербайджан) как название страны, но оно не возникло на основе этнонима. Иными словами, в Атропатене могли жить различные атропатенские народности — ираноязычные и тюркоязычные. Язык азери был именно языком ираноязычных этнических общностей. Но эти ираноязычные общности не могли составлять большинства, поскольку, повторяем, в конце концов здесь сформировалась тюркоязычная народность. Если мы пришли к выводу, что ираноязычные племена не составляли в численном отношении большинства в Атропатене, то напрашивается логический вывод; относящийся к иранской группе язык азери не мог быть общим языком для всего населения Атропатены.

Вместе с тем, если была тюркская атропатенская народность, то должен был существовать и тюркский общеразговорный атропатенский язык, ибо язык является необходимым компонентом этнической принадлежности народности, языковая общность является непременным условием ее формирования.

В Атропатене местное тюркское ядро слилось с прибывшими в раннем средневековье тюркскими племенами. Подчеркнем, что это слияние могло оказаться возможным только при существовании крупного тюркского ядра, при значительно большем его удельном весе в сравнении с пришлым тюркоязычным населением. Без такой ситуации не мог бы происходить этнический процесс, приведший к образованию тюркского азербайджанского народа. Заметим, что эти пришельцы должны были вести в основном оседлый образ жизни, ибо кочевнический образ жизни тормозил бы консолидацию между ними.

В основе религиозной общности населения Атропатены было огнепоклонничество (зороастризм). Ибн ал-Факих (X в.) и Ибн Хордадбех (IX в.) говорят о храме огня Азергушнасп (Азергушнасп означает «Огонь Гушнаспа», т. е. «огонь военных людей», см. Пигулевская И. В. Иран в IV веке нашей эры и возникновение городов. В сб.: Из истории стран Ближнего и Среднего Востока. — Л., 1956, с. 119) в Атропатене, пользовавшимся большим почетом у магов. В 623 г. византийский император Ираклий разрушил храм огнепоклонников в Гяндже [149, 226]. После завоевания Ирана арабами атропатенцы постепенно перешли в исламскую веру. Население здесь было по этнической принадлежности пестрым, хотя в основном тюркоязычным, но исламская религия сблизила различные этнические общности по религиозному признаку, и потому религия сыграла существенную роль в этническом процессе среди этой части населения. Поэтому принятие ислама не затормозило процесса консолидации, а напротив, способствовало ему. Прибывшие же в VII в. и в последующих веках тюркские племена не могли оставаться язычниками в мусульманской среде, и они, естественно, сразу же стали мусульманами. Тюркоязычные племена к VII—VIII вв. в Атропатене занимали

господствующее положение и тюркская речь уже была общеразговорной. Шел процесс формирования азербайджанского народа.

Тюркские племена, проникавшие до V—VII вв. в Атропатену, становились огнепоклонниками. Ко времени арабских завоеваний в Атропатене часть населения являлась также христианами несторианского толка, и по С. Ю. Касумовой [317, 116], в V— VII вв. в Атропатене существовало несколько несторианских епархий. После VII в. на этой территории наметился массовый переход к исламу, что ускорило слияние тюркских этнических общностей с прибывшими племенами. Часть огнепоклонников и христиан несторианского толка, видимо, перешла с юга на север, на Апшеронский полуостров. В некоторых селениях Апшерона (например, в селе Бузовна) еще до недавних пор жили христиане-несториане.

По нашему мнению, VII—X вв. характеризуются процессом складывания новой этнической общности — азербайджанской, отличной от атропатенской, но имеющей с ней генетическое единство. Начиная с первых веков н. э. вплоть до VII—VIII вв. на эту территорию проникают тюркские племена — гунны, чолы (чулы), сувары, болгары, хазары и начинается новый этап этногенеза, приведший в X веке к образованию азербайджанской народности как новой исторической общности. Следует отметить, что в формировании азербайджанского народа на территории Атропатены большую роль сыграли сувары и хазары после того, как в VI—VII вв. произошло массовое переселение их на территорию Атропатены, как это свидетельствуют ат-Табари (IX в.) и Ибн-Мискавейх (X в.).

Итак, атропатенцы являлись тюркоязычным, а не ираноязычным народом, сложившимся на почве древних племен мадай, маннейцев, искутаев (ишкузаев), саков, киммерийцев и других. И поэтому, никакой среднемидийской или новомидийской ираноязычной народности, выдуманной европейскими иранистами, здесь не было. Повторив это неосновательное мнение, И. Г. Алиев внес еще большую путаницу в древнюю историю
Азербайджана и теперь не так-то просто восстановить истину.

Никто не сомневается в том, что на территории Атропатены обитали ираноязычные племена. Потомки их живут здесь и доныне — это талыши, носители западноиранских диалектов Южного Азербайджана — харзани, халхали, каринган, курды и др. Если бы существовал ираноязычный атропатенский народ, то как объяснить, что от него остались различные ираноязычные племена — ведь по логике вещей они должны были бы сегодня говорить на близких языках.

Таким образом, начиная с IV века до н. э. вплоть до арабских завоеваний для Атропатены можно предполагать следующую ситуацию с языком: образование Атропатенского государства в IV веке до н. э. еще не означало наличия сформированной атропатенской народности с единым общеразговорным языком для всей страны. На территории Атропатены обитали, наряду с тюркоязычными и ираноязычными племенами — курды, кадусии, гиляки, мазандаранцы, гирканы и др. Но основное место занимало тюркоязычное население — потомки маннеев, скифов, саков, а также проникшие туда в первых веках н. э. тюркские племена. Именно среди этой части населения шел процесс складывания азербайджанского языка в культурных центрах и городах — процесс консолидации. Канцелярским официальным языком в то время был персидский. Наряду с общеразговорным языком тюркского типа существовал и язык ираноязычных племен названный арабскими авторами азерн. Мы считаем, что к X веку процесс складывания азербайджанского народа с общеразговорным азербайджанским языком завершился.

Лексические элементы этого языка отражены в творчестве Гатрана Тебризи. Поэт, естественно, мог привести эти слова только в том случае, если знал этот язык и значение приводимых им слов.

Процесс складывания народности в Албании начался с создания племенного союза албан, в котором главенствующую роль сыграли носители этнонима албан. К. В. Тревер отмечала, что «союз племен был возглавлен племенем албанов, и возглавляющим стал его язык». [482, 306]. Но она не смогла установить этническую принадлежность племени албан и его языка.

Если можно говорить о разложении первобытного общества в Албании в начале I тысячелетия до н. э., то образование племенного союза следует отнести для территории к северу от Куры примерно к середине указанного тысячелетия. До образования Албанского государства здесь существовали, видимо, мелкие «царства» различных племенных общностей. Мы знаем, что племенной союз, как правило, возникает на основе союза родственных племен. Если это так, то в Албанский племенной союз первоначально входили родственные племена, имевшие общий язык. Как отмечал Ф. Энгельс, «общий язык, имевший различия только в диалектах, был выражением и доказательством общего происхождения» [*]. Позже, в период становления албанской государственности, начиная с IV—III вв. до н. э., в этот союз были включены разноязычные племена, и это постепенно привело к их ассимиляции. Язык племени албан стал межэтническим. Албанский союз племен имел общее самоназвание, восходящее к этнониму *албан*. Это говорит о том, что носители этнонима *албан* составляли в этом союзе большинство в численном отношении.

В советской этнографической науке принято считать, что этносом (племенем, народностью, нацией. — Г. Г.) является только та совокупность людей, которая осознает себя как таковую, отличную от других аналогичных общностей. Это осознание членами этноса своего группового единства принято именовать этническим самосознанием, внешним выражением которого является самоназвание (этноним).

---

[*] Ф.Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, с. 107

Албанская племенная общность представляла собой общность, возникшую на почве общности языка и общности территории. Общность языка и территории, в свою очередь, способствовала развитию хозяйственных и культурных связей между входившими в этот союз племенами. Этот союз со временем превратился в народность, видимо, еще в начале нашей эры. Так, при археологических раскопках найдены монеты, имевшие хождение в Албании еще во II в. до н. э.

Итак, в узком смысле албанский союз племен являлся исторически возникшей этнической общностью, потому что основные условия, способствовавшие возникновению этой общности (общность территории и общность языка), существовали еще до нашей эры. Мы не знаем этапов процесса становления албанской племенной общности, приведшего к образованию албанского союза племен на базе ранее существовавших этнических компонентов. Неизвестно, из каких именно родственных и неродственных племен состоял этот союз. По-видимому, в I в. до н. э. в этот союз входили гелы, леги, силвы, каспии, Ьеры и др., но они не были ассимилированы.

По сообщению Страбона, в Албании население говорило на 26 языках. И хотя существовал албанский союз племен, но каждое племя еще имело своих племенных вождей. Полная ассимиляция кавказоязычных и ираноязычных племен не происходила, язык албанской племенной общности бывл межэтническим. Этноним *албан*, служивший до этого наименованием крупного племени, а затем народности, постепенно становится собирательным названием для всех разноязычных племен только потому, что они жили в Албании. Принятие христианства в IV веке способствовало консолидации тюркских племен Албании — албанов, саков, гаргаров, каспиев. Шел процесс частичной ассимиляции кавказоязычных племен — лбинов, сильвов, эров и др.

Возможно, наиболее сильно процесс консолидации затронул каспиев. Это видно из того, что уже Страбон, говоря о каспиях, отмечает, что они «не так уже славны, как раньше» (XI, 4, 5). В первые века раннего средневековья, утеряв свой язык, Каспии перестали быть этнической общностью.

Однако некоторые племенные общности на территории Албании еще сохраняли внутреннюю автономность. В древнеармянских источниках упоминаются «княжество маскутов», «княжество гаргаров», «страна каспов», «округ утийцев», «страна лпинов» и др. Известны также такие титулы, как «царь гелов», «князь утийцев», «царь маскутов». Эти цари находились, однако, в вассальной зависимости от албанского царства, которое первоначально охватывало земли к северу от Куры.

Самоуправляющейся областью, возможно, была Сакасена в междуречье Куры и Аракса. Упомянутые племенные общности, видимо, сохраняли пережитки развитого первобытного строя, когда племя имело вождя, народное собрание, свое самоназвание, территорию и свои религиозные представления. Но с IV в., когда жители Албании стали христианами, здесь усилились процессы консолидации и ассимиляции. Время включения территории к югу от Куры в состав Албании точно не известно. По всей вероятности, это произошло где-то в первые века н. э. Поэтому концепция армянских ученых по данному вопросу не приемлема с научной точки зрения, о чем мы говорили выше.

К III—IV вв. уже сложилась тюркская албанская народность. Однако образование народности еще не означало исчезновения родоплеменных делений. Как видно из свидетельства албанского историка, албаны в то время в селениях жили родственными общностями.

В начале IV в. в Албании было принято христианство. До этого в ней за исключением Апшеронского полуострова и северо-востока страны, где население было огнепоклонниками, господствовали первобытные религии. Моисей Каланкатуйский например, говорит об идолопоклонниках в Арцахе (кн. I, гл. 17), идопоклонниках и огнепоклонниках, совершающих свои обряды в капищах в земле маскутов, в северо-восточной Албании (кн I, гл.27).

Христианство объявило беспощадную войну этим языческим религиям и выступило, таким образом, как орудие с помощью которого происходила постепенная ассимиляция указанных племен со стороны племенной общности албан. Это способствовало дальнейшему формированию народности. В «Истории албан» (кн. I, гл. 17) говорится, что царь Вачаган (V в.) «топил или изгонял из страны многих колдунов, чародеев и жрецов, а других он обращал в рабов», и что он «приказал собрать детей волхвов, чародеев, жрецов, персторезов и знахарей, отдать в училища, учить их божественной науке и сделать сведущими в христианской жизни для утверждения их в ней».

В «Истории албан» Моисея Каланкатуйского (кн. II, гл. 40) в той части, где говорится о созыве Алуэнского собора (488 г.), отмечается, что по приказанию епископа Исраила в Албании «свершилось божественное деяние: все азатское сословие нахараров и рамиков (т. е. рядовые люди, простолюдины. — Г. Г.) страны пришли поклоняться религии святой церкви».

В первых веках н. э. в Албанию проникают тюркские племена — араны, гунны, кангары, савары, печенеги, тертеры, хоросы, чолы и др., под общим названием «северяне».

«Страну гуннов» не следует искать вне Албании, ее надо рассматривать как область или округ в Албании, где обитали гунны. Этот факт говорит о том, что гунны уже к V в. составляли один из компонентов формирования азербайджанской народности.

В распространении тюркского языка и, следовательно, в образовании азербайджанского языка доминирующую роль сыграли языки тюркских племен. Этому способствовало то, что эти племена являлись скотоводами, постоянно кочевали на обширных территориях, как степных, так и горных. Племенные кавказоязычные языки не могли конкурировать с языками тюркских племен. Не случайно языки кавказоязычных албанских племен сохранились как правило в горных районах. Вспомним здесь, что каспии,

утаи, маскуты и другие албанские племена обитали в основном в степных районах, причем чересполосно, и именно это обстоятельство привело к их более интенсивной ассимиляции. Несомненно, ассимилировались также и те кавказоязычные племена, часть которых жила в равнинных областях.

Христианами стали не только коренные жители Албании, но и прибывшие сюда в начале нашей эры вышеназванные тюркские племена, а также ираноязычные маскуты. Потому сыновья царя маскутов Санесана носили имена Моисей, Даниел и Елиа («История албан», кн. II, гл. 5). Например, гунны первых веков в северо-восточной Албании были христианами. Гунны (в источнике — «северяне») приняв христианство, «свои знамена украсили изображением креста» [кн. I, гл. 29, 30]. Это видно из того, что христианский центр Албании до середины VI века находился в городе Чол. Христианами стали, видимо, и савары (сувары), жившие в северо-восточной Албании в зоне Шабрана, наименование которого восходит к этнониму савар. Еще с V в. христианами стали шаки. Ал-Масуди, говоря о царстве Шаккан, отмечает, что жители его (т. е. шекинцы) являются христианами, а скупцы и ремесленники — мусульманами (см. 10, 16). Арабский географ упоминает «шекинское племя христианского исповедания, среди которых живет большое число мусульман». Христианами стали и печенеги Арцаха. В «Истории албан» отмечено, что великий округ Пазкан (восходит к этнониму пачанак, см. выше, см. 103) в Арцахе албанский царь Вачаган обратил в христианскую веру (кн. I, гл. 32). В этом же источнике сообщается, что христианами стали абдалы-эфталии. Отмечено, что Маштоц распространил христианство также и среди других племен, племенных некогда Александром Македонским, который привел и поселил их близ великой Кавказской горы — гаргаров и камичик-ефталов (кн. I, гл. 27). Например, когда по сообщению Моисея Каланкатуйского, в Сюник в 30-х годах V века пришли из какой-то страны с тюркским населением два брата знатного происхождения Гор и Газан с большим войском (а у тюркских народов, как известно, войско двигалось вместе со своими семьями), им достались населенные пункты Хот и Шагат в Сюнике (ныне Сисианский р-н Армении) и они стали христианами. Христианами стали и переселившиеся в западную Албанию сувары (севордики армянских, сийавурдия — арабских источников) .

Христианство, ставшее государственной религией, ускоряло этнический процесс, ибо как отмечал Ф. Энгельс, первобытная религия препятствовала объединению отдельных племен и мешала созданию внутреннего отношения этих племен [*]. Наоборот, известны случаи, когда религиозная общность может выступать как вид самоназвания. Есть конкретные примеры, когда религиозная общность может даже как бы «оттеснять» чувство этнической принадлежности на второй план. В свете этого можно предположить, что этнический процесс в Албании особенно ускорился в IV—VII вв.., до распада албанской церкви и раскола албанской народности на две части — албан-христиан и албан-мусульман.

Албанский тюркский язык был родным для носителей этнонима *албан*, и межэтническим общеразговорным языком для кавказоязычных и ираноязычных племен страны. Поэтому в V в. на этом языке был создан албанский алфавит. Создание письменности в Албании означало существование общенародного албанского языка. Мы не знаем, на основе каких родственных племенных языков сложился этот общенародный язык. Теоретически данный процесс должен был происходить так: после образования племенного союза на основе родственных племен во главе с племенем албанов и превращения его в народность в результате консолидации родственных племен, бывшие племенные языки становятся говорами этого общенародного языка.

Литературный язык, образовавшийся на основе общенародного языка, отражает грамматические особенности этих племенных языков, превратившихся после образования общенародного языка в говоры. Лексические элементы этих говоров в данном языке отличаются фонетическими особенностями.

Из сказанного видно, что и албанский язык должен был иметь говоры.

Религиозная идеология (идеологическое единство) в лице христианства и средства культурного общения в виде алфавита и письменности, развитие ремесел и торговли — все это вместе взятое создало необходимые предпосылки для процесса ассимиляции иноязычных племен среди албан.

Создание алфавита и письменности свидетельствует о том, что уже существовал общеразговорный межплеменной язык —- албанский язык, понятный всему населению Албании. Подтверждением тому служит сообщение Моисея Каланкатуйского, что царь Вачаган разослал во все концы Албании грамоты» (кн. I, гл. 20). Если на албанский язык была переведена Библия, то это говорит о том, что албанский язык уже имел достаточные внутренние корневые и синтаксические ресурсы, т. е. достиг определенного уровня грамматического развития. Существование общеразговорного межплеменного албанского тюркского языка видно из того, что католикос Виро, по сообщению Моисея Каланкатуйского (кн. II, гл. 14), был искусным переводчиком с персидского на албанский язык и «доступная его беседа пленяла сладостью слух простого народа и *разношерстной* (выделено нами. — Г. Г.) толпы, когда он излагал пространные речи, равные словам мудрецов и их изречениям».

Возникновение межплеменного албанского языка говорит о том, что в то время уже существовал албанский этнос. В «Истории албан» для VII в. употреблено выражение «народ Агванка» (кн. II, гл. 49). Письменность, утвердившаяся в то время, является результатом развития городской жизни в Албании, что нашло свое яркое отражение в произведениях искусства, обнаруженных при археологических раскопках. Однако само по себе создание алфавита еще не означает, что существовал единственный язык для всего населения Албании, ибо факт пользование одним письменным языком еще не делает людей различных племен

[*] Ф.Энгельс . Бруно Бауэр и первоначальное христианство . К.Маркс, Ф.Энгельс. соч.. т.19, с. 311.

автоматически принадлежащими к одному этному [180, 65]. Например, титулатура албанского католикоса «каталикос албанов, лбинов и чолов», введенная со времен католикоса Аббаса (VI в.), свидетельствует, что в то время лбины и чолы представляли собой самостоятельные племенные общности. Для того, чтобы существовал единый общеупотребительный албанский язык для всей Албании, надо было, чтобы все разноязычные племена были ассимилированы, т. е. произошла языковая ассимиляция. Этого, однако, как мы знаем, не произошло. Албанский народный язык сирийским автором VI века Захарией Ритором,азван арранским. Албанская письменность, если исходить из сообщений Гевонда (VIII в.) и Моисея Каланкатуйского, существовала в течение VI—VIII вв. На этом языке писали и проповедовали с церковных кафедр. Апогеем развития албанского языка следует считать V—VII вв., когда в Албании существовало, как это документально доказала Ф. Мамедова, централизованное феодальное государство [см. подробно: 362].

К концу VIII—XI вв. уже, по-видимому, перестали существовать тюркоязычные племена гаргар, сак, чул, печенег и др. — они, как племена, родственные по этнической принадлежности с носителями этнонима албан, в основном консолидировались с последними. Однако сохранялась внутренняя самостоятельность некоторых кавказоязычных племен — их полная ассимиляция не произошла. Эти территориально разобщенные племенные группы в Албании сохранили свои специфические черты в области материальной культуры и религиозных воззрений, чем и объясняется разнообразие в керамике, способах захоронения, обрядности, выявленное при археологических раскопках на территории Азербайджана.

Тюркское население Албании делилось по религиозной принадлежности на две части: албаны (в узком смысле), гунны, саки, гаргары, кангары, печенеги, чолы и другие племена были христианами, а проникшие в V—VIII вв. тюркские племена, в частности хазары и сувары (имеются в виду племена Западно тюркского каганата, проникшие в Албанию в VI в. см. 214, хазары и сувары переселенные Хосровым Ануширваном в числе 10 тысяч, хазары, переселенные в 722/23 году Джаррахом ибн Абдаллахом Хаками, хазары, поселившиеся в 731 году, хазары, переселенные в 732/33 гг. Марваном ибн Мухаммедом и др., см. 183, 102—116) до принятия ими исламской религии (после VII в.), — язычниками, ираноязычное население в северо-восточной Албании и на Апшеронском полуострове исповедовало огнепоклонничество. Но так или иначе, тюркское население численно стало преобладающим по сравнению с кавказоязычными и ираноязычными племенами. Видимо, на этом этапе между тюрками-христианами и тюрками-язычниками еще не шел процесс консолидации — этому мешала их различная религиозная принадлежность.

Итак, на рассмотренном этапе уже существовали атропатенская и албанская народности. В связи с проникновением в регион, начиная с первых веков нашей эры, все новых и новых тюркских племен, что длилось до конца VIII в., этнический процесс стал затягиваться, чему способствовали феодально-патриархальные отношения и замкнутый образ жизни в горных районах, а также кочевой образ жизни тюркских племен.

Переломный этап этногенеза в Албании начался в VII веке, когда Албания была завоевана арабами, которые принесли с собой новую религию. В начале VIII в. (точнее с 703 г.) албанская диофизитская церковь потеряла самостоятельность. Отныне каталикосов Албании должны были рукополагать в Армении. Армянская же церковь была монофизитской. «С VII столетия (с самого начала VII столетия окончательно). Пишет С.Т.Еремян, - алабанская церковь рассматривалась как часть армянской церкви, а языком богослужения безраздельно и бесповоротно становится древнеармянской» [295, 328]

Арабский халифат относился к монофизитской церкви лояльно, чтобы использовать её влияние в борьбе против диофизитской Византии. Наряду с этим к тому времени, т.е. к середине VIII в.,ислам уже укрепился в Албании.

В связи с возникшей ситуацией в этот период в Албании произошла следующая дифференциация: часть христиан-албанов приняла ислам, другая часть - примкнула к монофизитской армянской церкви, третья часть албанов и некоторые племена северо-западной Албании ориентировались на грузинскую церковь [228, 53].Вопрос параллельного существования христианства и исламкой религии в Албании, разделения населения на два противоположных религиозных лагеря и в связи с этим процесс деэтнизации части албан подлежит обстоятельному исследованию.

Рассмотрим по порядку судьбу этих двух групп албан, разделившиеся по религиозному признаку.

После захвата Албании арабами часть албан и «ранние» тюрки-христиане (араны, гунны, катаки, хурсы, чолы, кангары, печенеги) начали переходить в исламскую религию. Переход части албан (в широком смысле) в ислам был связан во многом с тем, что люди стремились как-то улучшить своё материальное положение, ибо арабы обложили данью представителей других религий. В «Истории албан» отмечено, что албанский царь Вараз Трдат говорил: «Эти подати, которыми обложило нас лютое племя тачиков, слишком уже тяготеют и теснят нас» (Моисей Калакантуйский, кн. II, гл.32). В ислам переходила в первую очередь албанская знать, а за ними и простые люди, а также торговцы и ремесленники, которым арабы предоставляли определённые льготы. Таким образом, центром распространения ислама стали города, где жила знать, торговцы и ремесленники. Однако в крупных городах, по-видимому, население по вероисповеданию в течение нескольких веков оставалось ещё смешанным. Например, уроженец Гянджи Мхитар Гош (XII в.), Киракос Гандзакеци (XIV в.) были христианами, тогда как Низами Гянджеви ещё в XII в. был мусульманином. В литературе XIX в. отмечено, что старинная часть Гянджи называется Килисекенд. , т.е. «Церковное село». Город Гянджа в XII в., по сообщению Мхитара Гоша, имел своего архиепископа – Григора. В XII в. христианская часть населения Албании жила, по свидетельству того же автора, и в Колте, и в Шамхоре. В связи

с этим З.М.Буниятов писал, что «процесс исламизации здесь был более длительным , чем в Южном Азербайджане
[183, 88]. В источнике говорится, что в 1068 г. жители двух крепостей в северо-западном Азербайджане (по З. М. Буниятову—Даскарт ал-Джунайн и Илису, — см. 49, 192, прим. 9), когда они были завоеваны сельджуками, приняли исламскую религию, и владетель этих крепостей царь Кахетии Ахсартан (1058—1084) совершил обрезание [49, 55]. Поэтому ал-Масуди (IX в.), говоря о населении Шаккана (область Шеки в северо-западной Албании. — Г. Г.), пишет, что население ее — христиане, а торговцы—мусульмане (10, с. 61). «Процесс исламизации населения Албании, начавшийся с VIII в., продолжался до XIII в. В связи с массовым переходом населения в ислам сократилось число албанских епископских округов. Как было отмечено в протоколе Шамхорского собора, в ведении албанского монофизитского католикоса остались всего три епископства и несколько монастырей» [см. 362].

С началом VIII века ислам становится в Албании господствующей религией [183, 90]. С переходом в ислам населения Албании эта религия стала господствующей идеологией, а арабский язык — канцелярским письменным языком. Как официальный язык исламской религии арабский язык, видимо, какое-то время был и языком общения между представителями различных этнических общностей, особенно в городах: этот язык учили в религиозных школах. Этот язык стал и языком художественной литературы. Не случайно, начиная с VIII в. ряд азербайджанских ученых и поэтов писали свои произведения на арабском языке. Безусловно, эти выходцы из различных городов Азербайджана (Барда, Гянджа, Тебриз, Салмас, Нахичевань и др.) являлись перешедшими в ислам албанами и атропатенцами. О том, что арабский язык занимал в быту населения господствующее место, можно судить по тому, что надгробные надписи писались на этом языке даже тогда, когда уже существовал письменный азербайджанский язык. Это является одной из причин того, что общеразговорный азербайджанский язык долгое время не мог стать письменным литературным языком.

Большой успех ислама, главным образом в равнинных районах страны, вынудил духовенство сменить резиденцию албанского католикоса. Это произошло при католикосе Ованесе III (798—823). Он перенес престол католикоса из Партава в Бердакун, располагавшийся на территории Казахского района [228, 55].

На этом этапе в Азербайджан были переселены арабские племена. В начале VIII в. арабы, продолжая захват и освоение Аррана, начали войну с хазарами [см.: 183, 107—116], продолжавшуюся около ста лет. В течение этой войны арабы построили здесь много военных пунктов — «рабатов».

Следует отметить, что в распространении и укреплении ислама в Албании—Арране большая роль принадлежит переселенцам — арабским племенам.

Источники свидетельствуют, что в 731 г., после отражения хазарского вторжения, Хишам ибн Марваном с целью усиления обороноспособности северных границ Аррана были переселены из Сирии (Шам) сюда 40 тысяч семейств. По сообщению ал-Балазури, Маслама ибн Абд ал-Малик переселил из Сирии в Северный Азербайджан 24 тысячи человек, занявших впоследствии в районе Дербента господствующее положение [183, 174]. Ал-Истахри сообщает, что 14 горных крепостей Дербента, построенные еще Сасанидом Ануширваном, были заселены семьями, переселенными из Мосула, Диар-Рабиа и Сирии [там же]. Следует отметить, что во время правления хамавидской династии переселенные семьи в основном относились к североарабским племенам, а во времена Аббасидов были переселены южноарабские племена, из которых происходили сами аббасидские правители. Например, во время правления халифа ал-Мансура (754—775) правитель Азербайджана Йазид ибн Хатим Мухаллаби переселил арабские семьи из Йемена [183, 173}. Были переселены семьи и из Сирии (Шам). По сообщению ал-Балазури, после завоевания Азербайджана арабские племена из Куфа, Басры и Сирии двинулись туда и захватили сколько им хотелось земли (183, 773). По Ю. А. Гагемейстеру, в 755 г. 7 тысяч семейств из Сирии и Аравии были переведены в крепости, построенные против хазар на пути от устья Терека — в Куру и Шемаху [207, 184]. ф. Карпович переселение большой группы арабских семейств в северо-восточный Азербайджан относит к 763г. [см. 84, 80— 81].

Владетель Арана Иусиф ибн Рашид ас-Сулами переселил племя Бени-Гейм, а Йазид ибн Мазйад аз-Зейд Шайбани — племя Рабий (там же). Во время правления Аббасидов в Азербайджан было переселено племя Хилли из Ирака и арабские семьи из племени рабий. Во время правления Харуна ар-Рашида (786— 809) переселение арабов уменьшается и только при Мамуне (809—813), когда сын Иазида аш-Шайбани Халид был назначен правителем Аррана, он также переселил с собой арабские семьи. По мнению З. М. Буниятова, они были последними арабскими переселенцами [183, 176]. Переселенные арабские племена и семьи в Азербайджане в средних веках назывались по-другому — по названиям областей, откуда они переселились. Напр.: Шам, Куфа, Басра, Хилла, Хейбар — Араб-Шамлы, Араб-Куба, Араб- Басра, Араб-Хилла, Зарат-Хейбари и т. д.

Однако переселенные арабские племена не могли внести существенных изменений в этнический процесс в Азербайджане, даже несмотря на то, что они имели какие-то привилегии и их язык являлся официальным языком религии. Исследователи считают, что к XIV в. арабы уже были ассимилированы — частью тюркоязычным населением, а частью (на северо-востоке) — татами. Так, например, население селений Афурджа, Фириг и др. (Кубинский р-н), говорящее на татском языке, по происхождению считается арабским как среди самих жителей, так и среди соседних татских селений. Если арабы утратили свой язык в XIV в ив основном перешли на азербайджанский язык то это говорит о том, что до указанного века уже существовал общеразговорный азербайджанский язык.

Основная часть переселенных арабов тюркизировалась, перешла на азербайджанский язык, но сохранила свое родоплеменное деление вплоть до конца XIX века.

В XIX в существовали племенные группы арабского происхождения- Араб-Сарван, Араб-Шамлу, Араб-Джабирлу, Араб- Балоглан: Араб-Гадим, Араб-Шахверди, Араб-Гардашбеили, Араб-Бабали. Араб-Басра, Араб-Губалы (Куфалы), Араб-ушагы и др [см 84]. Сохранились и топонимы Хаибар, Халаб и другие, привнесенные арабскими племенами в Азербайджан. Топоним Шубани (Карадагский р-н) отражает название арабского племени шайбан.

Кроме вышеприведённых арабских этнонимов в Азербайджане как сказано выше, имеется ряд ойконимов, образованных от арабских географических терминов. Однако происхождение всех этих терминов, безусловно, нельзя связывать с арабскими племенами. Некоторые из них в разное время были заимствованы из арабского языка и с фонетической адаптацией перешли в топонимию азербайджанского языка. Об этом мы скажем во II томе нашего труда.

В исламскую религию перешли и прибывшие с севера в V - VIII вв тюркские племена (сувары, хазары, авары и др) - язычники по религиозной принадлежности. Так например, переселенные арабским полководцем Марваном ибн Мухаммедом 40 тысяч хазар в северо-восточной зоне нынешнего Советского Азербайджана по сообщению арабского автора, были «безбожниками» и они, естественно, стали здесь мусульманами. Это способствовало процессу слияния мусульманской части албанов с этими же тюркскими племенами. Следует также учесть, что к тому времени тюркские племена в численном отношении превосходили это часть албан.

Как видим, христианство перестало быть государственной религией в Албании, оно больше не являлось религией большинства населения- его место занял ислам. Господствующее положение ислама определялось тем, что в мусульманскую веру перешла часть албан—христиан и огнепоклонников.

Следовательно, характерной чертой этногенеза этого этапа можно считать слияние переселившихся тюркских племен с частью Носителей этнонима албан. Для этнического процесса этого этапа принадлежность к религии ислама имела большое значение, ибо религиозное единство способствовало расширению этнических отношений.

В целом включение Азербайджана и Аррана в арабский халифат безусловно сыграло определенную, притом прогрессивную роль в межэтническом процессе. Арабские монеты, чеканенные в Арране, известны с 700—701 г.; чеканка монет продолжалась и в последующие века, что способствовало развитию экономических связей между различными городами.

Усилилась консолидация — постепенное растворение тюркоязычных албан среди пришлых тюркских племен. В этом смысле прав Дж. А. Халилов, указывая, что албаны играли важную роль в формировании азербайджанского народа [502, 3], и совершенно не прав Н. Я. Марр, безосновательно полагавший, что армяне и грузины разделили между собою и растворили в себе албанов [375, 9]. Ошибается и С. Т. Еремян, выдвинувший «гипотезу» о том, что азербайджанцы — это будто бы арменизнрованные и огрузинившиеся албаны, принявшие ислам и тюркский язык [295, 305].

Как видим, во-первых, албаны (как в конкретном, так и в (собирательном значениях) не растворились полностью в других народах; во-вторых, возникает вопрос: на каком же языке говорили принявшие ислам албаны, если до этого они говорили якобы на армянском и грузинском языках? Искусственность таких «концепций» (Н. Я. Марра, С. Т. Еремяна и др.) очевидна.

Начиная с VII века шел процесс консолидации тюркских племен с частью албан. Компактность расселения этих племенных общностей также нарушается. Указанный процесс характеризовался эволюционными изменениями, в результате которых наметился переход к новому этническому состоянию — происходило складывание азербайджанского народа на территории бывшей Албании — Арана.

Таким образом, прибывшие с V—VII вв. тюркские племена—язычники, начиная с VIII в. становятся мусульманами, и это является важным фактором в этническом процессе формирования азербайджанского народа.

И. П. Петрушевский писал, что «постепенно большинствог албан вошли в состав азербайджанского анрода и омусульманились» [428, 52]. Это же мнение высказано А.Г.Шанидзе: «После завоевания Албании арабами начался постепенны йпереход албанцев в магометанство. Что ускорило их денационализацию…албанцы, потеряв свой нацтональный облик и слившись с соседями (главным образом с тюркоязычным населением Азербайджана и армянами и в меньшей степени с грузинами и другими народами Кавказа), уже не нуждались в созданной веками нациоанальной письменности и она. Никому не нужная, погибла» (510). Следует учесть. Что в этих высказываниях албаны, в том числе и албаны в узком смысле слова, считаются только кавказоязычными.

Как видим, часть албанов, начиная с VIII в.,стала одним из этнических компонентов нового этапа в процессе образования азербайджанского народа. Расколовшиеся на две части албаны-христиане с этого времени образовали по религиозной принадлежности два враждебных друг другу лагеря. Мусульмане-албаны, как и мусульмане-тюрки, начали уже писать персидским и арабским шрифтом на тех же языках. Поэтому албанская письменность, возникшая в период христианства, вместе с вытеснением последнего оказалась предана забвению. Вместо албанского алфавита среди албанов-мусульман получил распространение арабско-персидский алфавит. Это было, кстати, одной из причин того, что еще долго, вплоть до XIII в. поэты в Азербайджане не писали как правило на азербайджанском языке. Огузо-сельджукская племенная знать также читала и писала на персидском. Поэтому правы некоторые иранские ученые, утверждающие, что огузы

распространяли персидский язык, — это действительно так. Но вместе с тем общеразговорный азербайджанский язык существовал уже к VIII—X в.

Трудно точно указать, в каких именно зонах и в какой последовательности происходил указанный процесс консолидации тюркских племен с албанами. Албаны имели свои города и крепости, храмы, развитое хозяйство, а прибывшие постепенно в Азербайджан тюркские племена были в основном кочевниками. Они частично должны были постепенно перейти к оседлому образу жизни. Составляя большинство по количеству, эти тюркоязычные кочевники со временем втягивались в городскую жизнь.

Консолидации части албанов с тюркскими племенами способствовало два фактора: общность религии и языковая близость. Процесс консолидации тюрков первых веков н. э., а затем суваров, булгаров, хазаров между собой в Албании, с одной стороны, между ними и албанами, с другой должен был идти ускоренными темпами, потому что эти тюркские этнические общности не являлись исключительно состоящими из скотоводов-кочевников, как например, сельджукско-огузские племена — они еще в юго-восточной Европе имели развитое земледелие, города и поселения, вели оседлый образ жизни.

Как отмечено выше, в этом процессе главная роль принадлежала тюркским племенам, составлявшим численное большинство — возрастание плотности населения за счет прибывших тюркских племен ускорило консолидацию. Ф. Энгельс писал: «Возрастающая плотность населения вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и по отношению к внешнему миру. Союзы родственных племен становятся повсюду необходимостью, а вскоре делается необходимым даже и слияние их...»[*].

Здесь надо заметить, что контакты между албанами и тюрками происходили и раньше. В «Истории албан» Моисея Каланкатуйского сообщается, что род Арсвелан «во времена Хосрова Великого (армянского царя — 211—259 гг. — Л Г.) породнился с неким храбрым мужем, пришедшим из страны Басилов» (кн. I, гл. 8). В другом месте автор отмечает, что албанский князь Джеваншир «переправившись с семнадцатью мужами на другой берег реки (т. е. на север от Куры. — Г. Г.), он пришел в лагерь гуннов и взял себе в жены царскую дочь...» (кн. II, гл. 26). Сообщается также, что «нахарары албанские роднятся с язычниками и подвергаются проклятию» (кн. II, гл. 32).

Таким образом, брачные узы между албанами и тюрками являются одним из факторов консолидации албанов-тюрков с пришлыми тюрками. «Чужестранками» здесь, безусловно, являются девушки язычников-тюрков. Это говорит о том, что тюркские племена жили в Албании чересполосно, что ускорило консолидацию их с албанами-мусульманами.

В этом же источнике отмечается, что «Враз Трдат, князь Гардмана, христианин по религии, говорил своим людям, что с этих пор не сочтем позором породниться с ними» (т. е. с тюрками Албании — Г. Г.).

О слиянии албанов с тюркскими племенами свидетельствует и упоминания племени «албан» два раза в «Китаби Деде Коркут» [146, 15]. В связи с этим С. С. Алияров отмечает, что со времени мирного договора между Джеванширом и хазарскими хаганами в Аране «становится возможным распространение этнонима албан на тюрков-азербайджанцев или обозначение албанов в составе огузского этноса, что одно и то же. На этот счет в двух главах «Китаби Деде Коркут» (восходит к доисламскому записанному циклу «Огуз-наме», переведенному на арабский язык в 211 г. х., т. е. 826—827 гг.), содержатся два фрагмента, научное значение которых трудно переоценить. В первом из них лазутчик спешит доложить своему таговору: «[Еще] не заставивший выть твою собаку, не заставивший мяукать твою кошку глава албанов Казан с сыновьями предались сну». И второй случай: «... увидел алпанов, заставлявших скакать светло-сивых коней, я присоединил к себе алпов (витязей) с белыми шлемами» [146, 75].

Однако, вопреки мнению С. С. Алиярова, этноним албан как самоназвание, по-видимому, не распространялся на пришлые тюркские племена раннего средневековья. В этом случае албан стало бы в конце концов самоназванием азербайджанцев, проживающих к северу от Аракса. В результате этнического процесса этноним албан перестал быть собирательным для тюркских племен наименованием, ибо албаны уже составляли меньшинство по сравнению с тюркскими племенами; поэтому этноним постепенно был забыт. Следует еще учесть, что в VII—VIII вв. в связи с непрерывными арабо-хазарскими войнами, число албанов уменьшилось: часть их искала спасения в Армении и Грузии, а десятки тысяч албан были пленены хазарами [см. 183, 115] и увезены. Закономерно, что когда идет растворение аборигенов среди пришельцев, будь они родственники по своей этнической принадлежности или нет, постепенно самоназвание этих аборигенов утрачивается. Поэтому самоназвания сохраняются лишь среди мелких этнических общностей аборигенов до их полного растворения. Проникшие же в Закавказье тюркские племена имели свои этнические названия, ибо у них было сильно развито родоплеменное деление, и этноним албан не мог стать самоназванием всех или одного из этих племен, потому что еще не происходила полная консолидация. А когда в VIII—X вв. она произошла, то уже этноним *албан* среди мусульманской части населения был забыт. Но в армянской форме «агван» этот этноним сохранился после VIII в. как собирательное название среди албанов-христиан в Нагорном Карабахе и Ширване А. П. Новосельцев по этому поводу отмечает, что «страна алван» теперь (после VIII в. — Г. Г.) становится обозначением исторической области, а также названием округов, подведомственных каталикосу агванскому» [411, 42]. Это было связано с тем, что христиане-албаны подчинялись армянской церкви. С указанного времени и армянский язык в Арцахе начинает становиться межплеменным и письменным языком. В связи с этим армянская письменность также становится письменностью христиан-албанов. Поэтому

[*] Ф.Энгельс . Происхождение семьи, частной собственности и государства, с. 189.

Моисей Каланкатуйский писал свой труд на армянском языке, хотя был не армянином, а албаном. Армянские исследователи недаром обвиняют его в «албанском мировоззрении», а А. А. Акопян характеризует его как «ярого поборника автокефальности Албанской области» [128, 141]. В самом деле, зачем Моисей Каанкатуйский стал бы защищать самостоятельности албанской церкви, если бы он был армянином? Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что в «Истории албан» присутствуют многие тюркские (т. е. албанские) слова — *айагялын* (босоногий), *табаг* (посуда), *чопчу* (знахарь), *туркен* (гонец) и др. Этноним *албан* в форме *агван* в слабой степени сохранился в средние века среди тех мусульман-албан, которые жили смежно с армянами, среди них. Например, на территории села Урут (Сисианский район Арм. ССР) на надгробии, относящемся к 1478 г., на персидском языке написано: «Сын кетхуда Амрусам из поколения агван», а в надписи 1578 г. на азербайджанском языке: «Ифтихар из поколения агван» («овладе агван») [409, 88]. Таким образом, еще до XVI в. этноним *албан* сохранялся для части населения в Нагорном Карабахе. Это говорит еще и о том, что носителями его были перешедшие в ислам бывшие христиане- -албаны.

Наличие этнонима агван в эпиграфических памятниках подтвердило мнение, существовавшее о конкретном этнониме албан. Однако М. Нейматова не могла объяснить причину существования этого этнонима в урутских надгробных надписях и полагала, что это обстоятельство указывает на тюркизацию албанских племен. Иными словами, она считает, что говорившие до этого на другом языке албаны потом перешли на тюркский язык. Конечно, это не так, однако мы далеки от того, чтобы упрекать автора приведенного суждения — она исходила из существующей тенденциозной концепции. Наоборот урутские памятники свидетельствуют, о том, что в те века, к которым они относятся, еще сохранялась часть племени албан, для которых этот этноним был самоназванием. Тем более, что по М. Нейматовой, в урутских памятниках сохранились рельефы, в изображениях которых отразились верования древнетюркских племен: *онгоны* — «сокол»; *бык* (тибетский як), шаманы и др. Но, по грамматическим нормам армянского языка этот этноним (*албан*) приобрел форму агван.

В связи с указанными этническими процессами началось и сужение употребления наименования «Албан», как названия страны. Территория к северу от реки Куры до Дербента с IX в. уже называлась Ширван в связи с возникновением государства ширваншахов, и таким образом, для этой части страны название «Албания» перестало употребляться. У Истахри (X в.) Арап и Ширван отмечены отдельно (см. 10). Уже Мхитар Гош (род 1139 г.) территорию к югу от Куры называет Аран. Название «Албания» в древнеармянской передаче «Агван» применялось в основном для Арцаха, где обитали христиане-албаньт, поэтому этот автор употребляет выражение «страна агван», в качестве название Арцаха. У Хамдаллаха Казвини (XIV в.) на территории Советского Азербайджана перечисляется Муган (югу от Куры, после слияния с Араксом), Ширван (к северу от Куры до Дербента) и Аран — территория к югу от Куры [см. 8].

Часть христианского населения Албании продолжала жить в зоне Шабрана, там, где в более древнее время жили савары и хачматаки, впервые упомянутые древнеармянским источником V века. В последний раз этноним хачматак упомянут у Йакута Хамави в форме «чешмадан» (искажение от «хачматак»), к которому восходит топоним Хачмас в северо-восточном Азербайджане [395, 114].

Этноним *агван* сохранялся как название коренного населения у армян и в последующие века. Киракос Гандзакеци (XIV в.) отмечает, что «народ же их (т. е. албанский народ) с нами (т. е» армянами. — Г. Г.) вместе остался в православной вере...)» [14, 99]. Безусловно, здесь имеются в виду албаны-христиане. В этой исторической ситуации агван обозначает конкретный этноним— албан. Но этноним албан был еще и собирательным названием для других племен Албании, в том числе и для удин. Это видно из текста, отправленного из Карабаха письма удин на имя Петра I, в котором говорится: «Мы, агванцы, по нации утийцы...» [154, 138].

Следует отметить, что после огузско-сельджукских завоеваний начало суживаться и употребление наименования Аран. Отныне оно применялось, в основном, для обозначения низменности в междуречье Куры и Аракса. Во всяком случае, в этом значении Аран упомянут Хамдаллахом Казвини (XIX в.). В дальнейшем словом Аран стали обозначать только равнинную часть этого междуречья, и оно обрело свое исконное, первоначальное значение — «низменность», «место с жарким климатом», которое употребляется и ныне.

Итак, в регионе шел своеобразный этнический процесс: к VII—VIII вв. пришлые тюркские племена составляли большинство, и часть албанов, принявших исламскую религию, начала растворяться среди них, в связи с чем постепенно забылся и сам этноним *албан*. Если бы носители этнонима *албан* были кавказоязычными, они, конечно, не растворились бы так повсеместно и так быстро — часть их, как например, кавказоязычные удины, авары, цахуры, крызы, хиналугцы и другие племена, сохранилась бы до сих пор. Иными словами, если бы пришельцы или завоеватели-тюрки составляли меньшинство, то они должны были постепенно ассимилироваться в среде «кавказоязычных» албанов, как, например, тюркоязычные болгары в Болгарии. Безусловно, слиянию этой части албан с тюркскими племенами способствовал тот фактор, что носители этнонима албан в узком смысле были тюркоязычными. Тюркские племена не могли принять наименование албан, потому что в численном отношении они составляли большинство. И если в конце концов в обеих частях Азербайджана возобладал тюркский язык, то это говорит о том, что тюркоязычное население, постепенно увеличиваясь, составило численное большинство. «В процессе соприкосновения народностей происходит вкрапление иноязычных групп в чужой языковый массив и восприятие соседних языков иноязычным населением, причем языком-победителем часто оказывается тот, который распространен на более

обширной территории и по этой или по другим причинам является средством взаимопонимания в более обширной или социально более значимой среде» [288, 12].

Когда же образовался азербайджанский народ, этноним *албан* в результате консолидационного процесса между этой частью носителей этнонима албан и тюркскими племенами был забыт и среди мусульман-албан. Таким образом, для периода VIII—X вв. этнический процесс на территории Албании характерен тем, что здесь происходила консолидация тюркских племен с мусульманами-албанами. Распад этнической общности албан неизбежно вел к утрате этнонима албан. В подобных случаях, согласно историческим закономерностям, исход мог быть двояким: 1) название завоевателей становится наименованием местного населения; 2) наименование местного населения становится названием пришельцев-завоевателей. Все зависит от количественного соотношения местных жителей и пришлых племен. В Албании, однако, ни того ни другого не произошло, потому что Албания не была завоевана какой-нибудь тюркской народностью сразу, одновременно — тюркские племена проникали в страну постепенно. Эти племена являлись частью уже сформировавшихся этнических общностей со своими самоназваниями. Они по общему происхождению принадлежали к тюркам и назывались тюрками, такими их знали иноязычные народы и племена. Этим объясняется то, что азербайджанцы у персов, грузин, армян, татов, талышей, удин, лезгин и других народов называются «тюрк», «турки» (и в персидских источниках этот язык известен как «тюрки»). Впервые писавший на азербайджанском языке поэт Гасаноглу писал на «тюрки». Это говорит о том, что и общеразговорный письменный язык того времени назывался «тюрки». Византийские и арабские историки огузские племена называли «тюрк». Этим объясняется отсутствие конкретного самоназвания у азербайджанцев после образования азербайджанского народа.

На этом этапе этнического процесса ираноязычные таты и арабы не были ассимилированы, потому что, во-первых, данный процесс мог начаться лишь после образования общеразговорного азербайджанского языка, то есть после X—XI веков, во-вто-
рых, исламская религия не стала орудием ассимиляции, как это было для христианства в V—VII вв.; в-третьих, таты жили компактно, и, наконец, в-четвертых, таты обитали в государстве Ширван, а персидский язык был в то время официальным языком государства ширваншахов.

Выше, когда шел разговор об этногенезе, мы отмечали, что всякий народ является итогом развития и укрепления племенного союза. Однако сформировавшийся в VIII—IX вв. азербайджанский народ не являлся, как видим, результатом развития племенного союза и образования государства. Формирование азербайджанского народа шло в процессе консолидации пришлых тюркских племен, прибывших до VII—VIII вв., с омусульманившимися албанами. Этой консолидации способствовал еще один важный фактор — тюрки скотоводы-кочевннки вынуждены были вступать в контакт с местным земледельческим населением, чтобы получать от него хлеб и сельскохозяйственные продукты. Эти контакты обусловили возникновение двусторонних экономических отношений, что способствовало переходу кочевников-скотоводов к оседлому образу жизни. Поэтому, хотя в некоторых зонах тюркские племена имели численное превосходство, однако они находились под влиянием культуры местного населения — албанов.

Таким образом, нам представляетсоя бесспорным, что в состав азербайджанцев вошла часть албанов, и поэтому язык и элементы культуры этой части албан слились с языком и элементами культуры тюркских племен Албании—Арана. В настоящее время трудно определить, какие именно лексические единицы азербайджанского языка и элементы культуры азербайджанцев восходят к албанам.

Образовавшийся азербайджанский народ был народностью феодального типа, так как сложился в эпоху феодализма. Он еще не имел самоназвания, потому что государственные границы в ту эпоху часто менялись, происходили непрерывные войны между феодальными государствами. Несмотря на культурно-языковое единство после X века общее самоназвание для населения Азербайджана, как на юге, так и на севере, отсутствовало. С чем это было связано? Этот вопрос, несомненно, требует специального исследования. По нашему мнению, это объясняется тем, что в Закавказье непрерывно проникали все новые и новые тюркские племена, каждое из которых имело свое собственное племенное самоназвание, такое же положение было и среди местных тюркских племен — общее самоназвание отсутствовало. Но образовавшийся общеразговорный язык на территории Атропатены стал называться «азербайджанским», и таким образом название языка, и название страны стали представлять
единое целое. Это понятие, как известно, впервые мы встречаем у Хатиба Тебризн, — во всяком случае, язык тебризцев он назвал «азербайджанским». Но по своей этнической принадлежности этот язык, видимо, на персидском языке назвался «тюркским». Так, Низами Гянджеви в поэме «Лейли и Меджнун» отмечает, что шах заказал ему написать поэму не по-тюркски, а по-персидски. Однако этот этноним тогда еще не превратился в самоназвание народа. Это в определенной степени объясняется тем, что азербайджанский народ не сформировался в результате развития племенного союза родственных племен с самоназванием «тюрк», а затем соответственно в государство. Тюркские племена Албании и Атропатены только генетически были тюркскими, но каждое из них имело свое самоназвание.

На этом этапе этногенеза, вероятно, полностью были ассимилированы маскуты северо-восточной Албании, мары в зоне Нахичевани, мехраны в западной Албании, а также часть удинов в зоне Барды и в западной Албании.

Выше мы отметили, что непременным компонентом этнического процесса является общность территории. Кроме того, этот процесс происходит там, где контактирующие этносы (племена) живут в

соседстве или смешанно, т. е. чересполосно. В ассимиляции каспиев, мехранов, маскутов и других иноязычных племен Албании большую роль играл именно этот фактор — чересполосность их проживания с носителями этнонима албан и тюркскими народами. Например, каспин были засвидетельствованы в трех зонах Албании, утии — в нескольких зонах и т. д., что способствовало их быстрой ассимиляции. Как видим, при ассимиляции важное место имеет численное соотношение контактирующих племен. В данном случае большинство здесь сначала составляли тюркоязычные албаны, саки, гаргары, а затем раннесредневековые тюркские племена.

Происходил этнотрансформационный процесс, в результат которого, с одной стороны, албанский этнос перестал быть эносом в собственном смысле этого слова, а с другой стороны, - изменилась этническая принадлежность мехранов, части удинов и других племен кавказоязычных и ираноязычных (гелы, анарнаки, парсии, парны) и др.

Формировавшийся азербайджанский народ в конце раннего средневековья и в средние века еще не имел общего наименования. В условиях феодальной раздробленности на севере стрны население называлось по названиям племенных групп или же по названиям областей — например, ширванцы, шекинцы, карабахцы и т. д.

Исламская религия становилась одним из важных факторов складывания азербайджанского народа, и религиозная общность проявляла себя здесь и как общность этническая. Долгое время название «мусульмане» среди азербайджанцев служило как бы общим этническим названием и противопоставлялось, например, армянам или грузинам.

Однако перешедшая в исламскую религию часть албанов (в широком смысле) и в дальнейшем сохранили память о своем прошлом в верованиях, в частности продолжали почитание христианских святилищ. Этим объясняется, что христианские святыни позже и в средних веках почитались как армянами, так и азербайджанцами. Например, в Мильской равнине — на территории Бейлаганского района до сих пор почитается «Пейгамбар пири» («Святилище пророка»). Исследователи до сих пор не могли выявить его происхождение. Однако, еще в 1967 г. в городе Барде мы записали предание, согласно которому, там похоронен убитый язычниками некий пророк Джарджис (арабская форма от Георгиус, или Григориус). Мхитар Гош отмечает, что святой Григорис — прибывший из Армении католикос Албании — был убит варварами в 348 году [см. 40]. Позже над его могилой или на том месте, где он был убит, было построено святилище, ныне известный под названием «Пир Пейгамбара».

Этот этап характеризуется также ассимиляцией кавказоязычного и ираноязычного населения, в основном, в городах.

Часть населения Апшеронского полуострова и горного Ширвана, а также северо-восточной Албании была ираноязычной, а по религиозным верованиям — до ислама в основном огнепоклонниками. Они оставались зороастрийцами некоторое время и после введения ислама. Истахри (X в.) пишет, что недалеко от Баку (т. е. на Апшеронском полуострове) живут огнепоклонники, хотя священные огни были потушены в 840 г. Это подтверждается упоминанием «Области богов» (т. е. огнепоклонников) у Моисея Каланкатуйского, а также археологическими данными. Например, в старой части города Баку (Ичери- шехер) найдена посуда XI века красного цвета, и на ней нарисован *оджак* («очаг») с горящими языками красного пламени[91, 13-14]. Возможно, часть племен южного Каспия (анариаки, марды, лагиджи, гирканы и др.) продвинулись сюда, на Апшерон из южного Прикаспия и их, наименования отражены в топонимах Гюргян, Лааш (т. е. Лагич), Мардакян и Балаханы.

Несмотря на принятие исламской религии, пережитки огнепоклонничества в быту (особенно в обрядах, связанных со свадьбой и рождением ребенка) сохранялись еще долго. Кроме Сураханов, священные огни были около Баиловского мыса, близ сел. Шубани, в селении Гала около Мардакян [465, 2] на возвышенности, где расположен микрорайон «Новый Гюнешли», в черте города Баку известен Оддаг («гора огня»). Г. Гмелин (XVIII) упоминает Атешгях (храм огня) в Ала-Тава (ныне в черте города Баку) Единственный источник огня до сих пор сохранился недалеко от села Хиалуг, правда без соответствующей постройки; об этом святилище в литературе начала XIX века (Обозрение, IV) сказано, что туда ездили даже огнепоклонники из Индии . Священные огни были на территории нынешнего горного Ширвана, например в селении Канза (ог арабск. *каниса* «храм огнепоклонников») и т. д.

В Нагорном Ширване основная часть населения была ираноязычной, хотя там издревле жили и тюркские племена, как показывает. В частности топоним Шемаха. Это подтверждается и рядом ираноязычных топонимов, таких, как Куилмиан (впоследствии Гюлистан), известный с 1063 года.,название которого происходит от иранского *кевил* (*кувил*) «подземные помещения» и *миан* - «середина». Однако там, видимо, начиная с XI-XII вв., шёл процесс ассимиляции среди тюркских племён, и, как известно, Минучихр III ибн Афридун (1120-1160) и его сын Ахситан (1160-1196) носили тюркский титул «хакан».

Ассимиляция тюркоязычными племенами ираноязычного населения в северо-восточной Албании и на Апшеронском полуострове шла медленнее, чем в нагорном Ширване. Это связано с рядом объективных исторических факторов и обстоятельств.

В северо-восточной Албании , южнее маскутов, между рекой Вельвелечай и Бешбармаксокй скалой, в нагорной полосе обитали ираноязычные племена – предки современных татов. К приходу арабов там существовало небольшое царство Хурсаншахов.

Хурсаншахство располагалось между царством маскутов и ширваншахов и охватывало территорию нынешних Кубинского и Дивичинского районов. Центром его была крепость Хурс (известная крепость

Чирахкала) [218]. В это княжество (царство) входило и население бывшего Хизинского района - в арабских источниках «Ахли Хизан». (7). Локализация С.Б.Ашурбейли [163, 96], согласно которой Хурсан «простирался до чеверных склонов Кавказских гор между Лахиджом и Кубой и включал Лахидж с окрестными селениями Сулут, М.елхам, Конахкент, Зарат, Демирчи и др.», как нам представляется, неверна, так как эти селения входили в княжество Лизаншах, которое позже было присоединено к Ширваншахству [см. 107].

Позже (в IX веке) Хурсаншахство также было включено в Ширваншахство, и северная граница его проходила по реке Самур. Тюркизация, т. е. ассимиляция ираноязычных татов Апшеронского полуострова и северо-восточного Азербайджана, началась позже, где-то в XV—XVI вв., после переселения части кызылбашских племен в указанные местности.

Наоборот, часть тюркоязычных племен, видимо, поселившихся в зоне Хурсаншахства в первых веках н. э., перешла на татский язык. Это видно из того, что жители селений Юхары Гушчу и Ашагы Гушчу этой зоны, говорят на татском языке, тогда как известно, что гушчу является тюркоязычным племенем; в Закавказье в прошлом веке известны многочисленные селения Гушчу с тюркоязычным населением. Интересно, что на территории села Хызы сохранились топонимы с этнонимом *гунн*. Гильгильчайская стена была известна как Ал-гун бару, искажение от «Аг-гун бару» («стена белых гуннов»). На татский язык перешла и часть маскутов, населения пос. Маската, которое известно как Маштага; они раньше были татами и переход их на азербайджанский язык начался сравнительно недавно.

Сохранению еще некоторое время христианства и огнепоклонничества среди населения Албании содействовало, возможно, и сравнительно мирное завоевание некоторых областей Албании, на основе договоров между арабскими военачальниками и местным населением, согласно которых последнее должно было уплачивать определенную плату — джизье. Политическое подчинение еще не обуславливало вынужденной исламизации. Наряду с этим известны факты, когда даже завоеванные области арабы возвращали их владельцам, если те соглашались принять ислам. Как видим, на территории Албании с VII—VIII вв. начался процесс формирования азербайджанского народа, основными компонентами которого были принявшие исламскую религию носители этнонима албан и прибывшие и осевшие в Албании в VII—VIII вв. тюркские племена. Этот процесс охватывает приблизительно период между VII—X веками.

Характерной чертой данного этапа является взаимосвязь местных и пришлых тюркских племен: происходило не объединение их, а слияние. Период этот стал определяющим в этногенезе азербайджанцев. В результате удельный вес кавказоязычных и ираноязычных этнических общностей уменьшился. Этнический процес шел по двум направлениям: консолидации близких по языку и культуре тюркских племен и носителей этнонима *албан* между собой и образования нового тюркского народа, а также ассимиляции части кавказоязычных и ираноязычных албанских племен с тюркоязычными племенами. При этом надо подчеркнуть, что в Албании имела место естественная ассимиляция в силу постепенного увеличения количества носителей тюркских языков в течение относительно длительного исторического периода — с первых веков до VIII века включительно.По всей вероятности, к VIII—X вв. должен был уже существовать общеразговорный язык, поскольку впервые азербайджанские слова мы встречаем в творчестве Гатрана Тебризи. Для образования азербайджанского народа и его языка в указанный период уже сложились все необходимые условия: устойчивая территория, господствующий общепонятный язык тюркского типа, близость культурно-бытовых особенностей проникших в регион тюркских племен с местными тюркскими племенами, общая религия и др. Если в конечном счете в Азербайджане сформировался азербайджанский-тюркский язык, то это говорит о том, что в этническом процессе основную роль здесь играли тюркские этнические элементы.

Известны сообщения арабских авторов X века Истахри и Ибн Хаукаля о том, что в районе Барды говорят на аранском языке [10, 169]. Ряд исследователей, в соответствии с господствовавшей в то время концепцией о кавказоязычности албанского этноса, полагал, что прямыми «наследниками» албанского этноса являются удины (см. выше с. 22—23). Однако это мнение следует признать ошибочным. Аран — в арабских, Албан — в армянских источниках, как известно, являются наименованиями синонимичными, и потому выражение «аранский язык» равнозначно выражению «албанский язык». Наименования Аран и Албания для того времени (X в.) уже были традиционными, а этнос албан в то время, после VIII века уже не существовал распавшись на две части. После этого наступил новый качественный этап в истории азербайджанского народа и его языка. К X в. сложилась новая историческая общность, для которой общеразговорным языком был тюркский азербайджанский язык, и этот язык лишь по традиции назывался аранским, только потому, что на этом языке говорили в Аране — Албании. Следовательно, так называемый, «аранскнй язык» в X в. мог быть только общеразговорным, бесписьменным тюркским языком, а вовсе не удинским, так как удины в этой области в рассматриваемый период уже не представляли собой этнической общности — их захватил процесс ассимиляции с армянами. Поэтому мы полностью согласны с С. Б. Ашурбейли, что «под словом аранский язык подразумевался сложившийся к X в. азербайджанский-тюркский» [163, 67]. Это, в частности, подтверждается присутствием многочисленных тюркских по происхождению лексических элементов в творениях азербайджанских поэтов X—XII вв. Гатрана Тебризи, Низами Гянджеви, Хагани Ширвани и др., писавших на персидском языке. Заметим, что, тогда сельджукско-огузские племена располагались далеко на востоке (для Гатрана Тебризи) и не могли еще так быстро сформироваться в народность с общенародным языком для времени Низами.

На этом этапе этногенеза другая — меньшая часть населения — албаны-христиане и тюрки-христиане (часть саков, гаргаров, аранов, печенегов, гуннов и др.), а также христиане - кавказоязычные удины постепенно

утратили свой язык и впоследствии стали армянами. Этому способствовала и утрата письменности: христианские проповеди с начала VIII в. читались на армянском языке, и поэтому христианская часть албанов должна была знать армянский язык. Общность религии и церкви, таким образом, способствовала их деэтнизации. Албанское население Арцаха составляло с армянами конфессиональную общность.

Как известно, со времени введения ислама в 866 г. князь Амам сын Артнерсеха стал царем албанских областей с христианским албанским населением, в том числе Сюника и Арцаха, и эта часть Албании находилась в союзе с Арменией. Это обстоятельство также ускорило процесс арменизации албанов христиан. Указанный процесс продолжался и во время существования Хаченского княжества в Карабахе в XIII в. Армянский язык стал языком богослужения, а албанский язык — языком общения. Появилась и общность культурного склада между армянами и албанами-христианами. Кроме того религиозная принадлежность обусловливает тот факт, что конфессиональная общность отдает предпочтение бракам с единоверцами, что также способствует ассимиляции. Под действием всех этих факторов христиане-албаны и мусульмане-албаны постепенно отчуждались, все дальше отходили друг от друга. Прав В. Гукасян, в том, что «албаны-христиане, лишившись своего письменного языка, пользовались армянской письменностью, тем более, что у них уже была григорианская церковь» [250, 131]. Он же далее пишет: «Языки, контактирующие веками, взаимовлияют и оставляют друг у друга определенные следы. А впоследствии один из них обязательно ассимилируется. В этом отношении тписьменные языки в большинстве случаев оказываются в более благоприятных условиях и ассимилируют контактирующие с ними бесписьменные» [250, 131].

Ко всем этим факторам следует еще дебавить, что в Нагорном Карабахе к тому времени уже обитали армяне. Этому способствовало и то обстоятельство, что в последующий период в Нагорном Карабахе возникали армянские населенные пункты. Себеос (VII в.) сообщает, что во время царствования византийского императора Маврикия два армянских полка пришли и поселились в зоне Арцаха [34]. В. Гукасян отметил, что «в связи с григорианизацией албанских церквей с конца VIII в. начался непрерывный приток армян — особенно грамотных — для отправления церковной службы и преподавания в духовных училищах в правобережные области Куры (на территории современного Нагорного Карабаха). Вследствие этого процесса ассимиляция местных языков Карабаха с конца IX в. интенсифицировалась» [250, 132].

В результате часть носителей этнонима *албан*, а также часть албанских племен этого региона стали армянами. «Григорианизация албанской церкви принесла для албанцев христиан новый письменный язык, а именно — армянский. Церковная служба велась на армянском языке» [250, 121]. Это подтверждается еще и тем, что именно начиная с XII в. в Нагорном Карабахе появляются памятники на армянском языке. Характерно, что ни в одном христианском памятнике средневековья в Нагорном Карабахе до XII в. нет армянской эпиграфики. Этноним албан для этой части населения принял армянскую форму «агван», и
церковь стала называться агванской.

Следует отметить, что в источниках, относящихся к периоду после X века, слово «Албания» как наименование всей страны уже не встречается. Даже армяноязычные источники вместо «Албания», иногда для обозначения территории низменной части междуречья Куры и Аракса, фиксируют «Аран» [см. напр., 40].

Мнение об арменизации части албан в связи с их григорианизацией высказано рядом исследователей. З. М. Буниятов указывает, что часть армян Нагорного Карабаха является арменизированной частью албанов [183, 94]. А. П. Новосельцев считает, что часть албанов, сохранивших христианство, постепенно принимала армянский язык и становилась армянами [411, 42]. С. Т. Еремян отмечает, что часть первоначальных албанов, приняв христианство, позже арменизировалась [295, 304). И. П. Петрушевский писал, что в Агвании церковь служила еще и орудием арменизации страны. Он же указывал, что постепенно большинство албанов вошло в состав азербайджанского народа и омусульманилось, а -меньшинство (в Шеки и Нагорном Карабахе), скрестившись с армянами, арменизировалось [см. 428].

Часть христианов-албан (4 тысячи семей), называвших себя уже не «албан», а армянской формой этого слова «агван», из междуречья Куры и Аракса в XIV в. Теймур переселил в Кандагар. Переселенные албаны во главе с Эл-Хадж Мир Увейсом, разгромив гарнизон Кандагара, его правителя, грузина по происхождению Георгия Мехмед хана сына Шахнаваза из Тифлиса, захватили крепость и продолжали жить там [361, 78]. В «Албанской истории» Асай Асан Джалалян (нач. XVIII в.) отмечает, что доныне (т. е. до времени автора) они носят это имя «агван». Они там приняли суннитский толк исламской религии [20, 29]. Ч. Ч. Валиханов[190, II, 542] в районе Гандахар отмечает село Карабаг. Не исключено, что это топоним там является перенесенным албанами из Карабаха в Арране.

Процесс этногенеза имел иную направленность в северо-западной Албании. Там часть албанов (албаны, гелы, лбины, силвы, эры-христиане) в раннем средневековье в связи с вхождением временами этой области в составе Иберии огрузинилась, а другая часть христиан позже постепенно перешла в ислам. Распри между монофизитами и халкедонитами привели в этот период к расколу албанской церкви. «Продолжавшиеся распри между монофизитами и халкедонитами, отражавшие политическую борьбу, привели, наконец, к расколу албанской церкви. В середине X в. северо-западные епархии страны слились с халкедонитами» [313, 5]. Огрузинилась по языку и часть конкретного племени албан. Выше было отмечено, что этноним албан в топонимии восточной Грузии сохранился в форме «алван»; поляна Алвана — это часть правобережья (по течению реки Алазань), где находится селение Алвани — Самебо с грузинским населением. Там же находится и село Алвани.

Следует отметить, что принятие исламской религии помешало окончательной ассимиляции этих племен среди грузин, потому что высвободило их из-под влияния христианской церкви, являвшейся в этот период орудием ассимиляции, т. е. грузинизации населения. Арабский же язык — язык Корана не мог стать орудием ассимиляции, ибо он не был межплеменным или межэтническим языком и не был также государственным языком в этой зоне.

Н. Я. Марр отметил, что в Албании в раннем средневековье халкедонство подготовляло путь к господству грузин и «западная часть ее, так называемая, грузинская Албания, действительно, огрузинилась: это древняя область Эретия, позже вошедшая в пределы Кахетии» [371, 6—7]. С. Т. Еремян пишет: «Это огрузинившаяся часть Албании в дальнейшем называлась Эрета» [295, 804]. Т. Г. Папуашвили отмечал: «Эры и суджи грузинских источников, жившие в бассейне рек Иори и Алазани, были кавказоязычными (но не грузинскими. — Г. Г.) племенами и входили в албанский союз племен. Политическое расширение влияния Иверии в сторону Албании сопровождалось также и этнической ассимиляцией албанских племен, обитавших в западной Албании (эров, суджей и др.)» [420, 69—70].

В частности, грузинами стали гелы — предки современных ингилойцев. Видимо в VIII—X вв. ассимиляции со стороны грузин подверглась и часть предков аварцев, живших в этой зоне. В результате этногенеза некоторые из них, в частности лбины, растворились среди грузин и, слившись с ними, потеряли свой язык. Вообще же заметим, что религия сама по себе не обязательно приводит к замене языка. Если бы это было так, то часть албан, которая приняла ислам, стала бы арабами. Здесь, очевидно, действовали и другие факторы: во-первых, присутствие армянского и грузинского населения и влияние армянской и грузинской письменности; во-вторых, албаны в Нагорном Карабахе и Эрети жили не компактно, а чересполосно, ибо беспрерывные войны не позволяли жителям этих областей селиться компактно.

Таким образом, мнение А. Ш. Мнацаканяна, что население Албании было ассимилировано соседями (армянами и грузинами) [400, 5, 25] можно признать верным лишь частично.

Подводя итог вышесказанному, надо заключить, что ко вре'мени миграции сельджукско-огузских племен в Азербайджане, как видим, уже существовал азербайджанский народ и его язык. Последующие XII—XIII века не могли быть подходящим историческим этапом для процесса формирования азербайджанского народа и его языка, ибо тогда Передняя Азия, в том числе и Азербайджан, подверглись опустошительным нашествиям огузов и монголов; последние разрушили многие культурные центры и города.

И. П. Петрушевский писал, что уже в XIII—XIV вв. на азербайджанском языке говорило громадное большинство населения Южного Азербайджана, и «что не только к югу от р. Куры, но и к северу от нее, в Ширване преобладал азербайджанский язык, о чем можно судить по известиям итальянских путешественников» [428, 77]. Если уже существовал современный азербайджанский язык в XIII—XIV вв., то естественно, истоки этого языка следует искать не на этапе огузских завоеваний XI— XII вв., а в предшествующем историческом периоде.

Прежде чем перейти к характеристике этнического процесса XI—XIII вв. остановимся на некоторых взглядах, бытующих, в отношении указанного периода. Выше было сказано, что некоторым исследователям (среди которых есть западно-европейские, а также азербайджанские) формирование азербайджанского народа представляется в виде как бы одномоментного акта: завоевали сельджуки-огузы Азербайджан, и вскоре сложился современный азербайджанский народ и его язык. Р. А. Гусейнов, в частности писал, что в результате сельджукского завоевания «местное население переживало языковую тюркизацию [263,103].

Сторонники этой концепции почему-то не учитывают следующего обстоятельства: если ко времени миграции сельджуков не существовало общеразговорного азербайджанского языка, то следовательно не существовало и азербайджанской народности,
ибо, согласно марксистско-ленинской концепции этногенеза, без общенародного языка нет и народности. Если же существовали атропатенская и албанская народности со своими языками, но с приходом огузов они деэтнизировались, то возникает закономерный вопрос: в результате каких этнических процессов эти народности за короткий срок могли утратить свой язык, так что уже к XIII—XIV сложился современный (даже литературный) азербайджанский язык? Каким образом целый народ за короткий срок (XII—XIII вв.) мог ассимилироваться? Сельджукские огузы могли деэтнизировать население в том случае, если на территории обеих частей Азербайджана к тому времени не существовали бы народности с общеразговорными языками, а обитали бы лишь разноплеменные общности. Но эти же авторы пишут, что ко времени появления огузов уже существовали народности — ираноязычные на юге, кавказоязычные на севере. Как видим, эта концепция не отвечает на неизбежно возникающие здесь вопросы. Наряду с этим отмечается, что «наоборот пришлые тюрки сами со временем ассимилировались с местным населением» [263, 109]. Противоречие здесь налицо. Из сказанного ясно одно: в отношении огузского и доогузского периодов вопросы этнической природы азербайджанского народа и его языка во многом еще не разработаны.

Заметим, что взаимодействия пришлых племен с местным населением тоже подчинены определенным историческим закономерностям. Можно проследить на многих примерах, что если иммигранты (завоеватели) иной этнической принадлежности
составляют большинство в численном отношении, переселяются компактно и политическая власть принадлежит им, то они ассимилируют местное население, особенно если это население разноплеменное и живетчересполосно с прибывшими. Поэтому, когда для сравнения указывают на этногенез турецкого народа, то не учитывают, что во-первых, такое массовое переселение которое было характерным для Анатолии, в

Азербайджане ж имело места, и, во-вторых, огузы в Анатолии встретились с населением иного этнического происхождения, в то время как в обеих частях Азербайджана огузы имели дело с местным тюркоязычным населением. Очень многое в процессах этногенеза зависит от того, существует ли генетическая близость между пришлым и местным населением. Но, как мы уже знаем, Огузы, сельджуки пришли в страны, где народ был тюркоязычным. По этому следует признать ошибочным следующее мнение: «...но язык тюркской группы побеждает в Азербайджане скорее всей в эти столетия (XI—XII вв. — Г. Г.) и к этому времени можно отнести завершение многовекового и многопланового процесса формирования азербайджанской народности» [263, 109].

В целом этнический процесс на территории Советского Азербайджана по характеру и направленности прошел два большие периода. Первый, начавшийся где-то с середины I тыс. до н. э. завершился в VII—VIII вв. Этот период можно условно назвать «албанским». Он характеризуется образованием и функционированием племенного союза и государства и соответственны складыванием албанской народности и албанского языка, сначала общеразговорного, затем письменного. Второй период охватывает VII (VIII) — X вв., когда завершилось формирование азербайджанского народа и сложился общеразговорный, но бесписьменный язык, названный арабскими географами «арранским».

Вместе с тем, нельзя умалять большого влияния сельджукских огузов на азербайджанский язык, как и на туркменский и турецкий языки. Это видно хотя бы из того, что в XIII—XV вв., как явствует из литературных памятников, эти языки были более близки друг к другу, чем теперь. Указанное обстоятельство говорит о том, что язык племени албан должен был подвергаться сильному влиянию языков раннесредневековых тюркских племен и языков сельджукско-огузских племен в средние века. Если булгарский, хазарский и суварский языки, входившие в западно-хуннскую ветви языков, имели общие структурные признаки, то в азербайджанском языке еще в раннем средневековье огузские элементы должны быть существовать со времени оседания здесь гуннов, кангаров, суваров, чолов, булгаров, печенегов, хазаров и др. Эти языки, как известно, являются результатом ареального расчленения тюркских языков.

В отношении языков киммеров, скифов (ишкузов), саков, а также языков гаргаров, гугаров, албанов, тюркских племен Атропатены прийти к какому-либо определенному заключение пока невозможно. Языки этих племен должны были выделиться в результате древнейшей фазы расчленения древнетюркских языков. В конце концов тюркология когда-нибудь обратится к рассмотрению и этой проблемы.

Следовательно, следует говорить об определяющем влиянии огузов и кыпчаков на азербайджанский язык, а не на формирование азербайджанского народа.

Огузский этап в этническом процессе в Азербайджане, по нашему мнению, характеризуется следующими моментами. На этом этапе происходило взаимодействие пришлых тюркских племен с местным тюркским населением. Массовое переселение тюркских племен имело место и при монголах. Но сельджукские огузы не определили этнического лица азербайджанского народа, они лишь увеличили численность тюркского населения, и с этого времени число огузских слов в азербайджанском языке заметно возросло. Характерной чертой этнического процесса этого этапа является образование ныне существующих этнографических групп кашкайцев, каджаров, баятов, падаров и др.

Огузы не могли играть решающую роль в формировании азербайджанского народа и его языка, ибо к тому времени процесс этот в основном уже завершился. С приходом огузов в XI— XII вв. и тюркских племен с монголами (XIII в.) начинают образовываться новые — современные азербайджанские диалекты вместо диалектов, существовавших ко времени формирования азербайджанского народа.

Таким образом, мнение о том, что тюркизация в Азербайджане началась в основном со времени проникновения огузов, следует признать ошибочным. Оно не подтверждается и топонимическими данными. Азербайджанский народ сформировался не под влиянием огузов, а является продуктом сложного этногенеза, в котором в качестве тюркских этнических компонентов приняло участие древнейшее тюркское ядро и проникавшие сюда с первых веков до VII—VIII вв. с севера тюркские племена. Последние ускорили процесс формирования азербайджанцев как народности.

Складывание азербайджанской народности в раннем средневековье само по себе свидетельствует о том, что тюркское население в численном отношении преобладало еще до формирования народности, ибо народ является итогом, продуктом этнического процесса.

Из сказанного видно, что процесс формирования азербайджанского тюркоязычного народа продолжается долго — от IV— III вв. до н. э. до примерно X—XI вв. Длительность этого процесса объясняется рядом объективных исторических факторов. В их числе наличие феодального строя, при котором существовала натуральная форма производства; политическая раздробленность страны; приток все новых и новых тюркоязычных племен. Все это обусловило сложность и неоднозначность протекавших здесь этнических процессов, Албания и Атропатена до XI в., т. е. до нашествия огузов, не подвергались сплошному завоеванию каким-либо тюркояаычным народом. Тюркские племена заселяли эту территорию постепенно. Разноязычность этнического состава населения Албании и Атропатены обусловила два одновременно и параллельно протекавших процесса: консолидацию тюркских племен с албанами и ассимиляцию части ираноязычных племен. Длительность этого процесса была обусловлена и полукочевым образом жизни проникших сюда тюркоязычных племен, а также постоянными набегами кочевых племен с севера и со стороны других соседних стран, сопровождавшимися грабежами, разрушением городов и сел и т. д.

Исходя из вышесказанного следует признать, что полной деэтнизации — арменизации и огрузинации албанов, как это считают некоторые исследователи, — не было. Нельзя никак согласиться с мнением Н. Я. Марра, которого часто цитируют многие авторы, что армянское и грузинское национальные объединения «разделило между собою и растворило в себе албан» [375, 9].

Прав А. П. Новосельцев, который писал, что в Закавказье «постоянно наблюдаются процессы либо изменения, либо крайнего сужения территории и сферы действия раннее существовавших этнических общностей [411, 28].

Процесс формирования азербайджанского народа протекал как на юге, на территории Атропатены, так и на севере — в Албании параллельно и взаимосвязано, хотя, по-видимому, в Албании этногенез начался и шел более интенсивно: последнее было обусловлено тем, что ее территория непосредственно примыкала к тюркоязычным племенам на севере. Процесс формирования нового тюркоязычного народа охватывал обе страны, и в его этногенезе принимали участие одни и те же компоненты. Этому способствовало: проникновение одних и тех же тюркоязычных племен с начала нашей эры через Албанию на юг — в Атропатену; общность исторических судеб обеих частей Азербайджана, а именно — политическое господство сасанидов, арабов, а позже огузов и монголов; взаимосвязи и взаимовлияние обеих частей в области культуры и языка; непрерывная миграция части племен с юга на север и с севера на юг.

Г. А. Меликишвили писал, что исследователи неоднократно высказывали предположение об однородности этнического состава населения этих двух областей [379, 4]. Этому вопросу посвятил специальную статью З. И. Ямпольский [533]. Из вышеизложенного видно, что в обеих частях Азербайджана обитали скифы, саки, каспии, удины, албаны, гаргары, гунны, чолы и другие племена.

Это подтверждается и одноименными раннесредневековыми топонимами в обеих частях Азербайджана: Аран, Беджраван, Байлакан, Барда, Гянджа, Баласакан, Каспиана, Муган, Каркар, Халхал, Шемаха, Ширван и др. Этнический процесс, охватывавший период с середины I тыс. до н. э. до X в. н. э. в Атропатене и Албании и характеризовавшийся указанными этапами, мог привести в конце концов к формированию единого азербайджанского народа только в случае этнической близости племенных общностей на обеих территориях. Лишь в этом смысле можно признать верным вывод о том, что «Атропатена более тяготела к северным азербайджанским землям. Ее длительный путь самостоятельного развития был тесно связан с историей развития лежавшей за Араксом Албании, близкой Атропатене и этнически, и культурно».

Таковы, как нам представляется, некоторые принципиальные вопросы этнического процесса, происходившего в Азербайджане начиная со II половины I тысячелетия до н. э. и до конца раннего средневековья.

В связи с вышеизложенным следует остановиться вкратце еще на одном вопросе. В иранской и армянской исторической литературе высказываются мнения, что наименование «Азербайджан» не имеет отношения к территории, расположенной к северу от Аракса, т. е. к нынешнему Советскому Азербайджану.

Верно, что наименование «Азербайджан», восходящее к Атарпаткан, первоначально возникло на юге. Но тут следует иметь в виду следующие обстоятельства:

Во-первых, часть Атропатены и ныне входит в состав Советского Азербайджана. Это территория к югу от Куры после слияния ее с Араксом, а именно древняя Каспиана — нынешняя Муганская степь и Талышско-Ленкоранская зона Азербайджанской ССР. Во-вторых, обе части Азербайджана были исторически взаимосвязаны во всех отношениях, в том числе и этнически. Этот вопрос всесторонне разобран в содеожательной статье Ш. А. Тагиевой [99, 114—124].

Еще Геродот [III, 97] отмечал, что власть Ахеменидов распространялась до Кавказского хребта. Очевидно, что территория Албании еще в период господства Ахеменидов входила в сферу их влияния. Миней Феликс Капелла писал: «Мидия, которая
опоясывается Кавказскими горами». Выше мы говорили, что еще в IV веке до н. э. часть современного Советского Азербайджана, вероятно, междуречье Куры и Аракса, находилась под военным управлением сатрапа Малой Мидии Атропата.

Как известно, в 510 г. сасаниды упразднили царство в Албании и до 630 г. страна управлялась персидскими марзбанами. Обычно марзбаны были родом из Атропатены. Например, когда была построена Дербентская стена (VI в.) руководил этими работами, судя по надписи, относящейся к 533 г., марзбан Атропатены. Еще в VI в. Албания была объединена с Адурбадаганом в «Северный Адурбадаганский куст» (вернее, «кустак»), управ-
ляемый одним сасанидским марзбаном. С 705 г. Албания окончательно была завоевана арабами, и Аран (Албания) временами включался вместе с Азербайджаном в одно наместничество. Следует еще учесть, что после арабского завоевания и включения территорий Азербайджана и Аррана в халифат, никаких политических и этнических границ между этими двумя частями не существовало.

Ибн ал-Факих (X в.) сообщает, что Азербайджан — это территория от Барды зо Зенджана [10, 37]. Ал-Иакуби включает Аран в состав Азербайджана (Адурбадагана) и называет Аран верхним Азербайджаном [183, 143]. Арабский географ ал-Кинди пишет: «отправился в страну Азербайджан и расположился в Байлакане...» (т. е. в Мильской степи.—Г. Г.). Поэтому З. М. Буниятов отмечает, что во время нашествия арабов Азербайджан охватывал территорию от Хамадана, Абхара и Зенджана до Дербента [183, 141]. Н. М. Велиханлы отмечает, что «уже авторы конца IX в. говорят об Азербайджане и Арране как об одной территориальной единице, что было

связано, очевидно, с образованием саджидского государства, распространившего свою власть на эти территории» [11, 291].

Как видим, наименование «Азербайджан» для обоих частей страны исторически оправдано и поэтому всякие иные спекуляции на эту тему — беспредметны.

ГЛАВА V

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА

Выше, в первой главе, была охарактеризована суть существующей концепции, согласно которой формирование азербайджанского народа и азербайджанского языка связывается в основном с сельджукско-огузскими завоеваниями. Некоторые армянские исследователи вообще отрицают существование албанского этноса и, следовательно, албанского языка. А. А. Акопян писал: «Все это заставляет нас думать, что этноним «албанцы» не был и не стал к III веку н. э. самоназванием населения Албании и давался насельникам Албанского царства соседними народами» [128, 106]. По А. Ш. Мнацаканяну, в Албании раннего средневековья государственный и официальный язык был армянский, а цари Албании «уже в V веке говорили и писали по-армянски...» [400, 16]. Эти и подобные мнения других армянских исследователей очень далеки от науки. Впрочем, для чего все это делается— уже известно всем: «научно» обосновать территориальные претензии к Азербайджану. Чем кончилась эта авантюристическая затея также известно.

По мнению других исследователей, албанский народ был кавказоязычным, а атропатенский — ираноязычным, но потом, в связи с тюркизацией, после сельджукско-огузских и монгольских завоеваний, они были ассимилированы. При этом не объясняется, как получилось, что дагестаноязычные племена Азербайджана (предки современных аварцев, цахуров, хиналугцев, крызцев, удин, лезгин), которые жили в Албании, а также все кавказоязычные народы Дагестана, в той или иной мере сохранились, а албанский народ, если он также был кавказоязычным, исчез окончательно? Да и постановка вопроса исходно неверна, ибо сельджукско-огузские завоевания не привели к массовой тюркизации населения в Азербайджане. Интересно спросить, а собственно почему этот процесс происходил только на территории обеих частей Азербайджана (и нигде больше) такими быстрыми темпами, что уже к XIII—XIV вв. азербайджанский язык стал не только общеразговорным, но и письменным. Этот процесс, исходя из указанной концепции, должен
был бы стать насильственной ассимиляцией, поскольку, по существующей концепции, пришлое и местное население по языку было различным. Но такой процесс, как мы знаем, характерен для рабовладельческого общества, уже при феодализме подобного явления не наблюдается, а при капитализме формой такого процесса является культурная ассимиляция.

Исследователи-лингвисты, также находясь в плену существующей концепции, не решались пойти в глубь истории дальше сельджукско-огузских завоеваний, в частности языка эпоса «Книги моего деда Коркута», который считали первым «предком» современного азербайджанского языка; при этом родоначальников азербайджанцев возводили чуть ли не к одним сельджукским огузам. Некоторые исследователи ищут какие-то «загадки» в упомянутом эпосе. Между тем, язык эпоса является азербайджанским общеразговорным народным языком того времени, когда эпос был написан, во всяком случае, не раньше XIV - XV вв. Но этот язык, по нашему мнению, не является языком одних только сельджукских огузов, потому что он, как и язык Гасаноглу и Насими, являлся продуктом слияния «арранского и атропатенского, т. е. доогузского азербайджанского языка с языком сельджукских огузов. Иными словами, — это сформировавшийся к концу I тысячелетия н. э. язык, который на севере арабские географы называют «аранский язык», а также язык, элементы которого на юге отражены в творчестве Гатрана Тебризи и которые слились с языком сельджукско-огузских племён. Из сказанного выше становится ясно, что корни азербайджанского го языка восходят к древнейшим тюркским этническим общностям — в конечном итоге, к языкам албанов и атропатенцев Атропатены.

§ 1. Албанский язык

Впервые выражение «албанский язык» мы встречаем в трудах древнеармянских историков. Корйон (IV в.) пишет, что когда Месроп Маштоц находился в Западной Армении (это, как полагают, произошло между 415—420 гг.), «приехал к нему иерей родом албанец по имени Вениамин. Он (Месроп. — Г. Г.) расспрашивал и познакомился с варварскими словами *албанского языка* (выделено нами. — Г. Г.), а потом создал письмена дарованной ему с небес умелой способности и по дарованной Христом удаче установил их и упорядочил» [25, 21]. Позже сирийский историк Захария Ритор (VI в.) писал, что в Аране говорят на аранском языке. Известно, что Захария Ритор, как и арабские географы, всегда и везде вместо «Албания» писал «Арран». Следовательно, выражения «арранский язык» и «албанский язык» равнозначны. Гевонд (VIII в.) сообщает, что в письме византийского императора Льва III Исавра к халифу Омару (642—644) говорилось, что Евангелие сохранилось и на *албанском языке* [35, 44].Следует учесть, что этот албанский (арранский) язык нельзя отождествлять с арранским (т. е. албанским) языком в Арране, о котором сообщают арабские географы X века: аранский или албанский язык V—VI вв. является албанским языком, т. е. языком албанского этноса, в то время как

арранский язык арабских географов X века уже восходит не к этнониму *албан*, а к наименованию страны - Аррану, названию территории Советского Азербайджана. А в данном случае имелся в виду тюркский — азербайджанский язык. Поэтому нельзя согласиться с мнением Низами Джафарова [100], который язык албанов III—V веков считает равнозначным азербайджанскому языку. Ф А Джалилов также писал, что общенародный азербайджанский язык уже существовал в IV-V веках [101, 37], с чем согласиться однако, трудно (если автор имеет в виду албанский язык). Между тем, язык албанов указанных веков, хотя и был тюркского типа являлся лишь одним из древних компонентов арранско-азербайджанского языка, который формировался, по нашему мнению в VIII—X веках. Но и этот язык, как отмечалось выше, подвергался сильному влиянию языков сельджукско-огузских племен в XI—XIII вв.

Чтобы уяснить сказанное, остановимся на этом вопросе подробнее.

Начиная с VIII в. албанский язык постепенно перестал быть единым для всех албан. Часть их приняла исламскую религию, консолидировалась с тюркскими племенами и их язык постепенно слился с языками этих племен. С указанного времени начинается процесс складывания азербайджанского, в сообщениях арабских географов — арранского языка. Потому, когда арабские авторы X века сообщают, что в области Барда говорят на арранском языке, то под этим арранским языком следует подразумевать не удинский язык, как это полагают некоторые исследователи, а азербайджанский язык.

Албанский язык в чистом виде некоторое время, по-видимому местами сохранялся среди христианской части албан до XIV— XV вв В дальнейшем эти албаны постепенно перешли на армянский язык и армензировались. Так, Киракос Гандзакеци (XIV в) писал, что армянским языком владеет и на нем говорит **только** (подчеркнуто нами. - Г. Г.) большинство албанской знати [14] Несомненно, эта характеристика относится к албанам-христианам. Отсюда можно сделать вывод, что часть (меньшая) знати албан и рядовые христиане-албаны говорили в то время еще на албанском языке.

Как полагают первые переводы богословской литературы на албанский язык были сделаны с сирийского, так как христианство проникло в Албанию впервые из Сирии в I—II[вв. [362, 5]. Это подтверждается и тем, что сирийское слово дайра «монастырь» (ср. арабск. *дейр* - «монастыр», «церковь») отразилось еще в некоторых албанских топонимах VII-X вв.: Даранак - от сирийского *даира* «монастырь» и иранского суффикса **нак**. К этому слову восходит и топоним Три (ныне Дири, от Дейри), возможно фонетически производный от дайра и иранск. суффикса **и.** Отметим и топоним Дадуванк (название монастыря), в котором отразилось имя апостола Фаддея (Даду) I—II веков н.э. [362,225].

Среди другой части албан, принявшей исламскую религию, был распространен письменный персидский язык, наряду с арабским языком исламской религии. По мнению З. М. Буниятова, даже правители Ширвана — ширваншахи были персоязычными и персидский язык был господствующим [186, 226]. Это был язык письменности, чем и объясняется персоязычность творений Хагани Ширвани и Низами Гянджеви. Поэтому, естественно, Моисей Каланкатуйский, представитель христианской части албан, должен был писать по-армянски, ранние азербайджанские мыслители VIII—XII вв. — преимущественно, по-арабски, а Низами Гянджеви, Хагани и другие поэты и ученые — по-персидски.

Самым веским доказательством существования албанского языка является албанская письменность. В древнеармянских источниках существуют две версии ее возникновения. Моисей Хоренский (V в.) пишет, что письменность создана на гаргарском языке (Моисей Хоренский, кн. III, гл. 59). Исходя из этого сообщения, часть исследователей, считает, что «за норму албанского литературного языка был взят гаргарский диалект» [228, 327]. Но Корйон (IV в.) отмечает, что она создана «на варварском албанском языке» [25, 21]. Исследователи считают, что под выражением «варварский язык» следует подразумевать кавказоязычность албан и гаргаров. Однако это не так. Тот же Корйон язык маров (т. е. мидийцев, для его времени — атропатенцев) также называет грубым и варварским. Говоря о мидийцах—марах, он пишет о «варварских районах маров, которые по причине своей дьявольской и чудовищной природы, а также по своему грубому и весьма варварскому языку, были совсем труднодоступными» [25, 12]. В связи с этим выражением надо отметить следующее. Вряд ли Корйон мог бы назвать атропатенский язык «варварским», если бы этот язык был ираноязычным, ибо для того времени среднеперсидский или другой иранский язык на территории Атропатены должен был знакомым автору, образованному человеку для своего времени. Отсюда можно предположить, что «варварский язык» албанов и атропатенцев не был языком иранского типа. «Варварскими» называет маскутов Моисей Хоренский (кн. III, гл. 3); Приск Панийский (середина V века), говоря о гуннах (по его терминологии — «скиф»), тоже называет их язык «варварским».

Для нас важно то,- что существовал албанский письменный язык — это бесспорный факт. Если существовали и албанский народ, и государство, и была принята христианская религия, то следовательно, был и общенародный язык.

Самым трудным и спорным является вопрос об этнической принадлежности албанского языка. Выше отмечено, что в советской исторической науке господствует мнение, будто этот язык был кавказским, то есть близким к одному из дагестанских языков, и удинский язык был одним из диалектов этого языка. Это мнение нашло свое отражение и в «Истории Азербайджана», и в исторической литературе, а также в Азербайджанской Советской Энциклопедии [75, I, 220]. Однако сколько-нибудь убедительной аргументации в подкрепление этого мнения не было выдвинуто. Видимо, возникновение подобной гипотезы связано с тремя обстоятельствами.

1. Если Албания не была арийской страной и в ней не обитало сплошное ираноязычное население, значит, здесь могло жить только кавказоязычное население, тем более, что Албанию населяли также кавказоязычные удины.

2. По одной из версий, албанская письменность была создана на основе гаргарского языка. А ряд исследователей считает гаргаров кавказским племенем, тем более, что Моисей Хоренский характеризовал их язык как гортанный.

3. Арабские авторы X века отмечают, что в зоне Барды говорят на арранском языке, а Барда находилась в раннесредневековой провинции Утик. Считается, что, если в топониме Утик отражен этноним *ути* (*уди*) и, если удины являются кавказоязычным племенем, то, следовательно, аранский язык есть удинский. С. Т. Еремян пишет, что указание арабских источников на то, что язык области Утик являлся аранским, свидетельствует об идентичности утийского или удинского языка с аранским, т. е. албанским языком, поскольку этнографический термин «Аран» является другой формой того же названия «Алван», «Албан» [295,527].

Однако все эти аргументы при ближайшем рассмотрении неубедительны. Нами выше было подробно сказано, что гаргары и албаны в узком значении были тюркоязычыыми племенами, а удины — лишь одним из племен Албании.

Мы уже приводили аргументы в пользу мнения о тюркоязычности носителей этнонима албан. Однако о грамматическом строе тюркского языка конкретного племени албан мы ничего не знаем. Письменных источников, созданных на этом языке, не сохранилось. Найдены только алфавит и надписи, но они пока не дешифрованы. Все попытки дешифровки их на почве армянского, удинского и языков южного Дагестана кончились неудачей, а основываться на древнетюркской письменности до сих пор никто не отваживался, ибо это противоречило бы господствующей концепции.

Как отмечено выше, язык албан в связи со слиянием большой части их с тюркоязычными племенами, вошел как составная часть в азербайджанский язык. Рудименты языка племени албан, кроме некоторых древних топонимов и антропонимов, объясняющихся на почве древнетюркских языков (см. ниже) в большей степени могли сохраниться в диалектах азербайджанского языка. Поэтому, безусловно, определенная часть словарного состава жителей некоторых населенных пунктов, в которых ныне живут азербайджанцы, восходит к этому языку. Конечно, трудно сейчас выявить древний пласт албанского языка в современном азербайджанском языке, однако, нам кажется, в той или иной степени албанским и другим тюркским племенам Албании могут принадлежать некоторые древние топонимы, объясняемые на почве древнетюркских языков, тюркские слова в древнеармянском и древнегрузинском языках, засвидетельствованные в источниках раннего средневековья, отдельные азербайджанские слова в творениях азербайджанских поэтов XI—XIII вв. и, наконец, некоторые личные имена албан.

Вкратце остановимся на этих вопросах.

1. **Древнетюркские топонимы в Албании**. В античных, среднеперсидских, раннесредневековых армянских, грузинских и арабских источниках в связи с историческими событиями на территории Албании упоминаются многочисленные топонимы. Эти наименования до сих пор не стали предметом специального исследования. Наши изыскания показали, что подавляющее большинство их являются древнетюркскими. Это служит наглядным аргументом в пользу нашей концепции о тюркоязычности албанского этноса Албании раннего средневековья.

Указанные топонимы делятся на две группы: 1) топонимы, отражающие наименования тюркских племенных общностей; и 2) топонимы, объясняющиеся на почве тюркских языков.

К первой группе относятся топонимы Абант, Албан, Аражанк, Аранрот, Баласакан, Гаргар, Гоменк, Гороз, Кангарк, Каруеч, Камичик-ептаг, Колт, Пазканк, Сотк, Танцканк, Тртугет, Туч-Катак, Чог, Цур, Харгланк, Хунаракерт, Хорсвем, Шаберан, Шакашен, Шаке, Ширак и др. Выше, во II главе, мы говорили, что в них отразились наименования древнетюркских племен *абант, албан, араз; аран, сак, гаргар, коман, горе (хурс), кангар, каран, кергил, абдал, кол (кул), печенег, садак, талмач, тертер, катак, чол (чул), чур, керки, хунн (гунн), савар, сирак* и др. Следует учесть еще, что некоторые из указанных топонимов. (Гаргар, Аранрот, Мец-Колманк, Мец-Аранк, Туч-Катак, Панцканк, Чол) являлись названиями округов и областей Албании в V—VII вв.

Ниже мы будем говорить о топонимах, в которых отложились Древнетюркские лексические элементы: Аран, Аркугет, Балк, Баку, Бармак, Кава (Кавазин), Камбеч, Кост, Зергун, Дут, Алам, Гош, Урди, Урек, Ордубад, Тавус, Тапат, Туслук, Санар, Тваратапа, Тосарен, Члах и др. Перечисленные топонимы относятся к I тысячелетию нашей эры, т. е. к периоду **до появления** сельджукских огузов в Передней Азии.

К древнейшим тюркским топонимам можно отнести некоторые топонимы в Албании, упоминаемые в труде греческого географа Птолемея (II в.) — 29 населенных пунктов и 5 рек. Некоторые из них являются тюркскими: Алам, Гангара, Деглана, Иобула, Кайси и др. Следует учесть, что эти топонимы дошли до нас в искаженной форме, а некоторые имеют написание на древнегреческом языке, часть звуков которого не совпадает с тюркскими языками.

Топоним Алам можно отождествить со средневековым топомимом Улам — названием места впадения Иори в р. Алазань в бывшем Самухе в северо-восточной Албании, который в настоящее время называется Дар-Доггаз (от азерб. *дар* «теснина» и *доггаз* «проход»). В источниках Улам в форме Олам отмечен в XVI в. Слово улам в значении «проход» (ср. современное значение слова доггаз «проход») до сих пор сохранилось в

азербайджанских диалектах и восходит, несомненно, к тюркскому *олом, олам, олум*, «брод», «переправа» [402, 412, 62, I, 452]. С этим словом связано и название горы Эскилюм (Зангеланский р-н) — от тюркского *эски* «старый», «древний» и *улюм* (от олом) «проход».

Птолемей в устье реки Куры указывает пункт Гангар, что, вероятно, является фонетической формой топонима Сангар. В древности в Азербайджане было два пункта, именовавшихся Сангар, один — у слияния рек Куры и Аракса и второй — у влияния рек Иори и Алазани; ныне этот район в связи со строительством Мингечаурского водохранилища оказался под водой. Трудно сказать, какой из указанных топонимов относится к древнему Гангару. Что касается лингвистического объяснения происхождения топонима Сангар, то он восходит к древнетюркскому *сангар* «мыс», «угол».

Топоним Иобула, вероятно, является древнейшим, но искаженным названием Белоканы в северо-западном Азербайджане, в котором нетрудно выделить компоненты Иобула и «кан». В источнике VII века этот топоним отмечен в форме Балакан и Ибалакан [4, 41], которую можно считать связующей между Иобула Птолемея и современными Белоканами. Этот топоним образовался от древнетюркского *бел* «холм» [51, 92], соединительной фонемы **а** и *кан* «лес» [54, IV, II, 1499] или же суффикса **ган**.

Топоним Деглана можно связать с позднейшим Су-Дагылан в районе Мингечаура — от азерб. *су* «вода» и *дагылан* «развалившийся».

Гидроним Кайси, возможно, является фонетическим образованием от *койсу* «синяя вода»; заметим, что современное название Геокчай означает «синяя река».

К древнейшим тюркским словам следует отнести и топоним Аран. Как известно, Аран был вторым официальным наименованием Албании. Так, называли эту страну древние персы, сирийцы, арабы (в форме Арран), грузины (в форме Рани). Впервые Аран как эквивалент Албании зафиксирован в персидской надписи III века. По-видимому, первоначально Аран был названием равнинной части Албании, расположенной в междуречье Куры и Аракса. До сих пор низменную часть в Азербайджане называют Аран. Возможно, после образования Албанского государства местное название Аран для соседних персов стало наименованием Албании, а от них это наименование перешла потом и к другим народам.

В античных и древнеармянских источниках Аран в качестве названия равнинной части Албании не упоминается .Страбон не называет эту равнину «Аран». Он сообщает, что (XI, 4, 3) эта равнина «изобилует пастбищами», «вдобавок и климат здесь более благоприятный, чем в тех странах». Моисей Хоренский (кн. II, гл. 8) эту равнину характеризует так: «Великая равнина, по которой протекает большая река Кура» Асогик (кн. I, гл. 5) называет ее «равнина Ахуан». Он же говорит о реке Кура, «прорезывающей большую равнину». Слово «Ахуан» в древнеармянских источниках является фонетической формой «Албан»; следовательно, равнину Аран они называли «Албан».

Нами было выяснено, что топоним Аран как название долины Куры отразился еще в упоминаемом Птолемеем (II в.) топониме Тосарен. Он пишет, что вдоль реки Куры расположена область Тосарен [V, 12, 9] — древнегреческая передача местного Тос-Аран или Туз-Аран, от тюркского *тос* (*tös*), тош (*tös*) «нижняя часть склона», «подножье», «низина», «низменное место» [62, III, 287] или тюркск. *тоз, туз* (*töz, tüz*) (азерб. дуз «равнина», «долина» [62, III, 309—310] и аран «луг», «низменное место», «страна с умеренным климатом», «страна с жарким климатом» [54, I, I, 251], с общим значением «долина (равнина) с жарким климатом». Слово «аран» есть и в языке кавказоязычных хиналугцев в северо-восточном Азербайджане — в значении «теплое». Были попытки усомниться в тюркоязычности слова аран в связи с топонимом Аран. Однако слово *аран* в хиналугском языке является заимствованным из азербайджанского, ибо его нет в других родственных хиналугскому дагестанских языках. Но в этом языке слово *аран* в значении «теплое место» имеет форму *аран-джига* (от *аран* «теплое» и татск. *джига* «место»). Что касается слова *ар* в хиналугском и лакском языках в значении «равнина», то оно является, видимо, тождественным хурритскому *awar* «поле», «равнина», «степь» (289, 193). Значение слова «*аран*» в азербайджанском языке соответствует характеристике, данной Страбоном Куринской низменности.

Сказанное выше не оставляет сомнения в правильности вывода о том, что Аран является одним из древнейших тюркских макротопонимов на территории Албании. Он мог возникнуть в том случае, если в языке населяющих это междуречье племен было слово «аран», а оно могло быть только у албан.

После того как Аран стал государственным наименованием страны, слово «аран» стало обозначать сначала вообще равнинную, а в дальнейшем — и горную часть междуречья. Поэтому титул Араншахик, который носили сюникские и гардманские князья, по-видимому, восходит к названию страны Аран а не к царю Албании I века н. э. — Арану. Это говорит о том, что для населения Сюника «Аран» являлось названием страны, что видно и из слова *шах* «царь». Интересно другое: по сообщениям Моисея Хоренского и Моисея Каланкатуйского, албанский царь Аран по происхождению относился к роду Сисака (в том смысле, что он относился к царственному роду, происходившему из области Сисакан); в то же время, как отмечено, сисакские правители носили титул «араншах».

Другим древнетюркским топонимом является Ордубад. Он впервые упоминается в армянском источнике VII века [4, 721].Однако Степан Орбелян (XIII в.) в своем сочинении (гл. V), в связи с распространением христианства, отмечает, что апостол Варфоломей вступил в Сюник и «приступил к проповеди в селе Ордубад в области Аревик, в доме Багка и Гохтне» [см. 43]. Из других источников известно, что этот апостол проповедовал христианство в 1—П вв. нашей эры [362]. Следовательно Ордубад как

населенный пункт существовал еще в первые века нашей эры, наименование его, бесспорно, образовалось от древнетюркского *орду* «место остановки», «ставка хана» «войсковой лагерь» [62,I, 470—472].

Следует отметить, что только в XIV в. у слова «орду» возникает новое значение — «войско» [147, 119], поэтому в топониме Ордубад это значение не могло отразиться. Вторую часть топонима — *бад* можно отнести к персидскому *абад* «населенное место» или же к тюркскому *бет* «склон горы».

Однако, как правильно отметили А. Сафарлы и М. Новрузов [88] в статье «Дядя Горгуд йурду Ордубад», трудно допустить, что в этом топониме отразилось персидское слово «абад», ибо в этом случае топоним должен был иметь форму не Ордубад, а Ордабад. Можно согласиться с мнениями этих авторов, что возможно, компонент бад имеет общее происхождение с компонентом *буд, вуд* в талышских топонимах в значении «место», но никак нельзя предположить, что он связан с компонентом *батан* (от азерб. *батмаг* «утонуть») в топонимах Джейранбатан, Арбатан, Локбатан и др. Можно было бы связать компонент бад в топониме Ордубад с компонентом *ват, бат*, в некоторых топонимах на территории Мидии, упоминаемых в древнеперсидских надписях. Е. А. Грантовский [229, 192, 195] в тех топонимах выделяет суффикс «вати» (*vati*) и считает его иранским (см выше с. 263).

В этом случае следует допустить, что иранское слово *вати* в форме бад было и в языке тех племен, у которых бытовало и тюркское слово «орду».

В «Истории албан» (кн. II, гл. 4) упоминается в древнеармянской передаче этноним Дизапайт — от Дизабад, образовавшийся от иранск. *диза* «крепость» и компонента «бад». Моисей Хоренский (кн. I, гл. 30) в зоне Нахичевани отмечает топоним Тмбат — от древнетюркского *там* «стена», «крепостная стена» [51, 529] и *бат*. В связи с событиями XII века в северо-восточном Азербайджане упоминается Калабад (от гала «крепость» и бад) [395, 64]. Это слово, возможно, сохранилось и в названии села Бад, Кубинского района.

В связи с событиями IV века в Албании упоминают город Халхал. В «Истории агван» (кн. I, гл. 29) отмечено, что Халхал находится в области Ути, а из Егише (гл. III) известно, что он находился на границе с Иберией. Этот город находился в Казах - Акстафинской зоне [576, 272; 482, 207], там где ныне расположено азербайджанское село Эскипара. Этот топоним состоит из азерб. *эски* «древнее», «старое» и иранск. *пара* «место», «поселение», к нему восходит название армянского селения Воскепар (фонетически производное от азербайджанск. Эскипара) образовавшееся в конце XIX века.

Следует отметить, что топоним Халхал имеет широкий ареал распространения. В XIX веке в Закавказье отмечено 7 топонимов Халхал [418, 259] — в основном в Азербайджане и Армении. Ныне два селения Халхал есть в северо-западном Азербайджане. В Иранском Азербайджане есть села Халхал [537, IV, 193], Халхал Мяхалла и Халхал Кучек [537, III, 109]. В. Л. Гукасян писал, что Халхал можно связать со словом халхал в азербайджанских диалектах — «огороженное место» [251, 23]. Интересно, что город с таким названием находился также в зоне Нахичевани, где, как известно, жили тюркоязычные болгары и кангары, о которых мы говорили выше.

Моисей Хоренский упоминает пункт Чога (нынешняя Джульфа в Джульфинском р-не Нахичеванской АССР). С конца XVII— начала XVIII в. этот топоним принял форму Сулфа, что связывали с арабским *селф* «прядильщик», считая, что к нему восходит и персидское слово *джулфа* «ткач». На самом деле, топоним этот восходит к тюркскому *йол*, *джол* «дорога», «переправа».

У Страбона упомянута область Камбисене. Однако, видимо, в сообщениях Страбона следует различать две области с таким названием: одну — армянскую, другую — албанскую. Армянская область называлась Комисене.

Страбон сообщает (XI, 14, 4), что «Хорзена и Камбисене — самые северные и больше всех покрыты снегом. Они находятся на границе с Кавказскими горами, с Иберией и Колхидой». Во времена Страбона известна была еще область Комисене. Страбон (XI, 14, 4) пишет: «Провинцией Армении является Фавена и также Комисене и Орхистена». Комисене отделялась р. Курой от остальных частей области Камбисене [296, 67]. Камбисене относилась к Албании. В «Истории албан» (кн. II, гл. 19) топоним Камбисене имеет форму Камбичан. Моисей Каланкатуйский в связи с событиями VII в. пишет, что «Джеваншир перешел через границу своего родного участка на другую сторону реки Куры в область Камбичан». Из этого отрывка ясно, что Камбичан находился на левом берегу Куры.

Интересно, что в «Истории албан» население этой области называется камичик-епталг. Моисей Каланкатуйский сообщает, что Месроп Маштоц распространил свои проповеди Евангелия, и «... среди других племен, которые были уведены в плен Александром Македонским и поселены вокруг гор кавказских, среди гаргаров, камичик-епталов, обратив их в веру...» [кн. I, гл. 27].

Несомненно, что здесь речь идет об албанских племенах — гаргарах и камичик-епталах. Как отмечалось выше, гаргары в. то время расселялись в двух регионах: на Северном Кавказе и в Албании. Месроп Маштоц мог распространять свои проповеди только среди гаргаров Албании. Привлекает внимание тот факт, что поселения гаргаров и камичик-епталов в Албании отнесены ко времени Александра Македонского, т. е. к IV веку до н. э. Известно также, что в действительности Александр Македонский на Кавказе не был, и он не мог поселить указанные племена в Албании. Автор, наверное, воспользовался какой-то легендой.

Остается неясным вопрос о происхождении камичик-епталов. Этноним *камичик-епталс* состоит из двух частей. Камичик— это вариант Камбисене — у Страбона, Камбичан — в «Истории албан», Камбечовани — в древнегрузинских источниках. Следовательно, «*камичик-епталс*, по всей видимости, означает «епталы, т. е. епталы, живущие в Камбисене (Камбиче)».

К. Патканов по поводу этого сообщения в примечании к переводу «Истории албан» писал, что «камичик-эфтальцы, может быть, кубачи, т. е. даргинцы» [27, 311]. Однако это предположение вряд ли верно. Н. Г. Волкова замечала, что этот этноним можно «сопоставить с эфталитами гуннами» [203, 26]. В тождестве этнонимов абдал и афтал сомнений нет. Феофилакт Симокатта (V в.) пишет: «Разбил наголову вождя племени абдалов

(я говорю о тех,, которые называются эфталитами), аварский хаган победил и их присвоил себе власть над ними» [46, 159]. Далее Симокатта пишет, что эфталиты — народ гуннского происхождения, относящийся к так называемым белым гуннам [46, 206]. Не может быть сомнения и в тюркоязычности эфталитов. Эфталитов считают тюрками и некоторые западные ученые, хотя есть и такие, которые считают их ираноязычными. Вообще же местом формирования эфталитов считаются Приаралье и нижнее течение Сырдарьи [178, 379]. В более позднее время на базе гуннов-эфталитов возникают огузы [там же].

Компонент *ептаг*, несомненно, является древнеармянской передачей *ептал*, т. е. *эфтал*, так как в то время, когда писалась «История албан», в древнеармянском языке иноязычный звук «л» передавался буквой «г». Этноним ептал — это фонетический вариант этнонима *абдел, абдал*.

Как известно, этнонимы *ептал, ефтал, абдел, абдал, аггун* (белые гунны) являлись наименованием этнической общности, создавшей государство в V—VI вв. на территории Средней Азии, в северо-западном Афганистане и части Восточного Туркестана, придя на смену Кушанской державе. Однако остается не выясненным, каким образом часть епталов (ефталитов) в середине VI в. оказалась на Северном Кавказе, о чем пишет Захария Ритор [см. 431]. По С. П. Толстову, государство эфталитов сложилось на сакско-массагетском субстрате с «сильной примесью восточных гунно-тюркских элементов» [477, 244]. Этноним *абдал* прослеживается в современных топонимах Абдал (Агдамский р-н), Абдаллар (Варташенский р-н), Чобан-Абдаллар (Ханларский р-н) и др. Два села Абдаллы было в XIX в. в Грузии. В древних источниках этот этноним зафиксирован как *абдал и абдел.* Захария Ритор среди племен, живших в то время в Гуннской области на Северном Кавказе, называет и абделов. [431, 165]. На Северном Кавказе в XIX в. отмечена гора Абдел. Кто же были в действительности эти абделы (абдалы)?

В. В. Бартольд считал их гуннами. В «Истории Туркменской ССР» отмечается, что абдалы были белыми гуннами. Этноним *абдал* известен среди башкир, каракалпаков, туркмен, казахов .Села Абдал, Абдаллар имеются и в Иране [см.: 224, 55].

Таким образом, ептал (абдал, абдел) — одно из древнейших тюркских племен, относящихся к гуннам. В Албании это племя, как видно из сообщения албанского историка, жило уже в IV в. до н. э.

Теперь вернемся к топониму Камбисене. Ф. Дж. Мамедова уточнила границы этой области. По ее мнению, регион Камбисене — Камбичан располагался на северо-западе Албании, по границе с Грузией — «от среднего течения рек Алазани и Иори на северо-западе до реки Куры на юге и до слияния рек Алазани и Иори с Курой на востоке» [362, 93]. По Ахмед Зеки Валиди (548, IV, 755), Камбисене соответствует нынешнему Сигнахскому району Грузии. Это согласуется с сообщением Страбона, что «проход из Иберии в Албанию идет через безводную и неровную Камбисену и реку Алазань» (Страбон, XI, 14, 1).

Что же означает этот топоним?

Впервые в Албании реку Камбис упоминают античные авторы I века Плиний (VI, 39) и Помпоний Мела (III, 5). В «Истории албан» этот гидроним передан как Камбеч, а река Камбеч (кн. II, гл. 19), как писала К. В. Тревер, это — современная река Иори. Исходя из этого С. Т. Еремян [296, 57] и Г. А. Меликишвили [380, 123] локализовали албанскую область Камбисене — Камбичан с нижним течением реки Иори.

Камбисена располагалась в междуречье Алазани и Иори, в их нижнем течении, где ныне находятся Ширакская степь (сохранился древнетюркский этноним *сирак, широк*) и Камборийская возвышенность на территории Грузии.

Д.Д.Мусхелишвили писал, что Камбечан изначально являлся албанской областью, но в VIII в. население Камбечана, возможно, было смешанным – иберо-албанским с мелкими вкраплениями армянского элемента [405, 31]

Интересно, что в сильно искажённой форме названия Камбеч и Иори сохранились в современном гидрониме Габырры (азербайджанцы нижнее течение реки Иори называют Габырры). Выяснилось, что Габырры в прошлом веке произносилось и как Гамбори. В этом варианте отчётливо выделяются компоненты Камб и гидроним (название реки) Иори.

Существуют различные этимологии топонима Камбисене — Камбечан. Исходя из внешнего созвучия названия реки Камбис в Албании (на самом деле местное произношение было Камбич, античные авторы вместо «*ч*» писали «*с*») некоторые исследователи связывают этот топоним с именем ахеменидского царя Камбиза (V в. до н. э.). По И. Г. Алиеву, в Камбичан-Камбисене обитали какие-то ираноязычные камбоджийцы [см. 136]. Видимо, И. Г. Алиев присоединился к ошибочному мнению академика В. В. Струве о том, что закавказские реки Кура и Камбис названы по именам ахеменидских царей Кира и Камбиза [468, 120], и к мнению В. И. Абаева о том, что имя персидского царя Камбиза, возможно, восходит к этнониму Камбоджа [112, 267—268]. Следует отметить, что и В. И. Абаев при этом повторил мнение Джона Карпентера, который еще в 20-х годах XX века писал, что имя царя Камбиза, видимо, связано с названием народа Камбоджа, жившего в северо-западной Индии [5643, 140—152].

Итак, И. Г. Алиев при определении этимологии албанского топонима Камбисене-Камбичан исходил из двух мнений — В. В. Струве, который название реки Камбис в Албании связывал с именем персидского царя

Камбиза, и В. И. Абаева—последний соотносил этот антропоним с народом Камбоджа. В действительности, название реки Камбис—Камбич в Албании не имеет никакого отношения ни к имени царя Камбиза, ни к народу камбоджа в Индии (о племени Камбоджа у Западной границы Индии см. 239, 199). И. Г. Алиев не учел, что во-первых, в источнике упомянута форма Камбич, без «а» в конце и, во-вторых, что известна и другая форма — Комис, Комич (Комисене), и уже поэтому этот топоним не мог быть связан с этнонимом Камбоджа. Исходя из неправильной этимологии названия албанской области Камбич, И. Г. Алиев пришел и к другому ошибочному выводу
о том, что Камбеч «еще со времени скифских походов стала превращаться в новую метрополию ираноязычных племен, о чем говорит и само наименование—этой страны» [136, 201]. В другом месте [135, 65] он писал: «В восточно-кавказском регионе — в зоне северного Азербайджана процесс иранизации был частичным; более или менее полной иранизации подверглись только северо-западные районы современной Азербайджанской ССР (район Камбисены и Сакасены)». В подтверждение этого И.Г.Алиев опирался на археологические данные из Мингечаура, согласно которым с I века «значительной массой появляются племена с деформированными черепами — носители культуры катакомбных погребений» [131, 201]. Он связывал эти погребения с катакомбными захоронениями Северного Кавказа, где этот тип погребения Л. Г. Нечаева [410] относила к сарматам, а последних считают ираноязычными. Все это малоубедительно и относится скорее к области догадок, чем исторических фактов.

В свете приведенного выше мнения об обитании абдалов в указанной области следует допустить, что эти захоронения относятся к абдалам-гуннам или абдалам-кушанам, гуннам по происхождению, для которых деформация головы также была характерным признаком. В. В. Гинзбург писал, что тип собственно кушан в антропологическом отношении мы можем пока только предполагать, связав европеидный тип с деформированной головой (на изображениях кушанских царей на монетах) с типом погребенных в «гуннских» могильниках Кенкольского типа [231, 224].

Считать катакомбные захоронения, известные еще с VIII в. до н. э. в Средней Азии, этническим признаком, как это делает Л. Г. Нечаева для Северного Кавказа, конечно, нельзя, однако вслед за ней для Албании это сделал И. Г. Алиев [131, 200], что отметили К. Ф. Смирнов [462, 77] и Дж. А. Халилов [501, 97—103].

Этноним *ептал* в сообщении Моисея Каланкатуйского свидетельствует о том, что в этой зоне обитали гунны, и, следовательно, эти катакомбные погребения относятся к ним. Феофилакт Симокатта еще за тысячу лет до публикаций И. Г. Алиев писал, что эфталиты — народ гуннского происхождения, относящийся к так называемым «белым гуннам» — термин, применявшийся к группам народов, связанным с гуннами, но этнически от них отличным [46, 206]. По мнению ряда исследователей, это была эфталиты-тюрки (см. подробно 477). Хотя Р. Фрай пишет, что есть основания считать эфталитов и хионитов иранцами, а правителей их гуннами [498, 310], — неясно, как могло так случиться, что правителями были гунны, а управляемые ими этнические общности состояли из иранцев.

Итак, «камичек-ептаги» означает, по нашему мнению, «абдалы, населяющие Камбисене». Обитание абделов (ептагов), вероятно, одного из гуннских племен, в раннем средневековье в Албании не должно вызывать сомнения, поскольку Захария Ритор (сер. VI века), их отмечает, наряду с другими, к северу от Дербента в Гуннской земле [431].

Камбисене у античных авторов состоит из компонента Камбис и греческого суффикса «ене» со значением местности. Этот суффикс присутствует и в топонимах Араксене, Гогарене, Сиракене и др. Следовательно, он добавлен авторами. Что касается названия Камбис, то, как отмечено выше, оно является фонетическим производным — от местного албанского Камбеч (или Камбич), потому что в древнегреческом языке не было звука «ч» и этот иноязычный звук, как и «ш», передавался посредством «с», как, например, в топонимах Сакасена, Самехия, Наксуана (вместо Шакашен, Шамахия и Нахчуан).

Выше мы отметили, что в источниках топоним Камбисене, Камбичан, Камбеч имеет и форму Комисене, т. е. Комич. В действительности же, Камбис (Камбеч) состоит из компонента *кам, ком* (после «м» добавлен звук «б») и тюркского слова «*ич*» внутренний», в значении междуречье», так как Камбисене находилась в междуречье Алазани и Иори. Следует отметить, что это фонетическое явление характерно для северо-восточных диалектов азербайджанского языка: например, название реки Самур произносилось Самбур; личное имя Омар — Омбар и др. Это явление типично и для армянского, и для грузинского языков. Слово *шам* «камыш», «место камышей», «болото» произносится как *шамб* в армянском, *шамби* — в грузинском языках со значением «тростниковое болото» (считается, что это слово восходит к санскритскому *шамуа* «тростник»).

Таким образом, первоначальной формой топонима Камбеч является Камич или Камеч. В свою очередь этот топоним состоит из *кам, ком* и тюркского *ич* «внутренний» и имеет общее значение «внутренний Кам(б)».

Интерес вызывает элемент кам в топониме Камбисене, *ком*— в топониме Комисене. Дело в том, что это слово в формах, *кам, ком* и *кем* имеет очень широкий ареал распространения: в удмуртском *кам* «река», в тюркских языках — «большой полноводный канал», в тувинском *кем, хем* — «река» (Улу-Хем «большая река», Ак-Хем «белая река», Баш-Хем «главная река и др.).Уллу-Кам — название реки на Северном Кавказе, в Приэльбрусье. Река Енисей называлась Кем [54, 1, 2, 112]. На Алтае Сайлу-Кем (от сай «сухое русло реки» и кем «река»), Ак-Хем «Белая река», Кара-Кем «Черная река». В хакасском языке *кем* тоже означает «река». Это слово имеет и значение «ущелье». В таджикском *ком*, в персидском *кам*, в афганском *ком*, в лезгинском *кам* «овраг», «балка», «ущелье» (в осетинском *ком* «ущелье»). Слово *кам* в этом значении существовало и в

тюркских языках: на Северном Кавказе Улу-Кам «Большое ущелье», (Камбачкик на Сев. Кавказе — 418, 112). В Кахском районе есть ущелье под названием Гуру Кам «Сухое ущелье».

Исследователи считают, что это слово исконно относится к тюркским языкам (это, в частности, подтверждается тем, что слово *кем (гем*) в основном охватывает территорию Тувы и прилегающую к ней часть Алтая), хотя некоторые ученые (А. П. Дульзон и др.) связывают его с общеиндоевропейским корнем. Так или иначе, слово кам, кем в албанском языке означало «река» или «ущелье». Предложенное значение слова *кам* соответствует характеристике, данной Страбоном Камбисене - «горная страна». (Страбон, XI, 7, 1) и «каменная область» (Страбон, XI,4, 5), т.е. такие места, где доложны быть ущелья. Выше отмечено, что это слово до сих пор сохранилось в гидрониме Габырры, от *камб* (*кам*- «река», «ущелье» с отпадением «м» и Иори).

Что касается гидронима Иори (от Иор и грузинского смуффикса «и» , то он восходит к аварскому ор «река». Выше было сказано, что часть современных аварцев в древности была известна под наименованием силв и лбин; часть лбинов жила в северо-западной Албании, в бассейне этой реки. Возможно, что слово кам в дальнейшем в фонетичесокй форме сам отразилось в топониме Самух (от компонента сам или кам и кавказоязычного суффикса «ух») в северо-западном Азербайджане, часть территории которого осталась под водой со строительством Мингечаурского водохранилища.

Топоним Арцах восходит к исконному Арттаг или Артдаг — от древнетюркского арт (*art*) «плоскогорье», «нагорье» [51, 55] и суффикса *таг~даг~лаг* (на это указывает и урартская форма — Уртех, т. е. через *t* указывающая на место с общим значением «нагорное место» (по типу слов *баттах, батдаг* «болото», от *бат* — «тонуть» и суффикса — *таг*).

Топоним Дютакан (упоминается также в форме Дют) образовался от Дют и суффикса «акан» в древнеармянском языке. Слово *дют* можно связать с тюркским *тут* «толпа, народ» «лагерь» (54, III,2, 1475).

Топоним Урди (в источнике «гладкое поле Урди»), вероятно, восходит к древнетюркскому слову *орду* «ставка, «резиденция хана», «ханская юрта» [62, I, 470— 471]. Начальное «у» в топониме Урди передает исконное «о», так как в древнеармянском отсутствовало «*о*», оно было введено после XI в. [490, 17], а конечный «*и*» также является древнеармянской передачей «у», так как в грабаре эти буквы являются вариантом одной фонемы [490,48].

В источнике упоминается гидроним Кри (реки Кри). Видимо, он является фонетическим вариантом от древнетюркского *егри* «кривой» (ср. азерб. *яэри*— «кривой»). Выпадение начального «э» объясняется тем, что в грабаре в начальных позициях «я» могла звучать, но на письме не обозначалась [490, 48]. Реку Кри можно локализовать с современной рекой Эгричай, одним из левых рукавов Куры, протекающей на территории Кахского района, в северо-западном Азербайджане.

В связи с событиями середины IX века (827 г.) в этом источнике упоминается топоним Тавус. В форме Тавуш (Тавус) он отмечен и в источнике XII—XIV вв. (38, 10). Крепость Тавус названа по реке Тавус, гидроним этот восходит к тюркскому *тавус* (*tavus*) «голос, звук, шум» [51, 543; 54, III, I, 774. 776], и поэтому Тавусчай означает «шумящая река».

Топоним Кареуч указан в области Амарас в Арцахе; этот топоним является армянской передачей местного (тюркского) Карача или Караджа, так как для древнеармянского языка не было характерным написание «а» в конце слова [490, 186]. В XIX веке в Армении (в Шарур-Даралагезском уезде) и Грузии (в Борчалинском уезде) существовали селения Карачлу (от Карач и суффикса принадлежности *-лу)* с тюрко-язербайджанским населением [418, 121].К этому этнониму восходит древнегрузинский топоним Сагараджо, от грузинского *са* «место», «земля» и этнонима *гараджо*. Гора с названием Карадж (Гарадж) есть в ярдымлинском районе, а также в Евлахском и Шемахинском районах. В XVIII в. в зоне Шеки упомянута местность Караджа.

Топоним Алуен (V в.) в Албании следует отождествлять с названием села Алиан в районе Байлакан [см. 159, 118], принадлежавшего казначею города Байлакан Мас'уду ибн Намдару (XII в.), (в документе 1727 г. Алиан село в Арасбаре). К этому топониму восходит, по-видимому, название племенной общности Алианлу в Зангезуре — от топонима Алиан и суффикса принадлежности *лу*.

В «Истории албан» (кн. III, гл. 3) упоминается топоним Гош. Возможно, он восходит к тюркскому кош «ставка», «лагерь» [54, II, 2, 636] «кочевье», «место кочевья», «стоянка на летнем пастбище». Для сравнения можно вспомнить ныне существующие топонимы Кош-Кутан, Кештаз и др.

В этом же источнике (кн. III, гл. 23) в Арцахе помещен пункт Кост. В архивном документе 1727 года [556] этот топоним фиксирован как Хоштон, в котором выделяется указанное слово *кош* в форме *хош* (ср. азербайджанское село Хош-мензил в Дербентском р-не). Второй компонент — *тон*, возможно, отражает тюркск. *тон* (*ton*) «холм», «возвышенность» [62, III, 280]. В архивном документе 1727 г. в Нагорном Карабахе упомянут также Коштек, — от кош и суффикса **-дек (-лек**), как в топониме Куздек (на Апшероне) — от *куз* «осенняя трава» и суффикса **-дек.**

Тюркским по происхождению является албанский топоним Урекан. Он состоит из компонента Урек и древнеармянского суффикса *-ан.* Компонент урек можно связать с древнетюркским словом *урук* «остановка» «стоянка» «место пребывания» [51, 390], или же словом орек «строение», постройка, сооружение» [57, 704; 54, 1, 2, 1218], в тюркских языках. В XIX в. отмечены Уректапа — «холм Урек» в Бакинском уезде и Урек в Олтинском уезде Грузии [418, 253]. Урек находился в районе Муровдаг [4748, 32]. В документе 1727 года— Кутул-Урек [556],—от тюркск. *гийтул* «лагерь», «место, куда возвращаются» [50, II. 102] и Урек.

В «Истории албан» в Сюнике (Сисакан, нынешний Зангезур) упомянуто местечко Арку-гет (кн. III, гл. 21). По М. Бархударяну, этим наименованием называлось верховье реки Акара —нынешний Хакаричай [168, 6] — от древнетюркского *арку* (у Махмуда Кашгари — *акру*) «тихий», «медленный» [51, 49] или *аргу* «изрезанный ущельями» [51, 54], и армянского *гет* «река».

В источнике упоминается албанский округ Мец-Куенк, от армянского *мец*— «большой» и топонима Куенк, который, в свою очередь, состоит из Куен и армянского суффикса **к.** Этот топоним ал-Балазури (IX в.) упоминает в форме Мескеан. Считают, что область Мец-Куен (Мецкеан) охватывала зону современного Джебраильского района, где до сих пор сохранился топоним Кейен (Кюйян дцзц — «равнина Кэйэн»), который, возможно, состоит из тюркского эюй — зеленый», «синий» и суффикса **-ан** с общим значением «место с зеленой травой». Можно допустить, что топоним восходит к тюркскому *кеан* — «горный поток», «водопад» [54, II, I, 91] или *кийан* «горная река» [54, 11,1,557].

Албанский историк пишет, что на берегу реки Тертер есть «покрытая лесом долина, называемая Члах» (Моисей Каланкатуйский, кн. I, гл. 27); — этот топоним трудно отделить от азербайджанского слова *чайлаг* «долина реки» (от *чай* — «река» и суфтикса **-лаг**, как в словах *яйлаг, гышлак, кузлек* и др.). Ср.топоним Чайлах-Чухур в Нахичевани в XIX веке [372, 275]. М. Бархударян пишет, что долина Члах находилась на Парсаканской равнине у берегов реки Тертер [168, 10].

В «Истории албан» в древнеармянской передаче в Албании упомянут топоним Зергун в связи с событиями I—II вв. н. э., когда миссионер Елисей из Сирии начал проповедовать христианство в северо-восточной Албании. Историк, отмечает, что затем Елисей перешел в северо-западную Албанию, где основная церковь в селе Гис (совр. Киш в Шекинском районе). В этом же регионе находился и Зергун, который можно локализовать с топонимом Зараган в Куткашенском районе, недалеко от Шекинского района. Топоним Зараган образовался от тюркского *саруг* [51, 488] — «желтый» (см. *сарган камуш* — «желтый камыш» [51, 488] и суффикса **-ган**. Сарыган — название дерева, из листьев которого получали в древности желтую краску; лес, где\ в изобилии встречалось это дерево, назывался Сарыган. Впоследствии в этой местности образовался населенный пункт Зараган. Геродот пишет, что на Кавказе есть деревья «с удивительными листьями. Из этих-то листьев изготовляют краску, растирая их и смешивая с водой, и затем наносят ею узоры на свою одежду».

В армянском источнике VII века [4, 48] в области Васпуракан (зона современной Нахичевани) упомянут топоним Тангриайн, который Ю. Б. Юсифов возводил к тюркс. *тангры* «бог», с общим значением «место тангры» [518, 77].

Моисей Каланкатуйский в Албании упоминает топоним Каве. Позже в древнегрузинском источнике XI—XII вв. [21, 1, 843— 344, 484] отмечен Кавазин, Каозиан. Вахушти писал, что Якубхан Каракоюнлу (1478—1490) в 1488 или 1488 г. послал военачальника Халилбека «строить крепости Каозиан и в Агджагале» (География, Тифлис, 1941, с. 44). Этот топоним (в «Истории албан» Кава, в древнегрузинских источниках — Као) состоит из тюркского *кайа* «скала» и *сын* «горный хребет» [54, IV, 628], к нему восходит название горы-скалы Гейазан в Казахском районе, на которой сохранились развалины христианской церкви. Трудно сказать, на почве какого языка произошла замена тюркского «й» на «в» в топониме Кайа~Кава. Вероятно, это следует приписать влиянию древнегрузинского языка. В качестве примера можно указать на топоним Мовокани, — от Могакан, в котором также заметен переход г~в.

В «Истории албан» упомянут топоним, Каласет (кн. II, гл. 6), образовавшийся от гала «крепость» и, вероятно, древнетюркского *сат* «святой, священный».

В древнеармянских источниках в Сисакане один из округов назывался Балк [см. 43, 21, 11], а другой Таштон [армянское название Аревик — 43, гл. III]. Топоним Балк восходит к древнетюркскому слову *балик* (*balik*, древняя форма — балк, см. Махмуд Кашгари, I, 379) «стена», «крепость», «город» (62, 11,59).

Топоним Таштон (в Сюнике, Степан Орбелиан, гл. III) также объясним на почве древнетюркских языков, от *таш* (*tas*) «скала», «камень», «утес» и *тон(*г) (*tong*) «холм», «бугор», «выпукло-пологая продолговатая небольшая возвышенность», «невысокая гряда» [62, III, 280]. Компонент *тун* (*тон*) заметен в топонимах Гырагтун (название нынешнего гор. Джебраил среди народа), и упоминаемых в источнике 1727 года Чарватун, Хоштан (от Хоштон) в Нагорном Карабахе [см. выше, с. 115].

В «Истории Агван», а позже в хронике Мхитара Гош в Арцахе упоминается топоним Танцик (Танджик). Во обоих случаях в конце выделяется тюркский суффикс **-чик** (как известно, в древнеармянских источниках буквой ц иногда передается «ч», который можно сопоставить с уменьшительным суффиксом **«джик»** в азербайджанском языке. В топонимах этот суффикс означает «маленькое». Например, в источнике 1727 г. в Нагорном Карабахе отмечены селения Верендеджик (Малое Веренде), Йахаджиг (маленькое побережье реки); ныне существует село Муганджиг (Маленький Муган). Значение первого компонента здесь неясно, однако в 1727 г. в Чарабертском округе Нагорного Карабаха отмечено село Муслиман-Тан. Это говорит о том, что существовало еще, вероятно, и село Ермени-Тан. Следовательно, Танцик означает «Маленький Тан». Значение компонента *тан* не ясно.

В «Истории агван» упомянут населенный пункт Гаку в Арцахе. Это название является древнеармянской передачей названия Кеки — так написан этот топоним в источнике 1727 года. Значение его неясно, однако другое азербайджанское село Кеки (ныне в сильно измененной фонетической форме — Кюкю) находится в Нахичевани. Мхитар Гош упоминает топоним Хавгахаберд в Арцахе. В надписи монастыря Хотавенк (Кельбаджарский р-н) он зафиксирован как Хавгахагац [227, 71]. Это наименование является армянской передачей нынешнего топонима Левгала в Кельбаджарском районе. Следовательно, слово *гала*

«крепость» из-за отсутствия фонемы *t* в древнеармянском языке передано как гаха и это говорит о том, что указанный топоним в целом не образовался на почве армянского языка, в котором отсутствовало слово (исконно иранское) гала «крепость» — в армянском языке его заменяет *берд* «крепость». Отсюда можно заключить, что компонент берд в упоминаемом Мхитаром Гошем топониме Хавгаханберд является добавлением самого автора. В целом этот топоним образовался от персидского *леб* «край, губ» и *гала* «крепость», ибо крепость эта действительно находится на краю неприступной скалы, называемой Лачынгая («скала кречет»). Поэтому мы не разделяем мнение И. А. Орбели о том, что Хавгахаберд на армянском языке означает «птичье игрище» [417, 251].

Мхитар Гош упоминает топоним Адехерай (с протезом «h»)— название горной области в Арцахе и крепости Адаха [40, 13]. Этот топоним состоит из Ата и неясного компонента *херай*, которую можно связать с тюркск. *гереге* «зимний дом у кочевников», «войлочные юрты» [62, III, 24—25]. Привлекает топоним Адахуни урартских источников, с которым обычно связывают топоним Арцах (см. выше, с. 223). В источнике 1727 года в Нагорном Карабахе отмечено село Атайуд, ныне Атагут, то есть от *ата* и иранск. *гут* «крепость». Компонент Ата не является армянским он составляет основу в названиях ряда азербайджанских селений в других районах Азербайджана — Атахан (Кедабекский р-н), Атабек (Шамхорский р-н) и др.

Кайкой-Чар (название горы в Арцахе, у Мхитар Гош), от компонента Как, Каг (в древнеармянской передаче Каик, с наращением «й»), который восходит к тюркскому *каг* (*kag*) «овечий загон», «хлев для овец» (ср. топоним Каг-Каджили в Кюрдамирском р-не), от ой «помещение» (ср. топоним Кагой в Лерикском р-не) и чар, т. е. джар «обрыв», «ущелье» с общим значением «ущелье, где овечий загон и помещение».

В «Истории албан» упоминаются также следующие тюркские топонимы: Пугован, от тюркского бук «чаша», «заросли», «широкая долина реки» [51, 131], (ныне с. Бук Бардинского района); Арказан, от тюркского *аркач* (азерб. архач), «место в поле, степи, где под открытым небом отдыхают стада в летнее время»; Ехчерхон, от тюркского *аг* (*ак*) «белый» и *черак* «источник воды»; Гигач, от тюркского *килач*, *килич* «перевал»; Агацоп, от Алаяз и *опа, оба* «племя кочевников», «пастбища кочевников»; Гашуа ,от *каш* «край яра» [см. 61, 431} «возвышенный край», берег большой реки», «высокий берег» '(как и в топониме Карна-Каш) и *оба, ова*;

В древнегрузинских источниках отмечены тюркские топонимы Гак и Таваратапа.

Топоним Гак упомянут в грузинском источнике XI века (385, 7) В «Истории албан» он отмечен в форме Гаку, в труде Мхитара Гоша (XII в.) в форме Гаг. Гаг помещался в западной Албании на границе с Грузией, в составе которой он находился в раннем средневековье. Гаг (или Гак) было названием поля или равнины, где находилась «земля кангаров»; в источнике VII века есть выражение «Кангарк с Гаком» [4]. Так же называлась и крепость, входившая в Сомхети между р. Курой и северной границей Армении, на «земле кангаров».

По мнению З. М. Буниятова, крепость Гаг находилась в зоне современного Казахского района Азербайджанской ССР [прим. З. К.: 48, 396]. Она упоминается в грузинских источниках XI— XIII вв (см. 385). Здесь же находилась и крепость Агджагала, известная из «Китаби Деде Коркут». Д. Л. Мусхелишвили считает, что она была расположена на правобережье реки Дебеда, в 2-2,5 км от нее. Считается, что построил ее Гагик Шахиншах (999—1020) [404,116].

Низами Гянджеви в поэме «Хосров и Ширин» в Аране отмечает топоним «поле Бугра». В тюркских языках бугра означает верблюд-самец [см. 62, II, 235— 236], поэтому этот топоним имел значение «Верблюжье поле».

В источнике XIII века отмечено, что в 1226 г. Султан Джалал ад-Дин после трехмесячной осады вступил в Гаг и Кавазик [48, 226]. Кавазин — современное село Кавазин в Борчалинском районе Грузинской ССР. К этому названию восходит и гора-крепость Гейазан в Казахском районе Азербайджанской ССР. В то время правителем крепости Гаг был Бахрам ал-Курджи. Его владения занимали территорию, ныне входящую в состав Казахского, Таузского и Шамхорского районов Азербайджанской ССР и Гардабанского района Грузинской ССР.

Таким образом, (название крепости восходит к названию поля. Топоним «Гагское поле» упоминается автором XIII века и Варданом Великим [13, 176]. Название же поля в свою очередь, восходит к древнетюркскому слову *гаг* (*gag*) «лужа» [51, 422], или же *гаг* «сухой», «без растительности» [51, 421], со значением «безводное поле». Гаг был названием равнины на левом берегу реки Акстафы, простирающейся до реки Куры. В азербайджанских диалектах существует слово каг «овечий загон», «хлев для овец». Это слово отразилось и в топонимии: Кагой (Лерикский р-н), Кагарци (Мартунинский р-н), Каг-Гаджылы (Кюрдамирский р-н). Поэтому, возможно, топоним Гаг возник здесь потому, что это поле было зимним стойбищем овцеводов Албании.

Топоним Тварацатапи упоминается в грузинском источнике IX в. [385, 9]. По нашему мнению, фонетически он является образованным от тюркского Тавуратапа: от тюркск. тавур
«укрепление из повозок» (см. выше, с. 265) и азербайджанского *mana* «холм». Указанный топоним можно локализовать с Тауратапа в Борчалинском уезде Грузии в XIX веке [418, 229].

Следует отметить, что топоним Тавратапа от *тавур* и тюркск. *тар* «ровное высокое место» в форме Тварацатап источником VII века [14, 15] упомянут в провинции Туруберан (от *tavur*) Армении. Привлекает внимание то, что в форме Туарацн этот топоним известен еще в урартских источниках [155, 755]: «к северо-западу от Ванского озера, у верховьев реки Арцани, в Караязской равнине» [там же].

В «Истории албан» упомянут топоним Туслук (армянская форма Цгкац, от цгк и суффикса -ац) в Албании. Еще Х. Хубшманн локализовал этот пункт в верховьях реки Баргушат в Сюнике [576, 348]. Этот топоним можно разбить на две части: тюркск. *туз* «соль» и суффикса обладания — *-лук,* с общим значением «богатое солью (место»). В средних веках именно там отмечено село Тузлук и Тузбулак [556] — от тюркск. *туз* «соль» и *булак* «источник», «родник».

В «Истории албан» в связи с событиями середины IX века отмечен пункт Тапат — в Арцахе. В средние века в Чулундурском магале Нагорного Карабаха помещено азербайджанское село Тап. Топоним Тап, безусловно, восходит к тюркскому тапа «холм». В азербайджанских диалектах есть еще слово *тап* «высокое место», «холм».

Моисей Каланкатуйский там же упоминает село Уряц. Несомненно, что конечный «ц» передает первоначальное «ч». Действительно, в средние века в Арцахе (в Зангезуре) отмечено азербайджанское село Рач. Уряц является армянской передачей местного топонима Рач, потому что в древнеармянском языке слово не могло начинаться с «р» и поэтому перед «р» ставили «у». Возможно, в нем отразилось имя хазарского полководца Радж-Тархана(или Рач-Тархана), который в 763/64 г. покорил Албанию. Для нас важным является то, что население этого селения в средние века состояло из азербайджанцев.

В сочинениях арабских географов IX—XII вв. на территории Аррана упоминается ряд топонимов тюркского происхождения. Масуди (IX в.) в Арране называет топоним Бармак — совр. Бешбармак [10]. Название этой горы-скалы восходит к тюркскому *пармак*, «сопка» [54, IV, II, 1160]. Тот же автор пишет, что река Араке сливается с Курой в местности Санар [10]. Интересно, что в литературе XIX века этот топоним отмечен в форме Сангар [см.: 212], восходящей к тюркскому *сенгир* «мыс», «гора» [51, 495} или *сенгир* «густой лес».

Арабский географ Масуди упоминает реку Кизилруд в районе Дербента — от тюркск. *кизил* «красная» и иранск. *руд* «горная река». По его сообщению, эта река впадает в море близ Баб ал-Абваба. З. М. Буниятов и И. В. Велиханлы [118] идентифицировали ее с Самуром в арабских источниках, впадающим в Каспийское море. Однако трудно согласиться с этим отождествлением, потому что арабские географы IX—X вв. упоминают реку Самур отдельно.

В древнегрузинском источнике XI века упоминается гидроним (название реки) Курмук [385, 6] в Кахском районе, который восходит к тюркскому *кормок* — «пруд», «лужа» [54, II, 2, 1267]. И действительно, река эта берет свое начало из озера в горах.

Истахри (XI в.) впервые в связи с событиями 930 года упоминает топоним Баку, который до сих пор не имеет однозначного объяснения. По одному мнению, название города восходит к древнетюркскому слову *баку* «холм» [258]. В древнетюркских языках было еще слово *багу* «гряда холмов» [51, 83].

Балазури (IX в.) отмечает, что в первой половине VIII в. в 20 фарсахах от Тифлиса и 40 фарсахах от Барды арабский полководец Марван ибн Мухаммед основал город Касал [7]. Топоним Касал, несомненно, является искажением от Касах (современный Казах на западе Азербайджана, на границе с Грузией). Впервые Касах отождествлял с Казахом еще В. Ф. Минорский [589]. Это подтверждается также сообщением арабского географа Ал-Куфи, у которого мы также встречаем Касак [6, 49]. Выше было отмечено, что топоним Касах (Казах) отражает этноним казах; по всей вероятности, это значит, что казахи обитали здесь еще до VIII века.

Впервые в арабских источниках упоминается город Бейлакан (от Билеган) в Мильской равнине. По нашему мнению, этот топоним состоит из алтайск. *пиле* (*pila*) «равнина», «открытое место» [600, 213] и суффикса **ган** или **кан**.

Хагани Ширвани отмечает плотину Баклани на реке Куре. Плотина, возможно, названа по месту под названием Баклани. Это наименование состоит из тюркского названия вида рыбы— *бакла* [4036].

Низами в поэме «Хосров и Ширин» приводит топоним ал-Харак в зоне Гянджа. Выяснено, что ал-Харак — это современная гора Кяпаз [224, 139]. Топоним Харак восходит к тюркскому *harak* «верблюд». Возможно, до землетрясения эта гора издали напоминала очертаниями двугорбого верблюда и потому была названа Харакдаг. Заметим, что Харакдаг есть и в Туркмении.

Автор XIII века Мухаммед ан-Насиви [78, 224] упоминает озеро Баттах («болото», «трясина») — фонетический вариант от *батлаг* в верховьях реки Джилга-Борчалу (ныне Храмчай, приток Куры).

Следует отметить, что в древнейших топонимах сохранились тюркское сочетание букв «нг», как например, в топониме Гангар-Санар.

Мы привели топонимы, упоминаемые в основном до XII века включительно, т. е. до того времени, когда все эти топонимы, или часть их, могла быть оставлена тюркоязычными албанами, а также проникшими сюда в раннем средневековье тюркскими племенами. Одно ясно — географические названия, образовавшиеся на основе лексических элементов, как и личные имена, о которых мы скажем ниже, были функционирующими активными словами того периода, когда они возникли, и имели распространение.

Из вышеприведенного становится ясным, что утверждения армянских исследователей об изначальной принадлежности территории к югу от Куры, в том числе Арцаха к Армении и об армяноязычности его населения — голословны. Пусть попробуют объяснить указанные топонимы на почве древнеармянского или иного языка, — автор этих строк готов к научной полемике.

Итак, на основании вышеприведенного можно составить следующий список тюркских топонимов и антропонимов Албании раннего средневековья.

Топонимы: Алам, Аран (Арран), Аркугет, Балк, Бармак, Гош, Дут, Зергун, Кава, Камбеч, Кост, Курмук, Ордубад, Тавус, Тавратапа, Таштон, Урди, Тосарен, Туслук, Члах.

Антропонимы: Абуказ, Аран, Аратан, Аспрокос, Баку, Есватен, Гарманосан, Гог, Давтак, Казан, Козис, Манас, Мате, Оройс, Пирок, Санесан, Санатрук, Сато, Тома, Урнаир, Урбатайр, Хоскен, Хурс (см. ниже).

Из указанных названий и личных имен можно вывести следующие тюркские лексические элементы: аран «жаркое место», «пастбище», «низменность» (Аран)*; *арку* «тихий», «спокойный» (о течении реки) или *аргу* (изрезанный ущельями» (Аркугет); *баку* «холм» или *багу* «гряда холмов» (Баку); *балк* «стена», «крепость», «город» (Балк); *баттах* «трясина» (Баттах); *гаг* «лужа», «стоячая вода» или *гаг* «сухое» (Гаг); *гош* (*кош*) «ставка», «лагерь», «место кочевья» (Гош, Кост); *даш* «скала» (հрандашанц); *ягри* «кривая (река)» (Кри); *кава (кайа*) «скала» (Кава, Кавазин, Каозиан, совр. гора Гейазан); кам «ущелье» (Камбич); *кизил* «красный» (Кизилруд); *кормак* «пруд, лужа» (река Курмук); *олам* (*улум*) «брод», «проход», «переправа» (Алам); *орду* «ставка хана» (Ордубад, Урди); *пармак* «сопка» (Бармак); *пила* «равнина, открытая местность» (Билаган); *син* «горный хребет» (Каозин); *тавур* «укрепление из повозок» (Тавратапа); *тавус* «шум», «голос» (Тауз); *там* «крепость», «крепостная стена» (Тамбат); *таш* «камень», «скала» (Таштон); *тапа* «холм», «бугор» (Тавратапа); *тонг* «холм» (Таштон); *тус* «соль» (Туслук); *тут* «лагерь» (Дут); *тус, туз* «равнина» (Тосаран) *урек* «крепость» (Урек); *чайлах* «речная долина» (Чалх); *щяряк* «верблюд» (Гора *щяряк*); *йази* «равнина» (Езнаранц).

2.По антропонимам: *абуказ* «младший брат отца» (Абуказ); *ар* «мужчина», «герой», «стрелок» — в ряде личных именах: Аран, Урбатайр, Урнайр и др.; *аран* «герой», «воин» (Аран); *багу* «драгоценный камень» (Урбатайр); *бег* «глава племени», «князь» (Есваген); *бирок* «только один» (Пирок, Аспирокос); *дай* «дядя по матери» (Давтак); ее «ум», «разум» (Аспирокос, Есваген); *карман* «крепость» (Гарманосан); *козик* «полярная звезда» (Козис); *маты* «прекрасный (ребенок)» (Мате); *садай* «возлюбленный» (Сато); *сан* «почет», «уважение» (Гарманосан, Санесан); *так* «подобно» (Давтак); *тан* «подобно» (Аратан); *тума* «щит» или *тувма* «единоутробный, «потомок» (Томай); *уру* «сын», «мальчик» (Урбатайр); ураз «счастливое предзнаменование» (Оройс); *урын* «подходящий» (Урнайр).

Кроме того, мы имеем право включить в этот список тюркские лексические элементы из топонимов Арцаха XII в. (см. выше с. 230—233) допуская, что эти топонимы возникли до XII в. и, следовательно, отражают элементы лексики албанского языка I тысячелетия нашей эры: *аг* «белый» (Агбат); *арпа* «ячмень» (Арпа); *баш* «голова», «верх» (Крапашти); *даш* «камень», «скала», «утес» (հрандашанц); *кара* «черный» (Крапашти); *котур* «без растительности» (Котурчат); *чапар* «гонщик» (Чапар); *чат* «отрог горы» (Котурчат).

Трудно сделать вывод о звуковом составе албанского языка (или язьяков указанных тюркских племен), потому что указанные топонимы и антропонимы до нас дошли в основном в оболочке древкеармянского языка, в котором отсутствовала до XI— XII вв. фонема «л», а также звуки о, у, э и кроме того, некоторые гласные звуки (е, и) могли выпасть при написании. Например, личное имя, переданное на армянском языке как Аран и Аратан в «Истории Албан» исконно должно было звучать как *Ярян* и *Ярятян*, от тюрк *эр* (*ар*), соединительного согласного «ə» (по закону сингармонизма) и тэн «подобный», «равный» (см. выше). Но в этом случае, несомненно, слово, твар, давар «скот» или *tavur* «укрепление из повозок» в топониме Тавратапа соответствует той форме, в которой произносили носители этого языка— тавар, тавур. Однако подчиняясь закону сингармонизма, по- видимому, Тавратапа звучал как Тяврятяпя, как и ныне, потому что слово *тяпя* «холм» не могло звучать как «тапа».

Исходя из личных имен Аратан и Давтак можно прийти к выводу, что в албанском языке существовало два слова со значением «подобный», «словно как» «равный»: *tan* (Аратан) и *tak* (Давтак), которые восходят к древнетюркскому *tang* [см. об этом: 62, III, 192],

Трудным является выявление чередования согласных к-г, т-д, ч-ч, с-ш в топонимах и антропонимах, ибо можно допускать, что в албанском языке и в племенных диалектах могло быть произношения всех фонем.

Некоторые топонимы в древнеармянской передаче «ч» переданы через фонему «ц» (Танцик, Уряц, Цур). Дело в том, что в печенегско-кангарском языке было характерным звук тс (например, вместо «чай» — «цай»).

На основе некоторых топонимов обнаруживаются суффиксы албанского языка:

-чи (чопчи) (означенное занятие);
-ган (Билеган);
-лук (Туслук);
-таг (-лаг) (Баттах, от бат «тонуть» и таг);
-ти (-ли) (Крапашти, от Карабашли);
-джик (Танжик);
-чи (означает принадлежность, напр.: Аранджнак, от Аранчи см. выше с. 120).

Мы не приводим здесь многочисленные тюркско-азербайджанские слова в творениях Гатрана Тебризи, Низами, Хагани и др. (см. ниже), но, бесспорно эти элементы, также относящиеся к языку, уже до огузско-сельджукского завоевания, т. е. до XI—XII вв., как раз и составляют элементы азербайджанского языка, дописьменного периода.

Неужели после всего сказанного возникнут сомнения в тюркском происхождении албанского языка?

---

* В скобках приведены топонимы, в которых отражены указанные эхлементы лексики.

II. **Древнетюркские слова в закавказских языках:** Для выяснения характера и лексического состава азербайджанского языка дописьменного периода большое значение имеют закавказские источники V—XIII веков. Этот вопрос изучен В. Л. Гукасяном на основе сохранившейся в армянском и грузинском языках указанного периода лексики. В. Л. Гукасян писал, что существовал тюркский язык (но никто не называл его албанским языком), и азербайджанские заимствования в тех языках говорят о древности азербайджанского языка. Автор привел несколько тюркских—азербайджанских слов из армянского языка V—VI вв.:
аруг (arug) «тощий», «беслодный»; *аруг* (*arug*) «канава», «ручеек»; *тел (tel*) «нитка»; *вочхар* (vocxar) «баран», «овца»; *hot (ot)* «трава»; *парти* (*parti*) «бревно, балка» [251, 21]. В древнеармянских источниках V—VIII вв. встречаются такие азербайджанские слова, как *джувар* «распределитель воды», *сел* «поток», *мум* «воск», *хавар* «известия», *дарман* «лекарство», *елчи* «посол», *агул* «загон» [251, 26].

В древнегрузинском языке XI—XIII вв. отражены азербайджанские слова *чар* (царь), *атабеги* (атабек), *учи* (край), *балта* (топор), *оглан* (мальчик), *арганчи* (арканщик), *темирчи* (кузнец), *ата* (отец), *буга* (бык), *кызлар* (девушки), *гуллугчи* (служащий) и др. [251,25—26].

Моисей Хоренский и албанский историк Моисей Каланкатуйский пишут, что после того, как в I веке н. э; Аран стал царем албан, его царство стало называться Агуан (т. е. Агван) — от кротости или мягкости его характера. По Н. О. Эмину, переводившему «Историю Армении» Моисея Хоренского на русский язык («История Армении» Моисея Хоренского. — М., 1983), древнеармянское *аху* имело значение «сладкий, щедрый, приятный» (с. 215). Поразительно, что слово *аги, ахи* (*aqi*) в древнетюркских языках имело значение «щедрый», «великодушный» [см. 51, 48, 71; 54, 1, 1, 159]. Разумеется, этноним и топоним Албан не имел отношения к слову аху и агу — однако это слово имеет, безусловно, тюркское происхождение. (Ср. например, Аку-Тимур «великодушный Тимур»; Акубай «богатый щедростью» — 41, 120). Некоторые тюркские слова встречаются в «Истории албан». Тюркизмы в этом источнике можно разделить на две группы: слова, относящиеся к тюркским племенам Северного Кавказа, и слова, относящиеся к албанам. К первой группе принадлежат куар «бог грома» (лулубейское *киурум* — «бог», эламское *кури* — «бог», касситское *кариа* — «бог»); *тангрихан* (тюркск. *тангри* — бог), *каган* — государь, *шад* — князь, *хаган* — «царь», *тегин* — «принц», *чопчи* — «знахарка», *авчи* — «охотник», титул — тархан и многие другие [252]. Но в этом источнике, дошедшем до нас на древнеармянском языке, есть тюркские слова. Эти слова приведены в связи с описанием событий в Албании: *агелун, туркан, тапак* и др. Если «История албан» написана на древнеармянском языке и в ней есть тюркские слова, то из этого можно сделать двоякий вывод: или эти тюркские слова были в грабаре, или же история написана человеком, которому были известны эти слова, вернее, он говорил на том языке, к которому относятся такие слова, как *туркан, табак, айагйалын, чопчи* и др. Если Моисей Каланкатуйский сам происходил из албан, то, следовательно, слова эти взяты им из албанского языка. Писал Моисей на армянском языке потому, что он был албаном-христианином. Вряд ли можно предположить, что эти слова вошли в лексикон под влиянием проникших в V— VII вв. Албанию и Армению тюркских племен. Скорее всего они представляют собой лексические элементы албанского языка. Так, Ю. Б. Юсифов нашел в этом труде слово *агелун* (кн. I, гл. 21), не имеющее аналога в армянском, значение которого он отождествлял с тюркским (следовательно, албанским) *айагйалын* «босоногий» [518, 72, 73]. Видимо, автору «Истории албан», писавшему на армянском языке, было знакомо слово «айагйалын». Ш. В. Смбатян вместо этого слова в текст (в скобках) добавил «рядом с балдахином» (История албан, пер. Ш. В. Смбатяна, кн. I, гл. 21). Это слово, по имению Ю. Б. Юсифова, связано со временем правления албанского царя Вачагана III (487—510), когда тот посетил могилу святого Григориса в Амарасе. «Он сам (т. е., Вачаган III) в царской одежде вместе [с ними] агелун прошел реку и, придя в назначенное место, с епископами и всем людом, преклонив колени, долго совершал молитвы» (Моисей Каланкатуйский, кн. I, гл. 21. Отсюда ясно, что царь, придя посетить священное место, в знак уважения перешел реку вброд, босиком, хотя если верить источникам, для этой цели был построен мост. Этот обычай, между прочим, до недавнего времени в Азербайджане соблюдали при посещении святых мест — пиров. И в современном азербайджанском языке есть выражение *айагйалын* — «босоногий». В той же главе Моисей Каланкатуйский еще раз отмечает, что «царь сходил с лошади и агелун служил святым». Если и здесь переводить это слово как «пешком» (так переводил К. Патканов), то получается бессмыслица, если же переводить его как «босоногий» т. е. «царь сходил с лошади и босоногий служил святым», то смысл достаточно ясен.

В «Истории албан» сохранилось еще одно древнетюркское слово *тапак* («хлеб, испеченный на тапаке»). Слово *табак* (азербайджанское *табаг*) бытует в различных тюркских языках; оно означает «чаша» (большая деревянная или металлическая) — в татарском [55, 505]; «тарелка», «блюдо», «миска» — в турецком [57,814].

В источнике употреблено и слово туркан (кн. 11, гл. 22), которое армянские исследователи справедливо считают тюркским словом со значением «гонец».

В. Гукасян был прав в том, что тюркские слова в армянских и грузинских источниках, в том числе в «Истории албан» Моисея Каланкатуйского, следует объяснить влиянием албанского языка, хотя он прямо и не употреблял этого выражения. «Если тюрки вторгались в Азербайджан даже в V—VII вв., то вряд ли их племенной язык мог оказать какое-либо влияние на албанский. Этот период специалистами считается эпохой развития албанской письменности, когда албанцы во всех областях политической и культурной жизни Кавказа принимали деятельное участие наравне с грузинами и армянами» [509, 3]. «В таких условиях тюркский

племенной язык скорее всего оказался бы под сильным влиянием местного языка и в конечном счете ассимилировался бы» [250, 121]. Поэтому он пришел к выводу: «Из всего
изложенного явствует, что для образования и формирования азербайджанского языка до прихода огузов и кыпчаков была надежная почва, сложившаяся на протяжении веков» (там же). Этой почвой, как мы показали выше, был тюркский албанский язык.

Древнетюркские слова есть и в татском языке: татск. *агу* (*avu*) — «яд», «отрава»; у Махмуда Кашгари — *агу* (*agu*) «яд», «отрава»; татск. *айа* (*aja*) — обращение мужа к жене при посторонних людях) тюркск. *әга* (*ага*) — детское название матери,. «мама», — древнетюркск. *аджа* (*аза*) «старшая сестра» (МК, Г, 86); ср. хакасск. *еза* «мать»; татск. *бахиджи* (baxici) «колдун»— тюркск. *бакси*, (*baksi*) «шаман»; татск. *бэг* (*аг*) «лягушка — тюркск.*бага* (*baga*) «лягушка» (54, IV, II, 1448); татск. *бо* (*bö*) «большой черный паук»—тюркск. *бюг* (*böv*) «паук»; возможно от сюда и татск. бвчи (*bözi*) «страшный», от бе и тюркского аффикса «*джа*» (*ca*); татск. эмрэг (*amrag*) «дружный»— древнетюркск. *амраг* (*amrag*) «любимый», «возлюбленный» «друг» (51, 42); татск. *билерзик* (*bilerzik*) «браслет» (золотой или серебряный) — тюркск. *билазук* (*bilazük*) — «браслет» (МК, II, 82); татск. верки (*vergi*) «божественный дар» (обычно этот дар дается во сне) — древнетюркск. *вергу* (*vergü*)— «мр» (51, 95); татск. *гизиз* (*qiziz*) «скупой», «жадный» — древнетюркск. *гиз* (*qiz*) — то же; татск. *гэдэш* (*gadas*) «близкий», «родной» (отец или брат) — тюркск. *гадаш* (*qadas*) «родной», «родственник», «родня», «брат», «товарищ» (51, 401); татск. *гатангаз* (*gatangaz*) «жесткий» — тюркск. *гатанги* (*qatanqi*) «суховатый» (50, II, 89); татск. *гизлуг* (*qizlug*) «дефицит», «нехватка чего-либо» (особенно, хлебных злаков в результате засухи) — тюркск. *гизлуг* (*gizluk*) «засуха»; татск. *гэд* (*gad*) «раз»— тюркск. *kama* (*kata*) «раз»; татск. *гарт* (*qart*) «старый», «дряхлый» (о человеке) — тюркск. *гарт* (*qart*) «старик» (51, 429); татск. *гейгу* (*gejgu*) «печаль», «горе», «скорбь» — тюркск. *гадгу* (*gadgu*), а также (*gazvu*) — «печаль»,«скорбь» (51, 404); татск. *гирэс* (о масти лошади) — от тюркск. *гир*, (qir) «караковый», «белая с черными пятнами» (о масти лошади), [51, 445] и татск. *эс*. «лошадь»; (ср. имя лошади Кероглу — «Гырат», от *гир* и *ат* «лошадь») ; татск. *гисги* (*qisqi*) «стеснение» — древнетюркск. гисиг (*qisiq*) «стеснение» (51, 457); татск. *гинтир* (*qintir*) «уродливый» — тюркск. *ганчир* (*qancir*) «уродливый» (50, II, 106); татск. *гир* (в основе слова *гиребурк* «густобровый), от тюркск. *каура* (*kaur*) «густой» (о бровях) (54, II, I, 21) и татск. *бурк* «бровь»; (ср. с азерб. гарагаш «густобровый» — от тюркск. *каура*, а не от *гара* «черный», как обычно считают, «густой» и *каш* (*qas*) «бровь»; татск. *гэтэг* (*qətəv*) «кусок дерева» — тюркск. *галтаг* (*qaltav*) «короткая палка» (54, II, 2, 112); татск. *говуз* «мелкая шелуха при очистке риса» — тюркск. *кауз* (*kauz*) «шелуха от проса» (50, II, 29); татск. *гунум* (*qunum*) «родственница» — древнетюркск. *гонум* (*qonum*) «близкий», сородич, соплеменник (51, 445); татск. *дириг* (*diriv*) «худой» (есть также производное: диргил в том же значении) — тюркск. *турук* (*turuk*) «худой»; татск. *гуден* (*qudan*) «живот», «толстая кишка» — др. тюркск. *кудан* (*küdan*) «толстая кишка» (51, 324); татск. *гургут* (*qurqut*) «крупа» (обычно пшеничная)— тюркск. *гургут* (*qurqut*) «хлебная похлебка, кашка» (50, 1, 776); татск. *гундаг* (*qundag*) «пеленка» — тюркск. *кундак* (*kundak*) «овечья шерсть, в которую кладут новорожденных на несколько дней» (50, II, 95); татск. *гузур* (*qüzür*) «борец» — тюркск. *кезер* (*kezer*) «богатырь» (50, II, 176); (ср. имя богатыря Кизироглу в эпосе «Кероглу»); татск. *дирриk, дирлик* (*dirrik, dirlik*) «огород, который обеспечивает семью»; «все необходимое для Житья»; «богатое внутреннее убранство дома» — тюркск. *тирилик* (*tirilik*) «жизнь» (51, 562); татск. дәзкәчи (*dazgaci*) «охотник» *дэзкэ* (*dazga*) «охота» — древнетюркск. *тузагчи* (*tuzaqci*) «охотник» (52, 594); татск. *дурлу* (*dürlü*) «разное» (о пище) — до тюркск. *дурлук* (*dürlü*) «разное» (51, 599); татск. *душ* (в словах *сагдуш, солдуш* — названия двух друзей, сопровождающих жениха в течение свадебных дней, находящихся постоянно возле жениха- неотлучный друг жениха в дни свадьбы) — тюркск. *туш* (*tus*) «при», «возле» (ср. азерб. *май—туш*); татск. *зырлэк* (*zirlak*) «слабоумный» — тюркск. *зырлак* (*zirlak*) «крикун», «кричащий» (54, IV, 1, 905); татск. *зәлә* (zala) «желчь» - тюркск *зала* (*zala*) «желчь»; татск. *зингилти* (*zinvilti*) «дрожание» (о собаке) — тюркск. *зингирти* (*zingirti*) «дрожание» (54, IV ,1, 906;татск. *зырп* (*zirp*) «вдруг» — тюркск. *зырп* (*zirp*) «неожиданно» [54, IV, 1, 906]; татск. *әрәмик* (*aramik*) «бесплодный» (о домашнем скоте) — тюркск. *эрэм* (*aram*) «яловый», «бесплодный» (54 ?., 1, 583); татск. *эчур* (*acur*) — «голодать» (во время язва желудка) — тюркск. *аджур* (*acur*) «оставлять голодным»,«сделать голодным» (диалект.); татск. *кей*? (kej?) «когда?» тюркск. *каи* (*kai*) — вопросительное местоимение, с указанием куда когда, в какое время; татск. *кэнду* (*kandü*) «большая глиняная цилиндрообразная или четырехгранная посуда для хранения зерна или муки» - др. тюркск. *кендик* (*kandik*), «большой глиняный кувшин» (51, 646); татск. *кунгур* (*küngür*) больва»- — тюркск. *кингир* (*kingir*) «неподвижный» (54 11, 1, 857); татск .*курук* (*kürük*) «лопата» (обычно — деревянная) — тюркск. *курук* «лопата», «весла» (54, II, 2, 1457), татск. *кушэк* (*kusek*) «ремень из кожи» - тюркск. *кушак* (*gusak*) - «пояс» (ср. турецк. *кушак, туркмен, гушак*) — азерб. *гуршак* (от *гушак*)- татск. *кубэ* (*küba*) «крайняя часть кофты, или сорочки» —тюркск. *кобо* (*kovo*) «край, окраина»; татск. *икинди курук* (*kuruk*) «лопата», «весла» (54, II, 2, 1457); татск. *кушэк* (*ikndi*) «время после обеда» (54, 1, 1. 679); у Махмуда Кашгари-икинди «второй» (время вечернего намаза) МК, II, 89) азерб. икинъи «второй»); татск. кцр (*kur*) «смелый» др. *кур* (*kür*) «смелый», «отважный»; татск. *ла*(*la*) - удивление, тюркск. *ла* (*la*) «жаль», «горе» (54, III, 1, 725) татск. *лало* (*lalo*) «слабоумный», «наивный» - *lolu* «распутная женщина» lolu- «цыганка» (59.691).татск.*мәкәъін* (*makacin*) (дикий», «как свинья» - ;тюркс.*мегажин* (*megacin*) «дикая свинья» (самка) (54, IV, II, 2076), татск. *оина, овна* (*övna*) «полдень», «время обеда» - тюркск. *оила* (*öjla*) «полдень» (51, 647); татск. *ува (ува*) - в составе слове.*ардува* (от *ард*. «мука» и ува) - др. тюркск. ова (*ova*) «название кушанья» (51, 619); татск *цпкәр* (*ünkar*) - пещера» (в ороним*е*) *Кәләнгәр* от *ку* «гора», *кэлэ* «большая» и *ункар* — др; тюркск. *унгур* (*unvur*) пещера», «гора» (51, 626); татск. *обур-сабур* или *убур-субур* (*ubur-sabur*) «бесконечно», «затягивание» -тюркск. *обур-собур* (*abur-sovur*) — «беспрестанно»,

«постоянно» (54, 1, 2, 1162); татск. *сайки, сайги* (от *сайа* и *га* «место»), «тень» — тюркск. *сайа* (*saja*) «тень», прохладное место, где нет солнца» [54, IV, 288]; татск. *тапхур* (*tapxur*) часть конского снаряжения—тюркск. *тапкур* (*tapkur*) «пояс» [54, III, 1, 153]; татск. *саил* (*sail*) «течение», «наводнение» (54, IV, 1, 476); татск. *сугра* (*suvra*) «глиняные блюда» для еды) — др. тюркск. *соврак* (*sovrak*) «чашка» (МК, 1, 10); (в «Кысса-Юсиф» — sag «посуда», у Физули — sagar «посуда для вина», в эпосе «Книга моего деда Коркуда» — саграк); татск. *юд* (*öd*) «желчь», «горький» — древнетюркск. *ут* (*ut*) «яд»; татск. *юрцк, црцк* (*örük*) «связать животного веревкой» — др. тюркск. *урук* (*uruk*) «длинный ремень с петлею, с которым ловят лошадей [54, I, 2, 1659]; татск. *турук* «безграмотный» (ср. азерб. пословица: «*тцрк демишкән*», в смысле «как выражается безграмотный человек») — тюркск. *турук* (*turuk*) «безграмотный» (59, 333); татск. *тутмадж* (*tutmoz*) «блюда из лапши»—тюркск. *тутмач* (*tufmac*) «название мучного блюда», «вид лапши» (51, 592); «лапша» (54, II, 2, 1493); татск. *угур* (*ügür*) «стадо», — тюркск. *огур* (*ogur*) «ста-до», «табун», «толпа» (54, 1, 2, 1198); татск. *танг* (в составе слово «*танг—ланг*») (*tang*) — «развалины» — др. тюркск. танг (*tang*) «развалины древних сооружений (60, 532); татск. *тутам* (*tutam*) «горсть» — древнетюркск. *тутум* (*tutum*) «горсть»; татск. *тувенк* (*tuvenk*) — в сложноом слове *lylatuvahgi*, от татск. *lüla* (ствол» «ветка» и *тувенк* тюркск. *тувак* (*tuvak*) — «труба для выстрела» — в азерб. языке *туфенг* «винтовка»; *чәнәх* (*canah*) «деревянная посуда» — тюркск. *чанак* (*canak*) «деревянная посуда» (МК, I, 38), восходит к китайскому *canak* «бокал», «стакан» татск. *чәнәх* (*canak*) «сливки» — тюркск *чанак* (*canak*) «сливки» (51, 297); татск. *чиган* (*cigan*) «бездельник», «хулиган» — древнетюркск. *чиган* (civan) «бедняк», «неимущий» (51, 148); татск. *чагра* (*caqra*) «бить в ладоши», «поднять шум» — др. тюркск. *чах* (*сах*) «шум, суматоха»; татск. ъіс (cis!) — (так говорят, когда пугают ребенка, отгоняя от огня) древнетюркск. *чиз* (*ciz*) «жарить на масле» (54, III, 2997)татск. *чичиринг* (*ciciring*) — звон металлического предмета — древнетюркск. *чичиринг* (*ciciring*) «звон» (51); татск. *чов* (*cov*)— «разглашать секрет» — древнетюркск. *чав* (*cav*) «сделаться известным» (54, III, 1934); татск. *чат* (*cat*) — соединить два конца (веревки) — тюркск. То же (54, III, 1892); татск. *ширэ* (*sirə*) «жидкая глина» — тюркск. *сира* (*sira*), «жидкая глина»; татск. *шэрги* (*sərgi*) «песня» — турецк. *турки* (*türki*) «народная песня» (?); татск. *hурт* (*hurt*) «пламя», «язык пламени», «пламенеющий огонь» — древнетюркск. *урт* (*urt*) «огонь» и др.

В татском языке есть также слова, не употребляемые в тюркских языках огузской группы: татск. *кәрәнти* (*kərənti*) «лезвие, (*gilinda*) «ожерелье» — тюркск. *кулида* (*kulida*) «ожерелье» (МК); татск. *джир* (*zir*) «время», тюркск. *чер* (*cer*) «время» и др.

Следует отметить, что древнетюркское слово *ава* «еда», «пища» (МК, I, 89) сохранилось в основном в татском языке в названиях еды *дугава* (азерб. **довга**), *широва* (от татск. *шир* «молоко» и *ова*), *килава* (от татск. *kül* «пепел»), *михлова, вурова* и азербайджанско-татских — *пахлава, бомава* (в диалектах — *бомба*), *hалва, горова* (в диалектах — *гуребе)*, *шурава* (азерб. шорба) и др., отсутствующих в азербайджанском языке и его диалектах.

Древнетюркские слова в татском языке могли быть заимствованы в результате непосредственных контактов.

Большое количество древнетюркских слов, отсутствующих в азербайджанском языке, есть в кавказоязычном удинском языке. Этот вопрос всесторонне исследован в ряде работ покойного В. Л. Гукасяна [см. 58]. В этом словаре приведены многочисленные удинские слова — *аит* «слово», «речь», *айак* «стакан», «бокал», *аркан* «холостой», *балига* «маленькое обручение», гчьичи «поздно», *дамбалак* «кувырок», *кабар* «подъем», «насыпь», *хам* «помятые фрукты», *саз* «невспаханное поле», *симсар* «род, фамилия», *таньга* «деньги», *папуч* «детские мягкие ботинки», *чанка* «чин ниже бека» и др. — все древнетюркского происхождения. По нашим приблизительным подсчетам, проведенным по угщнско-азербайджанско-русскому словарю, в удинском языке, кроме лексических элементов, большое место занимают тюркские словообразовательные суффиксы. Так, например, в 314 словах **луг**, в 30 — **лу**, в 27 — **чи**, в 16 — **суз** и др.

Древнетюркские слова есть и в языках лезгинской группы. Приведем несколько примеров: лезг. *пахир* (*paxir*) (ср. аварск. *пах*, табасаранок, *бахьир*) «медь» — тюркск. пахир (*pahir*) «медь»; лезг *кул* (*kul*) «рука» (ср. арчинск. *қул*, цахурск, *кыл*,хиналугск. *кул*, крызск. *кел*, удинск. *кул* «рука») — тюркск. *Кул* (*kul*) «рука»; лезг. *кой* (*koj*]) «баран» (ср. аварск. куй, лакск. *қу*, даргинск. *кьи* «баран») — тюркск. *кой* (*koj*]) «баран»; лезгинск. *сам* (*sam*) (ср. табасаранок, *шум*, агульск. *сум*, цахурск. *саи*, крызск. *сым*, будугск. *сум*) «солома» — тюркск. *саман* (*saman*) «солома» и др., (см. 499).

Все это свидетельствует о контактах албанов с указанными народами в древности.

Теперь рассмотрим вопрос о тюркских словах в художественной литературе X—XIII вв.

Некоторые азербайджанские (тюркские) слова есть и в написанных на персидском языке творениях Низами Гянджеви (XII в.) *даг* «клеймо», *айаг* «пиала», «бокал», *кенд* «село», *су* «вода», *тутмач* — вид кушанья, *етмек* «хлеб», *гаратуган* «колючка», *чирк* «грязь», *итгин* «пропавший», *танру* «бог», *туг* «флаг», *хатун* «госпожа», «количия» т. е. *кулча* — вид хлеба, *чалиш* «бой», *алачуг* «шатер», *яйлаг* «летовка», *тапанча* «оружие», *ягма* «грабеж», *мунчуг* «бусы», *санчаг* «знамя», *гелин* «невеста», hанджер «как» и др. [79].

Как отмечал Г. Араслы, азербайджанские слова у Низами близки к словам в эпосе «Китаби Деде Коркуд» [79, 3].

У Хагани Ширвани (XII в.): *ахур* «конюшня», *гызыл* «красный» и «золотой», *туг* «знамя», *ушаг* «ребенок», *тутуг* «занавес», *этмек* «хлеб», *су* «вода», *иткин* «потерянный», *агча* «белизна», *танри* «бог», *сенсен* «это ты», *йалавандж* «пророк» *хатун* «госпожа» *чуха* «шинель» *гундуз* «бобр» и др. У Фелеки Ширвани: *тай* «пара, ровня», *даг* «тамга», *баслиг* «головной убор», *бейдек* «знамя», *тугра* «монограмма» и др. У

Муджираддина Байлакани: *хатун* «госпожа», *тутуг* «занавес», *сурмэ* «сурьма», *гар* «снег», *яман* «плохой», *ушаг* «ребенок», *бейряг* «знамя», *чадыр* «шатер» и др. [96, 147—148; 254, 119—130].

Все эти поэты писали на персидском языке, в котором в то время не было и не могло быть тюркских слов, их добавляли сами поэты. Возникает вопрос: почему? Ответ может быть только один: они в совершенстве владели каким-то тюркским языком, функционировавшим на территории Азербайджана в X—XII вв. Этот язык, названный арабскими авторами «аранским», был азербайджанским языком. Сказанное убедительным образом подтверждается еще одним фактом: Шах Ахситан I поручил Низами написать «Лейли и Меджнун» не на тюркском (подчеркнуто нами. — Г. Г.), а на персидском языке:

Торке сефете вефа-йе ма нисть.
Тюркае сефет сева-йе ма нисть.

Если бы Низами не знал тюркского языка, Ахситан, естественно, не писал бы так в своем письме. Из этого двустишья становится ясным, что азербайджанский язык тогда назывался «торки», т. е. тюркским. Как известно, письменно-литературный язык ряда тюркских народов (узбекский, казахский, туркменский, киргизский, татарский и др.) в средние века также назывался «тюрки». В. Асланов прав, когда по поводу письма Ахситана I Низами писал: «Это свидетельствует о том, что азербайджанский язык существовал на территории Азербайджана гораздо раньше появления на нем письменной литературы [254].

Следовательно, если Низами Гянджеви писал на персидском языке, это вовсе не означает, что он не был по национальности азербайджанцем и не знал азербайджанского языка. Следует отметить, что «почти все литературные памятники, относящиеся к периоду правления сельджукидов, написаны на персидском языке» [303]. В XIII веке существовал диван из 816 бейтов на азербайджанском языке — «Дастани Ахмед Херами». «Ученые Турции долгое время считали этот памятник турецким. После того, как было установлено его азербайджанское происхождение, к исследованию его они (турецкие исследователи. — Г. Г.) не возвращались» [303, 83]. О принадлежности указанного дастана к письменным памятникам именно азербайджанского языка можно судить по целому ряду признаков и, прежде всего, его лексико-фонетическим, а также грамматическим особенностям [303, 84]. Таким образом, в XIII веке существовал азербайджанский письменный язык.

Следует отметить, что словарь персидского языка «Эт тэфафи лугети эл фуре» Гатрана Тебризи (1012—1088), по мнению иранского ученого Мухаммедали Тарбийата, написан в целях изучения персидского языка азербайджанцами. Это говорит о том, что уже к XI веку существовал сформировавшийся азербайджанский язык. Это подтверждается и при ознакомлении с двуязычным персидско-азербайджанским словарем Хиндушаха Нахичевани (XIII—XIV вв.) «Сипах эл эчэм», также составленным для изучения персидского языка азербайджанцами. Перв-ая часть этого словаря состоит из 4000 персидских и соответствующих им азербайджанских слов. В словаре ибн Муканны (XIII — начало XIV в.) «Китаб hилjәт ул инсан вә hejbәty1 лисан» одну часть занимает арабско-тюрский словарь, который, по мнению П. М. Мелиоранского, написан на древнеазербайджанском языке [269].

Известно, что первое стихотворение на литературном азербайджанском языке было написано азербайджанским поэтом Изаддином Гасан оглу (XIII — начало XIV в.), родившемся в городе Асфарани в Хорасане. Это само по себе можно было бы считать недостаточным аргументом в пользу мнения о существовании литературного языка в XIII веке, но недавно было выявлено, что примерно в то же время на азербайджанском
языке писал поэт Насир, уроженец Баку. Научному миру теперь известно его стихотворение, написанное на чистом азербайджанском языке, посвященное Султану Мухаммеду Улджайту Худабенде (1304—1416) [309]. Эти факты не оставляют сомнения в том, что азербайджанский литературный язык существовал в XII веке, причем сформировался он уже в X веке. В подтверждение этого тезиса можно привести следующие аргументы:

1. Впервые азербайджанские слова нашли свое отражение в творчестве поэта X века Гатрана Тебризи (см. выше).

2. Три арабских автора X века сообщают об аранском языке. В переводе Караулова у Ал-Истахри читаем: «в стране Барда язык аранский». Ибн Хаукал указывал: «а жители Барда гово- рят по-аррански; у ал-Мугаддаси читаем: «а в Арране говорят по-аррански».

Как видно, здесь имеется в виду не только город и округ Барда, но Арран в целом. Можно ли допустить, что в X веке перед сельджукским завоеванием говорили на каком-то нахско-дагестанском языке, т. е. общенародным языком был язык кавказского типа, а к XIII веку уже образовался тюркский общенародный азербайджанский язык?

Так, Ю. Б. Юсифов писал, что арранский можно принять за сложившийся древнеазербайджанский язык, носители которого владели также иранскими диалектами (см. 523). Этот язык азербайджанским считает и С. Б. Ашурбейли [см. 163].

3. Структура современного азербайджанского языка в целостном виде, по мнению Т. И. Гаджиева, прослеживается уже в XIII веке — в образцах азербайджанской письменности. «Между структурными фактами памятников письменности той эпохи (т. е.XIII в. — Г. Г.) и фактами определенных ярусов современного азербайджанского языка наблюдается соответствие ибо «в современном азербайджанском языке нет ни одного словоизменительного аффикса, который не встречался бы в материалах XIII—XVI веков (указанный период мы рассматриваем в качестве определенного этапа истории азербайджанского литературного языка, потому он в

целом берется как предмет сравнения)» [205, 42] Это говорит о том, что до указанного века уже существовал общенародный разговорный язык. О том же свидетельствует и существующая структура азербайджанского языка, ибо состояние определенного языка содержит в себе сведения об истории того же языка, отражая характерные черты древнего состояния его.

В связи с этой проблемой остается выяснить, на базе каких диалектов и когда образовался этот общеразговорный язык. Диалектные базы современного азербайджанского языка полностью не определены, и это в определенной мере связано со слабым изучением азербайджанского языка дописьменного периода, в частности, этому мешала до сих пор существующая неверная концепция об языковой принадлежности албанских племен — албан, саков гаргар и др. По мнению Т. И. Гаджиева, «азербайджанский литературный язык, известный с XIII века, в фонетико-орфографическом отношении напоминает как ширванский, так и тебризский диалект» [205, 44], В складывании азербайджанского языка определенную роль следует отвести Ардебилю, Тебризу, Баку, Гяндже, Барде как культурно-политическим центрам, в связи с возвышением этих городов в рассматриваемый период.

«Формирование современного общенародного разговорного языка — это итог слияния диалектов» [186, 44]. Поэтому нельзя согласиться со следующим мнением З. М. Буниятова: «В Южном Азербайджане тюркизация началась гораздо позже — уже в правление ильханов, когда тюркизации стали подвергаться и сами монголы. Южный Азербайджан подвергся тюркизации в правление джелаиридов и окончательно — только в правление султанов Каракоюнлу и Аккоюнлу» [187, 127]. Если согласиться с автором, то непонятно, как мог функционировать литературный язык раньше, чем сформировался сам народ?

III. **Албанские личные имена — антропонимы**. Личные имена рядовых албан дохристианского времени в источниках почти не засвидетельствованы — сохранились лишь имена царей и некоторых религиозных деятелей. Упоминаемые в связи с тем или иным событием личные имена IV—X вв., в основном, связаны с христианской религией. Выявление языковой и этнической принадлежности единичных тюркских антропонимов затруднено, ибо до нас дошли в иноязычной (античной и, в основном, древнеармянской) фонетической передаче и потому порой в искаженной форме.

В I веке до н. э. в Албании правил царь, имя которого в античных источниках имеет следующие формы: Гарод (Луции Анней Флорг), Ород (Европий и Фест), Ороз, Ориз (Аппиан), Оройс (Плутарх), Орис (Дион Кассий). Эти формы, по всей вероятности, являются искажениями от Ороз и Оруз. Правильным следует считать сообщение Кассия (Римская история, XXXVI, 54): «Орис—царь албанцев, живших выше Кирна (т. е. Куры. — Г. Г.)». А. Бакиханов это имя писал как Ориз [166, 44].Антропоним Оруз по языковой принадлежности является тюркским. В пользу такого мнения можно провести следующую параллель: в Средней Азии Уруз-бек отмечен в XIII в. [51, 616] Уоуз-бек в «Китаби Деде Коркут» — сын Салор Казана [301] (ср также Уруз-коджа, Алп Арыз-бек (огузский богатырь) среди огузов [301, 239, 241]; племя урусова среди кыпчаков южнорусских степей [440]. Антропоним Урусхан отмечен и в средневековых источниках Средней Азии: Урус — представитель племени Канглы в Средней Азии в XIV в.; Урусхан — родоначальник киргизов в Золотой Орде во времена Тохтамыш-хана [167, 1, 215], Урус в XIV в. из потомков Джучи-хана [там же]. «Киргизы владетелей своих называли инал. При Чингисхане иналом был Урус» [там же, 352]. Урусхан считался предком киргизских султанов [190, I, 123]. Личное имя Уроз в прошлом было широко распространено среди узбеков [73, 799]. Наконец, отметим, что азербайджанское село Орузман есть в Грузии, название его образовалось от личного имени Оруз. Племя урус, орус отмечено у узбеков и каракалпаков [302]. Тюркское племя урус упоминается в источнике XIII века [492].

Таким образом, имя албанского царя невозможно отделить от личных имен тюркского мира. Это имя может восходить к тюркскому *урас, ураз* «счастье», «счастливое предзнаменование» [54, 1, 2, 1665]. (Ср. башкирок, ырыс «благополучие», алтайск. орыс «счастье).

В античных источниках ч связи с событиями I века упоминается также личное имя Косид или Косис (Козис) — брата албанского царя Оройса. Этот антропоним, возможно, восходит к тюркскому *козик* — «полярный»; например, *козик юлдузу* «полярная звезда».

Моисей Хоренский и Моисей Каланкатуйский упоминают имя албанского царя I в. н. э. Арана, которое можно связать с именем князя гуннов — хайландуров Северного Кавказа Еран. Ср. личное имя Алп Эрен в эпосе «Книга моего деде Коркуда», Еран в других тюркских памятниках [51, 176]. (Уличное имя Аран, у каракалпаков в XVII веке — 18, 317). Возможно, эти личные имена восходят к древнетюркскому еран, ерэн «воин», «муж», «герой» [51, 176; 62, I, 290—291]. Надо отметить, что автор XIII века имя этого албанского царя пишет как Еран (43). Слово аран (*ярян*) есть и в азербайджанском языке в значении «мудрый предок», «герой». Моисей Каланкатуйский не приводит в списках всех албанских царей, указывая, что «из-за сожжения книг и заветов (выделено нами. — Г. Г.) трудно писать историю от царя Арана до Вачагана Храброго». Он приводит следующие имена: Вачаган Храбрый, Вече, Урнаир, Мехраван, Сато, Асай, Есваген, Вече и Вачаган Благочестивый (кн. I, гл. 15).

Один из Албанских царей I века до н. э. носил имя Зобер (Дион Кассий, XI I, 24), которое можно сопоставить с именем вождя тюркской племенной общности кутургуров в юго-восточной Европе в середине VI века — Заберхан [I, 148, 109] и именем хана печенегов Севар [162, 235].

Таким образом, личные имена Оройс, Козис, Аран и Зобер смогут быть объяснены на почве тюркских языков. К. В. Тревер писала, что эти имена — не иранские [482, 145], и это лишний раз свидетельствует о том, что племя албан было тюркоязычным и главенствующим в албанском племенном объединении.

Имя одного албанского царя в древнеармянской передаче отмечено как Есуаген (V в.), от древнетюрского ее «ум», «разум», бег «князь», «глава племени», и аффикса н, с общим значением «умный князь».

В Алуенском соборе, созванном албанским царем Вачаганом III в 487 году, участвовали светские и духовные лица Шупхалишо, Манасэ, Иунан, Мате, Миде, Муцик, Марут, Тиразд, Бакур, Аратан, Хурс, Германосан, Хосген («История албан», кн. I, гл. 26). Кроме того, об этом источнике упомянуты также албанские личные имена Абас, Абиказ, Андок, Аспракос, Джеваншир, Казан, Гор, Виро, Сато, Санесан, Бабик, Давтак, Пирок, Ухтанес, Бенямин (библейско-европейское имя), Гелинэ (родом албанка, жена армянского полководца из тюркского племени *чен//джин* Григора Мамиконяна — «госпожа Великой Армении» — см. «История албан, кн. II, гл. 38), Шушаник — имя жены албанского царя Вачагана Благочестивого (от персидск. *сусен* — вид птицы и армянского суффикса -*ик*), Шеро, Махмат, Пандалион (сын царя Вачагана) и др.

Владетелем Гардмана был Хурс. Интересно, что в Хачбулаге (Дашкесанский р-н) находится хач «культовое место» («хач» означает всякое святилище — 428, 9), где, по легенде, захоронен владетель Гардмана — Хурс. В прошлом это место считали святым и армяне, и азербайджанцы. Отсюда можно прийти к выводу, что азербайджанцы, которые до недавнего времени почитали этот хач, до принятия ими исламской религии были христианами, а, следовательно, албанами, точнее — носителями этнонима албан. В связи с событиями 450—451 годов упоминается также владетель албанской области Лпина — Хурс. Это имя также тюркское. У хазар был военачальник по имени Зирткик (т. е. Зиртегин) Хурсан, который предпринял поход в Албанию. Личное имя Хурс восходит к этнониму хурс (см. выше).

В «Истории албан» (кн. 1, гл. 19) упомянуто имя албанского князя Хочкорик, — от Хочкор и армянского суффикса «ик». Это имя по нашему мнению, состоит из тюркск. *коч* (*гоч*) «баран»- (перен. «богатырь», «отважный») и кур «герой».

Личное имя Асей (V в.), от Асай — тюркское, от тюркского— *ас* «ласка» — 62, I, 191 и суффикса *ай*, со значением «ласковый»,ср. личное имя Асай, Асау у каракалпаков в XVIII веке — 18, 157, 204, Асай, Осай среди татар Поволжья — 356, 63, азербайджанское личное имя Азай, к которому восходят армянск. Есаян, русск. Асеев. Позже это имя носил правитель Арцаха Есай и албанский историк XVIII века — Есай Асан Джалал.

В «Истории албан» упомянуто личное имя Пюрок, которое можно связать с тюркск. Борик (ср. царь древних булгаров Борис, принявший христианство в 864 г., к которому восходит русское имя Борис — см. 326, комм. 34, с. 164). Ср. личное также имя Аспрокос, (см. ниже, с. 464). Албанское имя Пюрок можно связать также с личным именем Борак у монголов XIII в. (ср. Борак — внук Бату-хана; Борак —имя Чагатайского хана — см. 41,I, кн.I,с. 93).

Личное имя Хоскен может быть сопоставлено с тюркским именем Кочкен, и Кошкен — у каракалпаков (18, 104).

Личное имя Аратан (иерей Гардмана) образовался от тюркск. ар (эр) «мужчина», «герой», «храбрец» (62, 1, 321) и: тан (tan) «подобный» (62, III, 192) (в азерб. языке tən — «пара», «равный») и означает «подобно герою», «равный богатырю». Древнетюркск. танг (tang, с велярным «нг» в конце) в своем развитии в одном случае перешло в тан (tan), а в другом таг (tag), который в форме *таг* (иногда *дак*) и *тай* (г~й) отразился в некоторых скифских личных именах из Северного Причерноморья и Мидии. В современном азербайджанском языке существуют обе формы личного имени, следовательно, форма тан (tan) существовал и в языке албанов.

Личное имя Абиказ (иерей области Бед), по нашему мнению, имеет связь с тюркским обугаз «младший брат отца» (54, 1, 1, 630). Интересно, что в «Книге моего деде Коркута» есть личное имя Кан-Абказ и др.

Личное имя Матэ можно соотнести с личностью гунского вождя III века до н. э. Моде (209—174 гг. до н. э. [412, 42]. Возможно, что этимологически это имя восходит к тюркскому *маты* «прекрасный» [54, II, 2, 204]. Ср. также личное имя Моти — дохристианское имя среди удмуртов (см. С. К. *Бушмакин*. Дохристианские язычные имена удмуртов. Сб. «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем».— М., 1970, с. 265). В «Истории албан» (кн. I, гл. 26) среди участников Алуенского собора названы два личных имени: Матте — иерей Партава и иерей Дарагоча. Однако, трудно установить, связаны ли эти имена с тюркским словом *мати* «честный», «верный» [54, II, 2, 2043] или они являются христианско-библейским именем Матвей.

Личное имя Тома можно связать с тюркским *томай* «молчаливый», «неразговорчивый» [54, III, 2, 1234] или *тума* «щит»[51,240]. По Махмуду Кашгари, в тюркских именах было также слово *тувма* «единоутробный», «потомок».

Личное имя Казан, безусловно, идентично имени Казан в эпосе «Книга моего деда Коркута» и широко распространено у ряда тюркских народов».

Личное имя Бакур, можно связать с древнетюркским бакур «большой» [54, IV, 2, 1443]. Возможно, также, что это имя состоит из древнетюркского бек «князь», «глава племени» и ур «сын», «мальчик» с общим названием «князь-сын». Можно было бы считать это личное имя христианско-библейского происхождения (библейск. *бэкор* «первородный», сравн. арабск. бэкир), но, вероятно, в данном случае мы имеем дело с личным именем тюркского происхождения, потому, что по одному источнику частьтюркоязычных ченов (джинов, см.

выше, с. 242—243) в первых веках н. э. пришли с севера на территорию Грузии под предводительством Чен-Бакура (тюркск. чин «волк» — 54, III, 2, 2121), а это имя не могло быть христианским по происхождению.

Ср. личное имя Чин-Тимур у др. уйгур, от чин (в начале личных имен «сильный», «крепкий») и Тимур. Личное имя Манас, безусловно, тюркский антропоним. Героем киргизского эпоса «Манас» был Манас, предки которого происходили из племени гаргар. Гаргары обитали в Албании, о чем упоминали выше (Ср. Алп Манаш в алтайской версии огузского героического эпоса). С этим именем можно связать и имя хазарского царя Манассия [435]. Однако трудно различить тюркское собственное имя Манас от библейского еврейского имени Манасе (к которому восходит, например, армянское личное имя Минас, Минасян).

Одним из албанских царей был Урнайр (с наращением «J» в древнеармянском языке). По всей вероятности, это имя происходит от тюркского *урын* «подходящий», «удобный», «находящийся на временном месте», «вовремя» [54, 1, 2, 1055] или же *орна* «занимать место», «занимать престол», «править» [51, 371] и *эр* «мужчина», «герой».

Тюркским является и личное имя Урбатайр (с наращением «j» в армянском языке) от *ор* (*or*) «сын», «мальчик» [51, 1, 606] *бату* «драгоценный камень», [46, 89] и *ар* «мужчина», «герой», «храбрец», с общим значением «сын, как драгоценный камень, герой» (ср. личное имя Батбай, вождя кубанских болгар, старшего сына Кубрата в середине VII века — от бату «драгоценный камень» и бай «богатый», с общим значением «богатый драгоценными камнями»). Можно допустить, также что имя Урбатайр состоит из *ар* и *баттар*, *батур* «герой», «храбрец», «силач» (62, II, 82—85). В «Истории албан» в древнеармянской передаче упомянуто личное имя Аспаракос (кн. I, гл. 26), от Аспарк и суффикса *-ос* (видимо, восходит к древнегреческому ос — показателю именительного падежа единственного числа). Подлинно это имя звучало, видимо как Эсбирок, от тюркск. *ес* «ум», разум» [62, 1, 306] и б*ирок* (*birok*) «только один», с общим значением «только умный, «(разумный»), с которым можно сравнить имя аварского хана на Северном Кавказе — Аспарух.

Одним из албанских епископов VII века был Абас. Имя Абас, Абаз в древности было распространено у древних тюрков. Одно из тюркских племен называлось абаз [171, 226]. Племя абаз позже известно как племенное подразделение Малой Орды [54, 1, IV, 630]. Личное имя Апаз (Абаз) есть и у татар [51, 788].

Личное имя Сато, упоминающееся в «Истории албан», можно связать с тюркским *шат* «принц», а также с собственным именем Сада у уйгуров (азерб. Садай) «возлюбленный», «близкий», «родственник» [318,67].

Личное имя Хамам албанского правителя сер. IX века, является фонетическим от Амам (в армянской передаче hамам, русской — Хамам), что восходит к тюркскому ем или еме «способный», «умелый», [62, 1, 270] и аффиксу м, с общим значением «мой способный»; «мой умелый», на подобие тюркск. атам «мой отец», гагам «мой брат» и др.

Среди личных имен участников албанского христианского собора 770/708 года представителей албанских знатных родов, наряду с христианскими (библейскими) и среднеперсидскими встречаются также личные имена тюркского происхождения. В древнеармянской передаче эти имена зафиксированы так: Баби, Вардиш, Махмат, Курдак, Варок, Тамдик, Рахат, Иун-Сатак, Кангар, Хамгит и др. [183, 224].

В «Истории албан» Моисея Каланкатуйского приводится имя албанского поэта, написавшего элегию на смерть Джеваншира — Давтак (согласно древнеармянским грамматическим нормам). Это имя — явно тюркского происхождения и состоит из тюркского *дай* (азерб. *дайы* «дядя» по матери) [54, III, 1620]; 62, III, 127] и *дек* (азерб. *дэк*, послелог, управляющий основным или родственными падежами, со значением «подобно, наподо-бе) мальчика в прошлом у азербайджанцев убедительным образом подтверждается пословицей «огул дајысына чэкэр» («сын, похожий на дядю»). Этимология личного имени Давдак (от Дайдак), если оно объяснено верно, может служить еще одним доводом в пользу тюркоязычности племени албан (в узком значении). Следует отметить, что антропонимы подобной структуры есть и в других тюркских языках: Айтак «Как Луна»; Байдак «словно богач» [18, 317]. Ештэк (из эпоса «Манас»), от *еш* «друг, товарищ» [62, I, 314]; Источники упоминают среди акациров (V в.) личное имя Куридах. Имя Куридах (от Куридак), возможно, образовалось от древнетюркского *кур* «отважный» и т. д. и дак «подобный», В прошлом веке в Азербайджане было личное имя Курдэк. В «Истории албан» упоминается фамилия Курдакиан. Один сельджукский эмир носил имя Алтунтак (см. 42, 45) — от *алтун* «золото» и так с общим значением «подобно золоту», «словно золото».

Тюркским по происхождению является имя Хаченского князя Хасан Джалала. Имя Хасан (или Гасан) является русской передачей армянского hасан, который в свою очередь, состоит из тюркск. Асан, Есан, Есен (от тюркск. *asan, esan, esen* «здоровый», «умный», «благополучнтэш», (см. 62, 1, 308) с добавлением в начале «h» в армянской передаче, (ср. например, тюрко-монгольские имена Асан-Тугай нойан, 48, 181): Есен-Бука, Есен-Тимур из потомков Чингизхана, см. 41, 18, личное имя Есан см.:51, 183; у каракалпаков в XVIII веке — 18, 317, и др.). В данном случае ясно, что это имя не имеет ничего общего с арабским Həsən, да и такой убежденный христианин, как Гасан Джалал не мог носить арабское имя, тем более, что его родители и потомки также носили тюркские имена (см. выше, с. 228).

Некоторые личные имена в Албании по происхождению являются индо-иранскими и восточно-иранскими. Однако, кто были носители их по этнической принадлежности — неясно. Вполне возможно, что это были тюрки-саки Восточного Туркестана.

Имя албанского царя Вече восходит, вероятно, к древнетюркскому *вачаг* (*vacag*) «пост» [554, 524} — от согдийского пач «поститься» [51, 76], Вече было также именем двух полководцев, названных Фавстом

Бузандом «славными и благородными» (кн. IV, гл. 2), из тюркского рода Мамиконианов в Армении..Этот же компонент есть и в имени албанского царя Вачагана, которое состоит из вачаг «пост» и тюркского суффикса ган с общим значением «тот, кто постится». Имя Вачаган может быть связано также с арийским словом *ваджа* (*vadza*) «награда», «богатство». Поэтому мнение автора «Истории Дагестана» о том, что личные имена Вече и Вачаган этимологизируются с данными дагестанских языков [67, 107] — неверно. Гипотеза. о том, что имена албанских царей Вече и Вачаган восходят к аварскому языку, высказана еще Н. Я. Марром в 1947 г. (Албанская надпись, «Краткие сообщения института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, 1947, вып. XV, с. 10—11).

Иранскими по происхождению являются албанские личные имена Пармиде, Шупхалишо, Пирод, Ухтанес и др.

Личное имя может быть языковым фактом для выяснения этнической принадлежности этноса лишь тогда, когда, во-первых, нет внешнего религиозного влияния, в результате которого личные имена могли бы быть восприняты вместе с религией; во-вторых, этнос не находился в подчинении у соседнего этноса, от которого могло быть воспринято и личное имя; в третьих, это личное имя принадлежит носителю именно данного этноса. Что касается приведенных албанских личных имен, то, можно сказать, они являются местными.

Приведенные топонимы, объясняемые на почве древпетюркских языков, древнетюркские заимствования в древнеармянском и древнегрузинском языках, элементы лексики в произведениях азербайджанских поэтов XI—XII вв., писавших на персидском языке, некоторые албанские личные имена, имеющие параллели в антропонимии других древнетюркских этнических общностей и этимологизируемые средствами тюркских языков,—все это вместе взятое, безусловно, ценные аргументы, свидетельствующие о существовании в Албании тюркского этноса. Часть их относится к албанскому языку. Следует при этом учесть, что зафиксированные в раннем средневековье названия населенных пунктов еще не говорят о том, что последние возникли в те времена, когда они впервые упомянуты в источниках. Некоторые из них могли возникнуть еще до нашей эры.

Эти факты свидетельствуют не только о силе культурного воздействия албанского языка (заимствования в древнеармянском и древнегрузинском языках, а также в современном удинском и татском языках), но и о непрерывности существования этого языка на территории Албании. Эти элементы лексики относятся к албанскому и древнеазербайджанскому т. е. «арранскому» языкам дописьменного периода и могут служить достоверными фактами при исследовании проблем истории азербайджанского языка.

IV. **Древнетюркские слова в современных топонимах**. В тюркской топонимии Азербайджана встречаются географические названия, восходящие к апеллятивам, утратившим всякую информативность в азербайджанском языке. Эти географические термины являются тюркскими архаизмами. Только параллели из древнетюркских и современных тюркских языков дают возможность установить, что эти названия восходят к обычным древним нарицательным словам тюркских языков, не сохранившимся в словарном составе современного азербайджанского языка и его диалектах.

У нас нет возможности дать обстоятельный анализ топонимов, в которых сохранились эти древнетюркские слова. Поэтому приведем в алфавитном порядке эти термины и образовавшиеся от них топонимы:

аг (*ag*) «маленький» (54, 1, 1, 96); Агязи (Хачмасский р-н) от *аг* и *язы* (*jazi*) «равнина» (51, 251);

адер (*ader*) «холм», «местность со значительными буграми». [54, 1, 1, 492—494}, «голая холмистая местность» [59, 1,1, 857], «такая местность, которая не может орошаться» [60, 23]с. Адур (Кубинский р-н);

азуг (*azüg*) «медведь» [368] — с. Азых (Мардакертский р-н). Село получило свое название от находящейся там пещеры «Азыг магарасы» («медвежья пещера»). По Махмуду Кашгари, для кыпчакского языка характерны «з» вместо «и», как и в, других тюркских языках (там же);

аран (*aran*) «низменное место» [54, 1, 1, 251] — гора Арангерукен (Куткашенский р-н), от *аран* и азерб. *герукен* со значением «гора, откуда видна низменность»;

алиш (*alis*) «устье реки» [51, 36] — Алишар (Ильичевский р-н), от алиш и ар — противоположная сторона (54, 1, 1, 243);

алик (*alik*) «высота», «вершина» (54, 1, 1, 372) — село Элик (Кубинский р-н);

арик (*erig*) «место», «место пребывания», «стоянка», «место прибытия» [51, 777) — с. Арикдам (Кедабекский р-н);

арис (*aris*) «отдел племени» (54, 1, 1, 277) — с. Ариш (Физулинский р-н);

арт (*art*) «нагорье», «горный перевал» (51, 55) в оронимах Салварт (Шахбузский р-н); Хамарт (Кубинский р-н, см. 418, 254); Лимерт (Ярдымлинский р-н); Салварты (Шекинский р-н,, см. 418, 216); Мугарты в Дагестане (см. выше, с. 255).

аспак, (*aspak*) «перевал через горы», «горный проход» (54, Г, 1, 554); — Испик. (Кубинский р-н).

атаи (*atai*) — «быстрое течение» (54, 1,1, 452) — река Атачай (Апшеронский р-н);

ашу (*asu*) «красная глина» (г. Ашкалат, Шемахинский р-н), от *ашу* и иранск. келат. «крепость» (?).

баир (*bair*) — «косогор», «холм», «бугор» (54, IV, 2, 1424), «холмистый увал» (50, 1, 240) — Баил (с чередованием р~л)— гора в городе Баку; гора Чал-Баир (Кельбаджарский р-н), от азерб. *чал* — «серый» и *баир*]. В документе 1727 г. в округе Чулундур Нагорного Карабаха (ныне Мегри) упомянуто село Гызыл-Баир

(«Красный баир») [556]. В XIX веке в Шемахинском уезде отмечена гора Чил-Баир; Сабаил (от Санге-Баил — «Баиловские камни») — остатки древнего замка. В литературе начала XIX века назывался также Сабатан, от Суйабатан «потонувший»;

баку (*baqu*) — «гряда холмов» (51, 83) — Баку. По А. Гусейнзаде, топоним Баку восходит к тюркск. *baku* «возвышенность», «холм» (см. 258);

балык (*balig*) — «город», «город окруженный стеной» [51, 80; 54, II, 2, 1495, 1498] — с. Балык (Исмаиллинский р-н); микротопонимы. Балык-йери («местность Балык») — Куткашенский р-н); Хараба-балык «Развалины Балыка» (Кубинский р-н); с. Башлык (Куткашенский р-н);

баран (*baran*) — «шалаш», «павильон» (59, 187) — гора Баранбет (Шаумяновский р-н).— от баран и бет (см. ниже);

баскы (*baski*) — «источник» (54, IV, 2, 1534) — с. Баскал (Исмаиллинский р-н), от баскы и азерб. йал «грива горы»;

бек (*bek*) — «холм» [54, IV, 754] — Кедабек, от древнетюркск. *кет* «стража» (54, II, 1125); *кеда* — «караулить», «сторожить» (там же) и бек «холм». Караульные холмы связаны с предотвращением.внезапного нападения врага;

белге (*belga*) — «знак», «метка», «помеченный» (т. е. имеющий знак) — [51, 513] — гора Белгедаг (Ордубадский р-н) от белге и азерб. *даг* «гора»;

белен (*belen*) — «низменность», «долина», «луг» [54, IV, 2, 1712] — с. Бененяр (Джульфинский р-н), от Беленяр;

берик (*berik*) — «укрепленный» (51, 95) — топоним Баргушат, от тюрского берик, берк и иранск. шат «город».

бет (*bet*) —«склон горы» (ср. тюркск. беткен: 1. «склон горы», «косогор», «возвышенность»; 2. «солнечная сторона горы», «безлесное лицо» (54, IV, 2, 1617) — в оронимах г. Гирдабад (от Гирдабет), от перс. еирд — «круглый» и бет (Кубинский р-н, высота 2359 м); г. Бет-Боздаг, от *бет* и Боздаг — «серая гора» (Евлахский р-н, вые. 419 м); Хошабет (Исмаиллинский р-н) — от Хочабет; от *хач* «христианское святилище» и *бет*; г. Чарченбет (Лачинский р-н, вые. 2237 м) от неясного Чарчен и бет; Касапет — гора в Мардакертском р-не, от тюркского *кас* — «отвесная скала» и бет; Баран-бет (Шаумяновский р-н), от тюркск. *баран* «шалаш» и *бет*;

би (*bi*) «кобыла» (51, 97) — гора Биойуг (Шекинский р-н, выс. 2404 м), от *би* и азерб. *ойуг* «пещера»;

бугур (*bükur*) — «горбатый», «кривой», «склон», «скат горы» [54, IV, 1, 114} с. Быгыр (Геокчайский р-н); крепость Галей-Бутур (Шемахинский р-н), известна с XII в., находилась на горе Бугур-даг;

бук (*bük*) — «лес», «чаща заросли», «угол», «изгиб», «поворот реки», «широкая долина реки», «луг» [51, 131; 54, IV, 2,1394] — с. Бук (Бардинский р-н);

бой (*boj*) — «скопление людей», «племя», «род» [51, 110] — с. Бой-Ахмедли (Агдамский р-н);

бум (*bum*) — «узкое место между горой и рекой», «труднопроходимое место», «крутая высокая отвесная скала в узкой долине», «высокий утес в виде мыса», «ущелье у реки» [54, IV, 1674] —с. Бум (Куткашенский р-н);

бургут (*burgut*) — «беркут», «орел», «коршун», «хищная птица для охоты на з-айцев» [50, I, 276] - Биркутдаг (Шекинскийр-н);

бурка (burka) — «покрывать», «охватить», «затемнять» [54,IV, 1720]— гора Гарабурга (Куткашенский. Исмаиллинскии р-ны).

гапаг (*qapag*) - «холм», «хребет горы» [50, II, 36] — гора Габатдаг.

гапыг(*qapiv*) — «поднятый», «высокий» [51, 420]; Гапычай (Кахский р-н) со значением «река, текущая на высоте»;

гатар (*gatar*) — «ряд», «цепь» (54, II, I, 280) — гора Гатардаш.

гат (qat) - «берег» [57, 547] — с. Голгати (Агдашский р-н), от *гол* «рукав реки» и *гат* Село расположенное на берегу реки

гийтул (qijtul) - «лагерь», «место, куда возвращаются» [50, II, 102] — с. Гуйтул (Дашкесанский р-н);

гиз (*giz*) — «дорогой», «редкий», «драгоценный» [51, 49, 450], киз — «хранилище», «укрытие» (62, II, 391). В многочисленных наименованиях крепостей «Гызгала».

На территории Азербайджана существуют развалины ряда древних крепостей, называемые среди народа «Гыз гала», «Гыз галасы» — букв. «Девичья башня». Например, Гызгаласы в Шекинском районе в 2 км от сел. Чайгарагоюнлу на склоне горы Галадаг «крепостная гора». Охватывает приблизительно площадь в 30—40 кв. м. Построена в конце X — нач. XI вв.; Гыз гала в Кедабекском районе в 2—3-х км от сел. Сюгутлу, у слияния рек
Шамхорчай и Мисчай, на скале высотою около 50 м, построена в V—VI вв.; Гыз галасы в Шекинском районе, на территории сел. Айдынгышлак, на крутой скале, называется также Агджагала («Беловатая крепость») и Мардангала. Построена в XI— XIII вв., была сторожевым постом; Гызгаласы на берегу моря в г. Баку (высота — 18 м, цилиндрической формы). Построена в XII в. Местное название Хунсар со значением «обращенная к солнцу» на иранских языках; Гыз галасы в 10 км от гор. Гянджа, на востоке от сел. Ялгышлаг на горе Галадаг; Гызлар галасы в Куткашенском районе, на территории с. Залам, на горе, построена в XIII—IX вв.; Гызгаласы в Нахичевани, на окраине сел. Ашаги Яйджи, на отвесной скале; Гыз галасы в Зангеланском районе в 6 км от сел. Вежнели, на отвесной скале, выс. 1023 м, развалины охватывают площадь приблизительно 5 кв. м., время

постройки неизвестно и т. д. Традиционно все эти «девичьи башни» связываются с азерб. гыз—«девочка» и гала—«крепость». Однако это лишь народная этимология. Полагают, что названы они так потому, чтобы якобы были «неприступными». Однако абсолютно неприступных крепостей не было и не могло быть. Правда, в этих крепостях во время нападения врага скрывались царские семьи, их приближенные, в том числе женщины, но по строены они были, конечно, не только в целях «защиты девушек». Кроме того, в древних источниках нет сведений о том, что крепости, эти были построены для девушек. Дело в том, что в этих же источниках ни разу не упоминаются крепости с названием «Гыз гала», наоборот, приводятся другие «свои» наименования. Например, достоверно известно, что крепость Гюлистан, известную с XII в., народ называл «Гыз гала». Можно полагать, что эти крепости стали называться «Гыз галасы» только после того, как сами крепости перестали существовать и их истинные
имена были забыты.

Мы считаем, что компонент гыз (по народной этимологии — «девочка») в названиях этих крепостей является фонетическим производным от тюркск. *киз* — «хранилище», «укрытие» или *гиз* «редкий», «дорогой», «драгоценный», не сохранившегося в азербайджанском языке. Таким образом, Гызгала означает «крепость-хранилище», или «крепость-укрытие», «редкая крепость» и т. д.

гисил (*qisil*) — «теснина», «ущелье» [54, II, I, 131], с. Гесил (Агдашский р-н);

гуриан (*qurian*) — «стан», «лагерь» [56, II, 152], гора с крепостью Горангала;

дайма (*dajma*) — «место для лежания скота» в с. Даймадара (Варташенский -р-н) и дайма и азерб. *дере* «ущелье»; г. Даймадаг (там же) от *дайма* и азерб. *даг* «гора»;

дан (*dan*) — «степь», «поле», «открытое место» с. Дандых (Куткашенский р-н), от дан и суффикса ***дыг*** (*лыг*);

дын (*din*) «сделать остановку (для отдыха)», «перерыв», «передышка», «отдых», «отдыхать» — (62, III, 342) в названиях гор: Джамалдын (Джульфинский р-н), Чермедын (Геокчайский р-н), Мамамадын (Сальянский р-н), Гайадын, Шабадын и др. Это слово отражено исключительно в названиях невысоких гор и связано с тем, что они в прошлом служили местом отдыха (остановки) скотоводов;

джин (от *cin, cing*) — «крутой, часто вертикальный обрыв плато в Западной Туркмении и Казахстане иногда, достигающий высоты 300—350 м» [402, 616] — Джингдаг (азерб. Чиндаг) — Ордубадский р-н;

джон (*con*) — «место между двумя реками» [51, 446] — с. Джанятаг (Мардакертский р-н); от *джон* и *ятаг* «место зимовки овец»; Джанахар (Хачмасский р-н), от *джон* и *кыр* «равнина».

зирик (*zirik*) — «ольховая роща [54, IV, I, 915] — с. Зирик (Кубатлинский р-н);

зоо (*zoo*) — «утес», «скала», «ров», «отвесная скала у начала ущелья», «неприступная длинная скала без растительности» [402, 226] гора Сутепе (Джалилабадский р-н) — от Зутепе (от зоо) и азерб. *тепе* «холм»;

зулхе, золхе — (монгольск.; бурятск.) — «большая» — Залхагел (Кельбаджарский, Лачинский р-ны), от *золхе* и азерб. *гел* «озеро»;

ин (*in*) — «овраг», «яма», «ров», «пещера», «нора», «логово зверя» [402, 234] — гора Инлидаг, от ин суффикса обладания **-ли** и азерб. даг «гора»;

инча (*inca*) — «тонкий», «слабый», «незначительный» [54, 1, 2, 1452] — в названиях некоторых мелководных притоков Куры и Аракса, летом высыхающих и потому не достигающих Куры: Инджагол (Джебраильский р-н), Инджасу (бассейн р. Куры), Инджачай (Джалилабадский, Джебраильский, Шаумяновский р-ны);

ир (*ir*) — «волнистые гребни возвышенности» [402, 235]; гора Караир (Касум-Исмайловский р-н); Кохоир (Кубинский р-н);

йава (*java*) — «теплое, укромное место» [51, 248] — Евлах, от *йава* и суффикса -лаг в значении «место»;

йиллу (*jullu*) — «теплая» — с. Илису (Кахский р-н) от *иллу* и азерб. *су* «вода»:

егер (*eger*) — «летняя стоянка для скота» [51, 304], гора Егерюрт (Кельбаджарский р-н), от егер и юрт «место стоянки в летовке»;

кажат (*kacat*) — 1. «холм», «хребет», «гребень»; 2. «место в горах, открытое к югу» [54, 1, 2, 839}; гажат «пригорок», «холм», «грива горы», «возвышенность» [50, II, 15] — с. Гашад (Ахсуинский р-н);

кайрак (*kajrak*) — «коса на берегу или вышедшая из воды» [54, II, I, 22]; топоним Хара-Зире — название острова на Каспии близ Апшеронского полуострова.

кан (*kan*) — «лес» (54, IV, 1499 (см. Г. Рамсдедт. Введение в алтайское языкознание.— М., 1958, с. 186—187) — в топониме Белокан от тюркск. бел «горная грива», «пологая возвышенность», «склон горы», «гора», «горный хребет», «склон», «средний пояс гор с хорошо развитой злаковой растительностью», «места богарного земледелия в горах», «низкая пологая возвышенность», «нижняя часть горного склона» [402, 78] и кан;

капы (*kapi*) — «прорезанное узкой щелью верховье оврага», «узкое эрозийное ущелье с круто падающими скалистыми склонами в горах» [402, 253] — г. Гапычай (Зангеланский р-н); Капыдашгара (Шахбузский р-н, выс. 1575 м); Капыдаг [Белоканский р-н);

капак (*kapak*) — «холм», «хребет горы» [50, II, 36] — с. Габагдиби (Ярдымлинский р-н), от капак и азерб. диби «подошва»;

капчал (*kapcal*) — «непроходимое место», «утес», «отвесная скала» [54, II, I, 429] — с. Копчал (Кубинский р-н);

карка (*karga*) — тюркск. карг «награмождение валунов» (292, 78) (или сирийск. карка «крепость») и тюркск. базар — Каргабазар в р-не Эрзерум [см. 123, 22], Гаргабазар в Азербайджане (Физулинский р-н);

карман (*karman*) — «крепость» [402, 271] — с. Хармандали (Пушкинский р-н), от карман и азерб. далы «задняя сторона»;гора Карманджык (Ильичевский р-н);

кас (*kas*) — «возвышенный край», «берег большой реки или моря», «возвышение» [54, II, I, 345], «высокий берег», «высокий скалистый берег», «высокий скалистый обрыв» [402] — с. Касабет (Мардакертский р-н), от кас и бет — «склон горы»;

кат (*kat*) — «солнечный склон горы» [402, 264] — г. Шугат (Аскеранский р-н, вые. 1201 м); г. Кетидаг (Кельбаджарский р-н); Кетикдаг (Аскеранский р-н);

кашка (*kasga*) — «прозрачный», «чистый» или «пересыхающий [402, 266] — Гашкачай (Кахский р-н); иное объяснение у С. Моллазаде [см. 406] — от кошки (*koski*) «спокойный», «тихий» и *чай* «река»;

кезен (*kezen*) — «седловина, пониженное место гребня гор, перевал» [402, 268] — гора Гаракузен (от Гаракезен) — Шекинский р-н, от азерб. гара «черный» и кезен;

кесаман (*kösaman*) — «передовой баран», «человек с редкой бородкой» [14, II, 2, 1294] — с. Кесаман (Ханларский р-н);

кет (*ket*) — «стража» (54, II, 2, 1125), кода «подкарауливать», «высматривать» (54, II, 2, 1133) — ойконим Кедабек, от кеда и тюркского бек «холм» (там же), с общим значением
«холм, стража»; Кедабек известен с XIV в. (см. 14), это было название древней крепости на холме, недалеко от современного Кедабека.

киз (*kiz*) — «впадина», «лощина между горами» [50, II, 126] «ложбина» [54, II, 2, 1389] — с. Бидегиз (Шекинский р-н);

кырка (*kirka*) — «разветвленный горный хребет», «система горных цепей, «возвышенность с выраженным гребнем, сложенная из твердых пород» [54, II, 1, 747; 402, 329] или *кырга* «дикий чеснок» [54, I, 1, 750]. — Хырха-тала (Куткашенский р-н), от *кырка* и *тала* «поляна»;

колай (*kolaj*) — «паровое поле, брошенное поле» [54, II, 2, 1268] — топоним Колабаг (Степанакертский р-н);

кол (*kol*) — «долина без реки», «низменность» [54, II, I, 582; 348, 166]; с. Колятаг, (Мардакертский р-н), от *кол* и *ятаг* «место зимовки овец» и гышлаг «зимовка»;

комур (*kömür*) — «узкое, обрывистое место на вершине горы» [54, II, 2, 1321] — село Комур (Кубинский и Шахбузский р-ны);

конак (*konak*) — алтайск., конок—«двор», «станция», «стоянка», «дневная дорога» (до 30—40 верст для пеших), «ночлег» [50, II, 94] — Гонагкенд (Кубинский р-н); восходит к древнетюркскому *гонаг* (*gonag*) «место отдыха», «остановка» [51,435]. Слово *конак* в тюркском языке не имело значение «гость», как в азербайджанском языке, ибо существовало слово *элкин* — «гость»; [50, II, 94] — с. Гонагкенд (Кубинский р-н);

кора (*kora*) — «хлев для скота» [54, II, 1, 551} отражено в топониме Кортала (Закатальский р-н), фонетически — от Коратала.

кормок (*körmök*) — «пруд», «лужа» (54, II, 2, 1267) — река Курмук (Кахский р-н), которая берет начало из озера в горах;

котал (*kotal*) — «крутой подъем», «перевал и узкий проход в горах», «горный хребет» [54, II, 1, 1315, 1227] — с. Каталпараг (Бардинский р-н), от котал и азерб. параг — огороженное место для скота;

кош (kos) — «лагерь», «временная юрта», «кочевье» (54, 11,1, 636) — с. Кеш-Кутан (от кош и кутан) (Кахский р-н);

кудала (*kudala*) — «нераспаханное место», «покинутое место» [330, 25] — с. Гудула (Шекинский р-н);

куду (*kudu*) — «пастбище» (54, II, 2, 705) — Гюдадвужур (Кюрдамирский р-н) от куду двужур— в диалектах «прибрежные заросли»;

кудур (*kydyr*) — «волнистый горный хребет» (54, II, 2, 1488) — гора Гудурдаг (Закатальский р-н);

куз (*küz*) — «осень», «осенняя трава» [402, 730] — с. Кузлек (Физулинский р-н) от куз и суффикса -лек; Гюздек (Апшеронский р-н) от куз и суффикса -**лек** со значением «место осенней травы»;

кулак (*külak*) — «балка», «ущелье», «что-то выдающееся, четко выделяющееся в рельефе», «выдающаяся вершина», «долина между холмами», «котловина», «ложбина», «овраг» (402, 310— 311) — гора Гулаглыджа (Таузский р-н); от кулак, суффикса
лы и -джа;

култук (*kultuk*) — «подмышка», «угол», «затон», «старица, одним концом соединенная с рекой» [54, II, 2, 1655}, — с. Култук (Нефтечалинский р-н); село расположено на р. Куре;

кутан (*kutan*) — «хлев», «скотный двор», «место для скота», «загон для овец», «удобное место для зимовки овец» (50, II, 270); «хлев для скота, «огороженное место вблизи аула, куда на здочь загоняют овец» (54, II, 1, 607), — с. Кошкутан (см. выше;

малай (malaj) — «мальчик, парень, слуга», (54, IV, 2, 2037) — с. Малай (Агдашский р-н);

ман (*man*)— «огороженное место» [54, IV, 2, 20/5] — гора Манарах (Зангеланский р-н), от ман и орек «укрепленное место» (об этом см. выше, с. 440);

мар (*mar*) — «холм» (54, IV, 2, 2025) — гора Марсан (Кахский р-н); от Марсын (см. сын), со значением «холм горного хребта»;

марак (*marak*) — «наблюдательный пункт» (54, IV, 2, 2025)— с. Марак (Лачинский р-н);

мукыр (*mukir*) — «короткая степная маловодная река» Г. К. Конкашпаев. Казахские народные географические термины. Изв. АН Казахской ССР, № 99. — Сер. географическая, вып. III, 1951, с. 29); — топоним Мухуртепе. (Имишлинский р-н.. с. Мурадхаллы); Мухургобу (Агджабединский р-н);

нура (*nura*) — «пропасть» (50, II, 295; 54, III, I, 705) — с. Нуран (Исмаиллинский р-н) от нура и суффикса «ан»;

оглан (*oglan*) — «царевич», «потомки и родственники царствующего дома у монголов», «князь» (54, I, 2, 1023); «дружина» -— в сельджукские времена эмиры имели свою гвардию «огланов» [72, 265] — с. Учоглан (Агдамский р-н), от азерб. у ч — «три» и оглан;

ор (*or*) — «ров», «крепостной вал», «укрепление», «бугор», «холм», в некоторых языках — «долина», «лог», «русло», «овраг», «ложбина» (50, II, 119) — Урмис (Ордубадский р-н), от *ор* и тюркск. *миз* «равнина» (55, 526) или же меес (мес) «южный склон горы, сторона возвышенности, гора, лишенная леса, что обычно совпадает с южной ориентировкой гор, холмов (402, 369);

оран (*oran*) — «развалины», «обрушившаяся стена» (54, 1, 2, 1219) — народное название древнего города Байлакан разрушенного монголами в XIII веке;

орду (*ordu*) — «палатка хана», «ханская ставка», «лагерь хана» [54, 1, 2, 1072—1973} — г. Ордубад (известен с первых веков нашей эры; как город упоминается в VII веке);

орук (*örüq*) — «остановка» [51, 390], «лагерь» (54, I, 2, 1223], «возвышенность [54, 1, 2, 1227), в названиях циклопических сооружений — Орукдаш (Дашкесанский и Кедабекский
р-ны), от Орук и азерб. даш «камень».

Возможно, в этом топониме присутствует тюркское слова орек «сооружение», «крепость» (см. выше, с. 440);

отоκ (*otok*) — «горная впадина», «ровное место в горах, на склоне горы», (защищенное от ветра, а потому удобное для зимовки скота место) [60, 602}, — с. Утуг (Кубинский р-н);

отаг (*otav*) — «шатер», «жилище» (51, 373), «шалаш», «жилище» (402, 421), «палатка» [54, I, 2, 1104}, — с. Булаготагы (Агдашский р-н);

пармак (*parmak*) — «сопка» (54, IV, I, 1160) — гора, скала Беш-Бармак (известна с IX века), в 100 км. к северо-востоку от Баку, на берегу Каспия, от азерб. *беш* «пять» и *бармак* (от пармак);

пурга (*purga*) — «сильный ветер со снегом», «метель», «снежная вьюга», «буря» [402, 46, 71] — гора Гарабурга (Исмаиллинский р-н), от азерб. гара — «черная» и пурга;

сай (*saj*) — «сухое русло» [51,481], «русло реки (высохшее)» [59, 621], «мелкий, не глубокий (о реке) [54, IV, 1 219—220),— с. Сусай (Кубинский р-н) от су «вода», «река» и сай;

саз (*caz*) — «болото», «трясина», «болотистое место» [54, IV, I, 397] — с. Люлесаз (Ленкоранский р-н);

сандык (*sandik*) — «заметная межгорная котловина» [402, 495] — гора Зандыкдаг (Шекинский р-н), от тюркск. сандыг и азерб. даг «гора»;

сарп (*sarp*) — «трудный» [51, 489] — в значении «отвесный», «крутой», «недоступный» — гора Сарпдаш (Шекинский р-н) — от сарп и азерб. дат «скала»; гора Сарпдаг (Ярдымлинский р-н), от сарп и азерб. даг «гора»;

сенгир (*sengir*) — «обрывистый скалистый выступ или массив», «крутая обрывистая скала» [402, 502], «мыс горы» [51, 495], «крутая обрывистая скала», «предгорье», «мыс» [54, IV, 1, 448— 449] — гора Сангар (Шамхорский р-н, вые. 1683 г.), Сунгурдаг (Шеки). Не следует смешивать с персидским сенгер «искусственный бугор», «укрепленный вал», «бастион», «ров», «канава»;

сигир (*sigir*) — «холм, подошва, гора» [54, IV, 1, 687] — гора Сыгырт (Зангеланский р-н);

синор (*sinor*) — «граница», «предел» [50, 1, 638] гора Синордаг (Шахбузский р-н) — от синор и азерб. даг «гора»;

сира (*sira*) — пламя», «огонь» [54, IV, 1, 740] — Сураханы (Апшеронский полуостров), где находился храм огня — от сира и иранск. хана «место»;

сым (*sim*) — «край» [54, IV, 1, 675] — см. Сым (Астаринский р-н) на берегу реки Астарачай;

сын (*sin*) — «горный хребет» (54, IV, 628]; Марсан (от Марсын) — от мар «холм» и сын; это слово составляет также вторую часть названия горы Гейазан (Казахский р-н), известной с VII— X вв,— от тюркск. гайа «скала» и сын (см. также выше с. 442);

сырт (*sirt*) — «возвышенность», [51, 505], «хребет», «спина горы» [50, 1, 625] — Сырт Чичи, Сырт Иенгиджа (Кубинский р-н) (ср. древнетюркск. Sirt: «тыл», «спина»), гора Сыртюртдаг (Шекинский р-н), — от сырт, азерб. юрт «временное поселение, летовка» и даг — «гора»; по Махмуду Кашгари, этим словом огузы называют русло реки, небольшое ущелье [МК, I, 287];

сойок (*sojok*) — «высокая труднодоступная гора с конусообразной вершиной» [402, 512] — гора Союгдаг (Ордубадский р-н); от сойок и азерб. даг «гора». Объяснение этого оронима дается на почве азерб. сойог «холодная» (народная этимология);

сора (*sora*) — «низкий ровный хребет»; «отрог, соединяющий две горы или вершины»; «перешеек», «горный переход» (видимо, из мансийского языка — см.: 402, 517) — гора Сооргаш (Белоканский р-н), от сори и гаш «возвышение»; «горная цепь»; воз-
можно, также от сгор (з§ог) «хребет», «кряж», «гряда» (см. - на языке коми: 402, 359, 536) и азерб. гаш;

сору (*soru*) — «болотистое место с трясиной» [402, 517] — река Сурийучай (Кубинский р-н), от сору (с наращением «и») и азерб. чай «река»; село Сору (Лерикский р-н);

сунгур (*sungur*) — «сокол», «белый сокол», «кречет» (азерб. шонгар) — гора Сунгурдаг (Шемахинский р-н), от сунгур и язерб. даг «гора»;

сулат (*sulat*) — «дельтовые рукава», монгольск чулут «каменная река»—село Сулут (Исмаиллинский р-н), от одноименной реки Сулут, рукава Аксу, которая на самом деле имеет широкое каменистое русло;

таг (*tav*) — «гора» (54, III, I, 795), г. Салтак (Джульфинский р-н), от сил — «отвесная скала» и таг «гора»; (По Гр. Кананцяну [402, 138] слово сал является древнеиндийским со значением «камень», «скала»);

такыр (*takir*) — «более или менее обширное глинистое ровное место, лишенное растительности в пустынных или полупустынных областях» [402, 540—541], «гладкий», «без травы», «без растительности», «голый» [54, III, 1, 783] — Такилдаг (Шемахинский р-н), от такыр (чередование r~l) в значении «без растительности» и азерб. даг «гора»; село Такыр-Мирикенд (Шемахинский р-н);

там (*tam*) «стена», «крепостная стена», [51, 529; 50, I, 729] — с. Агдам (известно с 1357 г.) от аг азерб. «белый» и там «крепость», т. е., «крепостная стена из белого камня»; не следует, по- видимому, смешивать слово там с азербайджанским дам «крыша», «дом» [54, III, 2, 1644];

тас (*tas*) — «гладкий», «голый камень» (54, III, I, 915 — 916) — с. Сейтас (Кубатлинский р-н), от *сей* (*sej*) и тас;

таус (*taus*) — «голос», «шум», «звук» (54, III, I, 774) — Тавушчай (Таузский р-н) — «шумящая река» (известен с IX в.)

тауш (*taus*) — «тонкий»,-«узкий», «слабый» (54, III, I, 776)— Тавушчай (Таузский р-н), приток реки Таус;

тегин (*tegin*) — «принц [51, 547], «царевич», «наследник», с. Карадегин (Агдашский р-н), от азерб. гара «черный» и тегин; гора Дейиндаг (Агдамский р-н), от тегин и азерб. даг «гора»;

тей (*tej*) — «холм», «сопка», «бугор», «горная цепь» [402, 548] — Тейдаг (Джебраильский Р-н), от тей и азерб. даг «гора»;:

тескин (*teskin*) — «водный поток под землей», «подземное течение в карстовых пустотах» [402, 551] — с. Тешкан (Ярдымлинский р-н);

тогра (*togra*) — «поперечный» [54, III, I, 1166] — гора Тоградаг (Шекинский р-н), от тогра и азерб. даг «гора»;

тон(г) (*tong*) 1. «холм, бугор»; 2 .«мороз», «мерзлота» [402, 557] — гора Танрас (Белоканский р-н) — от тон(г) и иранск. (тадж. перс.) рас «вершина», «оконечность» [402, 477]

тор (*tör*) — «высокогорное пастбище» (59, 759]; «самая верхняя часть горной долины», «место у перевала» [402] — гора Азизтюри (Ярдымлинский р-н) — от личного имени Азиз, тор и суффикса принадлежности и; гора Тырял (Шаумяновский р-н), искажение от Торял, — от тор и азерб. ял «грива горы»;гора Кафтору (Казахский р-н), от неизвестного каф, тор и суффикса «у»;

туган (*tugan*) — «извилистое течение реки» [50, 1, 398], «извилины реки» [54, III, 2, 1158] — река Тоганлысу (Ханларский р-н), от туган, аффикса обладания лу и азерб. су «вода», «река»;

тумб (*tumb*) — в горах Урала «крутосклонные останцы» с плоской вершиной носят название тумп-ов» [402, 564]; ср. с широко распространенным словом домб, томб, тумп «холм»; «гора», «вершина» (в тюркских, финно-угорских, индоевропейских языках, см. 402, 186) — гора Тумбидаг [Шемахинский р-н;

тул (*tul*) — «быть огороженным» [54, III, 2, 1466) — название села Тунтул (Шекинский р-н), от тюркск. тон(г) «холм», «бугор» и «тул», «огороженный холм»;

тура (*tura*) — «укрепленное жилище», «крепость» [51, 587] — с. Турабад (Исмаиллинский р-н), от тура и абад «село»;

угуз (*öküz*) — «речка» [51, 382]— с. Агусам (Джалилабадский р-н), от угуз и араб. ам — «общество»; восходит к одноименной речке;

уруг (*urug*) — «племя», «род» [54, III, 1, 1688] — с. Рук (Кубинский р-н); в тюркских языках существовала и форма Рук (см. «Историческое развитие лексики тюркских языков», — М. 1961;с.41—42);

уку, уги (*ugu*) — «пещера», «грот» [59, 131] — с. Юку (Ярдымлинский р-н);

турген (*turgen*) «быстрый» — Турианчай, от турген и чай «река». В источнике XIII в. — Турканморен [41, 164], (монгольск. тбгоп «река»), а также Кереруд, от перс. kaura «стре-
мительный» и руд «река».

чакыл — «холм, на поверхности которого рассыпана белая кварцевая галька», «место, покрытое песком и галькой», «песок, камушки», [54, III, 2, 1835], «крупный песок с мелкой галькой» [402, 605] — г. Чахылдаг (Шекинский р-н);

чакар — «укрепленное место вне крепости» [54, III, II, 1833] — с. Чагар (Кусарский р-н);

чаг (*cag*) — «отрог горы», «выступ», «скалистая возвышенность», «кряж», «сильно размытый, испещренный оврагами, ущельями» [402, 608]; гора Чат-Ял (Ханларский р-н);

чам (*cam*) — «сосна» [54, III, 2, 1936] — река Чамлар (Хачмасский ра-н), от чам и суффикса множественности -пар в азерб. языке; к слову чам восходит, вероятно, и топоним Ченлибел (от Чамлубел) — название крепости Короглу, —от чам, аффикса принадлежности -лу и тюркск. бел «хребет горы»;

чарт (*cart*) — «кусочек, частичка» [51, 141] — с. Чартаяз (Кюрдамирский р-н), от чарт и язы «степь», «равнина»;

чатак (*catak*) — «место соединения двух гор» (54, III, 2, 1895) — с. Чатак (Таузский р-н);

чап (*cap*) — «небольшой каменистый или песчаный склон горы без растительности, яр с отлогими берегами» [60, 845], «обрыв», «склон», «откос», «возвышенность в глубокой межгорной котловине» [402, 607] — ороним Чападере (Зангеланский р-н)— от чап и азерб. дере «ущелье»;

черак (караимск. *cerak*) — «источник воды» (турецк. Чорак «солоноватый, горький (о воде, балкарск. черек «вода», крымско-татарск. чограк «родник, источник») — Чирахкала (Дивичинский р-н); местное название Чераггала, где (в Калаалты) находится известный минеральный источник, применяющийся для лечения некоторых внутренних болезней;

чигир (*cigir*) — «водоподъемное сооружение, вращающее силой течения реки колесо с лотками или кувшинами; используется для орошения» [402, 615] — село Чигирган (Сабирабадский р-н) на р. Кура;

чал (*ca1*) — от джал йал «грива горки» — гора Везирчал (с. Илису Кахского р-на), от личного имени Везир и чал (джал);

чинг (*cing*) — «крутой, часто вертикальный обрыв, плато в Западной Туркмении и Казахстане, достигающий высоты 300— 350 м» [402, 616] «высокий, крутой берег, яр» [54, III, 2, 2116]— Чиндаг (Ордубадский р-н). К слову чинг восходит, по-видимому, название горы Чангалар от Чингалар (Шекинский р-н);

чингил (*cingil*) — «каменные россыпи в горах» [402, 616] — связывается с эвенкийским словом чингил «скала», «утес» (там же) — гора Чингилдаг (Таузский р-н), — от чингил и азерб. даг «гора»;

чингир (*cingir*) — «звук, производимый стуком металла или стекла» [54, III, 2, 2072] — гора Чингирдаг в Гобустане, где находится камень-барабан, издающий звук при ударе;

чик (*cik*) — «расщелина» [54, III, 2, 2111] — «впадина [402, 615] — г. Чыг-Ял (Дашкесанский р-н);

чил (*cil*) — «грязь» (в диалектах) — гора Чилдаг (Карадагский р-н), — от чил и азерб. даг «гора» — в данном случае имеется в виду грязевый вулкан;

чим (*cim*) — «дрен, верхний слой почвы, густо переплетенный корнями травянистой растительности» [402, 615] — Чимгар (Ханларский р-н), от чим и гар «гора»);

чир (*cir*) — «ущелье» с. Чир-Гурт (Геокчайский р-н), от чир и этнонима гурд (в настоящее время с. Гурт);

чит (*cit*) — «предел», «граница», «бок», «край» [54, III, 2, 2140] — гора Чидибаш (Закатальский р-н), — от чид (чит) и азерб., баш «голова», «вершина»;

чоку (*coku*) — «вершина», «пик» [402, 618] — гора Чохгар Шекинский р-н) от чоку и гар «снег»;

чупур (*cupur*) — «густой лес» [54, III, 2, 2183] — с. Гюде- Чувур (Кюрдамирский р-н) от куду (см. выше) и фонетически производное от чупур;

хур (*xur*) — «лес, горная тайга» (с эвенкийского языка, вероятно, перешло к тюркам-монголам) [402, 599] — гора Хурду (Кахский р-н), — от хур и азерб. суффикса -ду;

хошун (монг. хошун «кочевье», ср. тюркск. гош, кош) —
в ряде наименований гор: Гейгошун (Шекинский р-н) — от азерб. *гей* «синий»; Тепегошун от азерб. *тепе* «холм» (там же); Донуз- гошун — от азерб. *донуз* «свинья» (с. Илису, Кахский р-н);. Окюзгошун — от азерб. окюз «бык» (с. Сарыбаш, Кахский р-н);Юхари гошун от азерб. *юхары* «верхний» (Келдек, Шекинский р-н); Ашагы гошун — от азерб. *ашагы* «нижний» (там же); Инекгошун — от азерб. *инек* «корова» (с. Дашагил, Варташенский р-н); Беркгошун — от азерб. *берк* «укрепленный (с. Ленгябиз, Ахсуинский р-н); Малгошун — от азерб. *мал* «скот» (с. Сарыбаш Кахский р-н); Агджагошун — от азерб. *агджа* «беловатый» (Мартунинский р-н); Гошундаш дагы — от азерб. *даш* «камень» (Ордубадский р-н); Гошунлардагы (-лар —суффикс) (Куткашенский р-н); Гошунавар — от азерб. *вар* «сторона»,
«место» (Лачинский р-н); Кошункардаг — (Варташенский р-н) от кошункар (см. выше) и даг «гора»; Кешункар — название- горы (Варташенский р-н); Гошунлар яйлаги — от азерб. яйлак «летовка» (Куткашенский р-н); Кошунлу (Ахсуинский р-н); Гошундаш (Куткашенский р-н) — название горы и др.

есне (у казахов), *ешме* (у киргизов) — «временная стенная река, сильно размывающая свое русло во время весеннего половодья, а летом — пересыхающая или распадающаяся на отдельные плесы» [402, .204] —с. Йашма (Апшеронский р-н);

шурук (*suruk*) — «молодое сосновое дерево» [59, 555; 55, 922] — село Шурук (Ленкоранский р-н);

язи (*jazi*) — «степь», «равнина» [51, 251] — с. Агязи (Хачмасский р-н), — от азерб. аг — белый» и язи; Агджаязы (Лачинский р-н) — от азерб. *аг* «белый», уменьшительного аффикса -джа и язи; Гилязи (Апшеронский р-н) — от азерб. *гил* «глина» и язи; Алаязи (Дивичинский р-н) — от азерб. *ала* — «пестрый» и язи; Чартаяз (Кюрдамирский р-н) — от древнетюркского *чарт* (*cart*) «кусочек» и язи;

яр (*jar*) — «овраг» [51, 238]; 1. «крутой берег», «крутизна»; 2. «пропасть», «отвесная скала» [54, III, I, 100] — с. Бенен-Яр (Джульфинский р-н) со значением «невысокая гора (горный перешеек) с оврагом»;

Таким образом, в современной топонимии Советского Азербайджана нами выявлено около 180 слов, которые не сохранились в современном азербайджанском языке и его диалектах. Эти слова являются ценными языковыми фактами, проливающими свет на историю азербайджанского языка.

§ 2. Язык атропатенцев

С. Ю. Касумова права, отмечая, что в источниках отсутствуют конкретные данные о языках Южного Азербайджана для периода с IV в. до н. э. до IX—X н. э. и это не дает возможности последовательно проследить этапы изменений лингвистической карты страны» [317,34].

Однако приведенный в IV главе настоящей работы материал свидетельствует, о том, что сомнений в тюркоязычности атро-

патенского народа быть не может. Другое дело, что письменных источников на этом языке нет. О языке атропатенцев мы можем судить по лексическим элементам раннесредневековых топонимов на территории Атропатены, а также словам в творчестве уроженца этой страны Гатрана Тебризи (см. ниже).

1. Тюркские топонимы Атропатены

Существование общеразговорного тюркского языка населения Атропатены в раннем средневековье подтверждается многочисленными тюркскими топонимами.

Эти топонимы образованы в соответствии с грамматическими нормами тех языков, к которым они относятся. Среди массы топонимов есть тюркоязычные, ираноязычные и неустановленной этимологии, так как этническая принадлежность ряда племен Мидии, Атропатены и Албании еще не выяснена. Здесь мы будем говорить о тех топонимах, которые этимологизируются на почве тюркских языков. Топоним — лексическая единица; если есть топоним, значит, он оставлен этносом.

Тюркоязычными являются наименования некоторых античных и раннесредневековых городов Азербайджана. Приведем тюркские топонимы, датированные тем периодом, когда, по мнению некоторых исследователей, еще не существовал тюркский азербайджанский язык. К тому же надо учесть, что приводимые нами топонимы являются макротопонимами, т. е. наименованиями крупных населенных пунктов, а возникновение тюркских макротопонимов было бы невозможно если бы тюркоязычное население не составляло большинства.

У Птолемея упоминается населенный пункт на территории Мидии — Астабене (Птолемей, VI, 9, 7). Позже, в раннем средневековье на границе Табаристана и Гургана этот топоним зафиксирован как Астрабад, который, как и Астара, образовался от древнетюркского *аст* «низ», «нижняя часть, сторона», «пространство под чем-либо» (62, I, 195) и является синонимом алт [см. 62, 1, 195—196], ара «противоположная сторона» [54, I, 1, 243] и компонента бад (см. также выше, с. 262).

Арабские географы на территории Иранского Азербайджана упоминают топоним Ганджа, который, безусловно, восходит к Ганзаку в Атропатене, упоминаемому во II в. до н. э. Выше мы говорили, что топоним Ганзак в Атропатене отражает тюркский этноним кенджек и что, вероятно, кенджеки пришли в Азербайджан среди саков-скифов в VII в. до н. э.

Впервые топоним Тебриз в форме Тавреш упомянут Фавстом Бузандом (кн. IV, гл. 34). У арабских географов это наименование отмечается как Таврис и Табриз. С. Ю. Касумова писала, об этом названии, что его этимология не ясна [217, 26]. Между тем, среди хазаров раннего средневековья в южнорусских степях отмечено тюркское племя таврис [171]. Не исключено, что часть его могла попасть вместе со скифами и в другие ареалы. Не следует игнорировать и наличие нескольких топонимов Тебриз (река, населенные пункты) в Сибири [см. 77, т. 42, 95].

Издревле в Табризе говорили на азербайджанско-тюркском языке. Хамдаллах Казвини (XIV в.) отмечает, что табризцы, встречая красавицу в отрепьях, говорят на своем тюркском диалекте: «Виноград хулуки сыплется из дырявой корзины» [7, 48].

Выше отмечено, что название Баласакан впервые упомянуто в надписи III века, оно служило наименованием Муганской и частично Карабахской равнины. Арабские авторы к Баласакану относили и территорию к югу от Аракса, т. е. северную Атропатену. Топоним Баласакан означает «равнина саков» — от древнетюркского *пала* (*pala*) «широкая плоскость» [54, IV, 2, 1162], этнонима сак и суффикса -ая.

Ороним Савалан в форме Сабалан на юге впервые упомянут в арабских источниках [10, 87]. Мы считаем, что он состоит из этнонима савар (с чередованием «р»~«л») и иранского суффикса со значением места **-ан**. Вероятно, этот ороним возник после массового переселения саваров Хосровом Ануширвапом на юг [см.

выше, с. 354]. В связи с этим можно рассматривать ороним Савалан в Куткашенском районе Советского Азербайджана, в районе Кабалы, который в арабских источниках назван Кабала-Савар [338,295].

Ал-Балазури впервые упоминает город Хувей (современный Хой). Этимология этого топонима неясна. Но Хамдаллах Казвини (XIV в.) прямо отмечает: «Хой известен как тюркский край» [8,47].

По нашему мнению само название озеро и города Урм (Урмийа) может быть связано с тюркским словом *урам, ором*, «пункт»,«город» [62,1,60].

Одним из древнейших городов Иранского Азербайджана является Марага. Считают, что этот город как летняя резиденция правителей Атропатены в источниках упомянут как Вера [Страбон, XII, 13, 3], Фраата (у Плутарха), Афранруд (у ал-Балазури), в среднеперсидских источниках — Афрарод [см. 317, 23— 25]. До 732—733 г. город назывался Афранруд. Ибн ал-Факих пишет, что «после того, как территория этого имения стала пастбищем для скота Марвана ибн Мухаммеда, его называли ал-Марага [10, 15, 17]. Однако следует отметить, что происхождение топонима Марага свободно объясняется на почве азербайджанского языка от мара — «пастбище» и суффикса «гях» в персидском языке, обозначающего «место».

Йакут ал-Хамави упоминает гору Абраштавим и отмечает, что «эта гора — в ал-Баззе, что в Мукане, одном из округов Азербайджана. Здесь укрывался Бабек ал-Хуррами» [8, 7]. Этот ороним образовался от азербайджанского (диалектного) абраш — «голое, не заросшее растительностью место», «голец в горах», тюркского тав — «гора» и неизвестной частицы «им». Интересно, что существование в VIII в. этого оронима отразилось в современном азерб. даг и древнетюркск. тав — «гора».

Иакут ал-Хамави упоминает в Азербайджане и топоним Бабагыш [8, 16}. Этот топоним, возможно, является фонетическим производным от Бабакаш, от личного имени Баба или баба «святилище» и тюркск. каш «грива горы», «возвышенность». Компонент *баба* характерен для некоторых оронимов Советского Азербайджана: Бабакум (Шемахинский р-н), Бабадаг (Кубинский р-н), Бабаял (Касум-Исмайловский р-н), Бабагар (Казахский р-н и др.

Иакут ал-Хамави упоминает еще гору Аршак «на территории Мукана, в пределах Азербайджана, недалеко от Базза; города Бабека ал -Хуррами» [86, 12], Возможно, топоним этот восходит к древнетюркскому слову *арт* «нагорье» и этнониму *сак*.

Иакут упоминает и Букуллар, место на границе Азербайджана [8, 21] и ал-Джал — местность в Азербайджане» [8, 22]. Последнее наименование, безусловно, отражает тюркское *джал* «грива», «вытянутый увал», «небольшая возвышенность с хорошо очерченными формами» [402, 178]. Интересно, что в современном азербайджанском языке это слово имеет форму ял «грива горы»; джал — форма хазарская, которая в настоящее время сохранилась у казаков и киргизов.

Иакут ал-Хамави на территории Южного Азербайджана упоминает город Халхал и округ близ границы с Гиляном, среди гор [8, 23]. Как отмечено выше, город Халхал в Албании известен с V века как резиденция албанских царей. В Варташенском районе есть село Халхал. По мнению В. Гукасяна, этот топоним восходит к азербайджанскому слову халхал «огороженное место» [251,23].

Арабские авторы пишут, что после поражения Бабек скрывался в ущелье в лесу, называемом «Топ» [183, 309]. Слово «топ» до сих пор в азербайджанских диалектах имеет значение «густой лес», «чаща». Например, это слово отражено в топониме Топгеруш (около села Катех Кахского р-на), — от топ «чаща», «лес» и геруш (азерб. квйруш, кевруш) — вид дерева.

В связи с движением Бабека в 816—831 гг. в источниках на территории Иранского Азербайджана упоминаются топонимы; Азарбад (этот топоним впервые упомянут Страбоном как Азар), от тюркск. озар «противолежащее, на той стороне находящееся» [54, I, 1, 1144] и компонента *бад* (как в топониме Ордубад, см. выше, с. 262); Горан, от тюркск. гурйан, горан «стан», «лагерь» [50, II, 752; 54, II, 2, 1455]. Хош, от тюркск. кош, Гош «стоянка пастухов на летном пастбище»; Хаштадсар (гора), искажение от Аста-Тасер (с добавлением «h» в начале) «от тюрск. аст «низ, нижняя часть или сторона, пространство под
чем-либо» (459, 116) (в данном случае ниже от реки Араке) и *тас йер* «каменистое место». (Ср. тюркск. топоним Ташир в Армении в древнеармянских источниках), а также личные имена Азии (арабизированная форма от Эзен), от тюркск. езен «умный», «здоровый» [62, I, 308]; Тархан, от тюркск. тархан (титул, см. 51, 538].

Ибн Хордадбех в связи с военными действиями между Афшином и Бабском в начале IX в. упоминает реку Давар-Руд, наименование которой состоит из тюркского тав «гора», арабского артикля «ар» и персидского руд «горная река». Интересно, что современное название этой реки — Саланчай также означает «река салов» — от тюркского этнонима сал (см. выше, с. 351), суффикса множественности **ан** и азербайджанского *чай* «река».

Арабские авторы упоминают и пункт Барда (ныне на этом место находится село Саккыз); существует предположение, Р. Гиршмана, что этот топоним восходит к этнониму сак(а), от *сакас* (*sakas*) в верховьях реки Джагатау, т. е. Джагатай-су (приводится по: 317). С. Ю. Касумова верно критиковала это мнение [см. 317,с. 12]. Р. Гиршман, видимо, не знаком детально с закономерностями образования этнонимов. Если стать на его точку зрения, то как объяснить в этом случае название реки Саккыз в бассейне реки Урал [325, 93]? Парда как крепость в Сагарте упоминается еще в ассирийских источниках VIII в. до н. э. Ибн Хордадбех (IX в.) в 15 фарсахах от Мараги упоминает Бардза (Барда) и в 6 фарсахах Байлакан (Билаган), между Марагой и Динавсром; эти топонимы на территории Иранского Азербайджана [11, 107] имеют общее происхождение с одноименными топонимами Барда, Байлакан на севере, на территории Албании — Аррана. Ныне в Иранском

Азербайджане существуют ее. Барда-Гуре, Барда-Киш, Барда-Миш, Барда-Нагмине [537, IV, 86], вне Азербайджана — Барда [537, IX, 103].

Безусловно, многие населенные пункты в которых тюркоязычное население жило еще в раннем средневековье, могли иметь не тюркские наименования, а иранские и другие, связанные с языками древних местных племен. Например, наименование раннесредневекового города Руиндиз — иранское. Но ат-Табари (XI в.) называет его Диз-Руин и считает тюркским городом (ат-Табари, 1, 680). Интерес представляет топоним Балванкередж или, вернее, Балванкарадж, упоминаемый ал-Балазури на территории Иранского Азербайджана. Этимология, предложенная В. И. Савиной, а именно, что компонент карадж является топоформантом в значении «дом» [453, 117], по нашему мнению, неверна. Это слово отражено также в топониме Каруеч в Албании и восходит к тюркскому этнониму караджа. Что касается первой части этого топонима Балван, то Ф. Шварц связал ее с этнонимом пахлави [604, 1336]. Однако это суждение неубедительно. Дело в том ,что нынешнее село Балвары в Азербайджане также называлось Балван. Значение топонима Балван не известно, возможно от древнетюркск. *болван* «идол».

Именно с тюркским языком в Атропатене, сложившимся уже к X веку, мы связываем тюркскую лексику в творениях Гатрана Тебризи (1010—1080) *мунчуг* «бусы», *хан* (титул), *гар* «снег», *хатун* «госпожа», *бал* «мед», *чанаг* «посуда», *туг* «знамя», *таг* «гора», *тәр* «свежий», *аяг* «пиала» и др. [см. 96, 147].

Действительно, поэт Гатран Тебризи жил тогда, когда сельджуки-огузы еще не завоевывали Азербайджан (они прибыли сюда впервые в 1054 г.), а в его «Диване», как отмечено, отразились азербайджанские слова. Он писал на персидском языке, в котором в то время не было и не могло быть тюркских слов. Следовательно, Гатран был тюрком-азербайджанцем и указанные слова внесены им.

II. Древнетюркские слова в талышском и гилянском языках

Выше было отмечено, что нынешние талыши до арабского завоевания входили в Атропатену. Нам кажется, что древнетюркские слова в талышском языке, приводимые ниже, заимствованы из языка населения Южного Азербайджана: талышск. *бунг* (*bung*) «печаль, скорбь», — древнетюркск. *бунг* (*bung*) «горе, печаль» [51, 124]; талышск. орос (*oros*) «украшение» — древнетюркск. ур. «наряжать» [51, 614]; талышск. дук (*duk*) «веретено» — тюркск. (узб.) — дук «веретено»; талышск. *Гурч* (*gurc*) «крепкий» — тюркск. гурч «крепкий» [51, 467]; талышск. *гатуг* (*gatug*) «мясная приправа к плову» — тюркск. гатиг «добавление, добавка» [51, 435]; талышск. *чагу* (*cagu*) «серовато- голубой, зеленоватый — тюркск. *чагир* (*cagir*) «пепельно-серый» (МК, 131). Талышск. *чеп* (*cep*) «косой», «косоглазый»—тюркск. *чеп* (*cep*) — «противоположная сторона; напротив» [51, 145]; талышск. *чагирга* (*cagirga*) «саранча» — тюркск. *чекурга* (*cekurga*) — «саранча» [51, 143]; талышск. *гурт* (*gurt*) «корот-
кий» — тюркск. *гирт* (*girt*) «короткий» и др. [см. подробно: 358].

Масса древнетюркских слов сохранились в гилянском языке. Гилянцы (самоназвание — гиляк) обитают на юго-западном побережье Каспия — в Гиляне. Наименование Гилян связано с упоминанием античными источниками этнонима гел. Предки гиляков, талышей, татов (следует отметить, что из всех иранских языков один только гилянский язык стоит ближе к современному татскому языку), мазандаранцев (древних мардов), а также некоторые современные северо-западные ираноязычные народности (семнани, карингани и др.), несомненно, являлись ираноязычными племенами Мидии и Атропатены. По А. Кесрсви [538[а]] этноним кадус античных источников восходит к этнониму галеш — самоназванию части гиляков-скотоводов, обитающих в горных районах. Гиляна. Гиляки (древние гелы) жили по соседству с предками современных талышей, и поэтому Плиний (VI, 59) кадусов считал годами. Из Гиляна были, вероятно, переселены современные таты в Лагидж Азербайджанской ССР (Исмаиллинскнй район), потому что Лахиджан ныне входит в Гилян в Иране. Приведем некоторые древнетюркские слова в гилякском языке: *адаш (adas)* «старший брат»; *ал (al)* «красный»; *олаг (olag)* «осел»; *ачар (acar)* «ключ»; *иджаг (icag)* «очаг» (для огня); *батлаг (batlag)* «топь»; *дук (dük)* «веретено»; *гуч (guc)* «баран»; *дик (dik)* «прямо»; *гатар (gatar)* «поезд»; «вереница чего-либо»; *гармаг (garmag)* «крючок»; *гейчи (gejci)* «ножницы»; *гашлак (gaslag)* «кишлак»; *тул (tul)* «грязь»; *урду (urdu)* «лагерь»; *manna (tappa)* «холм», «возвышенность»; *санджаг (sancag)* «булавка»; *чапар (capar)* «курьер»; *чапло (cappo)* «грабеж»; *чапочи (capoci)* «грабитель»; *чарог (carog)* «башмак»; *чир (cir)* «масло», «жир»; ср. азерб. *джыз* — в слове джизбыз (жареные потроха), в результате р~з, — от чир, джир, «жир»; *чекме (cekme)* «сапог»; *чи (ci)* — суффикс, передающий значение профессии, занятия, образующий их от существительного: *лотkачи (lotkaci)* «лодочник»; *шиш (sis)* «шесть» и другие (Гилякско-русский словарь. — М., 1972).

Таким образом, в Атропатене в раннем средневековье население в основном говорило на тюркском — азербайджанском языке, а язык азери был собирательным названием, восходящим к наименованию «Азербайджан»; азери не был конкретным общеразговорным языком для всего населения Атропатены. С. Касумова права, утверждая, что «характерные черты лингвистической ситуации, определившие сравнительно быстрое распространение тюркских языков и в Южном Азербайджане, и в Албании, складывались уже в сасанидский период» [317, 4].

Из всего сказанного следует, что основными составляющими азербайджанского народа, образовавшегося к VIII—X вв. на территории Иранского Азербайджана, являлись древнетюркские племена Манны, проникшие в VII в. до н. э. — скифы и саки, а затем в раннем средневековье — тюркские племена (чулы, гунны, савары, хазары и др.). Языки этих тюркских этнических общностей переросли в единый

общеразговорный язык, скорее всего, в период с VIII по X век. Ю. Б. Юсифов писал: «Сложение древнеазербайджанского языка происходило на основе диалектов тех тюркских языков, носители которых в I—VII вв. и раньше обитали на территории Азербайджана и Закавказья в целом; при этом формировался ряд фонетических особенностей, выделяющих древнеазербайджанский язык из других тюркских языков [522, 24].

Выше было отмечено (см. с. 370—371), что этнические компоненты, принимающие участие в сложении народности в ходе этнического процесса после образования племенного союза, делятся на две группы: 1. родственные по языку и этнической принадлежности племена, которые входят в состав племенного союза (процесс консолидации идет именно между этими племенами); 2. не родственные племена, включаемые в сферы влияния этого племенного союза и в дальнейшем государства. Эти племена постепенно ассимилируются народностью.

Соответственно этому, консолидацию следует считать первым этапом этнического процесса сложения народности. Процесс ассимиляции начинается позже и составляет второй этап. Ясно, что без консолидации родственных племен и образования народности не могла начаться ассимиляция неродственных племен. Поэтому, если мы говорим, что древние местные племена Атропатены были ассимилированы ираноязычными мидийцами, то следует допустить, что существовала определенная ассимилирующая сила, т. е. мидийская народность, образовавшаяся на основе родственных племен и мелких царств. Следовательно, мидийская народность существовала бы, если только действительно племена Манны были бы ассимилированы. Однако мы знаем, что этого не произошло и, в частности, поэтому, что на территории Манны обитали тюркские этнические общности и не существовало ассимилирующей силы.

На территории Атропатены, начиная со времени существования Манны, следует выделить две тенденции этнического процесса:

1. Во времена Манны и Мидии народность не образовалась, ни ираноязычная, ни тюркская, ибо даже некоторые, ираноязычные племена, не были ассимилированы; в дальнейшем наследником языков ираноязычных племен Мидии стал язык азери, общий для некоторой части населения Атронатены;

2. В Манне обитали тюркские племена, и это ядро в последующих веках, сливаясь с киммерами, скифами и саками, стало определяющим в этногенезе азербайджанцев на юге; большую роль в этом процессе сыграли, проникавшие сюда раннесредневековые тюркские племена. Следовательно, тюркская племенная общность на территории Южного Азербайджана со своим тюркским языком существовала с древнейших времен.

§ 3. Этапы формирования азербайджанского языка

На основании вышеизложенного мы теперь со всей определенностью можем заключить, что азербайджанский язык как в Южном, так и Северном Азербайджане имеет глубокие исторические корни. Единый грамматический строй этого языка в обеих частях обусловлен однородностью в подавляющем большинстве племенных общностей Атропатены и Албании во всех исторических периодах, начиная определенно с начала I тысячелетия до н. э. до конца раннего средневековья. По этнической принадлежности эти племенные общности являлись тюркскими.

В складывании азербайджанского языка принимали участие три группы древнетюркских племен:

1. Местные тюркские племена Манны, Мидии, Атропатены и Албании, а также пришлые в VIII—VII вв. до и. э. киммеры. искутаи и саки.

2. Раннесредневековые тюркские племена, проникшие в основном с Северного Кавказа и частично с востока — со стороны восточного Ирана — гунны, кангары, печенеги, кипчаки, болгары, савары, ораны, чулы, племена западно-тюркского каганата, хазары и другие.

3. Сельджукско-огузские племена с востока и кыпчаки с севера.

Памятниками языков первой группы племен является лишь часть топонимов или личных имен, упоминающихся в ассирийских, урартских, древнеперсидских и античных источниках из территории Манны, Мидии, Албании и Северного Причерноморья, объясняющиеся на почве древнетюркских языков. Это говорит о том, что отделение тюркских языков от других языков Алтайской семьи языков произошло не позднее I тысячелетия до н. э. Поэтому выделение V—X вв. нашей эры как древнетюркской эпохи в истории тюркских языков [171, 148] не соответствует истине (см. Заключение).

Огузские языковые элементы были характерны также для тюркских племен второй группы. Однако решающую роль в формировании «огузизмов» в азербайджанском языке сыграли сельджукско-огузские племена. Это объясняется тем, что язык этих племен к моменту появления их на территории Азербайджана уже был сформированным и письменным. Поэтому должны были существовать определенные отличительные черты между азербайджанским общенародным языком, сформировавшимся к X веку, и например, письменным языком, на котором писали Гасаноглу и Насими (XIV в.), но выделить морфологические и синтаксические соответствия между ними почти невозможно.

Как известно, письменный период для современного азербайджанского языка начинается с XIII—XIV веков. Дальнейшее развитие этого языка и его периодизация исследованы в достаточной степени (см.: 102) и поэтому мы на них не останавливаемся.

Отметим лишь, что азербайджанский книжный язык этого периода отличался от общенародного. Книжный язык был насыщен арабскими и персидскими словами (например, в творчестве Насими, Физули и др.). Народный язык, по нашему мнению, — это язык эпоса «Деде Коркуд».

Неразработанным является вопрос о временных границах дописьменного периода развития азербайджанского языка. Поскольку не был известен этнический состав древних и раннесредневековых племен Атропатены и Албании, выделить этапы в развитии дописьменного периода до сих пор не представлялось возможным. Албанский и атропатенский языки не считались тюркскими. Это объясняется тем, что местные источники на азербайджанском языке отсутствовали до XIII—XIV вв. Правда, в последние годы возникло новое мнение — о формировании азербайджанского языка раньше, примерно в VII—VIII вв. При этом исследователи исходят из того факта, что тюркские племена занимали господствующее положение в этом регионе в раннем средневековье и потому тюркская речь была принята народом на территории Албании и Атропатены еще в указанное. время. Отсюда был сделан логический вывод: до возникновения письменных памятников XIII—XIV вв. должен был существовать общенародный разговорный язык в Атропатене и Албании.

Таким образом, речь шла не об тюркоязычности атропатенской и албанской народностей, а о существовании тюркских племенных языков в обеих частях Азербайджана в раннем средневековье. Теперь можно считать твердо установленным, что история азербайджанского языка начинается в IV—III вв. до и. э. Этот вывод исходит из логичного положения, что если существовали атропатенские и албанские народности, то, значит, были и общеразговорные народные атропатенские и албанские языки.

В вопросе о том, как называть тюркские языки на территории Атропатены и Албании, многое еще не ясно. Азербайджанские лингвисты в последнее время употребляют понятие «протоазербайджанский язык». Но это, как нам кажется, не слишком удачный термин. Язык местных тюркских племен Манны и Мидии, язык скифов и саков в Манне и Мидии, а также язык албанов скорее всего следует считать диалектами древпетюркского периода. Соответственно этому языки атропатенцев и албанов после IV—III вв. до н. э. до VII—VIII вв. можно было бы называть древнеазербайджанскими дописьменными языками. Но в этом случае нельзя прямолинейно утверждать, что атропатенский и албанский языки являются древним состоянием современного азербайджанского языка. Современный азербайджанский язык завершил свое формирование к XIII—XIV вв., а до этого существовал период аранского т. е. албанского — на севере, атропатенского — на юге языка в промежутке от IV— III вв. до н. э. до X—XI вв. н. э.

Этот исторический период также состоит из двух этапов:

1. IV—III вв. до н. э. — III—IV вв. нашей эры, т. е. до проникновения тюркских племен, которые мы включили в II группу;

2. От III—IV вв. до проникновения сельджуков огузов, т. е. до XI—XII вв.

Следовательно, азербайджанский язык до XII века следует отличать от языка, известного после XIII—XIV вв. В последнем преобладали «огузизмы». Язык И. Гасаноглу, Насими и других, писавших на нем поэтов и летописцев, — по сути был языком сельджукских огузов, потому что язык огузских племен имел с ним много общего. До прихода в Азербайджан огузы уже имели свой сформировавшийся письменный язык — язык Кашгари, «Гиссейе-Юсиф», «Кутадгибилик» и др. Поэтому после XI века не потребовалось длительного времени для формирования азербайджанского языка. Шло слияние местного общеразговорного языка с языком сельджукских огузов. Таким образом, период XI—XIII вв. характеризуется процессом слияния языка огузских племен с атропатенским и арранским языком, образовавшимся к X веку.

Соответственно этому можно выделить следующие периоды в истории азербайджанского языка.

I. Дописьменный период в Атропатене.

Этот период соответствует периоду существования атропатенского народа, с IV—III вв. до н. э. до XIII—XIV веков. В это время письменными языками были персидский и арабский языки. С XIII—XIV веков начинается письменный период азербайджанского языка — как на юге, так и на севере.

II. Дописьменный период в Албании.

Этот период начинается с возникновением Албанского государства (IV—III вв. до н. э.) и продолжается до V века нашей эры. В этот период албанский тюркский язык превращается из межплеменного в общенародный.

III. Письменный период в Албании.

В V—VIII вв. н. э. функционировал письменный тюркско-албанский язык. На этом языке возникает литература. Моисей Каланкатуйский отмечает (кн. III, гл. 23), что католикос Еремия (нач. V века) перевел церковные книги на албанский язык. В тот период в страну время от времени проникают тюркские племена с севера, идет. процесс формирования общенародного азербайджанского языка на основе консолидации албан с пришлыми тюркоязычными племенами. Следовательно, в этот период существовало два языка: письменный албанский язык и языки пришлых тюркских племен.

После VII века албанская письменность перестала существовать и ее место для христианской части албанов заняла армянская письменность.

Письменный язык части албан, которые стали мусульманами, как и атропатенцев, стали персидский и арабский языки.

К X в. формируется общенародный азербайджанский язык, общий для обеих частей Азербайджана. Элементы лексики азербайджанского языка того периода отражены в «Истории албан», в произведениях Гатрана Тебризи, Низами, Хагани, а также в раннесредневековых топонимах тюркского происхождения.

Заметим, что если бы к тому времени не был достигнут определенный культурный уровень, не было бы единого народа с общеразговорным языком, то не появились бы такие великие поэты и богословы VIII—X вв., писавшие на арабском языке, как Гатран Тебризи, Низами, Хагани, Фалаки Ширвани и др.

Третий этап охватывает период X—XIII вв. Этот период характеризуется консолидацией сельджукско-огузских племен с азербайджанцами, условно названными нами атропатенцами, и албанами и как следствие этнического процесса эти языки сливаются с языками огузских племен и, таким образом, возникает современный азербайджанский язык. Азербайджанский язык в том виде, в каком он отразился в письменных произведениях, начиная с Гасаноглу, Насими, Гази Бурханедднна и др., сложился после огузских завоеваний. Этим объясняется тот факт, что он ближе всего стоит к турецкому и туркменскому языкам.

У огузов, по мнению советских тюркологов, еще в бытность их в Средней Азии существовал литературный язык с сильно выраженным пластом кыпчакских элементов. Следовательно, последний этап в формировании азербайджанского языка, охвативший XI—XIII вв., характеризуется слиянием этого языка (на котором, например, создан «Гиссейе-Юсиф» и др.) с азербайджанским языком, существовавшим до проникновения сельджуков в
Азербайджан в XI в.

Отсюда видно, что историю азербайджанского языка дописьменного периода на севере в целом следует разделить на три периода, в которых соответственно он имел наименования: албанский язык, арранский язык и, наконец, азербайджанский язык,—
который сложился в XI—XIII веках. Но все эти языки теснейшим образом взаимосвязаны.

Таким образом, албанский и атропатенский языки являлись тюркскими языками, составлявшими основу азербайджанского языка.

Приведенный выше материал, по нашему мнению, диктует необходимость осмысления и пересмотра существующей концепции по вопросу периодизации дописьменного и письменного периодов азербайджанского языка именно, по предложенной нами схеме.

В связи с новой гипотезой об этнической принадлежности саков и скифов, по нашему мнению, подлежит пересмотру и существующая классификация тюркских языков, господствующая в сегодняшней тюркологии. Если в Манне и Мидии обитали местные тюркские племена носители этнонимов мадай (матай) и манна (маг) и искутаи, саки, киммеры, сарматы, — были тюркские этнические общности и, если носители конкретного этнонима албан являлись тюрками, то следует говорить о более древних тюркских племенах и при определении ареалов их распространения. В частности, следует считать в корне ошибочной концепцию, которая первое появление тюркских племен и народов в Юго-Восточной Европе связывает с гуннами первых веков н. э.

Представленные нами факты требуют по-новому поставить вопрос об истории азербайджанских диалектов и говоров и их ареалах в разные исторические периоды со времени существования тюркских этнических общностей на этой территории. На территории Азербайджана тюркские диалекты и говоры существовали со времен манеев, скифов, саков, киммеров, албанов, гаргаров, гуннов, печенегов-кангаров и др. Начиная с VII века н. э. можно говорить о существовании албанских, скифских, сакских, гаргарских, печенежско-кангарскнх, гуннских, булгаро-суварских, хазарских, кыпчакских диалектов и говоров в Албании и Атропатене до сельджукско-огузских вторжений. В азербайджанском языке и его диалектах должны были отразиться различные диалектические особенности как древнейших (скифы, саки, албаны, гаргары, чолы и др.), так и раннесредневековых тюркских
племен. Однако на данном уровне наших знаний пока трудно выявить древние, существовавшие до сельджукско-огузских завоеваний диалектные особенности. Тем более нелегко это сделать, если учесть, что тюркские лексические элементы (как в топонимах, так и в источниках) дошли до нас в древнеармянском, древнегрузинском языках и, естественно, в соответствующих фонетических формах. Разумеется, диалектные особенности албанского языка, а также пришедших в регион начиная с первых веков н. э. с севера тюркских племен подверглись изменениям и под влиянием диалектических особенностей сельджукско-огузских племен, поскольку азербайджанский язык относится к огузской группе языков. Поэтому преемственность в диалектных особенностях албанского языка и азербайджанского языка остается невыясненной.

Единство общеразговорного языка в обеих частях Азербайджана с самого начала было обусловлено тем, что в складывании азербайджанского языка и здесь, и там участвовали почти одни и те же тюркские этнические общности. Разумеется, в различные исторические периоды в ходе процесса консолидации одни диалекты и говоры прекратили свое существование, а с появлением новых тюркских племен образовались новые. Ф. Джалилов справедливо писал о том, что в исторической диалектологии следует различать отдельные периоды [101, 109]. Кроме того, в связи с возвышением тех или иных культурных
центров — городов, тот или иной диалект исторически приобретал большее влияние и распространение. Превращение диалекта или взаимопонятных диалектов в общеразговорные языки в каждом историческом

периоде обусловлено экономической, социально-политической ролью носителей этих диалектов, представителей определенной племенной общности в культурных центрах страны.

Как положительный факт надо отметить, что все эти вопросы в последние годы стали предметом специального исследования нашего языковеда Эльбруса Азизова [88, 89].

Мы полностью согласны с мнением Э. Азизова [88, 60], что формирование особенностей азербайджанских диалектов и говоров началось еще до I века. Однако выявленные и приведенные в данной работе материалы, по нашему мнению, дают возможность проникнуть в раннее средневековье и определить роль и место того или иного диалекта в образовании азербайджанского языка. В частности, особое внимание следует уделить выявлению элементов лексики албанского языка в современном азербайджанском языке. Теперь, например, можно предположить, что в период функционирования общеразговорного и письменного албанского языка — начиная с первых веков н. э. до VII—VIII вв.— в Албании должны были существовать различные диалекты.

Таким образом, современные диалекты и говоры азербайджанского языка возникли в основном после сельджукско-огузских и монгольских завоеваний XII—XIII вв., частично поглотив существовавшие до них древние диалекты и говоры, и, таким образом, азербайджанский язык превратился в язык, который стоит ближе к сельджукско-огузским языкам и приобрел черты, приблизившие его к турецкому, туркменскому и гагаузскому языкам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование азербайджанского народа представляло собой сложный экономический, политический и социальный процесс, начавшийся с древнейших времен и протекавший до VIII—X веков. Не отрицая факта проживания на территории древней Манны и Мидии хурритоязычных племен, которых исследователи условно называют каспийскими или загро-эламскими, надо признать установленным, что там же обитали племена алтайского происхождения, а с VIII—VII вв. до н. э. на эту территорию проникают тюркоязычные киммеры, искутаи, саки, а также и ираноязычные племена с востока. Однако, вопреки мнению Э. А. Грантовского о преобладании иранского этнического элемента на территории будущей Атропатены [239, 334] говорить не приходится. Включение Манны в состав Мидии не могло привести к иранизации населения этой территории, потому что не сложилась еще мидийская народность с единым иранским общенародным языком, способная ассимилировать местные тюркоязычные племена Манны. В VIII—VII вв. на территорию Манны проникают киммеры, искутаи и саки. Область расселения этих племен, как свидетельствуют исторические источники, в основном находилась в Манне. Скифов, киммеров и саков мы считаем тюркоязычными хотя бы по той причине, что, если бы они были ираноязычными, то это привело бы к иранизации всего населения будущей Атропатены и уже в раннем средневековье было бы невозможным складывание здесь тюркоязычного азербайджанского народа. До первых веков нашей эры основными компонентами, составившими ядро будущего азербайджанского народа, были именно эти тюркские элементы. К III—II вв. до н. э. существовало единой атропатенской народности с общеразговорным языком.

Как сказано выше, атропатенская народность была продуктом этнического процесса, протекавшего в предшествующий исторический период, в результате которого Мидия оказалась разделенной на две части. Это деление происходило на основе этнической принадлежности племен, населявших территорию Малой Мидии.

Причины такого этнического деления до сих пор не выяснены. Ход этнического процесса, его ранние этапы, взаимодействия племен на территории Малой Мидии еще нуждаются в разработке. Не изучены и социально-экономические процессы, связанные с развитием здесь производительных отношений на предшествующем этапе этнического процесса. Однако из сказанного выше напрашивается вывод, что племена, населявшие две части Мидии— Большую Мидию и Малую Мидию, отличались по этнической принадлежности друг от друга. Территория Малой Мидии еще в недрах Ахеменидской державывыделялась как историко-географическая область со своими специфическими этническими особенностями.

Важное место в ходе этого деления играло, несомненно, не только древнейшее этническое состояние,но и расселение части скифов — искутаев, киммеров и саков, — на территории Манны и Мидии, среди которых были и тюркские племена. Во всяком случае на территории, названной позже Малой Мидией или Мидией—Атропатеной, ираноязычное население не должно было составлять большинства в численном отношении. В противном случае Мидия не разделилась бы в конце концов на две части и из нее не выделилась бы Мидия—Атропатсна, тем более, что хотя, как полагают, языки мидян и персов фактически отличались друг от друга, были все же очень близки.

Следовательно, этнический процесс на территории Малой Мидии или будущей Атропатены шел по другому направлению, приведшему в конце концов к образованию атропатенской народности. Таким образом, следует выделить этап этнического процесса приведший в IV в. до н. э. к складыванию атропатенской народности, которая была исторически сложившейся на определенной территории Атропатены совокупностью людей, отличной от персидской народности на территории Большой Мидии.

Однако ход образования племенного союза, в результате которого сложилась эта народность, а также наименования этнических компонентов этого союза не совсем ясны. Мы не знаем, как называли себя

входившие в этот союз племена и в дальнейшем сами атропатенцы. Этнонимы «атропатенцы» в древности, «азери» — в раннем средневековье не являются этнонимами, самоназваниями, это были собирательные наименования в смысле
«люди Атропатены» или «живущие в Азербайджане».

Известно, что племенной союз первоначально состоит из родственных по языку племен. В данном случае ни этот союз, ни главенствующие племена в этом союзе не могли быть ираноязычными, потому что не мог в стране с ираноязычным населением в недрах Ахеменидской державы возникнуть другой ираноязычный народ, получивший позже название «атропатенцы».

Таким образом, специфика этногенеза в этих частях Мидии, по нашему мнению, заключается в этническом различии между племенами, населявшими эти две части. Наименование «атропатенцы» говорит о том, что существовала этническая общность, отличная от остального населения на территории Большой Мидии. Если же считать атропатенцев этнической общностью, то следует прийти к выводу, что существовал общий язык этой народности, ибо, как известно, народность возникает на почве общности языка и территории.

Возникает вопрос: почему атропатенская народность названа по имени страны Атропатены? Обычно страна называется по имени этноса, как например, наименование Албания восходит к этнониму албан. Однако в Атропатене произошло обратное — название этноса (атропатенцы) восходит к названию страны (Атропатсны). По нашему мнению, во-первых, это было результатом самобытности населения этой страны, отличавшегося по языку и этническим особенностям от населения других областей Мидии, поскольку эта область находилась в составе Иранского государства ахеменидов. В результате развития процесса самосознания население Малой Мидии как бы выделяло себя из других областей Мидии. Иными словами, название страны — Атропатены стало самоназванием его населения, потому что сложившаяся народность была отлична по языку и этнической принадлежности от остальных частей Ирана.

Во-вторых, это связано с тем, что появление атропатенской этнической общности связано с возникновением государства Атропатены. Создание государства, несомненно, стимулировало складывание атропатенской народности, ибо родоплеменное деление заменилось делением по территориальному принципу.

Образование Атропатенского государства в IV веке до н. э. создало условия для складывания народности, и, по-видимому, этот процесс привел к образованию атропатенской народности примерно к рубежу нашей эры, как верно полагают И. Г. Алиев,
И. М. Дьяконов, Э. А. Грантовский и др. Выше отмечено, что на территории Атропатены с глубокой древности обитали племена алтайского происхождения, а затем пришли киммеры, саки и скифы. Они, несомненно, играли большую роль в формировании атропатенской народности и являлись тюркоязычными. Именно это тюркское ядро следует считать основным и древним компонентом атропатенской народности, который в дальнейшем, в ран-
нем средневековье, консолидируясь с пребывшими сюда тюркскими племенами, образовал азербайджанский народ на юге страны. Поэтому эту народность нельзя считать ираноязычной. По нашему глубокому убеждению, она была тюркской с элементами двуязычия. Наряду с общеразговорным тюркским языком существовал и письменный персидский язык.

В первых веках нашей эры в Атропатену проникают новые тюркские племена — кангары, гунны, болгары, сувары, чулы, хазары, печенеги и другие, и в результате ко времени арабских завоеваний, как отмечено в арабском источнике VII века, Атропатена была уже «страной тюрок». После VII в. процесс формирования азербайджанского народа и его языка становится более интенсивным и завершается примерно к X веку, о чем свидетель-
ствует тот факт, что его некоторые лексические элементы уже отражены в творчестве Гатрана Тебризи.

Следует признать, что в Атропатене не существовало ираноязычного общенародного языка, названного арабскими географами X—XШ вв. «азери». Этим понятием они называли язык иоаноязычных племен — предков современных талышеи. гиляков и до живших в зоне Ардебиля, и поэтому, понятно, «азери» не следует рассматривать как общенародный язык населения Атропатены в период раннего средневековья. Если общенародный язык атропатенского народа не являлся ни персидским (он был канцелярским и литературным), ни арабским (он был языком науки и религии), тогда остается признать, что это мог только тюркский язык, тот который в народе назывался «трюки».

С X—X1 вв до XIII века включительно шел процесс совершенствования в Азербайджане тюркского языка, который постепенно превратился в бесписьменный литературный язык. Проникшие в регион огузские племена лишь увеличили численность тюркоязычного населения Атропатены и тем самым способствовали увеличению количества «огузизмов» в азербайджанском языке.

Таким Образом подробный критический разбор указанной концепции приводит к
выводу, что для объяснения формирования азербайджанского народа на территории Атропатены она не годится.

По свидетельствам античных источников, с IV века до н. э. в Албании доминирующим этническим элементом являлись албаны В Албании в то время обитали в основном кавказоязычные и тюркоязычные племена. Кавказоязычные племена обитали в
северо-западных и северо-восточных областях, к северу от Куры. В междуречье Куры и Аракса обитали в основном тюркоязычные племена - албаны, гаргары, саки, печенеги и др.

Племя албанов в албанском племенном союзе было ведущим. Образовался этот союз, по-видимому, где-то в середине I тыс. до н э. С образованием племенного союза и царства этноним албан стал собирательным наименованием для всего населения
страны которая также называлась «Албания» в античных, «Агван» - в древнеармянских источниках. Кура-Араксинская низменность на языке тюркоязычных племен называлась «Аран», в значении «низменность». Однако с включением междуречья в состав Албании топоним Аран стал также наименованием царства.

С первых веков н. э. до VIII в. в Албанию постепенно проникают с севера тюркские племена - чулы, гунны, сувары, болгары, хазары и др. Часть их здесь приняла христианство, а часть пришедших в VII—VIII вв. племен были язычниками.

Албания была разноплеменной страной. Упоминающиеся в раннесредневековых источниках носители этнонимов *силв, джигб, лубин (лбин), гат, эр, удин. лег* являлись предками современных аварцев цахуров, крызцев, хиналугцев, удин и лезгин.

К V веку н э в Албании была уже налицо сложившаяся народность с общеразговорным тюркским языком на котором в V в была создана письменность. Однако после VIII в. в связи с проникновениемм ислама и разделением албанской церкви албаны по религиозному признаку также разделились на две части. Часть албанов, сохранивших христианское вероисповедание, в дальнейшем армеиизировалась и огрузинилась по языку. Другая часть албанов, принявшая ислам, слилась с перешедшими в ислам тюрками-язычниками. Это слияние продолжалось примерно до X века, когда уже упоминается «аранский язык». Аранский язык — это тюркский—азербайджанский язык. Этноним «албан» некоторое время бытовал в основном среди христианской части албанов, но к концу раннего средневековья вышел из употребления и был забыт.

Этнические процессы в Албании шли взаимосвязано с аналогичными процессами в Атропатене. Этому способствовали многовековые экономические и культурные связи, участие одних и тех же тюркских этнических компонентов в этногенезе на территории обеих частей страны. В определенной степени этому способствовало и вхождение Атропатены целиком, а Албании временами, в состав государства Сасанидов, а потом арабского халифата. В частности это видно от того, что в обеих частях Азербайджана еще в античном и раннесредневековом периодах существовали одноименные населенные пункты — города Арран, Гаргар, Барда, Гянджа, Байлакан и др.

Историческое прошлое тюркских народов не может и не должно разрабатываться по существующим, нередко надуманным концепциям иранистов. Ученые-тюркологи должны иметь в виду, что иранистами привнесены также ошибочные положения и в вопросы древней и раннесредневековой истории Средней Азии и Казахстана, Южной Сибири, Юго-Восточной Европы, Северного Кавказа и Передней Азии. Поэтому, в частности, история тюркских народов периода I тысячелетия до н. э. никак не может освободиться от неправильно трактуемого понятия «скиф», под которым иранисты заведомо ошибочно подразумевают ираноязычные этносы. Потребуются усилия многих специалистов для того, чтобы восстановить истину в полном объеме. В частности, история Передней Азии древнего периода должна быть заново разработана на основе новых интерпретаций исторических фактов.

История Мидии, Манны, Атропатены и Албании в том изложении, которое существует ныне, построена зачастую на одностороннем, неверном, ошибочном толковании ономастических фактов, в результате чего история азербайджанского народа стала объектом произвольных «упражнений» иранистов, кавказоведов и арменистов.

В исторической литературе первое переселение тюркских племен с востока на запад обычно связывают с гуннами первых веков н. э. Этот мнение мы считаем ошибочным. До гуннов произошло несколько массовых переселений древнетюркских племен на запад—в Юго-Восточную Европу и Переднюю Азию. В частности, предшественниками гуннов являлись волны, связанные с алтайскими племенами киммеров, скифов и саков.

Вопрос происхождения тюркских (шире—алтайских) племен на территории Атропатены и Албании (носители этнонимов матай, манга, албан, каспи и др.) остается открытым. По всей вероятности, к началу I тыс. до н. э. эти племена уже обитали на
указанных территориях.

В связи с вышеприведенными следует внести изменения в вопрос о периодизации тюркских языков, предложенной Н. А. Баскаковым [171]. Между Алтайской и Хуннской эпохой надо выделить киммерийско-скифско-сарматский период VIII - III вв. до н. э. и назвать его тюрко-монгольским периодом.

Членение алтайских языков на тюрко-монгольский и тунгусо - манчжурский периоды следует отнести к более древнему периоду. В конце II — начале I тыс. до н. э., по-видимому, происходило становление тюркских и монгольских языков. Скифов, киммерийцев, саков, савроматов и др. следует назвать древнетюрками, а период монголо-тюркских языков — пратюрками. Древними тюрками были тюркские племена в Манне и Мидии. Выделение V—X вв. как древнетюркской эпохи мы считаем неверным. Это не соответствует тому факту, что хунны—тюрки известны в китайских источниках с 1764 г. до н. э. (см.: Л. Н. Гумилев. Хунны. М.,1960,с.23).

Во всяком случае в многочисленных тюркских этнонимах первых веков н. э. (болгар, кангар, савар и др.) отразился древнетюркское *ар* «мужчина», «герой» и т. д., а не монгольск. *ере* (*ere*) с тем же значением и это свидетельствует о том, что к концу I тыс. до н. э. тюркские и монгольские языки уже были самостоятельными.

Таковы вкратце некоторые выводы, вытекающие из изложенной в настоящей работе проблемы происхождения азербайджанского народа.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

К.Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIX.
Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — М, 1971.
В. И. Ленин. ПСС, т. 24.
В. И. Ленин. ПСС, т. 30.
М. С. Горбачев. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советскго Союза. — М., 1986.

Источники

1. Агафий. О царствовании Юстиниана. Пер. М. В. Левченко. 1955.
2. Алиев К. Г. Античные источники по истории Азербайджана. М.-Л, Баку, 1986.
3. Аракел Даврижеци. Книга историй. — М., 1973.
4. Армянская география VII века по Р. Х. — СПб., 1877.
5. Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII — XIV вв. Пер, с древнеарм. А. Г. Галстяна. — М., 1962.
6. Ахмед ибн Асам аль Куфи. Книга завоеваний. Пер. З. М. Буниятова. — Баку, 1982.
7. Ал-Баладзори. Книга завоевания стран. Пер. с арабского П. К. Жузе. —Баку,1927.
8. Буниятов З. М. Йакут аль-Хамави. Муджам аль-Булдан. (Сведения об Азербайджане). Хамдаллах Казвини. Нузхат ал-Кулуб (сведения по Азербайджану).—Баку,1983.
9. Вахушти Багратиони. География Грузии. — Тифлис, 1904.
10. Велиханлы Н. В. Арабские географы-путешественники X—XII вв. об Азербайджане. — Баку, 1974
11. Велиханлы Н. В. Ибн Хордадбех. — Баку, 1986.
12. Византийские историки. Перевод с греч. С. Дестуниса. — СПб., 1860.
13. Всеобщая история Вардана Великого. Пер. Н. Эмина. — М., 1861.
14. Гандзакеци Киракос. История. — Баку, 1946.
15. Геродот. История. — М., 1971.
16. Грузинские документы XI—XV вв. Пер. С. С. Какабадзе. — М., 1982.
17. Дневник Захария Акулисского. — Ереван, 1939.
18. Документы архива хивинских ханов по истории и этнографии каракалпаков. — М., 1967.
19. Егише. О Вардане и войне армянской. Пер. с древнеарм., И. А. Орбели.— Ереван, 1971.
20. Есай Хасан Джалалян. Краткая история страны Албанской. — Баку, 1989.
21. Картлис-Цховреба. Том I, Тбилиси, 1955; том II, Тбилиси, 1959 (на грузинском языке).
22. Книга моего деда Коркута. — М.-Л., 1962.
23. Книга деяний Ардашира, сына Папака. — М., 1987.
24. Корюн. Житие Маштоца. Пер. Ш. В. Смбатяна и К. А. Мелнк-Оганджаняна. — Ереван, 1962.
25. Корюн. Житие Маштоца. Пер. Тер-Григоряна. Научный архив Ин-та истории АН Азерб. ССР, инв. № 2064.
26. Константин Багрянородный. Об управлении империи. — М., 1989. 499
27. История агван Моисея Каганкатваци. Пер. К. П. Патканова. — СПб., 1861.
28. История Армении Моисея Хоренского. Пер. Н Эмиина — М 1893
29. История Армении авста Бузанда. Пер. М. А. Геворгяна. — Ереван, 1953
30. История Армении Лазаря Парбского. — Тифлис, 1904 (на армянском языке).
31. История Армении католикоса Иоаханна Драсханакертского Научный архив Ин-та истории АН Азерб. ССР, нив. № 156.
32. История анонимного повествователя Псевдо-Шапух Багратуни Пер с древнеармянского, предисловие и комментарии М. О. Дарбинян-Меликян Ереван, 1971.
33. История и восхваление венценосцев. Перевод, предисловие и примечания К. С. Кскелидзе. — Тбилиси, 1954.
34. История императора Иракла. Сочинения епископа Себеоса, писателя VII века. Пер. К. П. Патканяна. ~ СПб., 1862.
35. История халифов Вардапета Гевонда, писателя VIII века. Пер. К Патканова. — СПб., 1862.
36. Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I, вып. 1, СПб., 1893; вып. 2, СПб., 1896; вып. 3, СПб., 1900; т. II, вып. 1, СПб., 1904; вып. 2, СПб., 1906.
37. Ибн Мискавейх. Таджариб ал Умам. Пер. с арабск. П. К. Жузе. Научный архив Института истории АН Азерб. ССР, инв. № 162.

38. Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк. Пер. с древнеармянского, предисловие и комментарии Ш. В. Смбатяна. — Ереван, 1984.
39. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Пер. с дрсвиегрузинского, предисловие и комментарии Г. В. Цулая. — М., 1979.
40. Мхитар Гош. Албанская хроника Пер. с английского 3. М. Буниятова.— Баку, 1960.
41. Рашид ад-Дин. Джами ат-таварнх. — Баку, 1956.
42. Садраддин. Али ал-Хусейни. Зубдат ат-таварих. Пер. 3. М. Буниятова.М., 1980.
43. Степенное Орбелиан. Из истории рода Сисакан. Пер. с древнеармянского Г. Тер-Григоряна. Научный архив Института истории АН Азерб. ССР,инв. № 1274.
44. Ат-Табари. История царей и пророков. Научный архив института истории АН Азерб. ССР, инв. №
45. Тарихи Дербенднаме. Под ред. М. Алиханова-Аварского. — Тифлис, 1898.
46. Феофилакт Симокатта. История. — М., 1957.
47. Фома Мецопский. История Тимурлана. — Баку, 1956.
48. Шихаб ад-Дин Мухаммед ан-Насави. Жизнеописание Султана Джалал ад-Дина Манкбурны. Пер. с арабского 3. М. Бунияатова. — Баку, 1973.
49. Худуд ал-Алам. Рукопись Туманского. С введением и указателем
В. Бартольда. — Л., 1930.

Словари

50. Будагов Л. 3. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий т. I, СПб., 1869; т. II, СПб., 1871.
51. Древнетюркский словарь. — М., 1969.
52. Киргизско-русский словарь. М., 1965.
53. Монгольско-русский словарь. Сост. Дамба-Ранчине. — М., 1967.
54. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, тт. I—IV.
55. Татарско-русский словарь, М., 1966.
56. Туркменско-русский словарь. М.. 1968.
57. Турецко-русский словарь. — М., 1977.
58. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Сост. В. Л. Гукасян. — Баку, 1974.
59. Уйгурско-русский словарь. М., 1968.
60. Узбекско-русский словарь, М., 1959.
61. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, тт. I—IV.
62. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные), т. 1. — М., 1974; Общетюркскне и межтюркские основы на буквы, т. II, «Б». — М., 1978; Общетюркские и межтюркскне основы на буквы «В», «Г», и «Д», т. III, М., 1980 (нумерация томов наша. — Г. Г.).

Обобщающие работы

63. История Азербайджана, т. I. — Баку, 1958.
64. История Азербайджана. — Баку, 1966.
65. История Азербайджана.— Баку, 1979.
66. История армянского народа. — Ереван, 1980.
67. История Дагестана, т. I. — М., 1967.
68. История Грузии, т. I. — Тбилиси, 1962.
69. История Казахской ССР, т. I. Алма-Ата, 1957.
70. История Татарской АССР, т. 1, Казань, 1955.
71. История Тувы. — В., 1964.
72. История Туркмении, т. 1, Ашхабад, 1955.
73. История Узбекской ССР, ч. I. Ташкент, 1968.
74. История СССР, т. I. — М, 1966.

Энциклопедии

75. Азярбайъан Совет енсиклопедийасы. I—X. Бакы.
76. Армянская Советская Энциклопедия. Том. I.
77. Большая Советская Энциклопедия.
78. Советская историческая Энциклопедия.

Литература
на азербайджанском языке

79. Араслы Щ. Низамидя халг сюзляри, халг ифадя вэ зярб мясяляляри.
Изв. АзФАН СССР, 1942, № 8.

80. Асланов В. И. XII ясря гядярки Азярбайъан дили щаггында. «Азярба]ъан филолоэи]йасы мясяляляри». 1, Бакы, 1983.
81. Бегдели Г. Гятран Тябризи вя онун диваны.—Бакы, 1967.
82. Бунйадов 5. М,, Мяммядов Щ. Низами вягфи щагтында сянядя даир. «Ядябиййат вя инчясянят» гязети, 3. VIII. 1984.
83. Ге]буллайев Г. Я. Азярбайъанда гыпчаг мяншяли етнотопонимляр щаггында. Азярб. ССР ЕА Мярузяляри, 1976, № 4.
84.Ге]буллайев Г. Я. Азярбайъ ан топонимикасында яряб тябягяси щаггында. Азярб. ССР ЕА Хябярляри. Ядябиййат, дил вя инчясянят сери]асы, 1976, № 1.
85. Гядиров Ф. В. Азярбайъанын шимал мудафия истещкамлары. — Бакы, 1984.
86. Гукасйан В.Л. Азярба]чан дилинин тяшяккул тарихиня даир ге]дляр. «Азярбайъан филолокийасы мясяляляри», 1 бурахылыш, Бакы, 1983.
87. Дямирчизадя 9. М. Азярбайъан ядяби дилинин тарихи. I чилд — Бакы, 1979.
88. Язизов Е. И. Азярба]чан диалектляринин етник тяркибиня даир. «Турк диллярининн гурулушу вя тарихи».—Бакы, 1983.
89. Язизов Е. И. Орта яср Азярбайчан диалектляринин фонетик хусусиййятлэри. «Мугайисяли тарихи турколоэийанын актуал проблемляри».—Бакы,1984.
90. Ялийев К- Гядим Азярбайъан топонимляриня даир. «Р. Йузбашов,К, Ялийев, Ш. Ся'дийев Азярбайъанын ъоьрафи адлары». Бакы, 1972.
91. Ибращимов Ф. Ичяри шящярин сон тапынтылары. «Елм вя щяйат» журналы, 1985, № 10.
92. Мяммядов А. М. Азярбайъан дилинин еркян тарихиня аид материаллар. «Азярба]чан филолокийасы мясяляляри», 1, Бакы, 1983.
93. Мяммядов Н. Азярба]чан дилчилийинин нязяри ясаслары.—Бакы, 1971.
94. Мяликов И. Хатт—умумтурк дил паралелляри. «Азярбайъан филолоэийасы мясяляляри» II, Бакы, 1984.
95. Мцсяви Г. Бакы тарихиня даир орта яср сянядляри.—Бакы, 1977
96. Онуллащи С. Иран буржуа алимляриннн ясярляриндя Азярбайчан дили тарихинин сахталашдырылмасы. В сб.: «Против буржуазных фальсификаторов истории и культуры Азербайджана».—Баку, 1978. .
97. Рящимов Л. «Мидийа» вэ «Маг» сезляринин мяншяйинэ даир. «Азярбайчан филолоэийасы мясяляляри», 1, Бакы, 1983.
98. Сяфярли Я. Новрузов М. Дядя-Горгуд йурду. Ордубад. «Азурбайчан мцяллими» гязети, 3. VI. 1986.
99. Таыыйева Ш. Я. Мцасир Иран тарихшунаслырында Азярбайхан халгынын етник бирлийинин инкар едилмяси щаггында. В. сб.: «Против буржуазных фальсификаторов истории и культуры Азербайджана». Баку, 1978.

100. Чяфяров Я. Азярбайъан мядяниййяти. «Ядябиййат вя инъясянят» гязети, 1989, № 1.
101. Ъялилов Ф. Азярбайъан дилинин морфонолокийасы. — Бакы, 1988
102 .Щаъыйев Г. И. Вялийев В. И. Азярба]йъан дили тарихи. — Бакы, 1983.
103. Щаъыйев Т. Я. Азярбайъан дили вя тцрк етник анлайышы щаггында. «Мцгайисяли тарихи турколоэийанын актуал проблемляри». — Бакы, 1984
104. Щаъыйев Т. И. Азярбайчан дилиин тяшяккцлц тарихиня даир гейдляр. «Азярбайчан филолоэийасы мясяляляри».—Бакы, 1983.
105. Фазили А. Азярбайъанын гядим тарихи мцасир Иран тарихшунаслырында. — Бакы, 1970.
106 Пишявари М. Сеч. ясярляри. Бакы, 1965.
107. Шярифли М. Х. IX ясрин икинчи йарысы—XI ясрлярдя Азярбайъан феодал девлятляри. — Бакы, 1978.

На русском языке

108. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор, т. I. — М.-Л., 1949.
109. Абаев В. И. Скнфо-евроиейские изоглоссы. М., 1965.
110. Абаев В. И. О перекрестных изоглоссах. Этимология — 1966. М., 1968.
111. Абаев В. Я. Язык в истории. Сб. Теоретические проблемы советского языкознания, М.,1968.
112. Абаев В. И. Из иранской ономастики. Сб. История иранского государства и культуры. — М., 1971.
113. Абаев В. И. О некоторых лингвистических аспектах скифо-сарматской проблемы. Сб. Проблемы скифской археологии, М., 1971.
114. Абаев В. Я. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I, М.-Л., 1958; т. И, М, 1973.

115. Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия. В кн. Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. — М., 1979.
116. Аббаслы М. К вопросу о происхождении сефевидов. Известия АН Азерб. ССР. Серия языка, литературы и искусства, 1973, № 2.
117. Абдураимов М. О. Очерки аграрных отношении в Бухарском ханстве в XIV - первой половине XIX в., т. I, Ташкент, 1966.
118. Абромзон С. М. Этнический состав населения Северной Киргиз и Труды Киргизской археологическо-этнографической экспедиции, вып. IV, т.,
119. Абрамзон. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи – М.,1971
120. Абрамян Г. С. Мурзаев Э. М. Армянская географическая терминология. Сб. Вопросы ономастики. Свердловск, 1982.
121. Абуладзе И. К открытию алфавита кавказских албанцев. Изв. Ин-та Языка истории и материальной культуры Груз. ФАИ ССР, т. IV, вып. 1.
122.Адамиа И. Грузинское народное зодчество (Саингпло). - Тбилиси, 1979 (резюме на русск. языке).
123. Адонц Я. Г. Армения в эпоху Юстиниана. -- Спб, 1908
125. Айдаров Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VII века. — Алма-Ата, 1971.
126. Азерли М. И. Арабоязычиый источник IX в. о древнем Азербайджане. ДАН Азерб. ССР, 1974, № 8.
127. Азимбеков И. Древности Ленкоранского края. Изв. Азерб. археолог. комитета, Баку, 1926, вып. II.
128. Акопян А. А. Албания — Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. — Ереван, 1987.

129. Алиев Я. Г. Мидия — древнейшее государство на территории Азербайджана. В сб. Очерки по древней истории Азербайджана, Баку, 1956.
130. Алиев Я. Г. История Мидии. — Баку, 1960.
131. Алиев И. Г. Сармато-аланы на пути в Иран. В кн.: История иранского государства и культуры. —М., 1971.
132. Алиев Я. Г. К интерпретации параграфов, 1, 3, 4, 5, IV главы XI книги Географии Страбона, ВДИ, 1975, № 3.
133. Алиев Я. Г. О скифах и Скифском царстве в Азербайджане. Переднеазиатский сборник, т. IV, М., 1979.
134. Алиев Я. Г., Погребова М. Я. Об этнических процессах в областях Восточного Закавказья и Западного Ирана в конце II — начале I тыс. до н. э. Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981.
135. Алиев Я. Г. О проникновении на территорию Азербайджана ираноязычных племен в конце II — начале I тыс. до н. э. Изв. АН Азерб. ССР, серия истории, философии, и права, 1987, № 2.
136. Алиев Я. Г. Племена и племенные группы в Атропатене. Формирование миднйско-атропатенского этноса. ВДИ, 1987, № 3.
137. Алиев Я. Г. Карабах в древности. Изв. АН Азерб. ССР, серия истории, философии и права, 1988, № 3.
138. Алиев Я. Г., Османов Ф. Л. Ванночные погребения на территории Кавказской Албании и вопрос о парфянском элементе в юго-восточном Закавказье. Изв. АН Азерб. ССР, серия истории, философии и права, 1989, № 1.
139. Алиев К. Г. К вопросу о племенах Кавказской Албании. В сб. Исследования по истории и культуре народов Востока. (Сборник в честь И. А. Орбели), М.-Л, 1956.
140. Алиев /(. Г. О населении древней Албании. ДАН Азерб. ССР, 1959, №2.
141. Алиев К. Г. Историческая топонимика. Изв. АН Азерб. ССР, серия истории, философии и права, 1969, № 4.
142. Алиев К. Г. К вопросу о номадах Средней Азии и древнего Азербайджана (Атропатена и Кавказская Албания). Сб. Центральная Азия в Кушанскую эпоху, т. II, М., 1974.
143. Алиев К. Г. К вопросу о гаргарах и территории их расселения. ДАН Азерб. ССР, 1981, № 1.
144. Алиев К. Г. Этюды о населении древнего Азербайджана. В кн.: К проблеме этногенеза азербайджанского народа, Баку, 1984.
145. Алиев К. Г. Албанские кочевники и басилевс Зобер. Изв. АН Азерб. ССР, серия обществ, паук, 1962, № 8.
146. Алияров С. С. Об этногенезе азербайджанского народа. В сб.: К проб-
леме этногенеза азербайджанского народа, Баку, 1984.
147. Аракин В. Д. Тюркские лексические элементы в русских повестях и сказаниях XIII—XV вв. Сов. тюркология, 1973, № 3.
148. Аристов Я. Л. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. «Живая старина», вып. 3—4. СПб., 1896.
149. Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. — Л., 1936.
150. Артамонов М. Я. К вопросу об этногенезе в советской археологии. КСИИМК, вып. XXIX, М., 1949.
151. Артамонов М. И. История хазар. — Л., 1962.
152. Артамонов А1. Я. Скифо-снбирское искусство звериного стиля. Сб. Проблемы скифской археологии, М., 1971.
153. Артамонов М. Я. Киммерийцы и скифы. — Л., 1974.
154 Арутюнян П. Т. Борьба армянского и азербайджанского народов в 20-х гг. XVIII века за присоединение к России. Уч. зап. Ин-та востоковедения АН СССР т III 1951.
155. Арутюнян Н. В. Топонимика Урарту. — Ереван, 1985.

156, Асланов А. Топономня Алазаиской долины. В сб. Топонимика Кавказа. Махачкала, 1976
157. Атаниязов С. Толковый словарь географических названий Туркменистана — Ашхабад, 1980 (на туркм. языке),
158. Ахинжанов М. Б. Об этногенезе казахского народа. - Алма-Ата, 1957
159. Ахмедов Г М. Средневековый город Байлакан. — Баку, 1972.
160. Ашурбейли С. Б. Очерк средневекового города Баку. - Баку, 1964.
161. Ашиобейли С Б Топонимика Апшерона в связи с вопросом этногенеза азербайджанцев. АН Азерб. ССР, серия истории, философии и права> 1967
162.Ашурбейли С. Б. О датировке и назначении Гыз-Каласы в крепости Баку. Изв. АН Азерб. ССР, серия обществ наук, 1974, № 3.
163. Ашурбейли С Б Государство Шпрваншахов. — Баку, 1985.
164. Бабаев И А.. Казиев в С. М. КабалинскнЙ клад. Нумизматика и этнографика, т. IX, 1971
165. Бабаев И.А.К вопросу о возникновении государства Албани, (Кавказской). Изв. АН Азерб. ССР, серия истории, философии и права, 1976, № 4.
166. Бакиханов А. Гюлистан-Ирем. — Б., 1926.
167. Бартольд В.В. Соч.тт. I-V
168. Бархударян М. Арцах Пер. с армянского Яргуляна . Науный архив Ин-та истории АН Азерб. ССР, инв.№ 1662
169. Бархударян С.Г. Дербентское армяно-албанское царство. Историко-филологический журнал, 1969, № 3 (на арм. языке)
170. Баскаков Н. А. Тюркские языки. — М., 196О.
171. Баскаков Д. Л. Введение и изучение тюркских языков. - М., 1969
172. Баскаков Н. Л. О происхождении этнонима башкир. Этническая ономастика, - М. 1984
173.Баскаков Н.А.. Этнонимы алтайцев, киргизов, тувинцев и хакасов как источник этногнетическнх связей этих народов между собой. Сб. Ономастика Киргизии, Фрунзе, 1985
174.Бердзенишвили Н.А., Дондуа В. Д. Грузинские земли в УП-1Х вв. Очерки истории СССР, III—IX вв., М., 1958.
175. Бердзенишвили Н. А. Картли. Вопросы истории Грузин, т. XIII. -, Тбилиси, 1975, с. 623
176. Березин . Путешествие по Дагестану и Закавказью - СПб, 1849
177. Бернштам. Некоторые итоги археологических работ в Семиречье. Кр. сообщения НИМК, вып. XIII, 1946.
178. Бернштам А.Н., Заднепровский Ю.А. Западно-Тюркский каганат.
179. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М,, 1973.
180. Бромлей Ю. В. Этносоцнальные процессы. Теория, история, соврЕменность —М., 1984.
181. Брун Ф К, Опыт соглашения противоположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с нею землях. В кн.: Черноморье. - Одесса, 1880 ч I.
182. Буниятов 3. М. Новые данные о местонахождении крепости Шаки.ДАН Азерб. ССР, 1959, № 9
183.Буниятов З.М. Азербайджан в VII – IX вв. – Баку, 1965
184. Буниятов 3. М. Ширван в XII - первой половине XIII в. Изв. АН Азерб ССР, серия истории, философии и права, 1975, № 4.
185. Буниятов 3. М. Еще раз о локализации Шаки (в связи с публикацией Гурама Гумбы). Изв. АН Азерб. ССР, серия истории, философии и права, 1987 № 1
186. Буниятов 3. М. О некоторых тенденциях в освещении средневековой истории Азербайджана (по материалам журнала «Элм ве хаят»). Изв. Азерб. ССР, серия истории, философии и права, 1987, № 3
187. Буниятов 3. М., Нейматова М. С. Рецензия на «Корпус арабских надписей Армении VIII—XV вв.» А. А. Хачатряна. Изв. АН Азерб. ССР, 1988, №3.
188. Буниятов 3. М., Велиханлы Н. Каспийское море в арабских источниках, — 1988, № 3.
189. Буниятов Дж. 3. Материалы из сочинений Закария ал Казвнни об Азербайджане. Изв. АН Азерб. ССР. Сери^ истории, философии и права 1976, № 3.

190. Валиханов Ч. Ч. Сочинения, тт. I—IV.
191. Велиев М. Г. Население Азербайджана. Музей этнографических сокровищ. «Азербайджанский настольный календарь». — Баку, 1924.
192. Величко В. Л. Кавказ. — СПб., 1904.
193. Велиханова Н. М. Изменение исторической географии Азербайджана в результате арабского завоевания. Сб, Историческая география Азербайджана. Баку,1987.
194. Виноградов В. Б. О скифских походах через Кавказ (по письменным источникам). Труды Чечено-ингушского НИИ, том IX, Грозный, 1964.
195. Виноградов В. Б. Тайны минувших времен. — М., 1966.
196. Виноградов В. Б. Сиракский союз племен на Северном Кавказе, СА, 1965, № 1.
197. Ванников Я. Р. Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. 1, 1956.
198. Виноградова О. И., Климов Г. А. Об арменизмах в дагестанских языках. Изв. АН Азерб. ССР. Сер. истории, (философии и права. — 1988, № 3.

199. Вильчевский. Курды. — М., 1962.
200. 'Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—VI вв. до н. э. Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М., 1973, т. 8.
201. Волкова И. Г. Этнические процессы в Закавказье в XIX—XX вв. Кавказский энтограф. сб. IV, М., 1969.
202. Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа.— М., 1973.
203. Волкова Н. Г. Названия кумыков в кавказских языках. В сб. Этническая ономастика, М., 1984.
204. Вострое В. В., Муканов М. С. Родоплеменной состав и расселение казаков. — Алма-Ата, 1968.
205. Гаджиев Т. И. Историчекие условия формирования Азербайджанского национального литературного языка. Сб. Проблемы изучения источников по истории Азербайджана. Баку, 1988.
206. Гаджиева Н. 3. Тюркоязычные ареалы Кавказа. — М., 1979.
207. Гагемейстер Н. А. Новые очерки Закавказья. — СПб., 1948.
208. Гаглойти 70. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин.—Тбилиси, 1966.
209. Гарданов В. К., Долгих Б. А., Жданко Г. Л. Основные направления этнических процессов у народов СССР. Сов. Этнография, 1961, № 4.
210. Галяутдинов И. Г. Ономастикой «Тарихнама-и булгар» Таджетдина Ялсыгулова. Сб. Башкирская этнонимия, Уфа, 1987.
211. Гафуров Б. Г. К 2500-летию иранского государства. История Иранского государства и культуры. М., 1971.
212. Гейбуллаев Г. А. К выяснению двух этнонимов Кавказской Албании, ДАН Азерб. ССР, 1976, № 6.
213. Гейбуллаев Г. А. О происхождении .названия города Чол в Кавказской Албании. Сов. тюркология, 1976, № 6.
214. Гейбуллаев Г. А. О происхождении некоторых этнотопонимов Азербайджана (Деллер, Тулу, Тнрксш, Шадылы, Тубакенд, Тулус, Чолган, Кузанлы). ДАН Азерб. ССР, 1978, № 1.
215. Гейбуллаев Г, А. Об иранских топонимах в Азербайджане. Изв. АН Азерб. серия истории, философии и права, 1979, № 2.
216. Гейбуллаев Г. А. О происхождении некоторых этнотопонимов Азербайджана. Азербайджанский этнографический сборник, вып. IV, 1981.
218. Гейбуллаев Г. А. О локализации топонима Хурсан в древней Кавказской Албании, ДАН Азерб. ССР, 1982, № 8.
219. Гейбуллаев Г. А. К происхождению этнонима ингилои. ДАН ССР,1984, №3
220. Гейбуллаев Г. А. К этногенезу азербайджанцев (по данным топонимии) К проблеме этногенеза азербайджанского народа, Баку, 1984
221.Гейбуллаев. Г.А. Кыичакские этнотопонимы в Азербайджане. Азербайджанский этнографический сборник, вып. V, Баку. 1985
222. Гейбуллаев Г. А. К происхождению крызов. ДАН Азерб. ССР, 1985 №3
223. Гейбуллаев Г. А К выяснению двух этнонимов Кавказской Албании. ДАН Азерб. ССР. - Баку, 1986
224. Гейбуллаев Г. А . Топонимия Азербайджана - Баку. 1986
225. Гейбуллаев Г. А. О Сакасене в Атропатене. ДАН Азерб, ССР, 1989, № 7
226.Генко А. Н. Сообщение о результатах поездки в Хиналуг. Бюлл. Кавказского ист. археол. комитета в Тифлисе, № 1-3, Тифлис, 1928.
227. Геюшев Р. Б. О Хотаванском храме и его надписях. Изв. АН Азерб. ССР, серия истории, философии и права, 1972, №1
228. Геюшев Р. Б Христианство в Кавказской Албании. - Баку, 1984.
229. Геюшев Р. Б. Традиции н инноваиии в погребальных памятниках Кавказской Албании (К этногенезу азербайджанского народа). Сб. К проблеме этногенеза азербайджанского народа, Баку, 1984.
230. Гинзбург В. Древнее население восточного и центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным. Труды ин-та этнографии АН СССР, новая серия, т.XXXIII, 1956
231. Гинзбург В.В.Антропологические данные к вопросу об этногенезе населения Среднеазиатского междуречья в Кушанскую эпоху. В кн. Центральная Азия в Кушанскую эпоху. М.,1974, Т. 1
232. Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования всех тех царств в природе, ч. III, СПб, 1785
234. Голубовсикй П.В.Болгары и хазары. Киевская старина, 1888, №7
235. Гохман И.И.Предисловие в кн.: Т.А.Тот, Б.В.Фирштейн. Антропологические данные к вопросу о великом переселении нарподов. Аавры и сарматы – Л, 1970
236. Граков Б.Н. Легенда о скифскрм царе Арианте. Сб.История, археология и этнография Средней Азии, М.,1968
237.Граков Б.Н. Каменное городище на Днепре. МИА, вып. 36, 1954
238. Грантовский Э.А.Сагартин XIV округа государства Ахеменидов по списку Геродота (III – 93). Краткие сообщения Ин-та народов Азии, вып. 46, М., 1962
239. Грантовский Э.А. Рання история иранских племён Передней Азии – М.. 1974
240. Грантовский Э.А. Индо-иранские касты у скифов. XXV Международная конференция востоковедов. Доклады делегации СССР, М.,1960
241. Грантовский Э.А.О восточных племенах Кушанского ареала. В кн: Центральная Азия в Кушанскую эпоху, М.,1974. т.II

242. Грантовский Э.А. Раевсикй Д.С.Об ираноязычных и «индоарийском» населении Северного Причерноморья, М.,1984
244. Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии – М.,1980
245. Грек А.Н. Краткий очерк истории Кавказского перешейка. вып. I. Киев, 1895
246. Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край, т.1, СПб, 1914
247. Грязнов М.П. Памятники Майэмирского этапа эпохи ранних кочевников, КСИИМК, вып. XVIII, 1947.
248. Грязное М. Л. Аржан—царский курган раянескифского времени. Л., 1980.
249. Гукасян В. Л. Об азербайджанско-удинских языковых взаимоотношениях. Изв. АН Азерб. ССР, серия истории, философии и права, 1966, № 3.
250. Гукасян В. Л. К освещению некоторых вопросов истории Азербайджана в монографии «Азербайджан в VII—IX вв.», Изв. АН Азерб. ССР, серия истории, философии и нрава, 1968, № 4.
251. Гукасян В. Л. Значение Закавказских источников в изучении истории азербайджанского языка дописьменного периода. Советская тюркология, 1978, № 2.
252. Гукасян В. Л. Тюркизмы в «Истории албан» Моисея Утийского. В кн.: Структура и история тюркских языков, М., 1971.
253. Гукасян В. Л. Кавказский языковый ареал н вопрос субстрата. В кн.: Лингвистическая география и проблемы истории языка, ч. I, Нальчик, 1981.
254. Гукасян В. Л., Асланов В. И. Исследования по истории азербайджанского языка дописьменного периода. — Баку, 1986.
255. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. — М., 1967.
256. Гумилев Л. Н. Открытие Хазарин. — М., 1966.
257. Г у лиева Л. Г. Опыт исследования гидронимии Кубани. Автореф. канд. дис. М, 1969.
258. Гусейнзаде А. К. Об этимологии топонима Баку, Советская тюркология, 1971, № 1.
259. Гусейнзаде Л. К. К этимологии топонима Баладжар. Советская тюркология, 1978.
260. Гусейнзаде А. К. Об одном древнем этнотопониме Азербайджана (Bilasuvasr). Советская тюркология, 1979, № 5.
261. Гусейнов Р. А. О тюрках IV—VII вв. в зоне Кавказской Албании. В сб.: Вопросы истории Кавказской Албании, Баку, 1962.
262. Гусейнов Р. Л. Тюркские этнические группы XI—XII вв. в Закавказье. Тюркологический сборник, 1972, М., 1973.
263. Гусейнов Р. Л. Искажение истории Азербайджана XI—XII вв. в современной турецкой историографии. В кн.: Против буржуазных фальсификаторов истории и культуры Азербайджана», Баку, 1978.
264. Дандамаев М. Л. Иран при первых ахеменидах. — М., 1963.
265. Дандамаев М. А. Поход Дария против скифского народа Сака. Крат. сообщ. Ин-та народов Азии, 1963, № 6.
266. Дандамаев М. А. Новые данные о религии персов. ВДИ, 1974, № 2.
267. Джавахишвили И. А. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Кавказа древнейшей эпохи. ВДИ, 1939, № 4.
268. Джавахишвили И. Л. История грузинского народа, т. I. — Тифлис, 1914.
269. Джангиров М. Материалы азербайджанского литературного языка в словарях XI—XV вв. и элементы функционально-стилевой дифференциации. Изв. АН Азерб. ССР, серия литературы, языка и искусства, 1987, № 2.
270. Джафаров Ю. Р. К вопросу о первом появлении сабир в Закавказье, ВДИ, 1979, № 3.
271. Джафаров Ю. Р. Гунны и Азербайджан. — Баку, 1985.
272. Джеиранишвили Е. Ф. О первоначальном значении географического названия Курмух. ИКЯ, т. XIII, Тбилиси, 1962.
273. Дешериев Ю. Грамматика хиналугского языка. — М., 1963.
274. Дебец Г. Ф. О физических типах людей скифского времени. В сб.: Проблемы скифской археологии, М., 1971.
275. Дитмар А. Б. От Скифии до Элсфактики. — М., 1961.
276. Добродомов И. Г. Из булгарского вклада в славянских языках. Этимология — 1970, М., 1972.
277. Доватур А. И., Каллистов Л. П., Шишова И. Л. Народы нашей страны в истории Геродота. — М., 1982.
278. Дондуа В.. Некоторые замечания по коллективной работе «История армянского народа», соч., т. III. — Тбилиси, 1983.
279. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. — М, 1960.
280. Дорн Б. Каспий. — СПб., 1875.
281. Дульзон А. П. Индоевропейские гидронимы Сибири. — М., 1964.
282. Дьяконов И. М. Ассиро-вавилонские источники ио истории Урарту ВДИ, 1951, № 2.
283. Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э, М.-Л, 1956.
284. Дьяконов И. М. Народы Передней Азии. Труды Ии-та этнографии им. М. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, новая серия, т. XXXIX, М., 1958.

285. Дьяконов Я. М. Некоторые лингвистические данные и проблема связей населения Восточного Кавказа и Закавказья с древним Востоком с III— тыс. до н. э. (Тезисы), Баку, 1966.
286. Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. — М., 1967.
287. Дьяконов И. М. Восточный Иран до Кира. В кн.: История Иранского государства и культуры, М., 1971.
288. Дьяконов И. М. К методике исследований по этнической истории (киммерийцы). В сб.: Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности, М., 1981.
289. Дьяконов И. М., Старостин С. А. Хуррито-урартские и восточно-кавказские языки. В кн.: Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988.
290. Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. — М., 1961.
291. Дьяконов М. М., Мандельштам Л. М. Средняя Азия в III—IV вв. Очерки истории СССР, III—IX вв., М., 1958.
292. Еремеев Д. Е. Происхождение юрюков и туркменТурции и основные этапы их истории. Сб. Этнические процессы и состав населения в странах Передней Азии, М., 1963.
293. Еремеев Д. Е. К семантике тюркской этнонимии. Сб. Этионимика. М., 1970.
294. Еремян С. Г. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя
Вараз-Трдата к хазарскому хагану Алп Илитверу. Зап. Ин-та Востоковедения, АН СССР, VII, 1939.
295. Еремян С. Г. Раннефеодальныс государства Закавказья в III—VII вв. Очерки истории СССР, (III—IX вв.), М., 1958.
296. Еремян С. Т. Армения по «Ашхарайцуйу». — Ереван, 1963.
297. Еремян С. Т. Шапотрена Птолемея в связи с историей скифского царства Прикаспийского побережья. — Тбилиси, 1966.
298. Еремян С. Т. Страна «Махелония» надписи Кааба и Зардушт, ВДИ 1967, № 4.
299. Есаян С. Л., Погребова М. Я. Скифские памятники Закавказья. - М,, 1985.
300. Жданко Т. Л. Очерки исторической этнографии каракалпаков. - М., 1950.
301. Жирмунский В. И. Огузский герочсский эпос и «Книга Коркута». I кн.: «Книга моего деда Коркута», М., 1962.
302. Закиев М. 3. Проблемы языка и происхождения волжских татар. Казань, 1986, т.
303. Зейналов Ф. Р. Дастан об Ахмеде-херами — древнейший памятник азербайджанского языка. Советская тюркология, 1975, № 5.
304. Зелинский С. Л. Три магалп. Пахичеванскпй, Ордубадскнй и Даралагезский. Сб. сведений о Кавказе, т. VII, Тифлис, 1880.
305. Иессен Л. Л. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи. МИА СССР, 1965, № 125.
306. Иловайский Д. Разыскания о начале Руси. — М., 1882.
307. Ильинская В. Л., Тереножкин А. И. Скифия VII—IV вв. до н. э. - Киев,1982.
308. История, этнография и география Дагестана. — М., 1958.
309. Исмаилзаде Дж. Р. Об одном памятнике. ДАЙ Азерб. ССР, 1977, № 12
310. Калинина Т. М. Сведения ранних ученых арабского Халифата. — М, 1988.
311. Капанцян Гр. Историко-лингвнстпческие значения топонимики древней Армении. Труды Ереванск. гос. ун-та, т. XIV, 1940.
312. Капанцян. Гр. Исторнко-лингвистические работы. К начальной истории армян. Древняя Малая Азия. — Ереван, 1956.
313. Карахмедова Л. А. Христианские памятники Кавказской Албании (Алазанская долина). — Баку, 1986.
314. Кармышева Б. Х. Узбекн-локайцы южного Таджикистана. — М., 1954.
315. Кармышева Б. Х. Следы среднеазиатских этнонимов и атропонимов в узбекских генеалогиях (ас, кышлак, у рус). Ономастика Средней Азии, М., 1978.

316. Касумова С. Ю. К толкованию среднеперсидских надписей из Дербента. ВДИ, 1979, № 1.
317. Касумова С. Ю. Азербайджан в III—VII вв. — Баку, 1985.
318. Катаное Н. Ф. Алфавитный указатель собственных имен, встречающихся во втором томе образцов народной литературы тюркских племен, собранных, В. В. Радловым. — СПб., 1888.
319. Кашкай С. О ранних образованиях на территории иранского Азербайджана. ДАН Азерб. ССР, 1970, № 9.
320. Кашкай С. Из истории Маннейского царства. — Баку, 1977.
321. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. — М., 1951.
322. Кляшторный С. Г. Древнстюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. — М., 1964.
323. Климов Г: А. Кавказские языки — М., 1960.
324. Климов Г. А. К состоянию дешифровки агванской (Кавказско-албанской) письменности, В Я, 1967, № 3.
325. Книга Большому чертежу. М.-Л., 1950.
326. Ковалевский А. Л. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии по Волге в 921—922 гг. — Харьков, 1956.
327. Ковалевский С. А. Карта Птолемея в свете исторической географии Прикаспии. Изв. Всесоюзного географ, об-ства, 1953, № 1.
328. Койчубаев Е. .Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. — Алма-Ата, 1974.

329. Кондрашенков Л. Л. Крестьяне Зауралья в XVII—XVIII веках. Южноуральское книжное издательство, 1969.
330. Конкашбаев Г. К. Общие особенности тюркоязычной терминологии Средней Азии и Казахстана. Местные географические термины, М., 1979.
331. Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абул Гази хана Хивинского. — М.-Л., 1958.
332. Колесников А. И. Иран в начале VII века. — Л., 1970.
333. Колосовская Ю. К. К вопросу об агафирсах. Сб. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья, М., 1984.
334. Копылов Я. И. Ыаходка скифского шлема в Семиречье. Уч. зап. Алма-Атинского пед. ин-та, вып. XIV (2), 1957.
335. Короглы Х. Г. Алп Эр Тонга и Афрасиаб по Юсуфу Баласагуни, Махмуду Кашгари и др. авторам. Советская тюркология, 1970, № 4.
336. Короглы Х. Г. Взаимосвязи эпоса пародов Средней Азии, Ирана, и Азербайджана. — М., 1983.
337. Котович В. Г. О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу. Сб. Древности Дагесана, Махачкала 1974.
338. Крымский А. Е. Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана. (Классическая Албания). Кабала. Сб. статей, — Л., 1934.
339. Крупное Е. И. Каякситский — могильник — памятник дровней Албании. Труды ГИМ, вып. XI, М., 1940.
340. Крупное Е. Я. Новый памятник древних культур Дагестана, МИА, 1951, №23
341. Крупное Е. И. Древняя история Северного Кавказа. — М., 1960.
342. Крупное Е. И. К вопросу о поселениях скифского времени на Северном Кавказе, КСИИМК, вып. 24, 1949.
343. Кудрявцев Л. А. Древний Дербент. — М., 1982.
344. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. — М., 1974.
345. Кузьмина Е. Е. Сюжет борьбы хищника и копытного в искусстве «звериного» стиля евразийских степей скифской эпохи. Сб. Скифо-Сибирский мир. — М., 1987.
346. Кузьмина Е. Е. Бронзовьлй шлем из Самарканда. Сов. Археология, 1958, №4.
347. Куклина И. В. Этногеография Скифии по античным источникам.—М., 1985.
348. Курышжанов А. К. Исследования по лексике «Тюркско-арабского словаря», Алма-Ата, 1970.
349. Лавров Л. М. Карачай и Болкария до 30-х годов XIX в. Кавказский этнографический сборник, вып. IV, М., 1969.
350. Латышев В. В. Гонтика. — СПб., 1893.
351. Левина Л. М. К вопросу об антропоморфных изображениях в Джетиасарской культуре. Сб. История, археология и этнография Средней Азии, — М., 1968.
352. Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». — М., 1972.
353. Лыткин В. И, К этимологии слов угры и югра. Сб. Этимология , 1968, М., 1971.
354. Луконин В. Г. Культура Сасанидского Ирана. — М., 1969.
355. Луконин В. Г. Древний и раннесрсдневековый Иран. М., 1987.
356. Магницкий В. К. Чувашские языческие имена. Изв. общества арх. истории и этнографии при Казанском ун-те, т. 21, вып. 2—3, Казань, 1905.
357. Магомедов Р. М. Дагестан. — Махачкала, 1971.
358. Мамедов Н. Х. Древнетюркские лексические элементы в талышском языке. Сов. тюркология, 1980, № 3.
359. Мамедов Т. М. К вопросу об этническом составе Азербайджана IV— VII вв. (по древнеармянским источникам). ДАН Азерб. ССР, 1975, № 9.
360. Мамедов Т. М. Албания и Атропатена по древнеармянским источникам. — Баку, 1977.
361. Мамедов Х. М. «Кайме» Бедрсддинзаде Али-бея. Изв. АН Азерб. ССР, серия истории, философии и права, 1988, № 3.
362. Мамедова Ф. 'Политическая история и историческая география Албании. — Баку, 1985.
363. Мамедова Ф. О некоторых вопросах исторической географии Албании 1—УП1 вв. Сб. Историческая география Азербайджана, — Баку, 1987.
364. Манандян Я. А. О некоторых проблемах древней Армении и Закавказья.—Ереван, 1944.
365. Манандян Я. Л. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. — Ереван, 1954.
366. Мандельштам А. М. Происхождение и ранняя история кушан в свете археологических данных. Сб. Центральная Азия в Кушанскую эиолу т. 1, М 1974.
367. Мандельштам Л. Х Средняя Азия в VI—VII вв. Очерки истооии СССР, —М, 1958.
368. Малое С. Е. Памятники древнетюркской письменности. — М –Л 1951.
369. Малое С Е, Древние и новые тюркские языки. Изв. АН СССР, Отд. литературы и языка, т. XI, вып. 2, 1952.
370. Малое С. Е. Енисейская письменность тюрков. — М.-Л., 1952.
371. Марр Я. Я. Аркаун, монгольские названия христиан в связи с вопросом об армянских халкедониатах, Византийский временник, XII, № 2, СПб 1906.
372. Марр Н. Я. К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа. Известия императорской АН, 1916
373. Марр Н. Я. Кавказские племенные названия и местные параллели. — Пг., 1922.

374. Марр Н. Я. Книжная легенда об основании Киева на Руси и Куара в Армении. Изв. Рос. Академии истор. матер, культура, т. III, М., 1924.
375. Марр Н. Я. Вступительная лекция в Лазаревском Передпеазиатском институте. Тексты и изыскания по кавказской филологии, Л., 1925.
376. Марр Н. Я. Избранные работы, т. V, М.-Л., 1935.
377. Мартынов А. И. Скифо-сибирское единство как историческое явление — Тезисы докл. Всесоюзн. конф.: Проблема скифо-сибирского культурно- исторического единства, Кемерово, 1979.
378. Массой М. Е. Распространение местных находок чекана династии Сасанидов на территории советских республик Средней Азии. Сб. Истрия иранского государства и культуры, — М., 1971.
379. Меликишвили Г. А. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья, I, Наири-Урарту, Тбилиси, 1954.
380. Меликишвили Г. Л. К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959.
381. Меликишвили Г. А. Рецензия на кн.: И. М. Дьяконов. История Мидии, ВДИ, 1958, № 3.
382. Меликишвили Г. Л. Население северных областей Наири-Урарту и его роль в древневосточной истории. — М., 1960.
383. Ме ликов Р. С. Каспии — военные колонисты в Египте. Тезисы научн. конф. молодых ученых Ин-та истории АН Азерб. ССР и Истфака АГУ, — Баку, 1983.
384. Меликов Р. С. Каспии — воины и кораблестроители. ДАН Азерб. ССР, 1988, № 5.
385. Меликсетбеков Л. М. Обзор источников по истории Азербайджана, вып. II, Баку, 1939.
386. Меликсетбеков Л. М. К истории удин. Труды Тбнлисск. гос. ун-та, 1942, т. XXIII.
387. Меликсетбеков Л. М. К истории появления гуннов в Восточном Закавказье. ДАН Азерб. ССР, 1957, № 6.
388. Меликсетбеков Л. М. Первые ахемениды и названия рек Закавказья. Труды Тбилисск. гос. ун-та, серия востоковедения, 1949, т. 91.
389. Мельников С. Сб. Древне-скандинавские географические сочггнения.— М., 1986.
390. Мерперт Я. Я. Древнейшие болгарские племена в Причерноморье. В кн.: Очерки истории СССР, III—IX вв. М., 1958.
391. Мерперт Н. Я. Кочевые племена в степной полосе Восточной Европы. В кн.: Очерки истории СССР, М., 1958.
392. Мерперт Н. Я. Гунны в Восточной Европе. В кн.: Очерки истории СССР, (III—IX вв.). М., 1958.
393. Меи Н. Д. К вопросу о'торках. Кр. сообщения ИИМК, вып. XXIII, 1943.
394. Мизиев И. М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. — Нальчик, 1986.
395. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. — М., 1963.
396. Минорский В. Ф. Исследования по истории Ширвана. Научный архив Ин-та истории АН Азерб. ССР, Я" 3310.
397. Миллер Б. В. К вопросу о языке населения Азербайджана до отречения этой области. Уч. зап. ИЭНК, вып. 1, М., 1930.
398. Мирзазаде Ч. Х. Топонимы Азербайджана в средневековых арабских географических источниках. — Баку, 1988.
399. Мищенко Ф. Г. К вопросу о царских скифах. Киевская старина. Киев, 1884.
400. Мнацаканян А. Ш. О литературе Кавказской Албании. Ереван, 1969.
401. Молчанова О. Т. Элемент тай в топонимии Средней Азии и смежных территориях. Топонимика Востока. — М., 1987.
402. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. — М., 1985.
403. Мурзаев Э. М. Центрально-азиатские топонимические миниатюры. Топонимика Востока, М., 1964.
404. Мусхелишвили Д. Л. Агджакала — крепости Гаги. Сборник по нсторической географии Грузии, т. I, Тбилиси, 1960.
405. Мусхелишвили Д. Л. Из исторической географии Восточной Грузии- Тбилиси, 1982. 406. Моллазаде С. М. Топонимия северных районов Азербайджана. — Баку, 1979.
407. Мошкевич Ф. Д. Некоторые этнографические данные о татах Ирана. Этническая история народов Азии, — М., 1972.
408. Нейхардт Л. А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. — М., 1982.
409. Нейматова М. С. Еще раз об урудских памятниках Зангезура. Изв. АН Азерб. ССР, серия истории, философии и права, 1985, № 4.
410. Нечаева Л. Г. Об этнической принадлежности иодбойных и катакомбных погребений сарматского времени в нижнем Поволжье и на Северном Кавказе. Сб. Исследования по археологии СССР, Л., 1961.
411. Новосельцев А. 77., Пащуто В. Т., Черенин А. В. Пути развития феодализма. — М., 1972.
412. Новосельцев А. Л. К вопросу о политических границах Армении и Кавазской Албании в античное время. Сб. Кавказ и Византия, вып. 1, Ереван, Кавказской Албании в античный период. Сб. Кавказ и Византия, вып. 1, Ереван, 1979.
413. Обозрение Российских владений за Кавказом. СПб., 1836.
414. Оранский И. М. Иранские языки. — М., 1963.
415. Оранский И. М. Индо-Ираника. 1—4. Сб. Этимология — 1974, М.. 1976. -

416. Оранский И. М. Группа (семья) иранских языков. Основные определения. В кн.: Основы иранского языкознания. Древнеираиские языки, М., 1979.
417. Орбели Я. Л. Избранные труды, т. I. — М., 1963.
418. Пагирев Д. Д. Алфавитный указатель к пятиверстной карте Кавказского края. — Тифлис, 1913.
419. Патканов К. О месте, занимаемом армянским языком в кругу индоевропейских. Изв. Кавказского отделения Императорского русского географ. общества, т. V, № 1, Тифлис, 1880.
420. Папуашвили Г. Г. Вопросы истории Эрети. — Тбилиси, 1970, (на груз. языке).
421. Папуашвили Т. Г. Царство ранов и кахов (VIII—XI), Тбилиси, 1982 (на груз. языке).
422. Папуашвили Т. Г. Истина — прежде всего. Литературная Грузия, 1987, №
423. Пахомов Е. Л. Пайтакаран — Байлакан — Оренкала. МИА СССР, т. 67, М.-Л., 1959.
424. Периханян А. К вопросу о происхождении армянской письменности. Переднеазиатский сборник, т. II, М., 1966.
425. Периханян А. Г. Армянская надпись из Зангезура. Некоторые вопросы средневековой диалектологии, ИФЖ, 1968, № 4.
426. Петренко В. Г. Задачи и тематика конференции. Проблемы скифской археологии, И., 1971.
427. Петрушевский И. Л. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — нач. XIX вв., Л., 1949.
428. Петрушевский И. Л. О дохоистиарских верованиях крестьян Нагорного Карабаха. — Баку, 1930
429. Петрушевский И. Л. Государство Азербайджана в XV веке. Изв. Аз. ФАН СССР, № 7.
430. Петров К. И. Проблема проживания тюркоязычного этноса на Тянь-Шане и в Средней Азии на рубеже нашей эры. Сб.: Страницы истории и материальной культуры Киргизстана, Фрунзе, 1975.
431. Пигулевская Л. В. Сирийские источники VI в. о народах Кавказа ВДИ, 1939, № 1.
432. Пигулевская 77. В. Сирийские источники по истории народов СССР, М.-Л., 1941
433. Пигулевская Л. В. Мар Аба I. (К истории культуры VI в. н. э.). Советское востоковедение, т. V, 1948.
434. Пирцхалава М. С. Памятники скифской архаики (VIII—VI вв. до н. э.) на территории древней Грузни. Автореф. канд. дне., Тбилиси, 1975.
435. Плетнева С. А. Хазары, С., 1976.
436. Фон-Плотто. Природа и люди Закатальского округа. Сб., сведений о Кавказских горцах, вып. IV, М., 1870.
437. Путешественники об Азербайджане, т. I. — Баку, 1960.
438. Погребова М. Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. — М., 1984.
439. Погребова М. Я. Памятники скифской культуры в Закавказье. Сб.: Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье, М., 1981.
440. Попов Л. Я. Названия народов СССР. — Л., 1969.
441. Потапов Л. Л. Этнический состав и происхождение алтайцев. — Л., 1969.
442. Радлов В. В. Из Сибири. — М., 1989.
443. Пянков И. В. Саки (содержание понятия). Изв. отд. общ. наук АН Таджикской ССР, 3, (53), 1968.
444. Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. — М, 1985.
445. Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание. - М., 1957.
446. Рыбаков Б, Л. Геродотова Скифия. — М., 1979.
447. Рыбаков Б. Л. Древняя Русь, СА, XVII, 1953.
448. Руденко С. Я. Башкиры. — М., 1951.
449. Руденко С. И. Горноалтайские находки и скифы. — М.-Л, 1952.
450. Руденко С. Я. Искусство Алтая и Передней Азии. - М., 1961.
451. Ряснен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. — М., 1955.
452. Савина В. Я. Этнонимы в топонимии Ирана. Сб.: Ономастика Востока, М., 1980.
453. Савина В. И. Словарь географических терминов и других слов, формирующих топонимов Ирана. — М., 1971.
454. Садыхов М. Русские путешественники об Азербайджане. — Баку, 1970.
455. СаттарОв Г. Ф. Синонимия, антонимия в татарской антропонимии Сов. тюркология, 1984, № 5.
456. Сатаров Д. С. Тюркизмы в русских названиях. Сов. тюркология, 1984, № 5.
457. Свазян Г. Х. Агваны VII—VIII вв. Автореф. канд. дне., Ереван, 1975.
458. Севортян Э. В. Тюркизмы у ранних армянских писателей. В кн.: Структура и история тюркских языков, М., 1971.
459. Севортян Э. В, Тюркские ас, аспыр, аст, асы и др. Тюркологический сборник, М., 1966.
460. Смирнов Л. Л. Скифы. — М., 1966.
461. Смирнов К. Ф. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа, КСНИМК, XXXIII, 1950.
462. Смирнов К- Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приаралья — Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа. СА., 1972, № 1.
463. Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. — М., 1984.
464. Смирнов К. Ф. Археологические исследования в районе Дагестанского поселения Тарки в 1948—1949 гг., МИА, 1951, № 23.
465. Сысоев Л. Храмы огнепоклонников. Изв. Азерб. археологического комитета, вып. 1, Баку, 1928.
466. Статистическое описание Нахичеванской провинции. — СПб., 1833.

467. Стеблин- Каменский Н. М. Флора иранской прародины. Этимология. — 1972, М., 1974..
468. Струве В. В. Арийская проблема. СЭ, 1947, № VI—VII.
469. Струве В. В. Поход Дария против скифов. — М., 1966.
470. Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. — Л., 1968.
471. Султанов Г. И. Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. — М., 1962.
472. Такайшвили А. Источники грузинских летописей. СМОСПК, 28.
473. Тер-Аветисян С. Памятники древности Карабаха и скифская проблема. — Тифлис, 1934.
474. Тер-Гевондян А. Н. Армения и арабский халифат.— Ереван, 1977.
474а. Тер-Григорян. Армянские надписи на памятниках Азербайджана X—XIII вв. Научный архив Ип-та истории АН Азерб. ССР, инв. № 976.
475. Тереножкин А. Я. Скифская культура. Сб. Проблемы скифской археологии, М., 1971.
475а. Техов Б. В. Скифы и центральный Кавказ в VII—VI вв. до н. э., М., 1980.
476. Топоров В. Н. Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии (1—2). Сб.: Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье, М., 1981.
477. Толстое С. П. Древний Хорезм. — Л., 1948.
478. Толстое С. П. По древним дельтам. (Окса и Яксарта. М., 1962.
479. Толстое С. П. Огузы, печенеги, море Даукати, СЭ, 1950, № 4.
480. Толстова Л. С. Отголоски ранних этапов этногенеза народов Средней Азии и его исторической ономастике. Сб.: Ономастика Средней Азии, М., 1978.
481. Толстова Л. С. Использование фольклора при изучении этногенеза и этнокультурных связей народов на Среднеазиатском материале. Сб.: Фольклор и историческая этнография, М., 1983.
482. Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. — М.-Л, 1959.
483. Тот Т. А., Фирнштейн. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и Сарматы. — Л., 1970.
484. Трубачев О. Н. Из славяно-иранских лексических отношений. Этимология, — 1965, М., 1967.
485. Трубачев О. Н. Из материалов для этимологического словаря фамилий России. Этимология — 1966, М., 1968.
486. Трубачев О. Я. Индоарии в Скифии и Дакии. Сб.: Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья, М., 1974.
487. Трубачев О. Я. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье. ВЯ, 1977, № 6.
488. Трощанский В. Наброски о якутах Якутского округа. Изв. об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете, 1911, т. 27.
489. Трофимова Т. Л. Приаральские саки. «Материалы хорезмской экспедиции», вып. 6/12, т. II, М., 1963.
490. Туманян Э. Древнеармянский язык. — М., 1979.
491. Туманов М. Китайские выходцы в древнем Закавказье. Заря Востока, 1927, № 1570.
492. Умняков Я. Я. История Фахреддина Мубарекшаха. ВДИ, 1938, № 1 (2).
493. Улубабян Б. Л. Очерки истории восточного края Армении (V — VII вв.). — Ереван, 1982.
494. Урушадзе Л. В. Об одном сообщении византийского историка. Сб.: Античность и современность, М., 1972.
495. Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание, III, Тифлис, Г889.
496. Федоров Я. Л., Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. — М., 1978.
497. Фитуни Л. Л. История последней столицы Ширвана. Изв. Азкомстарис, 1927.
498. Фрай Р. Наследие Ирана, М., 1972.
499. Хайдаков С. М. Сравнительно сопоставительный словарь дагестанских языков. — М., 1973.
500. Хазанов Л. М. Социальная история скифов. — М., 1975.
501. Халилов Дж. Л. Археологические находки «скифского облика» и вопрос о «Скифском царстве» на территории Азербайджана». Сб.: Проолемы скифской археологии, М., 1971.
502. Халилов Дж. Л. Материальная культура Кавказской Албании. -— Баку, 1985.
503. Хозяйственные очерки Аракской долины, вошедшей в состав Грузино- Имеретинской губернии. — СПб., 1843.
504. Черненко Е. В. Скифо-персидская война. — Киев, 1984.
505. Чернышев Е. И. Селения Казахского ханства. «Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья», Казань, 1971.
506. Членова Н. Л. К вопросу о первичных материалах предметов в зверином стиле. Сб.: Проблема скифской археологии, М., 1971.

507. Членова Н. Л. Тагарские лошади (О связях племен Южной Сибири и Средней Азии в скифскую эпоху). Сб.: Кавказ и Средняя Азия в древности и Средневековье, М., 1981.
508. Чубинишвили Г. Н. Архитектура Кахетии. — М., 1959.
509. Шанидзе А. Г. Новооткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки. Изв. ИЯИМК. Груз. ФАН СССР, т. IV, Тбилиси, 1938.
510. Шанидзе А. Г. Язык и письмо Кавказских албанцев. Вестник отд. общественных наук Грузинской ССР, Тбилиси, 1960, № 1.

511. Шаниязов С. К этнической истории узбеков. — М., 1974.
512. Шаумян Р. М. Яфетические языки «Шахдагской группы», Сб.: Язык и мышление, т. X, М.-Л., 1940.
513. Шер Я. А. Ранний этап скифо-сибирского звериного стиля. Сб. Скифо-сибирское культурно-историческое единство. — Кемерево, 1980.
514. Шихсаидов Л. Р. Ислам в средневековом Дагестане в VII—XV вв. — Махачкала, 1969.
515. Шмидт Л. Э. Материалы по истории Средни Азии и Ирана. Уч. зап. Ин-та востоковедения, т. XVI, М.-Л., 1958.
516. Шопен И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. — СПб., 1852.
517. Юсифов Ю. Б. О наименованиях «Албания», «Арран». Изв. АН Азерб. ССР, серия обществ, наук, 1961, № 10.
518. Юсифов Ю. Б. О некоторых языковых элементах тюркского происхождения в сочинении албанского историка. Советская тюркология, 1974, № 2.
519. Юсифов Ю. Б. Топонимия древнего Азербайджана в клинописных источниках. Кн.: Проблемы Азербайджанской ономастики, II, Баку, 1988.
520. Юсифов 70. Б. Ранние контакты Месопотамии с. северо-восточными странами (Прнурмийская зона). ВДИ, 1987, № 1.
521. Юсифов Ю. Б. Топонимы и этническая история древнего Азербайджана. Мат-лы конф. о проблемах азербайджанской ономастики, Баку, 1986.
522. Юсифов Ю. Б. К значению древних топонимов в изучении этнической истории Азербайджана. Изв. АН Азерб. ССР, серия литературы, языка и искусства, 1987, № 2.
523. Юсифов Ю. Б. Об актуальных проблемах этнической истории Азербайджана. «Проблемы изучения источников по истории Азербайджана», Баку, 1988.
524. Юсифов Ю. Б. Киммеры, скифы и саки в древнем Азербайджане. Кавказско-ближнесвосточный сборник, VIII, Тбилиси, 1988.
525. Юсифов Ю. Б. Гунны в Закавказье. Сб.: Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР, Алма-Ата, 1976.
526. Юсупов Г. В. Булгаро-татарская эпиграфия и топонимика как источник исследования этногенеза казахских татар. Сб.: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья, Казань, 1971.
527. Юшков С. В. К вопросу о границах древней Албании. Исторические записки, т. I, 1937.
528. Якобсон А. Л. Гандзасарский монастырь и хачкары. Факты и вымыслы. Историко-филологический журнал, 1984, № 3.
529. Янович Ф. С. Очерк Карской области. СМОМПК, вып. 34.
530. Яновский А. О древней Кавказской Албании. ЖМНП, 1846, ч. 52, № 10—12.
531. Ямпольский З. И. Древнейшие сведения о тюрках I? зоне Азербайджана. Уч. записки Азгосуниверситста, серия Языка и .литературы, 1965, 2.
532. Ямпольский З. Я. Атропатена и Кавказская Албания III—I вв. до н..э. — Баку,1962.
533. Ямпольский З. И. К вопросу об одноименности древнейшего населения Атроиатены и Албании. Труды Ин-та истории и философии. АН Азерб.ССР, IV, 1954.
534. Ямпольский З. Н. К изучению летописи Кавказской Албании. Изв. АН Азерб. ССР, серия обществ, наук, 1957, № 9.
535. Ямпольский З. И. О тюрках V века до нашей эры. Уч. зап. АГУ им. С. М. Кирова, серия языка и литературы, 1970, № 5—6.
536. Ямпольский З. И. Об этнониме севордик. Сов. тюркология, 1977,№ 3.

На персидском языке

537. Фярщянге джографийайе. Иран. т.т. I—XII.
538. Ахмед Кесреви. Азери-йа забанс бастане — Азербайджан. Техран, хид. 1317.
538[a]. Ахмед Кесреви. Намха, шахрха вэ дийехайе Иран. Техран, 1930.
539. Джамаладдин Фагих. Атурпаткан ве нехзете-едеби. Техран, хид. 1346.
540. Мухаммед Джавад Машку р. Тарихе- Тебриз. Техран, хид. 1352.
541. Мухаммед Джавад Машку р. Нсзерн бе тарих-е Азербайджан ве асаре бастани ве джемиййатшунасаи. Техран, хид. 1349.
542. Мугаддам М. Йек сенеде тарихи эз гуйешс азери. Тебриз, «Иран куде», 1939, № 10.
543. Мухаммед Гасанхан Э'тимад ус-Салтана. Кстабе ал-тедвин фи-ахвал джабал шарвин. Техран, 1875.
544. Сейид Нефиси. Ферхенгнамейе парен. Техран, хид. 1440.
545. Рахимзаде Сафави. Шархе дженгха ве тарихе зсндеканейе шап Исмаиле еввел. Техран, хид. 1341.
546. Инайатулла Рза. Сохени дер пирамуне Азербайджан. «Берресиай – е - тарихи», сале чахаром, V, Техран, 1348.

На турецком языке

547.Arat L. Eski türk hukum vesikaleri “Journal de la Sosete finno-oygrene” Helsinki, 1964, № 65
548. Ahmed Zeki Validi Togan. Azerbaicanin tarihi cographiasi “Azerbaican yürt bilgisi”, 1932, № 1-4
549. Ahmed Djafaroglu. Türk dili tarihi. I.İstanbul, 1970
550. Enver Konukci. Kusan va akhunlar tarihi. Ankara, 1973
551. Balkan Kemal. Kas tarihinin ana hatleri. “Türk tarihi kurumu”, Bell. C. XII, s. 48, Ankara, 1948
552. Yinanc M.H. türkiye tarihi. Selcuklular devri. İstanbul, 1941
553. Mahmud Kasgari. Divani lugat ittürk. Cevireni Bestüm Atalay.c.I.Ankara, 1939; c. II, 1940, C. III, 1943
554. Suvar naprabhasa (Сутра золотого блеска). Текст уйгурской редакции изд. В. Радлов и С.И.Малов.”Biblioteka Buddica”СПБ, 1943-1917
555. Serif Bastav. Sabir türkleri. “Türk tarihi kurumu”, Bell. V, Ankara. 1941
556. Turkiye, Istanbul. Basbakanlik arsivi. Taki-tehrir defterleri. NQ 903. «Defteri-müfessel-i eyaleti Gence». X, 1140/1727 ci il.
556a. Islam gografiyacilarine gore türkler ve türk ülkeleri. Hazirlayan Dr. Ramazan Sesen. Ankara, 1985.

На европейских языках

557. Bailey H. W. Languages of the Saka, Hnguistik Hor. I, 4, 1958.
558. Bailey H. W. Saka studies: the ancient kingdom of Khotan, — Iran. Journal of the British institut of Persian studies. London, 1970, V, VIII.
559. Bartholomae Ch. Altiranisches Werterbuch. Strassburg, 1904.
560. Blaichistainer R. Das Wolk der Alanen. Berichte des Forschungs. Institutes fur Osten und Orient. B. II, Wien, 1918.
561. Brandenstein W., Mayrhofer M. Handbuch des Altpersischen. Wiesbaden, 1964.
562. Clauson G., Turk, Mongol, Tungus: AM. nev. ser. v. 8, Budapest, 1960.
562a. Glauson G. The origin of the Turkisch „runic alphabet. AO, 32, 1970.
563. Gabain A. von Turkiche turfan texte. VIII. Text an Brahmischirift ADAW, 1952, No 7.
564. Golden B. K. Khazar studies. Bp. 1980, I.
564a. Charpentier J. Der name Kambuses. Zeitschrift fuc indologie und iranistik. Leipzig, 1923, Bd. 2.
565. Cristensen A. Studies zur de la Pers antigue. Kopenhagen, 1928.
566. Geiger W. Ostiranische kultur im Altertum. Erianden, 1882.
567. Harmatta J. Studies in the language of the Iranian Tribes in South Russia. «Acta Orientalia. Akademiae Scientiarum Hungaria», 1950—1951, t. I.
568. Hausig H. W. Theophylakts Exkurs liber die Skutischen. Wolker— Byzanton, XXIII, 1953.
569. Hening W. B. Two manichean magical texts with excurses on the Parthian ending-enden. BSOAS, v. XII, Pt. I, 1947.
570. Hermann A., Sabiroi.-RE der Klassichen Altertumswissen schaft, 1920, Bd. 1/2.
571. Herzfeld E., Medisch und Parthisch. AMI, Bd. VII, Ht-1, 1934.
572. Herzfeld E. Archeological history of Iran. London, 1935.
573. Herzfeld E. Zopoastr and his world, v. 1—2. Prinston, 1947.
574. Honigman E. et Maricg A. Recherches zur les Res Gestal divi Saporis. ..Memories de PAkademie Royale de Beglgue, classes des lettres et des Sciences morales et PoHtiques. XLVII, 1953, f. 4.
575. Hubschman H. Die Altarmenische grammatik. I, Leipzig, 1985.
576. Hubschmann H. Die Altarmenischen Orstnamen. indo-germanische forshungen. Bd. XVI, h. 3. Strasburg, 1904.
577. Klaprot J. Tableaux historigues de FAsie depuis la monarchie de Curis jacgua nos jours. Paris, 1826.
578. Kaminenchuber A. Historischgeografische machrichten aus inschriften der Konege von Axkad fur die Zeit vor dem Einfall der Custer (ca 2200—2136) Ada Antiqua, T. XXII, fasc. 1—4, 1974.
579. Kisling A. Zur besichte der ersten der Pegierung Daries Histapes. Leepzig, 1960.
580. Kretcmer K. Sarmatal. RE, I—A, 1920.
581. Kothe H. Die koniglichen skuthen und ihre blinden Knechte. „Vero" fentlichun den des Instituts fur Orient forschung, 1968, NQ 69.
582. Marquart J. Die Chronologic der alttiirkischen Inschriften. Leipzig, 1898.
583. Marquart J. Eransahr nach der geographic Ps. Moses Xorenasi. Berlin, 1901.
584. Marquart J. Osteuropaesche und ostasiatiscche Strcifzage. Leipzig, 1903.
585. Marquart J. Skizzen zur hestischen topographe und Gesichte von Kaucasien. Wien. 1928.
586. Marauart J, A Katalogue of the provincial capitals of Eransahr/. Pahlavi text? Verelon and com mentaru. Ed. By G.Messinam Roma,1931
587. Marquart J. Untersuhungen zur Geschichte von Eran. Zweites hert – “Philologus”. Supplement Band X, Ht. I. Leipzig, 1905
588. Minorsky W. Hudud al-Alam. The Regions of the Workd. A Persian geography (372 AH – 982 a.d.) Trans. And explained by W.Minorsky. London. 1937

589. Minorsky W. Kasal (Kazah) Revie des studies armeniens. T.X.Paris, 1930
590. Minorsky W. Mongolplase names in Murki Kurdistan. BSOAS, v. 19, pt. I. 1967
591. Minnz E.H.Skuthians and Greeks. Cambridge, 1913
592. Moravcig G. Byzantico-turkika. III, d. II, 1943
593. Nemet Gy. On ogur, het maguar. "Korosi Csoma – Archivum". I, 1921-1925
594. Nemet Gy. Die Sprache der Petcshenegen and Komanen. "Biblioteka orientalis Hungarica",2,Budapest, 1932
595. Nemet Gy. Die Inschriften des schatzes von Nadu – Szent Miklos. Leiden, 1932
596. Neumann K. Die Hellonen im Skuthenlande. Berlin, 1855
597. Nuberg H. Die Religianen des Alten Iran. Leipzig, 1938
598. Pokorny J. Indogermanishes etymologische wörtebuch. Bern, 1949-1959
599. Pritsak O. Fron the Sabires of the Hungarien. "Hungaro-Turcica". Bp.1976
600. Ramstadt G.S.Studies in Koran etumologu. Helsinki, 1949
601. Szemerenyi O. İranica ZDMG. 1951, Bd., 101
602. Szemerenyi O. Four old iranian etnic names Skuthian – Scudia – Sogdian – Saka. Verlag der osterreischen Akademie der Wisenschaften, Üien, 1980
603. Sent-Martin W. Nouvelles annales de voyages. T.II, Paris, 1848
604. Schwars F. Iran in Mittelalter nach den arabischen Geographen. T, III, I (Azerbaijan) Zwicksu,1932
605. Shaumont M.L. L'Inscription de Kartir a la " Ka'bah de Zoroastre" SA,1960, fasc. 3.
606. Sprenglilg M. Third genturu Iran^ Sapor and Kartir. Chicago, 1953
607. Vasmer M. Undersuchungen über altesten Wohnsitze der Slaven , I. Die Iranier in sudrussland . Leipzig, 1923.
608. Vasmer M. Schriften zur slawischen Alterumskunde und Namenkunde Hrsg, von H.Braner. Berlin, 1971. I-II
609. Zgusta L. Die Personennamen griechiecer stagte der nördlichen schwarzmeepküsteş Prahaç 1955.

УКАЗАТЕЛЬ

Топонимы

Абант (Авант) — в Арцахе 78, 224, 429
Абант (Авант) — на севере от Куры 78, 429
Абаран 445
Абаршахр 178, 179
Абаслы 139
Абдал (в Иранском Азербайджане)
351,435
Абдал (в Советском Азербайджане)
435
Абдал-Гюлабли 109
Абдаллар (в Иранском Азербайджане) 435
Абдаллар (в Советском Азербайджане) 435
Абдаллы (в Иранском Азербайджане) 351
Абдаллы (в Грузии) 435
Абдел 435
Абитикна 262, 264
Абраштавим 480
Абрик 65
Авуанлу (Агванлу) 67
Авей (Авейдаг) 76
Агаджеридаг 294
Агбед 231
Агван (Албания) 200, 227, 449
Агван (село) 67
Агван (ограда) 67
Агван (развалины) 67
Агвангет 120
Агванк, Агуанк 58, 60, 71
Агванлар 67
Агван тепелери 67
Агванчай 67
См. также: Албан, Алван, Алпан

Аггун 350
Агдам 474
Агджагала 441, 444
Агджагошун 477
Агкенд 231
Агуен (Алуен) 146, 225, 230, 395, 475
Агчай 261
Агязи 465
Адаха, в Арцахе 444
Адахуни (Ардахуни), Арцах 209, 439, 444
Адехарай 444
Адур 465
Адурбадаган 11, 123, 355
Азар 481
Азарбад 263, 481
Азгнл 354
См. также: Асгал, Аскалон, Ескалон
Азергушнасп (Адургушнасп) 328, 391
Азиз-Тор 475
Азых 465
Акара, см. Хакаричай
Акбатан (Экбатан) в Мидии 321
Акбат (Агбат) в Албании 230, 231, 263
Аксиак 300
Акстафа 120, 147
Аксу 151
Алагез (Арагац) 144
Алазань 60, 145, 148, 151, 153, 156,
157, 159, 165, 168, 195, 196, 430,
435, 438
Алам 74, 429, 430, 447
Аламдар-Гаргар 349
Алат (Олет, Элет) 308
Алатава 412
Алатау 74
Алаязы 477
Албан (город в Албании) 49, 60, 67 74, 429
Албан (река в Албании) 60, 67, 74, 429
Албан (село в Туркмении) 74
Албани (село в Грузии) 66
Албангала 67
Албани 348
Албания 8, 11, 14, 17, 20, 21, 22, 24, 31, 34, 41, 43, 44, 45, 46, 48, 49, 50,
51, 58, 59, 60, 62, 64, 65, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 75, 77, 78, 80, 81, 82, 84,
85, 97, 101, 113, 114, 117, 118, 119. 124, 126, 127, 128, 160, 167, 170, 178,
183, 193, 201, 203, 220, 227, 389, 393,396,397,408,416,417,421,445
Албановичи 65, 75
Албанский проход 174
Албанские горы 65, 66, 70
Алван 23
Алван (село в Иранском Азербайджане) 349
Алвана 348, 349, 417
Алванаг 349
А л вам дере 67
Алвангала 67
Алванн-Самебо 4)7
Алванское поле 66, 162
Алванья 58
Алгунбару (Аггунбару) 133, ЯЗ
Алдан 58
Алнан 65, 441
Алншар 465
Ал пап 66, 75

Алпана 67
Алпанар 67
Алпан (Элпан) дереси 67
Алп-Туран 326
Алтай 51» 53
Алуен 65, 441
Амарас 72, 180, 224, 225, 363, 439
Амардаг 348
Амаре (Анаре) 362
Амелиан (Анелиан) 363
Анариака 180, 361, 362, 363

Анд и а 34
Анусиаш 264
Апахе 230
Аразиаш 256
Аразин 256
Аражанк 256, 429
ср. также Арасанк, Ариз, Ароспижан.
Араке в Закавказье 8, 21, 24, 28, 69,
76, 83, 84,98, 99, 104, 108, 119, 120,
143, 178, 200, 205, 219, 220, 221, 226,
236, 237, 240, 258, 277, 343, 344, 359,
409, 430, 445.
Араке (в Средней Азнн) 143, 175, 258,277
Араке (Волга) 175,277
Араксене 35, 205, 206, 212, 215, 216,217, 219, 221,
Аран (Арран) 17, 19, 23, 24, 49, 59,
70, 71, 74, 116, 118, 119, 203, 204,
205, 212, 219, 227, 229, 234, 240, 355,
401, 402, 407, 408, 414, 416, 423, 428,430, 447
Аран (село в Советском Азербайджане) 121, 122
Аран (село в Иранском Азербайджане) 350
Аран (село в Дагестане) 121
Аранбад (Еранбад) 122, 520
Аранбулак 121
Арангерукен 465
Аранджнак 120
Арандюзи (Эрендюзи) 122, 123
Аранзамин 121, 122, 232
Аранкутан 121
Араннси 122
Аранлы (село в Иране) 350
Аранрот 49, 72, 74, 119, 120, 146, 227,350, 429
Арантау 121
Аранчи тепелерн 120
Аранчи (село в Иранском Азербайджане) 350
см. также Еранбад, Оранайтепе,
Оранджик, Эранос
Арасанк 256
Араткснд 141
Аратта 35
Арвана 348, 349
Арвашен (Ар пашен) 231
Аргун 70
Ардан 58
Ардебнл 40, 49. 383
Арзибиа 262
Арзнзу 256
Аревик 442
Ариз 256
Арикдам 465
Ариш 466

Аркадриш 263, 358
Аркугет 429, 440, 447
Арматиан (Армаити) 171
Ароспижан 256
Арпа (в Албании) 230, 231
Арпа (в Армении) 231
Арпа (в Турции) 231
Арпа (в Казанском ханстве) 231
Арпа (в Татарии) 231
Арпа (в Казахстане) 231
Арпагядик 231, 233
Арпадере 231
Арпадюзи 231, 233
Арнадюшн 231
Арнатала 233
Арпачай (в Азербайджане) 108, 231
Арпачай (в Турции) 231
Арпаюрду 231
Арпаязи 231
Арран, см. Аран, Албания
Арран (город в Атронатене) 121, 350
Арран (река в Дагестане) 121
Арран (село в Иранском Азербайджане) 350
Арран (река в Албании) 120, 146, 226,227
Арран (река на Сев. Кавказе) 350
Арус 123,256
Арцани 445
Аршак 480
Аскеран 67, 104, 121, 122
Астабад 260, 263
Астабене 479
Астара 260, 479
Астарачай 348
Астарбад 257. 479
Астлаблур 76
Атабек 443
Атагут 443
Атайуд 443
Атахан 443
Атачай 466
Атерк (hатерк) 230, 232
Атрек 179
Атропатена 8, 11, 14, 22, 28, 31, 35, 39, 41, 42, 43, 44, 46, 49, 51, 53, 71, 84, 124, 145, 170, 203, 204, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 339, 340, 341, 348, 359, 380, 381, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391,478,482
Ахалшени 126
Ахурян (Раздан) 208, 232, 240
Афурджа 401
Ашагы Гошун 477
Ашгуз (Ишкуз) 84, 275, 310, 312
Ашдиаш 272
Ашкалан 354
Ашкалат 466
Ашкайа (Ушкайа) 359

Б

Баба Гартар 319

Бабагар 100, 480
Бабагыш 480
Бабадаг 480
Бабакум 480
Бабарур 272
Бабаял 480
Баганруд 254, 363
Багинк 171, 363
Багк (Балк) 429, 432, 442, 447
Багравап 363
Багро 264, 348, 357, 358, 360
Багуан 254
Б ад 433
Бадашваржар 358
Баджунайс 105, 240
Базалети 140
Базарджик 131, см. также Пазарчиан
Базгун98, 99, 177
Баил 466
Байандурчай 120
Байат 234
Байлакан (в Албании) 65, 70, 79, 140,148, 189, 233, 234, 235, 236, 240, 365,481
см. также Билеган
Байлакан (в Атропатене) 481
Баку 49, 74, 75, 429, 446
Баладжар 136, 140
Баласавар 351
Баласакан (Баласаджан) 98, 99, 100,178, 213, 214, 215, 233, 235, 236. 240,
322, 325, 354, 355, 389, 429, 479
Балахани 181, 363, 412
Балван 482
Балванкередж 351, 440, 482
Балвари 482
Балк, см. Багк
Балык 466
Балыкйери 466
Балхан 113
Баранбет 467
Барандак 350
Баргушат 108, 445, 466
Барда, Партав (в Албании) 23, 49,

75, 79, 146, 240, 358, 366, 400. 423,428, 446
Барда (в Атропатене) 49, 481
Бардагуре 481
Бардакиш 481
Барда-Нагмане 481
Бардудж 199
Барзанд 214
Бари 274
Бариз 179, 180
см. также Бориз, Парск, Парис, Рус
Бориси, Ермени Бориси
Бармак 74, 130, 429, 445, 447
Баршалия 134
Басар-Кечар 123
Басгал 466
Басилети 135
Бастарна 78, 104
Батдаг 446, 449
Бахрам-Гачаг 231
Башиачуг 110
Башли-Бел 134

Башлыкент 134, 135
Башлычай 135
Баш-Хем 438
Бджинехут 104
Бджини (Беджинн) 105
Бед 156, 158, 159, 257, 461, см. также
Бех
Беджан 233
Белгедаг 466
Беленджер 136, 140
Беленджер яйлагн 140
Белокан (Балакан) 164, 235, 359, 430,470
Белоканчай 164
Бененяр 466
Веранда 108
Бердадзор 229, см. также Каладереси
Бердакун 400
Бердуджи 158
Беренде 108
Берендежик 233
Берк-Гошун 477
Бет-Боздаг 466
Бех 156
Бехруд 301
Беш-Бармак 99, 11, 130, 173, 412, 445,473
Бидегиз 470
Бпес 156
Билеган 128, 233, 234, 235, 240, 446,449
Билегангала 234, 235
Билеганлу 234

Билесувар (в Советском Азербайджане) 128
Билесувар (в Иранском Азербайджане) 354
Билиджи 112
Биойуг 467
Биркутдаг 467
Бзнуник, см. Баджунайс
Бишдиш, см. Ушидиш
Быгыр 467
Бозалиани 140
Бозалганли 139, 252
Бозгуш
Бозлу 253
Боз-Улус 197
Бой-Ахмедли 467
Болгар 133
Болгаркенд 133
Болгар-Гектепе 133
Болгарчай 120, 133,354
Борис 179, 180
Борисфен 298
Борчалу 134, 196,440, 445
Босоропеда (Васпуракан, Басфур-джан)217, 220, 239, 344, 441
Брнчи 230, 232
Бугра 444
Бугурдаг 467
Будогид 158
Будуг 158
Бузала 140
Буздухгар 100
Бузовна 391
Бук 467
Букуллар 480

Булаготагы 433
Бум 467
Буркихал 66
Бусут 252
Бчанс 104, 230, 233

В

Варанда (Веренде) 108
Варанда Большой 108
Варанда Малый 108
Варанта 104
Варсан 99
Варташен 143, 184
Везир-Чал 476
Велвелечай 173, 176, 178, 412
Веренде 107, 108, 332
Верендежик 108, 232, 442
Верендели 108
Воскепар, см. Эскипара

Г

Гарабагдаг 467
Габагдиби 470
Габан 353
Габбан см. Каббан
Габк (Гаф) 209
Габырры 153, 436
Гавдушан 72
Гавурарх 255
Гавурбар 255 см. также Кавбар.
Гавурлардюзи 255
Гаг 444
Гадрутчай 104
Газах, см. Казах
Газан 354
Газанабад 354
Газанлу 354
Газанчай 354
Газанчы 136
см. также Казанчы
Газян 234
Гайадын 469
Гак 443, 444
Гаку 442
Галабад, см. Калабад-
Гала-Бугур 467
Гала-Дондар
Галей-Муг 255
Галей-Суар 128
Галей Суарун 128
Галей-Сувар 125
Гамарабад 320
см. также Камар
Гамбори 436
см. также Камбори
Гамери (Гюмрн) 317, 319
Ганга? (в Албании) 74
Гагаре (в Иранском Азербайджане).352
Гангарайкала 352
см. также Кангар
Ганджа (Ганзак, Гандзак)- — в Атропатене 46, 49, 94, 205, 325, 327,341, 391

Ганджа (Гандзак) в Албании 49, 94,96, 108, 120, 201, 206, 207, 208, 229,
240, 325, 399, 400, 479
см. также: Гендже, Кенджек
Ганджабад 326
Ганджачай 120, 221
см. также Гендже
Ганзадаг 229
Ганзак 479

см. также Канзак
Ганзасар 229
Ганых 34, 156, 157, 168
см. также Хан
Гануки 157
Гапычай 467, 470
Гарабаг (в Советском Азербайджа-
не) 49, 65, 78, 79, 80, 134, 202, 212,224, 225, 235, 240, 429,
см. также Карабаг
Гарабаг (в Иранском Азербайджане)353
см. также Карабаг
Тарабайдагы 108
Гараберклу 123
Гарабурга 467, 473
Гараган-Сади 470
Г а рад ж 440
см. также Карадж
Гаракузен 470
Гарачорлу 139
Таргабазар 470
Гаргар (поле) в Албании 49, 65, 78,79, 80, 134, 212, 224, 225, 235, 240,
349, 429
Гаргар (в Иранском Азербайджане)82,349
Гаргар (в Советском Азербайджане)79, 82
Гаргар (в Туркмении) 81
Гаргардаг (на Северном Кавказе) 77
Гаргардаг (в Дагестане) 77
Гаргардаг (в Советском Азербайджане) 79
Гаргарис 77
Гаргархан (Каркарлинск) 81
Гаргарчай 79
см. также: Гергер, Каркар, Керкер,
Харкар
Гардабани 110, 124, 187. 444
Гардман (в Нагорном Ширване) 186
Гардман (в Западной Албании) 110,124, 146, 147, 172, 186, 187, 199, 200,
204, 212, 226, 461,
см. также: Кртман
Тардман (в Средней Азии) 186.
Гарк 131
Гармаруд260
Гатардаш 467
Гашад 469
Гашгачай 470
Гегарчи 353
Гегарчинли 107
Гегерчи-Кишлак 107
см. также Гейарчин, Гутарчин,
Куйерчи"
Гегам (Гелам) 188, 208, 241
Гейазан (Кавазиан) 118, 442, 444
Гейарчин-Вейсаллу 107
Гей-Гошун 477
Гендже 94, 326

Генджe-Аул 94
Генджебад 326
Генджели 94
Генджеруд 326
Генджечай 94
Гелаву 164, 167, 168, 172, 195
Гелакуни (Гехакуни) 167, 241
Гелан (Гилян) 167, 170, 346
Гелда 168
Гелоний 331, 337
Геллук 158, 170, 171
Гергер-Насир 349
Гергер (село в Иранском Азербай-
джане) 79, 81
Гергер (село в Армении) 81
Геровехуд 183
Герое 129, 132
Герус (на Север. Кавказе) 132
Герус (Горис) — в Армении 129
Герус (село в Иранском Азербай-
джане) 129, 352
см. также Герое, Гороз, Горос, Горе,
Херусан, Хорус, Хурсан
Герустепе 132
Гесил 468
Гехакуни, см. Гелакуни
Гызгала 467, 468
Гызыл-Баир 466
Гилаван 361
Гилан 300, 363, 480, 483
Гиландех 361
Гиландуз 361
Гилвар,см. Килвар
Гилязи 477
Гилекаран 361
Гилгилчай 127, 174, 176
Гирагтун 115, 442
Гирдабад 466
Гирдадул 133
Гирдманчай 151, 186
Гиркания 83, 179, 190, 206, 213, 217,321, 347, 348, 360, 361, 364
Гымыр 319
Гырыгли 351
Гис 147, 201, 441
см. также Киш
Гиши-Параватумб 181
Говдаг 108
Говдере 108
Говлар 108

Говлар Сарыли 108
Гогарена (Гугарк) 35, 83, 193, 18,197, 210, 241
Гозлучай 155
Гол (Кол) 109
Голлар 354
Голлар-Таги 354
Голлар Гара Суди 354
Голлар Мухаммед Гусейн 354
см. также Гуллар, Куллар,, К^сшб»,
Колт
Голода 168, 170, 172
Голгати 467
Голшен (Колшен) 109

Гоменк 72, 116, 117, 429
Гомар см. Камар, Комар
Гонагкенд 471
Горан 481
Горанкала 468
Горис 129
Гороз 49, 72, 74, 129, 132, 429
Геросхараба 132
Горе 132
см. также Хоре, Хурс
Горчу 132 -
Горчубулаг 132
Горчулу 132
Готурдаг (Котурдаг) 261, 262
Гохмух 173
Гохтан 111, 133, 238, 239, 431
см. также Колт, Колтене
Гош 74, 429, 440, 447
Гошунавар 477
Гошундаш 477
Гошунлардаг 477
Гошунлар-Яйлаги 477
Гошунлу 477
см. также Кешун, Кошун
Гртман (Кртман) 187
см. также Гардман, Гирдман
Гугарк (Гогарена) 102, 103, 110, 148,193, 195, 197, 241
Гугарли 196
Гугарчин 353
Гугарчинли 353
Гугерчи 353
Гуджарети 195
Гудурдаг 471
Гуйтул 467, 471
Гулаглыджа 471
Гулистан (Кулистан) — Карабахе111
Гулистан (Кулистан) в Ширване 111,412, 468
Гулистан (Кулистан) в Нахичеване111
Гуллар 75, 109

см. также Голлар, Куллар
Гурган (Атрек) 1,4,1., 1.79'
Гургур 136
Гурдживан 195
Гу рж а а ни 194
Гурмух, см. Курмухчаи'
Гуроехуд 183
Гуру-Кам 438'
Гутиум 322
Гушар (Гуджар) 1:94, 195'
Гюней-Чартиз 443
Гюдаджувур 471'
Гюгрган 72,. 363^364, 412
Давар 265
Даварадиби 265?
Давардаг 265
Давардиш 265'
Даварлы 265
Давар-Руд 481
Дав мне (Думис)} ГЗЯ?
см. также Даумие
Даврали 265
см. также Таврадаг

Дагестан 20, 21,. 22, 70, 152, 159,428
Дадуванк 426
Джанятаг 469
Даймадере 468
Даначи 315
Дандых 468
Дану 264
Дарагоч 46 Г
Даранаг 427
Даралагез 23Г
Дарвазтепе 98
Дар-Доггаз 430'
Даргакаш 140
Даргуба 140
Даруран 120
Даумие 131
Дашбаши-Аран 12'2'
Даште-Гардман 1877
Джагату 325, 481.
Джазнак 325
Джал 480
Джамалдын 469'
Джанятаг 419
Дебеда 444
Деглана 430
Дейиндаг 474
Деллер 138
Дербет-Аран 121

Дербент 69, 70, 77, 87, 97, 98, 99, 112,113, 125, 130, 173, 190, 205, 401, 437
Джек 158, 475
Джинятаг 243
Джинаби 243
Джиналиа 243
Джиндаг 247
Джинли 121, 242, 243
Джинлидаг 242
Джинли Болусу 242
Джинли-Даш 242
Джинли-Дорбетли 121
Джинли-Зейналлы 242
Джилга-Борчалу 187, 446
Джорлу (Джовурлу) 106, 107
Джорчу 106
Джуга 238, 433
Джульфа 110, 238, 433
Джужанли 123
Джузбук 131, 132
Джунабенд 65
Джурчичай (Джорлучай) 107
Джухутлар 184
Дзагунанц 230, 232
Дзегам, Загам, 228
Дпвакенд 65
Дизак 104, 107, 120, 132
Дизакнак 120,202,232
Дизапайт 263, 432
Диз-Руин 482
Динавар 234, 481
Днри (Тнрп, Три) 76, 146, 426
Дирндаг 76
Дирили 76
Дих Исфахан 131

Дихистан-Сур 353
Дондар-булак 136
Дондаргала 136
Дондар Гушчу 136
Дондардаг (на Сев. Кавказе) 137
Дондардаг (в Азербайджане) 136
Дондарлу 136, 137
см. также Тондар, Тундар
Доланлар 141
Донуз Гошун 477
Дют (Дютакан) 225, 429, 239, 447
Еван 78
Евлах 469
Егерюрт 469
Езнаранц 122, 230, 233

Енисей 438

Енитор, см. Иени-Тор
Ерананц (Арананц) 122,230, 232
Еранбад 122
Ерандашанц (Арандашанц) 122, 230;231
Еранос (Аранос) 122
см. также Эранос
Ервожид 161
Ермени-Бориси 180
Ескалан 354
Ескалон 354
Ескол 354
Есколан 354
Ехни 156, 157
Заве 226
Загам (Сакам) 207
Загрос 190
Зазака 325
Залха-Гел 469
Зангезур 98, 116, 126, 129, 132, 440
Зандыгдаг 473
Зараган 441
Зергун 172, 429, 441, 447
Зибие 274
Зикирту, см. Сагарти
Зирак 261, 469
Зузарур 273
Зунуд 141
Зурад 174
Зу-тепе (Су-тепе) 469

Иберия 70, 97, 191, 201, 213, 417, 433,
Изирту 246
Изоглу 274
Илису 168, 196, 400, 469
Инджагол 469
Инджасу 469
Инджачай 469
Инек-Гошун 477
Инлндаг 469
Инчид 469
Иобула 430
Иори (Ивер) 34, 148, 151, 152, 153,159, 160, 163, 168, 172, 195, 351, 430,
436, 438, 439
Иран-Хараба (Аранхараба) 121
Исфаханджиг 131

Итил 136, 140
Ишкузай 84, 275
Иштатти 260
Иштаиппа 260, 272
Иштилеузах 260
Иштираура 260, 272

Йолайрыдж 161
Йунан (Юнан) 73, 147, 366
см. также Эниан
Иунаншахр (Шахри-Иунан) В Советском Азербайджане 7,366
Иунаншахр (Шахри Иунан) в Дагестане 367

Кабарды 139
Кабарри 139
Кабарри-Иери 140
Каббан 353
Кабирли 140
Кабирли-Кишлак 140
Кабирлидаг 140
Кабр (Кебр) 139
Кава 188, 429, 441, 442, 447
см. также Као
Кавазан (Каозиан) 188, 429, 441, 444
Кавазин 444
см. также Гейазан
Кавар 140
Кавбар 255
Кавказ 13, 20, 69, 70, 77, 82, 97, 101,167, 190, 213,255, 299, 300
Кагой 444
Кагарци 444
Каг-Гаджили 444
Казадж 355
Казан 135
см. также Газан
Казанчи 135
Казах (Касак) 49, 74, 141, 187, 188,240, 355, 400, 444, 446
Казахстан 9, 81, 82
Казбион 346
Казвин 192, 346
Казлык 299
Каз Ороус 299
Кай Кап 299
см. также Куй-Каф, Кайкох
Кайкой-Чар 443
Кайса 430
Калабад 433
Каладереси 229, 230
Кала ибн Кандаман 187
Калангар 177
Каланкат 100, 188
Каласет 442
Каласур 171
Калва 167
Камар 320
Камара 320
Камарабад (Гамарабад) 320
Камаран 320

Камара-Хур 319
Камарагайа 319
Камаре 320

Камаре-Боне 320
Камаре-Паин 320
Камаре-Сиах 320
Камаре-Кударзи 32
Камарнан 320
Камарли 319
см. также Гамарабад, Кемер, Ко-
мар
Камбечан 156, 159, 163, 164, 195, 429,433. 434, 435, 436
Камбизан 98, 159
Камбиори 153
Камбис 160,300, 435, 436, 437
Камбнсене 153, 159, 160, 220, 240, 433.434. 435, 436, 438
Камбич 153, 195, 429, 434, 436, 437, 438, 447
Камбори 153, 195,435, 436
Камичик-ептаг 429
Каначавар 240
Канг, Кангюй 103
Кангар (в Средней Азии) 102
Кангардаг 102
Кангардюзи 103
Кангаре 352
Кангарк (в Араратской долине) 102,103, 110
Кангарк (в Западной Албании) 49,102, 103, 109, 110, 188, 429, 444
Кангарбан 352
Кангари 352
Кангаристан 352
Кангарскне горы 102
Кангарская земля 102, 187
Кангаршах 352
см. также Гангар, Кенгер
Кангюй 103
Кандагар 416
Канза 412
Канзак, см. Кензе
Као 442
Капавт (Кабудан) 35, 67
Капан (Кафан) 106, 107, 299
Капанак 107
Капанакчи 107
Капанчи 107
Капыдаг 470
Капычай 470
Карабаг (в Албании) 104, 106, 108,126, 479
Карабаг (в Иранском Азербайджане)131,211,406,415,416
Карабаг (в Афганистане) 108, 416
Карабаг (в Узбекистане) 108
Карабаг (в Турции) 108
Карабагдаг 108
арабагдюзи 108
Карабаглар 108
Карабаглы 108
см. также Гарабаг
Карабас (Карабаг) 108
Караман 65
Караир 469
Карадж 440
Карасу 261, 348
Кара-Туган 257
Карачлу 440
Караяз 444
Каркар (на Северном Кавказе) 77
Каркар (в Арцахе) 74, 79

Каркар (в сев. восточной Албании)80
Каркар (в Нахичевани) 80
Каркар (в Армении) 80
Каркар (в Атропатене) 349
Каркар (в Иранском Азербайджане)82
Каркар (в Казахстане) 81, 349
Каркар (в Иране) 349
Каркар (в Грузии) 77
Каркар-Джал 349
Каркарак 349
Каркар-Кутан 77
Каркарлинск 81
Каркар-мейдан 77
Каркарчай (в Советском Азербайджане) 79
Каркарчай (в Средней Азии) 81
см. также Гаргар, Гергер, Хархар
Кар-Кашши 271
Каркри 79
Каркилар 116
Карнакат 100
Каруеч 74, 429, 439, 481
Каршнбут 262
Кае 192
Касал 141, 446
Касапет 467, 470
Касах 145, 446
см. также Газах
Касри 194
Каспи 191
Каспиана (в Мидии, Атропатене) 69,71, 98, 100, 178, 179, 189, 206, 213,
214, 215, 216, 217, 219, 236, 237, 322,344, 346, 348, 363
Каспиана (в Албании) 65, 189, 203,213, 214, 215, 216, 236, 240
Каспийские ворота (в Мидии) 190
Каспийские ворота (в Албании) 174,178, 180, 215
Каспи 191, 194, 195
Катак (в Албании) 72, 115
Катак (в Армении) 115
Каталпараг 471
см. также: Котайк, Котуклу
Катак 115
Катех 115
Катехчай 164
Катук 115
Катурчат 230, 232, 233
Катух 115
Ках 194, 195
Качахкаберд 231
Каф-Таои 292, 475
Каш 192
Кашгар 94, 192
Кашгарлик 157
Кедабек 233, 466
Кем 438
Кемахийа 74
Кейен (Кеян) 441
Кеки 442
Кемер 329
Кемердаран 320
Кенгерли (в Советском Азербайджа-
не) 102
Кенгерлу (в Иранском Азербайджа-
не) 352
Кенде Кабарды 139

Кенджалу 94
Кенджек 94, 325
Кенже-Аул 94
Кенже-Кол 111
Кензе 229
Кензедаг 229
Кензечай 229
Кениздаг 229
Керавн 70,77,97, 118, 175,300
Кергил 116
Керкер 349
Керкере 349
Керки 116
Керкибашли 116, 134
Кесаман 470
Кесиа 192
Кетидаг 470
Кетигдаг 471
Кетш 158
Кечалакар 100
Кеш-Кутан 471
Кештаз 440
Кешункар 479
Киакинда 264
Кизилбунда 262, 263, 267
Кизил-Руд 545
Кизил-Узен 263
Кизиляр 137
Килаб 109
Килвар 71, 181, 185, 186
Килисекент 399
Килит 238
Кимбат 272
Кинабарутак 214
Кинаблила 264, 272
Кингибир 264, 267, 272
Кингиштилеузах 264
Киндарика 264
Киндутауш 264, 272
Кинук 272
Кннхухт 264, 272
Киштабай 264
Киш 147, 164, 181, 441
Кишесу 272
Кншкитара 272
Коговит (Коловит) 108
Койпан 107
Коканлик 157
Кол 108, 109, 110, 115, 133, 188, 241
см. также Кул
Колабаг 470
Колатаг 67, 470
Колаюрт 109
Колб 110,240
Колбайская дорога 110
Колбопар 110
Коллар, см. Куллар
Колман, см. Мец-Колманк
Колт (в Арцахе) 72, 108, 109, 429
Колт (в Араратской долине) 108, 110,133, 138, 429
Колт (в Западной Албании) 72, 83,108, 109, 188, 212, 226, 399, 429
Колтене 108, 191, 133
Колшен, см. Гогшен

Колятаг, см. Колатаг
Конгут, см. Кюнгуд
Коман (Куман) 116,117
Комар 320
Комисене 433, 436, 438
Комур 471
Копан 107
Копчал 470
Коракс 30
Короглу галасы 181
Кост 429, 440, 447
Кортала 471
Котайк 114, 115

см. также Туч-Катак
Котуклу 114, 115
Котурчай 261
Кохне-Катук 116
Кохоир 469
Кошгар 100
Кошкутан 440, 472
Кошнавар 100, 477
Коштек 440
Кошунгар 100, 477
Кри 439
Крым 316
Кроукас 300
Крапашти 232, 447
Крыз 158, 161
Ктиш (Ктич) 120
Кубан 135
Куй-Каф 299
Куздек 440
Кртман (Шамхорчай) 180, 186
Куерчиндаг 107
Куаркинда 264
Кудор 152
Кудуру 274
Куераи-Таш 260, 274
Кузанли 138
Куздек (Кузлек) 471
Куилмиан 412
Кул 108, 109
Кулан 111
Кулас (Хулаш) 140
Култук 471
Кунгурчай 120
Кундур (Хундур) 261, 262, 267. 274
Кулар 274
Куларадаг 274
Куллар (в Мидии) 75, 109, 136, 262
Куллар, см. Гуллар
Кул-Шуб 111
Кумайри 319
см. также Гамри
Кура 21, 24, 69, 79, 80, 83, 84, 88, 97, 99, 108, 118, 126, 146, 178, 179. 190.
195, 197, 201, 219, 220, 226, 234, 359,394, 434, 445
Кургир 135
Курдистан 8, 183
Курекчай 135, 221
Курмукчай 171, 446, 447, 471
Куручай 104
Кусур 192, 194

Кутул-Урек 440
Кухар 197
Кушнанаш 272
Кушчу 337
Кюкю 442

Лааш 412
Лабан 512, 195
Лабандан 131
Лабанкари 152
Лагидж 73, 151, 359, 363, 412, 483
Ламберан 131
Лапанаткарн 152
Лапниани 152
Лахиджан 130
Лачингайа 231, 443
Левгала 231, 232
Лезгигар 100
Лолукгар 100
Лпинк (Лпина) 151, 152, 195
Лубнас (Лопнас 152, 154, 180, 363
Люласаз 473

М

Магов 164
Мадабад 251
Мадай (Матай) 25, 249, 251, 270, 339
Маджар-Караоглан 129
Маджарлы 129
Мади 251
Мадраса 185, 186
Майанкереч 440
Малай 472
Малгошун 477
Манарахдаг 472
Мандылы 357
Манна (Мана) 8, 11, 25, 27, 28, 34,35, 36, 41, 51, 53, 87, 90, 246, 247,
310, 321, 356, 381, 386
Мантиана 26, 34, 35, 218, 356
Марага 480, 481
Марак 472
Маракерт 239
Мардакан 72, 363, 364, 412
Мардангала 468
Мармашени 126
Марсан 472, 473
Маскат 127, 130, 176
Маската, см. Маштага
Маскатар 176
Маскут 98, 11, 117
Маетурга 176
Матиена 26, 206, 356, 357
Махабад 251
Мах алла 184
Махелония 96
Махраса 76
Мели та 274
Маштага 176, 177, 178
Мец Аранк 72, 74, 100, 116, 118, 119,121, 122, 350, 429
Мец Куенк 116, 440
Мец Колманк 74, 108, 109, 110, 200,429
Мехнабад 251

Мидия 8, 11, 17, 28, 29, 35, 40, 51, 53,69, 78, 84, 90, 246, 310, 321, 322, 341,
356, 387, 388, 423
Мидийские горы 65, 144, 347, 348, 387
Мики 258
Миколан 258
Мил 79, 189, 216, 233, 234, 235, 236,237
Мингечаур 437, 439
Мирзабекли 106
Мисчай 468
Михйарийа 166
Михраван 188
Мовакан 73, 172, 195
Мовкан 172
Могун 254
Мохбулаг 173
Мохраван 230, 231, 233
Муган (в Атропатене) 65, 69, 99, 143144, 172, 174, 178,213,214,215,235,
236, 237, 255, 348, 349, 350, 355, 363,
Муган (на Северном Кавказе) 255
Муганджик 442
Муганли 76
Муг-Аран 121, 255
Муг-Арты 255
Мугдаг 172
Мугкан 172
Муги 255
Мугалгайа 255
Мукал 255
Мукан 258, 363
Муровдаг 440
Мускур (Мушкур) 176, 178
Муслиман-Тан 442
Мухан 172
Мухас 173
Мухбулаг 173
Мухур-Тепе 472
Мханк 73, 145, 228
Мюджи 184

Н

Навнахпур 230, 233
Наксуана 438
Нахчиван 75, 438
Ниг 144, 145, 148
Нига 144
Нидж 142, 145
Кижне-Удинск 150
Нихани 274
Нихандаг 274
Нуран 472
Нуха 163, 194, 195
Нухбид 164, 194
Нухпати 164, 194, 195

0

Оддаг 412
Оке 351
Оку 475
Окюз-Гошун 477
Оранай-тепе 121
Оранар 350

Оранджак 350
Орбет 243
Ордубад 201, 263, 429, 432, 447, 472
Оренгала 234
Орият 141
Ормашени 126
Орукдаш 472
Орхистене 233
Оссика 96
Оскиох 238
Отена 143, 145, 146, 148, 218, 221
Охчу 76
Ошакан 235

П

Падашени 126
Пазарчиан 131, 216, 218, 233, 234, 235, 236, 237, 540,
Парахоатр217,264,357,358,360
Парда 147,342, 481
Париадр 358
Парне, 72,179, 180
Парисос 179, 181
см. также Перисуз
Парнес 179
Парсакан 179, 180, 441
Парсан 267
Парск 180
Партав, см. Барда
Парчинак 353
Патишхваргар (Бадашварджар) 35У
Пачаникети 105
Перигала 171
Перисуз 181
Петросабак 230, 233
Пир Пейгамбар 411
Петросабак 230, 233
Пештасар 348
Пир Пейгамбар 411
Пир-Сагат 155
Пишуаувати 262

Прушхвар 358
Рустов 128
Рутак 172, 221

С

Сабаил 466
Сабатан 466
Савалан (в Иранском Азербайджане) 479
Савалан (в Советском Азербайджане) 479
Саварабад-Бала 351
Саварабад-Паин 351
Саваран 351
Савардийа 129
Савар-Калате 351
Саварчи 351
см. также Биле-Сувар
Сагай 90
Сагараджо 440
Сагарит 343
Сагарти 481

Сага-Тор 98
Сагиан 231
Сагунанц 230, 231
Садагиан 351
Садагли-Кишлак 124
Садак (в Грузии) 124
Садак (в Иранском Азербайджане)351
Садакбан
см Юрт-Шадакбан
Садак-Тор 123, 124, 358
Садахлы 124
Садахло 124
Садди-Алпан 65
Садиг 351
Садикли 124
Сай-Кам 438
Сайлу-Кем 438
Сайсаван 124
Сака 84, 85, 213, 312, 322, 324
Сакаванд 263
Сакан (в Иранском Азербайджане)100, 328
Сакан, Сикан (в Албании) 97
см. также Секнн, Шакан, Шекин
Саканд (Саханд)
Сакантала 98
Саканн 328
Гякясене (в Атропатене) 80, 94, 212,207, 213, 214. 216, 219, 312, 320.
322, 323, 324
Сакасене (в Албании) 82, 93,242^.95, 97, 102, 146, 187, 199, 206 207.
208, 209, 213, 216, 310, 311, 321, 323, 155, 174, 176, 438,

324, 394, 436, 437
Сакастан 91
Сакашон (Секшон) 324, 325
Сакене 328
Саккыз (в Иранском Азербайджане)264, 481
Саккыз (на Урале) 481
Саксин 96
Саингило 160, 194
Саллы 350
Саланчай 481
Салварты 466
Салтаг 474
Самур 127, 151,445, 446
Самух 173, 430
Санар (Цанарк) 195
Санар 74, 429, 430, 445
Сангар 445
Сангардаг 445
Санги-Хорус 131
Сандабан 187, 220
Сануа 157
Сапарда 263
Сарашнн 96
Сармат 335
Сарматия 97, 104, 190, 331
Сарпдаг 473
Сарпдаш 473
Сасиаш 264
Сахур (Цахур) 150
Севан 144, 146, 167, 209, 222, 241
Севордик 129
Сейсулан 150, 23о

Сейтас 474
Секин (Шекин) 97
Сиваш 264
Сигнаг 136
Сибир 91
Сийавурдийа 129
Сикан 97
Силнс 300
Силпигур 261
Симгур 261, 267, 272
Сннордаг 473
Сирадж 335, 355
Сирак 335, 336, 349,
см. также Чирак, Ширак
Сиракан 349
Сирак-Дувак 336
Сиракене 35, 335
Сирдакка 264
Сыр-Дарйа 473

Сырт-Чичи 473
Сырт-Юрд 473

Сисакан (Сисиан) 80, 91, 100, 96, 98,123, 207, 211, 212, 226, 227, 228, 241,
243, 311, 355, 396, 431, 440, 442
Сыгнаг 136
Сыгыртдаг 473
Сыхторашен 358
Соана 69, 70
Согарна 147, 440
Сона 70
Сойогдаг 474
Сооргаш 264, 474
Солтан-Нуха 106
Сору 473
Сосу 136
Сосиаш 272
Сотк (Содк) 123, 429
Сохананц 230, 233
Суварлы 128
Сугнак 136
Суджети 163, 165
Сукн 96, 97, 98, 207
Сумгаит 155
Сунгурдаг 473
Сурахана 181, 363, 412, 473
Сурикаш 264
Суричай 474
Сурхаб (Срховгала) в Советском Азербайджане 147
Сурхаб в Иранском Азербайджане 265
Суд 112, 113, 155
Сулут 474
Сум 473
Сумгаитчай 120
Сусай 158, 473
Сусалыг 137, 158
Сутепе 469
Сюник 65, 83, 97, 123, 132, 211, 212, 227, 241, 396, 431, 440, 445
Табар 116
Табаристан 363
Тавар 265
Таваратапа 444
Тавене 433, см. Тао

Таврадаг 264
Тавратепе 265, 274, 445, 447
Таврачайдаг 265
см. также Тварацатапа, Товра, То-
радаг
Тавреш 479
Таври (Таури) 249
Тавус (Тауз) 74, 129, 181, 188, 240,

429, 439, 447
Тавушчай 474
Тагананц 230, 232
Тагилдаг 474
Тагцанк 111, 429
Тайк (Тао) 100, 242
Таклабнан 120
Танаох 238
Тангит 141
Тангриан 241, 441
Танрас 475
Танцик 442, 449
Талыш 107, 359
Талышские горы 348, 360
Тамарака 334
Тамбат (Тмбат) 238, 433
Тарви 265, 274
Таргу 140
Тарки 70
Тарнаван 139, 241
Тарнагут 100, 139
Тарой 242
Тао (Тайк) 210, 242
Тап 445
Тапат 116,429,445
Таруи 249
Татар 141
Таткенди 183
Таткишлаг 183
Татлар 183
Татха 183
Ташир 110
Таштон 442, 447
Таштами 260
Тварацатап 241, 274, 429, 445
Тваратапа 265, 274, 429, 443, 444
Тебриз (в Иранском Азербайджане) 479
Тебрнз (в Сибирии) 479
Тейдаг 262, 475
Тепе-Гошун 477
Терек 70
Теркеш 138
Терневит яйлаги 139
см. Тарнагут
Тертер 49, 72, 74, 122, 179, 231, 240,429, 441
Тешкан 475
Тилбида 155
Тири, см. Дири
Тыр-ял 475
Тмбат (Тамбат) 238, 263
Товла 265
Товра 265

Товратепе 265

Тоган 232
Тоганлусу 475
Тоградаг 475
Тондрак (в Сибирии) 136
Тондар (в Иранском Азербайджане)
Тондрак (в Армении) 136
см. также Тундар
Топ 481
Топгеруш 480
Торадаг 265
Торади 265
Торатепе 265
см. также Товрадаг
Торе
Тори 266
Торпаггала 126
Тосарен 431
Тотена 145
Трел 316
Три 76, см. также Дири
Триалети 316
Тубакенд 138
Тураци 445
Туг 123
Туг-юрт
Тузбулак 445
Тузлук 445
Тук 123
Тумбидаг 475
Тундар 352
Тун-Катай 114, 115
Тунтул 475
Тулу 138
Туллар 138
Турабад 475
Турагай 31
Туран 93, 326, 327
Туран (село в Иранском Азербайджане) 327
Турангала 327
Турани 327
Туранпошт 327
Тураш 264
Туркестан 88, 205, 327, 435
Турестан 328
Туркменистан 81
Турианчай 467
Туруберан 445
Турум 171
Туртур, см. Тертер

Туе 445
Туслук 429, 445, 447, 449
Туташди 260, 264
Тут-Сувар
Туч-Катак 114, 115, 146,429
Туфандаг 157

У

Уашдирика 264
Убабара 260
Угиши 259
Уд, см. Ути

У дулу 150
Удири-Этиунн 144, 208, 209
Уелукуни, см. Гелакуни
Урти 439
Уншдиш (Бишдиш) 259, 260
Ушкайа 259
Уншти 429
У лам 429
Улаш 140
Улашлы (Хулашлы) 139
Улашликент 140
Уллу-Кам 438
Унар 350
Уплиш 272
Ур 152
Ураш 263
Урди 74, 429,447
Урекан 74, 429, 440
Уректепе 440
У рек 122. 440
Урм 480
Урмис 472
Урсн 267
Уртекуни 223
Урум (Ьурум) 366
Урумбахар, см. Румбахар
Урумчай 336
Уру-Ташбаши 263
Уряц 111, 445
Ускнйе 259, 274
Ути (в Атропатене) 143, 146, 148, 221,222, 365
Ути Утик (в Албании 23, 103, 110,114, 116, 119, 120, 143, 145, 146, 147,
150, 187, 188, 197, 199, 200, 204, 206,
207, 208, 209, 212, 222, 225, 236, 358,365,428, 433
Ути (в Армении) 110, 143, 144, 146,147, 148, 150, 208, 209, 222
Утуг 472
Уч-Оглан 472
Ушкайа 261, 272, 274
Ушакаккан 261, 272
Ушкатай 261, 272
Уштай 271
Уштили 272

X

Хавгагац, Хавгахаберд230, 231, 232, 442, 443
Хазарабад 355
Хазар-Бейок 355
Хазаргеран 355
Хазардаг 139
Хазаркенди 355
Хазарпан 355
Хазарнак 355
Хазарлу 355
Хазар-Сангяр 139
Хазаршах 355
Хазар-Юрт 241
Хазар-Чупан 232
Хазар-Яйлаг
Хазинагайа 232(Левгала)
Хазинадаг 232
Хазинайери 232
Хакараберд 232

Хакари (река) 120, 227, 440
Хакаричай 226, 227
Хан (Ханес) 34, 156, 221
Хангях 131
Хангях-Шутур 131
Хандаберд 230
Хани 237
Ханзиор 152
Халтан 177
Халхал (в Атропатене) 350, 480
Халхал (в Иранском Азербайджанеь 433, 480
Халхал (в Албании) 74, 147. 480
Халхал (в Советском Азербайджане 433, 480
Халхал (в Армении) 148,240, 433
Халхал-Кучек 433
Халхал-Махалла 433
Хамашахр 179
Хапут 161
Хараба-Балык 466
Хара-Зире 469
Харак 446
Харакдаг 446
Харанта 159, 162
Харкланк 72, 116, 429

см. также Херхилян
Харк 116

Хармандали 470
Хархар (в Мидии) 359
Хархар (в Советском Азербайджане)79, 340
Хархараба 80
Хархарчай 79
Хархатан 441
Хартай 261
Харшу 261
Хачбулаг 188
Хачмас71, 181, 185
Хачен 177, 230, 231
Хачин-Дорбетли 122
Хаштадсар 481
Хезина-Гала 232
Хезина-Гайа 232
Хени 156, 157, 158, 195
Хено 157
Херк 116
Херис 352
см. Хирс
Херна 162
Херсабад 352
см. также Хирс
Херусан 352
см. также Хирс, Хурс, Хурсан, Хурус, Хорасан, Хорузлу
Херхер 79
см. также Хархар
Херхилян 116, 351
Хизи (Хизан) 130, 174, 234, 363
Хиналуг 156, 157, 158, 412
Хингар 100
Хирс (в Иранском Азербайджане)352, 460
Хирш (в Албании)
см. Хурс, Хорсвем
Хирхатала 471

Хнаракерт (Хунан) 49, 72, 74, 101,126, 187, 211, 212, 213,228,240,429
Хобота 161
Ходашени 126
Хозинак 230, 232
Хозмас 156
Хонабад 126
см. также Хунабад
Хонашен 126
Хорасан 131
Хорзене 433
Хорнабудж
Хорсвем 72, 130, 131, 429
Хорос 131
Хоросдаг 132
Хоре 130
Хорсгайа 130
Хорос-хараба 132
Хорузлу 132
Хорус 129, 132
см. также Герус, Гороз, Хурс
Хорутзан 129
Хорхор 349
Хорхора 349
Хорхерс 349
Хот 396
Хотавенк 442
Хотан 288, 324
Хош 461
Хошакуник 238
Хошабет 467
Хош-Мензил 440
Хоштон 115, 440, 442
Храмн 238
Храндашанц, см. Ерандашанц
Хрананц, см. Ерананц
Хрсан 129
Хтсаберт231, 233
Хубаркенд 135
Хубиара 136
Хубйарлн 135
Хувей (Хой) 479
Хуназир 126
Хунандж 350
Хунан-Дюзи 126
Хунабад 350
Хунбару (Ьунбару) 133
Хуниабад 350
Хунсар 132, 468
Хулашлы 139, 140
Хурс 129, 130, 131, 132, 412, 460
Хурсан (Хоросан) 71, 129, 186
Хурзан 352
Хурду 477
Хурсангала 132
Хурсаншах 127, 130
Хурсун 132
Хурус 131, 132
Хурусун 132
Хуч 75, 129

Ч

Чавебаканц 230, 231

Чагар (Чакар) 135, 475
Чадчоранц 122, 230, 232
Чайлах-Чухур 441
Чал-Баир 466
Чалгар 138
Чамлар 476
Чападере 476
Чапар 230, 231Чапарты (Шапарты) 231, 233
Чапаршен 231
Чар 115
Чаратан 106, 115
см. также Чоратан
Чарватун 115, 442
Чардаг (Чартаг) 171
Чардаглар 171
Чартаз 443
Чартаяз 476, 477
Чарчанбет 467
Чатак 476
Чат-ял 476
Чахарлы 135
Чахилдаг 475
Чен (Тчен, Тченистан) 242
Чепедере, см. Чападере
Чераг Абдал 349
Черагил 349
Чераглу 349
Черагтепе 349
Черагчи 349
Чераг-Эл 349
Чермедин 469
Чингилчай 120, 155
Чигирган 476
Чиг-Ял 476
Чидибаш 477
Чил-Баир 466
Чил-даг 476
Чимгар 100, 476
Чингнлдаг 476
Чиндаг 469
Чнраггала 131, 181, 186, 412, 47&
Чирагидзор 335
Чирак 336, 349
Чирак-Дюзи 336
Чиракйери 336
Чиракуз 335
Чиракгепе 335
Чиракчн 336, 349
Чирак-Юрт 335
см. также Ширак
Чир-Гурт 477
Чиркинли 141
Члах 74, 429, 441, 433
Чобан-Абдаллар 435
Чога (Чуга) 433
Чол (Чул, Сул) — в Албании 49, 72,74, 111, 112, 113, 114, 125, 126, 147,
151, 174, 177, 183, 395, 429
Чол (Чул, Сул) в Туркмении 113, 353

см. также Чулбаг
Чорлу 106
Чорман 106, 232
Чоропан 230

Чоратан (Чуратан) 106, 115
Чор-Юрт 106, 107
см. также Чур
Чохгар 100, 477
Чулбаг 114
Чулым 114
Чуллу 114
Чулундур 116, 137,445
Чур^(Цур) 106, 111
Чуратан, см. Чоратан
Чухур-Саад 110

Ш

Шабадын 469
Шабаран 49, 72, 74, 80, 127, 128, 129,131, 395, 429
Шагали 322
Ш агат 91, 328
Шаднабад 386
Шадыли 138
Шакабад91, 328
Шакан (Шаккан) 97, 98, 395, 400
Шакашен 83, 87, 90, 100, 126, 146, 206,207, 208, 209, 212,429
Шаки (Шеки) в Азербайджане 49, 71,75 90, 96, 97, 100, 151, 152, 156, 163,
164, 193, 194, 195,207,320,429
ШакИ (Шеки в Армении) 91, 98, 207
Шаки (в Татарин) 90, 91
Шаки (в Турции) 90, 91
Шакиван
Шакичай 83
Шакуан
Шамак 118
Шамкур (Шамхор) 49, 75, 110, 129, 181
Шамхорчай 82, 83, 181, 186, 399, 400,444, 468
Шамлык 78
Шапарты 23
Шатар 256
Шатырли 256
Шарур 240
Шаруан, см. Шарван, Ширван
Шахри-Гюрган 364
Шахри-Йунан, см. Иунаншахр
Шейтангала 171
Шекка 97
Шеки, см. Шаки
Шекин 97

Шемаки 118
Шемахакала 117
Шемаха (в Атропатене) 118
Шемаха (в Албании) 49, 71, 117, 118,185, 438
Шемаха (в Средней Азии) 118
Шиакаран 361
Шикакар 100, 109
Шир 118
Ширадж-Хейл 349
Ширадж-Махалла 349
Ширак (в Армении) 240, 335, 349, 355
Ширак (в Албании) 153,195, 240, 335, 429, 435
Ширак-Дех (в Иране) 349
Ширван (Шарван) 71, 97, 98, 99, 118,115, 130, 163, 186, 195, 359, 406, 407.418
Шихгар 100
Ширмананц 230, 232

Шишиван 352
Шише 352
Шишегеран
Шошу 137, см. также Шиши, Шуша,
Шушу
Шубани 401, 412
Шурат 470
Шурагел (Ширакел) 335
Шурук 477
Шутур 256
Шуша 136, 137,232,351
Шушанай 137
Шушанава 137
Шуши 137
Шушикенд 136
Шушу 136, 352

Э

Эгричай 439
Эдилли 136, 140
Эниан (Айинан) 365, 366
Элджиганчай 78
Элик 465
Элисени 160
Элпан 65
Элпан дереси, см. Алпан дереси
Эрети (Ьерети) 159, 160, 161, 162, 163,164, 165,168, 169,195, 417
Эрк 159, 164
Эскулюм 430
Эскипара 262, 433
Этиуни 110, 145, 146, 149, 150, 208
Юрт-Шадакбан 123
Цилбан 155
Цолбан 155
Цулипан 155
Цур 429
Яксарт 117
Яшма 477

Этнонимы

абак-керей 336
абант (эвбей) 53, 78, 257, 338, 427
абар (авар) 51, 53, 195
абас (абаз) 53, 139
абасат 53
абат 53
абдал (абдел, ептал) 53, 71, 280, 351,396, 479, 434, 435, 437
авар (абар) 103, 197, 141, 154, 202
аварцы 14, 24, 33, 70, 154, 155, 156,167, 168, 170, 195, 224
авкат (авхат) 307, 308, 333
авшар 141, 197
агаджери 46, 54, 293, 294
агамат 333
агатирс 46, 54, 292, 293
агуасии 47, 300
агван, см. албан, алван
аггун 435
агриппеи 296, 301
акаскомарки 319

акацир 293, 294
акбатан 321
аксамат, см. Яксамат
актумат 257
азык 54
алагчин 96
алан 19, 42, 127, 175, 285, 286, 290,307, 336, 337
алан (улан, илан}—тюркское племя,54
алар 54
алат (олет) 54
албан (в Атропатене) 65, 144, 259,345, 347, 348, 349, 361, 364, 422
албан (в Албании) 14, 19, 21, 22, 24,31, 32, 34, 49, 50, 59, 60, 61, 62, 63,.
64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73,74, 76,. 78, 124, 142, 143, 144, 167,
174, 288, 291, 192, 195, 198, 202, 215,227, 331, 341, 360, 363, 392, 893, 394^
396, 398, 402, 403, 405, 406, 407.408, 410, 413, 416, 417, 422, 429
албан (в Казахстане) 74
албан (в Каракалпакии) 74
албан (в Киргизии) 74
албан (в Туркмении) 74
албанцы 20, 24, 25,63, 146,359,.
алван 19
алванлар 67
алмат 54, 257, 333
алпан (албан) 54, 64
алпат 54
алпаут 309
алуандур 75
алпы 53
алчин 52, 53
алтын 96
амазонка 77, 78, 259, 331, 337'
амаксови 334
амард, см. мард
амариака 363
анарнак 72, 144, 145, 178, 180, 245,259, 341, 342, 412, 345, 347, 348, 359,
361,362,363,364-
анареи 362
ангут (онгут) 54
анджа (анчаг) 52, 54
аорс 149, 150, 334, 337,
апарн 178
апасиак 259
араб-бабалы 402
араб-балоглан 402
араб-гадим 402
араб-басра 401, 402
араб гардашбейли 402
араб-Губа 401, 402
араб-джабирлу 402
араб-Сарван 402
араб-ушаги 402
араб-Хилла 401, 402
араб-Шамли 401, 402
аран (в Албании) 14, 49, 54, 72, 101119, 120, 121, 122, 137, 277, 232, 233
290, 310, 337, 338, 349, 350, 396, 3991.
аран (в Атропатене) 345, 349, 350
см. также сран
аранжи 119, 120, 350
араншы91,119, 120, 350
ар ал 54
аралат 54
ариан 362
ариз 429

аризант 25, 252, 256, 339
аримаспи 294, 295
арык 54
арыс (орус, урус) 255
ас 334
аскал (эскил, искил) 54, 253, 309, 354
асык (азык, языг) 54
асуллу (Ьасуллу) 54
асут 54
аталиг-матай 251
атил (адил,едил) 54
атропатенцы 40, 216, 217, 339, 340,379, 388, 390, 392, 427
атропатчан 340
аугаси 47, 300, 351
ашкузай (ишкузай) 88, 246, 260, 275,276, 292, 310, 313, 314, 315, 322, 323
багыш (бакыш) 54
бакай (баки) 53, 54
байан 54
байандур 120, 149, 261
байат 54, 141
байаут 54
байгур 54
багун 175, 350
багу 175, 350
бакан 72, 117
бакал 54
баланджар 354
баласа (баласич) 71, 99
балкар 42, 54, 134
банжар 354
бараба 54
баразлар 54
барак 54
баран 54
баранты (берендей, веренде) 54, 232
баркут 354
барлас 54
барсан (варсан) 54
барсил 54, 127, 134, 309
баршы 54
басар (базар) 54
басил 54, 75, 116, 128, 134, 135, 138,192, 224, 225, 241, 253, 290, 294, 309,
334, 338, 343
басыз 54
бастарна 78, 104, 259
башкир (башгурт) 50, 51. 54, 257;258, 297, 301
бачанак (печенег). 54, 259
бекдили 141
беренде (веренде) 107, 232
беркут 257
березлер 179
бел 235
бечене (бджене) 104, 350
бизал (бозал, бузал) 54, 139, 140, 253
бозалганлы 140
боздоганлу 257
бозлу 257
болгар (булгар) 14, 41, 46, 50, 51, 75,103, 108, 109, 120, 127, 133, 134, 135,
137, 197, 240, 241, 310, 320, 331,345, 354, 404
болгарлу 133
боро-найман 257
боро-талмат 106, 257, 308, 333
борчали 54

бостан 54
босун 54

будин 257, 330, 331, 337
буди 25, 339, 330, 252, 257
боут 257
бугу 150, 257
будат 257
будугцы 33, 158, 161, 167
бузал 253
см. также бизал
булагачин 54, 96
була-чопон 107
бура 257
буркут 54
буртас 320
бур у т 54
бурчевичи 75
бурунсадак 124
бус 25, 54, 252, 253, 339
бусурман 253
бучман (бушман) 52, 54, 253
варсан, см. барсан
ват 71
вейнах 80
веренде, см. баранты, беренде

г

гав 71, 72
галеш 360, 361
гамар (камар) 317
гамер 317
гамирра 316, 317
гамирк 318
см. также камар, киммер
тарабай (хоровой), см. карабай
гарган 78
таргар (на Северном Кавказе) 77, 78,280, 309, 320, 336, 338
таргар (в Атропатене) 74, 80, 345,349
таргар (в Албании), 14, 22, 24, 31, 49,50, 51, 65, 71, 72, 77, 78, 79, 80, 81,
101, 123, 124, 137, 193, 194, 195, 197,202, 204, 210, 225, 394, 396, 398, 415,
429, 434
таргар (в Туркмении) 80, 81
гаргар (в Грузии) 77
см. также каркар
таргариди 81
гардманцы 123, 186
тат 14, 71, 72, 142, 156, 158
тел (в Атропатене) 26, 125, 144, 170,347, 348, 357,
тел (в Албании) 14, 72, 73, 125, 145,158, 160, 166, 167, 168, 170, 172, 173,
178, 186, 195, 359, 360, 361, 393, 416
телаву 167, 170
телоу 168, 170
гелой (гели) 168, 170
гелон 293
гениох 157
гиази-хопон 106
гиляк 170, 360, 361, 365, 383, 385, 483
гиркан 72, 145, 178, 179, 322, 344, 345,259, 360, 363, 364, 365, 385, 392, 412
гиргил (гыргыл) 116,351
глуар (глвар) 72, 186
торган (гурган) 141

торос 55, 131
см. также Хурс
тугар (гогар) на Сев. Кавказе 10, 31,193,197,338
тугар (гогар) в Грузии и Армении 31,193,197,240,241
тугар (в Албании) 71, 73, 103, 107,193, 197,240, 241
см. также гугарчи, куйарчи
тугарчи, см.кугарчи
ТУН (на Сев. Кавказе) 24, 31, 41, 46, 75, 114, 123, 124, 125, 196, 197, 290,337, 427, 434
тун (в Албании) 24, 49, 50,71, 72, 101,103, 124, 125, 126, 127, 134, 137, 177,
227, 337, 395, 398, 405,415, 422
тун (в Атропатене) 125, 345, 351, 359,385, 422, 437
тундур 149
гурган 141
тух ар 197
кухарли 197

Д

далай 90, 248, 249, 339
даначи 119
дарей (дорейт) 248, 257
см. также дорейти
джалаир 141
джигб (чигб) 50, 71, 72, 142. 155,156, 164, 168, 195
джинли 241, 242, 243
джиркин 56, 141
джужан 123
джурйат 141
долон 141
дондар (на Сев. Кавказе) 135, 137,249, 280, 310, 320, 337, 338
дондар (в Албании) 72, 81, 135, 136,137, 197, 349
дондар (в Атропатене) 345, 351
см. также тондар
дондарлу 136
дорбет 123
дорейты 25, 248, 257, 322, 343, 346
досмат 333
дулу 137
дурдзуки 34

и

ибер 61, 63, 153, 159, 160, 319
ива 141

ижмах 71, 72, 117
ингилой 14, 160, 169, 170, 173, 193,
ингуш 80
ир (ирон) 161, 166
ирк (йирк) 292
иркин 292
иркит 123, 292
иртим 106
исадик 80
искил (эскил) 135, 309, 354
искнт 54, 276
искутай (искудай) 54, 88, 260, 275,276, 313, 314, 315, 316, 323, 333, 339.392
исонд 123, 149
исседон 176, 294, 296
ишгуз (ишкузай) 87, 88, 246, 304, 314,323
ишкил (искил) 275, 309
ишкул 354

е

еврей 183, 184
едил (тил) 139
елимей 341
каба 55
кабай 55
кабан (капан) 55
кабар 55, 139, 140, 290
кабирли (кебирли) 139
кабуксин (кабукшын) 52, 55, 96, 106
см. также хавуксин
каджар 55, 197
кадус 25, 144, 178, 245, 259, 319, 341,343, 345, 347, 348, 357, 359, 360, 361,
363, 364, 365, 385, 392, 483
казан (газан) 119, 135
казанчи 55, 107, 119, 135, 136
казак (казах) 49, 51, 55, 74, 115, 141,288,337
каймак (кимак, гаймаг) 52, 103, 115
какасты (хакаслы) 54
калмак 55, 115, 296
калчид 158
камак 117, 337, 338
камар 55
камасин 55, 96, 320
Камбоджа 436
камичик-ефтал 396, 434, 437
камлар 320
кангай 103
кангар (в Юго-Восточной Европе)102. 129, 249, 380, 310, 320
кангар (в Закавказье) 49, 72, 101, 102,103. 104, 110, 124, 187, 188, 240, 349,
395, 429
кангар (в Атропатене) 344, 345, 349,

352
кангар (династия) 352
кангам 55, 103,249
канглы 55, 92, 103, 248, 249
каныk 55
капан, см.копон
капчагай-матай 251
карабай (карабаг) 52, 55, 106, 108,114
карабакли 108
карабюрк 123
караджур 140
кара-алмат 257, 33
карадон 257, 295
караман 52, 55, 110, 153
карачаевцы 42
карачор 139
карачорлу 140
кара-тумат 258
карга 55
каркар, см. гаргар
каркас 55
карлук 55
кармыш 55
карх 25, 55, 259, 345, 351
кас (кассит, кашшу) 25, 26, 27, 49, 92,122, 345
кас (каш) — тюркское племя 191, 192,.346
см. также каш
касак (казак) 51, 55, 102, 192
касар (хазар) 55, 192

касыл 192
касмат 333
каспи (в Мидии и Атропатене) 25, 2627, 31, 36, 62, 76, 144, 190, 191, 192,
248, 259, 322, 324, 343, 345, 346, 347,361
каспи (в Албании) 24, 65, 71, 72, 73,74, 134, 137, 189, 190, 191, 193, 303,
215, 345, 393, 394
.каспи (в Средней Азии) 190, 192, 321,346
каспи (в Грузии) 190
катаган 55
катай (у башкиров) 114
катай (у гагаузов) 114
катай (у казахов) 114
катай (у каракалпаков) 114
катай (у ногайцев) 114
катак (катай) в Албании 14, 55, 72,101, 114, 115, 116, 227, 398, 429
катиар 55, 115, 307 каш 25,191, 192
кашкай 55
кашлык (кышлык) 192
кашшу, см. кас
кач, см. кас
качинцы 55, 191
кенджек 46, 49, 51, 52, 94, 103, 323.479
кейбал (койбал) 253
кенже (кенджек) 94
кенже (генже) 94
кенже-капчагай
кенже-матай 251
кенжик
кенгерли 102, 133
кенгерли-хоруслу 132
кергил 55, 72, 101, 116, 137, 192, 292,309,351,429
керкет 55, 116
керемучин 96
керет 161
керки 116, 429
керингани 384, 392, 388
кет 158
кимат 55
киммер (камар) 10, 25, 55, 87, 88, 289,316, 318, 319, 338, 385
кингит 120, 141
кипчак 14, 25, 103, 120, 123, 134,141
кирти 348, 364, 539
киргиз 55, 74, 258
кырк 351
ков 55, 108
кол (кул) 14
кол (в Албании) 14, 72, :1;08, :Щ9, 429
кол (кул) (болгарское племя) 109
кол (кул) (кипчакское племя) 354
кол (у узбеков) 110
кол (у тувинцев) 110
колман 52, 55, 110
см. также кул
колмат 354
колхи 69, .70
комар 319
см также камар,;киммер
комат
конграт 55
копон 107, 353
корбрен
косее 345
крызцы 14,33,167

куарчи-(куйерчи) 197
кува (куба)
кувйар 55, 235
куерци-чур 106, 197
кузай 55
кугарчи 106, 107, 197
;кузан (кузен) 55, 137
гкугерчи (куйерчи) 106, 107, 353
куман (коман) 55, 110, 117, 320
куманди 55, 236, 429
,кумат 335

кумык 117
гкумирдийцы 90, 248
кул (болгарское племя) 109, 110, 135, 354
кул 55, 109, 354, 429
кул (у татар) 110
кул (у туркмен) 110
кул (у хакасов) 110, 141
кул (печенежское племя) 354
кулоба 55, 109, 110
кулобичи 75, 260
кулас (хулаш) 55, 139, 140
кулпей55, 106, 110, 260
курд 365, 383, 384, 388, 392
куригир 135, 261
куркан (горган) 55
курчин 55, 96
кути (гути) 25, 26, 34, 36,144
кутрпгир 261
кусар 55
кушан 286, 337
кушчу 55
куч 55, 123, 141
кучар 55
кучобичи 75
куш 119
кушан 286, 337
к 540
лбин (лубин) 14, 22, 24, 50, 142, 151,152, 154, 160, 164, 195, 215, 394, 397,416
лезгин 24, 70, 156, 167
лег 72, 73, 142, 166, 167, 359, 393
лулубе (лулуме) 26, 27, 35, 36
лоло 100

м

маади 251
маг (муг) 25, 73, 121, 172, 173, 191,238, 247, 249, 252, 254, 329, 339, 359
мад 238
мада 238, 248, 250
мадай 61, 246, 247, 250, 251, 274, 330,339, 342, 343, 392
см. также матай
маджар 128
мадяр 286
манна (мана) 26, 55, 246, 247, 248,249, 252, 255, 274, 339, 340, 392
мангас (манас) 55, 248
мангн 248
мангит (мангут) 55, 248, 309
мангол 55
мангиш 248
см. также Мунгас
манси 55, 248, 286

манхол 248
мард 72, 144, 145, 178, 343, 344, 347,348, 359, 360, 363, 364, 365, 385, 412
масагут 176, 177
маскар 55
маскут 55, 71, 72, 114, 125, 127, 147,167, 173, 174, 175, 177, 178, 183, 186,
189, 190, 394, 395, 410, 412
массагет 55, 114, 143, 174, 175, 176,177, 288, 289, 319, 322, 333
мат 251
матай (мадай) в Мидии 26, 55, 61, 90,249, 250, 274, 290
матай (тюркское племя) 74, 251
см. также аталыг-матай, капчагай
матай, кенже-матай
матай (в Снбирии) 251
матай (в Казахстане) 74, 251
матар (мадар) 55, 251
маты 53, 55, 251
матиен, матнан 25, 26, 34, 35, 343, 345,346, 357, 358, 360
матикай
мегрел 24
менке 248
мехран (михр) 71, 72, 186, 188,410
мик (мюк) 71, 143, 144, 145, 147, 258, 343,358
митан
мовакян 14. 72, 170, 172
монгол 5е 149, 248
'монгулдур 149
мох 258
мунгас 55
муйтен 346
мунгуш 248
мханц 147
монгуш 248

0
огуз 43, 45, 46, 47, 49, 55, 404, 407, 420
ойрат 141, 309
онгут 54, 141, 309
оногур 46, 125, 261
олет (элет) 308
оран 72, 119, 121, 150, 310, 337
ориней 119
орыс (ору с) 255, 334
ютены 143, 145, 222
осетин 163, 166, 175, 285, 286, 290, 201,307, 336
охсун 55, 135

п
павсик 248, 257, 259, 322, 343, 346
панксан 104, 290
пантимат 25, 248, 257, 322, 343, 346
паралат 54, 307, 308
паратакен 25, 252, 339

парикан 32, 343
парн (апарн, обарен) 45, 178, 179
парси (паррасии) 72, 178, 180, 359,259, 343, 359, 361, 362, 363
пасиан 104, 259
пасх 71
пачанак 103, 104
пачаник 103, 105
пестик 259
печенег 14, 46, 51, 72, 101, 104, 105,115,124,137,197, 227, 233, 240, 310,
349, 394, 396, 398, 399, 415, 429

пиконак 104
тюсх 71
пох 71
пюкуан 72

Р

рани 59, 66, 72, 160, 170
рутульцы
роксалан 125, 334, 337
росмосок 146

с

савар (сабир, сувар) 14, 41, 46, 49,51, 56, 72, 101, 125, 127, 128, 129,
131, 137, 197, 211, 290, 310, 385, 320,349, 395, 398, 402, 404, 429

саварты-асфалы 129
савдей (цоде) 22, 123. см. цавдей
савромат 56, 128, 257, 288. 293. 330,331,332
сагай 56, 90, 118, 191
сагат 90
сагарти 143, 147, 321, 333, 342, 343
садак 56, 345, 349, 351, 429
сак (в Средней Азии) 10, 14, 82, 91,92, 101 175, 206, 208, 278, 288, 320,
321, 322, 325
сак//сака (в Мидии и Атропатене)25, 28, 40, 69, 84, 85, 192, 124, 192,
246, 313, 321, 322, 323, 324, 325, 327,328, 343, 344, 351, 381, 385,392
сака//сака (в Албании) 14, 24, 49, 50,69, 71, 74, 83, 84, 86, 96, 100, 137.
187, 188, 235, 312, 324, 394
сакай 56, 90
сакал 91
сакаит 56, 90, 110
сакан 56, 97, 118
сакасан 83, 88
сакар 90
сакесан 83, 88
сакесин 52, 62, 69, 72, 83, 88, 96, 97,340, 341
сака (саке) 90
см. также шага, шакай, шекей
сакман 56
сакчак 52
сал (зал) 56, 351
салар 56, 352
салгур (салар) 56, 141
салчак 56
самак 56
см. также камак, ижмах, шамак
самат 56, 334
самыр 56
сарай 56, 18
саранг 143, 259
саргай 118
сарал 56
сарар 118
саргат 56, 256
сарыбахыш 149, 257
сарыг 118
сары-каш 192
сармат 10, 56, 72, 77, 78,118,132, 257.278, 289, 309, 328, 329, 330, 331, 332,
333, 334, 335, 337, 338, 339, 437
сармат-телеу 334
сарагур 46, 251, 294

сарт 56, 118
сат 56, 118
сатак (садак) 56, 124
сатар 56
саты 53, 56, 124
саха 90, 91
сахур (цахур) 156, 167, 168
севордик 129
силв (чигб, цилб) 14, 22, 50, 71, 72,142, 151, 152, 154, 156, 160, 164, 168,
193, 195, 215, 393, 394
силпигур
сирак 56, 103, 240, 335, 336, 337, 345,349, 355, 429
см. также чирак, ширак
сирмат 329
сиру-калбей 106
скиф (скит, скут) 10, 28, 40, 83, 84,85, 86, 124, 251, 274, 289, 309, 314,
315, 322, 323, 385
сколот 275, 276, 291, 305, 307, 308,309, 313, 315, 333, 381, 384
скудата 275
суан 56
субар 25, 36
суван 56
сувби (су) 25, 35,36
сугдак 89
судж 72, 165, 166, 417
сунби 248
сукаит 56, 120, 141,
сунит 141
сул (чул) 112, 113
сулак 56
сулон 112
суран 72, 97, 118
со (су) 35, 36, 56
соде 123
соли (сули) 155
соен 56
сойон 56
сойот 56
солон 56
солту 56
сосу (шошу) 56
струхат 25, 56, 252, 333, 339

т

табасаран 71
тапатаран 71
табын (табан) 56, 258
табар (тавар) 56
табел 56
таваспар 71
тавр 248
тавар (товар) 248
таврис 56, 248
таврлай (таурлай) 90, 248, 322, 339
тагай 90
тайласан 360
тал 249
талмат (толмат) 52, 56, 106, 111, 333
талмач 111, 429
талыш 346, 348, 357, 359, 360, 361,383, 384, 385.388, 392
тама 56, 258
таман (туман) 258

тамане 56, 143, 258, 339
тамгалыг 141
тана 119, 315
тангут 141
тапур 322, 348, 360, 364
тары 249
тарак 249
тараkты 249
тарлык 249
таргил 56
тарна 139, 241
тартар, см. тертер
тат 73, 145, 181, 182, 183, 184, 185363, 383, 384, 388, 409, 412
татар 95, 141, 186
теле 137, 138, 249, 257
теленгут 257
телес 247, 273
телеут 95, 257, 258
терек 56
терел 316
теркеш 137
тертер 14, 49, 56, 72, 101, 122, 137, 316,395,429
тертробичи 75, 122, 260
теурлай, см.таврлай
тиркут 309
тиссагет 177, 292, 296, 333, 337
товар, см.тавар
токае 56
токсобичи 74
тон (тун) 56
толос (тулус) 56
толо 249
ториат 56, 242, 249
торигат 56, 242, 249
торо 249
торы 249
траспи 295, 307
трер (трел) 87, 316
туба (тува) 56, 118, 137
туг (тук) 56, 123, 141, 232
тукар (дукер) 56, 141
тукуз (тугуз) 56
тумак 56
туман 56
тумат 56, 292, 333
тун-катай 114
туку 56
тур 327
тура 327
туран 56, 93, 327
тургай 90
тургак 56
турган 56
турк 56, 93, 321, 338
туркай 56, 273
туркеш 137
туркмен 52, 56, 74, 110
туркут 56
турыман (дурман) 56
турук 25, 35
турут 56
турчай

У
убых 71
уграк 103, 115, 335
угуз (огуз) 351
уди, см. ути, удин
удуит 150
удин (в Снбирии) 150, 261
удин (на Северном Кавказе) 149, 150
удин (утн) в Албании 22, 34, 72, 74,142, 147, 148, 150, 156, 167, 178, 187.
195,407,
см. также ути
у дулу 54, 150
узбек 54, 74
узкундур 149
укси 259, 345, 351
уран 119
уранкай 54
урартцы 26, 36
урлат 54
урус (орус, орис) 54, 57, 123, 140, 150
урум 147, 367
урут 57
усун 92
ути (утийцы) 22, 24, 26, 34, 49, 54, 64,70, 71, 72, 80, 123, 142, 143, 144, 145,
147, 149, 150, 178, 200, 204, 222, 258,259, 343, 345. 358, 359. ^10, 428 .
уйти 145, 347, 348, 361, 365
утнгир 150, 261
утидур 46, 54, 149, 261
утидорс 54, 149
хавуксин-гила 106
хакас 54, 95, 273
хазар 14, 41, 75, 103, 127, 134, 138,139, 152, 192, 227, 228, 242, 310, 344,
350, 354, 385, 391, 398, 402
хазарчен
хайландур 46
харзани 384. 388, 392
хамекнты 80
ханти 286
халхали 384, 392, 388
хапутлинцы 33, 158, 161, 162
хартаган 141, 257
хел, см. гел
хенук 72, 157
хечматак 72, 76, 185, 407
хиналугцы 24, 71, 142, 156, 157, 158.162, 167
хон (Ион) 112, 125, 126, 133
хопон 106
хоровой 106
хрсан 71, 72, 130, 186
хуррит 26, 27
хурс 14, 49, 50, 72, 101, 129, 130, 131, 132, 133, 137, 174, 227, 290, 310, 345,
349, 385, 395, 399,429
хуши 337

h

hалби 153, 193

hер {эр} 14, 50, 72, 142, 159, 160, 161,
162, 164, 165, 166, 195,393,417

hеруд 161
hоруд 161

hурум,см.урум

Ц

цавдей (савдей, цоде) 24, 71, 72, 123, 124,365
цанар 97
цахур 24, 33, 70, 156, 142, 160, 195, 424
цилб 154
цопон 106
цекан 97
цур 106

ч

чавундур 149,261
чагат
чапар 56, 135
чакмак 56
чакерлу 135
чалман 110
чалкан (челкан) 57, 114, 137
чэлмат (чулмат) 57, 111, 114
чапни 141
чт 256
чаты 256
черкес 56
чен (тчен, джин) 241, 242, 243
черчк 56
чечен 80
ешмадан 407
чигб 71, 72
чпптл 56, 116, 120, 192, 155,309
чнрак, см. снрак
чираклу 336
чылпак (чулбаг) 52, 57, 114
чорман 57
чорос 57
чувалдар
чуваш 273
чул (чол, сул) — в Албании 14, 24,54, 41, 49, 50, 72, 101, 112, 113, 114, 124,
137, 147, 385, 395, 397, 398, 399, 422,429
чул (чол, сул) — в Туркмении 111,112, 113. 353
чул (в Атропатене) 345, 350, 352, 353,385, 422
чулмат, см. чалмат
чур, чор 57, 106, 107, 115, 232, 429

ш

шага 90
шадман 56, 110
шакай 90
шаклар 90
шакчы (шакшы) 91
шамак 50, 101, 103, 117, 137, 335
шамака 117, 118
шамакей 117, 118
шамаке 117, 118
шарван 72, 97, 117, 118, 190
шато 137
шаукай 90
шейбан 402
шекей 90
шермат 333

шпл (чилб) 72, 168
см. также силв
ширак 56, 240, 435
шомекей 117

э

энарей 298, 333
эниен 366
эниан (айниан) 73, 145, 147, 237, 259,345, 359, 365, 366
эламцы 346
элван 74
элджигнн 141
эорпата 296
эр, см.Ьер
эрсари 256
эскил (эсегел) 116, 192, 252, 256, 309,354

эскел (аскал, искил, ишгил) 275
эфталит 71, 280, 243, 281, 434

ю

юрмат 258
яксамат 334
ялут 301, 302
языг 337

Антропонимы

А

Абага 337
Абак 337
Абас 24, 460, 463
Абатай 337
Абеак 337

Абиказ 75, 460, 461
Агбуга 228
Адай 266,
см. также Ата
Адзарбад 339
Аза 35, 266, 273
Азак 266
Азарбад 341
Азин 483
Айбас 304
Ай-Каган 76
Ай-Моко 76
Айтак
Айтин 228
Айбак 273
Албан-Мерген 76
Албанчас 76
Андок 460, 463
Алп-Арыз 459
Алп-Куш 65
Алп-Манаш 462
Алп-Туран 327
Алп-Эрен 459
Алп Эр Тонга 326
Алтунтак 269, 464

Алтун-Таш 65
Амак 268, 334
Амам (Ьамам) албанский царь 226, 273
Амамаш, правитель Манны 267, 272,273
Амахар 267, 268
Апак 336
Апи 302
Аписет 302
Араксун 270
Аран (Еран) 75, 78, 79, 80, 101, 145,.188, 447, 202, 213, 228, 273, 339, 431,460
Аратан 75, 269, 447, 460, 46Г
Арбак 268, 272
Аргимпас 303
Ардарай 267, 271
Арзу-хатун 228
Аркасун 270
Арсианши 271, 273
Арпа 306
Арпаксай 306
Арпахан 306
Артабазан 340^
Артай 272
Артак 269
Артик 268
Артук 269

Асай (Есай) 266, 273, 461

Асан (Ьасан) Джалал 228, 463
Асан Тугай 463
Асау 266, 273
Асей 461
см. также Асай
Аскал 310
Аспак 273, 303
см. также Ишпак
Аспарух 462
Аспрокос 447, 460, 461, 462
Астиаг 254, 269
Асу 266
Ата 266, 273, 303
Атай 266
Атей 266, 273, 303
Атарли 347
Атропат 339, 340, 423
Афрасиаб 327, 328
Ахшери 35, 271

Б

Бабик 227, 460
Багазушта 347
Байанчур 272
Байдак
Байсан 272
Базу 347
Бакур 447, 460. 462
Барсбек 305
Барбари 347
Батбай 318, 462
Бату 318
Башинак
Бенямин 65, 460

Беф 347
Билге Каган 306
Боди Каган 257
Болах 309
Болгар 134
Борак 461
Борик 461
Боритай 306
Боролтай 305
Борочар 272
Букдай 305

В

Вараз
Васак 227, 244
Вачаган 396, 460, 464
Вахан 243
Вече 460, 464
Виро 24, 460
Газан (Казан) 75, 132, 227, 396, 447,460, 462
Гарманосан 272, 447, 460
Гарпаг (Ьарпаг, Арпак) 268
Гелинэ 460
Гойтосир 303
Гуюк 272
Гор 132, 227, 396, 447, 460

Д

Давдак 75, 201, 269, 460, 463
Давкет 305, 463
Дад266
Дадай 266, 267
Дайаукку (Дейон) 269,275
Дана 315
Дарга 347
Джалаиртай 305
Джамкур 319
Джучи 267, 318
Дундарбек 136
Дондарбек 136

З

Занезан 272, 273
Зариш 267, 268,272
Зата 267, 273
Зирткин 336, 460
Зобер 75, 460
Зоберхан 460
Зорсин 336

Е

Есан 463
Есваген 460
Есен Буга 463
Ештек 463

И

Инбулийа 347

Иппулийа 347
Иранзу 35, 270, 273
Испак 304
Искил 309

Ишбай 304
Иришини 271
Истеми 269
Ишпак 304
Ишпакай 87, 268, 275, 304, 322, 324
Иштек 463
Иштелику 269
Иштесуну 269
Иштивегу 269
Моги 461
Пирок 447, 460, 461
Пирншат 273
Пуллуйан 347

С

Санатрук 235, 236, 318, 447
Санаш 267, 268, 272
Сандакшатру 318
Сандыр 319
Сандул 318
Сандагач 319
Сандакур 263, 273, 318
Санкур 318
Санесан 177, 235, 272, 273, 395,460
Сата 273
Сато 75, 268, 447, 460, 463
Севар 460
Скил 309
Скилур 309
Скифарб 306
Скопас 303
Скунха 91
Сираш 267, 268, 272
Сисак 211,224
Сонкур 319
Спаргазун 305
Спаргапит 304
Сулу 270
Суташ 268

Т

У

Убил (Вабил) 347
Удаки 35
Уйгуртай 305
Узун Колпак Муратай 305
Уксатар 270
Улусун 35, 270

Урбатайр 75, 447, 462
Урнайр 75, 212, 447, 460, 462
Урси 267
Урхан 267
Уру 206

Урузбек 212, 459
Урузходжа 459
Урус 459
Урустай 305
Урусхан 459
Ухтанес 460

Х

Хайха 347
Ханазирука 270
Хандакур ЗГ9
Хамам 463
Хасан Джалал (Асан Джалал) 464
Хулагу 308
Хурс 75,-186,'188, 447, 460, 461
Хонак 305
Хонахис 305
Хосген 447, 460, 461
Хочкорик 461

Ч

Чаукур 319
Чен-Бакур 243, 462
Чинку р 267, 319
Чиссатахма 342
Чул 114

Ш

Шамбат 244
Шатибара 347
Шарсин 271, 336
Шеро 460

Шингкур 267, 318
Шулусуну 35, 270
Шупхалишай 460, 465
Шушаник 460

Э

Энгур 263, 267, 272
Эргимпас
Эрисин35,270.271,336

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора……
Предисловие
ГЛАВА I. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ
ГЛАВА II. ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ АЛБАНИИ
§ 1. Вводные замечания
§ 2. Этнический состав
I.Тюркоязычные племена
Албаны
Гаргары
Саки
Кангары
Печенеги
Чолы(чулы)
Катаки

Кеоргилы
Команы
Ижмахи
Шарваны
Араны
Тертеры
Цавдеи
Гунны
Савары
Маджары
Хурсы
Болгары
Дондары
Племена Западнотюркского каганата
Хазары
II. Кавказоязычные племена
Удины
Лбины
Силвы
Джигбы
Гаты
Эры
Леги
III. Ираноязычные племенга
Гелы
Маскуты
Парны
Парсии
Мехраны
IV Неизвестные по этнической принадлежности племена
Каспии
Гугары
V. Армяне
ГЛАВА III. ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ АТРОПАТЕНЫ
§ 1. Маннейские и мидийские племена
§ 2.Скифы
§ 3. Киммеры
§ 4. Саки
§ 5. Сарматы .
§ 6. Атропатенские племена

I. Тюркоязычные племена
Каспии
Албаны
Гаргары
Сираки
Араны
Гунны
Садаки
Кархи
Дондары
Хурсы
Кангары
Чолы
Печенеги
Болгары
Хазары
Казахи
II. Кавказоязычные племена
Матиены
Утии

III. Ираноязычные племена

Кадусы
Гелы
Анариаки
Марды
Гирканы
Курды
Энианы

Глава IV. ЭТНИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В АЛБАНИИ И В АТРОПАТЕНЕ

§ 1. Вводные замечания
§ 2. Этногенез
§ 3. Этапы процесса формирования азербайджанского народа.

Глава V. ПРОИСХОЖДЕНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА
§ 1. Албанский язык

/. Древнетюркские топонимы в Албании
//. Древнетюркские слова в закавказских языках
///. Албанские личные имена
IV. Древнетюркские слова в топонимах
§ 2. Язык атропатенцев

/. Тюркские топонимы Атропатены
//. Древнетюркские слова в талышском и гилякском языках
§ 3. Этапы формирования азербайджанского языка 485

Заключение.
Указатель этнонимов, топонимов и антропонимов
Источники и литература

Редактор издательства *Н. Хатунцев*
Художник *В. Устинов*
Технический редактор *Т. М. Агаев*

ИБ № 2238

Сдано в набор 07.08.90. Подписано к печати 10.0691. Формат бумаги 60Х901/16. Бумага типографская № 1. Гарнитура шрифта литературная. Печать высокая. Усл. печ. Лист 34,5+1 вкл. Усл. кр. отт. 34,5+1 вкл. Уч.-изд. лист. 36,5. Тираж 6000. Заказ 218. Дог. цена 10 руб.

Издательство «Элм». 370143 Баку-143, проспект М. Азизбекова, 31, Академгородок, Главное здание. Типография им. 26 бакинских комисаров Государственного комитета Азербайджанской Республики по печати. Баку, ул. Али Байрамова. 3.